КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Т.Е. Эфендиева
С.И. Эфендиев
Ф.С. Эфендиев

Кайсын Шуваевич КУЛИЕВ

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

ТОМ III

К восьмидесятипятилетию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев

*

Кайсын Шуваевич

КУЛИЕВ

ДРУЗЬЯ ПОЭТА

*

ТОМ 3

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
2000

Серия «К Л И О»

(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)

Раздел «Архив». Выпуск 6 (Том 3)

Научный редактор **Р. У. Туганов**

Художник **М. М. Горлов**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Д. А. Напсо,**
доктор исторических наук, профессор **Е. А. Абдулова**

Книга выходит в авторской редакции

Э $\frac{4702250104\text{-}029}{\text{Т } 43\ (03)\text{-}2000}$ без объявл.

ISBN 5-88195-428-9

© Т. Эфендиева, С. Эфендиев, Ф. Эфендиев, 2000
© Издательский центр «Эль-Фа», 2000
© М. Горлов, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло около 15 лет, как умер великий поэт современности и выдающийся гуманист XX века Кайсын Кулиев, но имя его осталось в памяти миллионов людей нашей страны и за рубежом. О К. Кулиеве много написано монографий, статей, очерков, есть сборники воспоминаний, библиографические брошюры, защищены по его творчеству докторские и кандидатские диссертации по филологии. Есть и диссертация, защищенная на степень кандидата философских наук. Так, А. Намазова на ученом совете Азербайджанского госуниверситета в 1997 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы этики в творчестве Кайсына Кулиева». В настоящее время она пишет докторскую диссертацию «Духовно-нравственные проблемы в поэзии Кайсына Кулиева», а аспирант кафедры философии КБГУ Э. М. Мокаев — кандидатскую диссертацию «Поэзия Кайсына Кулиева как феномен культуры балкарского народа».

Творчество Кайсына Кулиева, его литературные взаимосвязи с писателями Востока и Запада являются актуальной научной проблемой изучения культуры народов не только России, СНГ, но и дальнего зарубежья. Это не случайно, так как Кайсын Кулиев — одна из вершин мировой культуры. Социально-философское осмысление духовно-нравственных ценностей культуры народов имеет исключительно важное значение для национального возрождения и укрепления дружбы и братства между народами.

Кайсын Кулиев всегда питал чувства искреннего уважения к другим народам и их культурам. Он всегда гордился истоками национальных начал в литературе горских народов, россыпи сокровищ которых он ставил на один уровень с самыми известными и прославленными именами культур многих народов. «Разве не все горцы, — писал он, — рады славе аварца Расула Гамзатова и успеху романов Алима Кешокова? Все мы одинаково горды тем, что горские народы имели таких мудрых и выдающихся поэтов, как мой земляк балкарец Кязим Мечиев, кабардинец Бекмурза Пачев, лезгин Сулейман Стальский, аварец Гамзат Цадаса. Все это — наше общее достояние, радость и слава»[1].

---

[1] *Кулиев К.* Рукопожатие друзей // Дудин М. Все вместе. Л.: Лениздат, 1972. С. 6.

Во всех национальных республиках, краях и областях бывшего Советского Союза и в зарубежных странах у Кайсына Кулиева были друзья, которые преданно и глубоко любили его. Они были уверены, что сын скотовода-охотника и простой горской крестьянки, не имевших ни одной книги в доме, кроме Корана, величайшую мудрость которого Кулиев постиг, будучи прославленным поэтом, — уникальное и исключительное явление в балкарской духовной культуре, удивительное и почти необъяснимое порождение человеческого духа.

Кайсын Кулиев и его друзья — это тема чрезвычайно интересная и обширная. До сих пор она остается неисследованной и одной из важных в кайсыноведении. Важной потому, что неповторимая личность Кайсына Кулиева не может изучаться в отрыве от его тесного окружения, от тех людей, которые были ему дороги и близки по духу, с которыми он был связан многогранной общественно-политической и культурной деятельностью.

Круг друзей Кулиева в поэзии и в его личной жизни очень трудно ограничить какими-то рамками и определенным количеством лиц. И хотя поэта с нами нет, этот круг с течением времени будет все больше и больше расширяться: Кайсын был очень чуткий к чужому горю и отзывчивый на дружбу человек, поэтому даже небольшое внимание привлекало к нему сердца людей. У него было много друзей, когда он учился в педтехникуме Нальчика, театральном институте Москвы, служил в Красной Армии, а потом сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Боевые товарищи считали Кулиева тоже своим другом и писали ему письма на протяжении всей его жизни. Просто знакомые поэта становились его друзьями, хотя истинных друзей у каждого человека не так уж много.

Безусловно, к числу друзей Кулиева относятся его старшие собратья по перу Союза писателей Киргизии, с которыми поэт-изгнанник был связан взаимными духовными узами, стихи и прозу которых он переводил с киргизского языка на русский. Он тогда работал секретарем русской секции Союза писателей. Председатель СП Киргизии А. Салиев, ответсекретарь Я. Шиваза, писатели Тугельбай Сыдыкбеков, Аалы Токомбаев, Алыкул Осмонов, Темиркул Уметалиев, Кубанычбек Маликов, Узак Абдукаимов, Сергей Фиксин, Николай Якубов, Якуб Земляк, Елена Орловская, Вениамин Горячих, Борис Орлов — вот небольшой список друзей Кайсына, с которыми он одиннадцать лет работал в одной писательской организации.

Правомерным представляется и наличие среди друзей Кулиева писателей, поэтов, переводчиков, побывавших в Кабардино-Балкарии. Это прежде всего те, кто переводил Кулиева с родного языка на русский, пользуясь подстрочниками: В. К. Звягинцева, Дм. Кедрин,

Н. Тихонов, Е. Елисеев, С. Липкин, Н. Коржавин, Н. Гребнев, Д. Голубков, М. Шехтер, В. Сикорский, В. Державин, Л. Шифферс, М. Петровых, М. Зенкевич, Д. Бродский, Я. Козловский, Л. Шерешевский, Б. Ахмадулина, О. Чухонцев, М. Синельников, Н. Кондакова, Я. Аким, Д. Долинский, В. Краснопольский, К. Симонов, А. Баева, М. Дудин, М. Еремин, Д. Самойлов, Ю. Нейман. Истинными друзьями на всю жизнь остались для него Мустай Карим, Давид Кугультинов, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Алим Кешоков, А. Твардовский, Керим Отаров, Константин Симонов, Александр Фадеев, Борис Пастернак, Левон Мкртчян, Мартирос Сарьян, Наби Хозри, Н. Г. Джусойты, Ираклий и Григол Абашидзе, Микола Бажан, Вл. Сосюра, Анна Ковусов, Назир Хубиев, Осман Хубиев, Симон Чиковани, Аркадий Кулешов, Борис Олейник. Общение с ними многое дало горскому поэту, и он всегда гордился дружбой с ними. «У меня много друзей от Ленинграда до Еревана, от Махачкалы до Ашхабада, от Сахалина до Карпат, — писал Кулиев в статье «Широкие горизонты». — Их письма, телеграммы доставляют мне большую радость и утешение, когда мне горько. Я радуюсь их успехам, как своим, неудачи их я переживаю, как свои. Так воспитало нас наше время. Дружба людей и дружба народов для нас священна»[2].

Художественно отображая этот процесс реальной жизни, Кулиев писал в 1976 году:

Брат мой с Рязанщины голубой,
Брат мой с седых Карпат,
С вами увенчан одной судьбой
Я, ваш балкарский брат!

Брат мой с киргизских жемчужных гряд,
Брат мой с балтийских дюн,
С вашими рядом — ясней мой взгляд,
Мир в нем — цветущ и юн.

Брат мой с днепровских раздолий,
Брат с грузинских теснин,
Союз наших сердец нерушим.
Он свят святостью братских уз.

Без вас, как былинка, я слаб и мал,
Без вас — навек одинок.
А с вами — я крепче чегемских скал,
Как вечный Эльбрус, высок[3].

Перевел *Д. Долинский*

---

[2] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 38, л. 33.
[3] Кабардино-Балкарская правда. 1977. 1 нояб.

Закономерным является, конечно, упоминание о родственниках Кайсына, которые одновременно были и его друзьями, в доме которых он не раз бывал со своими гостями и до конца жизни поддерживал с ними тесные родственные связи. Это его старший брат Аубекир Кулиев, сестры Марьям и Шахидат Кулиевы-Узденовы, Марзият Маньяева-Узденова, племянники Ахия Ахматов, Исмаил и Сагид Кулиевы, Магомед и Бузжигит Малкаровы, племянницы Алла Атабиева, Фатима и Феруза Кулиевы, внучка Лейла Джиоева — дочь Жанны.

Были его душевными друзьями многие кабардинские и балкарские писатели, с которыми он начинал свой творческий путь, дружил, и те, кому помогал начинать свой путь в литературу.

Особым вниманием поэта пользовались женщины. Они тоже были друзьями Кулиева. Его женское окружение — это трогательный и прекрасный мир чувств, неповторимый своей привлекательностью. Кулиевские женские образы — это не только любящие жены, матери, сестры, это — олицетворение чистоты и благородства, доброты и верности. Такими для него были Лия Ерусалимчик, Валентина Лебедева, Вера Максимовна Сидорова, Елена Орловская, Т. Марутова, Регина Кафриэльянц, Мака Дахкильгова, Валентина Брайловская, Зульфия, Марика Чиковани, Лейла Мечиева, Н. Кешокова, Сильва Капутикян, Амина Залилова — жена поэта Мусы Джалиля, Мария Гавриловна Сосюра, Нина Бажан, Элизат Кульбаева, Нина Виссарионовна Маргиани, Лайма Адерсон, Индира Ганди, Марта Вебер, Наталья Гасташева. Они стали для Кулиева поэтическими Музами, вдохновившими поэта на создание прекрасных строк.

Список друзей Кулиева не может быть окончательным. Невозможно перечислить многочисленных друзей Кайсына Шуваевича Кулиева. Они были и остаются во всех республиках, краях и областях России, в СНГ и зарубежных странах. Каждый, кто возьмется за эту тему, найдет много документальных материалов, стихотворений Кайсына, посвященных друзьям. А его статьи и очерки о них, личные письма поэта, в которых тоже много сказано о его дружбе с ними, — это документы эпохи и личных взаимоотношений людей. О многих из них говорилось в первом и во втором томе книги «Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта» (часть 1, 1917—1958 гг., и часть 2, 1959—1985 гг.) проф. Эфендиевых — Салиха Ибрагимовича, Тамары Емельяновны и Фуада Салиховича. Книга издана к 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева издательством «Эльбрус» и издательским центром «Эль-Фа» г. Нальчика.

В настоящее издание вошло 22 очерка из первой и второй части. Из них 12 очерков о российских друзьях Кулиева и 10 — о друзьях из СНГ — Грузии, Армении, Киргизии, Украины, Казахстана и из

Прибалтики. В них включены стихотворения Кулиева, посвященные друзьям, его высказывания о них, взятые из статей, личных бесед с поэтом, и архивные материалы ЦГА КБР (ф. 852), архивного центра новейшей истории КБР (ф. 693 — Союза писателей КБР), а также ЦГАЛИ СССР.

Отдельной книгой идут воспоминания современников К. Ш. Кулиева. Они тоже считают себя друзьями Кайсына Кулиева. Их около 80. В них — ценные крупицы по биографии поэта, приметы времени, знания в области развития литературного процесса эпохи социализма, длившегося около 70 лет. В этот сборник вошли очерки воспоминаний друзей и товарищей годов учебы, военной поры, по работе в советской литературе, жизни в Киргизии и Кабардино-Балкарии. Это в основном воспоминания работников партийных и государственных учреждений, деятелей науки и искусства, общеобразовательных учреждений и библиотек, простых рабочих и соседей, которые близко знали поэта. Они дают широкое представление о К. Кулиеве как о поэте, общественно-культурном деятеле и человеке.

Среди авторов воспоминаний писатели КБР: Б. Черемисин, В. Кузьмин, Адам Шогенцуков, Хажбекир Хавпачев, Петр Шевлоков, Хамиша Шекихачев, Зубер Тхагазитов, Борис Кагермазов; композиторы и артисты КБР: Дж. Хаупа, Мустафир Жеттеев, Вл. Молов, Аслан Дауров, Ибрагим Маммеев, Елена Барсокова, Зариф Бапинаев, Наталья Гасташева, кинорежиссер В. Вороков; профессора Борис Кулиев, Дж. Н. Коков, С. К. Башиева, Е. Абулова, Д. Напсо, М. Улаков, Борис Зумакулов, Т. Е. и С. И. Эфендиевы; бывшие партработники Мухажир Кульбаев, Ханафи Хутуев и многие другие современники поэта.

Авторы данной монографии выражают глубокую признательность Кериму Супияновичу Кучменову, Амирхану Тутовичу Кушхову, Максиму Азамат-Гериевичу Панагову, Мухамеду Хамзетовичу Кудалиеву, Султанахмеду Насуровичу Гаджикурбанову, Алию Хакимовичу Атабиеву, Алию Наурузовичу Тюбееву, Виктору Ивановичу Пунаржи, Джамалу Курбанбиевичу Туменову, Бахаудину Магомедовичу Сарбашеву за оказание финансовой помощи.

Нынешнее и будущие поколения будут благодарны им за увековечивание памяти великого поэта XX века — Кайсына Шуваевича Кулиева.

Эфендиева Тамара
Эфендиев Салих
Эфендиев Фуад

Часть I

*

Друзья Кайсына Кулиева

*

...Я НА ЗЕМЛЕ НЕ ОБДЕЛЕН ДРУЗЬЯМИ.

К. Кулиев

БОРИС ПАСТЕРНАК И КАЙСЫН КУЛИЕВ

...Очень люблю Вас и верю в Вас.

Б. Пастернак о Кулиеве

Долгие годы этих поэтов связывала дружба, проверенная временем и годами лихой беды. Знали они друг друга с 1939 года, когда Кайсын Кулиев учился на актерском факультете Театрального института имени Луначарского в Москве (ГИТИС). Еще никому не известный молодой горец, имевший только одну напечатанную в местном издательстве небольшую книжку стихов «Здравствуй, утро!», и прославленный поэт. Познакомила их в тот год Мария Сергеевна Петровых, будущая переводчица стихов Кулиева на русский язык.

Поэзия Бориса Пастернака нравилась Кулиеву. И когда в 1968 году корреспондент журнала «Вопросы литературы» спросил Кайсына: «Откуда вы ведете свою поэтическую «родословную»? Кого из поэтов и писателей считаете своими учителями и непосредственными предшественниками?»— он назвал в числе других Пастернака, прибавив: «Пастернак научил нас умению говорить одновременно о самом простом, элементарном, и о самом высоком. Его поэзия — сочетание колосьев и звезд»[1].

Дружба их началась с ноября 1942 года. Они встретились, когда Кулиев приехал с фронта на несколько дней в Москву по вызову Политического управления и А. А. Фадеева. В честь поэта-фронтовика был организован творческий вечер. На вечере присутствовали: Фадеев, Асеев, Самед Вургун, Перец Маркиш, Мамед Рагим. Был и Пастернак. Переводы стихов Кайсына читали мастера слова —

[1] *Кулиев К.* Буду учиться, пока живу // Вопросы литературы. 1968. № 11, С. 119.

Мария Петровых, Дмитрий Кедрин, Вера Звягинцева, Михаил Зенкевич. Вспоминая об этой встрече с известными писателями и поэтами, Кулиев сказал: «Мне была оказана честь. Это я понимал».

И через пять лет, когда Кулиев находился во Фрунзе и работал в Союзе писателей Киргизии, Борис Пастернак не забыл молодого поэта, очень нуждавшегося в те годы в дружеской поддержке, во внимании и сочувствии. Это было время крайней административной и идеологической жестокости. Но она оказалась бессильной и не могла разрушить дружбу, искреннее сострадание и взаимопонимание близких по духу и культуре людей. Пастернак и Кулиев переписывались в течение десяти лет, начиная с 1947 года по 1957-й. Пастернак с полной откровенностью и искренностью делился своими мыслями и раздумьями об искусстве, литературе, о нравственно-этических вопросах жизни, нуждаясь в письменном общении с Кулиевым не меньше, чем Кулиев с ним. В одном из писем к Елене Дмитриевне Орловской от 10 мая 1947 года Б. Пастернак писал: «Я очень хорошо помню Кулиева и рад Вашему сообщению о нем,— он, конечно, из той породы, когда человек приходит с определенностью и значительностью явления»[2].

Е. Д. Орловскую Кулиев хорошо знал по работе в Союзе писателей Киргизии, ценил ее помощь и дружеское расположение к нему, желание быть хотя бы чем-то полезной. Сам Кайсын относился к этой женщине с искренним чувством преклонения и уважения. «Особенно много помощи в моей фрунзенской жизни и литературной работе,— писал он,— оказала мне Елена Дмитриевна Орловская, человек значительной культуры, журналистка и переводчица, настоящая русская интеллигентка»[3].

Будучи осведомленным об их взаимоотношениях и зная, что Кайсын в это время не имел постоянной прописки, квартиры и жил временно у Орловской, Пастернак писал письма, адресуя их Елене Дмитриевне, но в каждом письме интересовался судьбой Кулиева, поздравлял его с праздниками, сочувствовал беде, которая так неожиданно обрушилась на него, поэта-фронтовика, награжденного не-

---

[2] Семейный архив Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. В дальнейшем строки из писем будут цитироваться из этого архива.

[3] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 453.

сколькими медалями и орденами. Тогда, по словам Н. Г. Джусойты, «вернувшись с войны, он нашел Балкарию опустевшей и по доброй воле последовал в изгнание за своим народом в киргизские степи, в вынужденное двенадцатилетнее молчание». Во втором письме, от 10 января 1948 года, Пастернак сообщал: «Дорогая Елена Дмитриевна! Так как стали иногда пропадать письма ко мне (как, например, Ваше совместное с Кайсыном Кулиевым, о котором Вы упоминали) и мои письма к другим, я не уверен, получили ли Вы мое большое заказное письмо на 4-х страницах, посланное Вам в ответ на Ваше...» Заканчивая письмо, он поздравлял далеких друзей с праздником: «С Новым Годом Вас и Кулиева и от души всего лучшего Вам обоим. В том письме я Вам обещал прислать «Избранное» в новом подборе. Случай, кажется, скоро представится. Ваш Б. Пастернак».

Ни Кулиев, ни Орловская этого «Избранного» не получат. Беда обрушилась и на Пастернака: в течение последних пятнадцати лет он тоже, как и Кайсын, почти не печатался. Они оба хорошо понимали, что значит «мука молчания».

Пастернак был одним из немногих, кто писал Кулиеву, не опасаясь впасть в немилость. Дело в том, что при сложившемся сталинском режиме были окончательно нарушены принципы социальной справедливости: насильственно высланным народам нельзя было без специального разрешения НКВД переезжать на другое место жительства и даже уходить за пределы села. Каждый месяц в назначенный час люди должны были являться в комендатуру для подписки о невыезде. За нарушение этого дикого распоряжения давали 25 лет каторжных работ. Кайсын Кулиев не был освобожден от этого национального унижения. Он тоже ходил отмечаться, надев форму офицера победоносной Красной Армии, в блеске орденов и медалей. Пережил Кайсын и другое унижение — несправедливое исключение его, как переселенца, в 1949 году из членов Союза писателей Киргизии и СП СССР. Кулиев понимал, почему многие теперь не отвечают на его письма. Только жена трагически погибшего поэта Дмитрия Кедрина, Людмила Ивановна, и Пастернак не оставили опального горского поэта. «Из Москвы мне никто не пишет,— горько жаловался Кайсын Людмиле Ивановне.— Многие забыли, потому что я перестал быть поэтом... Ну

что же, попробуем еще ходить по земле столько, сколько это возможно, надоест — уйду к Мите...»[4] Это не отчаяние. Кулиев много писал и некоторые из своих написанных произведений отсылал на суд Б. Пастернаку. Об этом свидетельствуют строки из третьего письма Б. Пастернака от 6 апреля 1949 года, адресованного Е. Д. Орловской:

«Это ответ на Ваше письмо и пакет с подстрочниками Кулиева... Мне нравится все, но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение непроизвольно врывающейся извне и ложащейся на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних — «Над старой книгой горских песен» и «Охотникам, заблудившимся в ущельях». Кулиев — молодец, что и говорить.

Он писал мне, я Вам отвечу, но сейчас я тороплюсь послать Вам обоим только что вышедшего Петефи, а также вкладываю в конверт для Вашего и его ознакомления стихи из романа в прозе, о котором я, кажется, Вам писал раньше... Простите меня за лаконизм и торопливость тона, главное мое желание — доставить Вам и Кайсыну радость этой книгой. (Кайсыну я, между прочим, пришлю роскошнейшего Пшавелу, не ради перевода моего, а всего издания, внешности, иллюстраций хевсурского Кавказа и пр. и пр.)

Бесконечно Вам и Кайсыну спасибо за Ваши письма. Известите меня о получении книги и письма.

Ваш Б. Пастернак.

Простите меня, в последний момент вдруг решил подписать Петефи одному Кайсыну...»

Книгами с автографами Б. Пастернака Кайсын очень гордился и дорожил в течение всей жизни. «...Он писал мне, присылал книги с такими автографами, которые мог сделать только он один, — вспоминал о той поре Кулиев. — В своих письмах он учил меня чести и достоинству. Я постоянно чувствовал на своем плече его руку. Его голос доходил до меня в моей среднеазиатской дали, был опорой и поддержкой»[5]. И в последние дни тяжкой болезни Кулиев на столике около себя держал стихи Б. Пастернака, А. Блока и только что вышедшие свои — «Ночь и рас-

[4] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 5—6.

[5] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 458.

свет». «Иногда я пытаюсь читать,— сказал однажды Кайсын своим друзьям, которые пришли его проведать,— но быстро утомляюсь: боль не дает покоя».

Под влиянием отчасти стихов Б. Пастернака и прежде всего самой жизни создавал свои произведения горский поэт и нередко просил Б. Пастернака дать им объективную оценку. Борис Леонидович высоко ценил стихи молодого поэта и поддерживал выдвижение книги стихов Кулиева на соискание Государственной премии еще в 1943 году, называя поэзию Кайсына «великой жаждой жизни и огненного темперамента». Кулиев гордился дружбой с этим человеком, который понимал его стремления, мечты, надежды и чаяния, радовался проявлению внимания к его судьбе как человека и поэта. Такие же чувства, по-видимому, испытывал и Б. Пастернак, когда получал письма от Кулиева и Орловской. Он ждал их, и они, очевидно, были ему нужны, как бывает нужен чистый воздух. Так, в письме от 29 апреля 1948 года он писал: «Дорогие Елена Дмитриевна и Кайсын! Получил обе ваши телеграммы, спасибо, но лучше бы вы мне написали письмо. Не ждите от меня обещанного «Избранного»... Готовую и однажды уже разрешенную книжку задержали и предложили издательству не выпускать. Сборника не будет».

В ноябре 1948 года Б. Пастернак в письме Кулиеву отметил то, что составляло тогда лучшую сторону лирики балкарского поэта, указывая на особенные черты его характера и поэтического таланта. «...Вы пользуетесь моею взаимностью, — писал Борис Леонидович. — Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе»[6]. Отмечая далее прирожденный талант, самобытное дарование Кулиева, его умение показывать человека в его многомерных связях с природой и бытием «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны», Б. Пастернак писал: «В Вас есть эта породистость, струна, или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать»[7].

Пастернак дорожил мнением Кайсына, его знанием трудностей жизни и очень хотел, чтобы он написал не-

---

[6] *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985, Т. 2. С. 469.

[7] Там же.

сколько слов по поводу его только что законченной первой части романа. Поэтому в письме от 30 января 1949 года Борис Леонидович писал: «Милые мои Елена Дмитриевна и Кайсын! Как я понял дочку Цветаевой, Ариадну Сергеевну Эфрон, она все же послала вам из Рязани рукопись. Но так как от вас ни слуху ни духу, то, видимо, вы либо не получили ее, либо она так не понравилась вам, что вы на меня сердиты...» Речь шла о романе «Доктор Живаго».

Почти через год, 14 января 1950 года, Пастернак извещал: «...не посылайте мне назад рукописи. Надеюсь, мое письмо застанет Вас и Кайсына на месте. (Вот уже о чем приходится мечтать!) Но если б в будущем Вам пришлось уехать, считайте этот экземпляр своей собственностью.

Я теперь перед вероятной уймой новых переводных задач (среди них несколько поэм Петефи, шекспировская Макбет и 2-я часть Фауста). Месяца через два-три с бож. помощью напишу вторую книгу романа, пишу также стихи, вроде тех. Удивило совпадение слова «снегопад» у меня и в Вашем переводе Кулиева и сходство настроения. Кстати, Ваш перевод так лишен мишуры и прикрас, что может показаться почти пересказом оригинала, не знаю, как велика Ваша близость или как велико стремление к благородной простоте, в обоих случаях честь Вам и слава, это очень большая Ваша заслуга».

В последние десятилетия, то есть с начала 50-х и до конца 60-х годов, Пастернак был всецело поглощен миром духовных и нравственных исканий, и стихи Кулиева, те, что присылала ему Орловская и сам Кайсын, были близки ему по их социально-художественному содержанию, нравились своей драматичностью поиска идеала. В этом же письме, от 14 января 1950 года, Б. Пастернак писал: «Большое Вам спасибо за письмо Ваше и Кайсына и за вложенные стихотворения. Впечатление было необыкновенное, огромное. И о нем подробнее в письме Кулиеву... Первым побуждением было ответить Вам тотчас же. Остановила отчасти поглощенность работами, главное же: невозможность рассказать важное и значащее». Обещанное письмо Кулиеву было написано в канун Нового года, 31 декабря 1949 года. Оно интересно теми выводами-решениями, к которым пришел Пастернак в связи с чтением кулиевских «Стихов, написанных в день рождения» (1947), «Говорю дождю» (1949), «Стихов, сказанных во время

дождя» (1949) и некоторых других. Пастернак увидел в этих произведениях выверенную и твердую внутреннюю позицию поэта, истинно глубокое художественное чутье, так восхитившее Бориса Леонидовича.

«Дорогой Кайсын!— писал он.— В тот день, как пришло письмо от Вас и Елены Дмитриевны, из Тбилиси приехала моя приятельница, жена Тиц. Табидзе, она обедала у нас, я пробовал читать ей Вас вслух, но каждый раз слезы мешали мне, я протягивал ей листки с переводами Елены Дмитриевны, она читали глазами и соглашалась с моим потрясенным восхищением. Все это очень, очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой потрясающей силой, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи.

Елена Дмитриевна права, выделяя стихи, которые Вы написали в день рождения, и стихи, написанные мне, они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и «Я хочу, чтоб было так», «Вечером, когда листья падают» и «Видя, как идет дождь».

Между прочим, несмотря на лучшие наши гётевские переводы персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омара Хайяма и других, на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл и испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклятый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно. Но что же кроме этих восторгов, Кайсын, сказать мне Вам утешительного?.. Сегодня мне самому так грустно, что сам я больше Вас нуждаюсь в утешении. Ну да все равно. Целую Вас и обнимаю. Сегодня 31 декабря. С Новым Годом Вас и Елену Дмитриевну. Что делать, что делать!

Ваш Б. Пастернак».

Кулиев, получив это письмо, сделал на нем пометку карандашом: «Январь, 1950 г.».

Письма Пастернака Кулиеву интересны тем, что они позволяют увидеть, как в это время работал Пастернак над прозой и поэзией, переводами, что его волновало и тревожило. Письма позволяют также проследить, как складывались пастернаковская концепция поэтического перевода, его взгляды на национальную литературу, на про-

цесс ее становления и развития. Так, в письме от 4 февраля 1950 года он писал: «Дорогой Кайсын! Вот Вам два из тех новых стихотворений, которые я хотел было послать в более полном числе, а потом раздумал. Может быть, они Вам что-нибудь скажут. Это все в тот же роман в прозе, который я продолжаю и в который будут поступать все мои новые стихи, пока я его не допишу. Я мечтаю довести его до конца в течение этого года...»

22 февраля 1950 года Пастернак, получив от своих друзей поздравительную телеграмму с днем Красной Армии, спешно отвечал:

«Сердечно благодарю Вас и Кайсына за телеграфное поздравление... Если рукопись «Живаго» в хорошем состоянии, сделайте мне, пожалуйста, одолжение, пошлите ее заказной бандеролью Анастасии Ивановне Цветаевой... Всего лучшего Вам обоим.

Преданный Вам Б. Пастернак».

50-е годы для Пастернака были, как и для Кайсына, тяжелым временем. Для Бориса Леонидовича наступили дни травли, которая развернулась особенно после присуждения ему Нобелевской премии. Его исключили из Союза писателей СССР, в печати поливали его грязью и даже требовали, чтобы его выдворили из Союза. Когда отчаяние достигло предела, Пастернак написал стихотворение «Нобелевская премия»:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...

Западные радиостанции передали это стихотворение, и весь мир узнал правду о «добровольном» покаянии Пастернака, почему он отказался от Нобелевской премии. От несправедливых нападок поэт очень страдал, пробовал защищаться. В одном из писем ЦК он просил: «Уйти в изгнание на чужбину для меня невыносимо». А в другом письме писал: «...остались целы я сам и мой дом. Но нападки на меня продолжаются и приобрели мелкий и мстительный характер».

Многогранной по тематике и сложной по форме общения была переписка Б. Пастернака с К. Кулиевым с 1945-го по 1955 год. Это был период их наибольшей ду-

ховной близости. Рассказывая в письмах о своих творческих замыслах, о работе над романом «Доктор Живаго», над многочисленными переводами, Пастернак, по существу, общался именно с Кулиевым, хотя адресовал свои письма Орловской. «У меня сейчас месяц, два свободных,— сообщал он,— и я поглощен работой над прозой, которую тороплюсь писать, потому что скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст). Простите, что пишу второпях. Но я бы желал Вам хоть малой доли того чувства счастья и удовлетворения, которыми я полон в последнее время». И далее: «Нет, правда, я не нахвалюсь на свое самочувствие и не могу настроиться серьезно, чтобы со вниманием отнестись к своим неудачам». Письмо это было написано 29 апреля 1948 года.

Социально-нравственная чуткость Пастернака, понимание того, как нелегко было Кулиеву переносить «невзгоды времени лихого»[8], пережить несправедливое исключение его, как переселенца[9], в 1949 году из членов Союза писателей, проявилось в его письме от 20 мая 1950 года: «...я хочу послать Кайсыну том только что вышедшего Гёте,— писал Борис Леонидович.— Это ему, но я пошлю его по Вашему адресу, потому что не знаю точно адреса киргизского Союза писателей, куда послать было бы еще разумнее, чтобы они видели, как я ценю его». В этом письме Пастернак с чувством уважения к способностям Кулиева как переводчика (Кайсын в это время много переводил стихов с киргизского языка на русский) просил его откровенно высказаться по проблеме, которая волновала Пастернака:

«Наверное, Вас и Кайсына так же, как это случилось и со мной, удивят блеск и совершенство почти всех новых переводов. Под ними Вы и он найдете много имен былых знакомцев (по союзу), необычно выросших. Вот, что делает непрерывная и напряженная трудовая тренировка, которой были лишены предшественники. Среди этих работ Фауст мой тонет и теряется больше, чем я мог предполагать... Мне бы хотелось, чтобы Вы и Кайсын сказали

---

[8] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 528.

[9] Через четыре года, в 1953 году, правление Союза писателей Киргизии будет ходатайствовать перед СП СССР о восстановлении Кулиева в члены СП СССР. Просьба будет удовлетворена.

что-нибудь веское на эту несомненную тему, а не принялись разуверять меня, споря с очевидностью.

Всего Вам лучшего. Я рад, что Вы все там же. (Помните, Вы боялись переезда?) Спасибо за пересылку рукописи Цветаевой.

Ваш Б. Пастернак».

Глубоким пониманием идей и чувств, волновавших Кулиева в эти годы, проникнуты строки письма Пастернака от 11 октября 1951 года, когда он долго болел и не мог сразу ответить на письмо Кайсына. Просто объяснял Борис Леонидович причину молчания и, как всегда, высоко отзывался о полученных новых стихах горского поэта, пронизанных благородным мужеством, неослабевающей болью души и драматизмом: «Я оставил без ответа последнее Ваше письмо и Кайсына и пачку новых его стихов, которые были так же хороши, как всегда...» Далее, рассказывая Кулиеву и Орловской о трудностях перевода «Фауста» и о своем наболевшем, он с горькой иронией заметил:

«В середине августа я сдал готовую работу в издательство. Теперь редакторы будут ее читать дольше, чем Гёте сочинял «Фауста», а я его переводил...

Оттого я перестал писать Вам и Кайсыну Кулиеву, перестав ждать и желать нового, все изнутри и изнутри, вместо новой действительности, которая пришла бы из внешней жизни. Крепко целую Кайсына. Не сердитесь на меня и о том же попросите Кайсына Кулиева.

Ваш Б. Пастернак».

Почти два года Кулиев и Орловская не получали дружеских посланий. Только 30 января 1953 года они получили открытку и узнали, что перенес их друг. «Дорогие Кайсын и Елена Дмитриевна! Получил сейчас телеграмму. Спасибо за пожелания. Верно, Вам сообщили из Москвы, что у меня в конце октября был инфаркт и я два с половиной месяца пролежал в больнице... Очень тронут Вашей памятью... Целую Вас обоих».

Оба поэта в эти прошедшие десять лет жили, как верно подметил Нафи Джусойты в статье о Кулиеве, мужеством ожидания невозможного. И все это было «оправдано не тем, что рано или поздно совершаются чудеса, а тем, что дает силу в беде дождаться свершения своих надежд и мечтаний»[10]. Начало письма от 10 августа 1953 го-

[10] Вопросы литературы. 1967. № 7. С. 110.

да, адресованное одному Кулиеву, говорит само за себя: «Дорогой мой Кайсын! Спасибо за письмо. Я Вам отвечу коротко и второпях, потому что после инфаркта, который я перенес, незаконченные работы, которыми я занят, стали еще неотложнее и времени у меня все меньше, чем прежде.

Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него...»

Пастернак все эти годы жил, как и Кайсын Кулиев, ожиданием лучшего, он ждал, что придет избавление от сталинского деспотизма. Кайсын еще мечтал и о том времени, когда его многострадальный народ избавят от геноцида и придет разрешение на возвращение в родные края. Но все пока оставалось по-старому. Кулиев знал, что беда для Пастернака пришла в марте 1947 года, когда 21 марта появилась в газете «Культура и жизнь» известная клеветническая статья А. Суркова «О поэзии Б. Пастернака», положившая начало травле. В ней говорилось, что поэт «...живет вразладе с новой действительностью... с явным недоброжелательством и даже со злобой отзывается о советской власти...» и т. д. С тех пор прошло семь лет. Пастернак и Кулиев понимали, что время их еще не настало. И тот и другой занимались переводами, чтобы как-то прожить, иметь небольшой заработок. (Ведь и тому и другому не разрешалось печатать свои произведения.) В минуты отчаяния Пастернак писал: «Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности...» Так же думал в то время и Кайсын, когда тратил свои способности и время на переводы стихотворений с киргизского на русский, переводил и прозу, оставив свои творческие замыслы. Поэтому горский поэт прекрасно понимал Пастернака, который жаловался ему в одном из писем: «...скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже «Фауст»)...» Кроме того, Пастернак жил тогда в постоянной тревоге: он знал и понимал, что его каждую минуту могут обвинить «врагом народа», ведь обвинялись же «врагами народа» не только отдельные лица, но и целые народы, высланные насильственно из родных краев и обжитых земель. Оба поэта испытывали отчуждение многих своих бывших друзей, знакомых, познали одиночество. Все это не могло не повлиять на характер их перепис-

ки и отношение друг к другу. Однако они не поддавались пессимизму, работали упорно и много. «Немногие могут выдерживать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими лицами, — писал известный психолог-аналитик, немецкий философ Эрих Фромм.—Это истинные герои человечества». Эту истину можно искать и находить в письмах Пастернака Кулиеву. Вот что он писал ему в августе 1953 года:

«Я давно сказал Вам, что очень люблю Вас и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначенности и отмеченности, как в Вас.

Я думаю, Вы давно уже пишите или могли бы писать по-русски так же хорошо, как и на родном языке, или еще лучше. Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи, значит, она лежала не в привычной повседневной прелести и документации народного речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании сказанного...»

После суждений и размышлений о национальных литературах (об этом просил его Кайсын) Пастернак, как бы опасаясь за писательскую судьбу своего молодого друга, советовал ему творить в мире только доброе и прекрасное. Глубоко понимая, что во времена тяжелых испытаний человеку всегда необходима идейно-нравственная опора для духа, он писал: «Доверяйтесь самому светлому и сильному в себе, Кайсын, самому дальнобойному, не боясь расстояний и трудностей, куда оно Вас занесет, и не считаясь с распространенными представлениями, какими бы проверенными они ни казались».

Заканчивая письмо, Пастернак остался недоволен в истолковании многих вопросов, затронутых им, поэтому он просил не осуждать его: «Я многое хотел Вам сказать сегодня, Кайсын, и мог сделать это очень скомканно и, наверное, неудачно. Но повторить в другой раз я этого не смогу... Целую Вас. Ваш Б. Пастернак».

Через пять месяцев Пастернак снова написал Кулиеву: «С Новым Годом Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде несбыточными, мечтаний...» Письмо датировано 4 января 1954 года.

Девять месяцев прошло с тех пор, как умер в марте 1953 года Сталин, начиналась хрущевская «оттепель», когда велись речи с высоких трибун о социальной справедливости и вся кровь и ошибки прежнего правления сваливались на умерших вождей и их близких соратников. Поэтому Пастернак в этом письме выражал надежду, что народ Кайсына Кулиева будет оправдан, возвращен на родину, а мечты поэта станут реальностью. Верил Пастернак и в то, что его верные друзья прочтут «Фауста», над которым он так много трудился: «У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсыну, и теперь ни одного не осталось. Но ведь это слишком большая для стихотворного произведения вещь, наверное, ни Кайсын, ни Вы, ни кто бы то ни было из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать его целиком до конца даже из преданности мне.

Вам или Кайсыну, кажется, летом писал, какой переворот произвела во мне во всем спешная, напряженная и объемистая работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре...»

В конце письма Пастернак делился радостью: «Елена Дмитриевна, Кайсын, как много я бы мог сделать — пожалейте меня. И все же я счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало. Я закончил черновой пересказ содержания романа и надеюсь кончить его к весне, я много работаю. Если господь пошлет мне года три-четыре жизни (судьбой ему будет отпущено шесть лет. — **Авт.**), Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому. Крепко Вас обоих целую. Всего лучшего. Ваш Б. П а с т е р н а к».

Сбылись смелые кайсыновские мечтания, о которых так уверенно писал в пятьдесят четвертом Борис Леонидович. Через два года они встретились. Это был 1956 год. Пастернак был одним из первых, кто пригласил к себе Кулиева в его первый приезд в Москву после долгого пребывания в Киргизии. Об этой встрече Кулиев вспоминал:

«Утром третьего дня моего пребывания в Москве раздался телефонный звонок в номере гостиницы. Я взял трубку.

— Это Кайсын Кулиев?

— Да, — ответил я.

Вдруг совершенно неожиданно для меня:

— С вами говорит Пастернак.

— Здравствуйте, Борис Леонидович!

— Я узнал, что вы здесь. Приезжайте к нам в Переделкино сегодня. Будете обедать у нас.

Я обрадовался и растерялся. Еще с 1942 года мне было известно мнение Пастернака обо мне. Но, приехав в Москву, как-то постеснялся позвонить ему. А после его звонка поехал в Переделкино. Был солнечный день. Начало июня. Увидев меня, идущего вдоль ограды, Борис Леонидович быстрыми шагами пошел навстречу. Он у калитки пожал мне руку и обнял меня... В тот день под переделкинскими соснами мы говорили о Гарсиа Лорке и Есенине. Пастернак любил их. Он обычно называл меня «кавказским Есениным». Поэзия Пастернака была мне дорога с тех пор, как я стал взрослым... Если я продолжал учиться писать и вынес многие тяготы, то в этом огромная доля стараний Бориса Пастернака»[11].

Запомнился Кулиеву и 1959 год, когда он встретился с Пастернаком. Для Кайсына начиналась более счастливая пора. Приближалось памятное событие — Третий съезд писателей СССР, который открылся в Москве в мае 1959 года. Кулиеву, как поэту из национальной республики, было предложено подготовиться и выступить на съезде. По этому поводу он опубликовал свои размышления «К Третьему съезду писателей СССР»[12]. Присутствуя на съезде, Кайсын внимательно слушал всех выступавших. Особенно ему запомнилось выступление Н. С. Хрущева, который говорил, что он не собирается учить писателей и поэтов их ремеслу, тем более, что сам он в последние годы читал не слишком много романов и повестей. «Гораздо больше приходится,— говорил он,— читать сообщений послов, нот министров иностранных дел». В своей краткой речи глава правительства коснулся «очернителей» советской действительности и осудил их, как «лакировщиков», не называя при этом никаких имен. Кайсын при слове «очернители» вспомнил Б. Пастернака (его на съезде не было), которому была присуждена Нобелевская премия по литературе за роман «Доктор Живаго», и сразу же началась двухгодичная травля писателя, которого М. Горький считал «...настоящим социальным поэтом... в лучшем и глубочайшем смысле понятия». Кулиев знал: Пастерна-

---

[11] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 458.

[12] Шуёхлукъ (Дружба). 1959. № 6. С. 3—14. Балк. яз.

ка обвиняли в измене Родине на собрании московской писательской организации, на Первом съезде писателей РСФСР, в статье «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» некоего Д. Заславского, а также в другой периодической печати. Кайсын переживал за судьбу своего старшего друга, знал, что он очень тяжело переносит огульные поношения и измену многих друзей, отвернувшихся от него, когда началась бурная политическая кампания в связи с присуждением Нобелевской премии. Кулиев ничем не мог помочь опальному писателю, кроме сочувствия и обыкновенной человеческой поддержки. В те дни и это много значило для Пастернака.

После окончания работы съезда Кулиев получил 23 мая приглашение писателей СП РСФСР и СССР на прием по случаю окончания работы Третьего съезда и в честь учреждения Союза писателей Российской Федерации. Праздничная обстановка приемов Кайсыну всегда нравилась, но на этот раз он не пошел на прием. Он решил навестить своего больного друга Пастернака, которому в эти дни было очень тяжело. Даже весна не радовала его. Утешение доставляли краткие посещения преданных друзей, которых становилось все меньше. Через год, 30 мая 1960 года, перестанет мыслить его гениальная, неутомимая голова. Но Кулиев тогда не мог и подумать об этой трагедии, он надеялся, что все обойдется и Пастернак вернется к работе, к творчеству.

Встретившись с Борисом Леонидовичем, поговорив о съездовских событиях, Кулиев поделился с ним своими размышлениями о проблемах национальных литератур, особенно тех народов, которые были депортированы в 1943 — 1944 годах из отчих земель и только через 13 лет возвращены на родину. Их мечты и желания Кулиев не забыл, поэтому в 1959 году писал в стихотворении «Вторая снежная ночь в Нальчике»:

Я помню, горцы в последний свой час
От саклей родимых вдали
Мечтали коснуться еще хоть раз
Снежинок родной земли[13].

Перевел *Н. Гребнев*

---

[13] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 247.

О многом они говорили откровенно в тот день, вспоминали промелькнувшие годы, удачи и падения, радость творчества.

Могилу Б. Л. Пастернака в Переделкино К. Ш. Кулиев посетит не раз, поклонится его праху, возложит цветы. Он сделает все возможное, чтобы произведения поэта публиковались после его смерти, хотя запрет на Пастернака продолжался. О многом говорит письмо известного поэта, литературоведа и переводчика Л. А. Озерова, в котором он просил Кулиева помочь с изданием произведений Бориса Леонидовича. Вот оно, сохранившееся в архиве Кулиева.

«Дорогой Кайсын!— писал Л. А. Озеров 13 августа 1976 года Кулиеву.— У меня есть обычай: если мне не отвечают, я больше не пишу. Но обстоятельства, чрезвычайные и, я знаю, глубоко касающиеся нас с Вами, заставляют меня писать Вам это письмо.

Издание Пастернака доведено до стадии верстки и на этом остановлено. Почему? Десятки неурядиц с изданием были на протяжении этих лет — мы устранили. Осталось **одно.**

По предложению Грибачева (между нами), давшего прежде похвальный отзыв на мое предисловие (Малая серия «Библиотека поэта»), Прийма и Канунникова вписали абзац, касающийся «Доктора Живаго», хотя до этого некоторые члены редколлегии (и среди них Тихонов) считали, что в статье о поэзии писать о романе не надо. Я советовался с очень компетентными людьми. И общий глас: привлекать внимание к роману (у нас не опубликованному) нельзя, вредно. Это может возмущать наших зарубежных недругов. Видно, что Прийма и Канунникова не успокоятся. Я дал варианты приемлемого для меня и объективно верного абзаца. Но они эти мои варианты не приняли. Подписали, мол, только эту строку.

Одним словом, коса нашла на камень. Издание остановлено. Что будет дальше?

Зная жестокие нравы редактора и зав. редакцией, можно ждать, что предисловие будет пересказано с угодной им миной.

Кайсын, вся эта история сорвала мне сердце, я лежу, и вот встал, чтобы написать Вам это письмо. Вся эта история меня подкосила. Надеюсь, что Вы вмешаетесь в это дело, черкните весточку, выскажите свое мнение. Возмож-

но, Вам пошлют (в чем сомневаюсь) мой вариант абзаца. Ваша воля отвергнуть его в принципе, что было бы верней, или утвердить в моем виде.

Надеюсь на Ваш ответ.

Будьте здоровым.

Л. Озеров»[14].

Внизу письма рукой Кулиева было написано: «Лев Озеров — поэт, переводчик».

О том, что Бориса Пастернака долго не издавали и он находился под запретом, свидетельствует и другое письмо рядового читателя, Паршина Владимира Степановича, обратившегося к Кулиеву с рядом упреков по поводу изданий произведений Б. Пастернака. Паршин — не Л. Озеров, который был известен в 70-е годы всей интеллигенции России и к голосу которого прислушивались. В. С. Паршин не мог, естественно, обратиться в известные издательства Москвы и Ленинграда, но зато мог написать письмо Кулиеву, зная, очевидно, об их взаимоотношениях и дружбе, и выразить свое отношение к происходящему.

«Здравствуйте, Кайсын Шуваевич, — писал он. — Это пишет Вам один из читателей. Я недавно прочитал в газете «Советская культура» отрывок из Вашего предисловия к книге Зульфии, народного поэта Узбекистана. Вы там представляете две стороны Бориса Пастернака: «Талант — единственная новость, которая всегда нова».

Нет сейчас поэта у нас, который бы не уверял читателей, что его пером движет только правда, что он за честность и чуток к чужому горю. А на деле что же происходит?! Где достать сборник стихотворений Б. Пастернака? Целесообразно ли прятать талант Пастернака от народа, справедливо ли это? Почему в печати не встретишь стихов, посвященных Пастернаку?

Хотелось бы получше познакомиться с поэзией Б. Пастернака. (Речь не о переводах.) Видимо, Вам, Кайсын Шуваевич, как-то удалось познакомиться со стихами Б. Пастернака. Похоже, эти сборники старых изданий находятся у Вас в руках. В магазинах, читалках нет ничего подобного.

Как, по-Вашему, сумею я когда-нибудь наткнуться на лирический сборник Пастернака? Не утопия ли это?

---

[14] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 66, л. 1—2.

Мне остается надеяться, что Вы ответите мне, подскажете, посоветуете.

С уважением В. С. Паршин. 9 марта 1975 г.»[15].

Таких писем Кулиев получал немало, и это заставляло его говорить по этому поводу с людьми, от которых зависела публикация того или иного произведения, писал об этом в Госкомиздат. И через год Л. А. Озеров уже подготовил издание Пастернака, о чем и писал Кулиеву и просил его поддержки.

С семьей Бориса Пастернака Кайсын дружил долгие годы. Евгений Борисович, его жена Елена и дочь Лиза гостили у Кайсына, когда были в 1972 году в Нальчике. Они жили в Долинске, в турбазе «Кизиловка», но большую часть времени были с Кулиевым, который возил их на «Голубые озера», в турбазу «Башиль», Верхний Чегем, чтобы они полюбовались красотами Чегемского и Черекского ущелий. Был с ними Кайсын и в Карачаево-Черкесии и предложил гостям полюбоваться неповторимыми красотами Домбая и Теберды. «Эти дни оставили много приятных воспоминаний и незабываемых впечатлений: гости увидели, как цветет альпийский луг, хранит молчание ледовый водопад»[16], — вспоминал поэт Назир Хубиев, бывший с гостями в те дни.

Поездка в Кабардино-Балкарию запомнилась надолго. Спустя два года Евгений Борисович писал Кулиеву 13 ноября 1974 года:

«Дорогой Кайсын! Мы искренне рады за Вас и горячо поздравляем. Особенно непосредственно выражает эту общую радость Лиза, которая пользуется любым случаем, чтобы вспомнить Кавказ, нашу сказочную поездку и Ваше доброе к нам отношение.

У нас в Москве темно, тревожно и болезненно, но это Вам не хуже нас известно.

Будьте здоровы и благополучны. Поцелуйте Маку и детей.

Евгений Пастернак»[17].

Письмо Лизы было тоже в этом конверте. К нему при-

---

[15] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 45.

[16] *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. Часть 2. 1959—1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 139.

[17] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 62, л. 1—5.

лагались рисунки — «Дом», «Горы», «Одинокий баран», «Машина «рафик». Девочка писала: «Кайсын Кулиев, я Вас поздравляю с премией. Я пошла в школу и сразу получила двойку.

Заболела, сама не знаю чем. Все время вспоминаю о Кавказе, как мы ели барана. У нас еще есть сванские шапочки. Л и з а».

Переписка К. Кулиева и Б. Пастернака еще ожидает более глубокого исследования, но и та часть писем, которая стала доступной для прочтения сегодня, представляет собой убедительный фактографический материал для анализа творческих связей русских и национальных писателей.

ДМИТРИЙ КЕДРИН И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства.
Кедрин Кулиеву

Большой поэтический дар Кайсына Кулиева еще в годы Великой Отечественной войны сразу оценили такие известные писатели, как А. Фадеев, Б. Пастернак, К. Симонов, А. Твардовский, М. Шолохов, Д. Кедрин. Так, в мае 1943 года, когда Кайсын делал только первые шаги в балкарской поэзии, вбирая в себя благородные традиции русской литературы, Александр Фадеев отметил дарование молодого поэта. Он писал в одной из своих записных книжек: «Прекрасный балкарский поэт К. Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия...»

Годом позже такую же высокую оценку стихам Кулиева даст известный поэт, тоже фронтовик, Дмитрий Кедрин, который в это время был переводчиком некоторых стихов Кулиева. Друзья информировали Кайсына, как продвигается работа над его переводами. В частности, Л. Выборнова, из Союза писателей СССР, писала 16 октября 1942 года: «...Ваше желание видеть свои стихи в переводе поэта Антокольского вполне законное и заслуженное. И мы это сделаем при первой же возможности... У

нас накопилось уже достаточное количество Ваших стихов, но Вы забыли снабдить их транскрипциями и метром стиха, а без этого ни один поэт не возьмется переводить... Напишите Ваше мнение о переводах Дмитрия Кедрина. Шлите новые стихи, но только с паспортом»[18]. Кулиев выразил тотчас согласие, чтобы его переводами занимались такие известные поэты, как Антокольский и Кедрин. Дмитрию Кедрину нравились те стихи горского поэта, в которых воспевалась чистота любви, гуманность советского воина, его забота о близких и родных, свежесть чувств, пронесенных сквозь самые жестокие испытания. Перевел он и такие высокопатриотические стихи Кулиева, как «Земля моя» (1942), «Всегда гордился тем, что горец я!» (1942), «Дедовский дом» (1942). Особенно нравилось Кедрину стихотворение Кулиева «Цветы на фронте» (1943), в котором говорилось о том, как мужественный защитник Родины, простой солдат в минуты отдыха собирает в полях цветы для своей любимой, чтобы подарить их при встрече. «Любимая! Не раз я рвал цветы на поле, где зимой прошли бои». Война и цветы. Таков контраст, подчеркивавший духовную красоту человека. Причем солдат знает, что подарить букет он не сможет,— любимая далеко от него, поэтому так дороги ему воспоминания о ней, о днях мира, покоя и тишины, когда он дарил любимой цветы:

Как часто о тебе мне снились сны.
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Немало у меня завяло их[19].

Перевел *Д. Кедрин*

Радость жизни сохраняется, несмотря на постоянную близость смерти, и верность суровому воинскому долгу никак не мешала верности любви, семье. «Цветы на фронте» — своеобразное отражение этих чувств. Собранный букет цветов на полях войны приобщен поэтом к биографии солдатской жизни на фронте. Этот простой случай опоэтизирован для того, чтобы глубже раскрыть душу воина-освободителя, показать его нравственные качества, без ко-

---

[18] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 75, л. 2.
[19] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 1. С. 182.

торых нет подлинно настоящего человека. Свою любовь и верность нес солдат через тысячу четыреста восемнадцать дней войны, поскольку они, как любовь к Родине, были могучей, идейной и нравственной силой в борьбе против фашизма.

Высоко ценил Кедрин и цикл стихов «О тех, что не вернутся». В письме от 9 марта 1944 года, присланном на фронт Кулиеву, он писал об этих стихах: «Сейчас я стал переводить твои новые стихи «Глядя в темную даль», «Цветы», «Песня о голубых глазах». Говорю без комплиментов: среди них есть маленькие шедевры. Я люблю твои стихи за полноту мысли и чувства, что, увы, не часто в нашей поэзии. Я понимаю, что тебя побудило написать то или другое стихотворение, восприятие мира у нас, вероятно, сходное — и потому некоторые из переводов твоих стихов вышли у меня удачно»[20].

Кедрин один из первых отметил наличие традиционной темы встречи и разлуки любящих в лирике Кулиева сорок третьего года, часто использованной для углубления психологического показа действий и чувств героя, героико-романтической и лирической интонации, подчеркнул его умение выразить в переживаниях солдата-горца тоску по любимой и родному очагу как общенародные чувства.

Не оставил Кедрин без внимания и дружеской поддержки Кулиева, когда на него обрушилась беда, как и на многие народы Северного Кавказа. Начались репрессии, имевшие своей целью физический и духовный геноцид. Подверглись дискриминации даже те горцы, которые, как и Кайсын Кулиев, защищали Отечество на фронтах Великой Отечественной войны. Для военнослужащих депортация началась в тот же трагический 1944 год. Акция по отзыву рядового, сержантского и офицерского состава из действующих воинских соединений проводилась по национальному признаку — балкарец, ингуш, чеченец, карачаевец, калмык и т. д. Подвергся этой унизительной акции и капитан доблестной Советской Армии Кайсын Кулиев, награжденный к этому времени орденом Отечественной войны II степени и медалями за безупречную воинскую службу... «Сверху» было дано указание: книгу Кулиева «Горы мои», выдвинутую к тому времени на соискание Сталинской премии, не издавать, так как люди его нации объяв-

[20] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 56.

лены изменниками Родины. Кулиев всего этого еще не знал, он лечился в госпитале Симферополя. Лежа в больничной палате, он думал о своих родных, которые в то время уже находились в Северном Казахстане, о книге, которую все время задерживают в издательстве, выискивая то одни, то другие причины. Так, от А. Деева пришло Кайсыну письмо, которое он писал 8 января 1944 года. В нем он сообщал: «Что же касается книги, то она, к сожалению, в состоянии маринада. Ничего не мог поделать, чтобы пробить стену равнодушия нашего главного редактора. Все за книгу — поэты, Союз, Фадеев,— а воз и ныне там. Теперь события ушли так далеко, что книгу бы надо освежить, осовременить, дополнить победными стихами. Без этого я не могу отстаивать ее, как раньше...»[21] Нужно было Кулиеву писать о Сталине как об организаторе и вдохновителе побед, но Кайсын не мог писать победных, хвалебных стихов. Дмитрий Кедрин тоже писал Кулиеву о причинах задержки его книги, но по-своему — принципиально и честно, глядя правде в глаза: «Так вот, это же отсутствие «победных мотивов» и мне мешает перелить впечатления в стихи. Я убежден, что лирика — это дневник сердца, а я лирик и од писать не умею...»[22] Это письмо было отправлено Кайсыну 9 марта 1944 года, через два месяца после того, как ему написал Деев. Читая строки Кедрина, Кулиев понимал с полуслова то, что было «между строк».

«Милый Кайсын! Уже очень давно я получил твое письмо и все не мог собраться ответить тебе, — писал Кедрин. — Пустяки писать не хотелось, а для серьезного разговора письмо не совсем подходящая форма. Надеюсь, ты поймешь это и простишь мое молчание. Я, сам ты знаешь, 8 месяцев был на фронте, сейчас снова собираюсь туда, и на этот раз мы, видимо, будем соседями. Привез много впечатлений, но в стихи они не укладываются, так как слишком серьезны и трагичны. Недавно говорил с Деевым о твоей книге, вернее, пытался говорить, так как он раздраженно прервал меня и заметил, что причины ее невыхода ты знаешь. Люба же сказала мне, что главной из этих причин является отсутствие в книге «победных» сти-

---

[21] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 12—13.
[22] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 56.

хов...»[23] Судьба книги больше всего тревожила Кайсына. Он был уже уверен, что она не выйдет...

Беда, как говорят, не приходит одна: Кулиев подлежал высылке, как и его наказанный народ. За него стали хлопотать перед Сталиным и ЦК его друзья: К. Симонов, А. Фадеев, Д. Кедрин и другие литераторы, но облегчить судьбу поэта им не удалось. В начале 1945 года вышло разрешение: Кулиев мог жить там, где он пожелает (за исключением Москвы и Ленинграда). Кулиев решил посоветоваться с Кедриным. Вот, как об этом написал сам поэт: «Я рассказал ему все, добавив, что сам твердо решил ехать в Среднюю Азию — к своим. Дмитрий Борисович сразу же сказал: «Правильно!» На том и решили в бревенчатом домике, где я провел много вечеров, дружески беседуя и читая стихи, с этим милым, честным, талантливым человеком...» Последние дни перед отъездом в ссылку, Кулиев жил у Кедриных в Черкизово. Уезжал он из Москвы в середине апреля 1945 года, прожив в столице более трех месяцев. Здесь все предвещало близкую победу. Заканчивая цикл стихов «На Сиваше», Кайсын писал: «С победным 10 апреля и ярким салютом Москвы!»[24]

На Казанский вокзал его пришли провожать только Д. Б. Кедрин и его супруга Людмила Ивановна. Она и уложила в чемодан поэта скромные пожитки. Уезжал Кайсын во Фрунзе из Черкизово. Вышел из дома Кедриных по улице 1-я Школьная. Теперь эта улица носит название имени Дмитрия Кедрина. Тогда они не знали, что прощались навсегда. Через несколько месяцев Д. Б. Кедрин (1907—1945) погибнет. Убийцу не найдут...

Кулиев любил Кедрина и дорожил им как одним из лучших переводчиков и поэтов. В письме от 14 сентября 1946 года Кулиев писал вдове: «Не было на земле человека, которого я любил бы так. Какой он большой поэт, искренний художник! Пусть идет время, все равно он таким останется. Я в этом уверен»[25]. Или читаем в другом письме к Людмиле Ивановне: «Он поэт в самом высоком понимании этого слова... Каждый раз, читая стихи, я восхищаюсь, какой великолепный мастер написал «Прида-

---

[23] Там же.

[24] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 198.

[25] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 2—3.

ное», «Казнь», «Подмосковную осень»![26] Ему Кайсын посвятил два стихотворения: «Русская сказка» (1944) и, узнав о гибели друга, — «Памяти Дмитрия Кедрина» (1946). В стихотворении «Русская сказка» читаем:

Я бреду пустынной чащей,
Кроны сосен вроде башен.
Снег лежит на них блестящий,
Словно в Тегенекли нашем[27].

Перевел *Д. Голубков*

Таким родным и дорогим был путь Кулиева к милому бревенчатому домику Дмитрия Борисовича Кедрина в Черкизово, где Кайсын провел самые приятные вечера в дни удач и в дни тревог. «Мы были друзьями в самом высшем смысле слова, — писал Кулиев в 1947 году Людмиле Ивановне. — Я не знал и не встречал другого такого человека, и знаю, что и дальше не встречу. Я имел счастье знать его и быть его другом»[28].

В доме Кедрина по вечерам они много беседовали, читали новые стихи, которые написал Кедрин. Сюда приходила Лия Степановна Ерусалимчик, которая нравилась Кайсыну своим необычайно широким диапазоном знаний, умением вести разговор, глубокими познаниями в области художественной литературы. В свое время она окончила ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) и заведовала отделом национальных литератур в Союзе писателей СССР. Собираясь у Кедриных, они слушали отрывки из повести в стихах «Конь», из поэм «Приданое», «Зодчие», из драмы в стихах «Рембрандт» в исполнении автора. «Помните, как Митя читал эту поэму («Конь». — **Авт.**) полностью зимним воскресеньем в Мамонтове? — спрашивал Кулиев вдову поэта в одном из писем, которое писал из Фрунзе. — Я хорошо помню... Митя был в новом костюме... Мы с Лией восхищались отделкой и совершенством «Коня», высоким мастерством его автора... Мы были счастливы, несмотря ни на что»[29]. Пройдет три года после гибели Дмитрия Кедрина. Кайсын будет пом-

---

[26] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 8—9.
[27] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 189.
[28] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 8.
[29] Там же, л. 26.

нить все, что связано с его другом. В письме от 29 января 1949 года он писал Людмиле Ивановне: «О, я слишком хорошо помню. Я храню в себе его голос, его взгляд, походку, манеры — весь портрет и привычки. Будь благословенна память!»[30]

Дмитрий Кедрин еще до отъезда Кайсына в Среднюю Азию посвятил ему стихи, помня слова друга: «Я пойду по следам моего униженного и оскорбленного народа». Они были написаны в 1945 году, «...в незабываемую пору нашего возвращения с великой войны... — писал Дм. Хренков. — Стихи Кедрина, обращенные к Кайсыну Кулиеву, были как награда солдату, вернувшемуся из дальних походов. Они были исполнены радости, согреты чувством локтя, так хорошо знакомым всем, кто провел в окопах долгих четыре года. Дружба была превыше всего, и ничто не могло ей помешать»[31]. Так же думал и Кедрин, поэтому, обращаясь к Кайсыну, он писал:

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу — Россию,
Славянину — Кавказ?

«Когда писались эти строки, Кайсын и его земляки-джигиты были в армии, сражались локоть к локтю с русскими, грузинами, белорусами, — писал Дм. Хренков. — Но народ Кайсына жил уже не на Кавказе, а в Средней Азии и Казахстане»[32].

Стихотворение «Ночь поземкою частой...» впервые было опубликовано в «Избранном» Д. Кедрина, выпущенном издательством «Советский писатель» в 1947 году. Кулиев тогда находился вместе со своим народом на чужбине, и, по его словам, ставить его имя в посвящении сочли невозможным, поэтому дали бесцветное название «Другу-поэту» и вместо полного имени того, кому они посвящены, поста-

---

[30] Там же, л. 24.
[31] Нева. 1974. № 2. С. 124.
[32] Там же.

вили: «К. К.». «В том издании,— писал позже Кулиев,— была изъята строфа, позже восстановленная:

И, как Байрон хромая,
Подходил к очагу.
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу...»[33]

Видимо, мудрый редактор решил, что для раненого Кайсына слишком велика честь хромать, как Байрон! А вот Кедрин по простоте душевной не понимал этого. У автора сказано: «Я не знаю, как пишут по-балкарски «поэт». Это заменили словом «по-кавказски», хотя вышло и нелепо: как известно, Кавказ многоязычен. Я забыл предупредить составителей, и до сих пор стихотворение перепечатывается с таким досадным искажением».

31 октября 1947 года Кулиев, отвечая Людмиле Ивановне Кедриной на ее письмо, где она сообщала о том, что ей удалось включить в сборник многие стихи Дмитрия Борисовича, которые она хотела бы видеть в этом сборнике, в том числе и стихотворение, посвященное Кулиеву, писал: «Я счастлив, что стихи, посвященные мне, идут в книге, ибо это превосходные стихи»[34]. Понимая, какие трудности были у вдовы с изданием этой книги, Кулиев подчеркнул именно эту сторону жизни жены Дмитрия Кедрина: «Я восхищаюсь (не преувеличиваю) Вашей совершенно героической борьбой за судьбу творчества гениального лирика России... Да будет благословенно Ваше мужество»[35].

Кайсын видел, что остались друзья, ничего не убоявшиеся и ни в чем не усомнившиеся, ибо Кулиев уже столкнулся с необычайной сдержанностью и осмотрительностью некоторых осторожных людей. «Как я обрадовался этим стихам в тот зимний день!» — ликовал он, так как видел в них и верность дружбе, замечательной поэтической русской традиции, и тонкое чувство понимания истории.

Исследователи творчества Кедрина предполагают, что это не единственное стихотворение, посвященное Кулиеву. В частности, Эрлен Петрович Киян считает, что Кедрин

---

[33] *Кедрин Д. Б.* Стихотворения. Поэмы. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 147.

[34] ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 8—9.

[35] Там же.

после прощания с Кулиевым, когда он лично вручил своему другу стихотворение «Ночь поземкою частой...», начал сразу же работу над другим стихотворением, посвященным Кулиеву, но не завершил его. Э. П. Киян писал об этом Кайсыну: «Эта запись сделана весной 1945 года, вероятнее всего после того, как было написано посвященное тебе стихотворение «Ночь поземкою частой...». Думаю, что Кедрин продолжал работу в марте—апреле 1945 года — через несколько листков после этого текста есть запись, сделанная Кедриным в День Победы».

Стихотворение было записано на отдельном листке Дмитрием Борисовичем во второй половине ноября 1944 года. Начиналось оно так:

ТРУБКА

Чтоб реже мытарила скука
Тебя в подмосковной избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

На этом же листке Кедрин теми же чернилами записал еще два четверостишия и поставил точные даты: 23-е и 27 ноября 1944 года. Позже, весной 1945 года, Кедрин немного переработал эти четыре строки и продолжал писать стихотворение уже без названия.

* * *

Чтоб легче скиталось, чтоб скука
Не мучила в русской избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

Чтоб легче казалась дорога,
Изогнутый тонкий мундштук
Из крепкого турьего рога
Старательно вырезал друг.

Серебряной, тонкой насечкой
Покрыл ее старый калмык,
Чтоб дым, завиваясь колечком,
Представился ... на миг.

Представился кем? Другом? Подходит, но у Кедрина этого слова нет.

«Стихотворение, к сожалению, — писал Э. П. Киян, — осталось неоконченным». И далее в этом же письме, от 11 августа 1975 года, Киян продолжал, обращаясь к Ку-

лиеву: «...дружба и встреча с тобою вдохновили Кедрина на создание прекрасных, на мой взгляд, строк. Жестоко, что смерть не позволила Дмитрию Борисовичу подарить тебе и всем нам, читателям, поклонникам Поэзии, еще одно произведение, которое начиналось так сердечно»[36].

К вопросу написания стихотворения «Ночь поземкою частой...» и незавершенного «Чтоб легче скиталось...» имеют некоторое отношение строки письма вдовы Кедрина — Людмилы Ивановны. Она писала Кулиеву из Черкизова 18 октября 1947 года: «...я живу в Черкизово, рядом с тем домом, где раньше жили мы. Эту комнатушку я получила от Нины Кузьминичны, председателя нашего с/совета. Помните — «маленькую бедную Нину», у которой Вы, Митя и я были в День 8 Марта, когда так нам было весело, когда казалось, что счастье — наш постоянный спутник? После этого вечера Митя написал стихи, которые посвятил Вам, Кайсын...»[37]

Кулиев не забудет Кедрина, останется верным его памяти на всю жизнь. Все годы жизни в Киргизии балкарский поэт будет писать письма Людмиле Ивановне, спрашивать о судьбе детей Кедрина, и когда будет в зените славы, тоже не забудет семью Кедриных. Так, в 1959 году Кайсыну однажды позвонил друг семьи Кедриных, артист одного из московских театров, Иван Николаевич Русинов, и передал привет от Людмилы Ивановны. Он отдыхал в санатории Долинска. Кайсын с радостью встретился с Русиновым, они познакомились и решили организовать вечер памяти, посвященный Дмитрию Кедрину. На этом вечере Русинов впервые прочитал среди широкой публики стихотворение Кедрина, посвященное Кулиеву, «Ночь поземкою частой...». Кайсыну было очень приятно прослушать это произведение в мастерском исполнении артиста И. Н. Русинова. Будучи уже дома у Кулиева, они долго говорили о трагической судьбе Д. Кедрина, о его вдове Людмиле Ивановне и ее трудно сложившейся судьбе после смерти мужа. Кайсын узнал, что внук Кедрина, Дима, названный в честь деда, постоянно живет с бабушкой — Людмилой Ивановной и носит фамилию деда — так посоветовала внуку Людмила Ивановна. Она и прописала к себе в двухкомнатную квартиру Диму Кедрина, художни-

---

[36] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 40, л. 1—4.
[37] Там же, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1.

ка по профессии. Дочь поэта, Светлана Дмитриевна, не возражала, так как с первым мужем у них судьба не сложилась, и мальчика, по сути дела, воспитала бабушка. Сюда и привел Дима Кедрин свою молодую жену. Их долго не прописывали. Помог случай. Когда-то, давным-давно, Людмила Ивановна приютила молодых людей, и они жили у нее бесплатно. Теперь один из них — начальник ГАИ г. Москвы. Встретив Людмилу Ивановну случайно и узнав о ее неразрешимых проблемах, не забыл доброту Кедриных в трудные дни его жизни и помог прописать внука с его женой...

...В октябре Кулиев был по делам в Москве и решил проведать вдову поэта Кедрина. Он купил цветы и отправился на улицу Красноармейскую, в дом № 25, где жила Людмила Ивановна. Она была ему очень рада. Им было что вспомнить: как Кайсын жил у них в Черкизово в 1945 году, перед тем как уехать весной в Среднюю Азию к своему депортированному народу, лишенному всех политических прав. Выселение более 12 наций и народностей из исконных мест проживания явилось тогда олицетворением одного из чудовищных преступлений в истории человечества. «В анналах мировой истории,— говорил Кулиев Людмиле Ивановне, — не много найдется примеров столь подлого, жестокого террора, осуществленного по отношению к населению собственной страны». Тогда Кайсын подарил ей свою книгу «Стихотворения» (М.: Худож. лит., 1959) и написал: «Людмиле Кедриной — человеку большого сердца, которое она целиком отдала Дмитрию Кедрину и его бессмертной поэзии. С душевной нежностью Кайсын Кулиев». Это было 29 октября 1959 года.

На следующий день они условились посетить Веденское («Немецкое») кладбище. Там на главной аллее (участок № 7) есть могила поэта со скромным памятником, на котором по белому мрамору золотыми буквами написано:

ПОЭТ
Дмитрий Борисович
Кедрин

4.II.1907—18.IX.1945

Кайсын положил цветы на могилу и грустно подумал: «38 лет прожил он. Как мало жил, как мало!» Когда возвращались, Людмила Ивановна рассказывала о себе, сво-

ей дочери Светочке, о судьбе Елены Александровны, жены поэта Павла Васильева, которую в 22 года посадили в тюрьму после того, как расстреляли ее мужа, безвинного, Павла Васильева. «Она отсидела в тюрьме 20 лет и вышла, когда ей исполнилось 42 года. Совершенно больная физически, — говорила Людмила Ивановна. — Я приютила ее на время, помогла ей устроиться на работу». Кулиев внимательно слушал. Хотя они и переписывались все эти годы, но разве все, что пережили люди в тоталитарном государстве, можно было написать в письме?! Жили все под большим страхом ночного ареста, клеветнического доноса. Страшный молох тоталитаризма прошел по судьбам двух удивительных людей — сына России Дмитрия Кедрина и горца маленькой Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева.

Кулиев был очень обрадован, когда узнал от вдовы Кедрина, что она многое делает по изданию произведений своего мужа. Так, 19 октября 1946 года Кулиев писал: «Как хвалю Вас за то, что Вы так относитесь к памяти замечательного поэта. Не все жены поэтов так могут относиться. Поэт есть поэт, а не просто муж. Женщина, которой чуждо это чувство, не может быть женой поэта в истинном смысле этого слова. Вы были редкой женой поэта при его жизни и остались такой же после его трагической гибели. Я говорю Вам от всей души: спасибо! Я безумно жалею Вас в самом благородном смысле этого слова и мучаюсь от того, что не могу помочь Вам. Но пока я живу, не будет дня, чтобы я забыл Вас и Ваших милых детей...»[38] Это письмо Кайсын написал, находясь в ссылке в Средней Азии. Через много лет в статье «Памяти друга» он снова писал о Людмиле Ивановне: «Она заслужила наше уважение еще и тем, что приложила большие усилия, чтобы наследие Дмитрия Кедрина заняло заслуженное место, дошло до массы читателей. Не каждый поэт оставляет после себя такого преданного друга»[39].

В семидесятых годах, будучи членом многих редакционных коллегий журналов, издательств, Кулиев принимал непосредственное участие в издании произведений Дмитрия Кедрина. Так, главный редактор «Библиотеки поэта» В. Н. Орлов писал ему, как члену редакционной коллегии

[38] *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Часть 1. 1917—1958. Нальчик: Эльбрус; издательский центр «Эль-Фа», 1998. С. 173.

[39] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 175.

«Библиотеки поэта», от 12 июня 1972 года: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! Редакционная коллегия «Библиотеки поэта» в свое время вынесла решение об издании в составе Большой серии сборника избранных произведений Дмитрия Кедрина. Вопрос о составителе этой книги, авторе вступительной статьи к ней был оставлен открытым — с тем, чтобы решить его в рабочем порядке и найденную кандидатуру утвердить путем письменного опроса членов редакционной коллегии.

В качестве составителя однотомника Д. Кедрина, автора вступительной статьи и примечаний к ней предлагается тов. Коваленко Светлана Алексеевна, сотрудница института Мировой литературы АН СССР им. М. Горького. Тов. Коваленко занимается историей советской поэзии. Она уже принимала участие в изданиях «Библиотеки поэта» (однотомника Э. Багрицкого) и зарекомендовала себя как работник, обладающий способностями и опытом.

Прошу Вас известить редакцию о своем согласии или несогласии с предлагаемой кандидатурой.

С уважением гл. редактор «Библиотеки поэта»

Орлов»[40].

Об этой удивительной дружбе Кедрина и Кулиева знали почти все, кто имел отношение к художественной литературе. Так, К. К. Журбицкий писал Кулиеву 10 августа 1978 года: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! Прочитал Ваше новое хорошее стихотворение «Дай мне белизну, ветка, твою...» (Известия. 1978. 7 окт.). Оно подтверждает Ваше возвращение на родину. Надеюсь, что Вы, разобрав свою богатую корреспонденцию, обнаружите и наших два письма — о писателе Дмитрии Кедрине, Вашем друге, к которому приезжали в гости в 1945 году на станцию Тарасовскую села Черкизово.

С искренним приветом — Председатель Пушкинского районного совета музеев Константин Журбицкий. 107113. Москва-Сокольники, ул. Рыбинская, 3 линия, д. № 26, кв. 16»[41].

Годом раньше Журбицкий писал Кулиеву: «Пушкинский районный совет музеев поздравляет Вас с Новым Годом и желает Вам больших успехов в общественной и литературной деятельности, хорошего здоровья.

---

[40] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 86. л. 1.
[41] Там же, оп. 6, ед. хр. 11, л. 1.

Мы Вам посылаем письмо об организации литературного музея Д. Кедрина в поселке Черкизово, который Вы в свое время посещали и были в гостях у семьи Кедрина. Об этих посещениях написано в Ваших воспоминаниях. Но, к сожалению, ответа до сих пор не получили. Как видно, почта Вам его не доставила...»[42]

АЛИМ КЕШОКОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла...

К. Кешоков

В 1943 году Кайсын Кулиев встретился со своим земляком — кабардинским поэтом Алимом Кешоковым. Они были почти ровесниками: одному было 29 лет, другому — 26. До войны они не были лично знакомы, а знали друг друга лишь по стихам, которые появлялись в местной печати. Породнила их, связав узами дружбы и боевого братства, Великая Отечественная война, когда они шли вместе тяжелыми фронтовыми дорогами по волжским просторам, украинским степям и крымской земле, истерзанным боями. Вот как об этом вспоминал сам Кулиев в статье «Годы плодотворного труда», опубликованной в связи с 70-летием со дня рождения А. Кешокова: «В конце 1942 года я прибыл из Москвы на Сталинградский фронт, ничего не зная о том, где находился Алим. В те дни мы постоянно с тревогой думали о своих товарищах и друзьях. С трудом догнав наступавшие части 51-й армии, я совершенно неожиданно встретился с Алимом. Это было для меня подарком судьбы. Шутка ли сказать, в такие грозные дни возле меня оказался мой чегемский земляк, собрат и друг! Наша встреча на фронте стала радостью для нас обоих. Долгое время мы были потом неразлучны, ели вместе один горький хлеб войны, проходили под одними пулями, падали под разрывами снарядов и бомб на Перекопе, на снегах донских степей, в Донбассе и Левобережной Украине.

[42] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 37, л. 39.

Перед наступлением в Крыму мы вместе в последний раз переходили через гнилой Сиваш по грудь в воде, молча и озабоченно глядели друг на друга, не зная, удастся ли еще обняться нам после боя. Мы и тогда по-братски делились не только хлебом и вином, но и своими мыслями и тревогами, заботами, воспоминаниями о нашей родной земле...»[43]

Мы были вместе там, мой друг, мой брат Алим!
Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой.
Когда гремел огонь, жесток, неумолим,
С солдатскою судьбой мы не играли в прятки[44], —

Перевел *Л. Шерешевский*

писал Кулиев, обращаясь через много лет к своему другу-однополчанину.

Вспоминая об этих днях войны, Алим Кешоков тоже расскажет о пройденном вместе пути, о том, что они вместе видели и пережили. В автобиографической повести «Вид с белой горы» он писал: «...судьба свела меня с Кайсыном Кулиевым, с которым мы прошли вместе Донбасс, Сиваш, Крым...»[45] И еще одно воспоминание: «В последние дни осени вместе с передовыми ротами мы вброд перешли Сиваш, провели зиму у Перекопа, а с наступлением теплых весенних дней сражались на склонах Сапун-горы под Севастополем.

В Крыму поэт снова попал в госпиталь, — и в редакцию, где его полюбили, он больше не вернулся. Кайсын был ранен в ногу...»[46]

Кулиев ничего не забыл об этих трудных путях-дорогах фронтовых. Незадолго до смерти в стихотворении «Алиму Кешокову» («Письмо из больницы») он писал:

Я помню Перекоп, и злобный свист свинца,
И пулею твою пробитую фуражку...
А ты, достойный сын достойного отца,
И храбр и стоек был в тот день студеный,
тяжкий[47].

Перевел *Л. Шерешевский*

---

[43] *Кулиев К.* Годы плодотворного труда // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 20 июля.
[44] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 135.
[45] *Кешоков А.* Вид с белой горы. М.: Современник, 1974. С. 103.
[46] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 202.
[47] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 135.

В эти огневые сороковые они работали вместе военными корреспондентами в армейской газете «Сын Отечества». В редакции всех сотрудников газеты ласково называли «сынками Отечества». Сюда и попал после ранения в боях под Старой Руссой новый «сынок Отечества», воин-парашютист, офицер Кайсын Кулиев. По рассказам Кешокова, уже бывалого корреспондента, Кайсын быстро освоился с работой журналиста и «стал заметным человеком в редакции... Его полюбили за веселый нрав и жизнерадостность. В молодом поэте не было ни позы, ни хвастовства, никто не обращался к нему по званию или фамилии, а просто — Кайсын». Кешоков не забыл ничего из тех военных лет, когда они вместе несли военную службу, которая длилась почти всю войну. Спустя несколько лет в стихотворении «Кайсыну Кулиеву» Кешоков писал:

И подняла одна тревога
Нас одного с тобой числа,
Одна жестокая дорога
В одно сраженье увела.

И как назначено судьбою,
Мы горской песни два крыла
И одного ружья с тобою
Два неразлучные ствола.

Алима Кешокова и Кайсына Кулиева часто видели на передовой, куда они выезжали по срочному заданию редакции, вместе ходили и в атаку. Однажды в одной из атак Кайсын был ранен. Кешоков не оставил его и нес на себе до ближайшего медсанбата. «Вспоминаю: Кайсына ранило под Севастополем, я тащил его на себе в госпиталь, — писал Кешоков в статье «Вершина вела к вершине», приуроченной к 70-летию со дня рождения Кулиева. — Кровь его залила мне одежду так, что невозможно было разобрать, чья она — моя или друга. Его уложили в полуторку вместе с двумя десятками таких же, как он, раненых. Я уже простился с ним, и вдруг Кайсын срывает с себя плащ-палатку и бросает мне: «Носи на здоровье»...»[48] Об этом случае Алим Кешоков написал стихотворение, и оно было прочитано друзьям-фронтовикам где-то в донских степях

[48] *Кешоков А.* Вершина вела к вершине // Кабардино-Балкарская правда. 1987. 30 окт.

и запомнилось Кулиеву навсегда. Вот как он сам рассказал об этом: «Солдат тащил на себе тяжело раненного товарища, который говорил: «Оставь меня, сам можешь погибнуть! Оставь меня. Счастье между нами поровну никто не делил. Оставь меня!» Но солдат не оставил друга, он полз под огнем противника, грыз землю, но товарища спас»[49]. Этим товарищем был Кайсын. «Как говорится, человек познается в беде, — писал Кулиев в статье «Мы с ним чегемцы», — а я был рядом с Алимом в труднейшие дни. Я знаю его лучше многих... Да и в детстве пили мы воду одной реки Чегем, смотрели на вечно не тающие снега одних гор, над нами проносились одни и те же облака, бросая тень на крыши наших домов»[50].

В первые дни работы в редакции газеты Кулиев испытывал затруднения: не имел профессиональных навыков, не очень хорошо владел русским языком. На помощь ему пришел Гоффеншефер, который освоил и ремесло поэта-переводчика, помогал часто советом и Кешоков, так как Кайсын вначале писал статьи и заметки по-балкарски. Корреспонденции Кулиева появлялись в газете за подписью «Чегемли». Очерки Кулиева «Труп убийцы» и «Рука убийцы», написанные по живым впечатлениям от фронтовых дорог, были высоко оценены читателями и работниками редакции, которые не могли не заметить, каких успехов добился Кайсын за такое короткое время, упорно учась мастерству журналиста, основам русской грамматики и культуры русской речи и письма. «Кайсын упорно овладевал русским языком и добился успеха,— вспоминал Кешоков. — Он написал взволнованную, полную гневной силы корреспонденцию. В ней Кайсын Кулиев писал о гитлеровских захватчиках, пришедших грабить и убивать к нам, но нашедших могилы под снежными сугробами, из-под которых торчат окоченевшие пальцы рук, напоминающие когти хищных птиц...» В очерке «Рука убийцы» была «и яркая образность, присущая его мышлению, и своеобразный журналистский почерк»[51].

Интересно письмо однополчанина Кулиева и Кешокова из города Запорожье, Украинской республики, Михаила

---

[49] *Кулиев К.* Гордимся тобой, Алим! // Кабардино-Балкарская правда. 1969. 1 янв.

[50] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 305.

[51] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 201.

Степановича Глущенко от 17 июня 1977 года, который писал: «Я собираю материалы о 417-й Севашской Краснознаменной ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии, о ее бесстрашных воинах-героях, освободивших от заклятых фашистов семь областей Украины, сражавшихся в Ставропольском и Краснодарском краях, освободивших Прибалтику.

Қайсын! Вы были корреспондентом фронтовой газеты 51-й Армии «Сын Отечества». Вместе с Вами в трудные дни фронтового корреспондента нес службу Ваш коллега Алим Кешоков и сотни других, которые правдивым пером рассказывали о мужестве наших бойцов и командиров, а также о мирных жителях, которые освобождались от оккупации. Не писали ли Вы, Қайсын, о воинах 417-й стрелковой дивизии? Если писали, то сообщи, где? Посылаю тебе на память две наших газеты от 9 мая 1977 года, там увидишь мои статьи.

Отзовись, Қайсын! Твой Михаил Степанович Глущенко.

Мой адрес: 330002, г. Запорожье, ул. Железнодорожная, д. № 21, кв. 58»[52].

Многое роднило этих двух смелых молодых горцев — защитников Родины. Сближало то, что они показывали правду военного быта, таким, каким он был со всеми трагическими обстоятельствами смерти и жестоких испытаний людей, их страдания и горечи.

Враг высоту оборонял упорно,
И вот атака захлебнулась вновь.
На наши лица дым ложился черный,
И на рубахах вспыхивала кровь[53], —

писал Кешоков в 1944 году в стихотворении «Знамя». Қайсын, как и Алим Кешоков, изображал войну такой, какой он ее знал. Он сам участвовал в многосуточных боях за города России. В своих стихах военного времени Кулиев рассказывал о том, что видел. Это были жизненно-правдивые описания, когда сила сопротивляемости врагу в этой вынужденной войне оказалась сильнее любой военной техники врага.

---

[52] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 4, л. 1.
[53] *Кешоков А.* Стихи. М.: Сов. писатель, 1951. С. 69.

Шел десять суток бой. Но враг упорно
Разил огнем, не отходил назад.
Не зная сна, покрытый пылью черной,
За этот город в бой ходил солдат.

. . . . . .

В разбитые дома ползли, как в доты,
И били по врагу, у стен в тени,
В расщелины просунув пулеметы...
Так яростно сражались тут они![54]

Перевел *Н. Коржавин*

Правдивые, психологически достоверные поэтические и прозаические строки военных произведений Кешокова и Кулиева поражали читателей своей глубиной мысли и чувства. Потребность молодых горцев помочь своему сражавшемуся народу заставляла обоих работать свыше человеческих возможностей. Писали они в годы войны много, по ночам при свете керосиновой лампы работали, чтобы к утру сдать редактору порученные им статьи, а ведь надо было выкроить время и для стихов, и переводов. Несмотря на все трудности, выпавшие на долю этих молодых поэтов, сорок третий год оказался плодотворным периодом во фронтовой жизни Кулиева и Кешокова. Они находили время не только писать стихи, но и участвовать в обсуждении очерков, написанных ими или их товарищами-литераторами. Так, на фронте они познакомились с писателем Валентином Овечкиным, который в Донбассе опубликовал очерк «Фрицева вдова». Они читали этот очерк и знали, что некоторые работники Политотдела армии были недовольны содержанием очерка и поставили на партийном собрании вопрос о неблагонадежности писателя Овечкина и о его произведении, порочащем звание советского писателя.

«Общеизвестно, что по уставу армии не положено возражать старшим по званию, — вспоминал много лет спустя Кешоков. — Кайсын, не посчитавшись с этим, очень тепло отозвался об очерке, назвав его талантливым произведением, тем самым взяв Овечкина под защиту. Следом за ним выступил и я, повторяя мнение своего друга. Это сразу задало другой тон обсуждению, направив его в иное, чем планировалось, русло.

И вот, что хочу подчеркнуть: другому это могло и не

[54] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 176—177.

сойти. А для такого обаятельного, эмоционального человека, как Кайсын, посчитали вполне естественным. И эти качества, полагаю счастливые, не раз его выручали».

В 1943 году Кулиев написал стихотворение «Поэт на фронте». В нем он рассказал о своем друге Алиме Кешокове, о его мужестве, бесстрашии и смелости:

Склонясь над взлохмаченной гривой коня,
Поводья тугие сжимая в руке,
Он мчался в атаку. Отблеск огня
Играл на холодном клинке.
А ночью, едва затихала заря,
Он молча бродил по уснувшей степи.
Потом, засветив огонек фонаря,
Писал на седле стихи.[55]

Перевел *Л. Шифферс*

Расстались они в 1944 году, когда раненый Кулиев попал в госпиталь, а Кешоков, будучи где-то в Восточной Пруссии, узнал о несчастье своего друга, о депортации некоторых народов Северного Кавказа. Он остался верным дружбе и написал письмо, адресованное в правление Союза писателей Киргизии на имя К. Кулиева. Кайсын взял в руки письмо и увидел знакомый почерк. Быстро вскрыв конверт, он с волнением стал читать: «Дорогой Кайсын! Получил твое долгожданное письмо, — писал Алим. — Самое тяжелое — это ждать, что скажет друг, перед которым чувствуешь свою вину невыполненного долга. То, что после твоего ранения, уезжая, не навестил и не попрощался с тобой, и по сей день угнетает меня. Не знаю — простишь ли ты меня, но это я самому себе не прощаю»[56]. Далее в письме Кешоков беспокоился о здоровье Кулиева и выражал надежду, что он побывает на родине — Кабардино-Балкарии. Алим не мог представить Кайсына без родных гор и отчей земли. «Буду бесконечно рад, если ты благополучно вступишь на нашу землю. Мне как-то рассказали ужасную весть, будто с твоею ногою плохо. Если был бы Бог или Аллах, я бы молился ему, чтобы ты в родной дом не постучался сухим костылем, а вошел большими торопливыми шагами.

---

[55] *Кулиев К.* Избранная лирика. М.: Худож. лит., 1967. С. 77.
[56] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1—2.

Ты передай нашим горам поклон и скажи этому дьявольскому творению, чтобы помнили о сынах своих. Пей нартский напиток. Ведь Сосруко тоже пил эту воду каждый раз, когда он, разгоряченный, возвращался с поединка...

У нас ничего нового нет. Гоффеншефер был в Москве. Он там встретил мою жену. Если будешь в Москве, зайди к Тихонову, он обещался прислать тебя обратно к нам»[57].

Кулиеву было приятно, что его боевые товарищи из редакции газеты «Сын Отечества» 51-й армии помнят его и все еще ждут его возвращения; грустно оттого, что он не имел даже надежды на встречу с друзьями: он был спецпереселенцем и не имел права выезда в другую республику без особого на то разрешения.

Встретились они только через долгих тринадцать лет. Кешоков не забывал, что его друг в беде. И когда он вернулся с фронта и стал работать в Нальчике, то обратился в органы госбезопасности КАССР с просьбой разрешить поэту Кайсыну Кулиеву посещать родные края, но получил отказ. Жесткому диктату КГБ и МВД, его «бдительному оку» подчинялись все, и горе было тому, кто не был послушным и исполнительным. Может, поэтому он не ответил на письмо Кулиева, которое тот передал через артистов национального ансамбля песни и пляски «Кабардинка», приехавшего в 1947 году во Фрунзе. «Тогда я написал Алиму письмо, — вспоминал поэт, — и в нем была небольшая просьба к нему...»[58] Успех артистов был большим и впечатляющим. И через год Кулиев будет помнить этот концерт и писать об этом 9 апреля 1948 года В. Ц. Гоффеншеферу: «Летом прошлого года здесь был их ансамбль. Здесь наши засыпали артистов цветами. Они были очень тронуты»[59].

Кайсын с нетерпением ждал ответа на свое письмо, но Алим Кешоков ему не ответил, хотя письмо ему передали, рассказали все подробно о жизни балкарцев в настоящей резервации, и Кайсын надеется, что Алим в чем-то поможет ему. Вероятно, Кешоков по каким-то причинам не смог выполнить просьбу опального поэта. Отважный воин-поэт Алим Пшемахович, прошедший путь с винтовкой и фото-

---

[57] Там же.
[58] ЦГАЛИ СССР, ф. 2585, оп. 1, ед. хр. 98, л. 4.
[59] Там же.

аппаратом от волжских берегов до Восточной Пруссии, в 1947 году стал иным, более осторожным в выборе друзей. Он занимал пост министра просвещения республики и был первой номенклатурой в секретари обкома партии. Оправдывая этот поступок, Кулиев сказал много лет спустя: «Ответственные посты в республике, которые занимал Алим, требовали от него такой же ответственности во всем. По-видимому, он был очень занят... А я был исключен из Союза писателей СССР, даже не имел права печатать свои произведения ни на одном языке...»

В 1957 году они встретились в Москве, где состоялась декада литературы и искусства Кабардино-Балкарской АССР. В группу участников смотра входили министр культуры КБАССР Б. М. Карданов и поэты — Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. Их встретили на Курском вокзале композитор В. Мурадели и артист М. Астангов. 20 июня в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер литературы и искусства КБАССР, посвященный 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. Кешоков и Кулиев много вспоминали о былом. Оба радовались, что балкарский народ «избавлен от бед и обид...» (Кулиев). В этот год все балкарцы в массовом порядке возвращались на свою исконную землю. И все, что тогда волновало Кулиева, он выразил в лирическом стихотворении «Разговор с родной землей». Теперь поэт признался в том, что так мучительно его тревожило:

Я долго носил твою боль в своем сердце
И счастлив, что кончилось время невзгод[60].

Перевел *Н. Коржавин*

На память о прошедшей декаде смотра лучших художественных коллективов КБАССР друзья решили сфотографироваться. Здесь же, в фойе Колонного зала Дома союзов, они нашли фотографа, который и запечатлел их молодыми и счастливыми. Кешоков и Кулиев стоят рядом, а с ними беседуют поэтесса С. Капутикян и композитор В. Мурадели. С тех пор Кулиев и Кешоков встречались очень часто в Москве на заседаниях правлений Союза писателей РСФСР и СССР, совещаниях, Пленумах ЦК и съездах партии, в зарубежных поездках и в юбилейные

[60] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 299.

дни, на конгрессах миролюбивых сил и симпозиумах ученых, фестивалях и концертах... Так, на Третьем съезде Союза писателей КБАССР, состоявшемся 25—26 июня 1958 года, после основного докладчика выступали Кулиев и Кешоков. Оба они говорили о задачах писательской организации, о развитии национальной литературы и поддерживали друг друга. Кулиев говорил о романе Кешокова «Чудесное мгновенье», о том, что он хорошо известен всесоюзному читателю[61]. Защищаясь от нападок отдельных писателей, утверждавших, что поэзия мало значит в развитии литературного процесса, Кулиев сказал: «В мире не было и не будет такого положения, чтобы литература существовала без поэзии. В мире не было такого настоящего писателя, который бы не любил поэзию... Поэзия есть первоисточник, родник, от которого рождается вся литература. Поэтическому языку учились лучшие прозаики. Толстой сказал, что без Тютчева жить нельзя, а Тютчев написал только небольшую книгу стихотворений. Вот вам отношение к поэзии больших писателей. Это я Вам говорю, товарищ Мальбахов, воспользовавшись тем, что Вы здесь, потому что я знаю: когда составляется издательский план, то это отражается на поэзии. Говорят: камень бросишь и в балкарского поэта попадешь. А я думаю, что пусть будет больше поэтов, чем любителей писать анонимные заявления в обком партии, так как это доставляет больше хлопот. Лучше писать хорошие стихи, чем плохие заявления»[62].

На другом съезде писателей КБР 4 сентября 1969 года после выступления К. Кулиева, говорил Кешоков: «...Мне остается лишь присоединиться к тому, что сказал Кайсын, потому что на самом деле сегодняшняя наша работа показала по-настоящему наш рост, наше профессиональное писательское отношение к литературе, к своему писательскому ремеслу. Хочу поддержать Кайсына во всем и прежде всего в том, что мы выросли не только творчески, но и организационно»[63].

Кулиев и Кешоков всегда понимали и поддерживали друг друга в отношении главных вопросов, которые обсуждались на съездах. Обратимся к фактам.

---

[61] Архив центра документации новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 4, ед. хр. 38, л. 14.

[62] Там же, оп. 1, ед. хр. 230, л. 21—22.

[63] Там же, оп. 4, ед. хр. 38, л. 87.

На выездном заседании бюро Союза писателей РСФСР, которое проходило в Нальчике в октябре 1959 года, с докладами выступали Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Петр Хузунгай, Леонид Соболев и др. На этом заседании выступал и Кулиев. «Самым сложным вопросом ныне, — сказал он, — является проблема изображения бытия современности, как создавать подлинное поэтическое искусство. Это главный вопрос заседания, о котором говорил до меня блестяще Алим Кешоков. И хотя этот вопрос очень трудный, его все-таки надо решать... Мы должны писать о том, что нас волнует, и о том, что нам необходимо. А душевная необходимость должна нам диктовать искренние стихи, давать художественные образы, сюжеты». Далее Кулиев говорил о том, что Алим Кешоков ближе всех местных писателей стоит к решению этой важной задачи, а именно «в изображении современной действительности и истории прошлого. В этом отношении Алим Кешоков стоит значительно выше нас»[64].

Дружба поэтов продолжалась и крепла год от года. Кулиев часто бывал в доме Кешоковых, принимал из рук жены друга хлеб-соль. Ей он посвятил в один из своих приездов в Москву стихотворение «Жена поэта». Ее Кулиев знал много лет, восхищался характером этой замечательной женщины, во многом способствовавшей успеху мужа:

Когда успех твой мчится на коне
И ты в чести, — волнуясь и любя,
Жена стоит в тени и в стороне,
Чтоб больше света пало на тебя[65].

Перевел *Я. Козловский*

Они дружили семьями, поздравляли друг друга с праздниками и днями рождения. Так, в апреле 1974 года Алим Кешоков писал:

«Дорогие Мака и Кайсын, с праздником вас! Желаем, чтобы эта весна одарила вас такими цветами, которые обладали бы целительными свойствами от всех недугов.

Успехов и радости вам.

Семья Кешоковых»[66].

---

[64] Архивный центр документации новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 249, л. 94.

[65] *Кулиев К.* Раненый камень. М.: Сов. писатель, 1968. С. 265.

[66] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 134, л. 1.

Когда Кайсын Кулиев получил Государственную премию за «Книгу земли», Алим Кешоков поздравил его с этой высокой наградой. В телеграмме говорилось: «Сердечно поздравляю с присуждением Государственной премии. Желаю новых творческих радостей и эльбрусского здоровья. Крепко обнимаю — Алим Кешоков»[67].

И еще надо сказать об одном событии в их жизни и дружбе. В 1973 году в декабре Кулиев получил в подарок книгу А. Кешокова «Сломанная подкова» (М., 1973), на суперобложке которой автор написал:

«Кайсыну Кулиеву, чей талант в ножнах мужества, с пожеланием новых творческих свершений.

Обнимаю, жму твою руку

Алим Кешоков. Декабрь, 1973 г.».

Кайсын с интересом прочитал роман, авторизированный перевод с кабардинского сделал В. Солоухин. Перевод был хорошим. Об этом произведении много говорили и писали в периодической печати. Идеологические работники Кабардино-Балкарского обкома партии встретили эту правдивую книгу враждебно, появились по их указанию отрицательные рецензии, было спущено «ЦУ» («ценное указание» — так в шутку народ окрестил административно-командную систему управления): роман «Сломанная подкова» обсудить и осудить[68]. В НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР состоялось позорное судилище, не первое и не последнее в нашей стране (вспомним Б. Пастернака, И. Бродского и др.). Многие местные литераторы дискредитировали себя, они бесстыдно, по указке сверху, нападали на роман Кешокова. Кулиев был на обсуждении председательствующим. Он смело защищал роман, отстаивал позиции своего друга Алима, говорил, что «Сломанная подкова» является одним из лучших его произведений. Ему пришлось выступать несколько раз, убеждать, что книга правдивая и она займет определенное место в кабардинской прозе. Кайсын оказался прав. Необъективная критика романа Кешокова не могла коренным образом изменить положительной оценки в общественном сознании людей. Все, кто читал роман, были

---

[67] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 70.

[68] *Шортанов А.* О романе А. Кешокова «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 25 авг.; То же // Коммунизмге жол. 1973. 29 авг. Балк.; То же // Ленин гъуэгъу. 1973. 28 авг. Каб.

согласны с другими рецензиями, появившимися в 1973 году, — Л. Якименко («Испытание»), В. Воронова («Стойкость духа...»), Н. Джусойты («Люди чести и подвига»), В. Полторацкого («О людях Кабарды»), Н. Буханцева, Ю. Новикова, К. Селихова, А. Павловского, И. Козлова, Х. Хапсирокова, опубликованными в центральных газетах, таких, как «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Советская Россия», «Литературная газета», в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «Огонек», «Литературное обозрение», «Дружба народов».

Алим Кешоков понимал, что если бы роман вышел не в Москве (издательство «Молодая гвардия»), то местная цензура не пропустила бы его любимое детище. Он два года неустанно работал над этим произведением, собрал проверенные факты и большое количество архивного материала, был уверен, что книга понравится читателю, но он не предполагал, что партийным функционерам не понравится то, как он изобразил их и их поведение в годы всенародного бедствия — в годы оккупации Северного Кавказа во время Второй мировой войны.

Кулиеву он был благодарен за моральную поддержку, умение убеждать своей несокрушимой логикой, быть принципиальным и мужественным. Идти против местной власти, защищать правду — не всякий способен, ибо это чревато многими неприятными последствиями.

В этот год Кешоков выпустил сборник стихов «Земля добра и винограда» (М., 1973), в котором он посвятил Кулиеву стихотворение «Мы пили воду из Чегема, ты наверху, а я внизу...». Алим знал, что Кайсын правильно поймет смысл этих строк. Еще в 1959 году Кешоков писал:

«Кайсын Кулиев полон творческой энергии, он на большом пути.

Его поэзия — это зеркало, в которое смотрит балкарский народ и видит себя большим. Поэт, который дает своему народу испытать такое сознание, чувство такой радости,— настоящий поэт, кровный сын своего народа»[69].

Через шесть лет, видя необыкновенный взлет своего друга, Кешоков снова писал о Кулиеве: «В небольшой, но очень красочной балкарской литературе особое место занимает Кайсын Кулиев. Точно так же, как разлившийся горный поток, не вмещаясь в узкое русло, широко залива-

[69] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 207.

ет берега, так его творчество несет свои чистые воды в большую реку советской поэзии»[70].

В 1984 году Алиму Кешокову исполнилось 70 лет со дня рождения. 20 июля этого года появилась большая статья «Годы плодотворного труда», опубликованная в «Кабардино-Балкарской правде». Автором ее был Кайсын Кулиев, которому оставалось жить ровно год. И не случайно, когда Кулиев заболел и попал в больницу, он решил обратиться к своему другу. В письме, написанном из больницы, он писал:

И если, как пришел для дедов и отцов
И как настал для всех, огнем сраженных вражьим,
Настанет и для нас, неотвратим, суров,
Последний смертный час, — в одну мы землю ляжем[71].

Перевел *Л. Шерешевский*

Время уходит безвозвратно, оно быстротечно, и Кулиев это хорошо понимал, он был обречен, знал об этом и в самое для него трудное время, в самые черные дни болезни, безысходной тоски писал Кешокову: «Алим! Мой друг, земляк, однополчанин мой! Бег дней неудержим, дух времени тревожен». И поэт был готов к самым тяжким испытаниям. Главной опорой и поддержкой в эти трагические дни — оставались друзья поэта. «...Я в близких и друзьях опору нахожу»,— не раз говорил поэт в эти дни. Они приносили больному радость и утешение. Кайсын был уверен в том, что пока они слышат голоса друг друга и «пенье горных рек», то «смерти злой коса» им «будет не страшна в своем замахе злобном». Поэтому в самые печальные дни своей жизни он и обратился к Алиму Кешокову: «Тревоги не тая, играет жизнь опять на черной мне свирели. Я из больницы, брат, пишу тебе сейчас».

4 июня 1985 года балкарский народ потеряет своего гениального сына. Проститься с ним приедут его друзья: Чингиз Айтматов из Киргизии, Шукурло из Узбекистана, Давид Кугультинов из Элисты, Расул Гамзатов из Дагестана, Алим Кешоков из Москвы, Левон Мкртчян из Еревана, Нафи Джусойты из Северной Осетии и многие другие.

---

[70] Писатели Кабардино-Балкарии. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. С. 96.

[71] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 239.

Алим Кешоков дважды выступал на траурном митинге: в Нальчике у театра им. А. Шогенцукова и у могилы в саду Дома-усадьбы в поселке Чегем I. Его проникновенные, взволнованные слова об ушедшем поэте буквально потрясли собравшихся.

Кайсын Кулиев предвидел свое будущее и заранее просил своих сыновей и родных исполнить его завещание:

Мои сыновья и моя родня,
Я умоляю вас,
Лицом к родимой горе меня
Положите в мой смертный час.

Видел и мой отец на заре
Ее пред своим концом.
К белой горе,
К снежной горе
Положите меня лицом![72]

Перевел *Н. Гребнев*

Кулиева похоронили там, где он просил. Воля его была священна.

Через два года после смерти поэта народы Кабардино-Балкарии отмечали 70-летие со дня рождения Кайсына Кулиева в Музыкальном театре.

Кешоков приехал из Москвы и выступил со взволнованным рассказом о Кулиеве, о пройденном вместе с ним пути, о том, кем для него был балкарский поэт. «Он был для меня честью и совестью, — говорил Алим Пшемахович, — олицетворением мужества во всем и нравственным идеалом; Кайсын ценил превыше всех ценностей на свете дружбу людей, их взаимопонимание, доброту и чуткость. Был он принципиальным и смелым человеком, не боялся вышестоящего начальства. И когда надо было защитить меня и мой роман «Сломанная подкова» от несправедливых нападок, он это сделал во имя справедливости, а не только во имя нашей с ним дружбы...»

Все дальше в историю уходят имена великих людей. Кайсын Кулиев останется навечно в памяти народов как выдающаяся личность.

---

[72] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. С. 328.

МИХАИЛ ДУДИН И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Мы шли, за жизнь и смерть в ответе,
Сквозь все лишения вперед[73].

К. Кулиев

«Говорю моему поколению» — это последнее стихотворение Кулиева, посвященное ленинградскому поэту Михаилу Дудину, милому Мише — как ласково называл его Кайсын. Он любил его за чудесный рассказ «Девочка и море» (М., 1975), сборник стихотворений и поэм «Соловьи» (Ярославль, 1972), за его легендарную жизнь, когда он «вышел с ружьем в превосходную стынь...» (Дудин), за то, что он жил в городе на Неве, что вынес вместе с ленинградцами 900 дней жестоких испытаний холодом, голодом и самой смертью, что он был в Кабардино-Балкарии и в 30-е годы строил Баксанскую ГЭС, и за многое, многое другое...

Михаил Дудин и Кайсын Кулиев — поэты, сражавшиеся на фронтах Отечественной войны не только винтовкой, но и стихом. Были они почти ровесниками.

До Великой Отечественной Дудин успел «прихватить» еще одну войну — на Карельском перешейке. По словам поэта, он находился тогда на страшном перекрестке адского холода и смертельного огня:

Мы мужеству учились у камней,
У этих скал, седых и угловатых,
Когда сквозь грохот финских батарей
Мы шли вперед для схваток и расплаты.

За горизонтом скрылся полуостров[74]

В начале войны Дудин служил на Ханко, в том гарнизоне, который, «находясь на 450 километров западнее осажденного фашистами Ленинграда, не дрогнул, не познал отступления, а занял у противника девятнадцать

[73] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 228.

[74] *Дудин М.* Соловьи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972. С. 27.

примыкающих к Гангуту островов». Кулиев в это время сражался в Прибалтике, откуда и начал свой боевой путь, точнее, с Латвии, города Даугавпилса (Двинска), который фашисты бомбили день и ночь. «Казалось, что горят камни и вода реки... — вспоминал поэт. — Наша бригада сражалась действительно насмерть. Многие наши товарищи погибли в тех боях за Латвию». Нравственный опыт минувшей войны позволил с особой полнотой проявиться гражданскому темпераменту поэта при осмыслении человеческих судеб и дел, ставших нетленной памятью:

Тебя пришлось мне видеть в дни иные.
Горел песок твой, камень, валуны.
В твоей земле я хоронил впервые
Своих друзей в начале той войны»[75].

Перевел *Н. Гребнев*

«Стихи, написанные в Латвии» начаты вскоре после окончания войны, а закончены лишь летом 1973 года, когда поэт отдыхал в Доме творчества писателей в Дубулты. Осмысливая путь своего поколения, к которому принадлежал и Михаил Дудин, наблюдая факты и подробности фронтового быта, Кулиев писал:

В начале той войны так путь был труден,
Что ныне не забыл я ничего.
Я помню: сосны падали, как люди,
Стеная в миг паденья своего[76].

Перевел *Н. Гребнев*

Стихи Кулиева — «Перед боем», «На войне», «Клятва», «Я верю», «Россия» и Дудина — «Да, я солдат. Завидуй мне. Дивись...», «Землянка», «Мой походный котелок», «Весь лагерь спит. Песок прохладный дышит...», «Камень», «Соловьи» («О мертвых мы поговорим потом...»), «Снег», «Жаворонок» и многие другие военных лет отражали реальную историю народного подвига, массового героизма советских людей, сражавшихся на берегах Балтики, просторах Украины и Белоруссии, на площадях европейских столиц. Оба поэта в своих стихах запечатлели образ неповторимо-

---

[75] *Кулиев К.* Вечер. М.: Сов. писатель, 1974. С. 113.
[76] Там же.

го времени сороковых годов, стали выразителями народного гнева, скорби и ненависти к врагу, мужества и веры в победу. И чем труднее было на фронте, тем сильнее звучал в их стихах призыв к самопожертвованию.

За нами Россия — родимая мать,
Без слова готов за нее умирать, —

писал Дудин в 1941 году. Готов был отдать свою жизнь и Кулиев:

Я кровью напою твой каждый дол,
Умру, обняв тебя, земля моя!

Перевел *Д. Кедрин*

Молодой горец из Чегема и поэт из осажденного Ленинграда показывали войну такой, какой она была: трудной и страшной, с беспощадно суровыми картинами смерти и страданий людей. Иначе Дудин писать не мог, потому что видел быт войны собственными глазами:

...на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

Снег. 1943

Или: «...Смерть на войне обычна и сурова. И все-таки мы воздух ловим ртом при гибели товарищей. Ни слова не говорим. Не поднимая глаз, в сырой земле выкапываем яму» («Соловьи», 1942).

Кайсын Кулиев уподоблял свой стих воину («Сегодня стих мой—раненый боец»), который поднимается, «кровью, исходя», чтобы идти вперед. «...Поэзия в те дни должна была вбирать в себя драматическую атмосферу, — писал он,— в ней должно было жить небывалое мужество людей, очень хотевших жить, но сражавшихся и погибавших за свою Родину». И мужество это проявлялось в бою, в повседневном военном быту:

В России — снег, а тут дожди весь день.
Насквозь мокры обмотки и шинели.
Стоим по пояс в ледяной воде,
От холода и грязи почернели.

Перевела *Ю. Нейман*

Художественное осмысление нравственной силы воюющего народа не могло не привести к раздумьям о родине, о матери-России, ставшей в те годы символом многонациональной Отчизны, родного края, далекого детства. Поэтическое решение темы Родины и отчей земли, где мать напевала колыбельную песню, прозвучало в стихотворениях Кулиева 1942 года — «Стихи, написанные в госпитале» и «Самое дорогое».

Мне кажется, в тебе, моя страна,
Девичьи слезы каждый камень льет
И каждая седая крутизна
Тоскою материнскою полна[77].

Перевел *Д. Бродский*

Дружба народов явилась в те годы решающим фактором в борьбе с врагом. И поэтическая мысль отражала эту объективную закономерность. В «Разговоре» (1941) Дудина философски осмысляется это содружество. Что поддерживало людей в трудные минуты на фронте и в тылу? Уверенность, что ты не один, что эту участь разделили миллионы людей. «Друг в друга вера, спаянная кровью», — отвечал разведчик полковой батареи Михаил Дудин. Он писал:

...дружбу бережно храня,
Мы из воды сухими выходили
И мокрыми из самого огня.

Дорога гвардии

Воины Кулиева — тоже люди разных национальностей, объединенные общностью цели:

Чуваш, дружа со мною, от души
Мне с табаком протягивал кисет.
Мне русые знакомы латыши, —
Я, раненный, оставил крови след
На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом[78].

Перевел *Д. Кедрин*

---

[77] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 94.

[78] Там же, С. 84.

Оба поэта воспевали не только боевую дружбу, но и взаимосвязь литератур, у которых единые интересы, одни и те же задачи. Стихотворения Кулиева — «Поэт на фронте» (Алиму Кешокову), «Всегда гордился тем, что горец я!» (Николаю Тихонову), «Кериму Отарову», «Твоя земля» (Владимиру Сосюре), написанные в 1942 году, — и дудинские — «Январь. Февраль. А после, после...» (Борису Пророкову, 1941), «Волга» (П. Антокольскому, 1942), «Сентябрь» (М. М. Зощенко, 1943), «Романтика» (Аркадию Пекельному, 1944) — стали исповедью, наказом, просьбой, обращенными поэзией к сражавшемуся народу. Стихотворение «Сталинградцам» (1942) Кулиева и поэма «Волга» (1942) Дудина воспели беспримерный подвиг защитников волжской твердыни, сражавшихся двести дней и ночей. «Столбы земли встают над Сталинградом. Здесь битва небывалая идет. На жизнь и смерть», — писал Дудин. А Кулиев как бы давал клятву: «Мы не уйдем отсюда, пока жив хоть один из нас...» (Подстрочный перевод автора). Строка взята из стихотворения Кулиева «Сталинградцам».

Оба поэта говорили о том, что вдохновляло воинов на боевой подвиг: любовь к родине, преданность народу, ответственность перед близкими, желание скорей увидеть любимых — жен, матерей, сестер, — долг и воинская присяга, желание дожить до победы и много других объективных и субъективных факторов. Вот один из них:

И если буду раненый лежать
Средь выжженного поля, горы мои,
Орлиным клекотом окликну мать:
— О Родина, о воля, горы мои![79]

Перевела *М. Петровых*

Это был основной источник силы в борьбе с ненавистным врагом. Воин-горец стоял, «высок и недвижим, как будто высеченный из скалы», перед ним проходили старики, «и брови их, как снег вершин, белы». Он видел, что «пламя в саклях вспыхнуло сильней. Скрипят арбы. Горит родной аул. Он слышит плач и женщин и детей». Священная ненависть к тем, которые приходили убивать и грабить, оправдывала жестокие поступки и мысли:

---

[79] Там же. С. 93.

Он за серебряную рукоять
Кинжал из ножен вынул, подержал,
Взглянул на лезвие. В ножны опять,
Ни слова не сказав, вложил кинжал[80].

Перевел *М. Зенкевич*

«Клятва» написана Кулиевым в 1942 году. Она звучала в стихах многих поэтов-фронтовиков, доживших и не доживших до долгожданной победы. Зрелость их патриотического сознания измерялась степенью проявленного ими героизма во имя защиты родного края и Родины, осознанного нравственного выбора, оплаченного самой дорогой ценой, — драться до конца, до последних сил во имя будущей жизни и свободы. И Михаил Дудин рассказал, как

Выходил, со всем на свете споря,
Никем не покоряемый вовек,
Из крови, из пожарища, из горя
Воистину бессмертный человек!

Дорога гвардии

Кайсын Кулиев и Михаил Дудин, ликуя, встретили День Победы, завоеванный дорогой ценой. В «Стихах, написанных 9 мая 1945 года» поэт-воин с берегов Невы восклицал — по праву личного участия:

Ничто сейчас единство душ не разнит.
Ликуй, всепобеждающий народ.
Свободна наша Родина! И праздник
Сейчас по нашей улице идет!

С годами все отчетливее проявляется общечеловеческий смысл и значение лирики военных лет, в которую Михаил Дудин и Кайсын Кулиев внесли достойную лепту.

Их военные дороги не пересеклись, и они знали друг друга только по стихам. Их дружба началась в 1957 году. И когда Кулиев получил письмо от Дудина с предложением принять участие в совещании по вопросам поэзии на тему «Поэт и современник», а затем — и официальное приглашение из СП РСФСР, он с радостью поехал в Ленинград. Письмо пришло 9 ноября 1959 года, а спустя несколько дней он получил пригласительный билет на вечер

[80] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 92.

поэзии, который должен был состояться 12 декабря. Встреча с друзьями и участие его во Всероссийском совещании в Доме писателя им. В. Маяковского были, по сути дела, для Кайсына праздником души. Он встретился здесь с М. Дудиным, Н. Тихоновым и многими другими поэтами, делился с ними своими планами творческой работы на будущее, ездил на экскурсию по Ленинграду. По просьбе работников культуры Кулиев выступал перед рабочими Металлического завода, в красном уголке молодежного общежития на Большой Охте[81]. После выступления Кулиев еще долго отвечал на вопросы молодых рабочих, подписывал автографы, а потом сфотографировался с ними на память о встрече.

Встреч с Дудиным у Кулиева было много. Оба они в 60-х годах играли большую роль в культурной и литературной жизни страны. Сборники стихов Кулиева расходились большими тиражами и никогда не залеживались на прилавках магазинов. Успех заключался в том, что его лирика находила отклик в умах и душах людей, давала живой ответ на многие вопросы, волновавшие современников поэта. Глубина философской мысли, интеллектуальность, высокая художественность, гениальная простота изложения, сила убедительных выводов и умение проникать в человеческую душу искусством искренности — вот те немногие причины, которые сделали известной поэзию Кулиева.

Успеху и популярности Кулиева способствовало и обаяние его личности. Его частые поездки по Союзу, выступления в многочисленных коллективах, среди рабочих фабрик, заводов, студентов учебных заведений, молодежи новостроек тоже сыграли свою определенную роль. Дудин встретился с Кулиевым на одном из юбилейных торжеств и сразу оценил его профессиональное мастерство как публициста и оратора.

Много раз они встречались в Пятигорске, отмечая Лермонтовские дни, бывали вместе на юбилейных торжествах в Грузии, Армении, Киргизии, Казахстане, Белоруссии, на Украине. Летали в Норильск и зарубежные страны. И везде у Кулиева было много друзей. «Он прекрасно умел превращать своих старых верных друзей в друзей своих

[81] Литературная газета. 1959. 15 дек.

новых друзей. Он обрастал друзьями, как матка роем гудящих пчел, — писал М. Дудин в январе 1986 года, уже потеряв навсегда своего Кайсына. — Он познакомил меня с Берды Мурадовичем Кербабаевым, и этот мудрый аксакал позволил мне быть его другом.

Он познакомил меня с Абдижамилом Нурпеисовым, блистательным казахским писателем, и тот стал моим другом, отзывчивым, верным.

Он свел меня с удивительным армянским поэтом Амо Сагияном, и я с восхищением перевел его книгу на русский язык, а Левон Мкртчян, по рекомендации Кайсына, раскрыл мне свою Армению во всех ее измерениях.

Я познакомил его с моим лучшим другом Сергеем Орловым, и Орлов вошел равным в круг нашего дружества»[82].

Они почти не расставались в 1972 году, когда отмечалось 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Для этой цели руководители нашего государства мобилизовали все средства массовой информации, искусство в его различных видах и, конечно, литературу. Кулиев и Дудин приняли участие в концерте «Песни родины моей», который прошел в Колонном зале Дома союзов, побывали в Молдавии и Латвии, и везде они выступали по радио и телевидению. Как участники рейда дружбы, они славили Великий Октябрь в стихах и прозе...

В 1974 году постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР поэту К. Ш. Кулиеву за сборник стихов «Книга земли» была присуждена Государственная премия СССР. Поздравляли его с этой высокой наградой многие литераторы, ученые, литературоведы, друзья и знакомые, в их числе был и Михаил Дудин. Он радовался от души успехам друга и знал, что Кайсын давно уже был достоин этой награды. В статье «Платан на площади» он писал: «Кайсын открыт для мира, и открыт давно. Его поэзия, его поэтическая судьба, как платан на площади, заметны и далеко видны. В ней есть таинство жизни и красота, завораживающая души пронзительностью откровенности и восторга, ответственности перед временем»[83]. Эти слова сказал Дудин в том же

---

[82] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 11.
[83] *Дудин М.* Платан на площади // Литературная газета. 1974. 3 апр.

1974 году. Он гордился своим другом, его дружбой, поэтому не мог не писать о его новом произведении: «...пишу о Кайсыне Кулиеве и о его книге, которая называется просто и внушительно — «Книга земли»[84]. Он много раз писал о Кулиеве, начиная с 1962 года до последней статьи «Свет любви и жизни», датируемой январем 1986 года, в которой он как бы подводил итоги всему сказанному о своем друге и прощался с ним навсегда[85].

Они любили друг друга. Их чувства нашли выражение в стихах, посвященных друг другу. В 1963 году Кулиев написал послание своему другу — «Соловьи». В нем воспоминания об одной ночи, когда Кулиев, Дудин и Берды Кербабаев были в Фирюзе и слушали соловьиные трели. Об этом вспоминал и Дудин в статье «Платан на площади»: «Мы ни о чем не говорили. Мы только слушали эту ночь. Этих соловьев...» Обращаясь к Дудину, Кайсын писал:

Ты помнишь весной Фирюзу и ее соловьев,
Что пели и пели, сливаясь с дыханием ночи,
Как в древние годы? В их пении — голос веков
И голос всей жизни: «Земля, я люблю тебя очень!»[86]

Перевел *Н. Коржавин*

«Голос веков и голос всей жизни» в вечном весеннем призыве соловьиного пения. Та же мысль и у Дудина, когда он писал в 1942 году стихотворение «Соловьи» — о преемственности поколений и о песне соловья, которая не подвластна старению...

---

[84] Там же.

[85] См. статьи М. Дудина о К. Ш. Кулиеве: От переводчика // Нева. 1962. № 1. С. 17; Заветное // Лит. газ. 1964. 23 апр.; «...И бесконечен непокой // Лит. газ. 1967. 5 дек. С. 6; На пути к вершинам // Кулиев К. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. С. 5; Надпись на книге Кайсына Кулиева // Дружба народов. 1965. № 8. С. 168; О Кайсыне Кулиеве // Дудин М. Собранение сочинений. Л., 1977. Т 1. С. 95; Мужество и нежность // Школьная библиотека: Хрестоматийный сборник. Киев, 1972. Вып. 3. С. 133—137, 138—199. Укр.; «Кайсын Кулиев» // В Детской энциклопедии. М., 1976. Т. 11. С. 224—225; Славь молодость, поэт! // Известия: Московский вечерний выпуск. 1977. 3 окт.: «Свет любви и жизни» // Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 9.

[86] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. С. 102.

...родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи[87].

Взаимовлияние друг на друга и творческие связи — это объективные процессы, которых невозможно избежать. Тем более, когда родство душ и интересов налицо. Об этом говорит переписка между ними. Так, в одном из писем Дудин писал Кулиеву: «Скоро к тебе в Нальчик заявится мой хороший знакомый, наш с тобой ровесник, Василий Павлович А. Он скульптор, отличный портретист... Не откажи, посиди перед ним немного, чтобы он вылепил тебя, потом высек из гранита Чегемского ущелья, чтобы я имел возможность видеть свет твоих очей в любое время, когда мне это потребуется...»[88] В другом письме, от 14 сентября 1970 года, Дудин писал из Ленинграда: «Дорогой Кайсынчик! Пока я сидел в Михайловском и переводил Бараташвили, мне Ирина сказала, что ты поехал за лавровым венком в Югославию и обещал на обратном пути побывать в Ленинграде...»[89] Шутливые и серьезные, деловые и сугубо личные, письма были разными, но все они касались творческой работы двух больших поэтов. В одном из таких писем Михаил Александрович писал: «...я окончательно убедился в том, что без тебя лично перевод я сделать не смогу. Поэтому я и решил поехать в любезную моему сердцу Кабардино-Балкарию.

Я постараюсь тебе не надоедать, сами мы, конечно, найдем подходящий для меня угол с камельком и с видом на Эльбрус»[90]. 9 апреля 1970 года Дудин отвечал Кулиеву: «А вчера получил подарок из Нальчика — великолепно изданную «Горскую поэму». Спасибо!..»[91]

Ленинградская писательская организация готовилась отметить в 1976 году юбилей М. Дудина, в связи с этим намечалось издать собрание его сочинений. Нужно было вступительное слово, поэтому 19 сентября 1974 года Кулиеву было отправлено письмо из издательства «Художественная литература» (Ленинградское отделение).

---

[87] *Дудин М.* Соловьи. Ярославль, 1972. С. 36.
[88] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 39, л. 2—3.
[89] Там же, л. 7.
[90] Там же, л. 1.
[91] Там же, л. 4.

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! — говорилось в нем. — В нашем издательстве намечено к изданию в 1975—1976 гг. собрание сочинений М. А. Дудина.

Обращаемся к Вам с большой просьбой — написать вступительную статью о поэте, которого Вы так хорошо знаете. По условиям она должна быть не более одного авторского листа. Срок представления предисловия — 1 января 1976 года.

Убедительно прошу сообщить о Вашем решении.

С уважением редактор Г. Антонова»[92].

Кулиев с удовольствием выполнил просьбу редактора и написал прекрасное предисловие о своем замечательном друге.

В 1976 году, в ноябре, праздновали юбилей М. Дудина: ему исполнилось 60 лет со дня рождения. В связи с этим в Москве в Концертном зале им. П. И. Чайковского 19 ноября состоялся вечер поэзии. Получил приглашение на этот вечер от Союза писателей РСФСР и К. Кулиев. В нем сообщалось:

«Дорогой Кайсын! 19 ноября в связи с 60-летием Михаила Дудина юбилейная комиссия Союза писателей СССР проводит в концертном зале П. И. Чайковского вечер советской поэзии.

Прошу подтвердить свое участие в этом вечере.

Заранее благодарим Вас.

Сергей Орлов, зам. председателя юбилейной комиссии»[93].

Программу вечера поэзии вел С. Михалков. Один за другим выходили на трибуну К. Ваншенкин, С. Викулов, Г. Горбовский, Ю. Друнина, А. Межиров, С. Наровчатов, С. Орлов, Л. Ошанин. Эти поэты-фронтовики читали стихи о войне и о любви к Мише Дудину, бывшему солдату, товарищу по оружию. Со словами привета выступил и Кайсын Кулиев.

Было приглашение К. Кулиеву и из Ленинграда. «Уважаемый Кайсын Шуваевич, — сообщал ему первый секретарь правления Ленинградской писательской организации, — 17 ноября с. г. в Ленинградской филармонии состоится вечер поэзии, посвященный 60-летию со дня рождения Михаила Дудина. Просим Вас принять в нем участие и

---

[92] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 183, л. 91.

[93] Там же, оп. 5, ед. хр. 101, л. 10.

сообщить нам о своем приезде в Ленинград. А. Н. Чепуров»[94].

Вечер в Ленинграде проходил в Большом зале имени Д. Д. Шостаковича. Кулиев поздравил юбиляра с правительственной наградой — присвоением звания Героя Социалистического Труда. Побывал Кулиев вместе с другими писателями и на родине Дудина — в г. Иваново[95].

«Мы дружим с Дудиным давно и никогда ничем не огорчали друг друга, — говорил Кулиев. — И для этой дружбы у нас много есть оснований. Еще в юности Дудин побывал у нас в Кабардино-Балкарии, строил Баксанскую ГЭС и как-то полушутя сказал, что в лампе, стоящей на моем столе, есть маленькая частица добытого им света.

Мы оба крестьянские сыны и знаем, что такое труд земледельца, и знаем, как пахнет свежевспаханная земля. Мне приходилось воевать под стенами Ленинграда в парашютно-десантных войсках. И это, конечно, нас сближает с Дудиным. Можно сказать, это у нас общая память. Я рад, что Михаил Дудин был в моей сакле, видел Чегемское ущелье, наблюдал, как плещется в Жылги форель. Мне нравится то внимание, с которым присматривается Дудин к разным краям, новым пейзажам, новым людям, как он слушает стихи, звучащие на незнакомом языке. Он убежден, что общительность — неотъемлемое свойство поэзии. Может быть, поэтому много переводит»[96].

Пребывание Кайсына Кулиева на юбилее Дудина на его родине широко освещалось в печати. Так, газета «Рабочий край» г. Иваново поместила большую статью о Дудине, с его фотографией, и выступление Кайсына Кулиева.

«В горах Кавказа, между Эльбрусом и Казбеком, горит свет Дудина, — так начал свое выступление Кайсын. — Этот свет ложится на страницы раскрытой тетради, когда я сажусь работать.

Я спустился с гор, чтобы здесь, в Иваново, обнять своего лучшего друга».

Статья называлась «Я песней обязан народу служить». Ее получил Кулиев спустя некоторое время от Владимира Смирнова, написавшего поэту письмо 3 декабря 1976 года. Оно теперь хранится в архиве Кулиева[97].

---

[94] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 111, л. 12.
[95] Там же, ед. хр. 102, л. 6.
[96] Кто твой друг // Литературная Россия. 1976. 2 нояб.
[97] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 75, л. 3.

Через год, в 1977 году, земляки Дудина из Ивановской области поздравляли Кулиева с его 60-летием со дня рождения и писали в своей телеграмме: «Самому знойному мужчине Москвы и Кавказа, служившему Отечеству, г. Иваново, целовавшему ивановских девушек, а самое главное — прекрасному человеку, поэту желаем в день 60-летия и после творческого и мужского потенциала.

Любящие Вас ивановские писатели. Наш адрес: 153492. Город Иваново, пр. Ленина, 16. Союз писателей. Тел.: 4-02-92»[98].

К. Кулиева и М. Дудина часто видели вместе на литературных вечерах, совещаниях писателей. Возможно, поэтому многие любители поэзии воспринимали их стихи как что-то сходное в образно-идейной и духовной жизни. Так, художник из Ленинграда, Олег Булкин, обращаясь к Кулиеву, писал о том, что 20 лет тому назад он в Доме писателей им. В. Маяковского познакомился с Михаилом Александровичем Дудиным. «...Когда он мне пожимал руку, я до сих пор ощущаю шероховатость и тепло его руки, хотя с тех пор я его больше не встречал, — писал Олег. — Я очень люблю его стихи, как и стихи Расула Гамзатова. В последнее время я здорово увлекся Вашими стихами. Забрав из библиотеки все до единого сборника, какие только имелись там, я стал глубоко увлекаться и Вашей поэзией.

Кайсын Шуваевич, я Вам посылаю фоторепродукции, выполненные мною, надеюсь одну из них заполучить вновь с Вашим автографом.

Буду благодарен Вам не менее, чем Вы благодарны солнцу.

Спасибо Вам за все. С уважением О л е г Б у л к и н»[99].

Было и второе письмо Кулиеву, которое называлось «Известному поэту от неизвестного художника». В нем говорилось о любви к поэзии Кулиева и Дудина[100].

Дудин всегда был осведомлен, где был Кулиев, что делал, что его заботило и волновало. Он знал о друге почти все. Так, когда Кулиев 21 апреля 1982 года был в Ереване, где его чествовали как гостя на одной из литературных «сред» в университете, Михаил Александрович дал

---

98 Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 8.
99 Там же, оп. 4, ед. хр. 43, л. 1.
100 Там же, л. 2.

телеграмму следующего содержания: «Дорогой Левон, вместе с тобой приветствую Кайсына в Ереване. Надеюсь, он потеплеет от вашей весны и произнесет что-нибудь достойное и самой весны, и Еревана, и вас с Кайсыном, и меня, грешника».

Письма Дудина Кайсыну всегда интересны: в них задушевность и теплота взаимоотношений, легкий юмор и искренность. Они понимали друг друга с полуслова. И письма их были как бы продолжением неоконченного разговора. Даже письма других людей говорили об их сходных чертах характера. И любили с ними общаться, как с милыми и добрыми друзьями. Вот что писала Кулиеву их общая знакомая Ираида Ульянова 8 сентября 1972 года:

«Здравствуй, Кайсын! Вот тебе твоя книжка. Я бы сразу послала, да нигде не было. Это для тебя расстарался один хороший человек из Молдовкниготорга — Илья Островский (пишу, чтобы ты знал, кого благодарить — не меня). А мне очень тоскливо. Сначала уехал ты, потом Миша. Миша удивительный. Он понял, что мне будет плохо, и оставшиеся два дня все время оживлял мои примятые листочки своей нежностью, воспоминанием.

Проводила я его в грозу. И теперь — в своем лесу со своими воспоминаниями, чувствами, в которых еще надо разобраться.

Написала вам двоим стихи «на прощанье». У Миши они есть, у тебя нет.

К. К. и М. Д.

Вы, разные, — в чем-то едины.
И сами вы, и ваши книжки.
Не верю я в ваши седины,
Мои дорогие мальчишки.
Стихам и глазам вашим верю.
С такими стихами, глазами
И возраст годами не мерят.
И вы это знаете сами.
За вашу способность делиться
Избытками юности этой,
Люблю ваши юные лица,
Мои дорогие поэты.
И в мужестве вы непреклонны,
И в нежности неистощимы.
За это мой низкий поклон вам,
Мои дорогие мужчины.

Будь здоров. Будь радостен. Будь!

Если приедете — будет лучший праздник для меня. Целую тебя» [101].

По каким-то причинам Кулиев не получил этой книги, и она, пролежав на почте, вернулась в Кишинев. Тогда Ираида Ульянова написала второе письмо поэту. «Уважаемый Кайсын Шуваевич, — сообщала она, — получила обратно посланную Вам книжечку Трубецкого. То ли Вы не получили моего письма, где я писала Вам, чтобы Вы получили на почтамте книжку, то ли Вы не пожелали или не смогли ее получить. На всякий случай посылаю ее Вам опять в таком виде, как получила ее обратно, и с письмом очень приличной давности.

Надеюсь, что Вы здоровы и все у Вас хорошо. Желаю доброго. И. Ульянова»[102].

Внизу красным карандашом Кулиев написал: «Г. Кишинев, пр. К. Маркса, 19/5, кв. 81. Ираида Ульянова»[103].

Интересен в связи с этим и другой факт. Якутский писатель Савва Дангулов, близкий друг Кулиева и Дудина, в статье «Опираясь на мужру», которую он отослал «на суд» Кайсыну, писал о том, что они (Кайсын и Дудин) духовно близки друг другу: поэтому-то Дудин, делая наброски портрета Кайсына, не только точно передал его отдельные черты лица, но и отразил его нравственный облик. Вот цитата из этой статьи: «...поэт Дудин рисовал Кулиева, наверное, он это делал не впервые — портрет, и типичный, возникал мгновенно. Мы с Кулиевым не без восторга следили за тем, какое чудо творит дудинский карандаш. Дудин закончил портрет и вручил его Кулиеву. Тот украсил портрет истинно кавказской надписью, патетической и шутливой, в которой были слова о «красивом кавказце», и придвинул портрет мне. Я смотрел на портрет, и была в облике поэта, как его воспринял Дудин, этакая бедовость джигита. Я сказал об этом Кулиеву, портрет отца которого не сохранился: «Это от озорства?»

Кайсын улыбнулся: «Нет, от бескорыстия. Больше того, и от снисходительного отношения к людским порокам — невольные прегрешения нужно прощать»[104].

---

[101] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 80. л. 1.
[102] Там же, л. 2.
[103] Там же.
[104] Там же, ед. хр. 120, л. 16.

Друзья М. Дудина и Кулиева не раз обращались с просьбой к ним обоим, чтобы они присутствовали на юбилеях. Очевидно, они считали, что поэты придавали торжеству какой-то блеск. И хотя они не были старейшинами, их все-таки почитали и принимали за них. Об этом свидетельствует письмо В. С. Жукова, отосланное Кулиеву 18 февраля 1980 года из г. Иваново. «...31 марта сего года, — писал он, — мне грохнет 60 лет. В связи с этим общественность моего родного города решила провести вечер поэзии, который должен состояться 28 марта, в пятницу, в 18 ч. 30 мин.

Очень приглашаю Вас в гости и прошу Вашего согласия на упоминание Вашего доброго и светлого имени в афише вечера. М. А. Дудин согласие дал.

Черкните мне, пожалуйста, поскорее. Обнимаю. Ваш Вл. Жуков»[105].

Многочисленные поклонники поэзии К. Кулиева и М. Дудина предпочитали слушать стихи Кулиева в переводах Михаила Дудина. Об этом они и писали Кайсыну.

Поток писем увеличивался после чтения стихов Кулиева по всесоюзному радио. Так, после радиопередачи «Поэтическая тетрадь», 5 марта 1977 года, Кулиев получил большое послание от Нины Григорьевны Степановой, комсомолки 30-х годов, москвички. «Мы получили большое удовольствие от передачи стихотворения К. Кулиева «Женщине посвящается»... Нам было приятно услышать голос самого талантливого, очень талантливого поэта и его поздравление женщинам. Спасибо ему! — благодарила она. — Просим передать побольше его стихов, особенно в переводах поэта Дмитрия Кедрина. Хорошо бы дать нам возможность послушать жену Кедрина, очень честного человека по отношению к людям.

Талантливый К. Ш. Кулиев делает очень большое дело, когда славит и возвышает Женщину-Мать... Руководство радио хорошо сделало, что организовало эту передачу»[106]. Далее в письме следовал подробный адрес слушателей и пожелания в радиокомитет СССР.

Как-то Кулиев и Дудин выступали на одном из вечеров поэзии и Кулиеву передали записку: «Уважаемый

---

[105] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 10, л. 1.
[106] Там же, оп. 5, ед. хр. 35, л. 13.

Кайсын Шуваевич! Прочтите маленькое стихотворение на своем родном языке.

А Михаилу Дудину скажите на ушко, что слово «языков» произносится с ударением на втором слоге.

С любовью к Вам и Вашим стихам! Петрова»[107].

В 60—70-х годах имена М. Дудина и К. Кулиева становятся хрестоматийными: их произведения включаются для изучения в программы по литературе и в учебники для русских и нерусских школ. Так, известный составитель учебника «Литература народов СССР» В. Шошин обратился к Кулиеву пересмотреть текст книги, намеченной к переизданию. Он жил в Ленинграде, был членом редколлегии журнала «Аврора», состоял в Ленинградской писательской организации. «Дорогой Кайсын Шуваевич! Здоровья Вам и доброго вдохновения на весь 1978 год! — писал он. — В связи с подготовкой переиздания книги «Литература народов СССР» прошу Вас высказать свои соображения по тексту книги, особенно раздела, посвященного лично Вам. Книга у Вас имеется. В учебном пособии все должно быть как можно лучше! С наилучшими пожеланиями В. Шошин»[108].

Все, что касалось в этом учебнике его, Кайсына, имело отношение и к М. Дудину. Его произведения тоже значились в этом учебнике и в других учебниках по литературе. Перелистывая книгу, Кайсын задержал взгляд на коллективной фотографии. Вот они, сорокалетние и пятидесятилетние друзья, идут по площади — К. Кулиев, Ч. Айтматов, М. Карим, М. Дудин — в светлых летних костюмах, еще молодые и красивые...

Дудин и Кулиев всегда были в курсе всех происходящих литературных событий. Так, в сентябре 1975 года Пушкинский Дом (ИРЛИ) в Ленинграде организовал и провел научную конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения С. А. Есенина. На конференцию были приглашены ученые страны, поэты и писатели. В числе приглашенных были М. Дудин и К. Кулиев. По какой-то причине Кулиев не смог поехать в Ленинград, но, узнав, что доцент КБГУ Т. Е. Эфендиева едет туда с докладом «Трагическое в стихах о любви С. Есенина и К. Кулие-

---

[107] Там же, оп. 6, ед. хр. 29, л. 28.
[108] Там же, ед. хр. 38, л. 26.

ва»[109], передал своему милому Мише Дудину привет и «дары Кавказа», как выразился Кайсын.

Гостеприимный Михаил Александрович радушно принял Т. Е. Эфендиеву. С ней была и ее 15-летняя дочь Ирина, которая никогда не была в северной столице и упросила маму взять ее с собой, чтобы пройтись по прославленному Невскому проспекту и побывать в Эрмитаже. Выступления ученых ее мало интересовали, и только в последний день конференции она пошла, чтобы послушать выступление ее матушки и навести соответствующую критику. Потом она не раскаялась, что посетила Пушкинский Дом. На выставке, посвященной С. А. Есенину, она увидела редкие вещи: его стихотворение, написанное кровью, «До свидания, мой друг. До свидания...», посмертную маску, золотистый его локон («Эти волосы взял я у ржи»), его личные письма и др.

М. А. Дудин выступил на конференции, а после пригласил к себе гостей из Нальчика, чтобы с ними передать поклон и письмо его другу Кайсыну. Тогда-то Михаил Александрович подарил Ирине свою небольшую книгу «Девочка и море», оставив свой автограф на память, как он выразился, молодой смене. Ныне Ирина Салиховна Жетишева (Эфендиева) кандидат медицинских наук, доцент КБГУ. Мы прилагаем дарственную надпись на книге М. А. Дудина.

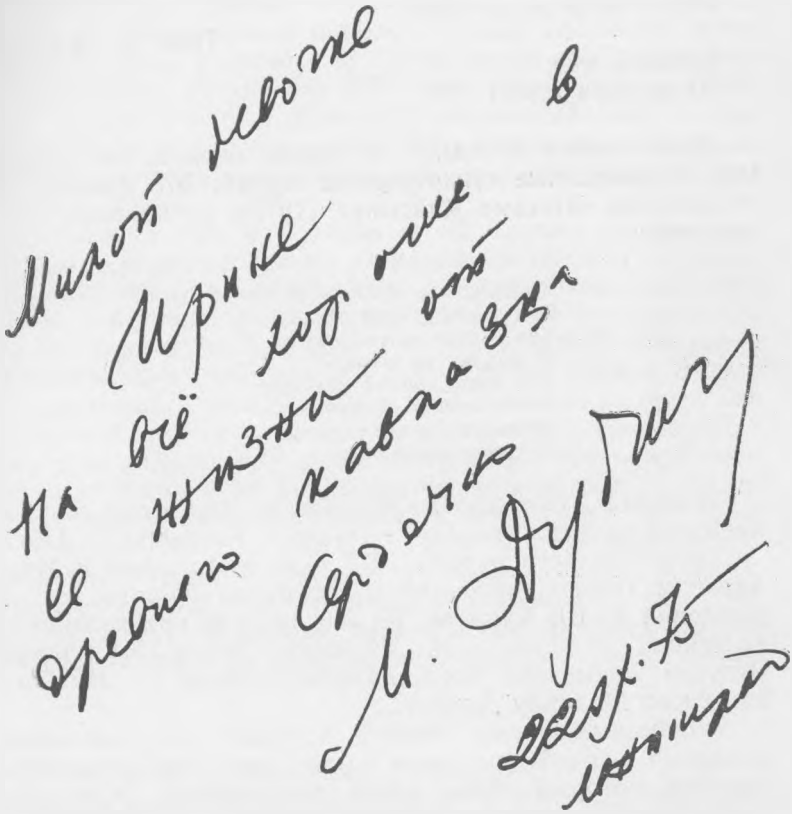
Переписка между поэтами, открытые и личные письма друг к другу — это прежде всего взаимное духовное общение, уверенность в ответном отклике, во взаимопонимании. Это и мысли вслух о важном и неважном, об обыкновенных человеческих делах и поступках. Одно из таких писем было отправлено Кулиеву Дудиным, когда он отдыхал вместе со своей женой Ириной в Гагре в октябре 1976 года.

«Кайсын! — писал Михаил Александрович. — Вот я и в Гагре. Совсем Ленинград рядом с тобой. Стоит только чуть-чуть прислушаться, можно услышать, как ты с Макой разговариваешь.

Ты мне напиши, когда я должен быть в Грозном. Мне надо заранее заказать билеты. И вообще, поставь меня в

---

[109] См.: Русская литература. Л., 1976. № 1. С. 270. (В редакционном обзоре.)

известность о более точном плане наших действий, потому что 25—26 октября мне надо быть в Ленинграде.

Погода здесь стоит хорошая. Я купаюсь. Бездельничаю и разлагаюсь, играя в карты и посещая базар, где есть жалкий виноград «Изабелла» и трава под названием «кинза», которую очень любит Ирина.

Кланяйся своим домашним и тем, кто меня помнит.

Обнимаю и целую тебя.

Твой М. Дудин.

Напиши мне.

20 октября 1976 г.»[110].

Дудин писал Кайсыну не только письма, он подарил ему и прекрасные стихотворные строки. Это прежде всего послание «Письмо Кайсыну» (1972), начинавшееся так искренне:

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.
Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре...

Подарил Дудин своему чегемскому другу еще одно замечательное стихотворение — «Сонет Кайсыну»[111] (1977).

Одиннадцатого ноября 1977 года в Нальчике в Музыкальном театре торжественно отметили 60-летие со дня рождения К. Ш. Кулиева. Из Ленинграда приехала целая делегация во главе с М. Дудиным. После выступления Чингиза Айтматова председательствующий С. Михалков дал слово Михаилу Дудину:

«Любезный моему сердцу, Кайсын! Ты — настоящий, истинный поэт. А что такое поэт? Поэт — это редкостный человек, который отдает свою душу народу. А большие и малые народы стоят вровень со всеми. Твои 60 лет — это годы служения своему народу. Ты есть богатырь творчества духа нашего времени, твоя песнь позволяет приблизиться к человеческому духу людей всего мира.

Мои ленинградские друзья, твои братья по перу, по-

[110] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 52, л. 1.

[111] *Дудин М. А.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1987. Т. 2. С. 302.

ручили мне от их имени и имени трудящихся Ленинграда передать поклон твоей Музе, твоему таланту, твоей песне. У тебя, Кайсын, сильные крылья. Будь всегда в полете, наш горный Орел! Будь, Кайсын!»

Был Дудин и в Москве, где в Концертном зале им. П. И. Чайковского тоже был проведен вечер в связи с 60-летием со дня рождения К. Кулиева. Через два месяца по инициативе Дудина в Ленинграде в госфилармонии им. Д. Д. Шостаковича в большом зале состоялся вечер поэзии Кулиева в связи с его днем рождения. Творческий вечер начался 26 января 1978 года. Вел программу Михаил Дудин. Это был последний творческий вечер с участием Кайсына Кулиева, когда общественность России так широко отмечала знаменательную дату рождения горского поэта.

Последние пять лет жизни К. Ш. Кулиев серьезно болел. Он перенес несколько операций. Лечился в основном в Москве, лежал в спецбольнице на Мичуринском проспекте или в Кунцево. М. А. Дудин знал о его состоянии, ездил его проведывать. В одном из писем автору этих строк Дудин писал в 1985 году: «А с Кайсыном, Тамара Емельяновна, очень плохо. Я был у него в больнице сразу же после того, как он туда лег, а потом почти ежедневно я говорю из Ленинграда с ним по телефону. Он очень страдает и от боли, и от унижения перед этой болью. Но он держится, и мужественно держится...»

12 июня 1985 г. в «Литературной газете» Михаил Дудин писал: «Прощай, Кайсын! Ты был радостью, Кайсын, радостью живого мира и моей радостью. И слово твое идет по миру... Я люблю тебя, Кайсын. Больше мне нечем расплатиться за твою любовь на пороге твоей вечности».

* * *

В 1990 году книга Кулиева «Человек. Птица. Дерево» была удостоена Ленинской премии. «Когда шло обсуждение представленных на высшую в нашей стране премию книг, — вспоминал Левон Мкртчян, — мы с Михаилом Дудиным болели за Кайсына. Дудин говорил, что его угнетает нынешняя людская приниженность, что она его унижает. Поэзия Кулиева хоть и отмечена глубоким трагизмом, всей своей сутью противостоит приниженному взгляду на жизнь».

Верный друг Кайсына Михаил Дудин и другие друзья поэта продолжали бороться за то, чтобы мечта Кулиева, хоть и после его смерти, осуществилась. Он должен стать лауреатом Ленинской премии! И они добились этого через пять лет после смерти поэта. Но осталась только горечь победы: Кулиев не мог радоваться этому свершившемуся факту вместе со своими друзьями.

КЕРИМ ОТАРОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Ты настоящий поэт и поэт большой.

Из письма К. Отарова К. Кулиеву

Керим Отаров и Кайсын Кулиев с самых первых дней Великой Отечественной войны ушли добровольцами на фронт, как и тысячи других писателей. Одному из них не удалось дожить до 40-летия Великой Победы. В 1974 году Отарова не стало. В последний путь поэта провожал его друг — Кайсын Кулиев. Он ушел в вечность, но остались в народе память о нем, его стихи.

В сороковые-огневые, четко сознавая, в чем назначение поэзии, Отаров писал в стихотворении «Верное слово солдата»:

Хороший стих — надежный
друг бойца,
Он кровью храбрых пламенеет,
Он греет богатырские сердца
И слабых делает сильнее.

«Поэзия, на каком бы языке она ни создавалась, под каким бы небом ее голос ни звучал в те годы, — утверждал Кулиев, — как и ныне, была против фашизма, стала на его пути. И фашисты ненавидели поэзию»[112].

Оба поэта находились в действующей армии. Керим воевал в пехотной дивизии на Брянском фронте, служил офицером разведки, участвовал в боях в качестве коман-

[112] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 422.

дира стрелкового взвода. Кайсын тоже сражался на разных фронтах. Уже в самом начале войны они познали тяжелые дороги отступления в пороховом дыму и пыли, ожесточенные оборонительные бои и короткие часы отдыха, когда на смену штыку приходила поэзия. Думая о тревожном времени, шагая трудными дорогами войны, Кулиев имел право сказать:

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе,
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей[113].

Перевел *В. Державин*

Высочайший подвиг тружеников фронта и тыла вошел в плоть и кровь художников слова, вызвав потребность рассказать о виденном, о собственных внутренних переживаниях, о чувствах поэтов-воинов, разделивших с народом все тяготы военной жизни, когда они, оставив свои творческие замыслы, мечты, дорогих и близких сердцу людей, являлись примером честного служения Родине. Кулиев так писал об этом в 1942 году:

Убежденность моя созрела
Не в уютном, теплом дому,
А в полях, под бурей обстрела,
В ливне пуль, в огне и дыму[114].

Перевел *В. Державин*

Находясь на лечении после ранения в чебоксарском госпитале, Кулиев имел возможность писать в Союз писателей СССР своим товарищам — П. Скосыреву, А. Дееву, Л. Выборновой, Л. Ерусалимчик. Он просил их сообщить, что известно о судьбе балкарского поэта Керима Отарова и кабардинского поэта Али Асхадовиха Шогенцукова (1900—1941). Вскоре сюда же, в госпиталь в Чебоксарах, Кулиеву пришел ответ от А. Деева, который писал: «Получили Ваше письмо. Это первое письмо за время войны. Мы не получили еще никаких подстрочников. Между тем потребность в материале есть и работа над переводами ведется непрерывно...

[113] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 200.
[114] Там же.

Могу только сообщить неточные сведения, что Керим Отаров со значительной группой работников республики ушел в горы. Где Али Шогенцуков, пока не знаем, думаем, что он, вероятно, в Махачкале. Возможно, что на днях поедет один наш товарищ для установления связи...»[115]. То же самое писал Кулиеву из Москвы П. Скосырев 26 сентября 1942 года: «Мы не знаем ничего о судьбе большинства кабардино-балкарских писателей. Особенно волнует нас неизвестность о Шогенцукове»[116].

И Кулиев, и в Союзе писателей СССР еще не знали, что через несколько месяцев после того, как в 1941 году А. А. Шогенцуков отправился на фронт, он был захвачен в плен. Замученный пытками и голодом, он умер в конце 1941 года в Бобруйском лагере. В Союзе писателей СССР узнают об этой трагической гибели спустя некоторое время. И А. Деев дважды будет писать об этом Кулиеву — 9 марта и 16 апреля 1943 года. «...Очень сожалею о печальной судьбе Али. Как же это не сумели его задержать, как местные организации допустили, чтобы погиб такой поэт, ведь их так мало в Кабарде»[117]. 16 апреля этого года он снова писал: «Как жаль Али Шогенцукова, у кабардинцев так мало хороших поэтов»[118].

О Кериме Отарове Кулиев вскоре узнает, что он воюет, пишет фронтовые стихи и имеет связь с Союзом писателей, куда и прислал Отаров свое стихотворение «Неизвестная могила солдата» — о смерти замечательного поэта-партизана балкарца Азрета Будаева, ранняя смерть которого потрясла всех, кто знал его до войны и работал с ним в Союзе писателей КБАССР. Истерзанного поэта, не выдавшего никого из своих товарищей-партизан, фашисты избили до полусмерти и бросили в одно из глубоководных Голубых озер Черекского ущелья Кабардино-Балкарии. «Чистые воды горного озера приняли в свои холодные объятия тело своего отважного сына. Это случилось 4 декабря 1942 года, — писал его боевой товарищ Хабу Кациев. — Последними словами поэта были: «Смерти я не боюсь... Скоро вернется Красная Армия, она отомстит за меня и за тысячи невинно погубленных детей, стариков,

---

[115] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 36, л. 14.
[116] Там же, ед. хр. 75, л. 1.
[117] Там же, ед хр. 31, л. 1.
[118] Там же, л. 8—10.

женщин. Не будет житья вам на нашей священной земле». Эти гордые слова Азрета запомнили очевидцы-пастухи, которые рассказали о мужественном поведении поэта перед смертью»[119].

Стихотворение Отарова «Неизвестная могила солдата» (в русском переводе С. Виленского и Я. Серпина известное под названием «Памяти поэта») было написано в июне 1943 года, после трагической гибели двадцатисемилетнего поэта, сражавшегося с фашизмом в рядах партизан на территории своей республики, оккупированной захватчиками. В нем Отаров не стремился к показу героической личности, хотя поэт был действительно героем. «В любую минуту я готов отдать жизнь за родину»[120], — писал в эти дни Будаев. В стихотворении даны лишь узловые моменты жизни и трагической судьбы Азрета Будаева, известного уже до войны своими сборниками стихов. Начало стихотворения сразу вводит читателя в драму, которая произошла в 1942 году:

Не вырыта солдатская могила,
Не выведена Красная звезда:
В глухую ночь тебя навеки скрыла
Холодная озерная вода[121].

Поддерживая в людях мечту о победе, их веру, что не зря проливается кровь лучших сынов Отечества, Отаров стремился сказать, что героическая судьба Азрета Будаева воплощала в себе торжество жизни над смертью. Поэтому следующая строфа несла эту мысль: «Но даль светла и день шумит, вставая...» И поэт утверждал, что величие человеческого духа неистребимо. Горцы-земляки будут помнить о нем, знать и любить его стихи:

...слышим мы, дыханье затая,
Как ото всюду нам звучит живая,
Горячая поэзия твоя[122].

Узнав адрес своего земляка Керима Отарова, Кулиев написал ему. Завязалась переписка. Друзья в письмах де-

---

[119] Боевая слава Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1966. С. 235.
[120] Там же. С. 233.
[121] *Отаров К.* Дороги. М.: Сов. писатель, 1959. С. 97.
[122] Там же.

лились своими творческими планами, грустными мыслями о семьях, которые остались на оккупированной территории. Обменивались они и стихами, помогая друг другу советом. Так, в одном из писем, от 4 декабря 1943 года, Отаров писал:

«Дорогой мой Кайсын! Получил твои стихи и письмо. Бесконечно я благодарен, дорогой мой друг! Ждали твоего письма и стихов с нетерпением. И только поговорили мы о тебе — и буквально через несколько минут приносят твоих целых четыре пакета. И так замечательны твои стихи. Поверь, Кайсын, я говорю от всей чистой души, без никакой лести и прочего другого. Со мной сидит в одной комнате Ахмат Энеев, сын Энеева Хашима, партизана гражданской войны, который, кажется, погиб под Сталинградом в прошлом году.

Ахмат Энеев — замечательный, умный и грамотный. Пожалуй, в литературе он разбирается лучше многих наших литераторов, «маститых фигур» в балкарской литературе. Так вот, Энеев Ахмат души не чает в твоих стихах. Читая твои последние стихи, мы и пришли к заключению, что так остро о войне, о Родине, судьбе человека, о его жизни и смерти, о которых пишешь ты, — никто не писал за время войны.

Ты настоящий поэт, и поэт большой. Большой поэт, вышедший из среды маленького народа (численно маленького, подчеркиваю).

Не будет переоценкой твоих скромных трудов, если мы скажем: «Балкарцы имеют свою художественную литературу, стоящую на достаточно высоком уровне». Пусть так мало работающих в этой области человеческой деятельности, но мы сделали немало полезного. В этом львиная доля принадлежит тебе. И этому твои друзья от души радуются. Я и все твои друзья от души желаем здоровья, добра и счастья. Желаем, чтобы ты не одну книгу стихов написал еще о войне, а несколько. Книгу твою я подготовил к печати. Как начнут издавать — она пойдет первой в производство. Так ее и название будет — «Клеймим фашистов!». Хорошо так будет».

Эта похвала старшего собрата по перу (Отаров был старше Кулиева на пять лет) была очень приятна молодому поэту, не избалованному критиками и литературоведами. Тогда Кулиев не знал, что А. Фадеев в это же вре-

мя записал в своем небольшом блокноте о нем: «Подлинный горец и подлинная поэзия»[123].

Высоко оценил военную лирику Кулиева поэт Я. Козловский. Он сказал: «Я начал переводить Кулиева не так давно, но знаком был с его поэзией в сороковые годы. Уже в 1943 году Кулиев был очень известным поэтом, его имя гремело на фронте, его читали в хороших и разных переводах»[124].

Война продолжалась. Кулиев воевал, а Керим Отаров после госпиталя, на костылях, без одной ноги, вернулся в Нальчик. О том, что он пережил, какие мытарства прошел, — обо всем этом он рассказывал в письмах своему другу, отправляя их на фронт. Вот что писал Керим: «Дорогой Кайсын! Этой весной жди моих стихов. Я пока пошлю тебе только парочку. Одно стихотворение написано мною в конце 1942 года в госпитале. Это второе стихотворение, адресованное тебе из госпиталя. Мне было тогда очень плохо...»

Сколько тогда он перенес мучений и горя, видно из его биографии, написанной самим поэтом. «В больничной палате нас было тринадцать молодых парней, и все с гангреной ног или рук, — писал Отаров. — Страшно было оставаться калекой, и мы отказывались от ампутации. Но когда в живых осталось только трое, я дал согласие на операцию...»[125]

Кайсын Кулиев и Керим Отаров в годы войны переписывались. Их письма теперь имеют огромное значение как литературно-художественные и исторические документы того времени — Великой Отечественной войны.

В письмах они интересовались судьбой друг друга. Даже делали запросы в Москву, к А. Дееву. Об этом факте говорится в письме К. Отарова, интересовавшегося, на каком фронте находился Кулиев. «...Деев писал мне о тебе вторично, что ты поедешь на Кавказский фронт. Он так и писал: «Думаем Кайсына послать на Кавказский фронт, чтобы он словами и своим авторитетом дрался с врагами за освобождение родного Кавказа, который он горячо любит». Мне было радостно, что ты поедешь туда,

---

[123] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 49, л. 1.

[124] Там же, оп. 6, ед. хр. 33, л. 49.

[125] *Эфендиева Т. Е.* Страницы жизни и творчества Керима Отарова. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 21.

увидишь родные горы, и больно от того, что мне может быть уже больше никогда не вернуться на Кавказ. Я был в очень тяжелом положении. Одной ногой, можно сказать, в могиле. Мне было до слез тяжело. И тогда я написал тебе открытку, где в конце писал: «Будешь на Кавказе, поклонись от меня родным горам». Кажется, так было. Не знаю, дошла она до тебя или нет. И тогда я написал тебе второе стихотворение — «Сен Кавказны кёрсенг» («Если ты увидишь Кавказ»). Недавно его читали по радио, озаглавив: «Кайсыну Кулиеву».

А когда я получил из Москвы твои стихи в переводах, то плакал, читая их. Это — «Слово сердца». Я вспоминал свои тяжелые дни и свою открытку, посланную тебе.

Тяжелые дни были тогда. Да, дорогой, многое выпало на нашу долю и много пришлось нам пережить. Но будем верить: настанет день, когда коварный враг будет уничтожен и земля отдохнет после этих тяжелых потрясений. Тогда мы снова встретимся и будем счастливы тем, что, исполнив сыновний долг перед любимой Родиной, честно, с чистой душой и совестью скажем: «Да, мы сделали все, что могли для защиты родной земли, не требуя для этого никаких наград и поощрений. Наш долг — честно служить Родине, и мы его выполним». Я так думаю»[126].

Так думали многие участники Великой Отечественной войны, которые вернулись домой искалеченные. В окопах они мечтали о мирной и счастливой жизни, думали о том, как их, солдат, совершивших бессмертный подвиг, будут высоко чтить, уважать и гордиться ими. Но многих фронтовиков постигла иная участь: о них не думали, потому что вчерашние участники войны не были больше нужны Сталину. В. П. Некрасов в своей повести «В родном городе» рассказал, как жили герои всенародной освободительной войны, победители фашизма, искалеченные инвалиды, которых не брали на работу, никто не думал об их лечении, быте, есть ли у них квартира. Не было протезов, инвалидных колясок, и жили они на жалкую пенсию в нужде[127].

---

[126] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 49, л. 2.

[127] *Эфендиев Ф. С.* Великая Отечественная война и духовная культура советского народа: (По произведениям В. П. Некрасова) // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995. С. 121.

Керим Отаров, известный поэт, вернувшись инвалидом в родной город, оказался в таком же положении. Об этом он писал своему другу на фронт — К. Кулиеву:

«...Сейчас я живу в таких условиях — как рядовой конторский служащий, который имеет, конечно, лучшие квартирные условия, чем я. Шесть месяцев я находился без квартиры и каждый день ходил, обивая пороги разных начальников — больших и малых. И не удостоился того, чтобы получить квартиру более удобную. Сейчас я живу чуть ли не на самой окраине города, на границе «Еврейской колонки». Оттуда хожу на работу каждый день... Конечно, после этого я не могу не быть «благодарным» им, их сиятельствам, за оказанное мне большое «внимание». Некоторые уважаемые наши люди на мое требование квартиры, отвечали: «Пустовавшую комнатку найдем, но с кухней не обещаем». На такое отношение, какой-нибудь наш друг фронтовой — солдат сказал бы: «Положил бы я на тебя...» И далее: «Нас судьба не баловала. Я думаю, что лучше всего быть свободным человеком. Не выслуживаться ни перед кем, даже перед самим Богом. Не привык я... чьи-то ноги обтирать, какие бы высокие посты эти люди ни занимали в жизни. Я люблю свободу...

Так вот, дорогой мой Кайсын! Таковы наши дела. Мне кажется, поэт должен быть свободным гражданином. Правда, подхалимам и прочим подобным живется куда лучше на свете. Но это ведь плохо. Любой человек скажет, что такие люди идут нечестным путем. Хорошо, когда говорят о человеке, что он добрый, честно трудится и живет нормальной жизнью.

Ну, хватит, а то я тебе заморочил голову. Пиши чаще, присылай свои стихи. Это своего рода рецепт для меня и на пользу мне.

Тамара и дочка твоя живы и здоровы. Жена твоя на тебя обижается, что ты не пишешь ей, а сама говорит, что пишет тебе часто. Это слова Жанны и Фатимат, которые вчера со мной сидели в столовой и обедали. Почему ты ей не пишешь?

Редактор русской газеты просит тебя, чтобы ты прислал ему стихи и статьи (очерки и пр. произведения). Об этом он просит и Алима Кешокова.

Вот как будто бы все.

Да, я тебе не писал о том, что Столяров после двухлетнего молчания появился. Он где-то на Гомелевском на-

правлении. Его точного адреса у меня нет. Акаев и Киреев тоже живы... А. Деев должен приехать! Он едет в командировку на Кавказ. Он телеграфировал мне из Москвы.

Так все. Пиши почаще, хотя пару слов. Крепко тебя обнимаю, дорогой. Твой К е р и м.

Город Нальчик.

Стихи вышлю в другом письме» [128].

Они продолжали переписываться, обменивались мнениями, думали о скорой встрече на родной земле, так как война подходила к концу: уже шло освобождение Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии и Болгарии. Они не могли даже предполагать, что с приближением весны весь балкарский народ ожидало большое горе и испытание: приближалось 8 марта — день депортации. А Керим Отаров, уволенный из Армии по инвалидности, не подозревая, что всего семь дней осталось до высылки, радовался наступлению весны и верил, что она принесет советским людям Победу над фашизмом. 1 марта 1944 года он писал Кулиеву:

«Дорогой Кайсын! Сегодня первый день весны. У нас вчера была плохая, сырая погода. А сегодня яркий весенний, солнечный день. Я хочу передать тебе от всей души сердечный привет с пожеланием здоровья и полного счастья. Пусть **эта весна принесет нам победу, чтобы следующую весну встретить нам вместе здесь,** в кругу своих друзей, круг которых значительно сократился.

Милый друг! Как много прошло времени с тех пор, как мы, твои друзья, проводили тебя в Армию. Мы тогда, конечно, не знали всего того, что нас ожидало впереди. Я помню первый день войны. Это сообщение мы с Николаем Столяровым слушали вместе. В то время в одном подъезде жили. Слово «война» огорчило всех... Мы тогда долго бродили с ним в парке, и Николай говорил: «Может быть, Кайсына уже нет на свете, и мы ничего о нем не знаем...»

Но ты, Кайсын, жив, и пусть никогда слово «смерть» не коснется тебя. Ты должен жить! Ты нужен своим друзьям, ты нужен Родине!

Пусть судьба сохранит тебя, наш милый друг!

Пиши почаще. Получил твою карточку. Спасибо. Толь-

---

[128] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 49, л. 3.

ко ты похудел и постарел, друг! Но ничего, женщинам ты снова понравишься и такой. Это главное.

Привет Алиму Кешокову. Елена писала вчера.

Керим Отаров»[129].

Встретиться на родине, как они мечтали, им было не суждено: Керим Отаров вместе с семьей был выслан во Фрунзе. «Здесь с середины марта 1944 года по 1956 год жил и работал поэт. Сначала работал завучем в Краснореченском детдоме Ивановского района Киргизской ССР, а с июля 1945 года по февраль 1956-го — на трикотажной фабрике в г. Фрунзе»[130]. Офицер Кулиев по национальному признаку был уволен из Армии и тоже депортирован.

...Военная лирика Керима Отарова и Кайсына Кулиева не ограничивалась только национальными рамками. Через лично пережитое они стремились к выражению общенародного, к тому, что имело общезначимый характер. Поэтому их творческие поиски были направлены на конкретно реалистическое изображение войны, на отношение к ней народа и отдельной личности. Воюющий человек и черты его характера были объектом внимания поэтов. Национальная обособленность была чужда балкарской поэзии, сумевшей запечатлеть особенное как общечеловеческое. И это находило конкретное выражение в лирике Керима Отарова и Кайсына Кулиева, как наиболее известных поэтов Северокавказского региона. Строфа Кулиева «Я твой сын, беру оружие, боль твоя моею стала раною» выражала подлинное гражданское понимание сути дела («Жизнь, я твой сын!», 1942). Именно такой и была тревога каждого солдата перед лицом общенародной опасности в дни горя и скорбного гнева. Так, обращаясь в 1943 году к Владимиру Сосюре в стихотворении «Твоя земля», Кулиев писал:

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Так тяжек был глаз этих мертвых укор.

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,

---

[129] Там же, л. 4.

[130] *Эфендиева Т. Е.* Страницы жизни и творчества Керима Отарова. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 25.

Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она[131].

Перевела *В. Звягинцева*

Послания или посвящения Кулиева, как и Отарова, адресовались не только друзьям, но и городам, республикам, целым народам и отдельным их представителям с одной только целью — выразить мужество и тяжкие усилия солдат, сражавшихся с врагом до последней капли крови. Эти стихи носили героико-патриотический, задушевно-лирический характер. «Украине» (1943) Отарова — одно из таких стихотворений, в котором он писал от имени тех, кто свято верил в разгром врага и кто был рядом с ним в трудные дни войны:

Мы о тебе с любовью вспоминали
В густых лесах под Брянском и Орлом,
Мы не могли до срока возвратиться,
Твою судьбу решали мы в бою...[132]

Перевел *С. Виленский*

Такое же стихотворение по тематике — «Русские равнины» (1942). Обращаясь к России, Отаров писал: «Равнины русские, люблю я ваш простор, задумчивость берез и пламя краснотала»[133] (перевели С. Виленский и Я. Серпин). Ему здесь дорого все: и деревни среди пшеничных полей, и песни жаворонков, и тихие реки. Это чувство равносильно его большой любви к родным горам. В этих духовных истоках раскрывалась сила и мощь народного духа. Только тот, кто чувствовал сыновнюю привязанность к русскому народу, мог такое сказать в те дни, когда пол-России находилось под пятой оккупантов:

Судьбу благодарю
За то, что в грозный час
Иду на бой с врагом
За русские равнины[134].

Перевели *С. Виленский* и *Я. Серпин*

---

[131] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 155.
[132] *Отаров К.* Дороги. М.: Сов. писатель, 1959. С. 84.
[133] Там же. С. 69.
[134] Там же. С. 70.

Эта же мысль и у Кайсына Кулиева, лаконизм и выразительность которой переданы одним-единственным сравнением:

Все это, *как песня земли родной,*
Так близко душе и навеки свято.
И горец любой и латыш любой —
Твои несгибаемые солдаты[135].

Перевела *В. Звягинцева*

Отношение к России в те годы, независимо от национальности, у всех солдат было единое: помочь облегчить ее участь, избавить от насилий и гнета народ, отстоять свободу и независимость Отечества. Поэтому не случайно в стихотворениях Отарова «Услышь меня, Россия!» и «Россия» воссоздан поэтический образ старой и новой России с ее прогрессивными, патриотическими и гуманистическими традициями, славным историческим прошлым. Поэт вспоминал времена минувших столетий, когда русская земля подвергалась нашествиям страшных полчищ степных кочевников, считавшихся непобедимыми шведов, немецких рыцарей. Мужественная борьба русского народа с неисчислимыми силами врагов вызывала сочувствие поэта. Обращаясь к той, многострадальной Руси, претерпевшей страшные бедствия, он говорил: «Печали и беды твой лик омрачили, дышала ты трудно, устало. Ты гибла, казалось, но мощные крылья ты снова расправила, встала»[136]. Не обошел своим вниманием Отаров и самый напряженный период истории Кавказа, когда шла борьба за присоединение его к России. Он не касался социально-исторических причин, но стремился выразить суть народного мироотношения к России, ласково называя ее матерью-отчизной.

В публицистически-агитационном стихотворении «Услышь меня, Россия!» Отаров обращался ко всем россиянам в этот самый трудный год — сорок второй — от имени горцев Кавказа и уверял в том, что в тесном союзе они смогут общими усилиями отстоять свою свободу и независимость. Их истоки дружбы и единства — в общей совместной борьбе, когда народы Кавказа «с надеждой тянулись к

---

[135] *Кулиев К.* Горы. С. 143. Выделено нами. — *Авт.*
[136] *Отаров К.* Дороги. М., Сов. писатель, 1959. С. 88.

России», так как знали, что она защитит их в «печали, что русские горцам — родные»[137].

Живым чувством историзма пронизана вся поэзия военных лет. Поэтому в лирике Отарова и Кулиева часто встречаются исторические ассоциации, аналоги и параллели. Исторические аспекты, занимавшие определенное место в стихотворениях этих двух поэтов, часто приобретали современное звучание и оставались актуальными на протяжении многих лет. Ведь национальная независимость, воинская доблесть, умение побеждать врага всегда были и будут факторами формирования этнического самосознания. От имени своего народа Кулиев писал в 1942 году:

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны[138].

Перевел *В. Левик*

Эти строки были обращены к Кериму Отарову, но они обрели общенародное звучание, как и строки письма самого Отарова, адресованные Кулиеву в том же сорок втором-огневом: «Многое выпало на нашу долю и многое пришлось пережить. Но будем верить: настанет день, когда коварный враг будет уничтожен и земля отдохнет после тяжких потрясений. Тогда мы снова встретимся и будем счастливы, что исполнили сыновний долг перед Родиной».

Отаров писал прямо с полей сражений, рассказывая о зверствах фашистов в стихотворениях «Сожженная земля» (1942), «Разоренная деревня» (1942), «Крик птицы в ночи» (1941). Когда поэт писал об этом, он не знал, что каждый четвертый белорус погибнет в страшной войне. «В разоренной деревне» — художественный отклик на боль и гнев Хатыни и сотен других деревень, уничтоженных врагом.

С бою взяли село на рассвете,
Не сдержал нас и шквал огневой.
С бою взяли село — и никто нас не встретил.
И души не отыщешь живой.

Перевел *С. Виленский*

[137] *Отаров К.* Дороги. М.: Сов. писатель, 1959. С. 89.
[138] *Кулиев К.* Хлеб и роза. М.: Мол. гвардия, 1957. С. 131.

Кайсыну Кулиеву Отаров посвятил в дни войны два стихотворения: «Не забудем» и «Слово другу».

В стихотворении «Слово другу» нет поэтизации боевых подвигов солдат, нет и стремления показать исключительный характер своего товарища по перу. Здесь другое. В спокойной манере изложения в самом начале стихотворения автор говорил о том, что прошли времена веселых песен, а вместе с ними прошла и молодость. Следующие две строки — более повышенного эмоционального содержания — вводят в мир высоких, гражданских, патриотических чувств солдата, страдавшего не столько от ран, от крови, которой промокла шинель, сколько от душевных потрясений, от сердечной боли и скорби. Образ боевого друга — это выражение лирического «я», выражение героико-патриотического духа сражавшегося народа, его сплоченности и единства. «Мы» в стихотворении — это горцы Кавказа и народы Поволжья, Сибири и Средней Азии, то есть люди всех национальностей огромной России — его великой Отчизны. «Мы были с народом вместе и в счастье, и в горе», — писал Отаров, обращаясь к Кулиеву. Для них «малая родина» и многонациональная Россия сливались в одно целое. Эмоционально сильное отаровское сравнение — «Без народа нет для нас счастья, как ребенку без матери» — еще более усиливало патриотическую тональность всего стихотворения, крепость и цельность чувств дружбы Отарова и Кулиева, замечательных сынов Кабардино-Балкарии.

1944 год был нерадостным и тяжелым в жизни обоих поэтов. Кулиев продолжал воевать с винтовкой в руках в крымских боях за Симферополь и Севастополь и редко стал получать письма от Керима Отарова. Из дому ему не писали давно. Судьба продолжала испытывать горских поэтов напряженным драматизмом стремительно развернувшихся событий в жизни их родного народа. Сам Кулиев это описал так: «В конце марта дождливым днем, получив очередное задание от редакции, я отправился на передовую. Прежде чем перейти Сиваш, мы заехали на полевую почту. Мне вручили письмо. Я сразу узнал почерк поэта Керима Отарова, хотя внизу на конверте значилась фамилия «Османов» и неизвестный мне адрес. Еще не раскрыв письма, я понял, что случилась беда...

Алим Кешоков, Гоффеншефер и другие мои товарищи

старались поддержать меня. Они понимали мое горе»[139].

Это письмо было от его фронтового друга К. С. Отарова, который после ампутации ноги был демобилизован, вернулся в Нальчик и приступил к своей прежней работе — председателя правления Союза писателей КБАССР. В начале марта 1944 года он разделил со своим народом судьбу переселенца. Позднее Кулиев сказал: «Народов плохих не бывает, на празднике жизни все народы одинаковы, а от подлецов, к сожалению, ни один народ пока еще не избавлен». Отаров сообщал, что он ищет работу, вероятно, скоро устроится на трикотажную фабрику в отдел кадров в г. Фрунзе. Отсюда он и писал о постигшей народной беде. Из письма Кулиев понял: нарушена по произволу отдельных личностей социальная справедливость и законность, поэтому его маленький народ, мужское население которого сражалось на войне, подвергся репрессии. «К великому горю, по произволу отдельных личностей такое случилось с некоторыми народами Северного Кавказа, Крыма и приволжских степей, — писал народный поэт Башкирии Мустай Карим спустя много лет, когда балкарцы вернулись из ссылки. Кайсын Кулиев и Керим Отаров вернулись вместе на родину, они дружили до самых последних дней жизни. Оборвалась золотая цепь дружбы этих двух великих балкарских поэтов со смертью Керима Отарова. Кулиев уйдет из жизни через одиннадцать лет после Керима, Кайсыну будет тогда 68. Народ помнит о них и знает об их истинной мужской дружбе.

После возвращения из Средней Азии и Казахстана остро встали вопросы образования, культуры и науки для балкарского народа. В течение тринадцати лет народ, можно сказать, находился в изоляции от общественно-политической и культурной жизни. Поэты и писатели депортированных народов не могли опубликовать свои произведения ни на одном языке. Началом подъема балкарской литературы стал Третий съезд Союза писателей КБАССР, который состоялся 25 июня 1958 года. На этом съезде Кулиев выступил с докладом, в котором глубоко проанализировал состояние балкарской поэзии, отметил в ней и положительные стороны, и некоторые недостатки. «Боль своего народа, — сказал он, — с большой силой выразила балкарская поэзия, только она. Кто лучше всего выразил духов-

[139] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 449.

ный мир балкарского народа, как не поэт Кязим Мечиев? Ведь в нашей литературе работают талантливые продолжатели дела Кязима Мечиева, к которым, по-моему, надо относиться с уважением. Я имею в виду Керима Отарова, Берта Гуртуева и других. Как говорил докладчик, писатели Ахмадия Ульбашев, Саид Отаров и другие были оторваны от литературной работы многие годы по независящим от них причинам. Но эти опытные писатели снова вернулись в наши ряды. Отсюда есть основание думать, что вырастет наша большая проза...»[140]

Говоря о состоянии литературы и культуры балкарского народа, Кулиев обратил внимание на следующее: «Балкарцы вернулись недавно. Очаг литературы не остыл там, в Средней Азии, и в этом большая заслуга нашей поэзии, чего не понимают в книготорге. Сейчас снова горит огонь нашей родной литературы, книги выходят. Я просто хотел сказать об этической стороне нашей работы.

Среди литераторов, как и в жизни, наблюдается чувство зависти. Это большей частью проявляется среди балкарских поэтов, чего греха таить. «Почему К. Отарова или Карабашева больше публикуют, а не меня? Чем я хуже?» — говорят такие люди. Будучи хорошим человеком, — продолжал Кулиев, — писатель должен отказаться от зависти, что нередко бывает у наших собратьев по перу. И еще одно замечание: иной писатель наденет макинтош и шляпу и уже считает, что он должен быть как можно дальше от своего народа. Это только вредит нам, когда мы отрываемся от родной почвы. Какой бы хороший макинтош ты ни надел, сколько бы денег «Карданов» ни дал, хотя «Карданов» много денег не любит давать, литератор должен быть прост. Мой юмор в большей степени относится к балкарским писателям...»[141]

В заключение своей речи Кулиев сказал о том, что к развивающейся балкарской поэзии нужно относиться благожелательно, что балкарские литераторы много пережили, «но мы не капризничаем и не говорим: «Принесите нам черешни и молока» и т. д. И Керим Отаров, и Берт Гуртуев, и я — все мы можем месить глину, если будет

---

[140] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 230, л. 22.

[141] Там же, л. 24—25.

надо. Мы только просим, чтобы к нам относились так, как полагается»[142].

Последняя фраза Кулиева больше относилась к работникам редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда», где была опубликована заметка-рецензия о первом балкарском альманахе, в котором были помещены и стихи Кулиева. Эту рецензию написал работавший в редакции газеты Киреев, сын писателя Михаила Киреева. Этот молодой «критик», не разобравшись в сути дела, в значимости выхода первого альманаха как литературного события в жизни балкарского народа и нравственно-эстетической направленности стихотворений Кулиева «Зимняя ночь» и «Дорожка», упрекал Кулиева в мелкотемье. Хотя стихи написаны, по мнению Киреева, с большим мастерством, но... «мол, приходится сожалеть о том, что поэт свои способности теряет на такие мелкие темы». Обидевшись на упрек Киреева, Кулиев говорил: «Вынужден сказать в порядке шутки Кирееву. Я до сих пор, оказывается, заблуждался, думая, что Пушкин — великий поэт! Он ведь тоже написал «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье» и другие стихотворения. Думаю, что это великие стихотворения. А наши критики не хотят, чтобы я писал о своей родной земле. Я не виню автора этой заметки, он — молодой человек. Я не согласен с тем, что такая атмосфера создалась в некоторых организациях республики, в частности в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда». Нельзя печатать такие «критические» вещи и направлять людей по неправильному пути»[143].

Защищая от незаслуженной критики своего друга Керима Отарова, Кулиев на этом же съезде говорил: «Порой на страницах газеты «Кабардино-Балкарская правда» необъективно освещается работа поэтов и писателей. Публикуются из ряда вон выходящие статьи. Мне было бы просто совестно не сказать об этом. Недавно, приехав из Москвы, я прочитал статью, в которой говорилось, что в нашем Союзе писателей не проводится работа с молодыми поэтами. Критика нужна, это бесспорно. Но в этом же номере газеты писали: «Такой «опытный» писатель К. Отаров...» Слово «опытный» берут в кавычки. Так нельзя де-

---

[142] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 230, л. 24—25.

[143] Там же, л. 26.

лать. Керим Отаров — действительно опытный писатель и отдал много сил кабардино-балкарской литературе»[144].

Взаимоотношения между Кайсыном Кулиевым и Керимом Отаровым всегда были дружескими и теплыми. Они глубоко уважали друг друга и радовались успехам, когда выходили их сборники из печати. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Так, в 1959 году Кулиев говорил на выездном заседании Бюро правления Союза писателей РСФСР: «Сейчас остро стоит вопрос, как изображать современность. У меня есть убеждение: все темы могут быть поэтическими, но все зависит от таланта. К примеру, возьмем Керима Отарова. У него есть стихотворение о простом каменщике, который строит дом. В нем ведется рассказ просто и тепло, без всякой риторики и декламации. Но главная мысль улавливается четко: человек является созидателем. Стихотворение талантливо. Оно говорит нам больше, чем самая большая поэма, и даже больше, чем большая поэма самого Керима Отарова»[145].

Талант Отарова высоко оценивали и другие писатели. Так, на VI съезде писателей КБАССР 4 сентября 1969 года в отчетном докладе говорилось, что «начиная с 30-х годов Керим Отаров создает глубокие по содержанию и национальные по форме стихотворения и поэмы. Этому свидетельствуют его поэтические сборники, вышедшие в свет за отчетный период и значительно раньше»[146]. «Многие из его произведений переведены на языки других народов нашей страны, — говорил Алим Кешоков. — В свое время Матусовский восторженно отзывался о довоенной лирике Керима Отарова: «О весне так красочно может писать только поэт, кому много раз приходилось наблюдать, как на горные пастбища приходит весна». Далее Алим Кешоков говорил о том, что Керим Отаров умеет изображать картины природы, весеннего дня, раскрывать внутренний мир лирического героя. «Поэт очень тонко чувствует красоту родного края, — подчеркивал докладчик. — Его стихи о Балкарии — это любовь поэта к отчей земле, к людям, в его стихах отражаются чувства радости, горести, которые он принимает близко к сердцу»[147].

Кулиев ценил в Отарове не только его большой талант,

---

[144] Там же, л. 28.
[145] Там же, ед. хр. 249, л. 98.
[146] Там же, оп. 2, ед. хр. 87, л. 32.
[147] Там же.

но и его исключительную работоспособность и усидчивость, стремление достичь определенной цели. «Отаров и Кешоков вызывают у меня глубокое уважение прежде всего тем, что много работают, — говорил он. — Я никогда не занимался измерением таланта людей — кто более талантлив, а кто менее. В отношении трудолюбия у меня вызывает большое уважение и Хачим Теунов, который любовно собрал материал и написал хорошую книгу о выдающихся деятелях культуры Кабарды. По-моему, это похвально, даже не говоря о размерах таланта, дарования. Неплохо было бы, если бы из балкарцев нашелся человек, который бы с такой же любовью проработал и написал книгу о деятелях балкарской литературы. Это было бы очень хорошо!»[148]

Кайсын Кулиев высоко оценивал творчество своего друга. Так, в своем докладе «Свет народной души», сделанном на заседании Союза писателей Кабардино-Балкарии в 60-е годы, он писал: «Этим крупным поэтом создан целый ряд поэтических книг, широко известных балкарским читателям, а недавно в Москве вышла его книга «Дороги» (1959), которая знакомит русских читателей с одним из лучших поэтов балкарии, поэзия которого глубоко человечна, мужественна, озарена светом большой человеческой души, души нашего современника, участника Великой Отечественной войны. Глубокие, содержательные стихи и поэмы Керима Отарова давно завоевали среди горских читателей любовь и признание»[149].

В 1974 году Кайсын Кулиев навсегда простился с ним. Он безутешно оплакал смерть друга и в лице Керима Отарова — непреходящую славу Кабардино-Балкарии. Отаров умер на 66-м году жизни. Говоря о большой утрате для балкарской литературы, о своем друге, старшем брате по перу — Кериме Отарове, Кулиев сказал: «...он один из крупных поэтов нашей литературы. По своей природе он был очень талантливым человеком, удивительно мягким, высокопорядочным. Всю свою жизнь Керим служил родному народу, Родине. В годы Великой Отечественной войны он мужественно сражался против фашизма не только с оружием в руках, но и своей поэзией, вдохновляя наши

---

[148] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 230, л. 24.

[149] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 95, л. 93.

народы на борьбу за защиту Отечества. Керим Отаров — это классик балкарской литературы. В его стихах и поэмах отражены история, культура родного народа, радость и его боль. Тем самым он обессмертил свое имя. Керим Отаров навечно останется в нашей памяти».

Когда отмечали 70-летие со дня рождения К. С. Отарова, Кулиев вел торжественный вечер среди студентов, преподавателей Кабардино-Балкарского госуниверситета, общественности республики. В своем выступлении он отметил, какую роль сыграл Отаров в становлении и развитии балкарской литературы, его высокую значимость в духовной жизни родного народа. «...Вернувшись с войны, искалеченный, с ампутированной ногой, он возглавил Союз писателей нашей республики,— говорил тогда Кулиев.— Помогал молодым писателям и поэтам Кабардино-Балкарии в публикации их произведений. Он имел тесную связь с Москвой, с А. Фадеевым, К. Симоновым, А. Твардовским и другими видными писателями нашей страны. Интересовался судьбой, литературным наследием Али Шогенцукова, М. Киреева еще в годы Второй мировой войны. Мы с ним переписывались с первых дней войны. Он писал мне теплые, душевные письма, и я очень благодарен был ему тогда за поддержку. В годы высылки он не сломался, много работал, писал, хотя и не имел права печатать свои произведения, как и все мы, спецпереселенцы. После возвращения на родину он многим дал путевку в жизнь, в литературу, помогал как редактор журнала «Дружба» в публикации начинающих поэтов. В лице Керима Отарова мы видели всегда преемственные связи старшего и молодого поколений в духовной культуре балкарского народа».

К 70-летию поэта была подготовлена монография профессором кафедры русской литературы КБГУ Т. Е. Эфендиевой «Страницы жизни и творчества Керима Отарова», но вышла эта книга только в 1997 году, когда отмечали 85 лет со дня его рождения[150].

На рукописи и в заявлении автора на имя обкома партии Кулиев писал: «Я ознакомился с рукописью. Она в полном объеме отражает творчество Керима Отарова. Это первая монография о поэте. Поэтому прошу включить в план издания. Кайсын Кулиев. Сентябрь. 1981 г.».

---

[150] *Эфендиева Т. Е.* Страницы жизни и творчества Керима Отарова. Нальчик: Эльбрус, 1997. 121 с.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Мы с тобой за все в ответе.

А. Твардовский

Эти слова принадлежат рядовому бойцу Теркину из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин». Кайсын Кулиев знал и читал эту книгу про бойца. Но лично не был знаком с ее автором в годы Великой Отечественной войны, не переписывался, не дружил, как с А. Фадеевым, К. Симоновым, К. Отаровым, Б. Пастернаком, Д. Кедриным и многими другими поэтами и писателями, участвовавшими своим творчеством в общенародной борьбе. Однако нельзя не сказать о духовной дружбе этих двух замечательных поэтов, хотя бы прикоснуться лишь к одной стороне их творчества и литературных взаимосвязей.

Поэтическое творчество Александра Твардовского стало бесценным духовным богатством нашей страны, потому что он внес в многонациональную поэзию 30—50-х годов столько нового, что можно с полным правом говорить о его традициях, влиянии, о его последователях и учениках. «Преувеличить значение его работы и личности невозможно, — говорил Кайсын Кулиев. — Он принадлежит к семье тех поэтов и тех людей, именами которых будет отмечен наш век. Весь свой громадный талант он отдал Советской Родине, вновь возродил мощь глубочайшей содержательности, естественности и драгоценной простоты великих мастеров русского слова...»

Последователем и учеником (в особом понимании) Александра Твардовского считал себя балкарец Кайсын Кулиев, новаторски воспринимавший традиции Александра Трифоновича и не раз писавший о его нравственном влиянии, хотя разница в возрасте была небольшой: Кайсын был моложе на семь лет[151]. Глубокие духовные узы связывали Кулиева и Твардовского, наследие которого находило всесторонний отклик в поэтической душе горского поэта, как одного из самых близких и родственных ему

[151] Воспоминания К. Кулиева о Твардовском — «Быть самим собой». См.: День поэзии, 1972; *Кулиев К.* Слово прощания // Воспоминания о А. Твардовском: Сборник. М., 1978.

поэтов нашего времени. Кулиев восхищался его самобытным талантом, глубоко народной поэзией, которая всегда служила людям, выражению их боли, надежды и страдания.

В течение многих лет этих двух поэтов связывала большая творческая дружба. С Твардовским Кулиев встречался на поэтических семинарах, очередных Всесоюзных совещаниях молодых литераторов, на праздниках дружбы и муз, как тогда называли Дни советской литературы, на юбилейных торжествах и съездах советских писателей, переписывался с ним, посылал ему свои книги, просил помощи и совета. И Александр Трифонович всегда находил время посоветовать, поговорить, поддержать молодого горского поэта. «Мне посчастливилось в течение многих лет пользоваться хорошим отношением Александра Трифоновича, его дружеским расположением ко мне», — вспоминал Кулиев. Благодарная память к человеку, который так много сделал для горского поэта, подсказала и другие слова о Твардовском — как учителе учителей. Так, на VI Всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем в Москве (1975), на поэтическом семинаре, которым руководил Кулиев, присутствовали, кроме молодых поэтов, Давид Кугультинов, Сергей Орлов, критик Борис Леонов. Они требовательно и справедливо подходили к оценке произведений начинающих авторов: ленинградца Евгения Колюхова, якута Алексея Михайлова, Натальи Батуриной из Волгограда и других молодых литераторов. В своем выступлении о мастерстве начинающих поэтов Кулиев сказал, что к творчеству молодых коллег нужно подходить так, как требовательно и мудро подходил к нам наш учитель Александр Твардовский. Кулиев поправил тех выступавших, которые педантично требовали, чтобы рязанский поэт писал о Рязани, а деревенский — о деревне. Он говорил: «Поэзия — не справочник и не путеводитель. Прикованность к одному месту, бытописательство — опасность другая. Первая (о ней уже говорили) — красивость, вычурность, литературщина. Александр Твардовский, учитель для всех нас, однажды хотел меня высечь: я написал поэму о поэте. Он мне полтора часа говорил, что нельзя делать художество на художестве...»[152]

---

[152] Цит. по: *Дардыкина Н.* Все еще впереди // Московский комсомолец. 1975. 21 марта.

В своих многочисленных выступлениях — на симпозиумах, творческих дискуссиях, на встречах со студентами, рабочими заводов, фабрик и строек — Кулиев часто произносил имя Александра Твардовского. Он для него — вершина, к которой надо стремиться. «Чем старше я становился, — писал Кулиев, — тем больше постигал могучую силу, значение и кажущуюся мне непостижимой художественную мощь его поэзии. Он из тех поэтов, для которых родной язык становится таким же священным, как земля отцов, ее хлеб и материнское молоко, сделавшие из нас людей».

Кулиев высоко ценил и любил поэзию Твардовского, его многогранный талант, чье творчество действительно помогало людям жить и трудиться, становясь их собственной радостью и болью, их стремлением к лучшему и благородному. Говоря о своем духовном наставнике, Кулиев признавался: «Он был нашей творческой совестью. При его жизни я никогда не осмеливался назвать себя учеником Твардовского, а когда его не стало, тем более не могу. Быть учеником такого человека — слишком большое дело. Как бы осмелился, например, назвать себя учеником Гёте или Пушкина. Я также никогда не старался писать под Твардовского, понимая бессмысленность подобных стараний. Но тут же хочу подчеркнуть, что его уроки и его пример стали для меня большой, неоценимой школой. Учиться — совсем не значит повторять учителя, быть похожим на него... Одно только то, что он жил среди нас, мы имели счастье общаться с ним, слушать его — было школой и благом для нас. А о той радости, которую испытывали мы от того, что многие наши вещи проходили через его руки и печатались под его редакцией, и говорить нечего. Я лично считал это таким счастьем для себя, которого больше у меня уже не будет»[153].

В течение многих лет Кайсын Кулиев часто печатался в журнале «Новый мир», который редактировал А. Т. Твардовский. Через его руки прошли произведения не только Кайсына Кулиева, но и Аркадия Кулешова, Миколы Бажана, Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Мустая Карима, Давида Кугультинова, Василия Быкова и многих других писателей и поэтов многонациональной литературы второй половины XX века. Постоянный интерес Твар-

[158] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 162.

довского к литературе национальных республик — это еще одно доказательство его широкой натуры, понимания жизненной истины: всегда будут зрелые мастера литературы и начинающие писатели, нуждающиеся в поддержке.

Твардовский умер в 1971 году. Кулиев был потрясен настолько, что нервный стресс заставил его лечь в больницу. В декабре этого года поэта навестил в больнице Левон Мкртчян. Они вспоминали Твардовского и говорили о заболевании Кулиева.

— Это от нервного потрясения, Левон, — жаловался ему Кайсын. — К тому же я простыл... У меня было много потерь. Но на моем веку больше не будет ни таких людей, как Твардовский, ни таких потерь.

В больнице Кулиев писал статью о Твардовском. На столе лежала рукопись.

— Мне заказали в «Новом мире». Твардовский еще был жив. Я его спросил, хочет ли он, чтобы статья о нем была в «Новом мире». Он мне ответил, что хула в других журналах ему будет более приятней, чем хвала в «Новом мире». Он был так плох, что не смог даже улыбнуться. Через два дня он умер...

Слова горячей любви, признательности, идущие от сердца, сказал Кайсын Кулиев о Твардовском в статье «Народный поэт», которую он начал за два месяца до его смерти и закончил уже в 1972 году. Эти заметки, по словам Кулиева, — «прощание с Александром Твардовским, это горький реквием, слово горского поэта в честь и во славу великого поэта великой России»[154]. Вдова поэта, Мария Илларионовна Твардовская, читала эту статью Кулиева. Она хорошо знала Кайсына, не раз принимала его у себя дома и эту дружбу между поэтами старалась укрепить, а когда не стало Твардовского, то по-прежнему поддерживала дружеские связи со всеми, кто любил и уважал ее мужа. Вот что она писала Кулиеву 23 декабря 1972 года по поводу статьи «Народный поэт»:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Давно Вас не видела. Мне передавали Ваш привет (во время пленума Союза писателей), но повидаться не пришлось.

А между тем мне хотелось сказать Вам несколько слов, слов благодарных, по поводу Вашего очерка об А. Т.

---

[154] Там же. С. 164.

Ваш тон, взятый в отношении поэта, тон почтительности (младшего к старшему) и любви и самая Ваша позиция, т. е. то, что выбираете Вы для обсуждения и оценки, — все это страшно близко нормам самого А. Т., так как в основе этих оценок лежат народная этика, народные традиции, народный характер.

Спасибо, Кайсын Шуваевич, мне дорого все это, потому что я не услышала фальшивых звуков в Вашем рассказе об А. Т., и Вам не нужно форсировать звуки удивления, любви и прочего, в чем выражают живые свое уважение и восхищение к ушедшему. Будьте здоровы. Мой привет Вашей супруге.

М. И. Твардовская».

Вдова Твардовского переписывалась с Кайсыном и искала в нем утешения и сочувствия. Кулиев поддерживал ее добрым словом, поздравлял с праздниками и интересовался ее здоровьем. 22 февраля 1972 года, через год после смерти Твардовского, она писала Кулиеву и жаловалась на то, что сталкивается с трудностями по поводу издания рукописей о Твардовском.

«Дорогой Кайсын, — сообщала она, — страшно удивилась, узнав (через третьих лиц), что Вы находитесь в больнице. Чем больны, долго ли пробудете — этого мне никто сказать не мог, и я беспокоюсь. Я думала, что Вы у себя на родине. Ждете весну. А Вы — оказались на больничной койке, что не идет Вам, совсем не к лицу.

У меня дела неважные: некому проталкивать их, а вдовы с древних времен существуют для того, чтобы морщиться и отмахиваться от них.

Но терпение у меня еще не иссякло: продолжаю звонить, посещаю начальство.

Обязательно поправляйтесь. Если есть у Вас возможность писать, — напишите два слова о себе.

Мария Илларионовна Твардовская»[155].

Мария Илларионовна многое сделала для увековечивания памяти мужа: она стала работать над архивом, собирать воспоминания о муже современников поэта, занялась публикацией произведений Александра Трифоновича. По ее инициативе была проведена Всесоюзная научная

[155] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 151, л. 1.

конференция в 1978 году, на которой рассматривалось творчество поэтов «смоленской школы» (А. Твардовский, М. Исаковский, Н. Рыленков) в художественных взаимосвязях с писателями страны старшего поколения, а также с творчеством писателей, продолжавших традиции названных поэтов. Творческие связи раскрывались в плане типологических соответствий, в литературно-общественном процессе. На основе материалов этой конференции был опубликован межвузовский сборник научных трудов «Проблемы творческих связей» (Смоленск, 1983).

В этом сборнике была опубликована статья Т. Е. Эфендиевой «О поэтической дружбе Александра Твардовского и Кайсына Кулиева». Автор данной статьи лично беседовала с Марией Илларионовной, просила ее рассказать о том, что связывало их, таких, казалось бы, разных поэтов, о их дружбе. Тогда же, т. е. 24 ноября 1978 года, участники 1-го республиканского научно-координационного совещания «А. Твардовский, М. Исаковский, Н. Рыленков. Изучение их творчества в вузе и школе», после осмотра Литературного музея Смоленского госпединститута имени Карла Маркса, пошли на вечер-встречу с родными А. Т. Твардовского — с его женой и родной сестрой М. Т. Твардовской, которые отвечали на все вопросы присутствующих и выступили с воспоминаниями об Александре Трифоновиче.

В тот день сестра Твардовского подарила Т. Е. Эфендиевой книгу А. Твардовского «Из лирики этих лет» (М., 1976). За эту книгу в 1971 году ему была присуждена Государственная премия СССР. На обложке она написала: «Тамаре Емельяновне в память о смоленском совещании. М. Т. Твардовская. Ноябрь — 1978 г.», а Мария Илларионовна в конце приписала: «Желаю Вам, дорогая Тамара Емельяновна, всего самого доброго. М. И. Твардовская. 23—25. XI. 78». Узнав, что я из Нальчика и работаю по изучению творчества Кулиева, она сказала: «Он очень добрый человек. Передайте Кайсыну от меня поклон и эту книгу[156]. Здесь его и моя статьи об Александре Твар-

[156] Воспоминания об А. Твардовском: Сборник. М.: Сов. писатель, 1978. В этот сборник вошли воспоминания его друзей и товарищей по годам учебы, военной поры, работы в советской литературе. Среди авторов воспоминаний писатели П. Бровка, К. Ваншенкин, Е. Воробьев, Е. Долматовский, Б. Полевой, К. Симонов, И. Соколов-Микитов, К. Кулиев, А. Кулешов, И. Маршак, А. Горбатов, С. Залыгин, Н. Ива-

довском». Она хотела подписать эту книгу, но погас свет и начался фильм «Александр Твардовский и Александр Бартов». Мне надо было уходить, чтобы попасть на поезд «Смоленск—Москва» и дальше добираться до Нальчика.

Над книгой «Воспоминания об А. Твардовском» Мария Илларионовна работала долго и тщательно отбирала материал. В 1976 году она ее сдала, а за два года до этого она писала Кулиеву:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Мы сдали наконец книгу «Воспоминаний» об Александре Трифоновиче. Это получился довольно объемный том — на 40 печатных листов с семьюдесятью фамилиями в оглавлении. Стоит в книге и Ваш очерк об А. Т. Твардовском. По искренности чувства и его полноте (хотя внешне в основу очерка положен как бы разбор произведения А. Т.), по прямоте и безбоязненности выражения любви к нему он не имеет равных в рукописи. Особо хочу отметить феноменально-безупречное владение русским языком, которого я не встречала у грамотных и более близких русскому языку писателей, — например, у Кулешова. Вы в этом отношении просто выделяетесь на фоне наших теперешних русских литераторов.

Простите, что пишу все это так поздно. Но два года работы были отданы не только этой книге, но и будущим книгам об А. Т. Идет сбор материала, и хоть не так уж бурно он поступает, как хотелось бы, — все же поступает.

Не ответила я Вам и на получение Вашей книги, которую брала с собой в больницу и читала Вам. В ней есть счастливые стихи, т. е. стихи, которым предстоит долго жить и долго дарить людям добрые чувства.

Я собиралась написать Вам о Ваших стихах, а потом подумала: что я бы могла сказать такое о них, чего бы Вы сами не знали? Наверное, много-много больше Вы о них знаете и сильнее, быть может, воспринимаете их строки.

Сейчас живу я в Ялте. Отдыхаю, немного работаю, написала вчерне «Хронологические сведения о поэзии и творчестве А. Т.», которые будут приложены, как справка, к книге «Воспоминаний».

Досуг позволил наконец поблагодарить Вас за Вашу память об Александре Трифоновиче и внимание ко мне.

нов и другие. Эта книга не попала в библиотеку К. Ш. Кулиева вовремя, а потом так и осталась в архиве семьи Эфендиевых.

Будьте здоровы и терпимы к жизни (хорошая черта, которую я чувствовала у Вас), желаю самого доброго всей Вашей семье. Всегда рада чувствовать, что еще есть хорошие поэты в нашей стране. Многие Вам лета!

М. И. Твардовская.

Я в Ялте до 12 мая, а потом — Москва.
30 апреля 1974 г.».

Кайсын был благодарен этой женщине за то, что она многое делала для упрочения и сохранения дружбы. Это уважительное отношение друг к другу сохранилось между ними до конца их жизни. Он писал ей письма, Мария Илларионовна тоже отвечала Кулиеву. Так, 30 декабря 1975 года она писала:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Позвольте Вас и Вашу супругу, а также всех Ваших родных и близких приветствовать по случаю Нового Года и пожелать вам всем доброго здоровья и успеха во всех начинаниях и исполнениях. Пусть сбудутся Ваши и всех Ваших близких желания и мечты.

С Новым Годом! М. И. Твардовская»[157].

О дружбе Кулиева и Твардовского знали очень многие из тех, кто издавал произведения обоих поэтов. И после смерти Твардовского они присылали все материалы Кулиеву, которые как-то относились к редактору журнала «Новый мир». Виктор Смирнов писал Кулиеву 18 января 1975 года:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Высылаю Вам вырезки из нашей починковской райгазеты о работе секретариата Союза писателей РСФСР в Смоленске. Может быть, Вам будет любопытно.

В середине марта, даст Бог, встретимся на Совещании молодых. Вы там, видимо, будете. Пока Вам о смоленской земле от нашего Починка — родины Александра Твардовского — напомнят вырезки.

С уважением Виктор Смирнов.

Не забыли ли Вы о своем обещании — прислать мне книгу, где будет, по Вашим словам, «большой кусок о Твардовском»?

---

[157] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 71, л. 1.

Статья большая — «На земле Твардовского, Исаковского, Рыленкова» (Заметки о выездном секретариате правления СП РСФСР в Смоленске)»[158].

На совещание молодых в Смоленск, которое проводил секретариат правления Союза писателей РСФСР, Кулиев не приехал, но все материалы о работе секретариата получил. Молодой поэт В. Смирнов писал ему:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, рад выслать Вам нашу областную газету, в которой когда-то работал незабвенный Александр Трифонович, где опубликована статья о Вашей прекрасной книге. Еще я рад, что и мои скромные сельские стихи напечатаны здесь со статьей о Вас.

Желаю Вам доброго здоровья! Жаль: Вы не сдержали слова, не приехали на Смоленщину.

Ваш Виктор Смирнов»[159].

О многом говорит письмо известного писателя Константина Симонова от 7 мая 1976 года, обеспокоенного по поводу изданий произведений А. Твардовского после его смерти и ищущего поддержки в этом деле Кулиева как наиболее влиятельного лица и заинтересованного в выходе однотомника поэзии А. Твардовского. Симонов написал сразу два письма Кулиеву. Одно — 5 мая 1976 года, но, не дождавшись ответа, снова написал другое, буквально через два дня, решив, очевидно, что первое ничего не объясняет Кулиеву, и он не предпримет важных шагов по предмету издания.

Вот первое письмо.

«Дорогой Кайсын! У меня лежит новое, с твоей готовностью написанное письмо по этому поводу.

Но мне, по некоторым соображениям, существенно — чтобы ты отозвался еще раз сейчас, когда я одновременно рассылал письма всем членам редколлегии!

Крепко жму твою руку.

Твой Константин Симонов. Москва»[160].

Из этого письма видно, что Кулиев, не раздумывая, дал «добро» на публикацию произведений своего друга. Но

---

[158] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 74, л. 1—3.
[159] Там же, оп. 3, ед. хр. 117, л. 9.
[160] Там же, оп. 5, ед. хр. 73, л. 1.

К. Симонову почему-то показалось этого мало. И он снова обратился к Кайсыну с очень большим письмом.

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Очень прошу Вас написать мне Ваше личное мнение по вопросу, как мне кажется, представляющему принципиальное значение при определении состава однотомника стихов А. Твардовского, предполагаемого к выходу в большой серии «Библиотека поэта», — писал он. — Вопрос этот представляется мне принципиальным, потому что и Вы, как один из членов редакционной коллегии «Библиотеки поэта», и я, как председатель комиссии Союза писателей по литературному наследию А. Твардовского, несем общую ответственность за то, чтобы в этом обширном однотомнике, выходящем в таком авторитетном издании, как «Библиотека поэта», была учтена явно выраженная прижизненная воля автора. Воля эта, в частности, совершенно определенно выразилась в том, что в свое прижизненное собрание сочинений, закончившееся изданием в 1971 году, Александр Трифонович счел нужным включить все пять написанных им поэм: «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете». Это вполне естественно, учитывая силу эпического начала в поэзии Твардовского и то место, которое занимают в ней его поэмы.

Однако в присланном мне главным редактором «Библиотеки поэта» Ф. Я. Приймы предварительном составе книги поэмы «Теркин на том свете» нет. Я исключаю при этом возможность сколько-нибудь обоснованных аргументов против помещения этой поэмы в связи с объемом тома, потому что эта поэма — самая короткая из всех его поэм. В ней всего около тысячи восьмисот строк. Наконец, если речь идет о сокращении намеченного объема книги, можно без труда для издания сократить на два с половиной листа раздел «Другие редакции и варианты», для которого, насколько я знаю, редакция намерена отвести 5—6 листов.

Итак, дело не в том, что для поэмы в два с половиной листа может не хватить места в столь обширном — в сорок восемь листов — однотомнике.

А в чем же дело?

Очевидно, в том, что составителю тома П. Выходцеву и редколлегии «Библиотеки поэта» показалось, что в книгу не следует включать часть этой сатирической поэмы,

вокруг которой было много споров в нашей литературной критике. Отрицать этот факт нет нужды — он соответствует действительности. Споры эти, как это всегда бывает с произведениями, продолжающими свою жизнь в литературе, будут происходить и в дальнейшем. Но вывод, сделанный на данном этапе П. Выходцевым и редакцией «Библиотеки поэта», мне кажется неправильным и недальновидным. Зачем, нарушая явно выраженную авторскую волю крупнейшего нашего поэта, исключать сейчас из выходящего — небольшим, кстати, тиражом — его сборника в «Библиотеке поэта» поэму, изданную в последний раз в прижизненном собрании сочинений автора...

Зачем исключать из однотомника эту высоко ценимую самим автором поэму, которую уже после смерти, но в авторском чтении выпустила пластинкой фирма «Мелодия»?

Спрашивается: что изменилось за это время, после выхода собрания сочинений, после выпуска этой пластинки? Что случилось? Почему в однотомнике эта поэма должна не выходить?

Зачем выпускать однотомник поэта, изъяв из него одну из пяти поэм и тем привлекая всеобщее внимание к явной неполноте книги?

Зачем без всякой нужды превращать это произведение Твардовского в запретное, давая этим благодатную пищу для недоброжелателей советской литературы, для их пропаганды?

Мне кажется, что те, кто предложил ныне состав однотомника с исключением из него этой поэмы, не задумались над такими весьма существенными вопросами, не говоря уже о том, что они не остановились перед явным нарушением авторской воли.

Я знаю от Ф. Я. Приймы, что окончательный состав тома предполагается обсудить на редколлегии. Но по опыту некоторых наших изданий, на которых значится обширный авторитетный состав их редколлегий, мне известно, как в иных случаях впоследствии выясняется, что часть, а порой даже и многие из членов редколлегии практически не участвовали по ходу работы в принятии подобных принципиальных решений и оказываются перед лицом уже свершившегося факта.

Очень не хотелось бы столкнуться с этим при решении вопросов, связанных с таким значительным в лите-

ратурной жизни явлением, как выход однотомника Александра Твардовского в серии «Библиотека поэта».

Вот почему как председатель комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию А. Твардовского обращаюсь к Вам с просьбой ответить мне на это письмо, изложив свое мнение. Со своей стороны я предложил бы включить в однотомник поэму «Теркин на том свете», в примечаниях к ней указать на неоднозначные ее оценки в нашей литературной критике и упомянуть в этой связи наиболее существенные критические высказывания в печати. Очевидно, и в предисловии автор его — в уважительной по отношению к А. Твардовскому форме — вправе высказать свои критические замечания по поэме, если таковые у него имеются.

Считаю нужным также поместить в примечаниях краткую заметку самого А. Твардовского «По поводу «Теркина на том свете» и напечатанную 1-го (первого) августа 1965 г. на страницах «Правды» и затем в третьем томе прижизненного собрания сочинений А. Твардовского.

Поскольку этой заметки может не оказаться у Вас под руками, приведу ее заключительные абзацы:

«Поэма «Теркин на том свете» не является продолжением «Василия Теркина», а лишь обращается к образу героя «Книги про бойца» для решения особых задач сатирико-публицистического жанра.

Всякий, кто без предубеждения прочтет поэму, увидит в ней в сказочно-условной форме, что речь идет о том, как герой попадает «на тот свет», представляющий собою в сатирических красках те черты нашей действительности — косность, бюрократизм, формализм, — которые мешают нашему продвижению вперед и борьба с которыми — одна из задач нашей литературы...

По сюжету поэмы Теркин в силу самой сути своего характера отвергает «тот свет» и, преодолевая всяческие препятствия и трудности, выбирается оттуда, с тем чтобы «жить ему еще сто лет»,

Там, где жизнь,
Ему привольно,
Там, где радость,
Он и рад.
Там, где боль,
Ему и больно,
Там, где битва,
Он — солдат.

Разумеется, каждый вправе как угодно относиться к замыслу и выполнению моей вещи, давать ей любую оценку — все это нормальная литературная жизнь. Но одно условие необходимо соблюдать: судя о произведении, принимать или отвергать его действительное, а не мнимое содержание».

Думается, что в этой заметке предельно ясно выражена авторская позиция А. Твардовского в отношении поэмы «Теркин на том свете» и связанная с этой позицией воля автора, выразившаяся в том, что он напечатал поэму в своем прижизненном собрании сочинений.

Буду ждать Вашего ответа и, добавляю, ждать с большим нетерпением.

Уважающий Вас

Константин Симонов»[161].

Получив это письмо, Кулиев незамедлительно ответил Константину Симонову, уверив его, что он в качестве члена редакционной коллегии «Библиотека поэта» сделает все зависящее от него и Симонов может рассчитывать на него как на самого надежного друга. В письме Кулиев благодарил Симонова за столь подробное письмо и желание помочь рано ушедшему из жизни А. Твардовскому в выполнении его авторского желания.

В 1976 году в серии «Библиотека произведений, удостоенных Государственной премии СССР» будут изданы произведения А. Т. Твардовского[162]. Выйдет в свет и однотомник, о котором писал К. Симонов К. Кулиеву.

Интересно в связи с этим привести письмо Джозефа Соломоновича Клейна, инженера-строителя из Москвы, поклонника поэзии Кулиева.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич,— писал он 18 февраля 1976 года, — мне очень хочется поделиться с Вами мыслями... Когда я читал статью Ст. Рассадина, я сразу вспомнил о том, что он написал хорошую книгу о Вас, а я являюсь большим поклонником Вашего мастерства, Вашей поэзии... Читая Ваши стихи, я всегда испытываю большое волнение, так как мне кажется, что это я так думаю

---

[161] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 73, л. 3—4.

[162] *Твардовский А. Т.* Из лирики этих лет: Стихи. М.: Сов. писатель, 1976.

и чувствую. Это, по-видимому, и есть сопереживание. Близки и помыслы Ваши, раздумья и философия, даже те стихи, которые можно назвать чисто «горскими». На меня стихотворение «Быки, идущие в сумерках» производит очень сильное впечатление...

Вашу книгу «Так растет и дерево» я прочитал с большим интересом. Очень хорошая статья о Твардовском! Читая ее, я все время вспоминал его поэму «Теркин на том свете». У нас есть пластинка с записью этой поэмы в исполнении Твардовского... Если у Вас нет этой пластинки, я бы хотел ее выслать Вам, так как я купил несколько экземпляров. Желаю Вам всего наилучшего»[163].

Интересно и другое письмо, имевшее отношение и к Кулиеву, и к Твардовскому, от Галины Константиновны Никитиной из Ленинграда.

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич, принимаюсь за письмо с глубоким волнением, — писала она, —ибо слишком много хочется сказать и быть понятой, а это трудная задача, настолько, что вряд ли в силах буду одолеть.

Письмо это вызвано к жизни Вашей книгой «Так растет и дерево». Вашу поэзию знаю и люблю давно, слежу за всеми новыми стихами, которые появляются в периодике. Сборники стихов купить невозможно, но и «проза поэта» взволновала по-особому, взяла в плен душу. Книга покорила меня всем: и мыслями, и языком, и подборкой имен, среди которых наши поэты, чье творчество мне бесконечно дорого, несущее в себе высокий гуманизм, трепет и любовь ко всему сущему.

Читая Вашу книгу, меня настойчиво преследовала мысль о близости нашей жизненной философии. Так просто и так высоко Вы поделились в своей книге с нами — читателями своими мыслями о назначении поэта, поэзии.

Я благодарю Вас за чистый пламень радости, которым горело мое сердце, когда я читала книгу, за проницательную душевную боль, которую я испытала, прикоснувшись к прекрасному искусству слова, за то, что в Вашей книге горит любовь к Лорке, Твардовскому, Тициану Табидзе, Арсению Тарковскому и многим другим поэтам, что Вы нашли такие слова для них, так выразили их суть, что комок стоял в горле...

Спасибо! Кайсын Шуваевич, Вы — искрящийся, боль-

---

[163] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 25.

шой, вдохновенный поэт, редкий человек, как Вы нужны людям, как много сердца во всех Ваших словах, как обнажены и полны мужества и героизма, чистоты и нежности в стихах, как Вы любите человека, Родину и всю красоту мира, как Вы отдаете им себя, как хотите, чтобы мир и люди стали лучше!

Вам всего доброго. Бесконечно благодарна

Никитина»[164].

Сотрудники журнала «Новый мир», где долгие годы работал главным редактором Твардовский, продолжали традиции своего умелого и чуткого руководителя, глубоко чтили его память. Поэтому, возможно, они обратились к одному из близких друзей Твардовского — к Кайсыну Кулиеву.

«Дорогой Кайсын, прошу Вас написать для журн. «Новый мир» статью о стихах последних лет Твардовского в связи с выдвижением на Государственную премию.

Хотелось бы получить статью для первого номера через две недели.

Весьма надеюсь.

Косолапов»[165].

Поэт согласился написать статью о Твардовском, но не уложился в срок, отпущенный ему. Поэтому он получил следующую телеграмму: «Дорогой Кайсын! Ждем с нетерпением обещанную Вами статью о Твардовском. Убедительно прошу Вас напишите побыстрее и вышлите в журнал «Новый мир». Пожалуйста, сообщите телеграфом о сроке получения. С приветом Косолапов»[166].

Глубокой силой чувств проникнуто маленькое стихотворение Кулиева «Памяти А. Т. Твардовского», с которым он навсегда простился 21 декабря 1971 года в Москве у Центрального Дома литераторов, где состоялся траурный митинг, а потом еще холодным декабрьским днем у его могилы на Новодевичьем кладбище. Александр Трифонович Твардовский скончался 18 декабря 1971 года после мучительной болезни. Смерть настигла его в расцвете творческих сил. Все скорбели о нем. Тяжело переживал и

---

[164] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 54—59.
[165] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 51.
[166] Там же, оп. 2, ед. хр. 180, л. 24.

Кулиев. Твардовский для него был не просто великий поэт, а самый близкий человек, с которым были связаны многие годы жизни, совместной творческой работы. Поэтическое обращение Кулиева к светлой памяти своего близкого товарища по перу вызвано болью, горечью утраты, которые и с годами не проходили.

Кулиев долго не мог примириться с мыслью о том, что А. Т. Твардовского нет в живых. Значение стихотворения не в том, что по первому четверостишию можно судить о характере личных переживаний Кулиева, а в том особом смысле, которым наполнены последующие строфы стихотворения, равные признанию:

И голос его никогда не услышу,
Ни слова, ни голоса нет у него.
А я на рассвете и в сумерках вижу еще
Белые горы...[167]

Перевел *Я. Аким*

Через два года после смерти А. Т. Твардовского Кулиев написал стихотворение «Гора» (1973). Оно тоже посвящено памяти друга. В нем на высоком эмоциональном уровне Кулиев рассказал о том, какое нравственное влияние оказал А. Т. Твардовский на поэтов младшего поколения и каким прекрасным примером он служил для них. От лица лирического «я» говорил Кулиев о горе, небывалой по красоте. Читатель понимает, что свойства и признаки неодушевленного предмета переносятся на человека, каким в данном случае и был Твардовский.

Ей равных не было по красоте.
Чтоб к ней взлететь, нужны нам были крылья.
Мы все ее дивились высоте,
За чистоту ее благодарили.

Вблизи горы я грелся у огня,
И, озаренный снежной белизною,
В тени ее спасался я от зноя,
И это было счастьем для меня[168].

Перевел *Н. Гребнев*

---

[167] *Кулиев К.* Живу среди людей. М.: Сов. писатель, 1976. С. 90.
[168] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 204.

От лица своих сверстников Кулиев заявил, что Твардовский своей удивительной личностью влиял на их нравственную и идейную зрелость, духовное становление и поэтическую судьбу.

И потому себя мы судим строго,
Что та гора стояла много дней,
Что набирались силы рядом с ней,
Что становились выше мы немного.

Была гора, и нет горы,
Она
Исчезла, но с долиной не сровнялась.
И потому былая белизна
Для нас примером навсегда осталась.

Широта творческого диапазона Александра Твардовского, его многогранная деятельность в укреплении дружбы и сотрудничества многонациональной культуры, его содействие в деле взаимодействия национальных литератур заслужили глубокое признание и память всех писателей Российской Федерации. У Кайсына Кулиева было особое отношение к Александру Твардовскому, поэтическая дружба с которым продолжалась более 20 лет, и Кулиев дорожил вниманием этого замечательного человека, а когда нужно было, становился его страстным защитником. Так, на творческой дискуссии в Праге (1965) некоторые из выступавших говорили о «фольклорности» поэзии Есенина и Твардовского, отказывая им в новизне и новаторстве. В своей речи, произнесенной на этой дискуссии, Кайсын Кулиев опроверг ложное мнение некоторых ораторов, доказав, что они заблуждаются, плохо знают творчество двух этих крупнейших русских поэтов. «Речь ведь идет о редких явлениях в русской поэзии нашего века, исключительно крупных индивидуальностях, — говорил он. — А поэтому говорить, что в их творчестве отсутствует новизна, что они повторили уже бывшее до них, по меньшей мере странно. Ново в поэзии только то, что выражает жизнь с наибольшей полнотой, наиболее честно и искренне. Есенин и Твардовский — поэты такого разряда. Осмелюсь сказать, что ни один поэт в Европе не написал о прошлой войне с такой силой, как это удалось Твардовскому. Достаточно назвать только «Василия Теркина», которым в буквальном смысле слова восхищался даже Бунин. А его вы никак не назовете фольклорным писателем и никак не откажете ему

в хрошем вкусе. Тот самый Иван Бунин, который в своих суждениях был чрезвычайно строг. Бунин, которого Чехов считал одним из лучших писателей России. Если уж такой ценитель восхитился «Книгой про бойца», то что говорить о нас, грешных! Я, как человек, общавшийся с Борисом Пастернаком, свидетельствую, что он тоже ценил Твардовского-поэта и его «Василия Теркина». Это и понятно. Пастернак всю жизнь упорно шел к простоте и естественности. А его тоже вы, надеюсь, не считаете фольклорным поэтом и не подозреваете в плохом вкусе или в его отсутствии. Пастернак неоднократно повторял, что очень сожалеет, что сам в молодости писал не просто. Даже утверждал, что был тогда формалистом. Именно это слово он и употреблял... Нет, Твардовский не «фольклорный» поэт, хотя использовал мотивы и образы фольклора. Позвольте процитировать несколько строк:

Смыли вёсны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

Разве позволительно называть фольклорными такие стихи, полные напряженного драматизма эпохи Второй мировой войны, именно этого времени?»[169]

Кулиев называл Твардовского вершиной современной русской поэзии. Плодотворная поэтическая дружба Кулиева и Твардовского — один из многочисленных примеров того, как личные взаимоотношения поэтов разных национальностей предопределили и содружество литератур. Оба они были людьми, о которых принято говорить: «человек нелегкой судьбы», людьми, испытавшими на себе жесткий диктат тоталитарного режима, когда их вроде бы и реабилитировали, но продолжали как-то по энерции считать не очень благонадежными, потому что в прошлом судьбы их и ближайших родственников и в целом народа сталинская эпоха переехала, как говорят, колесом (раскулачивание, аресты 1935—1938 годов, спецпереселения и т. д.). Но одно совершенно ясно: Твардовский и Кулиев сыграли исключительную роль во взаимоотношениях национальных литератур, в нравственных отношениях людей друг с дру-

[169] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 397—398.

гом и общества в целом, шагнувшего сознательно в 1985 году на путь перестройки.

Многие читатели из различных союзных и автономных республик знали об искренней дружбе двух великих поэтов XX века — Твардовского и Кулиева. В этом плане является очень интересным письмо Раисы Ивановны Черниченко, работавшей инженером-землеустроителем в Ворошиловградской области филиала Института «Украинземпроект». Ее письмо было отправлено Кулиеву в декабре 1972-го, когда уже не стало Твардовского. Приводим письмо почти полностью.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, простите за беспокойство, но я не могу не писать Вам, прочитав в газете «Известия» за 18 декабря 1972 года статью Е. Медведевой. Я очень обрадовалась этой статье — с очень многим в ней я совершенно согласна. Мне кажется, что это и мои мысли, что кто-то их сгруппировал и передал. В общем, я Ваш единомышленник. Ваши стихи и книги верно отражают жизнь...

С раннего детства и до сего дня я люблю стихи. Наизусть знаю много стихов Пушкина, Шевченко, Некрасова, А. Твардовского. Твардовский — был моим любимым поэтом, моим современником. За несколько лет до начала Великой Отечественной войны я уже хорошо знала творчество А. Т. Твардовского, а в годы войны поэма «Василий Теркин» была настольной книгой в каждом доме. Даже из газет мы переписывали главы из нее и посылали на фронт для воодушевления наших воинов... И теперь часто собираются люди моего возраста — участники Великой Отечественной войны и вечерами читают главы из «Василия Теркина» и из поэмы «За далью — даль». Эта поэзия так сильно волнует человека, ведь забыть того, что жизнь прошла насквозь, — невозможно.

Я переписывалась с А. Т. Твардовским с 1960 года. Переписка была чисто деловой и товарищеской. Живым я не видела Александра Трифоновича. Но у меня есть подаренные им книги, высланные почтой, — а именно: «Сибирские стихи» (1961), «За далью даль» (1971) и «Лирика». «Лирика» Твардовского была всегда со мной...

Я всегда поздравляла его и получала от него ответы. Последнее мое поздравление было по случаю присуждения Государственной премии А. Т. Твардовскому за книгу «Лирика». Ждала ответа, но его не было. Решила, что у

него не было времени или он куда-нибудь уехал. А 8 марта 1971 г. в газ. «Известия» в самом конце было опубликовано небольшое сообщение самого поэта о благодарности всем друзьям — читателям, знакомым и незнакомым. Оно было за подписью самого поэта. И это было за 10 дней до смерти Александра Трифоновича!!! Вероятно, уже тогда у него было тяжелое состояние здоровья, что он не смог написать иначе, как через газету. Потом в газете сообщат, что у него была тяжелая, продолжительная, изнурительная болезнь. Как я тяжело это перенесла! И переживаю сейчас: до сих пор комок стоит в горле. О его кончине я узнала на работе, тотчас уединилась от сотрудников и расплакалась. Внезапное горе обрушилось на меня и до сих пор не могу успокоиться.

Свои переживания я излила в стихи...»[170]

Стихи ее были приложены к письму, и она просила Кулиева их посмотреть. При этом добавила: «Я — не Твардовский и не Кулиев. Я просто любитель поэзии, поклонник ее и слабый самоучка. Прочтите мои стихи и не судите их, как поэту следует...» В конце письма она поздравляла поэта с Новым Годом, желала счастья, здоровья и хорошего настроения.

Александр Твардовский был в курсе всех литературных и переводческих дел Кулиева. Знал он и о том, что в Болгарии выходят стихи его друга, и спешил его обрадовать. Так, 1 июля 1969 года он писал Кулиеву:

«Дорогой Кайсын! Цитирую письмо твоего болгарского переводчика Н. Христозова:

«Считаю своей обязанностью послать Вам книгу Кайсына Кулиева в моем переводе на болгарском. Я встретился с этой мудрой поэзией на страницах «Нового мира» и поэтому испытываю глубокое уважение не только к самому К. Кулиеву, но и к Вашему журналу.

Мы обменивались письмами с тов. Кулиевым, но в последнее время, в течение почти года, не получаю от него никакой вести. Может быть, переменил адрес? Конечно, я не могу утруждать Вас помочь мне в этом деле, но буду крайне признателен Вам, если при случае покажете тов. Кулиеву его книгу. Мне достаточно знать, что он увидит свой сборник на болгарском».

---

[170] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 103—106.

Выполняю просьбу Христозова и надеюсь, что ты найдешь время написать ему (его адрес: Болгария, София, ул. Бряст, 11, Николай Христозов), а также мне.

Обнимаю.

А. Твардовский»[171].

Твардовский высоко ценил поэзию Кулиева и писал, что его стихи «отмечены светлой и глубокой поэтической мыслью, изяществом традиционной и вместе смелой новаторской формы» («По случаю юбилея». Новый мир. 1965. №1). В этом журнале стихи Кулиева постоянно печатались[172], и критика «Нового мира» благожелательно относилась к творчеству поэта[173].

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

Его стихи, как горы, будут сиять на заре каждого дня...

Н. Тихонов о К. Кулиеве

Восьмидесятилетие Кайсына Кулиева отметили в 1997 году, спустя 12 лет после смерти поэта. Свое 80-летие Николай Тихонов встретил в 1976 году, когда его чествовали как выдающегося писателя и поэта, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и всех Государственных премий. О нем тогда много писали в центральной и местной прессе. Сказал свое веское слово о Тихонове и Кайсын Кулиев, хотя и гораздо раньше этой круглой даты он писал и говорил об этом удивительном человеке, связавшем свою жизнь и творческую деятельность с Кавказом. Еще «на заре туманной юности», в 20-е годы, Тихонов написал цикл «Юг», в котором были стихи о чудесной природе Кабардино-Балкарии, а потом — «Стихи о Кахетии», с его любовью к Грузии и ее людям. Перед Великой Оте-

---

[171] *Твардовский А. Т.* Собрание сочинений: В 6 т. Письма (1932—1970). М.: Худож. лит., 1983. Т. 6. С. 285.

[172] Новый мир. 1961. № 12; 1963, № 10; 1964, № 2; 1965, № 1, 10; 1966, № 1, 11; 1967, № 6, 9, 10; 1968, № 7; 1969, № 4; 1970, № 2.

[173] Там же. 1962. № 10, 1965. № 2.

чественной войной он создал цикл стихов «Горы» (1938—1940) — это настоящий гимн величавому Кавказу и его многочисленным этносам. Наряду со стихами и поэмами Тихонов писал и прозаические произведения о людях Кавказа: киносценарий фильма «Друзья», повесть «Клятва в тумане», новеллы «Дети гор», «Кавалькада», очерки об Ане Маремуковой, кабардинке, известной парашютистке, интересные рассказы о Бетале Калмыкове и многое другое. Однажды на вопрос корреспондента ответить о своих впечатлениях от путешествий по стране Николай Тихонов сказал:

— Кавказ... Он, как говорится, в моем сердце. Армения, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Абхазия...

В 1966 году в статье «Годы вдохновения» Кулиев писал о Тихонове: «Его я люблю с тех пор, как стал читать книги... Хочется подчеркнуть, что своим безупречным отношением ко мне в тяжелые для меня времена Тихонов лишний раз доказал свою преданность Кавказу, его горам и людям, о которых поэт писал влюбленно и мужественно»[174].

Достойный продолжатель лучших традиций русской классики, Николай Тихонов вместе с другими писателями заложил основу замечательной традиции, которая называется творческим сотрудничеством многонациональной литературы Российской Федерации и СНГ.

Давнему другу, испытанному в трудные дни жизни балкарцев, Кулиев посвятил ряд произведений. В них дан образ поэта, ответственного перед временем и народом, человека, влюбленного в отчий край горцев, и гражданина, для которого чувство Родины — превыше всего. Таким он и предстал в стихотворениях «Поэт и горы», «Каменщику Джанхоту», «Ушли великие поэты» и в блестящих статьях об этом русском поэте. В 1944 году, когда оба поэта воевали на фронте, Кулиев написал небольшую поэму «Перекоп». Эпиграфом к ней он взял строки Николая Тихонова: «Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». В первой части этого произведения — «По следу героев» — горский поэт говорил о поэтической преемственности, которую он достойно продолжит в новое время — в период защиты отечества:

---

[174] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 131.

И Тихонов другом приходит ко мне
В балладе своей о гражданской войне.
Копыта заржавели — времени след.
Поэзии, подвигам — ржавчины нет[175].

Перевел *Н. Коржавин*

Безусловно, Кулиев читал военные стихи Тихонова, его статьи и публицистические очерки, обращенные к народам Кавказа, когда осенью 1942 года немецко-фашистские захватчики подошли вплотную к кавказским предгорьям и заняли Кабардино-Балкарию. Находясь в блокадном Ленинграде, Тихонов написал воззвание «Слава Кавказа». В нем он обращался ко всем воинам, которые участвовали в битвах за Кавказ: «Не пустите врага в глубину своих наследственных долин Баксана, Чегема, Черека. Не допустите, чтобы фашистский убийца топтал розы Нальчика и хвалился вашими чистокровными конями, гарцуя среди кабардинских садов...»

Это обращение «получило тогда широкое распространение в войсках, сражавшихся на фронте, — писал Бетал Курашинов. — В нем писатель не скрывал трудностей, а призывал мужественных сыновей гор бороться и отстаивать свою свободу и независимость. Умением обращаться к людям с призывом издревле славились мудрецы-джегуако. Их слово всегда было символом народной совести. Обращение Николая Семеновича к народам Кавказа прозвучало как весомое слово народного мудреца»[176]. В это же самое время в августе 1942 года, когда Тихонов возглавлял группу военных писателей и боролся за осажденный Ленинград, Кулиев обращался к своим соотечественникам с призывом в стихах:

Как будто слышу голоса камней,
Наперебой зовут они вперед:
— Сразись во имя родины своей
И победи. Иль умереть сумей![177]

Перевел *Д. Бродский*

---

[175] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 168.

[176] *Курашинов Б.* Тихонов и Кавказ // Кабардино-Балкарская правда. 1976. 3 дек.

[177] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 159.

Вполне вероятно, что стихотворные циклы эпического характера «Перекоп» и «Сиваш» Кулиев написал под непосредственным влиянием военных стихов и поэм Н. Тихонова «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах». Поэму «Киров с нами», опубликованную в «Правде» 1 декабря 1941 года, Кулиев читал. Это было первое слово о защитниках великого города, об их стойкости и мужестве, о том, как блокированные со всех сторон люди смогли отстоять свой любимый город, умирая от голода, холода и разрывов бомб и снарядов. Пройдут годы, а тема о блокадниках останется в сердце поэта. Так, в 1985 году, находясь в больнице, Кулиев создал «Стихи, написанные в Ленинграде», о том же, о чем писал Н. Тихонов в сорок первом. Вдумаемся в кулиевские мысли:

Свинец, что убивал твоих детей,
Он и меня пронзал, великий город.
Как ты в те дни, бесчисленность смертей
Моих друзей я пережил и голод.

. . . . . .

Куда бы ни пошел сегодня я —
Зима та вспоминается. И мнится:
Кровь на снегу блокадном — кровь моя —
И до сих пор, горячая, дымится[178].

Перевел *Д. Долинский*

Николай Тихонов и Кайсын Кулиев дружили много лет. Зародилась их дружба еще в довоенные годы, когда начинающий горский поэт с увлечением читал стихи и романтические баллады Тихонова, находя в них подтверждение собственным настроениям и симпатиям молодости. «Я всю свою довоенную молодость знал и обожал стихи моего старшего собрата о Перекопе и Сиваше, — говорил Кулиев. — Но я не мог тогда знать и предвидеть, что судьбе будет угодно бросить меня также в грозные бои на Сиваше и Перекопе, может быть, еще более жестокие, чем те, которые когда-то видел Тихонов. Я тоже стал свидетелем как бы повторения сказанного в знаменитых балладах русского поэта. Ноябрьской ночью в воде по грудь переходил я Сиваш, а также не раз лежал под артилле-

[178] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 216.

рийским огнем на Перекопе. Видел, как снова «живыми мостами мостят Сиваш». Признаться, я как-то гордился тогда, что иду по следам Тихонова. Даже попытался выразить это в стихах, открывавших мой цикл «Перекоп»[179].

Сергей Львов в статье о Кайсыне утверждал, что тихоновское поэтическое творчество близко Кулиеву. Близость эта — не только в том, что эпиграфом к поэме «На Сиваше» Кулиев взял строку Тихонова — «живыми мостами мостят Сиваш», — но и в том, как явственно звучит поэтическая перекличка с Тихоновым в стихотворении «Беснуется угрюмый океан»:

Беснуется угрюмый океан.
Кромешная нависла темнота.
Спокойно умирает капитан,
Не вынимая трубки изо рта...[180]

Перевел *Е. Елисеев*

Николай Тихонов в числе первых высоко оценил поэзию Кулиева и стал переводчиком его стихов на русский язык. «Первым его стихи заметил и перевел на русский язык, — писал М. Дудин, — удивительный знаток поэзии кавказских народов, ее первый пропагандист, обожженный альпийским солнцем путешественник и поэт Николай Семенович Тихонов. Кайсыну он импонировал всем: и необычно молодым лицом, и белой, как у Кязима, шевелюрой, и таким знанием географии и истории Кавказа, словно он родился в горах и прожил здесь всю свою жизнь, облазил горы и занял блеск для своих проницательных глаз у фирнового льда вечных вершин. Кайсыну нравились и ритмы, и жестокая точность тихоновских стихов, и его характер, общительный и веселый»[181].

В трагический сорок четвертый год для судьбы балкарского поэта Николай Тихонов не отвернется от своего поэтического собрата. Тихонов, Твардовский и Симонов решили обратиться с письмом к И. В. Сталину, который стоял во главе Государственного комитета обороны и сосредоточивал в своих руках всю полноту власти. Они просили его, чтобы на Кулиева не распространялась полити-

[179] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 136.
[180] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 240.
[181] Цит. по: *Кишев А. С., Нагоева Т. Б.* Русские советские писатели о Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 123.

ческая акция о насильственной высылке из отчего края в Среднюю Азию. В начале сорок пятого года Н. С. Тихонов сообщил Кулиеву, что ему разрешено жить, где он пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда. Но Кулиев решил последовать за своим народом, хотя в тот день он и попросил Николая Семеновича разрешить ему подумать. Вскоре Кайсын уехал к своим родным в Среднюю Азию.

Благородные поступки и дела Николая Тихонова помнил Кулиев всегда. «Он был внимателен ко мне, оставался опорой и поддержкой в трудные дни и годы моей жизни, проявил много заботы о молодом литераторе из Чегемского ущелья. Такое не забывается»[182],— писал Кулиев к 70-летию со дня рождения Н. С. Тихонова.

В 1956 году, после возвращения из Средней Азии, Кулиев написал стихотворение «Поэт и горы», проникнутое искренней любовью к Н. Тихонову. В нем Кулиев восхищался произведениями, в которых поэт «беседовал с горами, их язык поняв суровый», и «благодарил за его стих чеканный», за его поэтическое мастерство, которое помогало ощутить звонкую поступь стиха: «Ты был мужества поэтом. И поэтому легко ты, очень просто, без натяжки стал поэтом гор крутых»[183]. Верностью понимания жизни горцев («словно ты и впрямь родился на Баксане, меж теснин») и дорог Тихонов Кулиеву. Все последующие годы они дружили и работали в одном Комитете по защите мира, были связаны общественной работой, к тому же Тихонов переводил некоторые стихи Кулиева, как и многих других поэтов Кавказа. «Еще на первом съезде писателей СССР он высказал благородную мысль о том, что необходимо убрать стену между поэтами всех народов страны, — писал Кулиев, — и начать широко переводить на русский язык лучшие поэтические произведения всех народов. И сам стал одним из пионеров в осуществлении этой идеи... Николай Семенович использовал все ему доступные средства для сближения сердец и культур народов. Прекрасная его переводческая деятельность также является одним из таких могучих средств».

Тихоновские переводы были особенными, и каждый на-

---

[182] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник. 1975. С. 131.
[183] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 215.

циональный поэт считал для себя большой честью «попасть» к Тихонову. Тихонов перевел очень много стихов Кулиева, такие, как: «В горах» (1940), «Дождь застал нас в дороге» (1940), «Как только ночь...» (1945), «Говорю дождю» (1949), «Не плачь и постарайся, друг...» (1950), «Ночью в ущелье» (1950), «Осень пришла к вам, горы мои» (1952), «Родной язык» (1955), «В землях многих...» (1956), «Как пахнет трава...» (1956), «Тень орла» (1956) и многие другие. Тихонов ценил Кулиева как поэта и как человека.

Слова горского поэта в стихе и прозе звучали как откровение ума и сердца. В статье «Годы вдохновения» (1968) Кулиев писал: «...я дышал высотным воздухом его мужественных, жизнеутверждающих, полных буйства красок стихов. Это поэзия восходителя, открытая большому миру, всем ветрам и ливням, степным равнинам и вершинам гор, поэзия, славящая стремительность жизни, светлые деяния человека, его мужество и гуманизм, сердце бойца и мудрость мыслителя. Такая поэзия с самого начала не могла не покорить меня, жителя гор... Она близка моей душе всей жизненной сутью, мощным светом, которым она освещена изнутри, упорством восходителя и убежденностью жизнелюба»[184]. И это не просто слова. Кулиев уверенно шел дорогой своего поэтического собрата — «с марсианской страстной жаждою творить». За взаимопонимание и уважение культур народов, за их тесное взаимовлияние в жизни и в искусстве на самую высокую высь поднимал Кулиев свой стих:

Подымаю за тобою стих за все, что
сердцу нужно,
И за мужество и юность мира — радости
живых,
За людей хороших дружбу и стихов
хороших дружбу,
За вершины и за то, чтоб восходить
всегда на них[185].

Перевел *Н. Коржавин*

О творчестве Кулиева последних лет написаны Тихоновым статьи: «Мужество и нежность», «Певец мужества

---

[184] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 133.
[185] *Кулиев К.* Избранная лирика. М., 1967. С. 154.

и благородства», «Большая правда поэзии», «Горской песни могучее крыло» и многие другие.

В 1974 году, отмечая достижения в культурной жизни, Тихонов как председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры сказал: «Лауреатом стал народный писатель Кабардино-Балкарии поэт Кайсын Кулиев, автор многих замечательных стихотворений и поэм. Сборник стихов «Книга земли» особо выделяется в его богатом поэтическом творчестве. Само его название символично. Любовь героя к родным горам перешагнула за их пределы, вобрала в себя широкий современный мир...» Дружба Н. Тихонова с писателями и поэтами Кабардино-Балкарии принесла замечательные плоды — переводы из современной горской поэзии.

Об их тесной дружбе говорит и переписка между ними. Николай Тихонов не забывал поздравлять своего друга с праздниками. Так, 27 апреля 1964 года Николай Тихонов писал: «Дорогому певцу гор и долин Кайсыну Кулиеву и всему его семейству самый весенний, самый поэтический, самый сердечный праздничный Первомайский привет! Лучшие весенние радости и вдохновение, удачи и счастье пусть сопутствуют поэту в зеленые дни мая!» А 27 декабря 1974 года он писал Кулиеву: «Дорогого песенного горского запевалу Кайсына Кулиева все мои, во главе с Марией Константиновной, поздравляют с Новым Годом и желают всего хорошего, золотого, чтобы Новый Год принес счастья, бодрости и благополучия! Николай Тихонов»[186].

Приведем еще одно поздравление, сохранившееся в том же архиве: «Дорогого Кайсына Кулиева, поэта, воина, Героя Великой Отечественной войны, сердечно поздравляю с Первомаем и праздником 9 Мая — торжества Победы над фашизмом!

Желаю славному победителю фашизма хорошего праздника, веселья, радости мирной жизни, бодрости и новой весны. Все мои родные шлют приветы любимому Кайсыну и славят его от всей души. Слава Кайсыну Кулиеву!

Николай Тихонов»[187].

---

[186] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 78, л. 1—2.
[187] Там же, л. 3.

Вот так лирично и от души звучали приветствия Тихонова!

Когда Кулиев получил Госпремию, чему немало способствовал Тихонов, он получил правительственную телеграмму за подписью двух тогда обладавших большой властью людей. «Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры, — писали они, — сердечно поздравляет Вас с присуждением Государственной премии 1974 года за Ваш сборник стихов «Книга земли».

От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих свершений — Президиум Комитета: Тихонов и Васильев»[188].

По многим причинам Н. Тихонов не мог приехать в Нальчик на 60-летие своего друга. Но прислал телеграмму, которая и была зачитана присутствующим на юбилее поэта. Вот ее содержание:

«Дорогие друзья! Сердечно приветствую в славный юбилей старого нашего друга, боевого товарища, замечательного поэта Кайсына Кулиева. Желаю чудесному певцу гор дружбы народов, нового вдохновения, богатырского здоровья, новых восхождений стиха и сердца.

Благодарю за дружеское приглашение на народный праздник. Сожалею, что по состоянию здоровья не смогу лично принести дорогому Кайсыну Кулиеву свои поздравления.

Крепко обнимаю. Горячо приветствую всех участников торжественного вечера.

С глубоким уважением — Николай Тихонов»[189].

---

[188] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 132.
[189] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 118.

МУСТАЙ КАРИМ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

> Поэт щедро дарит людям красоту и мудрость своей земли, добро и свет своей души.
>
> *М. Карим о К. Кулиеве*

Народный поэт Башкирии Мустай Карим и народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев почти ровесники. По официальным данным Карим младше Кайсына на два года. Оба они участники Второй мировой войны. И Карим и Кулиев воевали на фронтах Великой Отечественной, были ранены, дожили до Победы. Трудные уроки жизни не прошли даром для этих поэтов. Кулиев познакомился с башкирским поэтом сначала по его стихам, которые переводил Дмитрий Кедрин еще в военное лихолетье. «Мне вспомнились военные годы, — писал Кулиев. — Заснеженное Подмосковье. Поэт Дмитрий Кедрин в бревенчатом домике переводил стихи юноши-фронтовика Мустая Карима и читал их мне. Тогда, конечно, не мог я знать, что жизнь будет так милостива ко мне при всех несчастьях и выведет меня из всех бед, одарит дружбой Мустая. А с ней я стал богаче и сильней»[190].

Дружба их началась в послевоенные годы и продолжалась до последних дней жизни Кулиева, ценившего в Мустае простоту характера и большой талант. Балкарский поэт хорошо знал его лирику, поэмы, читал его повести, рассказы, пьесы. М. Карим был необыкновенно одаренным человеком. Кулиеву особенно нравилась его трагедия «В ночь лунного затмения», которую он считал одной из лучших современных пьес, с успехом идущей на сценах русских и зарубежных театров.

Оба они помогали друг другу в издании произведений. О многом говорит телеграмма, данная М. Каримом Кулиеву: «Все мы всех Вас обнимаем. И еще маленькая просьба: очень ждут предисловие в Госполитиздате. Твой Мустай Карим»[191].

---

[190] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 332.
[191] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 91.

Мустай Карим неоднократно был в Кабардино-Балкарии, на родине Кайсына Кулиева в Верхнем Чегеме, любовался чарующей природой и выражал свое восхищение через поэтическое слово. «Я не раз бывал в том краю, где на глади Голубых озер отражаются высокие голубые небеса, с могучих скал солнечным потоком падают водопады, опасные тропы над пропастью манят человека на снежные вершины, — говорил Мустай. — Там добрые обычаи предков незыблемы, как надписи на утесах. Это Кабардино-Балкария, родина Кайсына Кулиева»[192]. Слова любви и восхищения, идущие от сердца, сказал Мустай о балкарском народе в стихотворении «По горной тропе» (1962):

Мой друг, мой брат! Народ твой жив,
Двойное сердце в нем
И сила крыльев, чтоб лететь
Над бездной, под огнем![193]

Перевела *И. Снегова*

В связи с пребыванием М. Карима в КБАССР, Кулиев писал на родном языке о нем 10 июня 1972 года: «М. Карим — известный башкирский поэт, депутат Верховного Совета РСФСР — был у нас в гостях. Он ездил посмотреть Голубые озера, красивые места в Верхней Балкарии, Чегемские водопады и другие места. Где бы ни был он, его радушно встречали жители сел, рабочие, интеллигенция. Наш дорогой гость и близкий друг восхищался красотой природы, гостеприимством жителей республики. Мы перевели некоторые его стихи на балкарский язык и опубликовали в газете. Когда он уезжал, то сказал, что напишет стихи о нашей республике»[194].

В творчестве Мустая Карима есть немало стихотворений, посвященных Кабардино-Балкарии и Кайсыну Кулиеву, такие, как: «Мне подарил Чегемский водопад...», «Под солнцем высоким», в которых поэт говорил о своей любви к горному краю.

Кулиев в то время еще не бывал в Башкирии, на родине своего друга: разные были причины, о чем Кайсын не раз сожалел. Но он чувствовал всегда нерасторжимую

---

[192] *Карим М.* Избранные произведения: В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 411.

[193] *Карим М.* Берега остаются. М., 1966. С. 121.

[194] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 4, л. 1—2.

связь дружбы с Мустаем, олицетворявшим собой современную башкирскую поэзию и прозу. «Я живу от Урала далеко, — писал он, — но постоянно слышу голос Мустая Карима, несуетливо и мудро работающего в родном доме — своей Башкирии. Как был прав впервые сказавший, что для дружбы нет расстояний»[195].

В Башкирии знали о тесной дружбе Мустая Карима и Кулиева. Поэтому в связи с приближением юбилея Мустая Карима редактор журнала «Агидель» А. С. Гареев писал 2 февраля 1979 года: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Наш журнал «Агидель» на своих страницах готовится широко отметить 60-летие народного поэта Башкирии Мустая Карима. В связи с этим просим Вас принять активное участие в готовившемся праздничном номере журнала с Вашим добрым словом о юбиляре. Материалы, пожалуйста, пришлите как можно скорее. С глубоким уважением А. Гареев»[196]. Кулиев по каким-то причинам не смог быстро ответить на просьбу редактора, и через месяц он снова получил письмо от 26 марта 1979 года. В нем сообщалось:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, извините за то, что мы решились еще раз побеспокоить Вас. Дело в том, что сроки подготовки номера журнала, посвященного 60-летию народного поэта Башкирии Мустая Карима, подошли вплотную, а мы еще не получили ответа на свое письмо от 2 февраля сего года.

На всякий случай еще раз напоминаем о своей просьбе: написать для нашего журнала небольшой материал о творчестве Мустая Карима и свои пожелания юбиляру. Мы обращаемся к Вам, искренне полагая, что 60-летие Мустая Карима — праздник и для Вас.

С глубоким уважением А. Гареев»[197].

Конечно, Кулиев выполнил просьбу и приезжал на чествование друга.

Стихи, выступления, в которых они выражали свои чувства друг к другу, были одновременно как бы поэтической перекличкой двух народов, живущих своими заботами и повседневными делами. «Коль в дорогу дружбы, ведущую народы навстречу друг другу, я сумею вложить несколько камней, — искренне признавался Мустай, — то

---

[195] *Кулиев К.* Хорошо, что ты рядом // Известия. 1972. 6 окт.
[196] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 42, л. 1.
[197] Там же, л. 2.

этим бесконечно был бы рад». «Дитя добра и света» — это тоже Мустай Карим, который воспевал не только дружбу и поэтическое братство, но и своего друга Кулиева, его народ, ставший для Карима дорогим и близким, так как он любил певца. В стихотворении «Мне подарил Чегемский водопад...» он сказал об источнике своей духовной силы:

И дружба — как двуглавая гора —
Пусть мне опорой станет,
Тогда ничто с дороги не столкнет,
Не сломит, не состарит!

Эта поэтическая перекличка успешно продолжала благородную русскую традицию в истории культур разных народов, которые никогда не жили и не могут жить изолированию друг от друга. Постоянный обмен духовными ценностями — объективный процесс, когда идет взаимовлияние и взаимообогащение художественными достижениями. Об этом говорил Кулиев среди своих друзей — П. Хузангая, М. Карима, Л. Соболева, С. Михалкова и других, собравшихся у памятника К. Мечиеву в Черекском ущелье: «Бывали ли в прежние времена в наших ущельях чуваши и башкиры? Сомневаюсь. А вот наши друзья — народный поэт Башкирии Мустай Карим и народный поэт Чувашии Петр Хузангай — были. Они не только удивились вершинам, скалам и ущельям, но и написали замечательные стихи о нашей земле. Хузангай даже присутствовал при открытии памятника Кязиму Мечиеву в горах, у Голубых озер, в Черекском ущелье. Тогда ученики школы им. К. Мечиева подарили Леониду Соболеву маленького тура, пойманного ими в горах. Леонид Сергеевич поблагодарил ребят и сказал, что поэт любил свободу, поэтому мы в день его памяти должны отпустить этого красивого туренка на волю. Все согласились, и невольник ушел в горы. Об этом П. Хузангай написал хорошие стихи. Вот они:

В ущелье памятник поставлен:
Поэт Балкарии — Кязим.
С утра мы собираться стали,
Чтоб встретиться впервые с ним.

В ответ на гор гостеприимства —
Как клятву чувства побратимства
В сердцах открытых понесли.

Все в сборе: русский и балкарец,
Чуваш, татарин и калмык,
Бурят, мариец и аварец,
Вся Русь, «всяк сущий в ней язык...»[198].

Далее, обращаясь к своим землякам, которые были на встрече с писателями, Кулиев говорил: «Когда к нам приезжает наш большой друг Мустай Карим, то мы бываем с ним в моем родном ущелье, чтобы этот замечательный поэт увидел древнюю землю моих предков. Я подарил ему самую красивую и могучую скалу с водопадами, совсем не заботясь о том, что Мустай не сможет взять ее с собой на Урал. Да это и неважно, главное — я подарил ему самое для меня дорогое на родной земле — это Чегемские водопады. Теперь местные жители уже называт эту скалу Мустаевской»[199]. Возвратясь на родину, Мустай Карим написал известное стихотворение «Мне подарил Чегемский водопад...».

Оба поэта были убеждены, что дружба людей заключает в себе истинную, вечную красоту человеческой жизни, так как в ней настоящий смысл общечеловеческого бытия. По мнению Кулиева, он не мог бы так воспринимать окружающее, если бы был одинок, без друга, который для него необходим, как воздух, как небо и цветы. В известной статье Кулиев писал: «Я смотрел с Мустаем на белые от снега улицы Москвы и зеленые платаны Азербайджана, выступал на вечерах и сидел на съездах. Мы вместе были в мавзолее Низами в городе Гянджи. И оба написали рукой Мустая слова любви великому поэту Востока... Там же, во дворе мечети, мы видели мощный ствол платана — ровесника Низами. Дерево, которому восемьсот лет, еще жило и цвело. Но ведь и поэзия Низами живет и цветет до сих пор! Мы многое видели вместе с Мустаем»[200]. Так писал Кулиев в 1965 году.

Взаимную симпатию, душевную щедрость и тепло, простоту чувств и общность взглядов можно проследить в их переписке, которая длилась между ними долгие годы. Так, 7 сентября 1970 года Мустай Карим писал Кулиеву: «Шлю тебе пучок травы с полей моего аула. Вчера я был там, бродил по лесам и полям. Думал о тебе и Расуле...» В

---

[198] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 38, л. 33—34.
[199] Там же, л. 37.
[200] *Кулиев К.* Лицо друга // Литературная Россия. 1965. 5 нояб.

своих письмах к Мустаю Кайсын тоже всегда откровенно делился мыслями и чувствами, так как считал его самым отзывчивым на дружбу человеком. Так, когда обсуждался сборник стихов «Раненый камень» Кулиева, выдвинутый на соискание Ленинской премии, М. Карим принял участие в заседании Московского отделения Союза писателей РСФСР 25 февраля 1965 года. После выступлений С. Липкина и других московских литераторов М. Карим сказал: «Я читал «Раненый камень» в оригинале и в переводах. Этот сборник стихов достоин Ленинской премии, имя Кулиева широко известно в нашей стране, а в Кабардино-Балкарии каждый житель знает его, любит и глубоко уважает. Однажды мы ехали с Кайсыном на машине по Чегемскому району. Он вел машину сам. В одном из аулов мы остановились, и поэт вышел из машины. К нам подошла женщина и спросила:

— Куда вы едете?

— В Нальчик, — ответил я.

— А это не Кайсын Кулиев? — почти уверенно сказала она.

— Да, Кайсын Кулиев.

— А вы кто?

— Если мой шофер Кайсын Кулиев, то вы сами поймете, кто Я...

Сегодня, товарищи, все это сказанное поймете наоборот!»[201]

Липкин, когда выступал, подчеркнул, что Мустай Карим — один из первых прочитал «Раненый камень» на балкарском языке и понял значение этой книги. «В Кабардино-Балкарии говорят: «Эльбрус имеет две вершины», и в поэзии у нас есть две вершины — Алим Кешоков и Кайсын Кулиев. Но если говорить о Кулиеве как о поэте, пишущем на родном языке, одном из тюркских языков, — тогда такими вершинами будут Кайсын Кулиев и Мустай Карим. Я хотел бы, чтобы одна вершина высказывалась о другой вершине, тем более, что Мустай Карим может читать Кулиева в подлиннике и по-русски»[202], — закончил свое выступление известный переводчик Семен Липкин.

В конце обсуждения книги «Раненый камень» Кулиев благодарил всех, кто выступал: А. Тарковского, С. Липки-

---

[201] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 33, л. 37.

[202] Там же.

на, В. Звягинцеву, Е. Д. Калашникова, И. Гринберга. «Я благодарен и моему другу Мустаю Кариму за то, что он приехал и выступил. Только он и мог состязаться с Вами в лаконизме выступления»[203], — сказал в заключение поэт.

Ленинскую премию за этот сборник стихов Кулиеву не дали. Но Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года за книгу стихов «Раненый камень» ему была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького. В связи с этим Кулиева поздравляли друзья и знакомые, родственники и даже малознакомые читатели. Вот одно из них: «Дорогой брат! С великой радостью поздравляю Вас с высокой премией. Как хорошо, что золотая птица посетила Вас. Нежно обнимаю! — Муса Гали из Башкирии»[204].

Или: Фарид Исмагилов после поздравления писал: «...Вы очень известный поэт, которого знают и во Франции. Я же человек неизвестный, но все равно пишу Вам... Я два года прожил у Вас, в Кабардино-Балкарии, работал на одном из предприятий. До этого о существовании балкарцев я узнал только в маленьком городке Башкирии, где я и родился, от одного демобилизованного капитана-балкарца, который говорил по-татарски, и в 1945 году он демобилизовался по месту прежнего жительства своего однополчанина. Так он избежал вынужденного «путешествия» в Среднюю Азию, где находился тогда Ваш высланный народ. В то время, когда я учился в школе и проходил в числе других предметов географию СССР, не знал о существовании балкарского народа, как одного из многочисленных наций, населявших Северный Кавказ. Мне кажется, что балкарский народ сохранил почти неизменным древний кипчагский язык, который в других местностях и по причине сравнительного многолюдия развивался, изменяясь. Это татарский, казахский, башкирский и другие тюркские языки.

Будучи на Кавказе, я все время удивлялся тому, что так далеко я нахожусь от своих родных мест, смотрел на людей, так непохожих на моих земляков, но когда слышал их речь, то удивлялся знакомым мне словам. Я понимал язык этих людей! И вспоминал, что в течение 15 лет, проживая в городе Волжском, Волгоградской области, я не

---

[203] Там же, л. 51.
[204] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 39.

слышал слов моего родного языка. А здесь он звучал! Я говорил в Нальчике с рабочими-балкарцами на их родном языке. По этой причине я стал увлекаться этнографией и демографией, языкознанием и ономастикой. Дома, вооружившись словарем и грамматикой балк. языка, занимался сопоставлением балкарских и татарских языков...

Мне очень понравилось, как Вы выступали по телевидению в Москве, чувствовался Ваш интеллект и горячность выступления. Читал статью в Литгазете о Вас, о Вашем пребывании во Франции. Уверен, что Вас читает тюркоязычный мир в оригинале, более 30 миллионов, а в переводе Вас читают значительно больше...»[205]

Письма и телеграммы из Башкирии были разными по содержанию, но во всех говорилось о любви к Кулиеву и его поэзии. Так, в одной из телеграмм сообщалось:

«Дорогой Кайсын, Ваша замечательная поэзия, пронизанная любовью к человеку, давно стала гордостью советской многонациональной литературы. Как из чистого родника черпаем мы из нее мудрость жизни и созидания. Ваше 60-летие мы воспринимаем как праздник всей советской поэзии. Желаем Вам большого счастья в жизни и творчестве.

Любящие Вас писатели Башкирии»[206].

Подобных писем Кулиев из Башкирии получал много. Так, одна из почитательниц таланта Кулиева писала:

«...Мне очень хочется сказать Вам большое спасибо за Ваше выступление по Всесоюзному радио, посвященное Дню 8 Марта. В стихах Вы так пишите о женщине, о ее красоте, добром сердце, что кажется, будто все женщины планеты Ваши матери и сестры. И самые даже ненасытные женщины могут быть счастливы от сознания того, что есть на свете Человек, который искренне преклоняется перед ними, уважает их.

Спасибо Вам за Ваши прекрасные стихи.

Вас всегда будут любить и уважать и никогда не забудут Вас.

С уважением

М. Габидуллина»[207].

Из Башкирии Кулиеву писали очень многие, в том чис-

---

[205] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 79, л. 14.
[206] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 116.
[207] Там же, ед. хр. 46, л. 8.

ле и учителя. Один из них, Ишмуратов-Заки, почитатель таланта Кулиева, писал: «Шлю Вам из Башкирии поклон с наилучшими пожеланиями. От души желаю Вам доброго настроения и здоровья. Примите привет и пожелания от коллектива нашей школы. В июне 1975 года мне пришлось, вернее посчастливилось, быть в ваших краях на Северном Кавказе. Я отдыхал в санатории Нартан, ездил на экскурсии, был в Чегемском ущелье, видел водопады, чинары, Ваше любимое дерево и читал о нем написанные стихи. Добрался до Вас, бесстрашного беркута, но, к сожалению, мне не пришлось повстречаться с Вами.

Встречался с балкарскими друзьями и учителями. Они мне понравились как простые и скромные люди. Через них я передал Вам привет. Мне показалось, что они были близкими Вам.

В Вашем лице я благодарю трудолюбивый балкарский народ. Я Вам тогда написал письмо. Оно долго лежало, потом я отослал его Вам. Стихи Ваши люблю. Они — как радуга»[208].

Жанр дружеского послания в творчестве этих поэтов явился наиболее действенной и последовательной формой выражения чувств и художественного утверждения своих эстетических взглядов. Духовно богатые, разносторонне высокообразованные личности, они оставили замечательные статьи друг о друге, которые служили той же нравственной идее, что и посвящения и послания. «Новые стихи с башкирского» (1963), «Волшебный мир поэзии» (1965), «Поэзия — прекрасная страна» (1966), «Мир поэта» (1967), «У костров поэзии» (1969) — это все статьи Мустая Карима о Кулиеве. В них описано все: и как складывалась в сфере личных отношений их дружба, как он первый раз воспринял Балкарию, родину Кайсына, как был поражен удивлением, выраженным «не столько чувственно-созерцательным отношением к миру, сколько глубокими раздумьями о сущности бытия» в книге «Раненый камень», как рос могучий талант горского поэта, засверкавший новыми гранями, и созрело его удивительное мастерство, его национальные, неповторимые особенности. Мустай Карим всегда радовался успехам своего друга. Так, в 1974 году в числе других он писал: «Сердечно поздравляем с присуждением высокой премии страны. Мы бесконечно рады за тебя, до-

[208] Там же, оп. 3, ед. хр. 79, л. 7.

рогой наш друг Кайсын! Пусть вечно звенит твоя могучая муза. Мустай Карим, Асхат Мирзагитов, Назар Наджми, Муса Гали, Гайнан Амери, Рафаэль Сафин»[209]. Это было поздравление в связи с присуждением Государственной премии СССР за «Книгу земли».

Прислал телеграмму Кайсыну и его друг Назар Наджми. «Дорогой Кайсын, — писал он, — поздравляю тебя с двойным праздником, обнимаю тебя как сына народа, за выдающуюся «Книгу земли». Назар Наджми»[210].

В 1959 году Кулиев написал послание «Мустаю Карим», очень своеобразное и печальное. В нем есть такие строки:

Мой друг, сегодня в горах снегопад,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Многие наши под снегом лежат,
Мало товарищей с нами осталось.

Многих война обжигала огнем,
В белые пропасти сваливал ветер,
Скольким друзьям мы руки не пожмем,
Ибо уже никогда их не встретим[211].

Перевел *Н. Гребнев*

Кулиев был охвачен тогда грустными мыслями, подчинившими все движения его сердца. Оно вобрало в себя воспоминания о погибших фронтовых друзьях, боль утраты и горькое сознание бесцельности ожидания с ними встреч («Где вы, друзья, с кем уже не пройдем мы, как бывало, по первому снегу?»). Но чувство печали перекликалось с мыслью о непреходящей дружбе, еще более крепкой и возвышенной, когда она пронесена через всю жизнь.

Обращаясь к Мустаю, Кулиев писал:

Падает снег, все заносит вокруг,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Дай же мне руку, мой сверстник и друг,
Старых друзей нас немного осталось[212].

Перевел *Н. Гребнев*

---

[209] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 64.
[210] Там же, л. 100.
[211] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 248.
[212] Там же.

Трагическое в лирике Кулиева встречается довольно часто, и авторская позиция по многим вопросам бытия и «вечным» темам жизни и смерти почти не менялась: трагическое он выводил из наблюдений над самой жизнью, из своего собственного опыта и различных судеб своих друзей. Через 26 лет после написания стихотворения «Мустаю Кариму» Кулиев снова обратился к тому, что всю жизнь волновало его. В стихотворении «Говорю моему поколению», во второй его части, он писал:

Уходит наше поколенье
Без грома с молнией, тайком.
А ведь когда-то мы каменья
Раскалывали кулаком.

Костром в снегу перед веками
Пылали верности года.
Теперь мы стали стариками
И вот уходим... Навсегда[213].

Перевел *М. Дудин*

Среди друзей, которые приехали ото всюду, чтобы проститься с Кайсыном Кулиевым, не было Мустая Карима. Какие-то серьезные причины помешали ему быть там, где были Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Алим Кешоков, Нафи Джусойты, Левон Мкртчян, Давид Кугультинов. В слове прощания Мустай Карим писал 12 июня 1985 года: «Трудно писать о друге в те минуты, когда его предают земле. Тут тобою владеют не мысли, не слово, а одно горе... Остаются жить его имя, его книги и наша любовь к нему»[214].

Последнее слово о своем друге Кайсыне сказал Мустай Карим в 1998 году. Ему самому было уже 80 лет. В интервью, которое он давал приехавшим гостям из Турции и КБР, были воспоминания о Кайсыне, их дружбе.

Каншаубий Мизиев, представитель Башкирии в Турции, Муталиб Беппаев, редактор телевидения, Мурат Боттаев, режиссер-оператор КБР, ездили в ноябре 1998 года в Уфу, чтобы взять интервью у М. Карима и Н. Наджми. Мустай Карим сказал, что он очень рад приезду гос-

---

[213] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 227.

[214] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 359; Литературная газета. 1985. 12 июня.

тей и рассказал о своем первом знакомстве с Кулиевым в Москве в 1954 году, когда Кайсын приехал на Второй съезд Союза писателей СССР вместе с киргизами, членами Союза писателей.

«Киргизские писатели оказали опальному поэту честь и уважение, включив его в состав своей делегации, — говорил М. Карим. — Кулиев приехал в надежде, что делегаты съезда ото всех союзных и автономных республик встретят его с радостью, что он не забыт как поэт. Я чувствовал, что к нему было особое внимание и уважение всех.

После этого прошли годы. Кайсын, приезжая в Москву, всегда останавливался в гостинице «Москва». Здесь и собирались мы, его друзья. В его номер приходили Зульфия, я, М. Дудин, А. Мухтар, Д. Кугультинов. Веселились, вели споры. Одним словом — отдыхали.

Кулиев приезжал в Башкирию, когда отмечали мое 60-летие. Я всегда любил талантливые стихи своего друга.

Был несколько раз в Кабардино-Балкарии, близко познакомился с культурой и бытом балкарского народа. Это прекрасный, чистый и трудолюбивый народ. Был в Чегемском ущелье, видел, как живут в высокогорных условиях балкарцы, как косят сено под облаками и создают зеленые облака. Кайсын очень дорог мне. Он был удивительным человеком и страстно любил свой народ. В народе говорят: «Если ты ел хлеб с кем-нибудь, то этого достаточно — ты друг». Я много съел хлеба с Кайсыном в гостях у балкарского народа. Я понимал, что люди любят своего поэта, говорят о нем с гордостью, что он простой и душевный человек. В сознании народа Кулиев всегда останется на высоком уровне. Имя Кулиева — это путеводная звезда... Для меня он не умер, и я не могу говорить о нем в прошедшем времени.

Кулиев был очень цельной личностью, неповторим во взаимоотношениях с людьми, умел смеяться и грустить. Когда моя жена после аварии лежала в больнице, то Кайсын неоднократно приезжал ее проведать и привозил редкие лекарства, поддерживал меня морально.

Он был очень верным в дружбе. Когда он лежал в больнице и я приходил к нему, то он сказал мне, что хочет кумыса. Это было зимой. Моя мать делала сама кумыс и говорила, что это специально для Кайсына. Несколько раз мы отсылали ему кумыс.

Вспоминается, как Кайсын приезжал ко мне в деревню, где я родился. Советский Союз мы объездили вместе. В дни съездов тоже были вместе, веселились на юбилеях и Днях литературы и искусства, выступали вместе с Расулом Гамзатовым, Кугультиновым по центральному и местному телевидению. Председатель по передачам «Всемирная литература» Греков иногда шутил: «Всемирная литературная передача требует только четверых — Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Давида Кугультинова и Мустая Карима». Мы несколько раз выступали во «Всемирной литературе», представляя четыре национальные республики.

Сейчас мне очень грустно говорить об этом. Вспоминаются слова Кайсына, когда в мае он возвращался из больницы: «Я видел свои похороны!»

Благодарю Вас, что вы трое приехали из Нальчика и сделаете телепередачу о моем друге.

Раньше у нас в стране были тесные связи со всеми литераторами. Мы часто встречались, а теперь находимся как бы в изоляции. Прежние связи братских республик прерваны. Ваш приезд в какой-то мере укрепил дружественные связи между Башкирстаном и Кабардино-Балкарией.

Стихи Кулиева у нас печатались и печатаются. Думаю, что со временем все установится и будет, как было первоначально. В этом я уверен.

Однажды я был с Кайсыном у Твардовского. Он был болен и находился на даче. По дороге я сказал Кайсыну, что я назвал свою работу «Плач поэта» и думаю сдать в издательство. Кулиев возразил и предложил ее назвать «Салават». С этим согласился и Твардовский, когда мы об этом говорили с ним на даче. Мнение Кулиева всегда было веским.

Наша литература возникла из большого народного творчества. Салават писал стихи, но его стихи не дошли до нас в полном объеме. Он явился духовным выразителем башкирского народа. И Кулиев это понимал, когда предложил назвать книгу его именем»[215].

В своем интервью в ноябре 1998 года, которое передавалось по телевидению КБР, М. Карим говорил о том, как развивается культура и литература башкирского на-

---

[215] Архив телевидения КБР.

рода, что в последние годы открылся новый театр, издаются новые газеты и журналы, что народы Башкирии, как и все народы Российской Федерации, живут надеждой на лучшее. «Надежда умирает последней», — горько добавил поэт. — Я не сторонник, чтобы каждый день говорить о своем народе. В этом отношении Кулиев был примером для всех, так как он говорил о мире, гуманизме, доброте, о сущности человеческого бытия, ибо настоящий поэт должен быть со своим народом.

У Кулиева есть стихотворение, посвященное мне. И у меня есть стихотворение, посвященное ему. Есть у меня и книги Кайсына с его автографом. Их более двадцати...

Мне горько, что его нет сейчас с нами, но я всегда слышу его голос. И всегда буду его вспоминать и не забуду своего друга Кайсына.

Наш народ тоже всегда будет помнить Кайсына»[216].

В конце выступления М. Карим передавал привет сыновьям Кайсына — Эльдару, Алиму и Азамату — и всему народу Кабардино-Балкарии. «Жизнь Кайсына Кулиева была нелегкой, — добавил М. Карим. — Он никогда не жаловался. Это был мужественный, жизнерадостный и удивительно обаятельный человек. Таким он остался в моей памяти»[217].

В тот же день дал интервью известный башкирский поэт Назар Наджми. «Для меня Кайсын как пророк, — сказал он. — И не только как пророк, но и святыня. При жизни он поднялся на мировой уровень. Это редкое явление в истории культуры. Его поэзия стала достоянием Европы, Америки, Африки, Азии. Несмотря на все это, Кулиев остался не искушенным славой, а остался самим собой — щедрым, простым, добрым, доступным. Его душа была чуткой ко всем народам. Особо хочу отметить его любовь к татарскому и башкирскому народам. Я читал его письмо, которое он писал в изгнании Кудашеву, патриарху татарской литературы. Это было в 1946 году. В нем он просил аксакала прислать ему книги татарских и башкирских классиков. Это говорит о том, что Кулиев хотел знать историю культуры наших народов, изучить татарский и башкирский языки.

---

[216] Архив телевидения КБР.
[217] Там же.

Никто так не писал блестящие статьи о М. Кариме, как писал Кулиев. Я перевел с балкарского языка на башкирский и татарский языки его книгу «Раненый камень» и посвятил ему свое стихотворение. Оно еще не переведено на русский язык. Но в эфире это стихотворение звучало на родном языке башкир, и все балкарские телезрители поняли, что оно о Кайсыне.

Однажды я сказал Кайсыну:

— Ты не мог не написать стихотворения «Раненый камень» и не воспеть свой Чегем.

— Да, — ответил он. — Я обязан был воспеть свое родное ущелье. Чегем — это моя колыбель!

— Без этого творения ты бы, Кайсын, не стал таким известным Кайсыном! Именно этой книгой ты обессмертил свое имя и свой народ.

В последние годы своей жизни Кулиев много внимания уделял молодым талантам, щедро отдавал весь свой талант другим. Высоко ценил творчество Сибгата Хакима и настоял на том, чтобы ему дали премию им. М. Горького.

Кайсына три раза выдвигали на Ленинскую премию, но каждый раз отклоняли, хотя его выдвигали многие писательские организации, высшие учебные заведения и другие организации и учреждения. Он был достоин этой высшей награды, но при жизни он ее не получил, Ленинскую премию ему дали посмертно.

Помню я и его душевную щедрость ко мне. Мне посчастливилось около 30 лет называть себя другом Кайсына, хотя это было слишком ответственно.

В моей памяти он остался щедрым, искренним, душевным человеком. Эти человеческие качества подняли его высоко среди нас. Кайсын велик как ПИК, названный в честь его.

Его улыбку, его голос и крик «Назар!» я никогда не забуду. Он притягивал к себе людей, как магнит.

Если на свете жил один добрый и порядочный человек, то таким человеком был Кайсын!

Очень сожалею, что его три тома не изданы на башкирском языке, но надеюсь, что мы их издадим.

Думаю приехать в Кабардино-Балкарию и посмотреть Чегемское ущелье и родину моего великого друга. Многие писатели и поэты до сих пор с гордостью говорят: «Мы были на родине Кайсына Кулиева!» Такие поэты, как Кулиев, рождаются через века. Кайсын — это высокая звезда

на небосклоне. Он был неповторим в поэзии и в человеческих отношениях. В этом я вижу величие Кулиева, нашего незабвенного друга. Хорошо, что жители КБР одну из вершин гор Кавказа назвали Пиком Кайсына Кулиева. Я написал стихотворение «Пик Кайсына Кулиева». Этот пик виден с Сахалина, Камчатки и из-за горизонтов земного шара...

Кулиев высоко поднял поэзию XX века. Он тонко ощущал и чутко реагировал на боль всей планеты, миропонимание его — это Космос и Земля, всеединство человеческого рода. Этим определяется величие Кулиева, поэтому он дорог каждому человеку. Его имя вошло в общечеловеческую память и будет жить в веках».

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

...Он, олицетворяя свою республику, олицетворял все человечество. Он был истинной совестью народа, он был истинным мужеством народа.

Кугультинов о Кулиеве

Эти два имени в истории многонациональной поэзии и в истории национальной культуры соединены неразрывно. Оба они представители немногочисленных этносов, культура которых имеет свои неповторимые черты и уникальность. Оба мудрые и проницательные, добрые и мужественные, они стали олицетворением республик — степной Калмыкии и горной Кабардино-Балкарии. Древо духовной жизни калмыков и балкарцев обогатилось поэзией Кугультинова и Кулиева, имена которых с полным правом входят в мировую цивилизацию. «Давид Кугультинов, самобытный художник, остается верным своей природе, характеру своего дарования, — писал в 1973 году Кулиев. —Это делает его оригинальным, самостоятельным и сильным»[218]. Говоря об особенностях и характерных чертах поэзии своего друга,

[218] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 33.

Кулиев выделил две черты: глубину мысли, серьезность и значительность содержания. Годом раньше в статье «Хорошо, что ты рядом» (1972) Кулиев рассказал о своих взаимоотношениях с поэтами-современниками и дружбе с Давидом Кугультиновым, творчество которого стало большим явлением в многонациональной поэзии Российской Федерации. «А ведь он тоже сын маленького народа, — говорил Кайсын. — Все дело в том, что все мы стали сыновьями великого русского народа, культуре которого мы служим»[219]. В кругу друзей и в официальных выступлениях Кулиев не раз восхищался его самобытным талантом, его духовным обликом, глубокой и своеобразной поэзией. Балкарский поэт считал Кугультинова явлением неизмеримо великим в национальной культуре калмыцкого народа и в историческом смысле исключительным. Всегда Кулиев подчеркивал заслуги своего друга в развитии национальной поэзии, не раз произносил тосты в его честь. Так, 18 февраля 1978 года в ресторане гостиницы «Москва» сидели за одним столом Кайсын Кулиев, Левон Мкртчян и Давид Кугультинов. Дружеский ужин проходил в непринужденной беседе. Кулиев заметил, что Давид Никитич был в веселом расположении духа.

— Снимают первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС Басана Бадьминовича Городовикова, — объяснил свое настроение Кугультинов. — А он ко мне относился недоброжелательно.

— Ему бы гордиться таким поэтом, — сказал Кулиев и предложил присутствующим поднять бокалы за Давида Кугультинова, за его поэзию и за всех, кто любит поэзию[220].

Кулиева и Кугультинова объединяло еще и то, что они вместе пережили несправедливую высылку. Они знали, что пришлось пережить их народам. Кугультинову пришлось испытать горе вдвойне, потому что он еще и узнал, что такое нечеловеческий быт в трудлагерях и колониях Севера.

Его стихотворение «Я помню прошлое» немного приоткрывает занавес той жизни:

---

[219] Известия. 1972. 6 окт.

[220] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 43.

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

. . . . . .

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: «Бабушка, родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

Обращаясь не раз к кугультиновской поэзии в течение долгого времени, на протяжении всех 60—70-х годов, Кулиев видел в его искусстве художественное воплощение извечных законов творчества и, анализируя его стихи, не раз прибегал к высказываниям Пушкина и Баратынского. Так, в 1966 году Кулиев написал о Кугультинове статью «Глубокая и мудрая поэзия». В ней он показал, на каком прочном фундаменте выросла и расцвела поэзия Кугультинова: «Слово советского поэта Кугультинова обращено к добру. Оно страстно служит счастью людей, процветанию своей Родины. В этом его сила, мудрость и значительность. Его слово рождено идейной убежденностью. Давид Кугультинов, как всякий настоящий художник, идет с теми, кто трудится и созидает; их судьба — его судьба, он во всем хочет быть с ними до конца дней жизни»[221]. Кулиев понимал, что поэзия Кугультинова обусловлена исторически и подготовлена всем ходом развития калмыцкой истории, всем движением ее национальной литературы, начиная от огромной сокровищницы устного народного творчества, грандиозной героической эпопеи «Джангара», ставшей священной в сознании калмыцкого народа, до современного искусства, преемственных творческих связей с писателями Востока и Запада.

Говоря о самобытности и народности поэзии Кугультинова, Кулиев уже в 70-е годы продолжал развивать свои мысли об «исторических» и «неисторических» народах, осуждая некоторых ученых, пытавшихся возвысить одни нации и унизить другие. «Глубокая поэзия Давида Кугультинова еще раз говорит о том, что талантливы все народы. Он, пишущий на языке малочисленного народа, стал

[221] *Кулиев К.* Глубокая и мудрая поэзия // Литературная газета. 1966. 15 апр.

известен всей стране и за ее рубежами. Надо знать жизнь Кугультинова, чтобы по достоинству оценить его мужественные и оптимистические стихи»[222], — писал Кулиев в статье «Глубина».

Мнение Кайсына Кулиева о нем было известно Давиду Кугультинову. Еще бы! Ведь они очень часто встречались на поэтических семинарах, Всесоюзных совещаниях молодых литераторов, на юбилейных торжествах и партийных съездах, в Союзе писателей СССР, на родине Кулиева и в Калмыкии, в поездках по Японии, Индии, Польше...

Так, в начале апреля 1979 года Кулиев и Кугультинов вылетели из Москвы в Японию. Кайсын был первый раз в этой Стране восходящего солнца, мечтал побывать в ней, и вот его мечта осуществилась. Оба друга побывали в городах Хиросима и Нагасаки, испытавших атомные бомбардировки, встречались с людьми, которые на себе ощутили эти страшные взрывы, потеряли близких людей. «...Я посетил Хиросиму и содрогнулся, — писал Кугультинов, — волосы встают дыбом, когда слышишь и видишь, что там произошло»[223]. Кулиев тоже был потрясен всем, что услышал об этой давней трагедии, и говорил Кугультинову, что обдумывает поэму об этом несчастном городе. Но написать поэму Кулиеву не удалось. В результате этой поездки появились только стихи, отражавшие драму людей, испытавших ядерные взрывы.

Погибла Хиросима, но сквозь мглу
Свет звездный серебрил ее золу[224], —

писал Кулиев в стихотворении «Светите, звезды» (1979).

Или:

И жить нельзя, не думая про это,
Ни пить, ни есть. И, человечий сын,
Боюсь я, в тыщи рек заплещет Лета,
А землю выжгут тыщи Хиросим[225], —

Перевел *О. Чухонцев*

предупреждал поэт в стихотворении «Не думать об этом не могу» (1979).

---

[222] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 335.
[223] Кабардино-Балкарская правда. 1987. 30 окт.
[224] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 147.
[225] Там же. С. 114.

Вернувшись из Японии, друзья успели побывать как депутаты на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, начавшей работу 17 апреля 1979 года.

Побывали они вместе и в Монголии, жили в одном домике, наслаждаясь «красотами иных краев», этих незнакомых мест, «которые уже забыть не в силах». Как они жили в горах Монголии, что видели и испытали вместе, Кулиев описал в стихотворении «В горах Монголии», посвященном Давиду Кугультинову.

Живем в горах Монголии: деревья,
Трава, каменья, склон горы, луна.
Луна выходит, как в Чегеме в детстве
Двор выходила озарять и склон[226].

Перевел *Д. Долинский*

«Много лет я слежу за работой Давида Кугультинова, — писал Кулиев в статье «Глубина». — Выход каждой книги моего собрата становится радостью для меня. В том, что он один из самых значительных поэтов наших дней — у меня нет сомнения. Он мне дорог и как личность. За его плечами очень серьезный и трудный жизненный путь». Двумя годами раньше этой статьи, Кулиев написал стихотворение «Давиду Кугультинову» (1971), в котором сказал, за какие качества личности он ценил своего друга, за какие черты характера, которые заслуживают самого высокого уважения.

И дни войны, и дни страшней, чем войны, —
Нам испытать пришлось, но с давних пор:
Чем совесть чище, тем душа спокойней —
Закон твоих равнин и наших гор.

И жизнь людей не так мрачна в итоге.
И мы, взойдя на эту высоту,
Давай, мой брат Давид, поднимем роги
За вечность гор и нашу правоту![227]

Перевел *Н. Гребнев*

Какие же дни для них были страшнее, чем дни войны? Это насильственная высылка родных народов, когда беспощадный молох тоталитаризма прошелся по судьбам многих народов Северного Кавказа, Крыма и Поволжья.

---

[226] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 215.

[227] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 154.

Оба испили чашу страданий при жестком диктате, поэтому Кулиев имел право сказать:

Какого цвета темень без просвета,
Как воет вихрь, ломая дерева,
На вкус беда людская какова —
Кто-кто, а мы с тобою знаем это.

Мы знаем, что такое ветер бедствий,
Когда он воет, бьет нещадно в грудь,
И нет огня, нет крова, чтоб согреться,
И лишь надежда указует путь[228].

Перевел *Н. Гребнев*

Это не единственное стихотворение балкарского поэта, посвященное Кугультинову. Намного раньше, еще в 1959 году, после возвращения из Средней Азии, Кулиев написал «Стихи, написанные в Калмыкии». Они незатейливы, просты, как детские присказки. Но именно в них поэт сумел воспеть и беркута в небе бездонном, и степной простор между Волгой и Доном, и прославленных калмыцких коней, самых сильных и выносливых, и, конечно, их наездников, так отчаянно боровшихся на протяжении многих веков за свою независимость с преемниками Чингис-хана... Все промелькнуло в поэтическом воображении:

Караванов верблюжьих
Время стерло следы.
Слышу голос оружья:
Тонкий посвист стрелы.

Бег коней полудиких,
Стали кованной звон.
Кто из калмыков
В седле не рожден?[229]

Перевел *Я. Козловский*

Первый раз они встретились в предвоенный год, который для Кулиева был насыщен большими событиями и незабываемыми встречами. Так, он познакомился с писателем А. А. Фадеевым, с которым виделся во Владикавказе в 1939 году во время празднования юбилея Коста Хетагурова и в Ереване этого же года на юбилее эпоса «Давид

[228] Там же. С. 153.
[229] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 249.

Сосунский». Там Кулиев и встретился с начинающим поэтом Д. И. Кугультиновым. В Калмыкии торжественно отмечалось в 1940 году 500-летие эпоса «Джангара». На этот праздник приехали известные писатели во главе с А. Фадеевым. Приехал сюда от Союза писателей КБАССР и Кайсын Кулиев. «Мы встретились с ним и подружились, — вспоминал об этой первой встрече Д. Кугультинов, — потому что были близки друг другу по духу, потому что понимали друг друга с полуслова». С тех пор эти узы связали Кугультинова и Кулиева на всю жизнь. Роднило их многое: почти вместе начинали поэтический путь, воевали в годы Великой Отечественной войны на просторах России за свободу и честь российских многочисленных народов, перенесли тяжелые беды, одной из которых был период геноцида балкарцев, калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, турок-месхетинцев, немцев Поволжья и др. Долгие годы оба поэта были связаны (уже после 1956 года) общественной работой в секретариате правления Союза писателей РСФСР, СССР. Их многое сближало. Вот так об этом писал сам Кугультинов: «Я прошел войну. Прошел войну и Кайсын. С ним были рядом друзья. Со мной были рядом друзья. И тогда мы физически ощущали силу дружбы. Тут уж ничего абстрактного не было. Война определяла человека, как лакмусовая бумага определяет кислоту. И там мы говорили: «С этим я пойду в разведку». Но если уж ты определил, значит, есть соответствие, совпадение точек. И войну, быть может, мы выиграли оттого, что была такая дружба, которую потом назвали дружбой народов, моральным духом или высотою нравственного начала»[230].

Д. Кугультинов всегда был внимательным другом, поздравлял Кулиева с праздниками и событиями в личной жизни. В 1977 году он писал ему:

«Братски обнимаем и поздравляем с днем рождения славного сына Кавказа, талантливого певца родного Чегема, человека, которого любят за его доброе сердце и широкую, как наша степь, душу, за его яркие, как степные тюльпаны, стихи.

Кугультинов, Тачиев, Инджиев, Каляев, Нармаев, Сусеев, Сандгаджиев»[231].

---

230 Литературная газета. 1982. 27 окт.

231 ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 70, л. 58.

В архивах Кулиева и Кугультинова хранится много фотографий и писем, свидетельствующих об их искренней и долгой дружбе. Так, например, в архиве Кулиева есть письмо фотографа Василия Ивановича Васильева от 16 ноября 1976 года, по которому можно судить, что обычно Кулиев и Кугультинов старались быть вместе, где бы ни находились — в Москве или в других городах страны. Он писал:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Посылаю Вам фотографии из серии «6-й съезд Союза писателей СССР».

Мне не довелось сфотографировать Вас в групповых беседах и сценах, поэтому посылаю то, что имею — снимок 849 — 6, который сделан в Кремлевском Дворце по Вашей просьбе. Но я не знаю, кто с Вами? Этих двоих товарищей Ваших — мне необходимо знать (кто, что, где) затем, чтобы написать их реквизиты при сдаче ее в архив.

Не спросив разрешения Давида Кугультинова, я посылаю его две фотографии: ведь вы — друзья. Думаю, что не будет ругать меня за этот поступок. И Вас тоже прошу не ругать меня за то, что без Вашего разрешения я посылаю ему Ваши фотографии.

В Душанбе пока ничего не послал. Фото 832—6 и 832—12 отпечатал в выставочном формате (3Сх40) — они хорошо смотрятся. Если захотите посмотреть, то, когда будете в Москве, сообщите мне об этом. Тогда же сможете посмотреть и всю серию фото «VI съезд Союза писателей СССР» (портреты поэтов и писателей, что случайно попали в мой объектив).

Вот пока все. Здоровья и успехов Вам. С уважением

В. Васильев»[232].

Большое значение в духовной жизни Кайсына Кулиева и Давида Кугультинова имели личные контакты, общие интересы, самоотверженная работа как депутатов Верховного Совета СССР. Оба были воспитаны на принципах социальной справедливости, добра, самоотвержения в дружбе и любви, служения людям. К ним, как народным депутатам, обращались с многочисленными просьбами рабочие и крестьяне, интеллигенция и их бывшие товарищи-

[232] Там же, оп. 5, ед. хр. 41, л. 1—2.

фронтовики. Никогда они не отказывали в просьбах, старались помочь им, выполнить их наказы. Для обоих поэтов не было середины, и они стремились всегда все дела довести до конца — в сфере ли культуры, быта и т. д. Они никогда не скрывали друг от друга свою внутреннюю жизнь, делились мыслями, опасениями, рассказывали друг другу всю правду, что им пришлось увидеть и пережить, особенно в период насильственной высылки. Они тонко понимали характер друг друга, уважая жизненные принципы, проявляя при этом гибкость ума и чуткость души. Так, на выездном заседании Бюро правления Союза писателей РСФСР, которое проходило 12 октября 1959 года в г. Нальчике, Д. Кугультинов говорил: «Горские поэты в своих выступлениях не раз с гордостью говорили о том, что их родина воспета Пушкиным и Лермонтовым. Горы Кавказа вдохновляли Музу гениальных певцов. Известный поэт-переводчик Семен Липкин в своем выступлении позавчера очень точно сказал, что в былые времена Кавказ был объектом поэзии, сейчас он стал субъектом. Горы Кавказа великолепно воспевают в своих стихах и поэмах К. Кулиев и А. Кешоков. К этим словам мне хочется добавить лишь то, что Кавказ пленил умы не потому, что поэтичны и великолепны горы, — а они поэтичны! — а потому, что в горах витает свободолюбивый дух гордых и мужественных народов. Горы Кавказа красивы, укрощенные духом народов гор. Мы только вчера были в городе Тырныаузе и видели на огромных высотах героев, которые одухотворяют, символизируют нынешний Кавказ.

Солнце поэзии Пушкина освещало не только седые вершины Кавказа, но и солнечные долины Калмыкии. Мне кажется, что нынешнее заседание Бюро правления Союза писателей РСФСР является прекрасным, исполненное пророческих слов из «Памятника» Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык»[233].

Д. Кугультинов написал о своем друге несколько ярких, запоминающихся эссе.

---

[233] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 249, л. 83—84.

В статьях «Сын Эльбруса Кайсын» (1967), «Гармония красок» (1972), «Редкий, могучий талант» (1977), «Великая тайна творчества» (1987) и других Кугультинов утверждал, что в национальной поэзии балкарцев Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев открыли глубины внутренней жизни народа, новую страницу в истории национальной поэзии, придав ей новое качество.

...В марте 1980 года, когда Кулиев лежал в клинике на Мичуринском проспекте, Кугультинов звонил ему несколько раз и справлялся о его здоровье. Так, 16 марта он снова позвонил из Элисты и спрашивал о состоянии здоровья своего друга. Кайсын говорил Давиду, что теперь у него все нормализовалось: стал по ночам спать, появился аппетит, давление в норме. Поинтересовался, получил ли Кугультинов депутатский значок и документ, поздравил его и передал ему привет от генерал-майора Хакима Деппуева, который здесь лечился вместе с Кайсыном. Поинтересовался Кулиев и тем, закончил ли Давид работу над третьим томом своих сочинений. Пожурил его, почему до сих пор не завершил. Потом Кайсын говорил ему о своих детях — Эльдаре и Алиме, которые учатся здесь, приходят к нему, скоро к ним приедет из Ленинграда на каникулы Азамат и будет жить у Эльдара[234].

Когда Кайсын Кулиев умер, Давид Кугультинов на похоронах своего друга в прощальном слове сказал:

— Покидая эту землю, Кайсын поселяется в наших душах. Образ его всегда будет с нами, чтобы нам было легче жить, ибо свою жизнь Кайсын посвятил добру и народу. Вся его поэзия была посвящена тому, чтобы его слово помогало в трудные минуты... Кайсын покинул нас, но он ушел в века.

Это было сказано 6 июня 1985 года.

В 1997 году, когда отмечали 80-летие со дня рождения Кулиева, Давид Никитич приехал в Нальчик и сказал на торжественном заседании:

«Я благодарю судьбу за то, что долгие годы я дружил с Кайсыном. Эта дружба сыграла огромную роль в моей жизни. И еще хочу сказать о том, как высоко народы Кабардино-Балкарии ценят своего поэта, как любят его, чтят

---

[234] *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* Кайсын Шуваевич Кулиев: Биография поэта. Ч. 2. 1959—1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 339.

память о нем и прививают эти драгоценные качества молодому поколению.

Моя судьба и жизнь причастна к поэтическому творчеству Кайсына, которого я любил, уважал и ценил за верность дружбе.

Сегодня я с большим волнением слушал выступление премьер-министра КБР Хусейна Чеченова. Он говорил о Кайсыне как о великом сыне человечества, а не только как о великом сыне и поэте Кабардино-Балкарии. Об этом же самом говорила в своем выступлении великая дочь Индии, тогда глава правительства, — Индира Ганди. Она на высоком форуме цитировала стихи балкарского поэта, известные всем: «Каждая пуля на войне поражает сердце материнское».

Кайсын Кулиев был высокообразованным человеком и в то же время простым и доступным всем. Приведу примеры. Однажды на юбилее в Москве я сидел рядом с композитором Г. В. Свиридовым. Мы говорили о Кулиеве. Свиридов сказал: «...как обеднела Россия и ее поэзия с уходом Кулиева». И это сказал русский человек, известнейший композитор! Остановлюсь еще на одном эпизоде. В 1968 году отмечали 100-летие со дня рождения М. Горького. По случаю этого был правительственный прием, на котором были Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный и другие члены Политбюро. Со мной рядом сидели Ч. Айтматов, К. Кулиев и другие писатели. Когда слово дали Кайсыну, он произнес тост в честь поэта Я. Смелякова, талант которого чтил очень высоко. В это время к нему подошел человек и шепнул, что нас приглашает Л. И. Брежнев на беседу. Тост был прерван, и мы все пошли по приглашению. Помню, что в своей речи Л. И. Брежнев говорил о том, что мы приглашены сюда потому, что правительство нас почитает, знает наши произведения, и не только потому, но и хочет посмотреть на наши лица, услышать наше мнение. Выступить или возразить что-либо Генеральному секретарю Союза никто из нас не решился. А Кулиев смело сказал:

«Вот Вы говорите, что знаете нас, читаете наши произведения, но вы не знаете, как нас душат!»

«Кого — вас?» — спросил Брежнев

Наступила тишина, все молча смотрели на Кулиева. Брежнев снова переспросил:

«Кто вас душит?»

Кайсын, нисколько не смущаясь, смело ответил:
«Обком на местах».

Услышав это, секретарь ЦК КПСС по идеологии Демичев нахмурился и впился сердитыми глазами в поэта, гневался и завотделом культуры Шауро. Они пылали негодованием. Но Кайсын продолжал говорить о трудностях работы на местах и об отношении к работникам культуры, литературы и искусства. Беседу прервал Г. Марков, который сказал, что народ ждет своего Генерального секретаря и желает выпить за его здравие. Все подошли к столу и подняли небольшие коньячные рюмки. Тост говорил Николай Тихонов и предложил выпить за всенародную любовь к Леониду Ильичу.

«Я за этот тост выпить не могу», — внятно и громко сказал Кайсын и поставил рюмку на стол.

Все застыли в ожидании.

«Почему же?» — спросил Брежнев.

«Когда кончится у нас очковтирательство?» — вопросом на вопрос ответил Кулиев.

«Какое очковтирательство, товарищ Кулиев?» — сердито спросил Брежнев.

«А вот какое: Михалков за здоровье Генерального секретаря пьет ситро вместо коньяка!»

Наступила разрядка: все вздохнули с облегчением и засмеялись.

Смеялся и Брежнев, потому что Михалков взял фужер, налил в него коньяку и, несмотря на запреты врачей ничего не пить спиртного, залпом выпил и сказал:

«Вот так надо пить за Генерального секретаря!»

Кайсын Кулиев шутил, но все понимали: в стране тогда было много пены, очковтирательства и в центре, и на местах. Позволить себе такую шутку среди правительства мог только Кайсын Кулиев...»

Этот эпизод говорит о том, что Кулиев был открытым и смелым человеком. На самом высоком уровне, в присутствии высших руководителей страны он один мог высказать свое мнение, не боясь, что оно будет истолковано неправильно. Кроме дара поэтического таланта, он обладал чувством справедливости и принципиальности. Поэтому его так высоко ценили, горячо любили и глубоко уважали все и везде.

Тогда же в своем выступлении Кугультинов говорил: «Я недавно отметил свое 75-летие. На моем юбилее были

представители вашей республики. Они привезли поздравление и подарки от имени Президента Кабардино-Балкарии В. М. Кокова, от имени кабардинцев и балкарцев. Друг Кайсына Кулиева, Алим Кешоков, тоже мне прислал подарки. Я им всем благодарен».

На второй день, 15 ноября 1997 года, делегации и гости поехали на родину Кулиева в Нижний Чегем, в числе их были Давид Кугультинов, Мурат Кажилаев, представители из Турции. В средней школе, где учился Кайсын Шуваевич, состоялась встреча с жителями села. Гости посетили музей Кулиева, который есть в этой школе. Людей было очень много. Ученики читали стихи поэта. На этой встрече выступал Кугультинов, гости из Турции и профессор С. И. Эфендиев. Затем гостей пригласили полюбоваться природой Чегемского ущелья, Адайскими водопадами. Там, уже за столом, будучи тамадой, Давид Никитич произнес тост в честь своего великого друга и его памяти, за землю, которая породила такого талантливого человека, за Кабардино-Балкарию и за гостей. Далее он сказал: «По моему глубокому убеждению со временем Чегемское ущелье станет местом паломничества, как Ясная Поляна и Тарханы. Всегда люди будут чтить память Кулиева и Чегем — его колыбель. Слово «Чегем» — это святыня для нас, так как Кайсын Кулиев воспел его и неоднократно с гордостью говорил, что он родом из Чегема и кавказец! Это неразрывные понятия: Кайсын — Чегем — Кавказ. В том суть его любви к родному краю». Потом выступали гости, они поведали свои сокровенные мысли о поэте Кайсыне Кулиеве.

По общему признанию Давид Никитич был великолепным тамадой. В конце застолья по горскому обычаю один из сидящих за столом произнес тост в честь тамады — Кугультинова. Все встали и стоя выпили за здоровье тамады, чтобы он долго жил и часто руководил за таким торжественным столом в честь юбилеев и других торжественных мероприятий.

К 16.00 все возвратились в Чегем 1, в Дом-музей К. Ш. Кулиева. Здесь гостей ожидали все родственники поэта. Под навесом в усадьбе были накрыты столы. На самое почетное место усадили Давида Никитича, а рядом с тамадой сидели профессора КБГУ Ибрагим Ахматов, Салих Эфендиев.

В беседе Кугультинов говорил: «Салих, я хочу сказать

тебе, Тамаре и твоему сыну Фуаду, большое спасибо за эти два тома научной биографии, выпущенных к юбилею Кайсына Кулиева. Это уникальные издания, редкий факт, когда к 80-летию выпускаются подобные монографии. Вы провели огромную работу, собрали большой материал и последовательно изложили биографию Кулиева по годам, месяцам и дням. Это очень редкая книга, в которой так подробно и интересно повествуется о жизненном и творческом пути Кайсына Кулиева и тех, с кем поэт встречался. Эти книги нам, гостям, подарило ваше правительство в красочной упаковке. Для нас это самый ценный подарок — Кайсын с нами».

Давид Никитич вспоминал, как два года назад, в 1995 году, когда шли выборы в Государственную думу, к ним в Элисту приезжала делегация из Кабардино-Балкарии. Выборы были региональными. Избирался кандидатом в депутаты Думы Амирхан Кушхов, министр сельского хозяйства и продовольствия КБР. Его доверенным лицом был проф. С. И. Эфендиев. С ним были Л. А. Шомахов, директор научно-исследовательского института горного садоводства, М. Кабардиков, замминистра сельскохозяйственного продовольствия, В. Каскулов, работник этого же министерства. «Ваш приезд совпал с избранием Президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова в Международную шахматную Федерацию президентом, — продолжал рассказывать Кугультинов, обращаясь к проф. С. И. Эфендиеву. — Ты, наверное, помнишь, Салих, когда вы поздравляли Илюмжинова с этой должностью, то подарили ему от Кабардино-Балкарии белую бурку и шахматы. Я тогда сидел в президиуме. Была прямая трансляция по местному телевидению, которую смотрели все жители нашей республики».

На другой день Давид Кугультинов посетил в гостинице «Элиста» профессора С. И. Эфендиева. Сюда пришли давние друзья Салиха Ибрагимовича, ученые Калмыцкого госуниверситета — Михаил Иванов, Владимир Убышаев, Ким Корнеев. Они шутили: «Ты же наполовину калмык, так как тебя в Киргизии, в Джалал-Абаде, в педучилище, обучала наша известная калмычка Е. Б. Шургучинова, которая после возвращения на родину работала у нас министром культуры. Мы знаем и тот факт, что вы принимали участие во Всесоюзной научной конференции в апреле 1971 года, и когда уезжали домой, она подарила вам «Из-

бранные произведения» Давида Кугультинова в двух томах. Тогда она написала: «Чете Эфендиевых в память о Джалал-Абаде с глубоким уважением. Екатерина Болеловна Шургучинова. Элиста, КАССР. 22 апреля 1971 г.».

На этой Всесоюзной научной конференции был и поэт Давид Кугультинов. Он был в числе почетных гостей, профессорско-преподавательского состава. Приехали — из Волгограда профессор П. Рогачев, из Ленинграда профессор Т. Бурмистрова, из Тулы доцент З. Пушкина, из Грозного Юша Айдаев, из Нальчика Л. Елеев и представители из многих других городов СССР.

Участников конференции встречали с огромными букетами красных тюльпанов. Степи Калмыкии алели необъятным пламенем этих удивительных весенних цветов. Принимал ученых, вместе с Д. Н. Кугультиновым, первый секретарь обкома партии Б. Городовиков, известный на Северном Кавказе как большой политический деятель. Он произнес приветственную речь в честь собравшегося ученого форума и, обращаясь к Д. Кугультинову, сказал: «Тебе, Давид, выпала честь принимать известных профессоров из всего нашего Союза, так как ты самый известный поэт в СССР». На прощание гостей угощали кумысом в красивых памятных пиалах, изготовленных в честь 50-летия советской автономии Калмыкии (1920—1970) и предложили собравшимся взять их на память об этой поездке в Калмыкию. Эфендиевым достались две пиалы. Потом Юша Айдаев шутил по дороге в университет: «Сейчас вызову жену телеграммой, чтобы и ей Городовиков подарил национальную посуду, с красочным орнаментом калмыков». На что Давид Кугультинов заметил: «От Грозного до Элисты — рукой подать. Чеченцы и чеченки такие же лихие наездники, как и «друг степей калмык». Мы подарим вайнахам не только юбилейные пиалы, но и скакуна калмыцкой породы...»

Об этом и вспоминали вместе с Давидом Никитичем С. Эфендиев, М. Иванов, В. Убышаев, К. Корнеев, о тех событиях, которые происходили в начале 70-х, то есть о том, что было более двадцати лет тому назад.

За двадцать пять лет изменился и Давид Кугультинов и те, кто его знал тогда. Он стал менее общительным, но обаяние сохранилось то же. Беседуя в гостинице с представителями делегации Амирхана Кушхова, Давид Ники-

тич поинтересовался творческими планами профессора Эфендиева.

— Я почти отошел от своей научной темы 70-х годов — советского патриотизма и социалистического интернационализма. В 90-е годы меня захватили другие проблемы, — отвечал на вопрос Салих Ибрагимович. — Проблема межнациональных отношений — одна из острых на Северном Кавказе. Кроме того, я увлекся изучением жизни и творчества нашего незабвенного друга Кайсына Кулиева. После выхода в свет научной биографии, изданной к 80-летию Кайсына Кулиева, мы сейчас работаем над третьим томом «Друзья Кайсына Кулиева» и четвертым — «Кайсын Кулиев в воспоминаниях современников». Переписка, воспоминания, дневники. Мы собрали интересный архивный материал, в основном из ЦГА КБР и из Архивного центра документации новейшей истории, где хранится фонд Союза писателей КБР, но если сказать честно, то это очень бедный фонд по сравнению с фондом Кайсына Кулиева.

— Очень интересно,— сказал Кугультинов. — Союз Эфендиевых — философов Салиха и Фуада и литературоведа, кайсыноведа Тамары — вероятно, принесет свои богатые плоды. Ведь поколение людей, современников Кайсына Кулиева, уходит из жизни. Хорошо, что вы собрали их воспоминания. Это огромный труд, который поможет сохранить в памяти людей все, что связано с именем Кайсына Кулиева. Спасибо вам.

Беседа с поэтом Давидом Кугультиновым проходила в гостиничном номере. Разговор шел вокруг имени Кайсына Кулиева. Кугультинов понял, с каким сожалением и горечью сказал профессор: «Как я жалею, что не обратился раньше к социально-философским проблемам и мотивам творчества Кайсына! Надо было этим заняться лет 20 тому назад, когда был еще жив поэт. Я тогда стеснялся говорить Кайсыну Шуваевичу, что буду изучать его архив, поэзию, его биографию. Наша семья не считает, что мы много сделали для изучения и увековечивания памяти Кулиева. Хотя Тамара Эфендиева посвятила кайсыноведению всю свою жизнь. Написала и опубликовала более 200 статей, 4 монографии, 5 методических пособий, разработок и указаний для вузов, защитила докторскую диссертацию по творчеству Кайсына Кулиева. То, что мы сделали, — это мизер. Кулиев заслуживает большего как национальный гений и выдающийся гуманист XX века. Таких людей, как

Кайсын Кулиев, Лев Толстой называл «учителями человечества».

Вся эта беседа была записана работниками телевидения Калмыкии, которые здесь же, в номере, записали и сняли выступления Д. Н. Кугультинова и С. И. Эфендиева. В течение сорока минут об этой беседе шла трансляция для населения республики. Выступая по телевидению, Давид Кугультинов вспомнил один случай. Когда он встретился в Москве со всемирно известным композитором Г. В. Свиридовым уже после смерти Кулиева, то композитор сказал с горьким сожалением: «Как обеднела Россия и ее поэзия с уходом Кулиева». И Давид Никитич прибавил, делая ударение на слове «русский»: «Это сказал русский человек!»

РАСУЛ ГАМЗАТОВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

...На сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки...[235]

Р. Гамзатов о К. Кулиеве

Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов внесли особую художественную струю в современную национальную поэзию. Социально-нравственные проблемы их поэтического творчества, многообразие лирики, с ее глубоким философским смыслом, несомненно, повлияли на развитие национального сознания и самосознания горских народов. А если брать в других масштабах, то поэзия того и другого стала явлением общенациональным. Обращая внимание на рост художественного творчества в национальных республиках, В. Пискунов писал: **«...поэзия дагестанца Р. Гамзатова,** калмыка Д. Кугультинова, **балкарца К. Кулиева,** литовцев Э. Межелайтиса и Ю. Марцинкявичюса, а также других **определяет уровень нашей литературы, ее современное**

[235] *Гамзатов Р.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1981. Т. 2. С. 102.

состояние и перспективы»[236]. Это было сказано в конце 70-х годов, когда и Кулиеву, и Гамзатову предстояло еще много лет работать на поэтическом поприще.

В связи с присуждением Ленинской премии Расулу Гамзатову Кулиев говорил, что «это является праздником и знаменательным событием для горской поэзии. Лучший из нас, нынешних поэтов гор, — Расул Гамзатов получил Ленинскую премию. Это победа не только одного блистательного дагестанского поэта, а всей поэзии горских народов, ее общий праздник и слава. Все мы гордимся Расулом. Он прославил своей поэзией родную землю, получил наравне с выдающимися русскими поэтами, такими, как Твардовский, Прокофьев, премию. Такое событие свидетельствует о той высоте, на которую уже поднимается культура горских народов»[237].

Поэтическое творчество Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова по праву входит в сокровищницу многонациональной литературы Российской Федерации. Крупнейшие мастера художественного слова, они убедительно продемонстрировали всем своим талантливым творчеством, каких успехов можно достичь неустанным трудом, поисками, желанием принести пользу своему народу и Отечеству. Созданный Кайсыном Кулиевым и Расулом Гамзатовым поэтический художественный мир вращался, как почти у каждого писателя и поэта, вокруг человека. Человек для них — это творец вселенной, великий преобразователь ее, солнце мира. В одном из своих стихотворений — «Случаются такие времена...» — Кулиев сказал: «...человек — это царь земной и бог, сошедший с неба»[238]. Убеждение во всемогущей роли людей, поэтический пафос художественного творчества этих двух поэтов связаны с осознанием ими беспредельных творческих возможностей человеческого разума и труда. Народный поэт Кабардино-Балкарии Алим Кешоков говорил, что «в центре внимания писателя всегда был и останется человек... шагнувший от деревянной сохи на земле до лунохода на Луне»[239]. Те же мысли, созвуч-

---

[236] Дорогой правды, дорогой гуманизма. М. : Худож. лит., 1978. С. 164.

[237] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 58, л. 9—10.

[238] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. С. 200.

[239] *Кешоков А.* Созвездие литератур // Знамя. 1972. №. 1. С. 215.

ные Кулиеву и Кешокову, мы находим в лирике Гамзатова:

...а по мне состоит человек
Из смешения солнечных бликов,
Шума птиц и шептания рек,
Смены рос и туманных спиралей,
Пенья трав и молчания далей.

Перевела *И. Снегова*

Большой интерес к народному характеру, отличавшемуся духовной красотой, конечно, связан с поисками цельной и гармоничной личности. Гуманистическая концепция Гамзатова и Кулиева проявлялась в сложных нравственных коллизиях, рожденных счастливыми и трагическими обстоятельствами, проявлялась в том, насколько они смогли правильно отразить жизнь во всем ее многообразии, в противоречиях и тенденциях. Так называемые «вечные» темы и новые проблемы жизни и литературы трактовались этими поэтами не традиционно, а с иных эстетических позиций, в согласии с теми морально-нравственными принципами, которых придерживались эти самобытные горские поэты. Оба они воспели Родину — Россию и свой отчий край. Гамзатов в книге «Мой Дагестан» писал, что каждый человек смолоду должен понимать, что он пришел на землю для того, чтобы стать представителем своего народа, и должен быть готовым принять на себя эту роль. Такая роль выпала на долю этих поэтов. Где бы они ни были, они жили мыслями и думами о Родине и земле отцов. «Простите меня, пирамиды Египта, дымчатые берега Сены, подстриженные газоны Лондона, свистящие магистрали Америки. Я лишь любовался вами. Но сердце мое учащенно бьется, когда я снова — в бессчетный раз — вижу Красную площадь и Кремль»[240]. И снова читаем: «Дорогой мой Цада! Вот я и приехал к тебе из того огромного мира... Я объездил его, этот мир, и увидел много диковинного. Мои глаза разбегались от обилия красоты, не зная, на чем остановиться. Они перескакивали с одного прекрасного храма на другой, с одного прекрасного человеческого лица на другое, но я знал, что, как бы ни было прекрасно то, что я вижу сейчас, завтра я увижу

[240] Литературная газета. 1971. 14 апр.

нечто еще более прекрасное... Неужели маленький дагестанский аул прекраснее Венеции, Каира или Калькутты»[241].

Кулиев, как и Гамзатов, тоже очень сильно любил свой отчий край и особенно горы. И когда его упрекали, что он много пишет о горах, то он, защищаясь, доказывал, что горы — это поэзия. Он неоднократно подчеркивал, что северокавказский этнокультурный феномен тысячелетиями связан с горами, что в формировании национального характера важную роль играет природно-ландшафтный фактор — горы. «О горах поэты должны писать, потому что эти горы — не только снежные вершины, но и великолепие, красота, это чувство чего-то великого, это вроде Бетховена или Маяковского! —страстно говорил он. — А с другой стороны, попробуйте жить без гор, потому что и реки оттуда идут, и леса там растут, и то, что необходимо нам, там рождается и находится в их недрах. Попробуйте жить без Эльбруса, Казбека! Конечно, не надо риторически кричать: «Я вас люблю, горы! Я без вас умру, горы!» Так писать нельзя, но облик гор должен сиять в нашей поэзии. Нельзя обвинять поэзию и поэтов, говоря, что горы — не тема поэзии. Так я мыслю»[242].

Любовь к своей нации, ее языку — естественна и закономерна. Нет человека, который не испытал бы неискоренимого чувства любви, привязанности к земле дедов и прадедов, к родной культуре, своим традициям и обычаям. Все эти чувства выражены поэтами в художественном слове. Они оба гордились словом «горец». Национальная гордость — важная сторона национального самосознания, выступающего как один из элементов системы общественного сознания, и берет она начало с земли отцов.

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий край, свой мир в краю родном.
Жить человек не может по-другому[243], —

Перевел *Н. Гребнев*

говорил Кулиев в стихотворении «И я, бывало, покидал свой дом...». Он делился своими мыслями со своим поколением: ровесниками и теми, кто только вступал в жизнь,

[241] *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. Махачкала, 1974. С. 14.
[242] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 230, л. 28.
[243] *Кулиев К.* Вечер. М.: Сов. писатель, 1974. С. 74.

для которых общечеловеческое, гуманное вырастало из определенной социальной и национальной почвы. Поэтому Кулиев и писал:

У всех у нас в начале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть[244].

Родной очаг для горца — это не только символ материнского покоя, уюта, теплоты семейного счастья, это олицетворение родины, родного края, где прошло детство, юность. Они навсегда оставили в душе первые ощущения счастья. Гамзатов убежденно говорил, что тот, кто забывает свою мать, с легкостью продает Родину[245]. «Дом, — утверждал он, — символ родного очага, того кровного, что единит нас с землей наших предков. И в социальной, и в нравственной сферах жизни дом занимает немалое место. Потеряв его, человек превращается в перекати-поле, лишается своих корней»[246]. У Гамзатова, как и у Кулиева, — страстное утверждение той же мысли, что «на пиру и в дни страды она во всем единокровна — судьба аула и страны». Родной очаг и просторы Родины — это истоки творческих сил горцев и начало дороги в большой мир, это и «луна и солнце, радость и работа» (Кулиев).

Родной очаг! Немеркнущий мой свет!
Жить без тебя и горестно и грустно,
Огонь не греет, в пище соли нет,
И лучший хлеб нам кажется невкусным[247].

Перевел *Н. Коржавин*

Высокое чувство единокровности родного очага и Отчизны помогало Гамзатову и Кулиеву насыщать общим, современным содержанием жизни самобытно-национальные формы литературного творчества — от философски мудрых рассуждений горцев до точных афоризмов надписей на могильных камнях и кинжалах. Говоря о том, почему поэзия друга так нравится всем, Кулиев выделил

[244] *Кулиев К.* Вечер. М.: Сов. писатель. 1974. С. 74.
[245] *Гамзатов Р.* Берегите матерей // Комсомольская правда. 1979, 26 авг.
[246] Там же.
[247] *Кулиев К.* Избранная лирика. М.: Худож. лит., 1967. С. 168.

«счастливое сочетание лирической силы с остротой мысли... Его поэзия много дает и уму и сердцу, вот почему стихи Гамзатова нравятся самым разным читателям. Его манера письма простая, тон доверительный, сердечный, образность сильная — все это укрепляет слитность мысли и чувства... Расул сумел соединить восточные, горские традиции с великим опытом русской поэзии»[248]. Глубокое философско-эстетическое осмысление темы «малой родины» и Отечества находим в стихах Гамзатова и Кулиева, в которых сливается воедино национальное и общечеловеческое, личное и общественное. Это стихи с глубоким подтекстом, богатством оттенков, окрашенных в разные тона, в которых национальное, патриотическое предстает в едином целом. Так, у Гамзатова есть стихи о камне и речке:

Скажи мне, наша речка говорливая,
Длиною в сотни верст и сотни лет:
Что видела ты самое красивое
На этих сотнях верст за сотни лет?

Ответила мне речка края горного:
«Не знала я красивей ничего
Бесформенного камня — камня черного
У самого истока моего».

Перевел *Н. Гребнев*

Яркие изобразительные детали: чистейшая горная речка и бесформенный, а следовательно, некрасивый, выглядевший неэстетически, черный камень, от которого начинается исток жизни. Эти, казалось бы, несовместимые детали составляли главную основу лирического высказывания. Красота первого чувства, красота открытия кристально-чистым детским взглядом горной речки с ее глубокой привязанностью к черному камню, откуда она начинает путь, где берет начало исток ее силы. Однако и в широководном русле жизни, в сотнях верст от истока, она помнит его, и нет ничего милее и лучше родных, близких сердцу предметов, к которым привыкаешь с детства. Поэтому на вопрос: «Что видела ты самое красивое на этих сотнях верст?» — получаем неожиданный ответ: «Не знала я красивей ничего бесформенного камня — камня чер-

[248] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 325.

ного у самого истока моего». И в понимании прекрасного можно легко обнаружить национальные особенности, чувство национальной гордости и патриотизма.

Горских поэтов не раз упрекали в конце 50-х годов в том, что они слишком увлекаются национальной атрибутикой. Выступая на выездном заседании Бюро правления Союза писателей РСФСР 15 октября 1959 года в Нальчике, Кулиев говорил: «Дорогие товарищи! На наших заседаниях немало говорилось об арбах, бурках и прочих вещах, встречающихся в нашей поэзии. Я хочу поэтому начать свое выступление именно с арбы и бурки. Говорили не раз, что у меня в моих стихах много орлов, кинжалов, камней, бурок и гор. Я не буду спорить с товарищами, которые говорили об этом. Хочу сказать в защиту бурки и арбы, что это не тот транспорт, который определяет наше время. С этим я совершенно согласен. Предыдущий товарищ, мой друг В. Дементьев, говорил, что он ехал от Майкопа до Эльбруса и почти не видел бурок. Это тоже может быть. Я с этим тоже согласен. Но я хочу подчеркнуть одно — я хотел бы, чтобы наша советская поэзия служила бы нашему народу и нашему времени так же верно, как служила горцам эта простенькая арба в течение очень долгого времени.

Я хотел бы, чтобы наша поэзия служила с такой же силой и пользой нашему народу, как бурка служила очень долгое время горцам, спутнику в горах. Вот, в моем представлении, какое значение имеют для горцев эти вещи, которые, конечно, не являются сейчас такими необходимыми предметами в жизни, когда мы имеем бульдозер, великолепные машины, самолеты и т. д.»[249].

Далее в этом же выступлении Кулиев говорил о национальных особенностях горской поэзии. «Национальный характер в литературе не создается внешней атрибутикой — ни буркой, ни папахой, ни кинжалом, ни горами... Лучшие поэты прошлого всегда смотрели вперед, и общечеловеческое в их поэзии преобладало. Об этом хорошо сказал в своем докладе Расул Гамзатов. Свое выступление я хотел бы закончить его словами: «Орлы смотрят вперед, мы тоже будем смотреть вперед и, как орлы, ви-

---

[249] Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 249, л. 94

деть, что делается в современной действительности, ибо орел с высоты видит даже букашку на земле»[250].

Лучшая пора жизни — это начало ее, то есть пора детства. Все начинается с него. Именно тогда в душе маленького человека прорастают семена добра, справедливости, сопереживания. Пора детства прошла сквозной темой через всю лирику Кулиева и Гамзатова. Только в стихах Кулиева несколько по-другому. Это подметил Л. Антопольский, когда писал о том, что в лучших произведениях Гамзатова не сложность подчиняет себе простоту, а, напротив, простота овладевает сложностью, непосредственность берет верх, делая сложность ощутимо близкой. «В этом, кстати, и еще одно заметное отличие лирики Гамзатова от поэзии Кулиева. У второго, помним, детская простота и ясность все реже выступает в первоначальном», «не испытанном мучительной сложностью вещей»[251]. Говорливая речка горного края, камень, возможно, обломок скалы или сама скала (кулиевские «Камень», «Горные вершины», «Эльбрус», «Скалы в лунном свете», «Речки детства»), — это все истоки, откуда берут свое начало эмоциональные побуждения, нравственные чувства и понятия, которые составляют сплав характера человека.

В чужом краю, в изгнанье, перед боем,
Пусть далеко твоя река, но все ж
Ты плеск ее услышишь пред собою,
Уснешь на миг—губами к ней прильнешь.

Прильнешь, и ты уже не одинок,
Ее теченье — это твой исток[252].

Перевел *Н. Гребнев*

Так через сокровенное, родное, через «слезы первой любви» лирический герой Кулиева и Гамзатова входил в мир человечного, гуманного, доброго; «...любовь ко всей земле берет исток в любви к родному краю, дому», — итожил Кулиев, для которого, как и для его друга Расула, мысли о Родине неотделимы от видимых с детства водопадов, ущелий, ревущих внизу горных рек, от сверкающих на солнце вершин белоснежных гор, вьючных троп и

---

[250] Там же, л. 105.
[251] *Антопольский Л.* У очага поэзии. М.: Сов. писатель, 1972. С. 238.
[252] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 190.

горных перевалов. И мысли от «малой» родины переходили к великой, ни с чем не сравнимой Отчизне через сердце и разум патриота. Эти мысли рождались естественно, как реки, берущие начало из-под ледников Эльбруса или Казбека, и несли на себе ощущение свежести форм и красок горного края. Влюбленные с детства в шумливые воды рек, в синеватые туманы узких ущелий, в воздух, напоенный ароматом субальпийских трав и вечнозеленой хвои, они создавали свою неповторимую свежесть красок, трепетное движение горской жизни. Вслушиваемся в названия стихотворений: у Гамзатова — «И люблю малиновый рассвет я...», «Числю первым сокровищем горы...», «На горной вершине стою в Дагестане...»; у Кулиева — «Гора», «Как пахнет трава на родной земле...», «Молчит гора», «Мне снится детство: мать из дома вышла...» и т. д. Патриотическая тональность этих стихотворений усиливалась благодаря обращению к своему отчему краю, связанному неразрывными нитями с жизнью и культурой других народов. Но чувство национальной гордости лишь тогда благотворно, когда «оно опирается, — писал Г. Ломидзе, — на национальную почву»[253]. Вот строки Гамзатова из стихотворения «И люблю малиновый рассвет я...»:

Я без крова обошелся б даже,
Мне не надо в жизни ничего,
Только б горы, скалы их и кряжи
Были возле сердца моего.

Перевел *Я. Козловский*

Эти строки говорят сами за себя, их не надо комментировать. В них налицо душевное состояние лирического героя и самого автора. И сам образ современника складывался не только из специфических особенностей и определенных черт характера горцев — жителей Чегемского ущелья или аула Цада. Этот собирательный образ органично включал в себя облик и самих поэтов, и их современников. Возьмем стихотворение Кулиева «Кавказ». По глубине мысли и чувства оно напоминает стихотворение Гамзатова «И люблю малиновый рассвет я...». Обратимся

[253] *Ломидзе Г.* Интернациональное и национальное в советской литературе // Коммунист. 1966. № 17. С. 78.

к некоторым строкам этого стихотворения, чтобы вернее судить о нем.

Мой отчий край, Кавказ мой старый,
Рожденному у этих скал, зеленой веткою чинары
В мой первый день ты мне махал.
Я лазал в глубь твоих расщелин,
Законнорожденный твой сын.
Ты мне дарил и склонов зелень,
И белизну твоих вершин.
И я, Кавказ, тебя не предал
Вдали от дедовских могил,
Все радости твои и беды
В глазах и в сердце я хранил.
Трубить я не умею в трубы,
Но знаю, что в последний час
Мои синеющие губы
Замрут, произнося: «Кавказ!»[254]

Перевел *Н. Гребнев*

Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов (как никто до них) сказали удивительно прекрасные слова о силе родного и русского слова. Родное слово для них — это аромат определенного явления жизни и меткая характеристика предмета. Таким оно предстает в произведениях этих двух кавказских поэтов, в творчестве которых родной язык — не просто звучащая материя, связывающая их с миром природы и народа, а близкое и родное существо, сыновняя любовь к которому пронесена через всю жизнь.

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Перевел *Н. Гребнев*

Эти строки стихотворения приведены из «Родного языка» Гамзатова. У него есть два стихотворения с одним и тем же названием. Эта же тема прослеживается и в других произведениях поэта — в поэме «Весточка из аула» (1961) и в «Моем Дагестане» в главе «Язык». Горячая защита родного языка, его сохранности направлена против тех, кто признает только безнациональное, кто иска-

[254] *Кулиев К.* Кавказ // Кабардино-Балкарская правда. 1979. 14 сент.

жает развитие родного языка, ущемляет его права. Против таких лжетолкователей выступал Гамзатов:

И опять мне слышатся слова
Порицаний всех весьма упорных,
Что на нашем дереве листва
Опадет и омертвеют корни.

Я скажу гадателям в ответ:
Эти корни высохнут едва ли.
Для того ль их горцы сотни лет
Кровью и слезами поливали?[255]

Перевел *Н. Гребнев*

Поэт уверен в том, что история его родного языка — история духовных исканий горцев, их опыт, запечатленный в слове, надежды и чаяния, мечты и реальность — не может исчезнуть. Самобытное, присущее каждой нации, ее национальной культуре, ее язык будут развиваться и не исчезнут, пока жив народ. Уместно здесь привести высказывание известного переводчика С. Липкина.

25 февраля 1965 года, когда шло обсуждение сборника стихов «Раненый камень» К. Кулиева, Семен Липкин говорил: «В 1952 году я вместе с кабардинскими товарищами был на родине Кайсына Кулиева. Это было тяжелое время. Аулы были пустыми, жителей не было, двери саклей были раскрыты настежь. Эту боль я тогда пережил, и до сих пор она живет в моем сердце. Я вспоминаю, что, когда мы собрались на родине поэта, мы все вспоминали Кайсына Кулиева, которого не было среди нас, пострадавшего из-за жестокости той поры.

Его поэзия — душа балкарского народа. Никто так не выразил менталитет балкарской нации после Кязима Мечиева, как Кайсын Кулиев. Может возникнуть естественный вопрос: а важно ли выразить национальное, ведь балкарцев всего около 60 тысяч человек? Их можно поселить в двух высотных домах. Ну не будет выразителя двух высотных домов. Большая ли это беда? Большая. Каждая нация — это есть часть человечества, в которой есть все черты человечества. Уничтожение одной нации — это есть утрата уникальных этнокультурных и этнопсихологических черт человечества. Мы не могли существовать

[255] *Гамзатов Р.* Четки лет. М.: Мол. гвардия, 1973. С. 235.

без балкарского народа и без других народов, которых постигла та же судьба. Нельзя было вычеркнуть балкарцев из списка человечества, потому что Кайсын Кулиев — выразитель человека в человечестве»[256].

Кайсын Кулиев, как и Расул Гамзатов, не раз выступал против тех, кто неправильно понимал проблемы развития национальной культуры и родных языков. Так, выступая однажды на сессии языковедов, организованной АН СССР, Кулиев сказал: «Те, которые здесь говорят о языке, должны знать, что герой, погибая за Родину, кричал на родном языке «свобода!». Это не только поэтический образ. Это трагическая правда и философия жизни, облитая кровью храбрых. Я помню еще недавно раздавались голоса о том, что скоро умрут языки так называемых малых народов. Это решит сама жизнь, а не мудрствующие всезнайки...» И далее: «Родной язык для каждого из нас — голос любимой земли и матери. Он бесконечно дорог нам, это наша песня и сказка, отчий дом и очаг. Его прекрасными словами мы выражали и выражаем нашу радость и страдания, нашу любовь и надежды»[257]. В стихотворении «Родной язык» читаем:

И пусть балкарцев мало нас, но с детства
Не мыслим мы житья без слов твоих,
Не можем мы без твоего посредства
Оплакать мертвых, вразуметь живых.

Похожий на родные наши горы,
Великий, как любой язык земной,
Ты защищал нас, ты спасал нас в горе,
Как бурка от ненастья в час ночной.

Я скромный твой певец, но без оглядок
Тебя люблю я, чувства не деля,
Ты, словно голос материнский, сладок,
Прекрасен, как любимая земля![258]

Расул Гамзатов на шесть лет моложе Кулиева, но никто этого не замечал, казалось, они были ровесниками; и когда их видели вместе в Москве, в Париже, в Душанбе, в Ленинграде, в Махачкале или в любом другом месте, то невольно любовались ими — веселыми горцами, добродушными и щедрыми. «Расул всегда останется для нас, его

[256] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 33, л. 3.
[257] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 403.
[258] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 1. С. 327.

товарищей, — писал Кайсын в 1973 году, — милым, жизнерадостным, добрым и остроумным... Мы любим его стремительным и сверкающим... Я вновь, как пятнадцать лет назад, только хочу тебе сказать: «Здравствуй, Расул, лучший из нас — нынешних поэтов гор»[259].

Кулиев вспоминал 1958 год, когда он был в гостях в маленьком ауле Цада на дне рождения Гамзатова, когда опальный поэт Кулиев начинал свое восхождение заново, а его поэтический собрат Гамзатов был уже известным аварским поэтом, в зените славы. Гамзатов понимал, что Кайсын нуждается в моральной поддержке, и всячески помогал ему, писал о нем статьи. Слова признания Гамзатов сказал в очерке «Навстречу современности» (Дружба народов. 1959. № 12. С. 196; То же в кн.: Гамзатов Р. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1969. С. 275) и в статье «Верность таланту». Есть у Гамзатова и стихотворение, посвященное Кайсыну Кулиеву. Оно называется несколько необычно: «История болезни» (1976). Оно не о том, как однажды Гамзатов попал из-за болезни сердца в больницу и ему было грустно слушать доктора, знакомящего его с историей болезни. Он печально смотрел из окна больничной палаты, как наступают вечерние сумерки «и, уходя с больничного двора, лучи перелезают за ограду...». Стихотворение о другом. Аварский поэт чувствует себя выразителем дум, настроений своего времени, его поэзия, — не оды, — явилась выражением содержания жизни не только своей нации, но и всех современников. Как бы беседуя со своим другом Кайсыном, он писал:

И по веленью долга своего
Раздумья стих предпочитаю одам,
Пишу я человечества всего
Историю болезней год за годом.

. . . . . .

И, наделенный совестью врача,
Я думаю о вас, не оттого ли
Исходит сердце у меня от боли,
Не первый год в груди кровоточа?[260]

Перевел *Я. Козловский*

---

[259] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 326.
[260] *Гамзатов Р.* Покуда вертится земля. Махачкала, 1976. С. 151.

Тема назначения поэта и поэзии давняя. Но решается она каждый раз по-новому, особенно под пером таких мастеров, как Кулиев и Гамзатов.

У Кулиева есть два стихотворения, посвященных Гамзатову. «Письмо Расулу Гамзатову» — одно из них, датированное 1970 годом. О многом говорит концовка этого стиха:

Я выбрал риск, но я бы не рискнул
не заручиться долголетьем друга.
Как трудно уберечь друзей, Расул,
как трудно уберечь, Расул, как трудно![261]

Перевела *Б. Ахмадулина*

Между ними не всегда были теплые, дружеские отношения. Иногда была между ними неприязнь, но благородство и культура поведения позволяли им избавиться от негативного, отделить истинную дружбу от мнимой. Гамзатов всегда искренне радовался любым успехам Кулиева, и когда его избрали народным депутатом, то, поздравляя, он писал ему 17 июня 1974 года, будучи в Баку: «Дорогой друг Кайсын Шуваевич! Вновь ты стал депутатом Верховного Совета СССР! От всей души поздравляю тебя в этом качестве — слуги народа и желаю доброго здоровья, много радостей в жизни!

Шлю самые сердечные приветы семье и семьям твоих сыновей!

Когда добрый и умный человек становится слугой народа, от этого выигрывает и общее дело! Вновь возвращенная государственная стезя пусть будет твоим спутником до конца долгой и светлой жизни чегемца!

Искренне твой друг Расул Гамзатов»[262].

И на балкарском языке Гамзатов приписал: «Яшасын бизни ахши эм акъыллы депутатыбыз!» (Да здравствует наш умный и хороший депутат).

Аварский поэт не забывал поздравлять Кайсына почти с каждым праздником. Так, в одной из телеграмм он пи-

---

[261] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 95.

[262] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 145, л. 1.

сал: «Дорогой Кайсын, поздравляю с Октябрем, желаю счастья тебе, семье и соседу Аскеру Аппаеву. Спасибо за книгу. Целую. Расул»[263]. А в другом письме приглашал на празднование 45-летия Дагестанской автономной республики[264]. Не забывал Расул поздравлять друга и с Новым годом: «Шлю Вам новогодний братский дагестанский салам. Желаю новых, светлых радостей и творчества. Расул Гамзатов»[265].

Вот другая телеграмма, 1971 года: «Дорогой друг! Примите мои самые сердечные поздравления с Новым годом. Желаю Вам крепкого здоровья. Ваш Расул Гамзатов»[266].

А вот телеграмма от 31 декабря 1975 года, когда Гамзатов находился в Баку. Вместе с поэтом Вилайет Рустамзаде встречал Новый год. Вспомнили Кайсына. «Дорогой аксакал Чегемского ущелья! — писал один из них. — Чувствуем твое место за нашим столом. Пьем за тебя, твою поэзию мужества. Обнимаем, целуем. Расул Гамзатов, Вилайет Рустамзаде»[267].

В 1972 году Кулиев написал еще одно стихотворение, посвященное Гамзатову. Оно было написано в больнице, после перенесенной операции, когда печальные размышления не покидали его. Обращаясь к своему другу, Кулиев писал («Расулу Гамзатову»):

По-всякому в жизни бывало у нас,
И всякое в жизни случалось.
И снова настал мой нерадостный час.
А силы уже не осталось[268].

Перевел *Н. Гребнев*

Беседуя со своим другом в «день испытанья, в черный свой час», Кулиев искал утешения, моральной поддержки у тех, кто был близок ему по духу. Расул знал о болезни Кайсына, часто ему звонил, беспокоился о состоянии друга, навещал его.

---

[263] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 31, л. 1.
[264] Там же, л. 1—6.
[265] Там же.
[266] Там же, оп. 3, ед. хр. 22, л. 1.
[267] Там же, л. 1—2.
[268] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 226.

Собрат мой, я дожил до горького дня,
Но день улыбнулся мне снова,
И снова надежду вселило в меня
Тобой изреченное слово[269].

Перевел *Н. Гребнев*

В 1972 году Кулиев и Гамзатов побывали во Франции. С 7-го по 12 декабря они посетили многие города, встречались с Жаком Дюкло, были в семье Мориса Тореза, побывали в гостях у писателей Анри Стиля, Луи Арагона, Робера Мерля. В дружеской беседе были затронуты актуальные вопросы литературы и искусства, воспитания молодежи. Эта беседа нашла свое продолжение в завязавшейся затем переписке между Кулиевым и Робером Мерлем. Будучи во Франции, Кулиев и Гамзатов посетили г. Марсель и один из вузов. Кайсыну был задан студентами вопрос:

— На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг мосье Гамзатов?

— Я — на балкарском, Расул — на аварском.

— И вас так широко читают в Советском Союзе? — удивился собеседник.

То, что за рубежом вызывало удивление и, очевидно, недоверие, в бывшем СССР было привычным явлением. Ведь стихи Кулиева и Гамзатова, переведенные на русский язык и почти на все языки многонациональной Страны Советов, звучали во всех союзных и автономных республиках и за рубежом.

Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов очень серьезно относились к проблеме перевода. Так, в одном из своих выступлений на всесоюзном совещании переводчиков Кулиев говорил: «Я не собираюсь объяснять значение художественного перевода. Это уже сделали люди, хорошо знающие дело, мне лишь хочется, чтобы участники совещания услышали одно мое соображение. Его я уже высказал в печати. Считаю нелишним повторить. При нынешнем небывалом количестве переводных книг, по моему мнению, есть одна сторона вопроса, на которой почти не остановились докладчики и выступавшие в прениях. Это — что̀ переводить на русский язык с языков народов нашей стра-

[269] Там же.

ны. Нам надо исходить из наших реальных возможностей, а не выдавать желаемое за реальное. Найдутся хорошие русские поэты, которые могут переводить с украинского, белорусского с подлинника, но пока нет ни одного хорошего, крупного поэта-переводчика, имеющего возможность работать без подстрочника, скажем, с аварского или с балкарского. Можно себе представить, как долго бы нам пришлось ждать, пока стали бы по-настоящему переводить Кязима Мечиева и Расула Гамзатова. В таком случае бы Расула Гамзатова не знали не только широкие круги читателей, но даже и мы — товарищи и его друзья»[270].

У Кулиева и Расула Гамзатова были одни и те же переводчики, с которыми они долгое время дружили и дорожили их вниманием. Часто писали друг другу деловые и шуточные письма. Одним из таких писем является письмо Якова Абрамовича Козловского от 26 декабря 1970 года. «Здравствуй, офицер Шамиля, дорогой Кайсын, — писал он. — Я приехал два дня тому назад с Рижского взморья, куда «кавказские хищники» еще не совершали своих набегов. Я очень соскучился по этим хищникам. Говорят, один из них — посланец пророка — Расул, был недавно в Москве, из которой, по дошедшим слухам, скрылся в направлении Нальчика. Может быть, он участвовал в массовом восхождении на Эльбрус?!

Как ты живешь, старый, лысый обманщик? Где стихи? И за что тебя Мака полюбила? Непонятно!

Написал Расулу письмо на имя Вашего Парнаса — то есть Союза писателей. Если увидишь Расула, то, прошу тебя, передай ему об этом. Когда увидимся, слуга народа? Крепко тебя целую, кланяюсь твоим домочадцам.

Любящий тебя с берегов Прибалтики

Яков Козловский»[271].

Гамзатов всегда поддерживал Кулиева и, если надо было для него, не раз обращался в Москве в вышестоящие органы. Так, в 1974 году, когда «Книга земли» была представлена на соискание Ленинской премии и многие выступали в печати. М. Дудин своей статьей «Платан на

---

[270] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 17, л. 3.
[271] Там же, ед. хр. 49, л. 1—2.

площади», опубликованной в «Литературной газете» от 3 апреля, поддержал Кулиева; некоторые были против. Одним из них был Николай Грибачев. Об этом рассказал Кулиев Левону Мкртчяну: «Против меня выступает Николай Грибачев. Он написал специальное письмо. Утверждает, что я политически неопределенен. Кое-кто не может забыть, что мой народ был сослан. Они хотят завалить меня на литературной секции и не допустить до тайного голосования... Айтматов и Гамзатов были у Демичева[272]. Он их принял. Они ему все сказали. Левон, мне лично премия не нужна. Растревожен мой маленький народ, народ-изгнанник[273]. Это слово, Левон, народ-изгнанник, самое понятное для армян слово...»[274]

Кулиев не раз бывал на юбилеях своего друга, и часто к нему обращались в этих случаях с просьбой написать статью о творчестве Расула Гамзатова. Так, редакция республиканской аварской газеты «Багияраб байрахъ» сообщала Кулиеву:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! В сентябре текущего года наша республика будет широко отмечать 50-летие со дня рождения народного поэта Дагестана, лауреата Ленинской премии Расула Гамзатова.

В связи с этим обращаемся к Вам с предложением поделиться Вашими мыслями о творчестве Расула Гамзатова на страницах дагестанской печати. Мы решили обратиться к Вам с такой просьбой, зная о Вашей личной дружбе с Расулом Гамзатовым, а также о Вашем отношении к его творчеству.

Ваше слово о творчестве Расула Гамзатова представляло бы огромную ценность для дагестанского читателя.

Поэтому еще раз просим Вас, уважаемый Кайсын Шуваевич, не отказать в нашей просьбе.

С уважением — редактор М. Шамхалов»[275].

Просил Кулиева и Николай Старшинов в своем письме от 5 октября 1972 года, чтобы он выслал для альманаха «Поэзия» статью о Расуле Гамзатове, посвященную его 50-летию. «Многоуважаемый Кайсын! — писал он. — Посылаю тебе и твоей семье тысячу приветствий, хочу на-

---

[272] Демичев тогда был секретарем ЦК КПСС по идеологии.

[273] «Книга земли» была удостоена Государственной премии СССР.

[274] Цит. по: *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 40.

[275] ЦГА КБР, ф 852, оп. 2, ед. хр. 181, л. 164.

помнить о своей просьбе — написать для альманаха «Поэзия», который буду редактировать я, живую статью, заметку, эссе, посвященных 50-летию со дня рождения Расула Гамзатова.

Как великодушно обещал мне при свидетелях (ими были Владимир Огнев и здание гослитиздата). Ты постарайся сделать это не позже середины или конца ноября, но чтобы было мое спокойно сердце. Любящий тебя»[276]. В конце письма он просил Кулиева выслать ему обещанную книгу.

Кулиев с удовольствием выполнил все просьбы: написал статью о Гамзатове и принял участие в юбилейных торжествах. До этого он получил приглашение и от юбилейной комиссии. В телеграмме говорилось: «Многоуважаемый Кайсын Кулиев, приглашаем Вас на вечер чествования в связи с 50-летием Расула Гамзатова, который состоится 14 сентября в Махачкале. О своем согласии сообщите до 10 сентября»[277].

Дагестан, как и все республики — союзные и автономные, готовился отметить 50-летие образования СССР. В связи с этим доктор исторических наук, профессор, редактор журнала «Советский Дагестан» Магомед Бутаев писал 22 марта 1972 года: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! Журнал готовит юбилейный номер, посвященный 50-летию образования СССР. Нам бы хотелось, чтобы и Вы приняли участие в этом номере, прислав стихотворение, рассказ или Ваше доброе слово о дружбе народов.

Просим также прислать Вашу фотокарточку размером 4×6 на глянцевой бумаге не позднее 25 мая сего года. Наш адрес: г. Махачкала, ул. Горького, 6. Редакция журн. «Советский Дагестан». Заранее Вас благодарим. С дружеским приветом гл. редактор журнала М. Бутаев»[278].

У Кайсына Кулиева было много друзей из числа дагестанцев. Одним из них был Магомед Бутаев, который хорошо знал и Расула Гамзатова, и Кайсына Кулиева, и Максима Геттуева. Когда Бутаев приезжал в Нальчик отдыхать, то всегда навещал Кайсына. Был он и на юбилее Максима Геттуева — ему исполнялось 60 лет со дня рождения. М. Бутаев и М. Геттуев были однополчанами и

---

[276] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 52, л. 2.
[277] Там же, оп. 2, ед. хр. 231, л. 56.
[278] Там же, ед. хр. 180, л. 57.

вместе сражались в годы Великой Отечественной войны. Кайсын Кулиев, тоже участник войны, вспоминал эти трудные годы вместе с ними. Кайсын при этом шутил: «Магомед, твой сын «украл» нашу балкарку Гулиеву и женился на ней, вопреки вашей воли. А вообще-то он хороший парень: известный зубной врач в нашем городе горняков — Тырныаузе, где его все уважают». И, обращаясь уже к Максиму Геттуеву, Кайсын добавил: «Предки Магомеда Бутаева когда-то жили в селении Гунделен, откуда ты родом, Максим! Фамилия Бутаевых — очень распространенная среди балкарцев. Так что ты, Магомед, больше балкарец, чем лакец. Национальность, Магомед, надо менять, переезжать к нам в Кабардино-Балкарию и жить на родине своих предков!»

В Дагестане хорошо знали о дружбе Расула Гамзатова и Кайсына Кулиева. Два горца, два прославленных поэта с Северного Кавказа. Первый секретарь обкома КПСС Дагестана тов. Умаханов каждый раз приглашал Кулиева на торжества, которые проводились в республике. И когда узнал, что Кулиев — в числе награжденных лауреатов, то дал телеграмму следующего содержания: «Дорогой Кайсын Шуваевич, сердечно поздравляю Вас, народного поэта братской Кабардино-Балкарии, с присуждением Государственной премии СССР за сборник стихов «Книга земли».

От души желаю новых больших творческих успехов в Вашей литературной и общественно-политической деятельности.

Крепкого здоровья, счастья и благополучия в жизни.

У м а х а н о в»[279].

Много поздравлений получил Кулиев от своих друзей-дагестанцев в связи с его юбилеем. Союз писателей Дагестана сообщал: «Дорогой наш горный орел Чегема и всей страны! Рады поздравить тебя с юбилеем. Желаем, чтобы впредь полет твоей дивной поэзии был высок, кругозор широким и взгляд острым. Будь здоров и молод на радость горам и людям. Обнимаем. Писатели Дагестана»[280].

Первый секретарь обкома КПСС Дагестана т. Умаханов писал:

«Дорогой Кайсын! Сердечно поздравляю Вас с юбилеем, датой и высокой наградой Родины — орденом Ленина.

---

[279] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 138.

[280] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 85.

От души желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых больших успехов в Вашей литературной и общественно-политической деятельности.

Умаханов»[281].

Или вот еще:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, поздравляю Вас, патриарха всей кавказской поэзии, героя современной советской поэзии, со славным юбилеем и высокой наградой. Мы, дагестанцы, гордимся Вашими успехами, любим Вашу поэзию, нежную и суровую, чистую и глубокую, всегда искренне преклоняемся перед мужеством поэта и человека. Желаем крепкого здоровья, вечной юности и родниковой чистоты Вашей поэзии, а Вам оставаться символом Кавказа.

От группы дагестанцев — почитателей Вашего таланта.

Ахмедов Мавлют»[282].

Директор Дагестанского филиала Академии наук СССР Гаджи Гамзатов в своей телеграмме писал: «Дорогой Кайсын, прими наши сердечные поздравления в день 60-летия. Ты в наших глазах один из самых достойных художников страны. Мы знаем и чувствуем в тебе такого участливого и внимательного, чуткого и отзывчивого, доброго, смелого кавказского орла. Не годы определяют твое бессмертие, гордое имя певца, борца, чистой натуры; друга обнимаем — Чакар, Гаджи Гамзатовы»[283].

Поздравление председателя Совмина Дагестана Уммалатова:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, сердечно, горячо поздравляю с 60-летием со дня рождения и высокой правительственной наградой. Желаю крепкого здоровья, кавказского долголетия, большого личного счастья, дальнейших творческих успехов в благородном деле развития советской литературы»[284].

Обратимся еще к одному поздравлению:

«Мой 60-летний младший брат, Кайсын Шуваевич! Поз-

---

[281] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 6, л. 12.
[282] Там же, ед. хр. 70, л. 1.
[283] Там же, л. 6.
[284] Там же, ед. хр. 67, л. 41.

воль мне, твоему собрату из Казы-кумыкских гор, поздравить тебя, чегемца, славного сына гордого Эльбруса, с двойным юбилейным праздником и пожелать тебе и твоим близким силы и возможности в добром здравии и в счастье отмечать вековую годовщину великого горца! Дай Аллах! Иншаллах (Бог даст).

Крепко обнимаю Юсуп Хапалаев»[285].

В Дагестане стало традицией проводить «Дни белых журавлей» — это дни поэзии. Конечно, они связаны с известной песней «Белые журавли», а стихотворение «Журавли» написано Гамзатовым. Кулиеву очень нравилось это произведение друга. «Поэт в нем говорит о тех незабвенных, детях Родины, которые полегли в родную землю, отстаивая ее от врагов, — писал Кайсын. — И до Гамзатова писали об этом многие, но Расул написал иначе — сильно, сердечно, проникновенно, пронзительно:

Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья былые и родня.
И в их строю есть промежуток малый, —
Быть может, это место для меня![286]

Перевел *Н. Гребнев*

Это настолько по-человечески, в этих строках такая сила, что они западают в душу каждого. Ведь любой из нас знает, что за каким-нибудь поворотом дороги его тоже ждет последний час»[287].

В Кабардино-Балкарии тоже стало традицией 30, 31 октября и 1 ноября проводить Дни поэзии, посвященные дню рождения поэта Кайсына Кулиева. Так было и в день его 70-летия, когда приехали на торжественные вечера поэзии Расул Гамзатов, Мустай Карим, Мусса Гали и др. Они побывали в Доме-музее Кайсына Кулиева, в Нижнем Чегеме, и на его родине. Расул Гамзатов рассказывал собравшимся о том, как умел со всеми дружить Кайсын, как они первый раз встретились в столице и, «совсем еще незнакомые, встретились как старые добрые друзья, и он повел меня в гостиницу «Москва», где жил, — вспоминал

---

[285] Там же, ед. хр. 73, л. 35.

[286] *Гамзатов Р.* Покуда вертится земля. Махачкала, 1976. С. 49. В песне вторая строка звучит иначе: «Летит в тумане на исходе дня. И в том строю...»

[287] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 325.

Гамзатов. — Я пригласил его в Дагестан, и он приехал ко мне. Но самолет не летел в горный аул, и три дня мы провели вместе. Незабываемые дни, о чем только мы ни беседовали! И стали братьями... Поразительный человек... У нас в ауле он провел всего три дня, но потом аульчане не раз меня спрашивали: «Как Кайсын? Когда он к нам приедет?» Он часто приезжал, дружил с дагестанскими писателями. Последние годы Кайсын болел, и я бывал у него. Кайсын знал, что ему осталось жить считанные годы, говорил об этом... Тем не менее спрашивал о Дагестане, об Аткае, о других своих друзьях. Передавал привет Ираклию Андроникову, Ираклию Абашидзе, особенно любил Кетовани, Бажана. Его знали и любили узбекские писатели. Его всегда тянуло в Балкарию.

Мы похоронили его...

Чем больше лет проходит, тем сильнее мы чувствуем его значение и величие. Так не хватает нам его! И все же мы ощущаем всегда, что он с нами. Бессмертная его поэзия всегда с нами!»[288]

В сентябре 1942 года познакомился Гамзатов со стихами Кулиева, когда впервые прочитал девятнадцатилетним юношей в газете «Правда» (за 15 сентября 1942 года) стихотворение Кулиева «Всегда гордился тем, что горец я!». Затем это стихотворение было перепечатано в «Социалистической Кабардино-Балкарии» и во многих газетах республик и областей Северного Кавказа и Закавказья. В этом же году оно было передано по многим радиостанциям СССР и Западной Европы. «С тех пор поэзия Кайсына Кулиева, — говорил Расул, — стала моей доброй спутницей»[289].

Первый раз Гамзатов увидел своего будущего друга в 1954 году, когда во второй половине декабря состоялся Второй Всесоюзный съезд советских писателей в Москве. На нем присутствовали делегаты от 45 национальностей. Был в их числе и Кайсын Кулиев. «...Еще не реабилитированный, он уехал в Москву с киргизскими писателями... выступал там, — вспоминал Гамзатов. — И делегаты съезда удивлялись: «Как его отпустили с киргизской делегацией!..» Свое выступление он закончил словами: «Дагестан никогда не забудет Кайсына!»

---

[288] Кабардино-Балкарская правда. 1992. 31 окт.
[289] Там же.

Верный друг всем приятелям и больше всех Кулиеву, Расул Гамзатов приехал в день его похорон, чтобы проститься навсегда с ним. Он был потрясен случившимся и плакал, как ребенок. Говорить не мог, слова застревали в горле. Он как-то весь поник: ушел близкий, родной человек.

Всю горечь прощания с другом Кайсыном и другими своими любимыми товарищами Расул Гамзатов вложил в строки стихотворения «Давиду Кугультинову». Обращаясь к калмыцкому поэту, Расул Гамзатов как бы оплакивал ушедших навсегда друзей, с которыми его связывала долгая общественная и литературная работа. Все стихотворение написано в форме беседы, горького сожаления о быстро промелькнувших годах:

Как будто бы только вчера
Мы соколам были сродни.
И в Красную книгу пора
Уже заносить наши дни.

У нас с тобой,
вспомни, мой друг,
Товарищи были одни.
А ныне их сузился круг,
Храни его, небо, храни!

. . . . . .

Лихих не склоняя голов,
Как жили, ушли без кольчуг
Гудзенко, Луконин, Орлов,
Так вещий сужается круг.

Прекрасен божественный дар,
И нами у горных вершин
Оплакан Думбадзе Нодар
И неповторимый Кайсын...[290]
(выделено нами. — *Авт.*)

Перевел *Я. Козловский*

---

[290] *Гамзатов Р.* О бурных днях Кавказа: Стихотворения, сказания, поэмы. М.: Современник, 1989. С. 107—108.

НАЗИР ХУБИЕВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

...Он излучал свет доброты и восхищал людей щедростью своего таланта. Кулиев внес заметный вклад в золотой фонд мировой культуры и принадлежит не только Кавказу, а всей огромной планете.

Назир Хубиев о Кайсыне Кулиеве

Эти два имени принадлежат Кавказу, так же, как, скажем, Карло Каладзе и Керим Отаров, Наби Хозри и Алим Кешоков, Джемалдин Яндиев и Амо Сагиян. Кайсын Кулиев и Назир Хубиев олицетворяют собой Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию и в ряду известных кавказских поэтов стоят на пьедестале почета. Назир Хубиев — современник Кайсына, но далеко не его ровесник: их разделяет разница в 17 лет. Зато объединяет многое другое: оба родились в старинных аулах и засыпали под звон горных речек и бурных потоков, под колыбельные песни матерей и сестер о бранных подвигах их предков. Аул Джемат, где родился Назир, воспел поэт М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Хаджи Абрек»:

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.

Высоко оценил поэзию Карачая и ее создателей и Кайсын Кулиев. «Народная поэзия Карачая богата, — писал он, — самобытна, полна удивительного обаяния и образности. Она является как бы летописью народа, вечно живым эхом его души. Карачаевский народ в течение веков хорошо косил сено над пропастями, ковал железо, растил хлеб, но он складывал и прекрасные песни, не тускнеющие от времени. И одно поколение оставляло их другому, как самый бесценный дар, вечно живое наследство. Народные певцы — ашуги явились лучшими хранителями этой народной песни и сами вносили в нее свою лепту, продолжая дело своих предшественников. Так создавалась и жи-

ла поэзия народа, несмотря на все превратности судьбы»[291].

Верхний Чегем не воспевали великие русские поэты, зато при жизни Кайсына и после его смерти воспели многие в стихах и прозе... Правда и то, что от аула Джемат остались теперь одни развалины недалеко от прославленного курорта Теберда, да и сакля, в которой родился Кулиев, находится в запустении, скоро и от нее тоже останутся одни развалины, если Благотворительный фонд имени Кайсына Кулиева не возьмет под охрану весь музейный комплекс, связанный с именем великого балкарского поэта. Оба поэта воспевали свой родной край: Назир — Домбайские водопады, Кайсын — Чегемские, маленькие шумливые горные речки, лунный свет на скалах, орлиный клёкот, простых скотоводов и землепашцев.

Вся в ущелье видна маленькая речка.
Называется она Белая Овечка, —

писал Хубиев, влюбленный, как и Кулиев, в свои родные места, такие милые и дорогие с самого детства. Отсюда брала исток их Муза.

Песню звонкую поет голосом Кобуза,
Струи светлые несет с ледников Эльбруса.

Перевел с карачаевского автор

Эльбрус воспел и прославил Кайсын Кулиев намного раньше, чем его младший поэтический собрат. Это и неудивительно: Кулиев был уже известным поэтом, а Назир учился только во втором классе средней школы села Первомайского, Соколукского района Киргизии. Вот как сам вспоминает Хубиев об этом: «Время было трудное. Не хватало тетрадей, и мы писали на старых газетах и журналах. Помню, к нам из Фрунзе приехал гость — Хасан Мамаев. Как-то случилось так, что при нем я жаловался матери, что не на чем писать. Гость достал из своего чемодана и протянул мне свежий номер альманаха «Киргизстан». Я стал перелистывать его страницы и встретил имя человека, о котором часто рассказывал мне старший брат, член Союза писателей СССР, Осман, который знал Кайсына Кулиева с 1946 года. Зрительно помню строки: «Кайсын Кулиев. Из книги «Мой Восток». Цикл стихов «В сов-

[291] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 95.

хозе Кегети». Перевод Елены Орловской». Стихи мне очень понравились, и я не стал использовать альманах в качестве тетради. Это было мое первое соприкосновение со стихами Кайсына Кулиева, которого я ценю больше за мужество и стойкость тех лет, чем за высокую вершину его поэзии, созданной после».

Первое знакомство со стихами Кайсына Кулиева произошло в 1948 году, и Назир Хубиев отметил эту дату как особо значимое событие в его жизни и творческой судьбе.

Шли годы, в памяти карачаевского мальчика сохранялись ужасы войны в родных горах 1942 года, насильственная высылка из исконных мест проживания карачаевского народа в 1943 году и режим сталинской комендатуры в Киргизии, где он окончил среднюю школу. Назир, как и сотни его ровесников, стал перед выбором: куда пойти учиться, какую избрать профессию. Дети спецпереселенцев были на учете, им было трудно найти себя, проявить свои потенциальные возможности. Многие так и не получили ни среднего, ни высшего образования, ушли работать на хлопковые поля вместе со взрослым населением. И Назиру Хубиеву немало пришлось трудиться физически, но всегда в его романтической душе оставалась преданность скалистому, снежному Кавказу, горным тропам и зеленым долинам альпийских лугов, шумным водопадам, берущим начало с недоступных вершин. Перед его взором по-прежнему стояла неповторимая природа родных ущелий: Мухинского, Арзыхского и Тебердинского. Любовь к светлым картинам детства и чувство грусти находили воплощение в художественном слове, далеком от совершенства. Первое стихотворение Назир опубликовал в газете «Ленинский путь» в 1955 году, 31 августа. Это была районная газета с небольшим тиражом, но сколько радостных чувств испытал Хубиев, когда держал этот номер в руках и смотрел влюбленными глазами на свое маленькое стихотворение «Светлый путь»! Оно окрылило начинающего поэта. Спустя годы, Николай Тихонов в статье «Новая песня в старых горах» писал: «В горах Киргизии возмужал молодой поэт, где он учился, дружил, рос творчески, встретив такую дружескую руку старшего собрата, как рука учителя и друга, славного поэта Балкарии Кайсына Кулиева». Это было действительно так: Кулиев помогал многим начинающим литераторам, пламенеющим угольками, из которых

разгорелось большое пламя карачаево-балкарской поэзии. К нему-то и пришел в теплый весенний день 25 мая 1956 года двадцатидвухлетний парень и робко остановился у дома на улице Советской, где жил Кулиев со своей семьей — женой Макой и первенцем-сыном Эльдаром. Назир считал поэзию Кулиева высоким творческим образцом, и он решил показать ему свои стихи, опубликованные в Соколукской районной газете «Ленинский путь». Адрес он взял в Союзе писателей республики и, окрыленный первым успехом, напечатанным словом, встретился с Кайсыном, кумиром своих грез. «Вот передо мной дом, у ворот которого стоит человек среднего роста, в кепке, гимнастерке, галифе, сапогах, подпоясанный кавказским ремешком, — вспоминал впоследствии Назир. — Подошел к нему и спросил: «Скажите, пожалуйста, где здесь живет поэт Кайсын Кулиев?» Он посмотрел на меня внимательно и ответил: «Насчет поэта — не знаю, а Кайсын Кулиев живет здесь», — и зашагал в сторону ворот. Я следовал за ним. Мы вошли во двор старинного азиатского дома. Мужчина пригласил меня в беседку и предложил сесть. Это был сам Кайсын Кулиев. Так состоялась моя первая встреча с Кайсыном Шуваевичем». Поэт ненавязчиво расспрашивал молодого человека, взял газету, быстро пробежал глазами стихи и тактично попросил прочитать другие, если есть таковые. Беседа была задушевной, интересной для обоих, и Назир, окончательно осмелев, прочитал несколько. Одно из них было посвящено Кайсыну. В нем говорилось о тяжелом периоде для развития карачаево-балкарской литературы, когда, кроме Кулиева, не было ни одного стоящего поэта. Прослушав его, поэт засмеялся и сказал, что поэзию нельзя уничтожить, она есть и будет всегда, что и в данном случае есть хорошие поэты, только они сейчас не имеют право печатать свои произведения. Под конец беседы Кулиев одобрил работу начинающего литератора, положительно отозвавшись о стихах Хубиева, и отметил, что в них есть чувства и мысли. «Лицо его светилось добротой, в глазах горел огонь искренности и доброжелательности, — писал Хубиев. — Голос полон благородства. Одобрительные слова мастера вселили в меня уверенность, что я могу писать неплохие стихи... Над нами простиралось голубое киргизское небо. Над сверкающими вершинами Тянь-Шаньских гор плыли стаи белых облаков и караваны воз-

вращающихся на родину журавлей. Уловив на себе мой взгляд, поэт медленно опустил глаза и произнес: «Счастливые журавли». В это мгновение в глазах поэта я прочитал тоску по родному Кавказу».

В тот день они долго беседовали. Кулиев нашел в лице Назира благодарного и внимательного слушателя, считавшего для себя беседу с любимым поэтом необыкновенным счастьем. Кулиев это почувствовал, увлекся беседой и сам охотно прочитал ему несколько стихотворений в подстрочном переводе из будущих книг «Горы», «Хлеб и роза»[292]. Они будут опубликованы в Москве через год после возвращения поэта на родину. Прощаясь с Назиром, Кулиев подарил ему сборник стихов карачаево-балкарских поэтов «Знамя нашей жизни», выпущенный на родном языке издательством «Кыргызстан». Эту книгу Хубиев сохранил, и теперь она является уникальным изданием. В ней есть портрет молодого, 38-летнего Кайсына Кулиева, его автограф и его стихи, которые, по словам Назира, и «тогда восхищали читателей своим лиризмом, образностью и свежестью языка». Вот что написал Кулиев на сборнике стихов «Знамя нашей жизни»:

«Моему дорогому брату Назиру Хубиеву с пожеланием, чтобы ты стал одним из тех, кто не даст остынуть очагу нашего языка и литературы.

Кайсын Кулиев.

25 мая 1956 г.»[293].

В среднеазиатский период Назир был буквально увлечен поэзией Кулиева, собирал его стихи, редко публикуемые в республиканских газетах в начале 50-х годов. Особенно ему нравилось стихотворение Кулиева «Зеленый мир» с припиской: «Эльдару, который еще не умеет читать». Оно было написано в 1952 году и опубликовано в молодежной газете республики «Комсомолец Киргизии». Назир вырезал из газеты это стихотворение и сохранил его у себя. Оно несколько отличается от того, которое было опубликовано в переводе Е. Елисеева в I томе избранных произведений поэта (М., 1970).

---

[292] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957; Хлеб и роза. М.: Мол. гвардия, 1957.

[293] Личный архив семьи Эфендиевых.

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Весна сияет за окном,
Спит тихо мальчик мой,
А тополя шумят кругом
Зеленою волной.

Весна широкою рекой
Течет по всей стране,
А видит спящий мальчик мой
Зеленый мир во сне.

ЗЕЛЕНЫЙ МИР
(Перевел Е. Елисеев)

Спит наш мальчик утомленный,
Маленький джигит.
Тополей прибой зеленый
За окном шумит.

Все дома и все заборы
От росы седы.
Небо синее, и горы,
И сады, сады...[294]

Хубиев считал Кулиева своим первым учителем и наставником в поэзии, особенно в то время, когда он в течение двух лет был членом литературного объединения при Союзе писателей Киргизии. Ему уделяли внимание киргизы Кубанычек Маликов, Азиз Салиев, русские Сергей Фиксин, Якуб Земляк, дунган Ясыр Шиваза и, конечно, Кайсын Кулиев, который видел в Назире будущего народного поэта Карачаево-Черкесии (это звание ему будет присвоено в 1994 году, когда Кайсына не будет в живых), автором многих поэтических книг[295]. Душой литературного объединения, его гордостью несомненно был Кулиев, который щедро дарил свой талант, опыт начинающим литераторам и всегда был ближе к истине в оценке их способностей. Никто из членов литературного объединения СП Киргизии не обижался, когда Кулиев выступал на правах старшего и говорил о посредственных способностях того или другого, но чаще он отмечал прилежание и успехи в работе.

Их дружба не ослабела, когда они вернулись на родину. Хубиев приехал в Карачай в мае 1957 года, а Кулиев — в Нальчик годом раньше. Молодой поэт три года работал в Карачаевской районной газете, а в 1965 году, окончив филфак Карачаево-Черкесского пединститута, решил пройти, как и Кулиев, Высшие литературные курсы Союза писателей при Литературном институте им. А. М. Горького (1969—1971). Он шел по стопам свое-

---

[294] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 190.

[295] Назир Хубиев является автором 15 книг, таких, как «Моя мать» (Черкесск, 1970-, «Перевал» (Черкесск, 1964), «Всадник» (Ставрополь, 1965), «Надпись на скале» (Черкесск, 1968), «Думы земли» (Черкесск, 1970), «Всадник» (М.: Мол. гвардия, 1971), «Зеленый мир», (Черкесск, 1973), «Лавина» (М., 1975), «Крылья дружбы» (Черкесск, 1977), «Свет вершин» (М., 1984) и др.

го старшего друга, которого он по-прежнему боготворил. Встречаться они стали чаще, поскольку оба были членами Союза писателей СССР. Рекомендацию для вступления в Союз писателей Назиру дал Кайсын Кулиев, и в 1966 году он стал членом Союза писателей СССР. С легкой руки Кулиева и с его одобрения Хубиев становится в 1981 году членом Совета по художественному переводу правления Союза писателей Российской Федерации. «Среди молодых карачаевских поэтов, пожалуй, одним из самых преданных поэзии мне кажется Назир Хубиев, — писал Кайсын Кулиев в 1969 году. — Знаю я этого даровитого поэта с первых его шагов в литературе и постоянно слежу за его работой. Это мне особенно легко и потому, что мы с ним пишем на одном языке»[296].

В 1981 году Назир Хубиев опубликовал в Москве в издательстве «Современник» сборник стихов «Свет вершин» с предисловием Кайсына Кулиева, по достоинству оценившего поэтический талант Хубиева. Прославленный балкарский поэт увидел в стихотворениях «Сон», «Родина», «Домбайские водопады», «Лунные дороги», «Цветы» веру и любовь поэта ко всему тому, что зовется малой родиной.

И камень я, как друга, обнимаю,
На нем отец мой отдыхал не раз.
Он ничего так не любил, я знаю,
Как этот камень во дворе у нас!

Эти прекрасные по своему нравственному содержанию строки нравились Кулиеву, не раз воспевавшему чегемские камни и скалы в лунном свете. Как естественно и просто, а вместе с тем, как поэтично сказано: «Весна и горы. Теберды ущелье. Родной аул на солнце стал светлей, поет река и в мир несет веселье...» Столь же проникновенно он рассказывает балладу о камне Карча — символе родины, названного именем родоначальника карачаевского народа.

У нас на Кавказе, в горах Карачая,
где несется в теснине Кубань, грохоча,
грудью в землю ушедший, столетья встречая,
камень Карча там высится, сталью звуча.

---

[296] *Кулиев К.* О Назире Хубиеве // Литературная Россия. 1969, 12 дек.

Эмоциональный фон хубиевского стиха отмечали многие литературоведы. Кулиев тоже писал об этом в одной из своих статей: «Меня, как и многих читателей, всегда радуют его лаконичные и эмоциональные стихи. Назир принадлежит к числу ищущих людей. Он, безусловно, талантлив»[297].

Среди многих заслуг Хубиева есть и еще одна, которую отметил Кайсын Кулиев, — это умение участвовать в общественной работе, не жалеть себя, быть ответственным и верным чувству долга. Поэтому они часто встречались на праздниках поэзии, в Дни советской литературы, на различных совещаниях и научных форумах. Вспоминая об этих встречах, Хубиев пишет: «Судьба мне подарила встречи с Кайсыном Кулиевым в Киргизии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Москве. Каждая встреча с ним для меня была особой радостью, высокой наградой. Он был всегда и всюду мудрым, добрым, чутким, честным, искренним, скромным, простым, доступным, последовательным интернационалистом и удивительным гуманистом, любящим людей горячо, как никто другой. В этом я убеждался много раз». Одна из таких встреч произошла летом 1972 года, когда Кайсын Кулиев вместе с писателями Сафаром Макитовым и Жанакаитом Залихановым сопровождал сына Пастернака, Евгения Борисовича, с его женой, Еленой Владимировной, и дочерью в их поездке в Карачаево-Черкесию. Их встретили представители творческой интеллигенции города Карачаевска: профессора Магомет Хубиев, Казий Лайпанов, доценты Шакман Акбаев, Геннадий Кубанов, поэты Магомет Хубиев, Азамат Суюнчев. Был в числе их и Назир Хубиев.

Гости побывали в Дамбае и Архызском ущелье. Евгений Борисович Пастернак интересовался карачаево-черкесской литературой, расспрашивал о поэтах Азрете Уртенове, Иссе Каракотове и Асхаде Биджиеве, наиболее крупных поэтах Карачая, ушедших из жизни. Разговор коснулся и романа Хасана Аппаева «Черный сундук», в частности о качестве его перевода на русский язык. И Назир Хубиев отметил, что Кайсын Кулиев — замечательный переводчик, он перевел роман киргизского писателя Тугельбая Сыдыкбекова «Среди гор» и мог бы вполне взяться за перевод «Черного сундука». Кулиев удивленно посмотрел

[297] Там же.

на Назира и сказал: «Да как я мог бы осмелиться взяться за перевод такого шедевра? Это ведь классика!»

Назир Хубиев на всю жизнь сохранил чувство благодарности к Кайсыну Кулиеву. 30 октября 1972 года он писал Кулиеву:

«Дорогой брат Кайсын! Передаю горячий привет от родственников Кубанского ущелья, желаю Вам здоровья и радости. Особо хочу поздравить Вашу супругу и детей. От меня Алиму передайте большой привет, обнимите его. Я его очень люблю, так как он похож на Вас.

Я читал Вашу статью, опубликованную в газ. «Известия». Был рад за Вас, и пусть Аллах тоже благодарит Вас за такую содержательную статью. В ней Вы подняли актуальные проблемы. За что я от души обнимаю Вас, несмотря на преграды, которые разделяют нас: высокие горы и их белоснежные вершины.

У Вас огромный талант и благородство. Именно эти качества оказали на меня большое влияние. Я никогда не забуду Вашу поддержку и помощь: я так нуждался в ней. И Вы это поняли, поэтому я перед Вами всегда в долгу. Спасибо за все. Ваш творческий путь для меня — это великолепная школа поэзии. Вы никому так много не помогли, как мне. Я все это хорошо понимаю. Этим я горжусь и живу.

Фотографии, которые были сделаны в Архызе, я получил и скоро вышлю Вам. Вы получились там великолепно.

Крепко обнимаю, дорогой мой брат.

Назир[298].

Письмо это было написано на карачаевском языке.

Посылал Назир Кайсыну и телеграммы. 1 ноября 1972 года он писал: «Дорогой Кайсын! Сердечно поздравляю Вас с днем рождения. Желаю крепкого здоровья, эльбрусского долголетия и вечного кулиевского вдохновения. Обнимаю. Назир Хубиев»[299]. Безусловно, он поздравил Кулиева с получением Государственной премии СССР. В телеграмме по этому случаю говорилось: «Милый брат Кайсын! Сердечно поздравляем тебя с великим восхождением на высокую вершину поэзии. Пусть «Книга зем-

[298] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 73, л. 1.
[299] Там же, л. 3.

ли» будет жить на планете вечно. Осман, Магомет, Назир Хубиевы»[300].

Кулиев получал от Назира Хубиева много телеграмм и писем по случаю праздников: октябрьских, новогодних, первомайских. В архиве Кайсына хранится множество открыток и телеграмм на русском и карачаевском языках, особенно за 1976 год[301].

Встречался Назир Хубиев с Кайсыном Кулиевым и в феврале 1978 года. Тогда Кайсын Кулиев приезжал в Черкесск на 60-летний юбилей Османа Хубиева. Не заметив среди присутствующих Назира, Кулиев сразу поинтересовался: «А где же мой преданный друг Хубиев Назир?» Молодой ногайский поэт Мурат Калмыков обещал Кулиеву немедленно привезти его друга и по телефону связался с Назиром. Хубиев был болен, но приехал. Они обнялись, и Кайсын стал расспрашивать его обо всем — семье, работе, знакомых. Узнав о том, что из Фрунзе пришла телеграмма о смерти их наставника по поэзии Сергея Андреевича Фиксина, Кайсын заплакал. «Для него чужого горя не существовало. Так искренно и преданно любил он друзей»,— вспоминал позже Назир. Подтверждением сказанного может служить такой факт. Даниил Маркович Долинский, переводчик стихов Кулиева, и его жена, Галя, приехали из Ростова в Москву с больной дочкой. Они остановились в Доме творчества в Переделкино. В это же самое время Кулиев находился на сессии Верховного Совета СССР и тоже остановился там со своими сыновьями — Эльдаром и Алимом. При встрече Даниил и Галя рассказали поэту о своем горе, о безнадежно больной девочке, о том, что срочно требуется дефицитное импортное лекарство и его можно достать только через Кремлевскую больницу и только за валюту. Стоило оно 500 долларов. Сумма, конечно, громадная для 1978 года. Три дня Кулиев искал это лекарство и все-таки нашел! Мать девочки заплакала от радости. Она хотела заплатить за лекарство, но Кайсын категорически отказался. Родители были тронуты вниманием, добротой и щедростью поэта. Об этом случае рассказал Долинский в письме к Назиру Хубиеву. Письмо заканчивалось словами: «Я второго такого человека, как Кайсын, не знаю...»

---

[300] Там же, ед. хр. 113, л. 147.
[301] Там же, оп. 5, ед. хр. 81, л. 1—6.

В своих воспоминаниях Назир Хубиев пишет, что Кулиев обладал редким даром — быть благодарным людям, которые когда-то помогли ему. Был такой случай, когда Кайсын чуть не забыл о своих друзьях, которые в трудные для него дни жизни в Киргизии привечали его, встречали хлебом-солью, оказывали моральную поддержку. Такими людьми была для него семья Фиксиных. Сергей Андреевич Фиксин[302] и его жена, Клара Леонидовна, относились к Кайсыну как к своему сыну. И Кулиев часто бывал у них в доме. Фиксин и главный редактор газеты «Советская Киргизия» Денисюк не раз ходатайствовали перед ЦК Компартии Киргизии, чтобы Кайсыну Кулиеву разрешили публиковать свои произведения и сняли с него клеймо спецпереселенца, перечисляя его заслуги и боевые награды как защитника Отечества, прекрасного переводчика, который делает многое для развития киргизской литературы и установления литературных взаимосвязей с русской культурой и художественными достижениями других национальных республик.

С тех пор прошло много лет. Кулиев давно был на родине, его поэтические сборники выходили один за другим в Москве в центральных издательствах, он, как говорится, был в зените славы. И вот он приехал в сентябре 1975 года во Фрунзе, где проводились Дни советской литературы. Делегацию возглавлял Александр Чаковский. Среди гостей были: известный переводчик знаменитого киргизского эпоса «Манас» Семен Липкин, ближайший друг Кайсына; автор популярной песни «Орленок» Яков Шведов; заслуженные работники культуры Киргизии — украинский поэт Бронислав Степанюк и московская поэтесса Ирина Волобуева. Их было много, и все они хорошо знали Кулиева. Он был постоянно в окружении своих коллег: киргизов, русских, украинцев, евреев, дунган, которые не оставляли его буквально ни днем ни ночью. Всем был нужен Кулиев, его авторитет и слава. О семье Фиксиных он просто забыл. Жил Кулиев со своими друзьями на одной из правительственных дач в красивейшем Аларчинском местечке, разъезжал на правительственной машине,

[302] С. А. Фиксин (1907—1978) — поэт, переводчик, земляк Твардовского, в 20—30-х годах печатавшийся с ним в одних областных изданиях. После войны проживал во Фрунзе, дружил с Кулиевым; переписывался с Твардовским и Кулиевым до самых последних дней своей жизни.

всегда занятый и всегда спешащий. Назир Хубиев тоже был в числе этой делегации, но жил у своего старого друга С. А. Фиксина, спросившего однажды: «Здесь ли Кайсын?» Когда услышал утвердительный ответ, то огорчился, а жена грустно добавила: «Забыл порог нашего дома, став великим поэтом и известным человеком». При встрече с Кулиевым Назир напомнил ему об этой славной, но теперь забытой семье. Набрав подарков, с чувством смятения и вины Кулиев в тот же день навестил друзей. Еще в 1956 году Кулиев написал стихотворение «Ласточка» и посвятил его Сергею Фиксину. Оно было впервые опубликовано в сборнике стихов «Мои соседи» (М., 1957).

Встреч и расставаний у Назира Хубиева с Кайсыном Кулиевым было много. Как в песне: «...без расставаний ведь не было б встреч». Одно из таких прощаний было веселым. Тогда, в 1971 году, Кулиев уезжал в Польшу в составе делегации советских писателей. Назир Хубиев в это время был на последнем курсе обучения при Литературном институте имени А. М. Горького. Студенты этого института и слушатели Высших литературных курсов решили проводить Кайсына. Молодые карачаево-балкарские поэты Альберт Турклиев, Али Байзуллаев, Махмут Кубанов и Назир Хубиев пришли к Кулиеву в гостиницу «Москва». Он встретил их ласково, а потом пригласил всех в ресторан. Прежде чем произнести тосты в честь присутствующих, Кайсын сказал: «Перед Великой Отечественной войной, будучи еще студентом, я имел честь сидеть здесь, за этим столом, с тремя великими горцами: Умаром Алиевым, Исламом Карачайлы и Асхатом Биджиевым. Я никогда еще не видел таких красивых мужчин. Нам надо жить и работать так, чтобы быть достойными их мудрости и таланта...» Кулиев ждал Давида Кугультинова, тоже члена этой делегации, но он задерживался, и ужин прошел без него. Кайсын очень сожалел, что не было вместе с нами его друга. Однако вида не показывал, что огорчен, и все время напевал две строчки из знаменитой песни на слова Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату»:

Хотел я выпить за здоровье,
Но должен пить за упокой...

Вскоре приехал Давид Кугультинов, и они отправились на Белорусский вокзал. По пути он щедро расплатился с

шофером, сказав: «Студенты — народ бедный, их нельзя беспокоить. Да и у меня это последние советские деньги: остальные обменяли на валюту». На вокзале все уже были в сборе: Фазу Алиева, Франц Таурин, Сергей Крутилин. Они ждали Кайсына, так как с его появлением сразу становилось веселее и радостнее. Он любил перед дорогой открывать шампанское или дорогие импортные вина. Начинались шутки, смех. Природный оптимизм Кулиева передавался многим. Перед самым отъездом, обратившись к своим спутникам, Кулиев торжественно сказал: «Вы знаете, кто нас провожает? Это молодые поэты Кавказа, наша надежда и будущее!» Он гордился ими, и было видно, что ему приятно окружение молодых.

У Назира Хубиева много памятных подарков от Кулиева: книги, которые дарил ему поэт с дарственными надписями, фотографии, письма, телеграммы. Так, когда Хубиеву исполнилось 50 лет со дня рождения и на его юбилей приехали многие поэты и писатели из Кабардино-Балкарии, Кулиев 28 июня 1984 года послал телеграмму следующего содержания: «Дорогой Назир! Горячо поздравляю тебя, известного советского поэта, мастера родной поэзии. Желаю тебе долгих лет плодотворного труда. Обнимаю по-братски. Спасибо за приглашение. Глубоко сожалею, что приехать нет возможности. Причину скажет Кучуков. Твой К а й с ы н К у л и е в».

Магомет Кучуков — это народный артист РСФСР. Он и объяснил, почему Кулиев не смог приехать на юбилей: к нему из Москвы приехала съемочная группа, чтобы снять о нем фильм.

Кайсын не смог приехать на юбилей Назира, зато Хубиев прибыл в составе делегации от Карачаево-Черкесии на шестидесятилетие Кулиева, когда общественность в 1977 году отмечала это событие. Вместе с Назиром Хубиевым приехали Азамат Суюнчев и Осман Хубиев. Они побывали на родине поэта — в Верхнем Чегеме. С ними были Чингиз Айтматов, Зульфия, Сергей Михалков, Михаил Дудин, Мустай Карим, Карло Каладзе, Наум Гребнев, Ахмат Созаев, Ибрагим Бабаев и др. Назир Хубиев выступил с яркой речью среди земляков Кайсына и прочитал свое новое стихотворение «У могилы матери Кайсына Кулиева», написанное экспромтом. Поэт встал, обнял Назира и заплакал.

Горькие встречи и расставания были у Назира Хубие-

ва, когда он посещал Кайсына, прикованного к больничной койке. Несколько раз говорил с ним по телефону. Кайсын не терял веры в выздоровление, много работал. 1985 год был годом печали для Назира Хубиева, начиная с июня. Скорбную весть принес ему поэт Альберт Турклиев: Кулиев тяжело болен и нет уже никакой надежды. «При разговоре Кайсын вспоминал тебя, — рассказывал Альберт, — ждет приезда или письма». Пятого июня Назир вместе со своими братьями, Османом и Магометом, приехал в Нальчик, а оттуда — в поселок Чегем 1, в усадьбу Кулиева, но было уже поздно: Кайсын умер в 8 часов утра, во вторник, 4 июня 1985 года.

Назир Хубиев, заканчивая очерк о поэте, писал: «Вот уже более десяти лет, как ушел из жизни Кайсын Шуваевич Кулиев, но мне кажется, что он не умер, а уехал в длительную командировку. Свет его доброты и щедрость таланта освещают дороги миллионов людей. Свои воспоминания о своем учителе хочу завершить стихотворением «Всадник», которое я написал в ссылке на киргизской земле, посвятив его Кайсыну Кулиеву:

Над хребтом, темнотою кромешной покрытым, —
Ветер, блески и громы. Бушует гроза.
Лес рыдает, как мать над убитым джигитом,
Оглушает гроза, обжигает глаза.

В ночь такую бесстрашно коня направляет
Всадник в бурке, и путь его только вперед.
Знает он: тьма уйдет и гроза отсверкает,
Встанет солнце и доброе утро придет!»

Перевел *Н. Тихонов*

Не остался в долгу и Кайсын Кулиев перед народом Карачаево-Черкесии. Он тоже посвятил стихи этому прекрасному краю живописных мест Кавказа. Стихотворение «Всадник» Кулиев знал, оно ему нравилось. Очевидно, поэт решил Назиру Хубиеву и его народу подарить на память свои произведения, датируемые 1965 годом. Это целый цикл стихов, состоявший из шести частей: «Весна долин, вершин зима», «Голубая река Теберда», «Стихи, сказанные в Карачаевске», «По дороге на Домбай», «Чабан», «Песенка мальчикам из Карачаевска в зимний день». Они называются «Слова любви Карачаю». Название четкое и емкое, дающее право воспевать город Карачаевск,

друзей, которые живут в нем, голубую реку Теберду, дорогу, ведущую на Домбай, чабана с мудрыми глазами и натруженными руками, бронзовых мальчиков на сереньком ослике.

Будто все мои надежды
Вмиг исполнились, когда
В голубой своей одежде
Мне открылась Теберда!

В этом четверостишии отзвук реальной радости и полного счастья, испытанного поэтом в этих краях, где всегда ощущается весна долин, вершин зима. И это очень важно, поскольку в каждом из стихотворений остались с нами чувства и мысли поэта, восторженно воспевавшего землю своих друзей:

Карачай, мой друг, мой брат!.. Я к твоей щеке
щекой
Навсегда прижаться рад, как к чинаре над рекой:
Раз я здесь, Чегем мой — здесь!.. Так позволь
благословить
Хлеб, что довелось нам есть, воду, что пришлось
нам пить,
Наши песни и дома, путь, что с Родиной, — един...
Карачай — вершин зима, Карачай — весна долин![303]

Перевел *Д. Долинский*

Эти волнующие слова поэта Кабардино-Балкарии Назир Хубиев воспринимал как равносильную любовь к той земле, где родился Кулиев, и к тем местам, где сделал первый шаг Хубиев. Поэтому он писал в своих воспоминаниях: «...в его сердце Карачай занимал свое особое место, а если более конкретно, Кулиев его считал продолжением родной Балкарии, о чем нас убеждает цикл стихов «Слова любви Карачаю». Да, так оно и есть: «Раз я здесь, Чегем мой — здесь!..»

Кайсын Кулиев всегда интересовался развитием карачаевской литературы и радовался ее успехам. Он писал: «В карачаевской поэзии в наши дни работали такие талантливые поэты, как Исса Каракетов, Азрет Уртенов, Асхад Биджиев и Магомед Урусов. И одно из первых мест в ней сейчас занимает талантливая поэтесса Халимат Бай-

[303] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 261.

рамукова. Дочь аульского плотника, она выросла среди простых тружеников гор, с детства приучали ее к уважению труда других и самой трудиться»[304].

К своему 60-летию Назир Хубиев подготовил к печати сборник стихов «Белокрылые вершины». Жаль, что нет Кайсына Кулиева, он бы порадовался этому событию и поздравил горячо друга...

ВАЛЕНТИНА БРАЙЛОВСКАЯ И КАЙСЫН КУЛИЕВ

В Казахстане жила и Валентина Яковлевна Брайловская, с которой изредка встречался Кайсын, посещая эту республику, когда его посылали в составе делегации на различные юбилеи и декады литературы. Довольно долгое время Кулиев переписывался с ней, посылал ей свои стихи, поздравления с праздниками, делал подарки, дарил цветы при встречах, обычно коротеньких и мимолетных.

Это не были обычные дружеские привязанности. Между ними было нечто большее. Об этом свидетельствуют те десять писем, которые хранятся в архиве поэта: его письма к ней и особенно ее письма к нему. Началась эта переписка в 1971 году, когда поэту было 54 года, а она была на 12 лет его моложе. Встретились они случайно в Алма-Ате. Поэт ощущал в это время уже тяжесть лет, возможно, поэтому писал:

Прошел мой полдень, здравствуй, вечер мой!
Длинней ты будешь или же короче,
Нет у тебя вины передо мной,
Неотвратима смена дня и ночи[305].

Перевел *Н. Гребнев*

Это был цветущий май, полный грез. Кулиев там был потому, что в Казахстане проводился Шестой съезд писателей республики, и пребывание Кулиева, участие его в этом мероприятии широко отмечалось в прессе[306]. В Алма-

[304] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 95.
[305] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 147.
[306] Казахстанская правда. 1971. 30 мая.

Ате он был несколько дней, заполненных до предела различными выступлениями, встречами, поездками по районам, селам и т. п. Но были и другие часы — часы личной жизни, короткого счастья.

После окончания работы съезда, Қайсын вылетел в Москву, а 14 июня Валентина Яковлевна уже писала ему письмо по адресу Союза писателей КБАССР. Первое письмо она отправила по домашнему адресу поэта, когда он жил на пр. Ленина. И очевидно, подумав, раскаялась, и все остальные письма отправляла Кулиеву на его рабочий адрес, в Союз писателей. Там у поэта был отдельный кабинет, и всю корреспонденцию ему доставляли сюда. Итак, обратимся к письму, написанному 14 июня (на первое письмо она ответа не получила).

«Дорогой Қайсын! Только что получила твое письмо. Не могу передать словами, как я терзалась все эти дни. **Я страшно тоскую по тебе.** Я уже начала думать, что ты не напишешь мне вовсе. Очень было горько и обидно. Но вот пришло письмо, и **я счастлива, очень, очень.**

Вчера, после долгого колебания, послала тебе письмо на домашний адрес. Тон письма сугубо официальный. Иначе я ведь не могла писать домой. Ты меня, конечно, понял. Я не знаю, когда мне вылетать в Москву, вернее, когда ты будешь там и сколько дней сможешь встречаться со мной...»[307]

Обладая острым умом и чувством такта, Валентина Яковлевна понимала, что она не была для него «другом бесценным» и горячо любимой женщиной, и тем не менее она надеялась на вторичную встречу с поэтом и умоляла его о ней:

«Милый Қайсын! Очень прошу тебя, напиши, ну всего пару слов, вылетать мне 5—6-го или нет, если да, то куда писать тебе. Я буду счастлива, если ты позвонишь мне из Москвы, а еще больше, если увижу тебя, дорогого...

...Я умоляю тебя о встрече. Я не могу долго без тебя. Я должна сказать тебе еще многое.

Бесконечно благодарю тебя за письмо твое, особенно за конец[308].

Для этой безумно влюбленной в поэта Вали (так она

---

[307] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 1.
[308] Там же.

подписывалась в конце каждого письма) несколько ласковых слов его было достаточно, чтобы прийти от них в восторг, чтобы надеяться на следующие встречи, которыми она, вероятно, жила и которыми была наполнена вся ее последующая жизнь. Она очень сожалела, что в той жизни, которую она прожила одна, не было Кайсына. Теперь, обращаясь к нему, она как бы упрекала его, подбирая самые простые и задушевные слова:

«Дорогой Кайсын! Ну где ты был раньше? Я не могу передать тебе те чувства, которые питаю к тебе, но **это больше, чем любовь»**[309].

Какими же могут быть чувства больше, чем любовь? Какие это чувства испытывала к Кайсыну безнадежно влюбленная Валентина Яковлевна?! Чувства счастья, радости, восторга, преклонения перед его умом, восхищения его стихами, понимания его высокого призвания как поэта? Может быть, все эти чувства переживала она, когда писала: «Дорогой мой, бесконечно любимый, желаю тебе радости, здоровья, успехов во всем. И не забывай меня. Люби меня хоть совсем немного. Иначе мне и жить не к чему. Иначе жизнь не имеет уже никакого смысла...»[310] Жить для Вали тех лет — это значит любить Кайсына, а если этого нет, то и незачем жить: «Иначе жизнь не имеет уже никакого смысла». Но тут же мрачные мысли молодой женщины сменялись светлой надеждой: «Хочу видеть тебя, любить. Только твоя Валя»[311].

Все, что было связано с поэтом, для нее было важным и неповторимым. Встреча с Кулиевым перевернула всю ее жизнь, она даже стала смотреть на мир и окружающую природу по-другому: глазами Кайсына Кулиева. «Я и раньше любила горы, — писала она к нему в письме, — а теперь люблю их еще больше, потому что ты любишь их и так изумительно воспеваешь их красоты в стихах своих»[312].

Кулиев понимал, что Валя — не наивная провинциальная девушка, а опытная, знающая жизнь и много испытавшая женщина. Сквозь восторг ее слов, поэт улавливал ее глубокий ум, то, как она оценивала, выделяла те или иные его стихи, которыми дорожил и он, вкладывая в них философию жизни, ее непреложные законы, которые никто не

[309] Там же.
[310] Там же.
[311] Там же.
[312] Там же.

в силах отменить. Вот какое стихотворение она отметила: «Твои стихи читаю с упоением, многие по нескольку раз. В них ты не только большой поэт, но и прекраснейший из всех людей на свете. Как мне нравится «Я уйду, и ты уйдешь в свой час...»!» В своих мечтах о нем она, конечно, идеализировала Кайсына, называя его «прекраснейшим из всех людей на свете». Но такова любовь, особенно, если это первая любовь. Для Валентины Яковлевны, может, она и была такой, а не просто вспыхнувшей страстью на какой-то период времени.

Я уйду, и ты уйдешь в свой час,
Но трава останется травою,
И, когда уже не будет нас,
Как сто лет назад и как сейчас,
Будет снег белеть над той скалою.

. . . . . .

С грустью поезда уходят вдаль,
С болью дуб роняет лист зеленый,
Солнце, уходящее за склоны,
Каждый раз рождает в нас печаль[313].

Перевел *Н. Гребнев*

Семь четверостиший «Я уйду, и ты уйдешь в свой час» покорили Валентину Яковлевну глубиной мысли, проверенными суждениями и неоднозначными чувствами, главной из которых была — печаль. Грустью проникнуты все письма, отправленные ею в Нальчик, даже в тех строках, в которых она изливала, если так можно сказать, всю нежность своего сердца.

Примерно через два месяца она снова написала письмо Кайсыну, не дождавшись от него долгожданного ответа. Не было и встречи, о которой она его умоляла. «Дорогой Кайсын! Много передумала, прежде чем решиться написать тебе это письмо, — сообщала она ему 9 сентября 1971 года. — Рассудком понимаю, что не должна писать тебе первая. А душа вот никак не хочет считаться с женским самолюбием. Поэтому и пишу... Сначала я решила ждать от тебя письма до конца сентября. Да вот не смогла. Наша встреча в Москве не состоялась. Понимаю,

---

[313] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 276.

что тебе было не до меня. Накануне отъезда говорила с Макой, она мне сказала, что ты уехал в Рязань.

Из Эстонии я написала тебе в Дубулты, сообщила тебе свой дальнейший маршрут — Сигулда, Вайвари. Но ничего не получила от тебя. Может быть, мое письмо затерялось.

Поездка по Эстонии и Латвии была очень интересной, много хороших впечатлений. А с 1-го по 22 августа я отдыхала у родственников под Ленинградом, в Репино. Была в Репнинских «пенатах», в Комарово, на могиле Анны Ахматовой. Тоже много интересного осталось в памяти»[314]. Как видно, она надеялась встретиться с поэтом в Прибалтике, сообщила ему места своего пребывания и ждала от него лишь указания, куда ей приехать и где его ждать. Однако жизнь распорядилась по-иному: Кулиев был очень занят в эти дни, да и увлечение шло на убыль, очарование проходило. Но не для Валентины Яковлевны. Для нее встреча с Кайсыном была подарком судьбы, и, путешествуя по городам в поисках впечатлений, она ни на один день не забывала любимого поэта, несмотря на то, что «так много интересного осталось в памяти». Следующие строки письма говорят сами за себя: «Не было дня, чтобы я не думала о тебе. Сознаюсь, что мне было приятно (а раньше ведь было совершенно безразлично), что я нравлюсь мужчинам, значит я могу еще нравиться и тебе»[315]. Открытое признание в своих чувствах к поэту — не было дня, чтобы она не думала о нем! — и тут же кокетство: она нравится другим мужчинам. Такая алогичность правомерна для любящей женщины, мысли, слова и поступки которой часто сменялись горькими размышлениями. «Сейчас у меня настроение плохое, — писала она в этом же письме к поэту, — иногда дохожу до отчаяния. Писать подробно не хочется, да вряд ли это тебе интересно»[316].

Валентина Яковлевна писала письма не только поэту, но и его другу профессору Аскеру Аппаеву. В них она спрашивала, естественно, о Кулиеве, его самочувствии и пребывании. Ее интересовала и личная человеческая судьба поэта. «Вернувшись, написала письмо Аскеру, — сооб-

---

[314] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 4.
[315] Там же.
[316] Там же.

щала она Кулиеву, — передала ему привет для тебя... Зная, что в Москве ты был нездоров, я начала волноваться за тебя. Но последний номер «Литературной газеты» и «Недели» успокоили меня. Рада за тебя, за твои успехи и желаю всем своим существом больших удач тебе, счастья»[317].

По письмам Валентины Яковлевны можно судить не только о характере их взаимоотношений. Они воссоздают и биографическую ситуацию, в которой оказалась в те годы В. Я. Брайловская: «...у младшего племянника такая же болезнь, как у сестры. Я поместила его в больницу. Бегаю к нему каждый день, ей ведь нельзя, у нее сейчас тоже ухудшение. А зять занимается наукой. Отказался не только от жены, но и от сыновей. Ведь младшему еще 15 лет. Все заботы и волнения легли на мои давно уже не могучие плечи... — делилась своими тревогами эта благородная женщина.— Днем занята много, кроме основной работы, набрала частных уроков, переводы»[318].

Биографические обстоятельства этой влюбленной в поэта женщины не так важны, хотя и они говорят о многом: она была уверена (раз писала Кулиеву), что он поймет ее, посочувствует ее не очень счастливой судьбе одинокой женщины. Отзывчивость — основная черта поэта. И это поняла она с первой же встречи с Кайсыном. Однако в письме главное другое: ее любовь и тоска, которые она не скрывала от него. «...Вечерами, ночами тоска моя доходит до отчаяния, — писала она. — Умоляю тебя, напиши мне хоть пару слов, будет легче. Если у меня будет хоть маленькая надежда на встречу с тобой, я буду жить этой надеждой и буду бесконечно счастлива». Как мало надо было для ее любви — маленькая надежда на предстоящую встречу с любимым. Как мало! И эта надежда вдохновляла ее, давала ей силы жить, осознавать, что еще не все потеряно, все может быть по-иному: она снова увидит поэта, будет слушать его голос, его стихи и снова надеяться. «Может быть, ты сумеешь приехать сюда? — спрашивала она его как бы между прочим, невзирая на то, что Нальчик и Алма-Ату разделяют тысячи километров. — А если нет, я всегда договорюсь на работе, полечу к тебе, если ты будешь в другом городе». Вот так! «Ты только мне свистни, тебя не заставлю я ждать...» (Р. Бернс). Какая

---

[317] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 4.
[318] Там же.

уж тут гордость и женское самолюбие! Об утаенной, романтической любви нет и следа.

В конце письма легкие упреки, адресованные не столько к поэту, сколько к себе самой. В целом финал этого письма носит интимный характер: «Неужели ты совсем, совсем забыл меня? Если это так, напиши все равно **правду.** Я и это переживу. Целую. Твоя В а л я»[319].

Конечно, поэт понимал, на какие жертвы и унижения может идти она только ради того, чтобы увидеть его, встретиться с ним. И он ответил ей ничего не значащим письмом, хотя и приветливым, и ласковым. Ответ был дан сразу. «Дорогой мой, любимый Кайсын! — писала она 18 ноября 1971 года. — Наконец-то получила твое письмо! И напрасно ты рвал предыдущие. Мне можно писать все. Я целиком разделяю твое горе. Я все хорошо, хорошо понимаю, а потому ты мне еще дороже, родней»[320]. У Кайсына тоже не все было гладко в жизни, давняя боль души не проходила, и он поделился своим горем с Валентиной Яковлевной — о неизлечимой болезни жены, о тяжком бремени, которое он терпеливо нес, переложив на свои плечи все заботы о воспитании детей, а их к этому времени было у него четверо: трое сыновей от второго брака и дочь — от первого. Обычно Кулиев никому не рассказывал о своих трудностях — житейских, бытовых и пр. Но видимо, Валя согрела его душу, и она оттаяла на какой-то момент, если он рассказал ей в письме о том, что его тяготило.

В этом ноябрьском письме (как и в предыдущем) есть упреки, но в них нет отчаяния, тяжелых разочарований, скептической безысходности. В них — простая констатация того, что она с нетерпением ожидала письма. «Как мне было тяжело, — писала она, — ждать так долго ответа от тебя. Я ведь и Аскеру звонила, чтобы хоть что-нибудь узнать о тебе. Из разговоров с ним я узнала, что ты здоров. Я не буду упрекать тебя, но прошу очень, пиши мне все, не заставляй так долго ждать. Ну пусть три-четыре строчки и все»[321]. Два месяца не было от Кулиева писем. Для нее это равнялось годам, поэтому она и звонила несколько раз Аскеру Аппаеву, чтобы узнать, где Кайсын и что с ним случилось. «Я нисколько не обижаюсь на тебя, что

---

[319] Там же.
[320] Там же, л. 11.
[321] Там же.

отвечаешь мне не очень скоро. Меня огорчает до глубины души сознание, что ты теряешь силы и не можешь работать. Ведь тебя надо беречь!» — обеспокоенная, писала она. И снова многократно повторенная мольба: «Господи! Ну хоть бы ты приехал в декабре! Дай знать мне заранее, если хочешь, я встречу тебя. Я так боюсь, что тебя заберут «в плен» твои друзья, и ты не будешь иметь возможности побыть со мной подольше. А мне так хочется и поговорить, и помолчать с тобой вместе!» Кайсын предложил ей встретиться в Нальчике, но она не могла выехать туда по ряду причин, поэтому сообщала: «В отношении моего приезда в мае, это еще неопределенно. Зависит от многого, прежде всего от моих родственников и от материальной возможности»[322]. Но, несмотря ни на что — трудности по работе, душевные переживания, Валентина Яковлевна ощущала полноту и радость жизни от сознания, что есть на свете Кайсын, который всегда поймет ее и утешит. «Кайсын, дорогой! — обращалась она к нему. — Когда мне бывает очень тяжело на душе, я думаю: «Но ведь есть на свете Кайсын, которому я не совсем безразлична!» Мне становится легче. Я начинаю надеяться на что-то светлое, отрадное. Так вот, когда тебе очень худо, ты знай, что есть на свете человек, переживший в жизни много горя, который тебя хорошо понимает и искренне любит.

Если бы ты был сейчас рядом со мной, я сумела бы утешить тебя».

Судя по письмам ее и Кулиева, их суждениям, общим взглядам на трудности жизни и отношении к ним, можно предположить, что они оба нуждались в совместном общении и в обыденной жизни их многое сближало и объединяло. «Ты правильно говоришь, что надо вынести все, — писала она к нему, — чтобы оставаться людьми, что мы оба и делаем. Но мне так хочется хоть пару дней быть счастливой! Ведь жизнь моя почти вся прошла...»[323] Понятна ее горечь сожаления о прошедшей молодости, в которой не было Кайсына, слишком поздно они встретились. И он стал ее «лебединой песней». Жила она только надеждой короткой встречи:

«Я так надеялась на встречу с тобой в ноябре... Теперь еще не совсем определенно, будешь ли ты здесь в декабре.

---

[322] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 11.
[323] Там же, л. 11—12.

Но я все равно буду ждать тебя. Если даже сумею приехать в мае в Нальчик, то ведь там я буду гостьей Аскера...

Спасибо за фотографию. Это, видно, ты — в Пятигорске.

Рада, что мое изображение тебе понравилось. Все, что находишь в нем красивым, — т в о е.

Любимый мой Кайсын! Ради Бога, береги себя! Ты нужен многим, многим»[324].

Теплое участие Кулиева в ее судьбе, их взаимоотношения помогли Валентине Яковлевне как бы заново пересмотреть свою прошедшую жизнь и дружеские отношения с другими людьми. Духовные силы, отпущенные ей природой, и доброту сердца она теперь отдавала поэту, следила за его успехами, делала вырезки из газет и с радостью сообщала ему об этом. Вот концовка этого письма:

«Судя по тому, что ты не написал, куда тебе писать, в Москву или Нальчик, пишу в Нальчик. Вероятно, ты уже вернулся. Как прошел твой вечер в музее Пушкина? В «Литературной газете» я увидела дружеские шаржи Михаила Дудина. Ты у него получился очень хорош!

Вот мой телефон: 44-04-48, запиши в записную книжку! Жду тебя всегда!

Целую твои глаза и губы.

Твоя В а л я»[325].

Валентина Яковлевна Брайловская хорошо понимала, что жизнь не будет ее баловать частыми встречами с поэтом, она не могла и мечтать о таком счастье. Счастье общения с ним она находила в письмах к нему. Поэтому через два дня она снова стала писать ему послание, получив от него телеграмму. «Мой дорогой, бесценный Кайсын! — писала она 20 ноября 1981 года. — Только что получила твою телеграмму. Рада, что здоров и что вспоминаешь обо мне, хотя у самого дел и хлопот выше головы. Целую тебя крепко-крепко за то, что не забываешь меня. Через полчаса бегу на работу, на душе стало тепло от сознания, что ты помнишь меня.

Позавчера отправила тебе ответ на твое последнее письмо. На это можешь не отвечать, если ответишь своевременно на предыдущее. Если получишь сразу два, все равно ответь одним письмом.

---

[324] Там же.
[325] Там же.

Я хорошо себе представляю, как тебе трудно. Правильно делаешь, что делишься со мной своими невзгодами.

Ты не ошибся, я действительно твой друг, преданный тебе душой и телом.

Пусть любовь моя хранит тебя и всю твою семью!»[326]

Все знакомые и друзья всегда о чем-то просили Кулиева, зная, что он поможет, посоветует, сделает все возможное и даже невозможное. У Брайловской тоже нашлась просьба к нему, которая касалась дел ее отца, драматурга. Поэтому она писала: «Кайсын, мой любимый! У меня к тебе просьба: ни в коем случае не трать своего времени и талант на переделку и перевод пьесы отца (до этого она просила перевести пьесу. — **Авт.**). ...Если не найдется другой человек, оставь хлопоты, прошу тебя. Хотя мне и очень хотелось, чтобы пьесу взяли, ты понимаешь почему. Но я не буду счастлива, если ты будешь растрачивать свое время на это. Пойми меня правильно!»[327]

Зная, что Кулиев любит природу, много пишет о ней, одухотворяя ее и преклоняясь перед ее вечной красотой, в конце письма она писала: «У нас стоит необыкновенно красивая осень. Как жаль, что нет тебя со мной! Из моего окна видны горы. Они особенно красивы рано утром и на закате солнца. Я иногда подолгу смотрю на них, я их и раньше любила очень, а теперь еще больше люблю, так как знаю, что они очень дороги тебе»[328]. Валентина Яковлевна знала, что он много написал стихотворений о горах: «Молчит гора», «Люблю гору белой среди гор», «Гора», «Говорю горе́», «Гора — не человек...», «С горой наговорившись вволю...», «Горы глядят далеко-далеко сквозь эфир...», «Колыбельная горе́», «Помолчим у горы», «Вечер в горах», «Снегопад в горах», «Покуда стоят эти горы», «Природою гора сотворена едва ли...» и т. д. Некоторые из них она знала наизусть, читала их поэту и говорила, что именно произведения этой тематики прекрасны по форме и насыщены философскими мыслями.

В этом письме ее волновало то же, что и в других: скоро ли они увидятся? Хотела знать конкретные обстоятельства, связанные с пребыванием поэта, поскольку ее волновали первые дни, предвещавшие ей счастье от встречи с

---

[326] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 14—15.
[327] Там же.
[328] Там же.

любимым. «Я не знаю, когда ты прилетишь. Но декабрь не за горами, значит, скоро, — предполагала она. — Только почему-то сердце предсказывает мне, что что-нибудь помешает тебе приехать сюда. Сообщи мне, могу ли я надеяться на твой приезд. Если за несколько дней или за день до праздника, то я встречу тебя и увезу к себе, а уж потом ты объявишься»[329]. Так настойчиво она просила Кулиева заранее ей сообщить дату приезда потому, что она работала в педагогическом институте на кафедре немецкого языка и, естественно, была непосредственно связана с учебно-воспитательным процессом, с расписанием занятий. «Хочу знать заранее, — убеждала она поэта, — чтобы соответственно переставить лекции и семинары. В деканате ко мне хорошо относятся, сделай, как я прошу...»[330]

Весь тон этого письма был почти спокойным, ровным, отличался теплотою слога, задушевностью, но концовка совершенно другая: волнения и ощущения, которые она испытывала к поэту, как бы прорвались наружу: «Если бы не было тебя, то — никакого смысла жизни. Ради Бога, береги свое здоровье! Целую и преклоняюсь перед тобой, мой дорогой Кайсын. Твоя В а л я»[331].

Их встречи и переписка продолжались почти год. Внезапно вспыхнувшая страсть в 1971 году через год стала принимать иные формы, более сложные, когда более остро чувствовалось внутреннее одиночество Валентины Яковлевны. В 1972 году ею было написано, судя по архивным данным, всего одно письмо — от 12 ноября 1972 года. Оно вежливое, спокойное, информативное, ничего общего с теми письмами 1971 года, когда развивался начальный этап их любви. Вот что писала она:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Простите, что беспокою Вас. В конце августа я отправила Вам письмо, ответа так и не получила (писала на Союз писателей). В нем я благодарила Вас за Ваше письмо, которое получила в Репино. Благодарю Вас еще раз за него.

Была обеспокоена Вашим молчанием. В праздничные дни звонила Аскеру, поздравила его с праздником, справлялась о Вашем здоровье. Он мне сообщил, что Вы живы и здоровы и более того... Но это не так уж важно. Рада,

---

[329] Там же, л. 15—16.
[330] Там же.
[331] Там же.

что Вы здоровы. От всей души желаю Вам хорошего здоровья на долгие, долгие годы, радости.

Буду бесконечно Вам благодарна, если пришлете мне ответ на это письмо.

В конце ноября, а может быть, в первой декаде декабря меня положат в больницу, вероятно, будет операция, а пока прохожу бесконечное количество анализов.

Если Ваше письмо не застанет меня дома, то мне сестра принесет его в больницу.

Слава Богу, она совсем выздоровела.

Всего Вам доброго!

Будьте счастливы!

Валентина Брайловская»[332]

В 1973 году тоже было одно письмо, написанное Валентиной Яковлевной и отправленное поэту 28 января в ответ на письмо Кулиева.

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Сегодня получила Ваше письмо, за которое сердечное спасибо Вам, — извещала она своего друга. — Я вовсе не сержусь и не обижаюсь на Вас. Это было бы просто глупо с моей стороны. Но все это время мне было очень трудно, больно.

Вы просите написать о себе, просьбу Вашу не выполню, так как ничего отрадного в моей жизни нет, а огорчать Вас своими невзгодами и неприятностями мне вовсе не хочется, знаю, что и у Вас их достаточно. В больнице я провела три недели, сейчас много работаю.

У сестры значительное улучшение, а с мальчиком не очень хорошо. Все заботы о нем на мне, отцу он, больной, совсем не нужен... С большим удивлением видела и слушала Вас в одной из телепередач, читала в предпоследней «Литературной газете» Ваше впечатление о поездке»[333].

Этот год для Кулиева был очень насыщен самыми различными делами и событиями в личной и общественной жизни: о нем много писали в прессе в связи с выходом его книг «Звездам — гореть!» (М., 1973), «Книга лирики» (М., 1973), книги избранной лирики на монгольском языке, стихов, опубликованных на польском языке в Кракове, на немецком языке в Берлине, и др. Он был в Москве на

---

[332] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 17.
[333] Там же, л. 19—20.

Международной консультативной встрече литераторов и на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, побывал в Германии, где в Берлине проводились X Международные игры молодежи. Надо было и отдохнуть в Прибалтике, в писательском Доме творчества им. Яна Райниса, записать несколько радиопередач в Нальчике и Москве, принять участие в обсуждении романа Алима Кешокова «Сломанная подкова» и защитить своего друга от напрасных нападок обкома КПСС и, конечно, написать несколько статей по просьбам различных организаций. Кроме того, были написаны 72 стихотворения! Переписка с друзьями занимала в его жизни особое место. «Я себя почитаю счастливым», — писал Кулиев в конце 1973 года. Так оно и было на самом деле. В личной жизни тоже наметились перемены. В начале семидесятых годов Кулиев полюбил другую женщину. Теперь его поэтической музой стала Элизат Кульбаева. О ней теперь думал поэт, когда уезжал из Нальчика. В стихотворении «Рассвет возвещал мне рождение дня...» (1973) он писал:

От дома вдали, на чужой стороне
С улыбкой тебя вспоминаю.
Ты вместе с Чегемом мне снишься во сне,
Как первая радость земная[334].

Перевел *Я. Аким*

Без сомнения, Валентина Яковлевна почувствовала перемену в их взаимоотношениях, холодную учтивость писем Кайсына. О встречах не могло быть и речи. Она и не надеялась, теперь она только ждала писем и краткого телефонного разговора. Поэтому она в этом письме просила:

«Запишите на всякий случай новый мой телефон: 45-19-59, у нас новая АТС.

Еще раз благодарю Вас за письмо, за память.

Если будет у Вас время и желание, пишите мне. Даже совсем коротко. Письмо доставит мне радость.

Желаю Вам здоровья, счастья.

Глубоко уважающая Вас Валя»[335].

---

[334] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 299.

[335] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 19—20.

Короткий роман между ними шел к завершению, как говорят, к развязке. Кайсын не давал никакого повода к дальнейшим взаимоотношениям. По письмам, которые он получал, понимал ее прежнюю нежную привязанность к нему, ее благородство, одиночество и тоску. Он был благодарен ей за те короткие встречи, радость которых она долго не могла забыть. Читая ее письма, он чувствовал удовольствие, поэтому он не порвал и не сжег ее письма, а сохранил и отдал в архив. Любовь не унижает, а возвышает человека. Ей, Валентине Брайловской, и другим, которые любили поэта, он посвятил прекрасные строки в стихотворении 1973 года «Женщинам, которых я любил».

Женщины, которых я любил,
Ни полслова нет для вас упрека.
Ты, цветок, любивший одиноко,
Разве солнце чем-нибудь корил?

Вы дарили счастье, как вино,
Горячо, свободно и мгновенно.
Ах, земной короткой жизни цену
Так давно я знаю, так давно![336]

Перевел *Я. Аким*

Это были счастливые воспоминания.

В 1974 году тоже было одно письмо, отправленное Брайловской поэту 4 июля. Это был ответ на телеграмму Кулиева. «Здравствуй, дорогой Кайсын! Большое тебе спасибо, что сдержал слово и прислал мне телеграмму. Для меня это была огромная радость.

Мне очень хотелось поговорить с тобой о многом, побыть подольше с тобой, но ничего не получилось!»[337] Она звонила Кулиеву и взяла с него слово, что он напишет ей или даст телеграмму. Он выполнил ее желание, тем более, это такая малость — сказать ей несколько ничего не значащих ласковых слов, успокоить ее одинокую душу. Доказательством тому служат строки ее письма, написанные тогда же, в июле: «Ты слишком добр ко мне, считая меня и сейчас еще красивой. Жизнь моя хуже, чем тяжелая. Но я никогда не буду ничего рассказывать о своих горестях

[336] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 304.

[337] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 24—25.

тебе, не хочу причинять тебе хоть какие неприятности»[338]. Ее письма не могли быть безразличны поэту, тем более ее просьбы, и он невольно вселял маленькую надежду на продолжение их дружбы, предполагаемых встреч, если не в скором времени, то в отдаленном будущем. Это можно понять из строк ее письма: «Я не надеюсь на скорую встречу, но буду всегда ждать твоих писем, пусть совсем, совсем коротких. Ну а если и писать не станешь, я все равно не буду упрекать тебя ни в чем, никогда не изменю своего отношения к тебе, до конца своих дней буду желать тебе только добра»[339]. Такая преданность говорит о многом: Кулиев был для нее ангелом-утешителем, какой-то светлой надеждой, недосягаемой мечтой. На встречу с ним она уже не надеялась, но на всякий случай писала, где она будет отдыхать летом. Авось, он даст телеграмму: «Приезжай!» Или: «Приеду!» Поэтому она уточняла: «Я 10 июля вылечу к своей приятельнице в Москву, а 20-го поеду с ней в Литву, затем в Ленинград к теткам.

У нас здесь стоит страшная жара и духота, дышать очень трудно.

Если я до своего отъезда получу от тебя письмо, то непременно отвечу. Если нет, то буду ждать его к 20 августа (вернусь в это время). Ну, а если и тогда не будет, **буду ждать всю жизнь.**

Еще раз спасибо за телеграмму, за все.

Искренне желаю тебе всего самого, самого хорошего.

Будь здоров и счастлив. Целую тебя. В а л я»[340].

В конце этого письма Кулиев приписал своей рукой: «Алма-Ата. Брайловская Валентина Яковлевна, специалист по немецкому языку. Очень красивая женщина».

Эта скромная запись — не образец поэтического мышления, но память, когда он вспомнил «милый взгляд и красоту еще земную»[341].

Через год было и восьмое письмо от В. Я. Брайловской. 2 января 1975 года с горечью и мукой сердца она писала: «Дорогой Кайсын! Несмотря на то, что я дала себе слово не писать тебе, если не получу от тебя хоть маленького

---

[338] Там же.
[339] Там же.
[340] Там же.
[341] Взято из эпилога «Бахчисарайского фонтана»: «Я помню столь же милый взгляд и красоту еще земную, все думы сердца к ней летят, об ней в изгнании тоскую...»

письма, все же пишу. Умом понимаю, что нетактично, а может быть, даже и глупо писать человеку, который не просит тебя об этом». И далее о сомнениях: «Не знаю, дошло ли до тебя мое последнее маленькое письмо, в котором я благодарила за телеграмму по поводу трагической гибели Майи». Понимая умом всю бесполезность этой переписки, Валентина Яковлевна стремилась объяснить поэту, почему она сейчас пишет ему: «Вчера я прочитала в «Литературной газете» твои ответы на вопросы корреспондента, мне казалось, что я говорю с тобой. Вот и захотелось написать». Брайловская от природы была умна, образованна, хорошо знала немецкий язык и зарубежную литературу, наряду с русской классикой, обладала широким диапазоном знаний, и с ней было всегда интересно общаться. И в первые встречи она произвела на Кулиева большое впечатление. Ее и Е. Д. Орловскую он считал необыкновенными женщинами, умными, благородными, из последней плеяды русских интеллигентов.

Это предпоследнее письмо было наполнено воспоминаниями о встрече с проф. Аскером Аппаевым, которую она подробно описала Кулиеву. «Расскажу о своей встрече с Аскером. Он на этот раз наговорил мне комплиментов, сказал, что даже боится, чтобы не влюбиться в меня во второй раз. Я к его приезду приготовила его любимые блюда. Все хвалил. Познакомила его с женой Павла и сыном. Все ему нравилось. На этот раз о тебе говорил только хорошее, с большой радостью сообщил, что тебя должны наградить Госпремией СССР (я потом в больнице прочитала в газете об этом, просила его по телефону отправить телеграмму тебе от моего имени, не знаю, выполнил ли он хоть эту мою просьбу)»[342]. Далее она писала о пребывании его друга в Алма-Ате, его странном поведении, когда он, зная, что Брайловская лежит в больнице, не пришел ее навестить.

«Я пролежала в больнице более трех недель. Он ни разу не пришел, хотя бы сделал это из вежливости. В свое время, когда все в институте чурались его, мне было по-человечески его жаль. А когда он попал в больницу, я ходила к нему каждый день, хотя на моих руках были больные родители и сестра. Я ничуть не сержусь на него. Ко мне каждый день приходит много народа... Думаю, что

[342] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 27—28.

все эти сообщения об Аскере могут вызвать у тебя улыбку. Ты ведь его хорошо знаешь.

Тебе я желаю не только в Новом Году, но и на многие, многие годы творческой жизни, всего самого, самого доброго, хорошего.

Я буду всегда желать этого, если даже исчезну из твоей памяти совсем. Обещаю тебе не беспокоить тебя своими посланиями, если ты сам не напишешь мне.

В а л я»[443].

Получив поздравительную открытку от Кулиева, она написала ему еще одно, последнее, письмо, очень короткое, с пожеланиями всех благ. Оно тоже, как и все предыдущие, было отправлено по адресу Союза писателей республики. Приводим его полностью.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Спасибо за Новогоднее поздравление, за добрые пожелания, за память обо мне.

Из печати знаю о Ваших успехах, о Вашей славе и от души рада.

Желаю Вам здоровья, всех земных радостей на долгие годы.

Здоровья и благополучия во всем желаю Маке и всем детям.

В а л я»[444].

---

[443] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 17, л. 28.
[444] Там же, л. 30.

Часть II

*

Друзья Кайсына Кулиева из бывших союзных республик СССР

*

Я В БЛИЗКИХ И ДРУЗЬЯХ
ОПОРУ НАХОЖУ.

К. Кулиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ И КИРГИЗИЯ

Мы доброты людей не забываем.
Мы помним хлеб, нам данный
братским краем
В те дни, когда нам было нелегко.

К. Кулиев. Стихи, сказанные в честь Киргизстана

Киргизия — это вторая родина Кайсына Кулиева. Здесь он провел почти 12 лет, и она не была для него чужбиной. Пожалуй, это был самый плодотворный период его поэтического, прозаического и переводческого творчества, когда он очень много работал, был в неустанном поиске и горел нетерпением всюду успеть, все сделать и совсем не чувствовал своего изгнания из поэтического мира, Парнаса, даже тогда, когда его в 1949 году исключили из Союза писателей Киргизии и Союза писателей СССР как спецпереселенца. Другой причины не было, и Союз писателей Киргизии выполнял указание ЦК партии. Обид у Кайсына на милую киргизскую землю и населяющий ее народ не было, хотя он и чувствовал себя раненным в сердце воином, поэтому и писал в 1947—1949 годы эти строки:

Нет истинного воина без ран,
Как нет без песни о любви поэта.
Вот песнь моя. Она от сердца спета.
Мой дар любви прими, мой Киргизстан![1]

Перевел *С. Липкин*

Этот дар любви к народу, приютившему наказанный народ и его самого на долгие годы, балкарский поэт с честью пронес через всю свою кипучую жизнь. И ни одно Парнасское «величество» никогда не могло унизить или оскорбить словом Кайсына Кулиева, его могучий интеллект

[1] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 194—195.

и несгибаемую силу духа. У него всегда были крылья могучего кавказского орла, он парил над всеми, и его всегда окружала толпа знакомых и незнакомых почитателей. Имея удостоверение спецкорреспондента газеты «Советская Киргизия», он мог свободно разъезжать по территории Киргизстана и выступать среди населения республики с чтением своих стихов, очерков. Печатать их не разрешали, но говорить он мог! Мог восхищаться красотами природы того края, где он жил и творил:

Твои ручьи звенят мне как во сне,
Твои тюльпаны мне милы поныне.
Поэмой древних гор казался мне
Твой Иссык-Куль, как свод небесный, синий.

Перевел *С. Липкин*

Поэт мог свободно говорить на киргизском языке. Его он изучил в течение двух лет и стал заниматься переводами стихов киргизских поэтов на русский язык. Вспоминая об этой поре, Кулиев писал: «Балкарский и киргизский языки, как тюркские, близки. Но в похожих языках нередко одни и те же слова имеют разные значения. Этим и затрудняется полное освоение языка, похожего на твой родной. Сначала я не осмеливался браться за перевод с киргизского на русский. Меня уговорил известный романист Тугельбай Сыдыкбеков... Через полгода я стал выполнять подстрочники стихов и прозы. Мне очень помогал «Киргизско-русский словарь» профессора Юдахина... С писателями говорил только по-киргизски»[2].

Глубокие духовные узы и творческие связи объединяли Кайсына Кулиева с писателями и поэтами Киргизии, которые много раз поддерживали его в минуты горестных раздумий, принимали горячее участие в его творческой судьбе. К поэту, только что приехавшему в апреле 1945 года во Фрунзе с письмом Николая Тихонова с просьбой обеспечить Кайсына работой и жильем, отнеслись внимательно и заботливо. Председатель правления Союза писателей Киргизии Касымалы Баялинов сделал все возможное для Кулиева, чтобы он чувствовал себя удобно на новом месте, ввел его в круг литераторов, познакомил с народным поэтом республики Аалы Токомбаевым, встре-

[2] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 452—453.

ча с которым была для Кулиева памятной и полезной. «В Киргизии я нашел много новых друзей, — писал Кулиев в автобиографии.— Вначале мне много помогал Узак Абдукаимов, талантливый переводчик и прозаик. В первый период моей работы он, чтобы поддержать меня, брался переводить вместе со мной. Судьба наградила меня дружбой с одним из прекрасных поэтов Средней Азии — с Алыкулом Осмоновым...» Общительный характер поэта, обаяние его личности, умение ценить добро и уважать людей по их личным заслугам сразу снискали Кайсыну много друзей, которые старались облегчить судьбу поэта-изгнанника. Среди киргизской интеллигенции было много русских людей, местных и прибывших из блокадного Ленинграда, эвакуированных из Москвы и других городов России. Они посещали литературные вечера, которые проходили во Фрунзенской библиотеке имени Н. Чернышевского. Организатором их был народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев. Кулиев на этих вечерах познакомился с известным переводчиком восточной поэзии на русский язык Георгием Шангели, с московским писателем Львом Пасынковым, поэтом Александром Кравцовым, после войны переехавшим в Харьков, и другими. Они приняли Кулиева в свою среду. Многие из них знали хорошо Кулиева по его военным стихам и очеркам, были наслышаны о его взлетах и падениях, знали, что он имеет особое дарование и любовь к поэзии. «Ко мне хорошо относились редакторы местных русских газет,— писал позже Кулиев,— я подружился с русскими писателями, жившими и работавшими в Киргизии — Сергеем Фиксиным, Николаем Удаловым, Якубом Земляком, Еленой Орловской, Вениамином Горячих... Союз писателей Киргизии и лучшие литераторы относились ко мне хорошо, ценили мою работу»[3].

Молодой тридцатилетний поэт плодотворно трудился в творческом союзе литераторов республики сначала заместителем ответсекретаря Союза писателей Киргизии, а затем председателем русской секции писателей. Много переводил, писал стихи и поэмы. В 1946 году он начал работать над поэмами «Огонь» и «Завещание», которые закончил уже после возвращения на родину. «Завещание» Кулиев относил к лучшим своим вещам. Впервые тема

---

[3] Советские писатели: Автобиографии. М.: Худож. лит., 1972. Т. 4. С. 354.

депортации народов Северного Кавказа была затронута именно в этой поэме, и ее долго не переводили на русский язык. Она находилась как бы под запретом, и лишь только в 1990 году, после смерти поэта, переведена на русский язык Семеном Липкиным и впервые опубликована в газете «Кабардино-Балкарская правда».

Многие горькие строки поэмы Кулиев посвятил тем, кто погиб безвременно на пути в ссылку, кто мучился там, на чужбине:

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страданья?
О, не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнанья[4].

Перевел *С. Липкин*

Кайсын Кулиев принял самое активное участие в процессе сближения национальных литератур — русской, киргизской, карачаевской, балкарской, чеченской, ингушской — литератур народов, оказавшихся здесь не по своей воле. Высланные писатели и поэты не затерялись в трудностях быта тяжкого послевоенного времени. Нити, связывавшие литературы Северного Кавказа, не оборвались: Кайсын Кулиев оказался именно тем огоньком, по словам некоторых литературоведов, из которого разгорелся большой костер поэзии. Вот как об этом писала А. И. Караева: «К счастью, вернулся с фронта и включился в жизнь писательской организации Киргизии балкарский поэт Кайсын Кулиев. Уже тот факт, что в братской республике жил и работал поэт, который писал на языке карачаево-балкарском, общался со многими киргизскими поэтами и переводил их, был сам по себе весьма знаменателен»[5]. Поэтическое дарование Кулиева было для всех несомненным, а его авторитет, обширные знания способствовали устойчивости дружеского общения среди старшего и молодого поколения литераторов Киргизии и тех, кого судьба привела в эту республику. Интерес его к национальной литературе, к успехам киргизских писателей и поэтов можно проследить в ряде написанных им статей и рецензий,

[4] *Кулиев К.* Завещание // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 24 апр.

[5] *Караева А. И.* Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. С. 163.

которые были опубликованы в газетах, журналах и в предисловиях книг. Так, во вступительных статьях «Алыкул Осмонов» (Осмонов А. Мой дом. Фрунзе, 1954), «Темиркул Уметалиев» (Уметалиев Т. Дорожная песня. Фрунзе, 1955), в рецензии «Масштабы и краски жизни» на «Избранные стихи, поэмы» А. Токомбаева, в статье о творчестве киргизских поэтов «Пути поэтов» («Киргизстан». 1954. № 3) и т. д. Кулиев затрагивал многие вопросы, связанные с художественным творчеством поэтов и писателей, живущих в этой республике, говорил об их писательской судьбе и о его взаимоотношениях с ними.

Он высоко ценил творчество поэта А. Токомбаева. «Аалы Токомбаев — поэт народа, а не узкого круга любителей, — утверждал Кулиев. — Высшая страсть его души — любовь к родной земле. Именно эта любовь дала ему возможность создать самобытные картины родной природы... Поэзия Токомбаева — поэзия глубоко партийного поэта»[6]. Токомбаев был старшим по возрасту, имел большую известность в литературе, но ценил слово Кулиева, гордился оценкой его труда и на протяжении многих лет писал Кайсыну Кулиеву письма, поздравлял его с событиями в личной жизни и общественной работе. Так, 22 июня 1974 года он писал Кулиеву: «Дорогой Кайсын! От души поздравляю Вас с избранием в депутаты Верховного Совета СССР. Желаю Вам самого лучшего. Обнимаю. Ваш А а л ы Т о к о м б а е в»[7].

По его инициативе и при личном содействии во Фрунзе был издан на киргизском языке сборник стихов Кулиева «Огонь на горе». Сюда вошли стихи «Мои соседи» (15 стихотворений), многие фронтовые стихотворения (их 9) в переводе Дж. Садикова, С. Мануйлова, С. Урмамбетова, О. Султанова. Всего было переведено 31 стихотворение. Киргизский поэт Сооронбай Джусуев написал об этом Кулиеву, спеша его обрадовать. Он поблагодарил Кайсына за добрые слова, сказанные когда-то им о Сооронбае. Письмо датировано: 2 августа 1969 года. Приводим его полностью.

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Наконец-то Ваша книга «Аскадачы от» («Огонь на скале») месяц тому назад сдана

---

[6] *Кулиев К.* Масштабы и краски жизни // Литературная газета. 1958. 18 окт.

[7] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 152, л. 1.

в производство. Книгу составил я. Аалы Токомбаев написал хорошее предисловие.

Я высылаю Вам оглавление книги, чтобы Вы имели представление о Вашей киргизской книге. По-моему, еще 3—4 месяца она будет находиться в типографии. Как получу сигнальный экземпляр, я постараюсь выслать Вам Вашу «Аскадачы от».

Я познакомился со стенограммой обсуждения произведений киргизских поэтов, которое проходило в Москве. Спасибо Вам за теплое слово обо мне. Но я огорчен тем, что мне о таком обсуждении не сообщили заранее. А с другой стороны, я не нуждался в таком поверхностном обсуждении. Вообще-то я до сих пор не нашел своего переводчика.

Вам желаю всего хорошего. Желаю новых творческих дерзаний!

Ваш Сооронбай Джусуев»[8].

В другом письме Сооронбай Джусуев поздравил Кулиева с выходом этой книги, явившейся событием в литературной жизни Киргизии.

«Дорогой Кайсын Шуваевич! От всей души поздравляю Вас с наступающим Новым 1970 годом и выходом Вашей книги на киргизском языке, на родном языке для Вас, — писал он 5 января 1970 года. — Книга вышла в последние дни 1969 года и пока еще не поступила в продажу. Я Вам выслал один экземпляр Вашей книги, который попал в мои руки как составителя Вашей книги. По мере выхода Вашей книги я постараюсь Вам выслать авторские экземпляры.

Ваши киргизские друзья все здоровы, пишут.

Во Фрунзе только 3-го января выпал первый снег толщиной в три сантиметра.

Ваши переводчики (в числе их я) постарались донести до киргизского читателя всю мудрость Вашей поэзии.

Желаю Вам всего хорошего! Пусть Новый 1970 год будет для Вас одним из счастливых годов Вашей жизни.

Жму Вашу руку! Сооронбай Джусуев»[9].

Первым откликнулся на радостное событие в жизни Ку-

---

[8] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 69.

[9] Там же, ед. хр. 27, л. 1.

лиева — присуждение ему Государственной премии СССР за «Книгу земли» — Аалы Токомбаев, прислав телеграмму: «Дорогой друг, от всего сердца поздравляю! Рад за Вас. Желаю дальнейших успехов и здоровья»[10]. А писатель Байтемиров от имени всех киргизских литераторов со свойственной ему искренностью писал: «Дорогой наш Кайсын! Мы все в Киргизии рады за Вас. Примите мое братское сердечное поздравление по случаю Вашей награды»[11]. Однако Камбаралы Бобулов послал и личное приветствие: «По-братски обнимаю Вас как поэта-пророка. Поздравляю высокой Государственной премией. Желаю новых песен, долгих лет уважения»[12]. Телеграмм было очень много. Все перечислить невозможно. Хотелось бы упомянуть еще одну — от Сооронбая Джусуева. Кулиев всегда душевно и по-доброму относился к нему. «Дорогой Кайсын-ага, — писал Сооронбай в телеграмме,— сердечно поздравляю Вас с лауреатством — Госпремией СССР. Желаю Вам долгой, интересной жизни, новых творческих радостей. Побратски обнимаю — С о о р о н б а й»[13].

С присуждением Государственной премии СССР за «Книгу земли» поздравляли Кулиева многие жители Киргизии, знавшие его лично и просто читатели, которые полюбили его стихи, переведенные на киргизский язык. Одной из таких была и Майрамкан. Она писала: «Многоуважаемый Кайсын-ага, сердечно поздравляю большой наградой. Желаю долгих лет жизни, больших творческих успехов и повседневного поэтического настроения»[14].

Письма Кулиеву — это одна из интересных страниц жизни поэта. Очень много говорят они о неповторимости его взаимоотношений с людьми разных наций. Именно с этой позиции и интересно письмо киргизского прозаика Сагындыка Емирбаева, который писал ему 30 августа 1975 года:

«Ассалам алейкум, акынъ-ага Кайсын Шуваевич! Среди многих миллионов Ваших почитателей я — один из них. Я горжусь Вашим большим достижением и огромным талантом. Это я говорю от чистого сердца. Дорогой земляк, в прошлом году журнал «Культура Киргизии» («Кыргыз-

[10] Там же, ед. хр. 113, л. 1.
[11] Там же, л. 24.
[12] Там же, л. 29.
[13] Там же, л. 124.
[14] Там же, л. 89.

стан маданияты») опубликовал материалы 1952—1953 годов, когда у нас были украинские поэты и Вы принимали активное участие в мероприятиях, связанных с пребыванием деятелей культуры и искусства Украины. Этот журнал я выслал Вам.

Кайсын-ага! Я сам прозаик, пишу песни, одну из них я посвятил Вам. Ваш огромный талант и Ваша человечность открыли мне дорогу в нашу литературу. Наверное, Вы помните эти годы и эти дни, когда я занимался вместе с Вами переводами стихов украинских поэтов на киргизский язык? Вы мне помогали. Благодаря Вам, Вашему умелому участию мне открылась иная жизнь — увлечение художественной литературой. Это я никогда не забывал и не забуду. Именно Вы приобщили меня к творчеству. Эти годы Вы, вероятно, не забыли, когда я опубликовал сборник песен. В этом была и Ваша большая заслуга. Свой творческий путь я начал с песен, но свое призвание я нашел в прозе. Опубликовал два романа «Бороондуу кундер» и «Телегей». Они вышли в массовом тираже на киргизском языке (дважды), известны читателям.

Кайсын-ага, это мой творческий отчет перед Вами. Сейчас роман «Телегей» находится в Москве, в издательстве «Советский писатель». Когда Вы были в июле на сессии Верховного Совета СССР, в то время и я был в Москве. Дважды искал Вас, но не нашел. Когда однажды я вечером пришел в гостиницу «Москва», то встретил Вашего сына Алима. Он сказал, что Вы улетели рано утром в Нальчик. До сих пор сожалею, что не встретил Вас.

Кайсын-ага! Вы являетесь сыном земли Киргизии и Кавказа, сыном двух народов — балкарского и киргизского. Киргизы так считают, гордятся Вами. Желаем Вам творческих успехов и ждем с нетерпением Вашего приезда»[15].

Интересно и другое письмо, присланное из города Таласа, Киргизской ССР, малоизвестным писателем Таланбеком Байгабыловым. В своем письме Таланбек вспоминал, как он встречался с Кайсыном в городе Таласе, когда проходили Дни советской литературы, и они вместе фотографировались на фоне природы, посещали школу, где тогда работал учителем Байгабылов. Эти для него памятные фотографии он выслал Кайсыну, просил его одну из них вернуть с

[15] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 30, л. 1.

автографом и на полстраницы написать свои воспоминания о пребывании в Таласе. «...Мне эти материалы очень нужны, так как я в школе веду литературный кружок и собираю литературно-краеведческие документы о пребывании в наших краях известных писателей и поэтов. Я сохраню их на всю жизнь. Ваша фотография с автографом и письмо обогатят мою наглядность в преподавании литературы и будут способствовать воспитанию чувств любви к родному краю и уважения к культуре других народов.

С глубоким уважением — Ваш брат Таланбек.

Мой адрес: г. Талас, ул. Ломоносова, д. 50»[16].

Учитель английского языка Афатупской средней школы Хадис Махмудович Улаков (Ошская область, Жангы-Жольский район) прислал письмо Кулиеву, написанное на киргизском языке, в котором он рассказал о своей судьбе. Киргизия для него стала, по его словам, «родной землей, и он связан с ней кровными узами»: женат на киргизке, однокурснице, с которой вместе учился в Ошском пединституте. Теперь она тоже работает в школе.

В своем письме Хадис Махмудович не просто рассказывал о себе, ему было важно мнение Кулиева о его стихотворении «Кыргызым» («Моя Киргизия»), написанном на киргизском языке, который стал для балкарца Улакова вторым родным языком. В этом стихотворении Кулиев увидел искреннее выражение чувств любви к киргизскому народу и его земле.

В конце письма Улаков сообщал, что стихи Кулиева в Киргизии знают и учителя широко используют его произведения на уроках родной литературы. «Я бесконечно люблю Вас и Вашу поэзию. Горжусь Вами»[17],— писал Хадис Махмудович.

Статьи Кулиева о творчестве А. Осмонова, Т. Уметалиева, А. Токомбаева, С. Джусуева, К. Маликова, Т. Абдумоминова, Ч. Айтматова и других литераторов обогащались глубокими высказываниями о традициях и новаторстве, о народности и правде в искусстве, о творческой индивидуальности художника. Так, в статье «Две весны Алыкула», написанной в связи с выходом в Москве (1976) в свет «Избранного» Алыкула Осмонова, Кайсын Кулиев сумел увидеть в творчестве самобытного мастера то главное, что

[16] Там же, ед. хр. 13, л. 2.
[17] Там же, ед. хр. 77, л. 1—5.

составляло сущность его поэзии. «Алыкул нашел неповторимые слова, ритмы, образы, краски, какой-то особый, «осмоновский» тон разговора, — писал Кулиев, — и стал, несомненно, новатором в лучшем смысле слова, обновив тематику родной поэзии, ее синтаксис, словарь, расширив образную систему, впервые смело и широко привнес в стихи разговорную речь. В поэзию Алыкула Осмонова вошли люди труда, строители и созидатели новой жизни — пахари, рабочие, чабаны, пастухи, садоводы, которых до него почти не было в киргизских стихах и поэмах»[18]. И чуть дальше: «У него было две весны: одну прожил он сам, а вторую переживают сегодня его песни» — так писал Кулиев в предисловии к этому сборнику стихов. А до этого, чуть раньше, Кайсын получил от Турбиной письмо от 4 октября 1973 года, в котором она благодарила поэта за написанное им предисловие.

«Дорогой Кайсын, — сообщала она, — спасибо Вам за добрые слова, сопровождавшие очень приятный материал об Алыкуле Осмонове. Мы его подготовили к печати. Дело теперь лишь за переводами (подстрочники мы передали Евгению Храмову). Поэтому не сетуйте на нас за не сиюминутную реакцию: опубликуем обязательно, как только получим переводы.

Всегда относящаяся к Вам тепло и нежно

Валеска Турбина»[19].

Памяти Алыкула Осмонова Кулиев посвятил цикл «Стихов, сказанных на Иссык-Куле», датируемых 1954—1955 годами. Первоначальное название было несколько иное. В сборнике стихов «Горы» (М., 1957) эти же стихи носят название «Иссык-Куль». Начало стихотворения создает впечатление взволнованной живой речи поэта, восхищенного синевой иссык-кульской волны, зеркальными водами озера, лазурными просторами неба:

Синева, какая синева!
Растерял я все мои слова
И теперь не ведаю — найду ль,
Чтоб воспеть красоты Иссык-Куль...[20]

Перевел *Е. Елисеев*

---

[18] *Кулиев К.* Две весны Алыкула // Литературная газета. 1976. 21 апр.

[19] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 181, л. 169.

[20] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 246.

Цвет — главное художественное средство выражения чувств и мыслей поэта. **«Синяя** рать волн», **«синева** волны», **«лазурный** простор», **«синий** порог», **«голубое, голубое** озеро» и т. д., выражая пафос этого стихотворения, передавали и внутреннее состояние автора: его восхищение и любовь к красотам Иссык-Куля:

Знать, недаром поэт Алыкул
Называл тебя зеркалом гор.
Переступишь твой синий порог
И оставишь здесь сердце навек!..
Равнодушным остаться бы мог
Только самый тупой человек[21].

В этом цикле стихов Кулиев выступал не как сторонний наблюдатель, пораженный необыкновенной красотой высокогорного озера, а как верный сын Киргизии, который восхищался живописными просторами земли Ала-Тоо.

Стихи-послания Кайсына к своим друзьям киргизского периода жизни в основном отличаются жизнерадостностью, пафосом утверждения светлых начал, победы добра над злом, верой в лучшее. Молодости свойственно это мироощущение, и идея трагического пройдет в стихах, написанных в больнице, когда поэт обращался к своим друзьям, зная свой близкий конец. Но тогда, в середине и конце сороковых годов — начале пятидесятых, поэт воспевал светлые тона природы и своих помощников-друзей. Таким является стихотворение, датируемое 1956 годом, — «Ласточка», обращенное к Сергею Фиксину. Казалось, что оно о самом прозаическом, о том, что в быту встречается каждый день; да и лексика несколько снижена — обыденная, разговорная.

Облака плывут по небу, как возы.
Молоком набухло вымя у козы.
Солнце шлет свои лучи во все концы.
Принимаются за дело кузнецы.
Чинят бороны, лопаты и плуги...[22]

Перевел *Е. Елисеев*

Но в любом кайсыновском стихотворении (и в этом, конечно) есть определенная мысль, отчетливо выраженная

[21] Там же. С. 277.
[22] Там же. С. 244.

с авторской позиции. Люди должны помогать друг другу, спешить делать добро, иначе жизнь и дела станут бессмысленными.

Литературно-критическая и поэтическая практика Кулиева среднеазиатского периода явилась хорошей школой для тех, кто только-только становился на путь прозаического или поэтического творчества. Он многим дал, как говорят, путевку в жизнь. Одним из них был Чингиз Айтматов. Айтматов тогда работал зоотехником и начинал писать. Как-то пришел в Союз писателей Киргизии и обратился к Кулиеву с просьбой прочитать его рассказ. Кулиев долго беседовал с начинающим молодым прозаиком, одобрил его творческие замыслы, поддержал как мог. Об этом факте вспоминали и они, и их друзья.

Обладая редким даром человеческого общения, умения объединить вокруг себя талантливых литераторов, Кулиев с первых же дней вписался в литературную жизнь Киргизстана. Шел плодотворный процесс взаимовлияния. Поэтическая дружба Кулиева с Аалы Токомбаевым и многими другими литераторами Киргизии способствовала его творческому созреванию, поддерживала стремление «держать равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни»[23]. Аалы Токомбаеву он посвятил стихотворение «Киргизстану», датируемое 1947—1955 годами.

Я ел твой хлеб, я воду пил твою,
Шел по твоим отрогам, в снег одетым.
Я руки в горном пожимал краю
Твоим табунщикам, твоим поэтам[24] —

Перевел *С. Липкин*

так писал Кулиев, обращаясь прежде всего к киргизскому народу, с которым он разделил свою судьбу, знал беды и радости трудного послевоенного лихолетья. Именно в это время Кулиев открыл для себя вторую родину, хотя истоки его гражданственности и родники, питавшие его творчество, остались далеко в милой Балкарии, с которой он снова повстречается в 1957 году («Разговор с родной землей»). Но и здесь, где прошли его долгие годы как поэта-изгнан-

[23] *Кулиев К.* Поэт и культура // Юность, 1972. № 12. С. 56.
[24] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 250.

ника, все ему дорого и все напоминало «малую» родину, землю отцов и дедов:

На звезды я твои смотрю: они,
Как будто в детстве, надо мной горели
Тем незабвенным звездочкам сродни,
Чей свет к моей струился колыбели.

Перевел *С. Липкин*

Киргизия воспринималась Кулиевым такой, какой она была в те годы: со всеми элементами новизны и старины, со всем укладом жизни и чертами духовного характера людей. В ней все есть: и «маленькая школьница живет», и «скакуны взбегают на вершины», и «спорит с буйным вихрем самолет», и «шаг верблюда, бег автомашины». Современный облик Киргизии разнообразен, но все приметы в равной степени близки и дороги поэту:

Твоих лесов и кряжей-исполинов
Люблю я красоту и высоту,
Ценю твоих охотников и чту
Твоих строителей, твоих акынов.

Я песню высоте твоей пою,
Твоим геологам и садоводам.
Я славлю землю щедрую твою,
Я песнь пою твоим полям, заводам.

Конечно, эти строки стихов посвящены Аалы Токомбаеву, но они в большей степени относятся к Киргизии и его трудовому народу. Поэт умел оценивать явления национальной жизни с гражданской точки зрения и подходил к интересам нации с точки зрения общечеловеческих интересов. Его «Киргизия» и «Стихи, сказанные в честь Киргизстана» в этом отношении очень характерны и убедительно свидетельствовали о миропонимании и мироощущении Кулиева тех лет. Значение этих стихотворений, идейно-тематически явно связанных между собой, вовсе не в том, что по ним можно судить о характере личных переживаний и настроений поэта этого времени («В похожих на балкарские ущелья оставил боль и молодость свою...»), а в том, что они звучали как гимн дружбе людей различных национальностей. Только согласие, взаимопонимание и уважение друг друга представлялись поэту основой мира и счастья. Он сумел искренне выразить большое чувство благодарности

киргизскому народу, принявшему в круг своей семьи горцев-спецпереселенцев в тяжелые дни Великой Отечественной войны:

Как матери мы помним молоко,
Мы доброты людей не забываем.
Мы помним хлеб, нам данный братским краем
В те дни, когда нам было нелегко[25].

Киргизия воспринималась им как родина, и он имел моральное и нравственное право уверенно сказать: «Я твой поэт. За все тебя благодарю я песней».

Эти стихи Кулиев прочитал в Киргизии, куда в 1975 году был приглашен для участия в Днях советской литературы. Читал он их у памятника великому певцу поэзии Токтогулу.

Вспоминая о Кулиеве, И. Склютаускас писал: «...балкарский поэт читал цикл стихов, посвященных Киргизии, ее благородным людям, оказавшим ему помощь в годы войны, что помогло ему выжить и испытать то великое и святое чувство, которое зовется дружбой народов»[26].

Вспоминая об этих годах, проведенных в Киргизии, а он провел здесь около 12 лет, Кулиев писал: «Во Фрунзе я переводил много, написал большое количество статей и очерков. Я писал эту газетную прозу по-русски...» И снова через несколько строк: «Я работал чрезвычайно много...»[27]. В творчестве Кулиев находил спасение от дум, сомнений, переживаний, а кроме всего прочего, работа давала материальный достаток. Ему приходилось заботиться о матери, сестрах, племянниках и других родственниках. «...Я счастлив,— писал он позднее в «Страницах автобиографии», — тем, что в тяжелых условиях не махнул рукой на жизнь. Мне остались дорогими снежные вершины и примятая трава у дороги, поэзия Пушкина и музыка Бетховена. Я никогда не забывал о том, что не зря Прометей похитил огонь для людей; а в том, что порой на земле горят дома, Титан не виноват. Как хорошо, что я никогда не проклинал жизнь и не считал ее никчемной. Это один из центральных мотивов всего мною написанного». Твердость духа и непоколебимая вера в справедливость, любовь

---

[25] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 251.
[26] Остаться в памяти людской. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 107.
[27] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 453.

к отчей родине, земле отцов открыто выражены в целом ряде стихотворений Кулиева, хотя они в этот период нигде не печатались. Об этом лаконично и точно сказал Мустай Карим: «Поэт остался верным в своей любви к жизни, ничуть не потеряв веры в доброе и прекрасное, ни своих убеждений...»[28]

Так, например, в стихотворении Кулиева «Праздник Октября в ауле» (1955) ясно выражены патриотический и гуманистический пафос его поэзии, верность горцев идеям тех, кто выслал их сюда:

Все мы — средь трудных, нерадостных дней,
Пусть хоть обида нам горло сжимала, —
Верили яростно в братство людей,
В гордый призыв «Интернационала».
Много я в жизни своей забывал,
Но не забыл я ни в громе, ни в гуле
То, как я пел «Интернационал»
В праздник у школы в осеннем ауле[29].

Перевел *Н. Коржавин*

Подобные мысли содержались в стихотворениях «Вера», «В стихах, написанных в день рождения», «Откровенный разговор», «Сыну», «Рисунок к заглавию», «Родной земле», «Дружба» (Расулу Гамзатову) и во многих других. Что же воспевал поэт в национальном характере горцев? Стойкость к невзгодам, терпение, воинственность предков, чуткость к вопросам чести и достоинства, уважение старейшин, обычаев и традиций народа. «Любовь к родному пепелищу» и вера возвращения к нему прошла в стихотворении «Тень орла» (1956).

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»[30]

Перевел *Н. Тихонов*

Слово «терпение» в стихах Кулиева этого времени не означало покорное повиновение жестоким властям — властям НКВД. За этим словом стояло совсем другое — высо-

[28] *Карим М.* Избранные произведения: В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 417.
[29] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 293.
[30] Там же. С. 223.

та несломленного духа.«Если горе придет, губы сожми и не страшись, будь достоин его», — писал Кулиев в 1945 году, когда решил последовать по стопам своего униженного народа, находившегося в ссылке. И, обращаясь к горцам, призывая их быть мужественными в беде, он писал в 1946 году: «Я песнь пою. Услышьте песню эту, в ней кровь и муки сердца моего». И снова: «Я песнь пою. Как шел Шамиль в бои, израненный, исколотый штыками, так я иду, неся стихи свои!»[31] (Перевел Н. Коржавин). За фактом истории освободительной борьбы Шамиля против русских Кулиев увидел нечто сущее для него и для его народа, который не должен терять мужества и славу предков.

Без мужества нет ни любви, ни свободы,
Ни дружбы, ни песни, ни дальних дорог,
И вот потому в эти трудные годы,
Как мужества знак, я целую клинок[32].

Перевел *Н. Коржавин*

Эти строки приведены из стихотворения «Рисунок к заглавию», датированного 1949 годом, когда Кулиев по-прежнему находился в изгнании. Отсюда, естественно, мотивы его душевной тоски по родному краю, свободе творчества и поэтического слова (писал он много, но печататься не имел права ни на одном языке). Сознание разобщенности своих соотечественников, разбросанных по Казахстану и Киргизии, страх перед карательными органами и самосознание неполноценности личности — все это вызывало в свободолюбивой душе поэта протест. Вероятно, поэтому он стал воспевать клинок: «Свободы клинок я теперь пою, пусть всем угнетенным он служит светом, пускай помогает он им в бою». К какому бою и к какой борьбе и против кого призывал поэт? Ведь он понимал бессмысленность устремлений к свободе личности! Целые народы были подвергнуты репрессии и находились в настоящей резервации. Конечно, клинок — это символическая условность народного гнева. Желаемое поэт выдавал за действительное, когда писал:

---

[31] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 136.

[32] Там же. С. 154.

Он создан из вечного гнева народа,
Из гнева народа и сердца его.
Над миром блистая как символ свободы,
Он вечно над рабством и злом торжество[33].

Перевел *Н. Коржавин*

Поэзия Кайсына Кулиева среднеазиатского периода по своей идейно-тематической направленности очень разнообразна. В своих стихах поэт стремился понять современников и когда он жил в Киргизии, и когда покинул ее. Но друзья остались с ним, в его сердце. И они не забывали Кайсына Кулиева. До самых последних дней своей жизни не теряли с ним связи, писали ему подробные письма о своей судьбе. Это Николай Удалов, Якуб Земляк, Вениамин Горячих, Елена Орловская, Аалы Токомбаев. Письма Николая Николаевича Удалова все хранятся в архиве Кулиева[34] (за 1972—1974 гг.).

Кайсын тоже интересовался их судьбой, переписывался с ними. Одним из таких людей был Якуб Земляк (Василий Сидорович Земляк). О многом говорит его письмо, направленное Кайсыну 24 февраля 1972 года.

«Дорогой Кайсын! Декабрь, январь и почти весь февраль я провалялся в больнице из-за своих «сердечных дел» (перенес два инфаркта). Тем не менее успел накануне послать тебе поздравление с Новым Годом и сувенирную книжку Шандора Петефи. Но, увы, — ни ответа, ни привета! Беспокоюсь, все ли у тебя благополучно, дорогой друг? Хоть коротко, дай знать о себе.

Правда, в «Литературной России» и других издательствах появились твои стихи, но они могли быть написаны значительно раньше. Мне говорили, что появился двухтомник Кулиева, но из-за болезни еще не познакомился с ним. Рад за тебя и от души поздравляю!

...Обидно, что так быстро пробежали годы, и незаметно наступила старость. (Это я говорю о себе.) В ближайшее время, если Бог даст силы, постараюсь закончить цикл «Задумчивых миниатюр» и сборник рассказов для местного издательства. Медленно, но верно готовлю книжку для библиотеки «Крокодила». Еще надо будет собрать все свои

---

[33] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 155.

[34] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 154, л. 6.

выпущенные книжицы (а их свыше тридцати) и, помимо «детинных», сатиру и прозаические сборники...

...Привет тебе от фрунзенских друзей. Будь здоров, счастлив!

Твой Куба»[35].

Стихи Кулиева Якубу Земляку всегда нравились—и когда он ему помогал в среднеазиатский период жизни, ему, спецпереселенцу, и сейчас, когда Кулиев стал знаменитым. Вот о чем писал он в другом письме Кулиеву: «Дорогой Кайсын! С волнением читал твои «Стихи, написанные во время болезни». Как много тебе пришлось пережить, испытать, как просто и мудро рассказал ты о думах и чувствах больного, о жажде жизни, побеждающей тяжелый недуг! Напиши, если можешь, что было с тобой? Как сейчас себя чувствуешь, чем (помимо творчества) собираешься укрепить свое здоровье?.. Набирайся сил, чтобы дать дрозда! Будь здоров, счастлив, дорогой Кайсын! Твой Куба»[36].

Кулиев всегда радовался весточкам от своих киргизских друзей, своевременно отвечал на письма и всегда просил писать подробно и обо всех: все ему было интересно, вплоть до бытовых мелочей. И Якуб Земляк ему писал подробные письма. Вот еще одно из них, от 29 июня 1972 года:

«Дорогой Кайсын! Снова я провалялся в больнице и потому не смог своевременно ответить на письмо. Тем не менее слушал твое выступление по радио в День Кабардино-Балкарии, читал напечатанные в периодике твои стихи и опубликованные в «Известиях» раздумья о поэзии и жизни.

Как много надо было пережить, переосмыслить, чтобы среди бушующих страстей, в «сплошной лихорадке буден» ясно, мудро и просто рассказать о главном. С нетерпением жду, когда «Колосья и звезды» выйдут отдельным изданием.

Еще: в «Литературной газете» и «Литературной России» видел снимки во время твоей поездки в Молдавию с группой писателей Российской Федерации. Значит, твой темперамент, вернее, сила воли, не смиряются перед болезнью и ты, несмотря ни на что, по-прежнему живешь в большом

---

[35] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 31, л. 1.
[36] Там же, л. 2—3.

творческом накале! Может, это и хорошо, но советую тебе, дорогой Кайсын, не только растрачивать, но и накапливать надо силы. Для будущего, ведь ты нужен многим людям и о многом еще должен поведать в стихах и прозе...

...Жизнь во Фрунзе идет своим чередом, как говорят, ни шатко, ни валко. Николай Удалый мужественно перенес инфаркт и начал писать роман о Токтогуле. Персональный пенсионер Сергей Фиксин где-то неудачно споткнулся, повредил ногу и пару недель провалялся в гипсе. Он приступил к своей работе директора поэзии «Литературный Киргизстан», недавно приобрел новейшей марки машину «Москвич» и, не унывая, живет со своей супругой, Кларой Леонидовной, в 3-комнатной квартире Дома писателей.

В своем письме ты просил еще передать привет Вениамину Горячих. Признаться, у него дела совсем неважные. Долго и терпеливо он лечился во Фрунзе и Москве, но, увы, без всякого улучшения. Теперь несколько слов о Елене Дмитриевне Орловской. Пару лет назад она обменяла свою квартиру на Советской и сейчас проживает по ул. Баетова, № 94, кв. 8. Давно ушла на пенсионный отдых, но не теряет связей с редакцией «СК», где у нее много близких друзей. В последнее время у нее плохо со зрением. Лечилась в глазной больнице, и там, навестив ее, я рассказал о твоем письме. Она хотела списаться с Евгением Борисовичем (сыном Пастернака), но не знает адрес. Просила связаться с ним Ивана Алексеевича Лихачева («дон Родриго») и передала ему копии писем Б. Л. Пастернака, а если потребуется, может выслать и оригиналы. Сказала, что както давно написала тебе, но не получила ответа; решила, что новые впечатления вытеснили из твоей памяти старых друзей и годы, проведенные во Фрунзе.

Я постарался разубедить в этом Елену Дмитриевну, рассказав о твоей нелегкой судьбе, несмотря на известность и славу. Мы вспомнили былые годы, когда часто встречались, когда близость друг к другу помогала нам жить и преодолевать трудности.

Общение с тобой, Кайсын, оставило в моей душе яркий след, и я всегда с благодарностью вспоминаю о тебе, дорогой друг Кайсын!

...Фрунзенские друзья гордятся тобой и шлют свои самые лучшие и добрые пожелания!

Привет Д. Самойлову, Н. Гребневу, В. Левику и товарищам из «Литературной России»!

Твой К у б а»[37]

Многие из тех, кого знал Кулиев, малознакомые писатели и критики из молодого поколения, желая написать о нем книги, критические статьи, очерки, эссе, обращались к поэту с просьбой прислать свои воспоминания о прожитых годах в Киргизии. Об этом просил и Султан Алымкулович Токтогонов в письме Кайсыну Кулиеву от 11 декабря 1973 года[38].

Не все просьбы Кулиев выполнял своевременно: он был всегда очень занят, а последнее десятилетие постоянно болел и много раз лежал в различных клиниках столицы. Но все письма, которые он получал из Киргизии и из других мест, в которых говорилось о его друзьях по Союзу писателей Киргизии, были для него интересны. Как и то, которое написал бывший военный летчик Анатолий Васильевич Виноградов, живший в одно время с Кулиевым во Фрунзе. Письмо датировано 26 марта 1978 года. В нем говорилось:

«Мне попала Ваша книга стихов «Говорю людям». Я вспоминаю Вас, когда Вы жили в г. Фрунзе, и всегда при встрече Вы любезно здоровались со мной. Ваша доброта, улыбка запомнились мне хорошо.

Сообщаю Вам печальную весть: 15 февраля умер знакомый Вам поэт Сергей Андреевич Фиксин. Мне прислали некролог из «Советской Киргизии». С Сергеем Андреевичем я был хорошо знаком, и изредка мы с ним переписывались. Ваши стихи я очень люблю.

С приветом А. В. В и н о г р а д о в. Город Новочеркасск, ул. Пушкинская, 119»[39].

Прочитав это письмо, Кулиев очень огорчился, так как хорошо знал Сергея Фиксина по работе в Союзе писателей Киргизии. Вспомнил он телеграмму, которой Сергей Андреевич поздравлял его с 60-летием в ноябре 1977 года. «Крепко обнимаю старого друга, большого поэта, душевного человека, — писал он. — Поздравляю Вас со вторым юбилеем!»[40] И вот теперь его не стало. Для Кулиева это

---

[37] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 31, л. 5—6.
[38] Там же, оп. 2, ед. хр. 152, л. 1.
[39] Там же, оп. 6, ед. хр. 29, л. 25.
[40] Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 28.

была большая потеря. Уходили из жизни те, с кем он много лет работал вместе.

Во Фрунзе Кулиев был знаком не только с писателями, поэтами. Среди его знакомых были и скульпторы, и художники, и композиторы, которые писали ему письма, искали его благосклонности и дружбы. Скульптор О. Мануйлова была одной из них. Она жила во Фрунзе с 1939 года, имела несколько сотен скульптурных работ и художественных полотен. Еще в 1937 году в Кисловодске она сделала два фонтана для дома отдыха. Была и в Нальчике, выполнила несколько работ для садов и парков республики, с интересом изучала эпос Кабардино-Балкарии и создала группу — «Молодая девушка с бегущим оленем». Этот эскиз сохранялся у нее много лет. В одном из писем она писала Кулиеву: «Я так люблю Кавказ! У меня много друзей-кавказцев. И сколько я лепила их бюсты и барельефы! Знакомы ли Вы были во Фрунзе со скульпторами — Артуром Геворкяном, Русланом Гудушаури (он переменил теперь фамилию на Мамилова), живет в городе Грозном и там работает скульптором в Чечено-Ингушетии, а учился он у меня.

...Лепила я и 106-летнего старика-чеченца, когда чеченцы жили, как и балкарцы, в Киргизии. В 1957 году он вылетел самолетом в город Грозный. Тогда ему было 114 лет. Он умер на своей родине. Его бюст стоит у меня.

Я дружила с Махмудом Эсембаевым. Я и его лепила — во время танца и ему подарила две небольшие фигурки — танец «Золотого бога»[41].

Кулиев знал ее по работам, которые украшали парки, кинотеатры, улицы, памятные места, вестибюли театров и других общественных зданий Киргизии. Она была заслуженным деятелем искусства Киргизской ССР.

В 1975 году во Фрунзе проходил съезд Союза писателей, на котором выступал Кулиев в числе приглашенных гостей. Среди гостей была и скульптор О. Мануйлова. Потом, вспоминая об этом съезде, она писала поэту 29 сентября 1975 года:

«Многоуважаемый, дорогой Кайсын, я была на съезде писателей в театре оперы и балета. Вы выступали... Я так хотела с Вами побеседовать — ведь мы так давно были знакомы! Но Вы быстро ушли, и мне не удалось Вас встре-

---

[41] Там же, оп. 3, ед. хр. 52, л. 1.

тить. Почему Вы не зашли ко мне? Я так ждала Вас! Я живу и работаю во Фрунзе уже более 36 лет. Здесь я дружила с семьей Кубановых. Теперь они живут в Карачаевске. Один из братьев Кубановых тоже был тогда молодым скульптором. Писем от них не получаю.

Я очень люблю Кавказ: так он красив и природой, и горами, и лесами, и людьми...

Все время тружусь. Обучаю молодежь. Желаю Вам всего хорошего. Да, очень, очень жалко, что Вы не зашли ко мне.

Будьте здоровы. О. Мануйлова.

Мой адрес: 120000, Фрунзе, ул. Красноармейская, 108. Буду рада получить от Вас письмо»[42].

Встретились они через много лет, снова во Фрунзе.

Известны письма председателя комитета по радиовещанию и телевидению Киргизской ССР к председателю радиокомитета и телевидения КБАССР с просьбой сообщить о возможности участия Кайсына Кулиева во впервые подготовленной программе о нем киргизским радио (12 октября 1970 года).

Говоря о Киргизии, хотелось бы вспомнить добрым словом Сергея Васильевича Иванова, с которым Кулиев познакомился в 1942 году, когда после ранения в боях попал в чебоксарский госпиталь. Краткая дружба с военным корреспондентом Сергеем Ивановым оставила в душе Кулиева неизгладимый след.

Через несколько лет, находясь на положении спецпереселенца во Фрунзе, Кайсын написал Сергею Иванову письмо (21 июля 1953 года). Переписка между ними — сама по себе удивительная — позволяет глубже понять неповторимую судьбу балкарского поэта, ощутить особую сложность политической атмосферы того времени, когда многое умалчивалось из-за боязни навредить друг другу. Итак, обратимся к письму Кулиева.

«Дорогой Сергей Васильевич! — писал Кайсын. — Все эти одиннадцать лет я не забыл Вас, часто вспоминал. Я помню наши встречи в милом городе Чебоксары в те очень суровые годы, о которых я вспоминаю теперь с какой-то необъяснимой тоской.

Мне как-то все время не удавалось связаться с Вами. Я помню Ваши добрые слова о моих стихах, заботу о них и

---

[42] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 52, л. 2.

Ваши высоко-человечные отношения ко мне. Я помню наши беседы на берегу Волги. Я тогда просто полюбил Вас, навсегда мне запомнился Ваш очень живой характер.

С 1945 года я живу во Фрунзе. Меня сейчас нет в литературе, но это не зависит от моего дарования. **Воля судьбы.**

Сегодня я перечитывал Вашу книгу о Лермонтове (новое издание). И мне захотелось непременно написать Вам хоть несколько строк. **Но получите ли Вы мое письмо — не знаю.**

Как Ваше здоровье, работа? Напишите мне, пожалуйста, я буду очень рад Вашему письму...

Желаю Вам доброго здоровья, радости. Обнимаю Вас.

Кайсын Кулиев»[43].

Прошло 17 лет. Письмо это хранилось у С. В. Иванова. Изменилась политическая атмосфера, балкарцы были возвращены на родину, Кулиев стал известнейшим поэтом. Сергей Васильевич к этому времени заканчивал книгу воспоминаний об интересных людях, с которыми он встречался на своем жизненном пути. И 19 октября 1970 года он писал:

«Дорогой Кайсын! Я пишу сейчас воспоминания. Мне очень хотелось бы включить в книгу несколько страничек о Вас. Я недавно перечитывал Ваше дорогое для меня письмо от 1953 года, и снова, в который уже раз, пережил нашу встречу в Чувашии в 14-й дивизии.

Но без Вашего разрешения я не считаю возможным опубликовать эти несколько страничек, и поэтому прошу сообщить, не возражаете ли Вы против включения в книгу. Если нужно, вносите Ваши исправления.

И еще: может быть, Вы пришлете мне одну из Ваших книг с автографом? Это была бы для меня большая радость.

Я по-прежнему люблю Вас, крепко обнимаю.

Ваш Иванов.

Мой адрес: Москва. В-454. Пр. Вернадского, 22, кв. 72. Тел.: 131-03-39. Иванов Сергей Васильевич»[44].

К письму он приложил свой очерк о Кулиеве, который решил включить в книгу воспоминаний. «Горец с Кавказа» — так он решил озаглавить свое слово о Кайсыне. Для

---

[43] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 125, л. 4.
[44] Там же, л. 7.

будущих исследователей биографии Кулиева. будущих кайсыноведов, очерк может быть интересным. Приводим его полностью.

«В 1953 году, в Москве, я получил письмо из г. Фрунзе от Кайсына Кулиева. Читая его письмо, я вновь пережил первую встречу с ним.

...1942 год, один из самых тяжелых периодов в войне против фашистских захватчиков.

Я служил в эти годы в 14-й дивизии, дислоцированной в столице Чувашской республики — Чебоксарах, работал в дивизионной газете, часто разъезжал по полкам дивизии, разбросанным по разным городам Чувашии.

В августе или в сентябре того же года в 95-м полку дивизии, стоявшем в живописных местах на берегу Волги, против Чебоксар, я познакомился с только что прибывшим в полк после ранения на фронте молодым офицером, горцем с Кавказа, балкарцем по национальности, с Кайсыном Кулиевым. Невысокого роста, стройный, говоривший по-русски со своеобразным горским акцентом, — он как-то сразу пришелся мне по душе. Я не знал тогда его как поэта, хотя стихи Кайсына изредка появлялись в центральных газетах. А когда узнал его стихи, еще больше полюбил его: и как человека, и как поэта.

На протяжении нескольких месяцев мы часто встречались. Места здесь прекрасные (недаром до войны в зданиях, занятых 95-м полком, располагались бывшие дома отдыха и пионерские лагеря), красивые луга, леса и главное — красавица Волга...

...Не раз ходили мы с Кайсыном по берегу Волги и говорили, говорили. Сейчас трудно припомнить все, о чем мы тогда говорили. Но помню главное: мы говорили о стихах Лермонтова и Кулиева. Поэзию Михаила Лермонтова Кайсын любил горячо и всегда говорил о нем с какой-то особой радостью. И я любил Лермонтова столь же горячо. Об этом великом русском поэте я написал несколько книг.

Стихи Кайсына тоже заворожили меня. Он писал о войне, о человеке на войне, о горцах-солдатах. Это были мужественные стихи поэта, кровь свою пролившего в боях с фашистскими захватчиками, ни на минуту не сомневавшегося в нашей победе. И в то же время в стихах Кайсына была глубочайшая лирика. Стихи были нежны, красивы, как сам Кайсын. Это были стихи поэта, влюбленного в свои горы и реки, в своих земляков-кавказцев — горцев. И в

то же время горячо любившего нашу огромную страну.

— Кайсын, эти места красивы?— спрашивал я его.

— Да, очень красивы, — отвечал он. —Но наши красивее.

— Но ведь у вас нет Волги, этой русской красавицы-реки.

— Волга, — задумчиво произносил он. — Волга! Такой другой реки нет, пожалуй, во всем мире. Но у нас есть горные реки. Они неширокие, но какие же они замечательные! Они певучие. Слушаешь их журчание и слышишь песню — чудесную, красивую, иногда грустную, печальную, но больше мужественную, смелую, как сердце горца. Но вы не огорчайтесь, друг, я люблю эти места, люблю Волгу, люблю Чебоксары. Но ведь я — горец, а наши места — это моя родина, а родину всегда любишь больше всего.

Потом Кайсын задумался, глядя на Волгу, и сказал:

— Да, Волга! Но у нас есть моя родная речка — Чегем, она бежит с камня на камень, бушует, звенит и поет. Ах, Чегем, Чегем. Умирая, буду о тебе думать.

Я вспоминал эти слова Кайсына, когда читал недавно опубликованные его стихи:

Когда час мой настанет последний,
Покажите мне белую гору,
Дайте выпить воды родниковой
Из Чегема — хотя бы глоток...

...Но недолго продолжались встречи с Кайсыном. Внезапно он исчез, в 95-м полку его не было. Кого только я ни расспрашивал о поэте. Никто ничего о нем не знал. Пропал человек...

И вот через десяток лет я получил от него это милое, трогательное письмо из Киргизии. «...Меня сейчас нет в литературе, но это не зависит от моего дарования, — писал он.— Воля судьбы». Замечательный поэт вне литературы — это было страшно. Но никакие превратности судьбы не подкосили Кайсына. Талант его окреп, постоянно появляются его новые книги, стихи переводятся на языки многих народов. Он стал всенародным поэтом. Чудесно творчество балкарского поэта!

Встречи с ним в Чувашии в 1942 году оставили глубокий след в моем сердце. Горячий привет Вам, горец из селения Верхний Чегем!»[45]

---

[45] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 125, л. 2—7.

Письма старых друзей Кулиева — это всегда память о прошлом, о том, что было с Кайсыном в годы войны или в послевоенный период его жизни во Фрунзе. Об этом письмо жены писателя Федора Ивановича Самохина, с которым дружил Кайсын Кулиев и не раз бывал в его доме. «...Ведь тогда Вы были в Киргизии и нам приходилось даже встречаться с Вами близко, и были Вы в нашем доме, — напоминала она Кулиеву. — А сейчас Вы такой большой человек, и мы с мужем о Вас очень хорошо вспоминаем. Моему Федору Ивановичу в этом году исполнится 60 лет, 12 февраля, и вот поэтому, подумав о Вас, я написала... Он уже 35 лет как на протезах, и как ему трудно все эти годы. А ведь он всю жизнь шагал в ногу с людьми. Вы хорошо знаете, что он с 1949 года работает в Киргизии и пишет книги...» Далее она писала о том, что стихи Кайсына они знают и часто читают их в «Литературной газете», слушают его выступления по телевизору, желают ему здоровья и успехов. Приглашала она Кулиева на юбилей мужа и надеялась на то, что Кулиев поздравит Федора Ивановича с его 60-летием. В конце письма она приписала: «С большим приветом и уважением к Вам. Ваши поклонники стихов, особенно я люблю Ваши стихотворения о женщинах. Наш адрес: г. Фрунзе — 720044, ул. Сухомлинова, 24 «а», кв. 23. С уважением — Раиса Ильинична Самохина. 22 января 1978 г.»[46].

Не забывали Кулиева и его друзья из Союза писателей Киргизии. В связи с его 50-летием со дня рождения они писали: «Дорогой Кайсын! Киргизские писатели, среди них твои близкие друзья, кровные братья, горячо поздравляют тебя от всей души с 50-летием! Твой вклад в киргизскую литературу, который ты внес, мы и весь киргизский народ никогда не забудем. Благодаря твоим переводам с киргизского на русский язык произведения киргизских писателей стали известными не только в Советском Союзе, но и в других странах. Киргизия для тебя стала второй родиной. Написанные тобой стихи о нашей республике знает каждый киргиз, рожденный у подножия Ала-Тоо, который ты так горячо любишь. Мы знаем, что для тебя Ала-Тоо, Сусамыр, озеро Иссык-Куль так же дороги, как и твой родной Чегем, Эльбрус, Казбек и Ушба.

Дорогой Кайсын Шуваевич, каждый киргиз тебя счи-

[46] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 22, л. 1.

тает кровным братом, бесконечно любит. Твои книги являются украшением их библиотек. Книги твои служат нам духовно-нравственной ценностью. От всей души горячо поздравляем тебя мы, киргизские писатели, и желаем тебе доброго здоровья, больших творческих успехов.

Кайсын-агай, киргизы никогда не забудут те годы, в которые мы вместе работали с Вами.

Обнимаем тебя, дорогой брат! Союз писателей Киргизии»[47]. Под письмом стояло десять подписей.

...Большим другом Кайсына Кулиева был Чингиз Айтматов, творчество которого Кайсын ценил очень высоко. В книге «Так растет и дерево» Кулиев писал: «Любой крупный национальный художник приходит к человечеству, идя от своей земли, от своего народа, его опыта, мудрости и света его души, от молока матери, от хлеба и воды своей родины, от ее красоты.

В этой связи я назову лишь два замечательных имени двух наших современников. Это Мартирос Сарьян и Чингиз Айтматов. Ведь Айтматов пишет только о Киргизии, все его герои — киргизы, а он на наших глазах стал мировым писателем, судьбы своих земляков он сумел сделать всечеловеческими»[48]. Эти два имени — Мартироса Сарьяна и Чингиза Айтматова — Кулиев поставил рядом не зря. Они для него — вершина в художественном творчестве. С ними он дружил и высоко ценил их как художников и друзей. В каждый свой приезд в Киргизию Кулиев встречался с Чингизом Айтматовым, они много говорили о литературе, о своих судьбах и личных делах. У того и другого росли сыновья, забота о которых всегда волновала их.

Чаще всего Кулиев и Айтматов встречались во Фрунзе или в Москве, когда проходили Дни советской литературы. Так было и в 1974 году, когда 15 сентября Кулиев приехал во Фрунзе, где проходили Дни праздника муз. Он входил в число большой группы писателей во главе с секретарем правления СП СССР А. Чаковским. Кулиев всех хорошо знал, был со многими в большой дружбе. В состав делегации входили: А. Алимджанов, В. Бахревский, Э. Вахидов, А. Веян, И. Волобуева, Д. Гранин, Р. Давоян,

---

[47] Там же, оп. 2, ед. хр. 209, л. 2.

[48] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 379.

С. Данилов, Д. Жалсараев, С. Липкин, И. Лиснянская, И. Тарба, Л. Шерали, И. Юсупов.

Устроившись в гостинице, Кулиев вышел побродить по знакомым местам. Позвонил друзьям, с которыми долго не виделся, поблагодарил Н. Н. Удалова за его теплые слова о нем, за статью на сборник стихов «Огонь на горе»[49].

Через год Кулиев снова встретился со своими киргизскими друзьями и конечно с Чингизом Айтматовым. Они побывали на новостройках, восхищались Токтогульской ГЭС и Кировским водохранилищем, беседовали со скотоводами, рабочими, и Кулиев везде выступал — читал свои стихи, рассказывал о своей поэтической судьбе. На встрече с тружениками полей и ферм в колхозе «Монас» Кулиев сказал: «Меня очень обрадовали перемены в Киргизии... Я увидел богатую и прекрасную республику. Создан новый могущественный эпос — рукотворный! — главами его являются Токтогульская ГЭС и Кировское водохранилище, вся новь республики»[50]. На торжественном открытии Дней советской литературы Кулиев закончил свое выступление стихами, посвященными Киргизии:

Поклон земле, где в песнях жив Монас,
Земле, где вырастал мой друг Чингиз,
Где звезды он увидел в первый раз
И реки, с гор стремящиеся вниз!

Когда организаторы Дней советской литературы предложили гостям посетить город Ош или Талас, то Кулиев выбрал родину своего друга Айтматова и поехал с группой писателей в Талас, где выступил на литературном вечере и прочитал стихотворение «Земле, которая вырастила моего друга Чингиза».

Прославляя в своих стихах тружеников полей и рабочих новостроек, Кулиев обращался к ним как к своим соотечественникам, с которыми он прожил долгие годы и помнил их еще молодыми:

Киргизы-братья! Травам и горам,
Подпершим небо с четырех сторон,
Достойным детям, славным мастерам,

---

[49] *Удалов Н. Н.* Среди друзей. Фрунзе: Киргизстан, 1975. С. 47—57.
[50] Литературная газета. 1975. 1 окт.

Народным мудрецам и мастерам,
Наследникам Монаса мой салам!

Перевел *Н. Гребнев*

Всем Кулиев нашел в своем сердце доброе, душевное слово: и прославленным художникам, и простым людям труда. Еще до возвращения на родину в очерке «Песня» Кулиев взволнованно рассказал о своей поездке в горный колхоз «Чолпон» (1952), где он встретился с замечательным человеком, человеком большой душевной красоты — учительницей Аим Кельгеновой, вдовой Темирбека Турсунбекова, погибшего в Севастополе весной 1944 года. Кулиев знал его и вот теперь решил навестить вдову, чтобы рассказать ей, как они вместе воевали в годы Великой Отечественной войны. В этом очерке поэту удалось воссоздать духовный облик одной из первых киргизок, еще в послевоенные годы получивших педагогическое образование и несших свет знания своему народу.

...В 1977 году Кулиеву исполнилось 60 лет со дня рождения. На его юбилей приехали Михаил Дудин, Мустай Карим, Карло Каладзе, Зульфия-ханум, Сергей Михалков, Давид Кугультинов и многие другие. Приехал и Чингиз Айтматов. Жили они тогда в гостинице «Россия», и Кайсын все время проводил со своими дорогими друзьями. Чингиз Айтматов вместе с супругой побывал на Чегемских водопадах, был и на родине поэта в Верхнем Чегеме, много фотографировался вместе с Кайсыном Кулиевым и с его односельчанами, преподнес подарки Кайсыну — национальный мужской наряд — чапан и колпак. Выступая на торжественном заседании в Музыкальном театре Нальчика, Ч. Айтматов сказал прекрасные слова о своем старшем друге, о его трудолюбивом, многострадальном народе, который долгие годы жил вместе с киргизами в тесном содружестве.

Поздравляли Кулиева с 60-летием и многие партийные и советские органы, руководители предприятий, колхозов и совхозов, директора школ, студенты, преподаватели вузов Киргизии. Так, секретарь Нарынского обкома партии Киргизии Телек Ишемкулов писал: «Глубокоуважаемый Кайсын-ага! Горячо и сердечно поздравляю Вас, выдающегося советского поэта, воина-солдата, гражданина, интернационалиста, прошедшего нелегкий путь борьбы и со-

зидания. Поздравляю Вас с замечательной вехой — с 60-летием и награждением высокой наградой.

От всей души желаю Вам крепкого, как сталь, здоровья, долгих лет счастливой, безоблачной жизни, немеркнувшего солнечного света Вашей глубоко человечной лирики. С искренним чувством Т. Ишемкулов»[51].

Из Москвы дал телеграмму молодой киргизский писатель Ашим Джакымбеков. «Приветствую Вас в день Вашего славного 60-летия, — писал он. — Ваш брат из Киргизии. Желаю Вам долгих лет жизни во имя Балкарии»[52].

Были письма к Кулиеву и на киргизском языке. Одним из таких теплых и душевных посланий было небольшое письмецо от Будайбека Сабыр-Уулу, которое он передал через своего знакомого Руслана, вылетавшего из Фрунзе в Нальчик. «Кайсын-аке! От всей души поздравляю Вас с юбилеем. Посылаю Вам через молодого джигита Руслана бальзам «Арашанды»,— писал он.— Бальзам изготовлен из высокогорных трав Ала-Тооу, чтобы Вы попробовали аромат запаха альпийских лугов родных Вам киргизских гор. Желаю Вам, дорогой мой брат, долгой и счастливой жизни, больших творческих успехов»[53].

В 1978 году Чингизу Айтматову исполнилось 50 лет, и народ чествовал своего юбиляра, Героя Социалистического Труда, академика, лауреата всех Государственных премий. Кулиеву сообщали: «Дорогой Кайсын Шуваевич, приглашаем Вас принять участие в торжественном вечере, посвященном 50-летию со дня рождения Чингиза Айтматова, который состоится 12 декабря в г. Фрунзе. Просим своевременно сообщить день прибытия и рейс самолета по адресу: Фрунзе, Пушкина, 70, СП Киргизии. Первый секретарь СП Киргизии Аскаров»[54].

По этому случаю были заранее заготовлены приветственные адреса в красивых папках, подарки, речи, опубликованные статьи. Казахские писатели подарили Айтматову чистокровного коня в полной сбруе. Олжас Сулейменов вручил прославленному прозаику старинный пояс XVI века, Кайсын Кулиев — кинжал с золотой рукояткой. Было много других подарков. Это чествование проходило в декабре 1978 года. Тогда Кулиев сказал:

---

[51] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 21.
[52] Там же, ед. хр. 70, л. 89.
[53] Там же, оп. 6, ед. хр. 29, л. 14.
[54] Там же, ед. хр. 42, л. 19.

— Я объездил весь мир и убедился в том, что самый читаемый, самый чтимый советский поэт в зарубежных странах это — Чингиз Айтматов.

Кто-то с места бросил реплику:

— Ведь Айтматов — прозаик!

— Ошибаетесь, — ответил Кайсын, — идите и читайте его заново, он — поэт в прозе!..

Об этом рассказал участник юбилея, поэт Вилайет Рустамзаде в одной из своих статей. И еще одно воспоминание Рустамзаде. Процитируем его полностью: «Всех, кто чествовал Чингиза, председательствующий представлял со всеми титулами, званиями и т. п. Когда очередь дошла до Кайсына Кулиева, председатель обратился к собравшимся: «А теперь слово имеет Кайсын...» Фамилию досказать зал ему не дал возможности. Все встали и почти десять минут аплодировали. Кайсын-ага с трудом успокоил их. В глазах его блеснули слезы. В президиуме плакал и я. Тогда я подумал: Кайсын-ага, оказывается, больше киргизский поэт...»

Дружба этих двух выдающихся людей знаменовала собой и содружество народов — киргизского и балкарского. И как бы ни складывалась их дальнейшая судьба, от фактов истории никуда не уйти. Были и закономерности развития новописьменных литератур и различные проблемы. В процессе взаимосвязей и взаимодействия народов и их литератур есть имена, которые позволили национальным литераторам органически вписаться в систему культуры мировой цивилизации. Кайсын Кулиев и Чингиз Айтматов — одни из них. Пройдут годы, и Ч. Айтматов станет в конце 90-х годов пользоваться большим авторитетом как крупный общественный деятель, последовательно отстаивающий общечеловеческие ценности и идеи гуманизма. В Штутгарте (ФРГ) 25 июня 1998 года Чингизу Айтматову вручили высокую награду и присвоили звание лауреата ежегодной премии имени Александра Меня «за выдающийся вклад в дело духовного и культурного сближения народов, строительство общеевропейского дома»[55]. Но все это произойдет уже после смерти поэта Кайсына Кулиева. Не будет его и на юбилее Айтматова, которого он называл «своим великим братом». 70-летие со дня рождения Чингиза Айтматова широко отмечали в июне 1999 года на его

[55] *Хлебников Б.* За сближение культур // Труд. 1998. 6 марта. С. 8.

родине — в столице Киргизии Бишкеке и в аиле Шекер. До этого были Турция, Бельгия, Лондон, Париж, Токио, еще несколько стран стояли в очереди, чтобы отметить дату рождения великого киргиза, книги которого переведены в 154 странах. К сожалению, Россия не приняла участия в главном торжестве: было лишь зачитано письмо от Евгения Евтушенко.

Аналогичное отношение Москвы было и к Кулиеву, когда в ноябре 1997 года отмечали 80-летие со дня его рождения. Такова реальность агрессивно-продажного времени, исключающего российскую культуру, которая сыграла большую роль в творческих судьбах Ч. Айтматова и К. Кулиева, в том числе роль проводника к международному признанию. «...Россия не была представлена никак,— писала Ядвига Юферова о юбилее Айтматова.— Недосуг. Все топчемся на кремлевском подворье, там — наша культура смутного времени... Не первый раз с горечью замечаю: в странах СНГ Россия, по недомыслию, уходит с высот, завоеванных блеском слова, мысли и таланта. Культурно-информационное влияние не входит в зону государственных интересов...»[56]

Кулиев знал, что он уйдет из жизни раньше, чем его прославленный друг. Разница в возрасте у них — 10 лет, но не в этом была причина. Кайсын тяжело болел и знал о своем близком конце. В 1985 году он написал стихотворение «Только так». Адресовал его Чингизу Айтматову. Оно входит в цикл стихов «Зимняя тетрадь». Эти стихи Кайсын писал, находясь на лечении в больнице.

Только идя вперед, только так:
Высоко держа совести стяг,
Не роняя стяг мужества и доброты
У последней, у смертной черты[57].

Перевел *Л. Шерешевский*

Что хотел сказать Кулиев другу? Об их причастности к тому, чему были свидетелями и несли ответственность за все происходящее? Эти раздумья поэта сопровождались воспоминаниями о пережитом: «Так упасть, только так,—

[56] Известия. 1999. 3 июля. С. 4.
[57] *Кулиев К.* Говорю людям. М., 1985. С. 102.

как бывало в бою: если уж погибать, — то шагнуть не назад, а вперед, чтобы пуля тебе угодила не в спину, а в грудь!» Для Кулиева Великая Отечественная война — это высшая нравственная мера поступков и поведения человека, когда утверждались моральные нормы и гуманные принципы в отношении друг с другом. В этом стихотворении — сочетание трагического с романтическим. Юность, по мнению поэта, — это время утверждения идеалов, важных нравственных норм, которых и должен придерживаться человек до последних дней жизни.

Вот так и мы, шагая вперед,
Рухнем в последний миг,
Не роняя из рук нашей юности стяг.
Так упасть, только так,
Только так![58]

Чингиз Айтматов знал об этом стихотворении и был благодарен поэту за его внимание и поэтический подарок. Он понимал, что Кайсын Кулиев, обращаясь к годам Второй мировой войны, к героическому прошлому всех народов бывшего Союза, искал духовно-нравственные ориентиры, на которые должны опираться последующие поколения. Идея преемственности поэтических традиций и общечеловеческих норм поведения — важные мотивы для художественной литературы. Айтматов всегда понимал своего друга с полуслова, с одного намека...

В день траура, в часы прощания с К. Ш. Кулиевым Чингиз Айтматов прилетел из Фрунзе. Он провожал своего друга в последний путь. «Прощай, мой великий брат!— говорил он. — Сегодня мы стоим перед лицом неумолимой и невосполнимой утраты. И нет ничего удивительного в том, что в этот скорбный день собралось столь многолюдное народное присутствие на кабардино-балкарской земле, что многие из нас срочно прибыли сюда из разных концов страны. Так оно и должно быть, ибо речь идет о непомерно большой утрате балкарского народа, и, быть может, самой большой на протяжении всей его истории, ибо речь идет о человеке, с именем которого связано современное понятие балкарской национальной культуры как таковой...

Прощаясь с Кайсыном Кулиевым, мы воздаем сегодня

[58] Там же.

его памяти те почести, которые он заслужил своей уникальной чегемской поэзией, равноценной целому открытию в мире художественного творчества, те почести, которые достойны величия его духа и мысли, его гражданскому мужеству и праведности перед лицом сложнейших перипетий судьбы личного и общего порядка...

Прощай, мой великий брат Кайсын! Ты был нашим знаменем в большой литературе. Да продлится твое посмертное время как неугасимое наследие в новых потомках на твоей земле и всюду, где живет бессмертное слово поэзии!»

Киргизский народ увековечил память Кайсына Кулиева, назвав одну из центральных и красивейших улиц в г. Бишкеке именем поэта. Азиза Махиева вспоминала: «Когда узнали об этом, то балкарцы и киргизы, живущие в Иссык-Кульской области, приехали во Фрунзе, чтобы познакомиться с этой улицей и пройти по ней и убедиться, увидев название: «Улица имени Кайсына Кулиева». Среди тех, кто приехал, были известные механизаторы Келет Кучмезов, Адыл Жабоев и студенты Лиза Созаева, Марьям Биттирова и другие»[59].

Кулиев был сыном двух братских народов — балкарского и киргизского. Он в равной степени любил древнюю землю Монаса и этническую колыбель — Балкарию.

КАЙСЫН КУЛИЕВ И АРМЕНИЯ

...Многим я обязан армянской культуре.

К. Кулиев

Творческие взаимосвязи литераторов бывшего Советского Союза были многогранными. Кайсыну Кулиеву по условиям своей общественной и литературной деятельности пришлось объездить всю страну. Не было такой союзной и автономной республики, где бы он не был. «Хочу подчеркнуть,— писал он,— что я не только приезжал в разные республики

[59] *Эфендиев С., Ахматов И., Гузеев Ж.* Насилие. Нальчик: Эльбрус, 1996. С. 132—133.

и с радостью видел красоту каждой земли, с благодарностью ел хлеб, пил вино, но и писал о культуре многих народов. Так было, к примеру, с Грузией, Арменией, Таджикистаном, Казахстаном, Туркменией, не говоря уже о России. Уважение к культуре разных народов, интерес к ним у меня в крови, и я считаю это благом и радостью для себя»[60].

В творчестве Кайсына Кулиева много превосходных строк, подаренных армянскому народу, его прославленным сынам и дочерям. Непреходящая любовь к Армении, завещанная Горьким, Брюсовым, Блоком, как эстафета была принята новыми поколениями писателей и поэтов, которые в своих произведениях по-прежнему обращаются к стране Наири, признаваясь в горячей и постоянной любви к ней.

Одним из таких преданных ей певцов был Кайсын Кулиев. «Чувство огромной благодарности и теплоты испытываю я к Кайсыну Кулиеву,— писала Н. Саакян,— за циклы стихов об Армении... Воистину щедра любовь большого поэта из Балкарии к армянской земле! И невольно мечтаешь о том, чтобы кто-то из армянских поэтов сказал прочувственное слово о гордой стране Кайсына — маленькой Балкарии. Я верю: эти не рожденные пока еще строки непременно родятся, и тогда мы вложим в добрые руки Кайсына подарок, достойный его любви и его поэзии»[61].

Оглядываясь на пройденный путь, будучи уже признанным поэтом, Кулиев не забыл своих первых духовных учителей и творческих истоков. В статье к 100-летию Аветика Исаакяна Кулиев вспоминал незабываемый 1945 год, когда он, молодой, начинающий поэт, прошедший через годы Великой Отечественной войны, купил только что изданную в Москве книгу стихов Аветика Исаакяна, глубину и мощь поэзии которого он ощутил всем сердцем и полюбил навсегда. «Так великий армянский поэт вошел в мою жизнь, обогатив меня, осветив мое сердце своим особым светом и стал навсегда моим спутником,— писал Кулиев.— Я был молод и со всей страстью этой молодости ощутил всю чистоту, высокую духовность художника». С этой книгой стихов Исаакяна Кулиев уехал в Среднюю Азию, где высланный родной народ нашел в Киргизии

---

[60] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник. 1975. С. 460.
[61] *Саакян Н.* Щедрое сердце // Литературная газета. 1973. 18 апр.

свою вторую родину. К поэту, только что приехавшему в апреле 1945 года во Фрунзе, Союз писателей Киргизии отнесся внимательно и заботливо. Кулиев тогда много переводил и писал, не имея права печататься ни на одном языке. Именно в эти годы поэтическое творчество Исаакяна стало для Кулиева бесценным духовным богатством. И хотя различны время и исторические условия, их породившие, можно, однако, проследить то общее, что связывало их как художников, их гуманистические и гражданские позиции. Возьмем хотя бы всем известные строки Исаакяна:

К чудесному нагорному, зеленому,
В весенних розах склону я прильну,
К дыханью материнскому, бездонному,
Что шевелит пшеничных нив волну.

Это о родине и о себе написал Исаакян в далеком 1935 году, когда тосковал в Париже об Армении. Эти волнующие строки любви к родному краю, земле отцов не мог не знать Кулиев, имея под рукой «Избранные стихи» А. Исаакяна. Да и сам поэт признавался: «А сколько я испытал радости, читая и перечитывая эту книгу...» Признание поэта — не просто эмоциональная информация, это эмоциональное потрясение от немеркнувшего прометеева огня поэзии Исаакяна. И не просто сходные мотивы и настроения мы находим в стихотворении Кулиева «Родной земле», написанном в эти годы, а новую трактовку исаакяновской тоски по отчей земле.

Став глухим, я буду слышать, знаю,
Шум листьев в родимой тишине,
И, став слепым, моя земля родная,
В твоих горах не заблудиться мне[62], —

Перевел *Н. Коржавин*

говорил Кулиев, обращаясь к любимой Балкарии. В одном из своих высказываний Кулиев признавался: «...Исаакян был одним из тех поэтов, которые спасли меня в тяжелые дни моей жизни. Иначе и не могло быть. Гуманист и скиталец, многие годы тосковавший по огню родного очага,

[62] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 283.

он был мне очень близок, стал опорой и поддержкой, так же как и Шевченко, Мицкевич, Лорка, Петефи. Для меня он стоит в одном ряду с крупнейшими мировыми лириками». У трудных годов — свой отблеск, горьким пеплом высвечивает он память прошлого. Острее становится ощущение нерасторжимой связи прошлого и настоящего. В этом смысле Кулиев и Исаакян вообще очень похожи. И тот и другой мечтали, конечно каждый по-своему, почувствовать сладость дыма Отечества, находясь вдали от родного края.

Эта духовная близость двух людей, говорящих на одном языке — языке поэзии, обусловлена многим: сходной судьбой и некоторыми общими, объективными социальными причинами, кровным родством с современностью и влиянием разноязычных, разнородных традиций русской поэтической классики и мировой литературы Востока и Запада. У них были даже одни и те же любимые учителя — Пушкин и Лермонтов. «Я без слез не могу вспомнить имя Лермонтова, — говорил Исаакян. — Человек, который в двадцать пять лет стал мировым поэтом...» Лермонтов дорог и Кулиеву, который даже клялся его именем в самые торжественные моменты жизни. Аветику Исаакяну Кайсын Кулиев посвятил стихотворение «Камень и песня» (1956).

В годы Великой Отечественной войны Исаакян и Кулиев показали себя страстными бойцами-публицистами и вдохновенными певцами народа в дни мирного созидательного труда. Разные можно провести аналогии в творчестве этих поэтов — от сюжетных до художественных истоков...

После смерти А. Исаакяна дружба Кулиева с этой семьей не прекратилась. В каждый свой приезд в Ереван он заходил к ним — проведать, поговорить с сыновьями Исаакяна. К праздникам он получал от них поздравления. Вот что они писали 4 января 1977 года: «...Ваша поэзия бесконечно дорога нам, она часть нашей жизни, продолжение дела Аветика Исаакяна. Пусть Новый Год принесет счастье славному балкарскому народу, его сыновьям и дочерям. Всегда с Вами — Виген и Авак»[63].

Тесная дружба с этой семьей началась, когда Кулиев

[63] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 57, л. 1.

приехал в Армению на празднование 100-летия со дня рождения поэта. Немного раньше Кайсын получил приглашение от первого секретаря ЦК КП Армении Демирчяна. В правительственной телеграмме от 29—30 октября говорилось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, в Армении будет широко отмечаться столетие со дня рождения великого армянского поэта Аветика Исаакяна. Юбилейная комиссия приглашает Вас принять участие в этих торжествах. Председатель республиканской юбилейной комиссии К. Демирчян»[64].

Кулиеву было приятно и лестно, что глава республики Армении обращался к нему и приглашал принять участие в торжествах. Все республиканские газеты печатали статьи об Исаакяне. Отослала свою статью в газету «Коммунист» и доцент кафедры русской литературы КБГУ Т. Е. Эфендиева — «Духовное родство: о Кулиеве и А. Исаакяне». Она была опубликована в «Коммунисте» 17 октября 1975 года. Была опубликована и другая ее статья — «...Многим я обязан армянской культуре: О влиянии армянской культуры на творчество Кайсына Кулиева» (Литературная Армения. Ереван, 1977. № 8. С. 13—18). О первой статье Кулиев знал. Он читал ее, одобрил и разрешил печатать. Об этом свидетельствует письмо поэта, написанное им 16 марта 1975 года из Москвы, где он в это время находился по делам службы.

«Милый Левон, здравствуй! — писал Кулиев. — Очень жаль, что мы так давно не видимся. Но я уверен в том, что ты здоров по-прежнему... А я старею и тоскую, бездельничаю, стал бродягой.

Тамара Эфендиева читала мне свои заметки, в которых говорит о моей любви к Аветику Исаакяну. Мне, разумеется, неловко читать и слушать даже в малой степени сопоставление и сближение с великим лириком века, но я вынужден был выслушать. Я попросил сделать маленькие добавления, то есть ввести главное. Сделай это.

Кланяюсь твоей земле, Арарату, памяти великих, твоему дому! А тебя обнимаю с неизменной любовью.

Твой Кайсын Кулиев»[65].

---

[64] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 111, л. 45.

[65] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 94—95.

Интерес Кулиева к Армении, ее истории и культуре не случаен. Он много раз бывал в Армении и не уставал восхищаться творениями замечательных зодчих, мыслителей, поэтов, красотой Араратской долины, лесов Лорийских гор, озера Севан. «Народ, так много вынесший на своем веку и перенявший стойкость камня, — говорил Кулиев, — принес в дар миру неповторимые творения художников и поэтов, обогатив ими культуру человечества. Армянский народ — один из самых мудрых и жизнестойких на свете. И его родина — его библейская земля — одна из удивительнейших». Поэтому и интерес Кулиева к поэзии Исаакяна вполне объясним: он тесно связан с его идейно-художественными воззрениями. Нравственные проблемы тех лет, волновавшие Кулиева, — это в некотором смысле результат влияния не только исаакяновских гуманистических и иных традиций, но и творений Саят-Новы, Кучака, Комитаса, Туманяна. В свете общечеловеческих идеалов, утверждения торжества добра и справедливости по-новому звучали стихи Кулиева с их постановкой современных и нравственных проблем, но корни его поэтических устремлений — в классике родного ему Востока.

По меткому выражению А. Блока, Аветик Исаакян — поэт добра и света. Только поэт, в высшей степени человечный, мог сказать с такой мудрой простотой: «На свете блага выше не сыскать, чем счастия служения другим». В одном из своих выступлений в начале века Ованес Туманян призывал писателей смотреть на мир, как смотрит солнце. Эта же мысль подсказана Кулиеву родным народом, фольклором родной земли: «На мир смотрите добрыми глазами, чтоб добрым было слово, добрым труд». Поэты не могут осквернить свои уста проклятием, говорил Туманян. Кулиев и здесь перекликался с ним:

Пусть наш мир неприглядeн на вид.
Пусть его проклинают иные.
Но поэт на просторы глядит,
Как любимой в глаза дорогие.

Подчеркивая эту сторону творчества Кулиева, Левон Мкртчян писал: «Кулиев — поэт светлый. Его мировосприятие, его эстетика в основе своей обусловлены балкарской народной философией, народным мировосприятием».

Эта поэтическая перекличка успешно продолжала прогрессивную традицию в истории народов и культур. Поэты

и писатели разных национальностей, движимые искренним чувством любви и уважения друг к другу, боролись и борются художественным словом за благородные цели сохранения духовных ценностей, за взаимопонимание и согласие. Укрепляя и расширяя связи с национальными литературами, они обогащали и свое творчество, умножали сокровищницу искусства, все более проникавшегося общечеловеческими мотивами и качествами. Так, на вопрос корреспондента журнала «Вопросы литературы», кого Кулиев считает своими учителями, он ответил, что многое ему дала учеба у великих русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, а из многонациональной поэзии Кавказа наиболее близкими ему художниками являются мастера армянской культуры — Аветик Исаакян и Мартирос Сарьян. «...Боже, какое великое богатство заключено в их творчестве! — восторгался Кулиев. — Я не преувеличу, если назову их великими художниками». Кулиев не случайно поставил эти два имени рядом: в стихотворениях Исаакяна, как и в живописи Сарьяна, живет мир красок и запахов Армении, неповторимые пейзажи родной страны. Они для поэта, как Арарат и Эльбрус. И Кайсын был счастлив, что знал этих прославленных художников.

Мартироса Сарьяна Кулиев знал лично. Познакомила их А. А. Ахматова в Москве. Кулиев бывал у него дома в Ереване, переписывался с ним. И при каждой новой встрече с великим художником поэт открывал для себя целый мир: прекрасную симфонию красок и библейскую Армению с ее древней культурой, дыхание грядущих поколений и молодость будущего. Эти открытия позволяли поэту все глубже и глубже вникать в жизнь армянского народа, в его историю, в его радости и беды, в его вековой опыт стойкости и выживания. Искусство Сарьяна было близко Кулиеву своим мировосприятием, умением видеть и остро чувствовать радость и боль людей и живую природу. «Меня навсегда пленили необъяснимые сарьяновские краски, — писал Кулиев,— как лунный свет, падающий на подсолнух во дворе, выращенный моей матерью, как рассвет или закат над моим селением в ущелье, как сумерки, спускающиеся летом на каменистые дороги, по которым прошло столько копыт, ног, колес...» Близость эта еще и в простой истине: подлинный художник национален и в то же время общечеловечен. Так, рассматривая картину Сарьяна «Го-

ры», Кулиев отметил ее национальную самобытность и общечеловеческую направленность: «Я так осязаемо чувствую эту картину Сарьяна, будто трогаю рукой и снег на вершинах, и зелень на склонах, и сухое ярмо на шее буйвола, и зеленеющее дерево; будто по пашне идут волы моего деда или отца в Чегеме и я в теплый весенний день шагаю за медлительными волами».

Именно эта ярко выраженная национальная сущность, совершенная ясность, правдивость и жизненность и привлекали Кулиева в полотнах художника. Через них он познавал родственные души людей старой и новой Армении. Много счастливых минут пережил Кулиев, когда он в сентябре 1967 года беседовал с Сарьяном у него дома, смотрел его картины, говорил с ним о своей книге «Раненый камень», которую высоко оценил великий живописец. Свое мнение о книге «Раненый камень» Сарьян выразил сначала в личной беседе с поэтом, а потом написал об этом в одном из писем Кулиеву. По словам поэта, письмо долго лежало на столе в кабинете, его многие читали, а потом оно исчезло, кто-то взял его «на память». Ни в одном архиве этого письма обнаружить не удалось. Кайсын очень сожалел, что не сохранил его, не сдал своевременно в архив библиотеки НИИ КБАССР, туда, где работала зав. архивом его дочь Ж. К. Кулиева.

В архиве Кулиева есть телеграмма, отправленная им в связи со смертью великого художника Сарьяна. В ней говорилось: «Дорогие мои, скорблю вместе с вами, со всеми, кому дороги искусство и культура. Смерть великого художника — это каждый раз всенародное горе, наша общая беда. Вместе с родными горами я склоняю голову перед памятью великого кавказца, художника мира, бессмертного живописца и поэта, любимого, незабвенного Мартироса Сарьяна. Кайсын Кулиев»[66].

Об их дружбе знала общественность Еревана, поэтому спустя много лет Кулиев получил телеграмму следующего содержания: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, 10—12 апреля сего года в Армении широко отмечается 100-летие со дня рождения выдающегося художника современности Мартироса Сарьяна. Просим Вас принять участие в юбилейных торжествах. Юбилейная комиссия. Ереван-16» [67].

---

[66] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 29, л. 1.
[67] Там же, оп. 6, ед. хр. 42, л. 29.

Тесная и прочная связь Кулиева с мастерами культуры Армении общеизвестна. Об этом немало написано. Поэтическая дружба Кулиева с писателями и поэтами, художниками и музыкантами этой республики явилась вполне закономерным явлением в духовной жизни народов Северного Кавказа и Закавказья. Есть архив писем Кулиева к своим друзьям, в которых он делился своими мыслями об искусстве, о тех задачах, которые выдвигала перед писателями жизнь, о тех значительных литературных фактах и событиях, которыми было отмечено уходящее время. Получал и он много писем, особенно после того, как вышла из печати книга стихов «Раненый камень». Так, Акоп Салахян писал: «Стихи и поэмы, составившие книгу балкарского поэта Кайсына Кулиева «Раненый камень», бесспорно, принадлежат к значительным явлениям многонациональной советской литературы. Они полны взволнованных раздумий о жизни и любви, о родине и творчестве, о подвиге и мужестве, в них с удивительной цельностью и пластичностью запечатлено наше время — героическое, суровое, беспокойное». (Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года Кайсыну Кулиеву за книгу стихов «Раненый камень» присуждена была Государственная премия им. М. Горького.) А Левон Мкртчян, доктор филологических наук, профессор Ереванского госуниверситета, высоко оценивая «Книгу земли» К. Кулиева (она удостоена в 1974 году Государственной премии СССР), писал: «Его творчество — мир чистых и высоких идей, проверенных и выстраданных жизнью народа. «Каменотес, искусней, чем актер, вживающийся в роль каменотеса». Этот стихотворный афоризм — еще одно свидетельство верности народной традиции. Но народное, традиционное обогащено сегодняшним днем, достижениями мировой культуры».

Приверженность Кулиева к Армении, его определенные взгляды на классическую и современную поэзию страны Айстан ярко высказаны в очерках «Бессмертный голос» — о лирике средневековья Григоре Нарекаци (X век) и «Наапет Кучак — великий лирик» (XVI век). Кулиев скромно называл эти блестящие очерки небольшими заметками, так как не считал себя большим специалистом в области истории армянской литературы.

Однако армянские ученые и творческая интеллигенция высоко ценили знания поэта в истории армянского народа

в его культуре. Поэтому проф. Левон Мкртчян, тогда декан факультета русского языка и литературы Ереванского госуниверситета, писал Кулиеву из Москвы: «Дорогой Кайсын, мы (Наум и я) купили пишущие машинки и всем хорошим людям пишем письма. Живу в Переделкино. Нёма наезжает. Жаль, что я тебя не видел, когда ты был в Москве. Общаться с Кайсыном — всегда большая радость. Кроме того — дела. Я хотел попросить тебя написать о Нарекаци. Мы издаем сейчас дополненного Нарекаци в переводах Н. Гребнева (новых переводах — более двух тысяч строк). Я очень хочу, чтобы ты написал предисловие к великому старцу-армянину. Наум тебе об этом говорил. Конечно, ты очень занят, конечно, тебя заваливают работой, нужной и ненужной, конечно, у тебя и своих дел много. И все-таки прошу найти для Григора из Нарека, для его скорбных песнопений время.

Мы также просим тебя приехать в Ереван как заслуженного деятеля культуры Армении. Мы хотим вручить тебе диплом Заслуженного в торжественной обстановке, мы хотим организовать твой вечер. Кого из чтецов (московских) ты бы хотел видеть в Ереване на твоем вечере?

Мы пригласим — у нас есть возможность, то есть деньги. А главное — в нас горит желание прославить тебя на армянской земле.

Готовятся ли кабардино-балкарским издательством к твоему юбилею сборники стихов, биография твоя?

В первых числах августа я возвращаюсь в Ереван и буду безвыездно до конца года служить в Союзе писателей главным «инженером человеческих душ».

Приветы тебе и всего доброго. Твой Левон. 14 июля 1975 г. Переделкино»[68].

Кулиев всегда отвечал Мкртчяну, как бы он ни был занят, и старался исполнить каждую его просьбу. Так, в письме от 26 сентября 1976 года он писал из Нальчика:

«Дорогой Левон! Здравствуй, мой брат. Твое письмо пришло летом без меня. Ты писал его в Подмосковье. Теперь, вернувшись домой, я прочел его. Ты хорошо знаешь, что все идущее от тебя ко мне, все сделанное тобой, все касающееся тебя очень мило и дорого мне. Я тебе, по праву старшего, давно сказал, что ты удивляешь меня своей

[68] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 64, л. 1.

талантливостью и знаниями, что я люблю тебя. Позволь повторить это снова!

Я жив и всегда что-нибудь делаю. Между прочим, в этом году опять написал много стихов. Писал невольно. Хотелось бы молчать — не получилось. Старый графоман! Проклятая болезнь! Надеюсь, у тебя в творческом, научном, домашнем, во всех отношениях — все хорошо. Ты молод, умен, у тебя уйма энергии. Давай дрозда, брат.

Мне и Гребнев тоже говорил о Нарекаци. Мне важно только твое мнение. В этом деле особенно. Если ты хочешь и считаешь, что будет хорошо, если предисловие к Нарекаци напишу я, и ты полагаешь, что я смогу сделать прилично, я напишу. Издание ведь очень серьезное — впервые выйдет этот великий поэт в таком солидном объеме. Это, скажу тебе, просто праздник для армянской поэзии, для всей армянской культуры. Праздник армянского духа. Может быть, будет лучше, если напишешь ты, как наиболее талантливый из знатоков армянской поэзии, или другой знающий армянин? Подумай хорошенько, взвесь. Это весьма серьезное дело. Писать эту вступительную статью для меня большая честь. И я напишу, как бы я ни был занят и как бы ни пытались изменять мне мои уже дряхлеющие силы 60-летнего старика.

Обдумай, милый Левон!

Если ты решишь, что все же лучше написать мне, то пришли в течение октября все материалы, какие ты найдешь необходимыми для меня. Я должен заняться всем этим серьезно. А Наум, видимо, думает, что это можно сделать без труда! Если у тебя есть куски, главы подстрочного перевода, очень прошу прислать. Это для меня ценнейший источник!

Я обнимаю тебя с братской любовью. Мой привет твоей супруге, всем твоим и дорогому Амо, Сильве, Вардгесу. Твой К а й с ы н».

1 ноября 1976 года Левон Мкртчян снова написал Кайсыну Кулиеву письмо. В нем говорилось о трудностях издания произведений Г. Нарекаци. Вот это письмо:

«Дорогой Кайсын! Рад был твоим письмам, я рад тому, что ты есть, что ты рядом живешь и согреваешь наши сердца.

Я все это время не написал тебе, так как выяснял в комиздате Армении возможность более позднего срока сдачи рукописи Нарекаци. Я этого очень хотел, так как хотел,

чтобы поспело твое слово о Нарекаци. Я хотел (и хочу), чтобы Нарекаци и Кулиев встретились.

К моему огорчению, однако, рукопись в начале октября должна была быть сдана в производство. Издание готовят к какой-то книжной выставке и по этой причине не могут дать нам время. А мы (и я больше всех) теряем Кайсына Кулиева, но не навсегда. Ибо Кулиев и его поэзия навечно с нами, а мы — с ним.

Обнимаю тебя и приветствую, и жду в Ереване.

Твой Левон. 1 ноября 1976 г. Город Ереван»[69].

Средневековая армянская лирика заинтересовала Кулиева песнопениями Нарекаци, которые удивили и потрясли балкарского поэта, драматической силой любви к женщине Кучака. «При чтении «Песен изгнания», — писал Кулиев, — я чувствовал себя так, будто всю боль, всю тоску, выраженные в них, пережил я сам, беды и горе скитальцев армян как бы стали моими, и я проникся еще большим уважением к удивительному и великому народу...»[70] И далее: «Духовные песнопения Нарекаци так сильны, в них такая поэтическая мощь, искренность, такие взлеты мысли, такая боль и смятение человеческого сердца, а также стремление к истине, правде и чистоте, таким могучим светом трагедии освещены его монологи, что нет сомнения: Григор Нарекаци — один из великих поэтов средневековья...»[71] Не менее восхищался Кулиев и любовной лирикой другого поэта армян — Наапетом Кучаком, голос которого, по словам Кулиева, и по сей день «обжигает и потрясает», потому что «слова, сказанные четыреста лет назад, живы и поныне, волнуют и удивляют нас, возвышают и осчастливливают. Великие поэты—вечные спутники живущих, как рассвет и сумерки, как облака над полем и лунный свет на дороге. Наапет Кучак, сказавший горчайшие слова о любви, знал, однако, что роза не перестает быть прекрасной оттого, что у нее имеются шипы. Также и женщина, но все равно она прекрасна. И благословенны ее красота, ее сердце! Разве не об этом говорят вот такие стихи, сказанные как бы на рассвете, в счастливый час, когда женщина озарила душу поэта ни с чем не сравнимым светом красоты и любви, светом высшего блага для человека:

[69] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 64, л. 3.
[70] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 202.
[71] Там же. С. 204.

О царица, пусть будет воспета
Мать, что в муках тебя родила,
Ни луна, ни другая планета
Не светлей твоего чела...»[72]

К изучению армянской средневековой лирики привлек Кулиева его друг Левон Мкртчян. Он послал ему еще в 1972 году вышедшие в Ереване на русском языке книги об авторах средневековой лирики и отдельные издания поэтов. Благодарный Кулиев ответил письмом, которое датируется по почтовому штемпелю 25 июля 1972 года.

«Дорогой мой Левон, здравствуй, — писал Кулиев. — Большое тебе спасибо за оба твои письма. Я не отвечал, потому что отсутствовал. Я, бедный чегемец, исключительно благодарен тебе и армянским братьям за публикацию двух моих статей на армянском. Никогда я не забуду о том внимании ко мне с твоей стороны и со стороны любителей великой армянской культуры. Я горжусь этим, хотя и сознаю полностью мизерность моих заслуг перед Арменией, которую я истинно люблю и в какой-то степени понимаю.

Средневековую лирику я уже получил. Чудесная книга, редкостно хорошая вступительная статья! Горячо поздравляю тебя с ее выходом, милый Левон, умница и талантливейший человек! Если Бог даст здоровья, в октябре буду в Ереване на совещании — согласился[73].

Обнимаю тебя, желаю тебе всего самого доброго. Самый сердечный мой привет лучшему ныне поэту Кавказа — Амо Сагияну.

Твой Кайсын»[74].

Знал Кулиев и современную армянскую литературу. «Поэзия большой любви» — так он определил суть творчества замечательной армянской поэтессы Сильвы Капутикян, чей автограф, как и автографы А. Твардовского, И. Андроникова, А. Есениной, К. Симонова, хранится в материалах фонда в Центральном государственном архиве КБР. К ее поэзии Кулиев относился с большим уважением и любовью, потому что был убежден в подлинности дарования этого достойнейшего певца «синей чаши Севана

---

[72] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 209.

[73] Речь шла о Всесоюзной конференции «Художественный перевод как средство взаимообогащения литератур народов СССР» (Ереван, 1972). Кулиев не смог принять участие в работе конференции.

[74] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 91—92.

и вечно белой высоты Арарата». Она открыла для Кулиева светлый мотив новой Армении, драматизм ее прошлого. «Я люблю мудрость и мужество этой женщины, — писал Кулиев в 1973 году. — Мне всегда казалось, что она умнее и сильнее многих из нас, нынешних литераторов Кавказа. Общаясь с ней, я каждый раз чувствовал, будто ее глаза смотрят из глубины армянской истории, такой драматической и прекрасной». Ей Кулиев посвятил стихотворение «Надо мною шумит платан...» (1963), в котором соединились черты поэтического характера Капутикян, прошлые раны и беды ее родины.

Надо мною шумит платан:
Я страницы твои листаю.
Гонят пленниц во вражий стан:
Я страницы твои листаю.

В вышине по-людски кричит
Журавель, потерявший стаю,
Камни родины горячи:
Я страницы твои листаю[75].

Перевел *Н. Гребнев*

Кулиев понял и ощутил в творчестве Капутикян не только полноту лирического переживания, всепоглощающей любви к родной армянской земле, но и красоту, благородство людей на трагических поворотах истории, воспетых ею. Драгоценные свойства поэтического слова Капутикян позволяли тому, кто листал страницы ее книг, быть «причастным к судьбам ее родины, к ее собственной боли, радости и любви». Кулиев и Капутикян переписывались, поздравляли друг друга с юбилейными датами и праздниками. Так, поздравляя Кулиева с ноябрьскими праздниками и днем рождения, Сильва Капутикян писала:

«Дорогой Кайсын. Тебя, великого ровесника Октября, поздравляю с двойным праздником. Это здорово, что весь мир празднует твое рождение, хотя весь мир знает и о твоей скромности.

Живи долго, так же величаво и красиво, на радость всем нам — твоим друзьям по перу и по жизни. Привет и поздравление твоей семье.

Сильва Капутикян».

[75] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. С. 85.

Она любила, видимо, давать телеграммы Кулиеву, наполняя их своеобразием кавказской красноречивости. Так, в одной из телеграмм она писала:

«Дорогой Кайсын, обнимаю тебя, нашего собрата и брата! Пусть твой великий талант вечно сияет миру над вечными свободолюбивыми вершинами Кавказа. Вардгес Петросян, Левон Мкртчян, Сильва Капутикян, Серо Ханздян»[76].

Выполняя желания поэтессы, Кулиев всегда приезжал на юбилеи и литературные вечера Сильвы Капутикян. Поехал он и в тот год, когда получил телеграмму следующего содержания: «Приглашаем Вас принять участие в творческом вечере Сильвы Капутикян, который организует армянское телевидение 12 мая... О Вашем прибытии просим сообщить по адресу: Ереван, студия телевидения. Главная редакция литературно-драматических передач. Главному редактору Степаняну»[77].

Сильва Капутикян была младше Кулиева, но относилась к нему, как к своему ровеснику, почитала его талант и умение быть настоящим другом. Она радовалась вместе со всеми, когда Кулиев был награжден Государственной премией. В телеграмме она писала: «Дорогой брат! Поздравляю. Безгранично радуюсь за тебя и твой народ. Сильва Капутикян»[78].

Любовь Кулиева к армянской земле получила художественное осмысление во многих его стихотворениях, посвященных мужественным сынам и дочерям Армении, картинам прошлого и настоящего, в которых балкарец говорил о своем отношении к Армении, ее народу, природе и истории:

Во мне живет любовь к ее камням,
сто раз оплаканным, сто раз воспетым.
Любовь к ее сынам и дочерям,
ее пророкам и ее поэтам, —

признавался Кулиев в стихотворении «Анаит» (1969). Говоря о своих чувствах к Армении, он поведал и об огромном историческом пути армянского народа, чья история была одной из самых трагических на земле. «Анаит» — это своеобразная маленькая поэма о судьбе армянского народа. И поэт, листая книгу «радости и бед,

[76] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 38.
[77] Там же, оп. 2, ед. хр. 231, л. 62.
[78] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 67.

читал и чувствовал, что в ней таится,
как будто по-балкарски с давних лет
писали страшные ее страницы»[79].

Перевел *Н. Гребнев*

Стихотворение «Анаит» — не только рассказ о прошлом армянского народа. Это философское размышление о роли народа в истории, о судьбах людей, силе дружбы и единства, о взаимопонимании и уважении друг к другу.

«Анаит» и «Комитас» были закончены в начале 1969 года. Об этом говорил Кулиев собравшимся в гостинице «Москва» — Науму Гребневу, Левону Мкртчяну и Анаид Баяндур. Это было 2 марта —день рождения его друга Левона Мкртчяна. «...Я вот написал цикл из 12 стихотворений «Анаит»,— сказал Кулиев, обращаясь к собравшимся. — Хотел посвятить Анаид Саинян, но не успел ей написать и спросить разрешения. Я написал еще триптих «Комитас», — и, обращаясь уже к одному Н. Гребнему, прибавил: — Сохрани обязательно строку: «Вражда меня убила, я армянский музыкант...» Именно **музыкант,** композитор здесь не годится... — Потом повернулся ко всем и, делая логическое ударение почти на каждом слове, значительно произнес: — И триптих, и «Анаит» — это стихи о судьбах армянских. Я долго вынашивал эту тему. Враги не могли убить камни, поэтому в Армении так много камней...»

На другой день Кулиев подарил Левону Мкртчяну свою книгу «Раненый камень». Это было уже второе издание в Москве 1968 года, первое вышло в 1964 году, тоже в издательстве «Советский писатель». Вручая Левону книгу, он сказал: «Сколько их и в Балкарии, и в Армении раненых камней, раненых жизней!»[80]

«Анаит» и «Комитас» относятся к одним из лучших произведений Кулиева об Армении. Остродраматический сюжет «Комитаса» раскрывает моральную красоту, силу духа прославленного сына Армении, музыканта-гуманиста, в личности которого воплощены лучшие черты национального характера. Стихотворение написано в том же, 1969, году, что и «Анаит». Оно состоит из трех частей, небольшое по объему. Написано оно от первого лица, что усили-

[79] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 484.

[80] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 35.

вало его эмоциональное напряжение, драматизм развертываемых событий, когда победила вражда и злоба.

Я убит, но песне смерти нет.
Слышите: мой прах, мое надгробье,
Дух мой и поныне вопиет
И проклятье шлет вражде и злобе![81]

Перевел *Н. Гребнев*

Кулиев, ненавидевший жестокость и вражду, осудил тех, кто вносит смуту и неприязнь между народами и друг к другу, поэт против тех, кто не умеет ценить жизнь, и когда писал «Комитаса», то был уверен, что «на земле и нынче кто-то хочет, чтоб кровь невинная текла». В целом «Комитас» — это звучащая душа народа, его песня, которая существует «вне певца, если раз ей спетой быть случится», это трагическая судьба великого сына Армении, жизнь которого была отдана тому, чтобы

...стали вы добрей.
Помните, что песнь моя омыта
кровью ваших братьев и моей.

Современное звучание этого стихотворения, его актуальность в эпоху постоянного национального напряжения, локальных войн, погромов и ничем не оправданных убийств несомненны. Обращение к людям конца XX века от имени армянского музыканта, погибшего от рук убийц, своевременно, как будто бы Кулиев предвидел, что будет происходить в мире в конце 90-х годов:

Дважды смерть ко мне прийти не может,
потому не за себя, за вас
ныне из могилы я тревожусь,
музыкант армянский Комитас.

На этой ноте и закончил Кулиев стихотворение, обращаясь к людям нашей планеты, к их разуму, чувствам и умению беречь согласие и взаимопонимание, доверие и дружбу.

Кайсын Кулиев по природе своей лирический поэт. Но в его творчестве есть и еще один редкий жанр — баллада.

---

[81] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 477.

Эта форма литературного творчества бытовала в те годы, когда он писал это произведение, и объяснялась она рядом объективных обстоятельств. Это был далекий 1944 год — год Великой Отечественной войны. По следам непосредственных военных событий на Перекопе была написана Кулиевым «Баллада о капитане Сааняне». В ней рассказывалось о том, как, защищая свое Отечество, умирали люди разных национальностей. Одним из таких и был капитан советских войск Саанян, когда «шесть пуль пробили его тело, шесть ран покрыли его тело! И все смертельные были они». Он не наделен индивидуально-неповторимыми чертами характера, и всего лишь один раз обратился командир к солдатам, когда был смертельно ранен. Умирая, он хотел выполнить свой воинский долг. Это было его последним желанием:

— Несите меня вперед на руках!
Это не просьба — это приказ!
Пока я дышу — я командир.
Пока не возьмете Турецкий вал,
Несите меня вперед на руках![82]

Перевел *Н. Коржавин*

Гибель капитана Сааняна, павшего смертью храбрых на Перекопе в годы Второй мировой войны за свободу России, вызвала у солдат прилив патриотических чувств и сознание того, что только мужество выше, чем смерть.

Отталкиваясь от реальных событий того времени, Кулиев, как и многие другие соратники по перу, создавал произведения по велению долга и сердца, потому что они были нужны людям, как выражение их чувств и мыслей. «Острая нужда в поэтическом слове стала тогда для миллионов людей глубоко личным чувством, — писал А. Абрамов. — Они никогда не забудут о той исключительной роли, которую советская поэзия сыграла в их жизни в пору великих испытаний. Об этом многие из них рассказывали в письмах авторам поэм и стихотворений»[83]. Произошло такое и с Кулиевым. В архиве у него есть письмо. В нем говорится о том, как 10 июня 1942 года боец Адам Абгорян писал своим родителям, что он отправляется со своим танковым экипажем на Сталинградский фронт. Экипаж

[82] *Кулиев К.* Горы. М.: Сов. писатель, 1957. С. 171—172.

[83] *Абрамов А.* Лирика и эпос Великой Отечественной войны. М., 1972. С. 7.

совершил подвиг и погиб. Кайсын во фронтовой газете откликнулся стихотворением «Баллада о танке»[84] (перевел В. Гоффеншефер). Друзья погибшего танкиста прислали его сестре Люсе Абгорян информацию фронтовой газеты, которую она долгое время хранила. В письме к Кулиеву она просила рассказать более подробно о ее погибшем брате. Случай с Кулиевым — не исключение. В Теркине тоже многие находили и узнавали себя, о чем они писали в письмах к поэту. Так бывает, когда произведение обретает судьбу, слившись с судьбой многих людей. И лично пережитое становилось общенародным выражением чувств.

Армянский народ знал Кайсына Кулиева, потому что он часто выступал по радио и телевидению этой республики, много раз приезжал на юбилеи, встречался с интеллигенцией, рабочими фабрик и заводов. Так это было и в 1980 году, когда в конце ноября Кулиев приехал в Армению: его пригласили принять участие в торжествах в связи с 60-летием Республики. С 23 ноября по 29-е Кулиев находился в Ереване, выступая на запланированных торжествах. Из Еревана друзья проводили Кайсына в Нальчик. Сидя в самолете, он смотрел в иллюминатор и видел громады гор, проплывающие далеко внизу, под ним, видел вечность белоснежного покоя, и в его неутомимой голове зрели стихи о своих друзьях — поэтах из Еревана...

Действенная, жизненная сила поэтического слова Кулиева, обращенного к армянскому народу, была высоко оценена: Кулиеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Армянской ССР, в 1973 году в Ереване, в издательстве «Айастан», вышла его «Книга об Армении» с предисловием Л. Мкртчяна, был переведен на армянский язык сборник стихов Кайсына Кулиева «Раненый камень», часто публиковались стихи поэта, статьи о нем в периодической местной печати.

К Кулиеву часто обращались из редакций газет и журналов этой республики, чтобы он написал для них статьи в связи с различными юбилейными датами, республиканскими торжествами и другими общественными событиями. Так, 4 декабря 1973 года главный редактор газеты «Гракан терт» С. М. Арутинов писал из Еревана:

«Дорогой Кайсын! В январе наступающего года испол-

[84] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 139, л. 3.

пяется 50 лет со дня рождения поэта Перуйра Севака. Эта дата у нас будет широко отмечаться. Не согласитесь ли Вы для юбилейного номера нашей газеты написать слово о поэте? Объем — на Ваше усмотрение.

Будем рады получить Ваше слово к 10 января.

С уважением Сагетел Арутинов. 4.12.73»[85].

Просил поэта написать статью и завотделом литературы республиканского журнала «Советская Армения» Сурен Мурадян. В письме от 15 февраля 1972 года говорилось:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Вас беспокою от имени нашего журнала по случаю 50-летия образования СССР. Мы просим выслать нам Ваше слово (хотя бы несколько строчек и фотографию).

Если у Вас будут воспоминания об Армении, то просим Вас высказаться по этому вопросу. Желательно получить Ваше письмо до первой половины мая. Заранее благодарим.

С искренним уважением — Сурен Мурадян»[86].

Сурен Мурадян не раз обращался к Кулиеву. 31 мая 1972 года он снова писал поэту и просил прислать свои материалы для зарубежных армян, живущих в странах Европы, в США, Канаде, Австралии, Турции, на Ближнем и Среднем Востоке. «Дорогой Кайсын Шуваевич, — писал он,— извините, что я второй раз беспокою Вас от имени редакции журнала «Советская Армения» (на армянском языке для зарубежных армян) по случаю 50-летия образования СССР. Просим выслать Ваше слово (хотите несколько строк и фотографию), если будут у Вас воспоминания об Армении, просим высказаться об этом. Заранее благодарим Вас. Просим выслать Ваше письмо до конца июня.

Читал Ваше предисловие об Наапете Кучаке, великолепно! Спасибо! С искренним уважением Сурен Мурадян. Ереван-33, ул. Баракамуняна, д. № 71, кв. 7»[87].

Не было в Армении ни одного большого мероприятия, в котором бы не участвовал Кулиев. Его приглашали каждый раз по линии ЦК Компартии Армении, правительства республики и Союза писателей. 30 марта 1976 года, первый секретарь Союза писателей Армении Вардгес Петросян писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, 27—28 апреля сего

---

[85] Там же, ед. хр. 181, л. 193.
[86] Там же, ед. хр. 180, л. 66.
[87] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 1.

года в Ереване состоится съезд писателей Армении. Приглашаем Вас принять участие в работе нашего съезда. Ваш приезд желателен 26 апреля. С уважением...»[88].

Особенно часто приглашали Кулиева на юбилеи писателей. Так, 24 апреля 1977 года ему была отослана телеграмма:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, с 18-го по 19 мая состоятся юбилейные торжества в связи со 100-летием со дня рождения Д. Демирчяна. Просим Вас принять участие в юбилейных торжествах. Прибытие в Ереван 17 мая. Расходы за счет юбилейной комиссии. Просим заблаговременно сообщить о Вашем прибытии.

Первый секретарь правления СП Армении Вардгес Петросян»[89].

Много поздравлений Кулиев получал от учителей Армении. Так, Нино Арутюнян писала в декабре 1975 г.: «Примите сердечные поздравления по поводу получения почетного звания заслуженного деятеля культуры Армении и с наступающим Новым Годом.

Спасибо Вам за Ваши прекрасные стихи и за прекрасное понимание армянской поэзии, в особенности нашей средневековой лирики и поэзии Сильвы Капутикян.

Будьте всегда здоровым и веселым, каким мы видели Вас на торжественном вечере юбилея Исаакяна»[90].

В Армении Кулиева не только почитали как поэта, но и считали ученым, разбиравшимся во многих вопросах филологии, мастерства перевода, в исследовании народной поэзии и т. д. Так, секретарь ЦК компартии Армении Р. Хачатрян 30 сентября 1972 года дал Кулиеву телеграмму следующего содержания: «Дорогой Кайсын Шуваевич, к 50-летию образования СССР в Ереване проводится научно-теоретическая конференция «Художественный перевод как средство взаимообогащения и сближения литератур народов СССР», которая состоится 12—14 октября 1972 года. На обсуждение конференции выносится широкий круг вопросов, имеющих актуальное теоретическое и практическое значение. Мы были бы очень рады видеть Вас в эти дни в Ереване...»[91]

Кулиев всегда охотно откликался на все приглашения,

---

[88] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 97, л. 20.
[89] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 1.
[90] Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 3.
[91] Там же, оп. 4, ед. хр. 55, л. 1.

находил время и писал свои очередные выступления, глубоко и основательно изучив творчество того или иного писателя или поэта, художника или музыканта. Слушатели — местные и гости — всегда заинтересованно воспринимали выступление поэта и понимали, что юбиляр был для него дорогим человеком, честным и правдивым другом, талантливым художником. Кулиев всегда с признательностью говорил о старших товарищах по перу, с уважением и благодарностью относился к их нелегкому труду.

Классическую и современную армянскую литературу Кулиев знал очень хорошо, и его статьи, предисловия к сборникам стихов армянских поэтов, замечания о национальном и общечеловеческом ценили высоко.

Кайсына Шуваевича любили искренне. Он был как бы символом современного горца, олицетворяя собой Кавказ. О многом говорит эта телеграмма: «Дорогой Кайсын Шуваевич, твои армянские друзья, твои многочисленные армянские читатели поздравляют тебя, поэта Кавказа, с юбилеем. Мы горды тем, что вся наша многонациональная семья писателей празднует в Москве твой юбилей. Имя твое, твоя поэзия глубоко нам близки и дороги. И весь твой человеческий облик дорог нам. Обнимаем тебя, нашего брата, и приглашаем в Ереван на твой юбилей»[92].

Посещая Армению, Кулиев любил бывать в ее музеях. Однажды он и его жена Мака в сопровождении Сильвы Капутикян, Левона Мкртчяна, Елены Николаевской были в музее Эчмиадзина при самой церкви. Их провели в резиденцию Католикоса. Сильва Капутикян заранее просила Католикоса Всех Армян Вазгена Первого принять Кулиева. Гостей сопровождали архимандриты Комитас и Аракел. «Когда они открыли специальными ключами огромный шкаф-сейф и показали на огромной закрепленной мраморной доске армянский алфавит из золота и драгоценных камней, дар Католикоса Эчмиадзину, Кулиев был потрясен увиденным.

— Какое счастье, что у вас есть такой алфавит! Вот он из золота и бриллиантов! Все это выше и золота, и бриллиантов. Это одухотворено чудом алфавита, чудом ваших рукописных книг...

В приемной Католикоса архимандрит Комитас попросил нас подождать:

---

[92] Там же, л. 7.

— Католикос преподает в нашей академии логику. Сейчас он освободится.

...Католикос интересовался историей Балкарии. Спросил, есть ли стихотворения Кулиева на армянском языке.

Кулиев сказал, что многие его произведения переведены на армянский язык, что есть общие слова, например: по-балкарски «крест», как и в армянском,— «хач».

— То же слово, — заметил Католикос.

В разговоре с Католикосом Кулиев несколько раз говорил о золотых письменах.

Католикос сказал, что он долго думал, на что употребить имеющееся золото, и решил, что лучше всего изготовить армянский алфавит, который служит армянскому народу без малого шестнадцать веков»[93]. В Армении были переведены не только стихи Кулиева, но и его сказки. Так, 27 мая 1977 года заведующий редакцией детской и юношеской литературы издательства «Советикян грант» А. Тукасян писала: «Посылаю Вашу маленькую детскую книжечку «Сказка солнца», которую перевел на армянский язык Юрий Саакян. Редакция детской и юношеской литературы поздравляет Вас и с надеждой ждет Ваших новых книг на нашем родном языке»[94].

Однако в Армении были и отдельные люди, которые по какой-то причине не поддержали Кулиева, когда его книгу выдвинули на соискание Ленинской премии. Об этом случае вспоминает Л. Мкртчян в своей книге «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван, 1997): «С некоторой горечью Кулиев говорил, что, будучи в 1964 году представленным на Ленинскую премию, не добрал всего четверти голоса. Наири Зарьян голосовал против него. Он сказал об этом Вере Звягинцевой. Она очень его ругала. Звягинцева любила Кулиева. Она говорила: «Кулиев — свободный поэт. Он совершенно свободен от литературщины, украшательства, загроможденности, не говоря уже о фальши. Я бы сказала, что он свободен, как ветер, если бы ветер мог мыслить»[95].

Социальный и нравственный мир Кулиева, как и его повседневный мир, невозможно никогда постичь, как и трудно сделать какие-либо выводы из полученных им теле-

---

[93] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 45—46.

[94] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 15, л. 1.

[95] Там же, оп. 6, ед. хр. 33, л. 33.

грамм в связи с присуждением ему Государственной премии СССР за его «Книгу земли». Известный писатель Армении Геворг Эмин поздравлял поэта, как и тысячи других: «Поздравляю высоким признанием книги чегемской земли. Обнимаю»[96].

Кайсыну Кулиеву писали армяне не только из Еревана, но и из других союзных республик, в которых они жили. Так, 29 сентября 1976 года писал Кайсыну Стефан Габриэлян из Минска:

«Здравствуйте, дорогой земляк! Меня зовут Габриэлян Стефан Саркисович. Мне 39 лет. Я научный сотрудник, кандидат технических наук. Первым долгом я почтительно склоняю свою голову перед Вами, как перед поэтом и человеком.

Спасибо Вам за Ваши прекрасные, мудрые строки, которые много раз наполняли мое сердце восторгом жизни, вселяли мужество в минуту отчаяния. Спасибо Вам за то, что Вы почувствовали боль Комитаса, величие Исаакяна, за то, что в Вашем творчестве нашли слова любви к моему народу. Я обращаюсь к Вам, славный кавказец, как к мудрому человеку, как к человеку, способному понять даже боль камня, с просьбой дать мне совет.

Почему именно к Вам? Ведь можно было бы обращаться к кому-нибудь из окружающих. Но, говоря словами Исаакяна,

Живу я один среди людей чужих,
Их глаза не приветствуют меня,
Сердца людей закрыты для меня,
И их душа не слышит моего голоса...»[97]

Далее в письме Стефан Габриэлян сообщал о том, что он подготовил докторскую диссертацию, и просил Кулиева помочь ему в защите, помочь перебраться в Москву и решить другие житейские вопросы. Эти личные проблемы Стефана Габриэляна носили, как и для других людей, очень трудный характер: получить квартиру и прописаться с семьей в Москве. Обращаясь к поэту с такими просьбами, люди думали, что Кайсын все может. Аналогичные письма к Кайсыну поступали из Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, из Сибири и республик Северного Кавказа.

---

[96] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 150.
[97] Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 11—12.

Об этом свидетельствуют многочисленные письма читателей из личного архива поэта.

Но были и другие письма, в которых не было просьб, а были лишь слова благодарности за ту радость, что дарили им стихи Кулиева. Одно из таких писем — армянки М. М. Арустамовой, благодарившей издателей книги «Высокие деревья» — ответственного редактора Р. Д. Кафриэльянц, художественного редактора А. В. Панину, техредактора Р. Б. Сиголаеву и особенно переводчиков — Н. Тихонова, Н. Гребнева, О. Чухонцева, С. Липкина, Б. Ахмадулину, М. Дудина, Я. Козловского. «...Читая стихи Кулиева,— писала она,— восторгаешься его любовью к отчему краю, селу, людям, ко всему земному и прекрасному — природе, камням.

Какую надо иметь добрую душу, чтобы до боли в сердце так крепко любить свой народ, свою родину!»[98] Она отметила наиболее понравившиеся ей стихи, такие, как «Дворик моей матери», «Глаза матерей», «Пусть доброта не покинет Вас...», а также стихи, посвященные сыновьям и дочери Жанне («Моим сыновьям», «След полдня, миновавшего когда-то...»).

Далее в своем письме она сообщала о себе: ей 50 лет, по профессии она инженер, была заместителем начальника отдела технического снабжения Управления цветной металлургии Совета Министров Армянской ССР.

В конце письма был и адрес: Ереван-5, пр. Октемберяна, 74, кв. 27.

Подобные письма и телеграммы излучали только свет любви к поэту, чувства признательности и благодарности за ту радость, которую дарили его стихи. Так, Маро Маркарян писал: «Дорогой Кайсын, всей любящей моей семьей и со всеми потомками поздравляем и обнимаем Вас! Желаем вечного счастья и праздника!»[99]

Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года К. Ш. Кулиеву за книгу стихов «Раненый камень» была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького. Годом раньше этот сборник стихов обсуждался в коллективах писательских организаций, редакциями издательств. Книга единодушно была выдвинута на соискание Государственной премии в числе лучших. Так, в 1965 году, принимая участие в обсуждении книги

[98] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 1—2.
[99] Там же, ед. хр. 113, л. 92.

К. Кулиева «Раненый камень», сотрудник журнала «Дружба народов» А. Салахян говорил о том, что поэзия Кулиева по своей художественности и силе выражения чувств стоит наравне с выдающимся армянским поэтом Аветиком Исаакяном, особенно это касается стихов, в которых выражается любовь к родине. «Когда я читаю стихи Кулиева в переводах, то чувствую, что читаю стихи неизвестного мне армянского поэта, который с такой силой пишет о судьбе своего народа,— говорил он.— Конечно, у него своя боль, своя трагедия, но речь идет о том, с какой поэтической силой это сказано. Стихи Кайсына Кулиева о его народе я воспринимал как стихи о моем народе. Я думаю, что так должен подумать и грузин, и казах. Совершается то великое, что делает поэзию замечательной и дорогой, независимо от того, какой национальности ты принадлежишь, в какой республике ты живешь.

Среди некоторых поэтов в некоторых республиках (я не хочу их называть — вы поймете) есть такая тенденция: как только он начинает разговор о своем народе, он как будто говорит читателю: «Вот обратите на это внимание — я говорю о своем народе, это очень важно, обратите внимание и на меня, я сын (или дочь) этого народа». У Кайсына ключ прямо противоположный—когда он говорит о своем народе, он никогда не насилует читателя, не говорит: «Это единственный народ, какого никогда не было на свете». Если он говорит об этом читателю: «Ты ведь тоже принадлежишь к своему народу», Кулиев как бы оберегает, предупреждает, что в судьбе твоего народа тоже могут быть какие-то трудности и беды. ...Он настолько интернационален, что, даже рассказывая о трагедии своего народа, ни на минуту не забывает о трагедии других народов. Я хочу сказать, что его интернационализм — какого-то особого звучания. Как армянин, я хочу поблагодарить своего брата — Кайсына Кулиева» [100].

Известности Кулиева в Армении во многом способствовал Левон Мкртычевич Мкртчян, его младший товарищ, далеко не ровесник поэта. В Армении Левон Мкртчян пользовался большим авторитетом, он был заслуженным деятелем науки, лауреатом Государственной премии Армянской ССР, доктором филологических наук, профессором Ереванского госуниверситета, много лет был деканом фа-

[100] Там же, оп. 6, ед. хр. 33, л. 39—40.

культета русского языка и литературы. Он был близким другом Кайсына Кулиева и сыграл большую роль в том, чтобы произведения поэта были переведены на армянский язык, чтобы молодежь знала балкарского поэта и его произведения. С этой целью в каждый приезд Кулиева в Ереван организовывались при университете встречи с поэтом. Студенты слушали выступления поэта, стихи в его исполнении, задавали ему много вопросов, и Кулиев всегда с удовольствием отвечал на все вопросы, гордился молодыми девушками и юношами ЕГУ. Но были случаи, когда Кулиев не мог приехать по приглашению на «литературные среды», организатором которых был Левон Мкртчян. Так, 23 марта 1982 года Кулиев писал из Чегема своему другу:

«Дорогой мой Левон! Прими мой братский привет. Я получил ваши с Мишей (это М. А. Дудин.— **Т. Э.**) открытки, вернувшись из Москвы. и твои пригласительные билеты на встречу со мной. Спасибо тебе за все, мой брат!

Милый Левон, у меня случилось большое горе — умерла моя лучшая и самая любимая сестра (Мариам Кулиева.— **Т. Э.**) в возрасте 66 лет. Это несчастье случилось 9 марта совершенно неожиданно, в результате пенициллинового укола от простуды. Смерть в таких случаях, как тебе известно, наступает мгновенно. Как раз, к несчастью, 27—28 апреля — поминальные дни по нашему обычаю, и я не могу никуда отлучиться в эти дни. Такое роковое совпадение.

Я решил предупредить тебя об этом заблаговременно. Перенеси встречу в любую среду мая и сообщи мне об этом телеграммой в Чегем. Я такого не ожидал и собирался к тебе с Элизат. С ней тоже несчастье — 2 марта газ в Чегеме вспыхнул, она получила тяжелые ожоги (ноги и лицо). Лицо уже хорошо, а ноги не заживают, ходить она еще не может. Я сам ухаживаю за ней. Из больницы выписалась, не хотела там, а раны не заживают. Но говорят, что все будет хорошо. Она очень пострадала и замучилась.

Вот, мой этот год оказался для меня тяжелым. Но Бог не впервые посылает мне испытания, как многим своим рабам, смертным. Будем стараться выдержать все. Другого нам не дано. И февраль, и март тоже оказались у нас суровыми, как нарочно. Привет друзьям. Обнимаю тебя. Сообщи свое решение. Будь здоров. Твой К а й с ы н».

Левон Мкртчян получил это письмо Кайсына и отложил встречу на апрель. Ректор университета, академик АН Армянской ССР С. А. Амбарцумян и профессор Левон Мкртчян организовали встречу Кулиева со студентами и профессорско-преподавательским составом 21 апреля 1982 года. На факультете была традиция — проводить литературные среды. Эта среда была посвящена Кайсыну Кулиеву. Приняли Кайсына торжественно. Он сидел рядом с академиком С. А. Амбарцумяном, улыбающийся, счастливый, и слушал свои стихи в исполнении юных армянок. В зале царила атмосфера дружбы, взаимопонимания и преклонения перед поэзией одного из самых талантливых представителей балкарского народа. Таким и запечатлел фотограф Кайсына: он стоит в белом нарядном костюме перед микрофоном, а рядом с ним сидит смеющийся Левон Мкртчян. Они аплодируют молодости Армении, ее высокой культуре и высокому интеллекту тех, кто тогда был на встрече с Кайсыном. Каждая встреча Кулиева с интеллигенцией Еревана становилась событием в литературном мире, который так любил поэт.

На этом вечере присутствовала и Сильва Капутикян. В своем выступлении она сказала: «Мне много приходится выступать по-русски. Но в Армении мне трудно говорить не на родном языке. И в то же время (обращаясь к Кайсыну Кулиеву) хочется, чтобы ты понял меня.

Я все думала, что бы подарить Кайсыну Кулиеву, и решила преподнести ему сборник своих стихов, куда вошло и стихотворение, посвященное ему. У Армении было много друзей, и тем не менее я надписала книгу так: «Большому другу Армении и, может быть, самому большому среди своих единоверцев, Кайсыну Кулиеву».

Дорогой Кайсын, дружба с тобой — это не просто дружба поэта и страны. Мы дорожим ею прежде всего потому, что она помогает нам смотреть на мир более умиротворенно, как-то примиряя в себе волны противоречий, тревоги и, быть может, даже ненависти. Ты помогаешь нам смотреть на мир добрее, с верой, что когда-нибудь эта боль, эта ненависть, которой не должно быть в сердцах настоящих людей, исчезнет.

Кайсын Кулиев — не случайный друг для нас. Аветик Исаакян говорил: «Я полюбил свой народ через мировое горе, мировую скорбь, потому что армянская судьба, армянское горе — часть мирового горя».

По-моему, ты так воспринимаешь Армению. Так любить другую страну может лишь человек, который любит свой народ, свою землю. Я в этом убеждена. Человек, который не дорожит своей историей, не разделяет со своим народом радости и беды, не может проникнуться чужими радостями и бедами.

Я еще не читала его стихов, когда мои московские друзья мне рассказали, что есть такой поэт, при упоминании имени которого Пастернак и Твардовский не могли удержать слез. Потому что это тот поэт, который не только воспел свой народ, но и всегда был верен ему, был вместе с народом в изгнании. Это тот героический поступок, который нельзя заменить стихами, восклицаниями. Это поступок, достойный поэта, настоящего патриота»[101].

Был на этом вечере и Амо Сагиян. Он написал стихотворение «Гора молитв» и посвятил его Кайсыну Кулиеву. Левон Мкртчян знал об этом стихотворении и как-то сказал другу: «Это стихотворение очень грустное». — «Веселые стихи тоже грустные,— ответил ему Кайсын.— Я написал стихотворение, как умирает гора. Горы сейчас умирают. Теперь только на макушке бьется жизнь. У подножия все вымерло».

Это была последняя литературная среда, на которой присутствовал Кайсын Кулиев. Ему было много задано вопросов. Студенты интересовались всем, начиная от его учебы в Литературном институте, в ГИТИСе до его отношения к стихам Анны Ахматовой, Е. Евтушенко и Р. Рождественского. Кулиев обстоятельно и терпеливо отвечал[102].

Одному из первых на этом вечере предоставили слово Амо Сагияну. Он говорил о том, что Кулиев — один из лучших поэтов Советского Союза, его любимый поэт. «Почему я люблю его поэзию? — спрашивал Амо Сагиян.— Наверное, потому, что он, как и я, родился в горах и связан с горами своим творчеством, и страна его похожа на мой родной Зангезур.

Несколько лет тому назад на вопрос о том, в чем, по моему мнению, секрет популярности его поэзии, я ответил: «В первозданной силе и задушевности его стиха. Читатель верит каждому его слову». Кулиев ничего не скрывает

---

[101] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 64.

[102] Подробно эта встреча описана в книге Л. Мкртчяна «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван, 1997. С. 70—75).

от своего читателя, делится с ним своими радостями и бедами, не утаивая от него и своей вины. Читателю становится ясно, что с ним беседует друг... Покидая этот мир, ничего с собой не возьмешь. Но если бы меня спросили, что бы я все-таки взял с собой, я бы ответил: стихи любимых поэтов и среди них стихи Кайсына Кулиева».

Это была последняя встреча Кулиева со студентами Ереванского университета, но она оставила в душе Кулиева неизгладимый след. Ему была приятна вся атмосфера, которая царила тогда, ему было радостно и покойно. Через два месяца он все вспоминал об этой «литературной среде», рассказывал о Левоне и его авторитете в университете среди студентов и преподавателей. В письме от 2 июля 1982 года, отправленном из Чегема, он писал: «Дорогой друг Левон! Вернувшись из Москвы, куда я, улетая, отправил по письму тебе и Амо, получил письма от Вас обоих. А от тебя — еще и прекрасные фотографии. Спасибо, мой брат. Ты редкий человек, а потому и настоящий друг. Я тебе тоже писал не однажды, как мне дорога твоя дружба. Она, именно она, а еще присутствие великого поэта Амо Сагияна сделали такой замечательной нашу недавнюю поездку в Армению.

Я также рад дружескому отношению ко мне Амо. Я давно сказал тебе, что, видимо, он лучший поэт на Кавказе сейчас. Как бы то ни было, он глубокий и подлинный — как поэт. Молчалив и мудр — как человек. И снова глубок.

Спасибо тебе за сообщение о вечере. Если он получился, то благодаря присутствию таких выдающихся людей, какими являетесь вы — Амо Сагиян, Сильва Капутикян и Левон. Благодарю вас всех. Спасибо армянскому телевидению.

Обнимаю тебя, мой дорогой Левон. Элизат шлет тебе сердечный привет. Твой К а й с ы н».

Когда с Кулиевым случилась непоправимая беда и он попал на долгие месяцы в больницу, то прежде всего вспомнил своих верных друзей и обратился к ним за моральной поддержкой. «Я в близких и друзьях опору нахожу»,— сказал поэт в книге лирики «Говорю людям» (1985). Одним из таких людей был Левон Мкртчян. Ему писал Кулиев из спецбольницы Москвы 2 марта 1983 года:

«Дорогой мой Левон! Очень обрадовался твоему письму с замечательным изображением твоих очков и очень

верным двустишием покойного Левика[103]. Я получил твое письмо в день твоего пятидесятилетия. Оно и впрямь как ласточка, принесшая весну на своих легких крылышках. Спасибо тебе. Надеюсь, ты получил нашу с Расулом (Гамзатовым.— **Т. Э.**) и Гребневым коллективную телеграмму[104]. Сегодня твое пятидесятилетие, Левон, мой дорогой, необыкновенный друг. Я счастлив поздравить тебя с тем, что к этому еще не очень серьезному, но почти зрелому возрасту ты пришел, успев сделать многое, став прославленным исследователем литературы... которого знают и любят лучшие люди в литературе огромной нашей страны. Для меня ты, как и для многих моих выдающихся друзей, редкий человек, а общение с тобой — это счастье, потому что в тебе одновременно очень много жизни, энергии, знаний, культуры и таланта! Одна твоя улыбка чего стоит! То, что я в дружбе с тобой,— это огромная радость для меня, это мое богатство. Ни на грамм преувеличения в моих словах нет. Наоборот, по занятости моей головы побочными мыслями я не могу высказать тебе и половину того, что хотел сказать. Одно то, что ты в дружбе с таким поэтом, как Амо Сагиян, говорит о многом.

Желаю тебе долгие годы радовать всех, кому нужны талантливые, умные, образованные, культурные люди! Обнимаю тебя, твой Кайсын Кулиев.

Привет Амо, Сильве, поклон твоей земле, твоему городу, твоему дому, твоему Арарату!

Горячо любящий тебя твой Кайсын Кулиев».

Почти в каждом письме к Левону Кулиев упоминал и имя поэта Амо Сагияна, передавал ему приветы, спрашивал о его самочувствии. Вероятно, он был дорог Кулиеву, и Кайсын любил его так же, как и Левона. Поэтому не случайно в 1985 году, самом тяжелом году для поэта, когда он уже знал о своей смертельной болезни, появилось стихотворение «Пока Амо Сагиян глядит...». Горечь спокойной мудрости сквозила в нем.

От сознания того, что Амо Сагиян пишет свои удивительные стихи, «сам удивляться не уставая» цветению абрикоса, молчанию дерева, прелести человеческой речи,

---

[103] В письмо был вложен пригласительный билет с шаржем Георгия Яраляна и двустишием Вильгельма Левика: «Кто видел Вас хоть раз, Левон, не вырвет вас из сердца вон».

[104] В телеграмме говорилось: «Дорогой Левон, пользуемся юбилеем, чтобы сказать еще раз: мы любим тебя. *Гамзатов, Гребнев, Кулиев*».

Кулиеву становилось легче жить, «хоть болен, хоть тяготы обступают»

И мысль, что живет на этой земле
Амо Сагиян, помогает жить.
О, к жизни любовь, что тянется к нам
От великих поэтов! О, свет их сердец![105]

Перевел *Д. Долинский*

Тогда в больничной палате Кулиеву пришлось пережить испытание болью, и это выстраданное отношение к жизни выливалось в стихотворных посланиях и письмах к своим друзьям. Об этом говорит письмо Кулиева, написанное им в спецбольнице Москвы 24 марта 1983 года.

«Дорогой Амо! Спасибо тебе за твое письмо, принесшее мне в моем больничном одиночестве радость и утешение, за твои сердечные слова, которые так дороги мне, — писал Кайсын ему.— Благодарю тебя, и друг, и брат! Я рад, что ты нашел время послать мне свое короткое и выразительное послание.

Я числа 10 апреля только вернусь домой. Из больницы выхожу 25 марта, пробыв в ней три месяца. Но еще более десяти дней заставляют быть под рукой у них — на случай всяких осложнений после такой серьезной процедуры, как облучение. Но все равно я надеюсь на скорую встречу с тобой. Это мне необходимо. Вообще я всегда буду рад видеть тебя, считая встречу с тобой встречей высшего порядка и уровня. Оставаться наедине с твоей поэзией, так похожей на землю Армении, видеть самого тебя — такого скупого на слова, ценящего слово, а потому говорящего мало и этим замечательным качеством стоящего несравненно выше меня. Ты любишь и умеешь (завидное качество!) поменьше говорить, побольше молчать. Этому я должен стараться учиться у тебя, несмотря на мой возраст. Человек, и особенно поэт, по-моему, должен учиться, пока живет. Дерево, кажется, продолжает расти, пока его не срубили или не свалили буря и время. Так и художник. Твое умение молчать — во-первых, сохраняет ценность слова, во-вторых, делает опять-таки похожим тебя на твою

---

[105] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 274.

родную землю. Из этого сложен твой облик. И в этом облике я увидел живую мудрость и большой драматизм, глубину чувств и восприятия поэтом нашего трагического мира, остроту ощущения драматизма человеческой жизни, путей народа и его судеб. Вот что я нахожу в твоей поэзии и что вижу в твоем облике человека и поэта. Это исключительно близко моей душе. В этом мне видится главная твоя сущность и сущность твоей поэзии, ибо это нерасторжимо. Давно люди Востока сказали: «Из кувшина можно вылить только то, что в него было влито». Повторяю: это мне близко и дорого. Поэтому я полюбил тебя. В моей любви к Давиду Кугультинову это тоже присутствует, хотя и по-другому... И эта моя любовь навсегда, она — не кратковременная вспышка, что нередко бывает у натур увлекающихся, к категории которых, наверное, относятся поэты. Ты весь слит с твоей Арменией, твоя поэзия также слита с ней, что и сделало из тебя такого художника, какой ты есть — глубокий, неповторимый, как и все прекрасное, от самой жизни и до одинокого дерева на склоне. Но выбрать такую судьбу и участь по собственному желанию не дано, невозможно — надо быть созданным из такого материала самой жизнью. Сама судьба решила сделать тебя таким. И это твое счастье.

Элизат приехала ко мне. Мы оба шлем самые горячие приветы милой Светлане. Обнимаем тебя.

Твой Кайсын Кулиев».

Левон Мкртчян и Амо Сагиян — вот два имени, которые были любезны сердцу Кулиева во время болезни. Он писал им из больницы письма, писал и тогда, когда выписывался из этого грустного учреждения и находился дома. Так, в конце июня 1984 года Мкртчян получил письмо от Кулиева. В нем снова об Амо Сагияне.

«Дорогой мой Левон! Как я рад всякой весточке о тебе, — сообщал Кулиев другу. — Я снова находился в больнице, которая опротивела мне и уже кажется адом. Вернулся домой на днях, отказавшись от варварского лечения врачей. Я снова в своем Чегеме, сижу в тени ореха, читаю твою книгу о нашем с тобой любимом Амо Сагияне. Она пришла без меня. Спасибо тебе. То, что твоя книга ждала меня дома, — стало большой радостью для меня. О ней Элизат сообщила мне по телефону сразу же по получению. Это необыкновенно интересная книга — мудрая, острая,

свежая, а главное — честная. Какой ты молодец, Левон! Разреши мне подтвердить снова то, что известно всем твоим доброжелателям. Ты очень талантливый человек! И все другие твои замечательные качества тоже от него — от таланта...

Как хорошо ты придумал эту книжку — передать разговоры с Амо Сагияном. Это совершенно ново и отлично. До этого никто не додумался, кроме тебя, в наше время. Эккерман — это не только было давно, но это совсем другое по сущности и по форме. Очень, очень хорошо. Ты обрадовал меня.

Милый Левон! Я еще тронут тем, что в своей книге встретил такие лестные слова и мысли обо мне. Несмотря на преувеличения, свойственные любви одного человека к другому, я радовался, не стесняясь. Спасибо!

После бегства из больницы три дня мы с Мишей Дудиным находились в гостинице на 7 этаже. Каждый день вспоминали тебя и Амо. Я очень стосковался по вас. Если Бог даст мне жизни, осенью приеду с Элизат к вам в Ереван, хочу увидеть Амо, поздравить его с 70-летием очно, повидать и облик Армении.

Поздравляю с выходом твоей прелестной книги о великом поэте Амо Сагияне.

Обнимаю тебя, как брата. Передай мой сердечный привет Амо и Свете. Все мои мысли, высказанные в этом письме, полностью разделяет и Элизат, она шлет тебе и Сагиянам большой привет. Она помнит, как ты нас принимал.

Твой Кайсын Кулиев».

Письма Кулиева к Левону Мкртчяну — особая страница биографии балкарского лирика. К ним не раз будут обращаться исследователи творчества Кайсына Кулиева и ученые-литературоведы Армении. В них и философские воззрения и социально-нравственные вопросы времени, и традиционное мышление с его однозначными правилами и национальное самосознание одного из самых талантливых балкарских поэтов — Кайсына Кулиева, одаренного необыкновенным умом, даром понимать людей и сопереживать с ними радость и горе. Удивительно то, что в самый черный день своей жизни, когда Кулиев узнал в Ростове от врача-онколога о своей роковой болезни, он еще был в силах сказать об этом своему другу Левону. В ростовской

больнице Кулиев и Элизат были буквально потрясены таким страшным диагнозом. Они решили вернуться домой, а потом ехать в Москву. 16 января 1985 года из Чегема накануне отъезда Кулиев писал:

«Дорогой Левон! Здравствуй, мой брат! Мы с Элизат лежали в ростовской больнице месяц, и Новый год были там. И все зря. Они только предложили срочно ехать в Москву. А я поехал к ним потому, что не хотел ехать в Москву. У меня дела, видимо...

Там я утешал себя тем, что думал о своих любимых друзьях. Так я написал два стихотворения — Амо и тебе. Самые лучшие стихи — это написанные в несчастливые дни. Я не говорю, что мои хороши, нет, в принципе так, т. е. в действительности.

Поэт Долинский купил в Ростове твою книгу «Разговоры с поэтом», полагая, что ее нет у нас. Мы с Элизат снова перечитали ее. Сначала она читала мне вслух. Прекрасная книга, полная ума, блеска, мудрости и любви к поэзии.

Я не мог уйти из этого мира, не выразив мою любовь к тебе и восхищения тобой стихотворными строками. Я теперь это сделал и очень рад. Еще скажу, милый Левон: «Дареному коню в зубы не смотрят».

Как Амо? Большой привет ему от меня. Передай ему мои подстрочники[106]. Я обнимаю тебя. С горячей любовью—

твой Кайсын.

Большой привет от Элизат».

Это было последнее письмо от Кулиева своему молодому другу Левону Мкртчяну. А последний раз Мкртчян услышал голос своего друга Кайсына по телефону, когда звонил 18 февраля 1985 года в Кунцево в больницу и справлялся о его здоровье.

—Был Лопаткин, назначил лечение. Но мы тоже независимо от них начали свое лечение. Уже начали, да...— говорил Кайсын[107].

Стихотворение «Левону Мкртчяну» написано, как выразился поэт, в несчастливые дни, когда он лежал в больнице и уже знал роковой исход. Это жанр дружеского послания. В нем прозвучали лучшие струны души и искренне

[106] Речь о подстрочных переводах стихотворений, посвященных Амо Сагияну и Левону Мкртчяну.

[107] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 56.

выражены те же чувства любви, что и в стихотворении Амо Сагияну. Вот начало этого стихотворения:

Мы братья — и балкарцы, и армяне.
Не раз в краю, что дорог нам и мил,
Я говорил с тобой, как с Чиковани,
Любовь, как Сагияну, я дарил.

Размышления Кулиева о минувших трудных временах («Хоть горя я на плечи больше поднял») связаны с воспоминаниями о пережитых годах дружбы с этим удивительным человеком («Делили мы с тобой и хлеб и слово, поэзия свой цвет дарила нам»), о благородных поступках и делах Левона, о его высоких человеческих качествах:

Твой дар быть нужным всем —
лишь хлебу равен.
Как благодарен я судьбе моей,
Что дни, когда бедою был я ранен,
Умом, талантом делал ты светлей.

Ты приходил — и затмевала горесть
Твоей улыбки щедрая весна.
О голос твой, дарящий радость, голос...
И эта радость — мне судьбой дана!

Желание для всякого народа
Добра связало нас и нашу боль.
Талант любого племени и рода
Высок!.. Мы это поняли с тобой...

Какой рассвет!.. Ты слышишь в отдаленье
Оленей зов?.. Манят с высот крутых
Весны, любви, поэзии олени...
Мы молоды, пока мы слышим их![108]

Перевел *Д. Долинский*

Когда в январе — феврале 1985 года Кулиев находился на лечении в Москве, Левон Мкртчян навещал его в больнице и оставил записи своих посещений и бесед с поэтом и его женой Элизат. Вот они:

«29 января 1985 г. Рано утром вылетел в Москву. Остановился в гостинице «Москва». Живу в одном номере с Ра-

---

[108] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 274—275.

милем Хакимовым, автором проникновенного, глубокого эссе об Армении.

Узнав, что Кайсын серьезно болен, Рамиль переживает. Около часов пяти вечера поехал к Кайсыну в Кунцево (Центральная клиническая больница)... Кайсын лежит с распухшей левой ногой. Не может ходить.

— Это моя раненая нога, слабое место, поэтому и ударило в левую ногу... Если бы я мог ходить, я бы себя сам вылечил. Я был у тибетского врача. Он, как Амо, молчит, мало говорит. Сказал, что кровь тяжелая, дал травы, пью...

С Кайсыном здесь же, в больнице, находится жена Элизат. Она все время в его палате...

В начале февраля ходил по делам Кулиева в издательство «Советский писатель». Задерживается издание его книги «Человек. Птица. Дерево». Кулиев беспокоится, очень ждет эту свою книгу.

Разговоры с Кулиевым по телефону. 7 февраля Кулиев сказал, что анализы готовы, что ждут академика Н. А. Лопаткина, что Элизат пробовала говорить с лечащим врачом, но он ничего не сказал ей, так как сам ничего не знает...

10 февраля 1985. Перед отъездом в Ереван прощался с Кулиевым. Он был очень плох.

— Ко мне приходил хирург, который два года тому назад меня оперировал. Ушел, по-моему, огорченный. Подумаем, говорит. Левон, приветы Амо, Гранту, Карине, которая нас угощала. Спасибо вам всем...»[109]

В день похорон К. Ш. Кулиева Левон Мкртчян был рядом с вдовой поэта Элизат Кулиевой, выразил соболезнование дочери поэта Жанне Кулиевой, всем сыновьям и родственникам. Он прилетел из Еревана, оставив все свои срочные и несрочные дела. Услышав по «Маяку» печальные вести о смерти своего друга, Левон был потрясен: он все еще надеялся, что родная земля поможет поэту перебороть эту страшную болезнь. 6 июня, в четверг, он простился с человеком, которого боготворил и любил всей душой. «Ушел к судьбе», — сказал Левон в тот день, выступая на траурном митинге около театра имени А. Шогенцукова в г. Нальчике. «В древнем Вавилоне, когда человек

---

[109] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 54—56.

умирал, говорили, что он ушел к судьбе. Ушел к судьбе Кайсын Кулиев. К своей трудной, высокой судьбе он шел мужественно и честно. И с нами навечно его одухотворенный образ. С нами доброта его поэзии... Низкий, низкий поклон от армянских друзей Кулиева, от его армянских читателей балкарской земле, балкарской истории, взрастившей поэта, слово которого помогло людям жить достойно, так, чтобы были добрыми мы сами и наши дела»[110].

В 1997 году Кулиеву исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Кайсын Кулиев и Левон Мкртчян могли бы встретиться в ноябре в Ереване и порадоваться вместе жизни. Более душевного и чуткого друга у Левона не было.

«Он был любим всюду у нас в стране, он был любим в Армении и был признан здесь официально, удостоенный звания заслуженного деятеля культуры Армении, — писал Мкртчян. — Дело ведь не только в том, что Кулиев посвятил Армении незабываемые стихотворения, писал так проникновенно о средневековых армянских лириках, писал о Комитасе, о Мартиросе Сарьяне и Исаакяне. Вкладом в армянскую культуру была его поэзия, поэзия великого нравственного заряда, поэзия великой доброты».

Левон Мкртчян приезжал в Нальчик, когда общественность отмечала 80-летие со дня рождения Кулиева. Он привез с собой книгу «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван: «Наири», 1997. 107 с.), которую он подарил всем приглашенным гостям. В ней Мкртчян рассказал о Кулиеве как о человеке и своем друге. В последнем разделе помещены письма Кайсына Кулиева, которые получал Левон с 1971 года по январь 1985 года — последнего года жизни поэта.

В архиве Кайсына Кулиева хранятся письма Левона. Вот одно из них, написанное 6 октября 1972 года. Приводим его полностью, с его юмором и теплотой дружеских чувств. Они всегда понимали друг друга с полуслова, с полунамека.

«Дорогой Кайсын, — писал он, — спасибо за газетную вырезку. Болдина, когда я еще был в Москве, прочла статью, подсократила и сдала в секретариат, авось, они ее дадут.

---

[110] Остаться в памяти людской. Нальчик, 1987. С. 48.

Недавно читал верстку нашего Кучака. Еще раз прочел твое предисловие — очень хорошее.

А как блистательно написан твой отзыв на рукопись «Средневековая армянская лирика»!

Армяне совсем тебя заполонили — на то они и хитрые армяне.

Как тебе работается? Мне показалось, что в статьях к 50-летию Кабардино-Балкарской республики говорят о тебе глуховато. «Есть такие-то писатели и есть Кайсын Кулиев». Разве это дело и разве так Кабардино-Балкария должна представить своего выдающегося поэта?! Но, может, я сгущаю краски. Всё.

Обнимаю. Твой Левон»[111].

У Мкртчяна есть архив, связанный с именем Кайсына Кулиева. Как никто другой, он собирал все материалы, касающиеся жизни и творчества балкарского поэта. Эти материалы он посылал своему другу, считая, что они, может быть, доставят ему радость. Когда он не мог этого сделать сам, то по его просьбе отсылали другие. «Уважаемый Кайсын Шуваевич! — писала одна из его знакомых.— По поручению Левона Мкртчяна посылаю Вам газету «Айренини дзайн». Ваши стихи напечатаны в переводе В. Каренца и статья о Вас А. Парсамяна. С уважением к Вам Каратрян Нарине»[112].

Тема «Кайсын Кулиев и Левон Мкртчян» никем еще не затронута, и она не может уместиться в границах этого короткого очерка. Интересные моменты их общения и дружбы, разумеется, затронуты в книге Левона Мкртчяна «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой».

Письма Мкртчяна Кулиеву помогают понять многое во взаимоотношениях этих двух неповторимых личностей. Левон по собственной воле был уполномоченным литературных дел друга, стремился к популяризации его произведений в Армении и за рубежом. Вот, что писал он в одном из своих писем 25 мая 1972 года:

«Дорогой Кайсын! Кучак с твоим предисловием вышел в СССР. Спасибо тебе. Газета «Айренини дзайн» («Голос Родины») перепечатала твое предисловие на армянском языке. Эта газета печатается для зарубежных армян —

---

[111] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 137, л. 1.
[112] Там же, л. 3.

теперь армяне всего мира тебя знают, дорогой Кайсын, тем более что статья напечатана с твоим портретом.

Статья всем очень понравилась. Амо был от нее в восторге и сам ее перевел. («Нельзя, чтобы Кайсына переводили переводчики», — сказал Амо Сагиян и удачно перевел твои заметки о Кучаке.) Вообще в Армении тебя очень помнят. Когда хоронили Мартироса Сарьяна, то перепечатали в республиканской газете «Коммунист» и большую выдержку из твоей статьи о нем — тоже чудной. Армения помнит тебя и в хорошие дни. Издание Кучака с твоим предисловием — это хорошие дни. Когда мы здесь узнали, что ты здоров,— это тоже хорошие дни. В Ленинграде вышел том «Армянской средневековой лирики», на рукопись которого ты написал такую изумительную рецензию. Это тоже хорошие дни.

Видишь, как много хороших дней. Бог даст, чтобы их было еще больше.

Привет тебе, дорогой, привет и всего доброго.

Левон.

У меня нет сейчас экземпляров, как будет — вышлю»[113].

Второе письмо он написал Кулиеву спустя полтора месяца. В нем тоже Левон благодарит Кулиева за проделанную им работу. Мкртчян как составитель книги понимал, что значит слово поэта в среде армянской интеллигенции.

«Дорогой Кайсын! Как только вышла книга средневековой армянской лирики — твой отзыв напечатала наша «Литературная газета» («Гракан терт»). То, что именно ты написал похвальное слово, идущее из глубин души, на сборник армянской лирики, особенно ценно и делает мне (как составителю этой книги) честь.

Спасибо тебе. Привет от Амо. Всего доброго.

Л. Мкртчян. 16 июля 1972 года»[114].

Переписка между Кулиевым и Мкртчяном интересна еще и в том отношении, что по ней можно проследить, как они оба нуждались друг в друге. Письмо Кулиева от 21 декабря 1977 года, отправленное из Москвы в Ереван, говорит о многом:

---

[113] Там же, ед. хр. 180, л. 77.
[114] Там же, л. 78.

«Дорогой друг Левон! В одном из своих писем (я даже помню дату: 23 января 1974 г.) ты писал мне: «...ты в своих письмах такой же добрый и щедрый, как и в стихах. Я дорожу и горжусь дружбой с тобой». Слова высокие и приятные для меня.

Сегодня я обращаюсь к тебе с просьбой, чтобы и ты был добрым по отношению к моей землячке — Тамаре Эфендиевой. Ты ее знаешь, Левон, помогал ей не раз. Когда отмечали юбилей — 100-летие со дня рождения Аветика Исаакяна, с твоей помощью она опубликовала статью в «Коммунисте» — «Духовное родство». Имеешь ее книгу «Поэзия жизни» обо мне.

Тамара Эфендиева давно занимается исследованием моей работы. Еще в 1972 году я прочитал написанное ею исследование и даже написал небольшое вступление к рукописи, а Михаил Дудин поместил стихи «Письмо Кайсыну» («Кайсын, мне хочется в Чегем...») и быстро набросал мой портрет. Тамара была у него в Ленинграде. С тех пор прошло пять лет. Все это время она работала, ты — ученый, поймешь и знаешь, что значит выйти сейчас на защиту, тем более докторской диссертации. В институте литературы им. Низами АН АзССР обещали разовую защиту организовать, но при условии, если будет официальное согласие кооптируемых членов Ученого совета... Тамара была в Баку и говорила с зам. директора Института Талыб-заде Камалом Абдулла Шаиг-оглы. Буду просить Нафи Джусойты и тебя поддержать Тамару, пока простым письменным согласием, чтобы ее документы приняли в Низами и все необходимое к обсуждению ее докторской.

Милый Левон, поддержи еще раз балкарцев!

До свидания. Жму твою руку, обнимаю по-братски.

Твой Кайсын»[115].

Кулиев написал вступление к рукописи доцента Т. Е. Эфендиевой «Поэзия гуманизма и высокой гражданственности» (Творчество К. Кулиева в русских переводах). Это была докторская диссертация. Вот что написал поэт:

---

[115] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 98.

Эта работа настолько основательная, так много времени и труда отдал автор изучению моей скромной литературной работы, что мне стало как-то неловко от сознания того, что моя работа не заслуживает подобного отношения. Хотя я и считаю это преувеличением и неоправданным, но все же прочитал эту серьезную работу. У меня не возникло каких-либо серьезных возражений, а пустяки остаются пустяками. Милая Тамара Емельяновна, хочу вам только сказать большое спасибо, благодарю Вас!

Это серьезная и хорошая работа. Сколько труда Вы в нее вложили! Все это, конечно, незабываемо от меня.

14 января 1972 г. Антон Шухов.

ОТЗЫВ КАЙСЫНА КУЛИЕВА
о докторской диссертации Эфендиевой Т. Е. «Творчество Кайсына Кулиева» (Художественная концепция личности)

Более десяти лет Тамара Эфендиева занимается исследованием вопросов развития балкарской поэзии и главным образом моей литературной работы. Она написала обо мне несколько книг, много статей.

Я знал ее сельской учительницей, когда приезжал в Гунделенскую среднюю школу, встречался с учащимися на литературных диспутах, следил за ее ростом как ученого, когда она, будучи доцентом КБГУ, написала обо мне хорошую монографию «Поэзия жизни», читал дважды ее докторскую диссертацию в ноябре 1972 года (свои мысли об этом я изложил в предисловии к первому варианту диссертации) и в феврале 1982 года, старался помочь, что было в моих силах: вместе думали над построением работы, содержанием, планом.

Считаю, что ее труд заслуживает серьезного внимания. В нем ясно прослеживается концепция исследования, и в начале работы четко сказано автором диссертации о сути проблемы.

Полагаю, что не случайно Тамара Эфендиева взяла такую проблему, как концепция социалистической личности и роль поэта в ее утверждении. Ведь самым главным богатством нашего общества и его важнейшим итогом является советский человек, как новое социальное явление. Социалистический тип личности — новый тип, и он нашел художественное отражение в литературе социалистического реализма. Вопросы, поднятые автором в ее работе, считаю актуальными.

Я, как и другие советские писатели, по возможности старался утверждать художественным словом человека-труженика, человека-борца, мужественного и стойкого, стремился постигнуть его нравственный мир во всех сферах человеческого бытия. В этом плане я учился у М. Горького, впервые воплотившего в литературе социалистического реализма марксистско-ленинскую концепцию человека. Пусть лучшим выражением нашей любви к великому писателю-гуманисту будет мужественная защита Жизни и Человека от всех посягательств. Пусть живет и побеждает на бессмертной земле горьковский человек-творец.

В своем исследовании Тамара Эфендиева, по моему мнению, правильно подчеркивает, что вопросы художественной концепции личности в новописьменных литературах пока еще мало исследованы и постановка их вызвана еще и тем, что в последнее время буржуазные идеологи различных модернистских течений пытаются выдавать разочарование в идеалах человечества, скептическое отношение человека к жизни, отрицая его разум и интеллект, за главный процесс в духовном бытии эпохи.

Мы, советские писатели, верим в будущее человечества и бессмертие его труда и культуры, верим в советского человека, патриота и интернационалиста, и, как можем, поддерживаем эту веру в нем. Все интересное на земле создано общими, дружными усилиями честных людей, их руками и разумом, даже их страданиями и гибелью. Во все ими сделанное они вдохнули бессмертную силу благородства, красоты человеческой души и подвига. На лучших творениях художников и мыслителей всех народов лежит печать совести человечества. Ее мы чувствуем даже в каждой затерянной среди скал старинной башне — творении безымянных мастеров, совесть которых была чиста, как снега вершин, постоянно сверкавших перед их глазами.

Обо всем этом и многом другом я пытался сказать в своих скромных вещах, а Тамара Эфендиева с точки зрения литературоведческого анализа обобщила это и показала роль поэта в утверждении концепции социалистической личности. И ей это, по нашему мнению, удалось.

Возражений по общим теоретическим и частным вопросам, связанным с осмыслением и анализом моих книг, у меня нет.

Автор диссертации проделал огромную работу, которая имеет социально-культурное значение, дает новое перспективное направление в литературоведении, в исследовании многонациональной советской поэзии и конечно же имеет научно-практическую ценность, поскольку данное исследование — необходимое звено в научном изучении и понимании вопросов диалектического единства и многообразия советской литературы, взаимовлияния и взаимообогащения многонациональной советской поэзии.

Шамилю Джемалову
На память

Мавлид ДУДИН

ПИСЬМО КАЙСЫНУ

Кайсын, мне хочется
в Чегем,
Под своды старой сакли,
Там угли в пепельном очаге
И хворост не шелохли.
Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.
И во главу угла стиха
По завещанью ока
Поставим посох пастуха
Как инструмент пророка.
Ставлем ячмень нужна трава
И в полдень — тень чинары,
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.
Потом спешать от ледников
В долины сурт овечий
На перекресток всех веков
И всех противоречий.
Чтобы над пропастью
пустыней
Одна спасла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа
Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.
Чтоб наше слово мир,
как цель
Держало на прицеле,
Чтобы играть, как форель,
В былях при лунном свете.

Письмо Кайсыну

Кайсын, мы сядем в челн
под сваи старой Сакли.
Там ум в иное стало
и возраст не указка
Там мысли чей-то кожи
и мы, присев на шкуре,
поговорим о днях грядущих
и предстоящей буре
и во главу угла поднимем
по мановенью глаз
посадим посох пастуха
как инструмент пророка
Сгребем давно нужна трава
и в полдень тень чинара
а над (тобой пасти слова,
как звездные отары
порой сгоняя от ледников
в долины гурт овечий
На перекрестках всех веков
и всех противоречий.
Чтоб над пропастью Вершины
одна спасала Правда
России трепетную Синь
и Седину Кавказа.
Чтоб мы могли смотреть
иные видеть дали,
как сокровенья отчей Земли
одной Земной печали-
Чтоб наше слово мир как уголь,
Держало на причале,
Чтоб играло, как форель,
В ключе при лунном свете

17.11.72

Р. Дадаш

Вступление Кулиева к рукописи диссертации Эфендиевой Т. Е. приводится здесь полностью, так, как оно было написано тогда, в начале 70-х годов, и заверена подпись поэта печатью Кабардино-Балкарского Союза писателей и секретарем СП КБАССР. Это был официальный отзыв Кайсына Кулиева на докторскую диссертацию Эфендиевой Т. Е. «Творчество Кайсына Кулиева» (Художественная концепция личности).

Помещаем и еще один интересный документ, о котором писал Кулиев в письме: собственноручно написанное стихотворение М. Дудина «Кайсын, мне хочется в Чегем...» (17 ноября 1972 года) и быстро нарисованный Михаилом Александровичем портрет Кайсына. Портрет Кайсына и стихотворение о нем Дудин поместил на первых страницах диссертации — ее обложке и титульном листе. Читать диссертацию, которая составляла около 500 страниц машинописи, он не стал. Засмеявшись, Михаил Александрович сказал, что он «верит во всем своему другу Кайсыну, мудрому чегемцу, и его слову, а оно во вступлении к рукописи». Эту одну страницу Дудин внимательно прочитал и сказал серьезно: «Недавно я закончил стихотворение «Письмо Кайсыну» и нигде еще оно не опубликовано. Пусть остается оно в Вашей диссертации на долгую память о Вашем пребывании с Салихом в Ленинграде и у меня в гостях. Вы мне привезли дорогой привет от Кайсына. Я Вам подарю его портрет и стихи «Кайсын, мне хочется в Чегем под своды старой сакли...». Поэт немного призадумался, а потом добавил: «Судя по дате под подписью Кайсына Вы были у него 14 ноября, а 17-го — у меня в доме. За три дня еще сохранилось тепло рук Кайсына, которые держали эту объемистую рукопись. Я тоже приложил руки к ней». Таким мне и Салиху запомнился Михаил Александрович — шутливым и серьезным, гостеприимным и добрым. Он позволил нам быть его другом, потому что Кулиев написал ему в письме, что мы — друзья Кайсына.

6 апреля 1984 года Левон Мкртчян послал из Баку Кулиеву телеграмму в связи с защитой докторской диссертации в Институте литературы им. Низами на тему «Творчество Кайсына Кулиева: художественная концепция личности». Официальными оппонентами были Л. М. Мкртчян, Н. Г. Джусойты и Г. Г. Халилов. В телеграмме говорилось:

«Дорогой Кайсын, четыре рядовых доктора наук, четыре профессора приветствуют тебя, маршала поэзии, и ра-

ды сообщить, что были крестными отцами докторской диссертации, посвященной тебе, твоему творчеству. Это воистину значительное событие в жизни нашей страны, нашей любимой Балкарии. Защита прошла успешно. Да здравствует поэзия и братство!

Азиз Мирмухамедов, Левон Мкртчян, Нафи Джусойты, Гулу Халилов.

6 апреля 1984 г. Баку».

Получив эту телеграмму от Левона Мкртчяна, Кулиев обрадовался: он знал, какой тяжкий путь пришлось пройти Тамаре Эфендиевой — от лаборанта кафедры русской литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета до доктора филологических наук. Потом Кулиев прочитает о ней и о ее защите в статьях журналиста З. Бербекова, опубликованных в республиканских газетах — «Кабардино-Балкарская правда» (1985, 11 июля), «Коммунизмге жол» (13 июня), «Ленин гъуэгъу» (14 июня) и в журнале «Советская тюркология» (Баку: изд. Академии наук АзССР, 1985. №3. С. 107) — «Творчество Кайсына Кулиева: Художественная концепция личности».

Дружба между Кулиевым и Мкртчяном была важным звеном в развитии обоих национальных литератур, благотворное влияние которых прежде всего сказывалось на них самих. Вот одно из писем Кайсына Кулиева, полном благодарности армянским друзьям за тот труд, который вложили они, чтобы балкарский поэт зазвучал на армянском языке.

«Дорогой Левон, с Новым Годом тебя! — писал Кулиев 29 декабря 1973 года из Нальчика. — Пусть он будет добрым и счастливым для тебя. Ты это вполне заслужил своим умом и талантом. Я, старый чегемец, желаю тебе здоровья, вдохновения и много радостей. Я давно сказал, что ты из числа самых талантливых людей. У тебя редкое сочетание таланта, ума и эрудиции. А это бывает не так уж часто и является счастьем для живущего. Жизнь, одарив тебя всеми этими благами, была щедра и добра к тебе. Спасибо ей за это. Ты из тех людей, которые много делают для армянской культуры, я даже могу позволить себе сказать, что ты из редких людей, блистательный армянин и выдающийся кавказец. Это я могу сказать в отношении

очень немногих, ибо хочу постараться всегда быть верным истине. Это главное. Дело в том, что все это я говорю тебе не с целью лишний раз похвалить тебя, в чем, кстати, ты не нуждаешься. Нет, это я ношу в себе, это выношено мной и выведено из всего, что ты делаешь. «Служенье муз не терпит суеты». И тут Пушкин, как и во всем, был, конечно, прав. Короче говоря, я постоянно слежу за твоей работой, ты интересен мне и дорог. Я люблю тебя, милый Левон. От этого мне как-то лучше жить на этом свете.

Благодарю тебя за мою книжку на армянском. И ее выход оказался возможным благодаря твоим стараниям, и эта идея принадлежит тебе. Я это знаю. Большое тебе спасибо, друг. Она издана очень мило и обрадовала здесь не только меня, но и тех, кто меня любит. Выход ее говорит о большой культуре наших деятелей армянской литературы. Такое может сделать только нация с большой культурой. Иначе был бы невозможен выход отдельной книжкой написанного об Армении скромным литератором очень маленького народа. В таких случаях обычно издают литераторов великих или больших народов. Именно в этом смысле твой шаг имеет особую суть, я бы сказал, — красоту. В этом особое значение твоего поступка и армянского издательства. Прошу тебя при случае передать им мою признательность. Я не знаю, кому написать, не то бы написал и поблагодарил.

Также большое тебе спасибо, милый Левон, за книгу твоих замечательных статей-размышлений и за то, что ты удостоил меня, скромного чегемского литератора, быть среди тех больших поэтов, о которых так замечательно пишешь. Я живу по-прежнему, старею, пописываю.

Дорогой Левон, кланяюсь твоей земле и твоему дому. Семейству твоему желаю счастливого Нового Года и всех благ. Если увидишь или позвонишь Амо Сагияну — этому замечательному поэту, передай мой братский привет. Он действительно один из крупнейших ныне поэтов.

Обнимаю тебя.

Твой Кайсын Кулиев.

Благодарю еще раз за твое братское ко мне отношение. Оно мне очень дорого!»

Чувства благодарности были обоюдными, и любовь их друг к другу была искренней и прочной.

Кайсын Кулиев всегда говорил: «Я испытываю большую

любовь к Армении. Армения живет в моей крови». И армянский народ тем же отвечал ему. В своей книге «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» его близкий друг Левон Мкртчян пишет: «Низкий, низкий поклон от армянских друзей, от его армянских читателей балкарской земле, балкарской истории, взрастившей поэта, слово которого помогало людям жить достойно, так, чтобы были добрыми мы сами и наши дела»[116].

Думая о Кайсыне, Левон Мкртчян убежден, что на пороге XXI века, когда все еще продолжаются национальные конфликты и национальные противостояния, нет поэтов, подобных Кулиеву, который «любил-желал и всегда был активно добр к миру и людям. Очень нам недостает Кайсына Кулиева теперь,— писал Левон Мкртчян,— когда вдруг обнаружилась с такой отвратительной бескомпромиссностью вражда между народами нашей страны. «Когда и век озверевал, поэт был человеком», — говорил Кулиев. Теперь я часто вспоминаю его слова о том, что любить все человечество легко, трудно полюбить соседа. О любви и гуманизме теперь говорят все и говорят много. Но все это — десятилетиями громко декларируемый казенный «гуманизм» без любви к живым людям, к народам-соседям — расхожие слова, пропаганда»[117].

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ГРУЗИЯ

> Поэзия Грузии озарила мою душу и мою жизнь, стала необходимой для меня.
>
> *К. Кулиев*

Жизнь и время сближают поэтов разных национальностей, устанавливают дружеские связи между ними в процессе продолжительного творческого общения. Прочные творческие литературные связи — это давняя гуманистическая традиция между писателями и художниками Востока и Запада.

[116] *Мкртчян Л.* Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой. Ереван, 1997. С. 17.

[117] Там же. С. 23.

Ближними и дальними маршрутами от писателя к писателю идут письма, стихи, в которых они делятся мыслями об общем, единокровном, о поэзии, сближающей сыновей разных народов. «Так всегда: читаешь книгу, а знакомишься с человеком, — писал грузинский поэт Морис Поцхишвили в 1969 году в письме Кулиеву, — и он входит в твою жизнь со своими мыслями, своей мудростью, со своим голосом и взглядом. Так я верю Вам, Кайсын, когда читаю прекрасные строки, адресованные мне и всем нашим друзьям по перу»[118].

Кулиеву было дорого все, связанное с Грузией, потому что там — жили его друзья. Среди них немало поэтов разных поколений, с разными судьбами и характерами: Тициан Табидзе и Георгий Леонидзе. Симон Чиковани и Реваз Маргиани, Карло Каладзе и Отар Чиладзе, Ираклий Абашидзе и Григол Абашидзе, Алеко Шенгелиа и Иосиф Попешвили, Мурман Лебанидзе и Морис Поцхишвили. Со всеми Кулиев был знаком лично. «Я имел радость пожимать руку Тициану Табидзе, Георгию Леонидзе, Симону Чиковани, — писал Кулиев. — Эти руки были из лучших — руки мастеров. Я никогда не забуду их»[119]. Со многими грузинскими поэтами, по словам Кайсына, он имел радость общаться, делить хлеб и вино дружбы, читать их замечательные произведения, восхищаться великой грузинской поэмой Шота Руставели, лирикой Николаза Бараташвили, высоко чтил духовных вождей грузинского народа, поэтов-классиков Илью Чавчавадзе и Акакия Церетели, любил стихи поэта земли и мужества Важа Пшавелы, который высился «в поэзии, подобно большой горе, самобытный и могучий, похожий только на самого себя»[120].

В очерке «Моя Грузия» Кулиев писал: «Мне довелось увидеть довольно много стран и краев. Но Грузия, наряду с землей отцов, увенчанной белым Эльбрусом, остается моей глубочайшей привязанностью, моей горячей любовью». И далее: «В течение многих лет одной из самых горячих моих привязанностей остается грузинская поэзия. Я люблю ее старых и новых мастеров от Руставели до Леонидзе, от Гурамишвили до Чиковани, от Бараташвили до Маргиани. Она была и остается для меня большой школой, а

---

[118] Литературная газета. 1969. 1 янв.
[119] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 223.
[120] Там же.

грузинские мастера — моими учителями, наряду с Пушкиным, Лермонтовым и родным Кязимом Мечиевым»[121].

В стихотворении «Поэтам Грузии» Кулиев говорил о творческой дружбе поэтов обеих республик — Грузинской ССР и Кабардино-Балкарской АССР, входивших тогда в состав СССР, о братской солидарности в борьбе за общечеловеческий прогресс: «Спаянные общею судьбою, сросшиеся, как гора с горою, с вами неразлучны мы навек!»[122] Издавна сложившаяся социально-эстетическая общность народов Северного Кавказа и Закавказья давала право на постоянное внимание поэтов, становилась осознанным принципом литературы и искусства. Живым откликом художественного осмысления поэтической преемственности и служило стихотворение «Поэтам Грузии». Утверждая поэтическую преемственность, воспевая исторические корни согласия кавказских народов, Кулиев говорил, обращаясь к лучшим поэтам и художникам Грузии:

К вашей песне, горькой и беспечной,
одарен и я любовью вечной,
словно наш Эльбрус и ваш Казбек.
Стихотворец, ваш сосед недальний,
тихим словом Грузии печальной
я овеян и пленен навек.

Перевел *Н. Гребнев*

Знакомство Кулиева с жизнью современной Грузии, с ее поэзией, обычаями и традициями народа, древней культурой открыло в творчестве поэта новые страницы. Стихи его подарили читателям образ этого замечательного края, поведали о судьбе грузинского народа, история которого полна драматизма, и рассказали о любви Кулиева к Грузии, ее людям, к ее поэзии, «заворожившей всех своей высокой мощью и эмоциональностью», и искусству. В стихотворении «Ту ночь в Кахетии мне помнить вечно» Кулиев упивался прелестью лунной ночи, когда «трава и даль — все в лунном свете было», и читатель зримо ощущал зрелые плоды винограда, видел деревья в саду, дорогу, домики села. Очарованием покоя, обаянием чудесной природы полны строки этого стихотворения.

[121] Там же, с. 218—219.
[122] *Кулиев К.* Книга земли. М., 1972. С. 103.

Ту ночь в Кахетии мне помнить вечно.
Луна сияла, зависти полна
к земле, где зрели лозы, где беспечно
сидели мы за чашами вина.

. . . . . .

И никогда уж ей не позабыться.
Тогда — попробуй память превозмочь! —
жил Чиковани, жил и Леонидзе,
и пили все за жизнь мы в эту ночь[123].

Перевел *Н. Коржавин*

Высокой поэтической одухотворенностью, глубоким и мягким лиризмом, искренностью проникнуто стихотворение Кулиева «Послание грузинским женщинам». В нем просветленность и преклонение перед красотой грузинских женщин сплавлены в единое целое, поскольку для поэта женщина всегда была «светом сердца, светом доброты и материнского чувства», а ее красота — великим даром живущим.

О грузинские жены, не скрою,
Предо мною загадка одна:
Землю вы озарили красою
Или вас одарила она?[124]

Перевел *Н. Гребнев*

Грузинские женщины всегда были идеальными, и поэты воспевали их во все времена, наполняя высоким нравственным содержанием и смыслом их предназначение в жизни.

Ведь не зря отовсюду веками
Устремлялись поэты сюда
И влюблялись, плененные вами,
В вашу землю они навсегда.

Кулиев — не исключение из поклонников женской красоты, поэтому во славу грузинских женщин он дарит им свое сердце и стихи:

О Ламары, Этери и Тины,
В восхищенье я сделал, что мог:

[123] *Кулиев К.* Книга земли. М., 1972. С. 220.
[124] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 267.

Бросил вам через наши вершины
Этот стих, как чегемский цветок[125].

Перевел *Н. Гребнев*

Где больше воспел Грузию Кайсын — в поэзии или в прозе? Вероятно, и в той, и в другой области своего творчества Кулиев отдал должное этой стране, которую воспели русские и зарубежные поэты. Слова любви, идущие от сердца, сказал Кулиев в статье «Песня зеленого дерева»: «Грузия! Как прекрасна она в своих контрастах, как неповторим ее облик! В этот край влюблялись все большие и малые поэты. Увидев однажды, никто из них не мог забыть ее, как не забывают мир своего детства»[126]. Может, поэтому Кулиев не раз обращался в минуты вдохновения, часы радости и печали к ее прославленным поэтам. Так, большой силой чувств проникнуто стихотворение «Отар Чиладзе, ты назначь мне встречу...». Оно начинается со спокойного обращения к своему другу с просьбой назначить встречу в Тбилиси, чтобы вместе побродить и почтить память тех, «кто так воспел грузинские деревья, что вечно зеленеть заставил их». Кулиев вспоминал друзей, которых уже нет, отсюда грусть его, потому что

Тбилиси все пустынней, все печальней,
И склон Мтацминды тесен от могил.
Как много их, ушедших в путь свой дальний,
Людей, которых знал я и любил[127].

Перевел *Н. Гребнев*

Острота поэтического чувства наполняла драматизмом эти лирические строки, повествующие о смерти и любви. В последующих строках открывалась целая гамма человеческих переживаний. Но главное здесь — уверенность в новой встрече с новым поколением друзей, которые уверенно понесут эстафету старших. Ноты грусти не покидали Кулиева, и в этом стихотворении каждое четверостишие проникнуто печалью о Тициане Табидзе, которого уже здесь нет («Я ждал и жду заветной встречи этой, он опоздал почти на тридцать лет»), и многих других.

[125] Там же.
[126] *Кулиев К.* Песня зеленого дерева // Литературная Россия. 1969. 14 февр.
[127] *Кулиев К.* Кизиловый отсвет. М.: Сов. писатель, 1969. С. 52.

Живые устают от расставаний.
Разлукам без свиданий нет числа.
Для Леонидзе и для Чиковани
Не все ль равно, что алыча бела.

Симона Чиковани Кулиев знал лично, а его поэзия была для него опорой и духовной поддержкой, когда он находился в Средней Азии, жил вдали от родной земли и «видел лишь во сне Эльбруса купол белый».

Шла тень орла по куполу вдали,
И я следил за ней душою онемелой.

. . . . . .

Я раскрывал твой том и не смежал ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.
Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный клёкот.

Перевел *М. Дудин*

«Я раскрывал твой том, и прибавлялось сил», — писал Кулиев в стихотворении «Симону Чиковани» (1963). Оно о том, что пережил Кулиев, и о том, каких вершин достиг своей поэзией Симон Чиковани, какую роль он сыграл в жизни балкарского поэта («За милый мир тебя благодарил и дожидался своего рассвета»). В небольшой статье о нем Кулиев писал: «У Чиковани есть вещи, которые я знаю наизусть много лет. Повторять их для меня так же естественно, как видеть рассвет и зеленые деревья...

Контрастная, верная действительности, живописная, трепетно-эмоциональная поэзия Симона Чиковани прекрасна. Она — одно из лучших достижений многоязычной советской поэзии. Знаменитый грузинский мастер стоит в одном ряду с лучшими поэтами нашего времени». Симон Чиковани был на 14 лет старше Кулиева, но никогда не подчеркивал этого и при встречах с Кулиевым был всегда внимательным и чутким собеседником, готовым откликнуться на любую просьбу, дать нужный совет. «Проведенные с ним часы были для меня счастливыми и незаметными, — вспоминал Кулиев. — Общение с большим человеком — всегда счастье. Он был моим учителем, внимательным, чутким и правдивым». В его семье Кулиев был не раз, и когда случилась беда, Кулиев приехал на похороны друга. Вдове поэта он посвятил стихотворение «Марике Чиковани» (1966) вскоре после похорон Симона Чиковани, когда эта замечательная женщина была жива. Кулиев присутст-

вовал на похоронах, видел безутешное горе вдовы и сумел это передать художественным словом. Стихотворение состоит из двух частей. В первой части стихотворения глубокое чувство печали поэта перекликается с безмерным горем вдовы:

О, как ты плакала, Марика,
Не многим плакать так дано,
И небо за горой великой
С тобой рыдало заодно[128].

Перевел *Н. Гребнев*

В речи поэта слышались глубокие волнение и скорбь, усиливаемые тем, что трагизм положения ничем нельзя смягчить: «С любовью смерть равновелика, как боль и радость, день и ночь. О, как ты плакала, Марика, но чем я мог тебе помочь!» Кулиев преклонялся перед непреходящей любовью и величием женской печали вдовы грузинского поэта Симона Чиковани. Во второй части этого послания сила чувства Кулиева и его поэтическое мастерство раздвинули рамки непосредственного обращения к Марике Чиковани: это его обращение к Женщине. За взволнованной речью поэта, познавшего тяжесть горя и страдания, слышалась особая значимость свершившегося факта, перед которым он бессилен, зная ограниченные возможности человеческого слова и участия.

О Марика, над белой горою,
Ввысь, где снег да нездешняя мгла,
С песней барда и славой героя
Имя «Женщина» ты подняла[129].

В заключительных строках стихотворения содержится основная мысль, повторенная многократно во многих других поэтических произведениях, — о непреходящей красоте человеческих переживаний и бессмертии любви: «Люди — смертны, как смертны растенья, но бессмертна любовь, как зерно». Любовь равна смыслу самой жизни.

Второе стихотворение «Снова Марике Чиковани» Кулиев написал через десять лет, когда он посетил пантеон горы Мтацминды, чтобы почтить память своих друзей. Жен-

[128] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. С. 293.
[129] Там же. С. 294.

щиной исключительного ума, высокой добродетели, самоотверженности показал поэт нам Марику Чиковани в этом новом стихотворении, посвященном ей, высокие человеческие качества которой оставались нетленными:

Не всему ли, что было прекрасно,
И по смерти скончания нет?
Даже звезды, которые гаснут,
Все же светятся тысячу лет...[130]

Перевел *Н. Гребнев*

Навсегда со своим другом Симоном Кулиев простился весной 1966 года и сказал о нем прекрасные слова в небольшом очерке «Песня зеленого дерева», подчеркнув, что Чиковани любил содружество поэтов разных народов и у него было много верных друзей от Варшавы и до ущелий Кавказа, от Берлина до Киева, от Ленинграда до Еревана. Михаил Дудин посвятил светлой памяти Чиковани задушевное стихотворение. Кулиев тоже написал подобные строки «Памяти Симона Чиковани». С самых первых фраз от них веет необычайной грустью:

За сплошной пеленою тумана
Нынче робко рождается день.
Как печальны в Тбилиси платаны.
Смолк поэт, воспевавший их тень[131].

Перевел *Н. Гребнев*

Эта печаль свидетельствовала об особенном напряжении чувств человека, о его драматизме переживания, и сквозила она в каждом четверостишии стиха:

В срок назначенный явится осень
И, певца своего не найдя,
Ничего у прохожих не спросит,
А заплачет слезами дождя[132].

Дружба Кулиева с семьей С. Чиковани продолжалась. Дети прославленного грузинского поэта не раз писали письма Кулиеву, приглашая его к себе в гости. Так поступили они и когда намечалось празднование 70-летия поэта.

[130] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 270.
[131] *Кулиев К.* Жить! М.: Сов. Россия, 1986. С. 105.
[132] Там же.

«С праздником, дорогой Кайсын! — писал сын Чиковани. — Желаю Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, озаренных радостью творчества.

Надеюсь, что буду иметь возможность обнять Вас на юбилее Симона, который назначен на 28 мая.

Привет всей Вашей семье, искренне обнимаю.

Ваш Нико Чиковани»[133].

Кулиев был на юбилее Симона Чиковани, когда отмечали его 70-летие. Союз писателей Грузии сообщал:

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! 4 июня в Тбилиси отмечается 70-летие со дня рождения Симона Чиковани.

СП Грузии приглашает Вас принять участие в юбилейном вечере. Первый секретарь СП Грузии А. Абашидзе»[134].

Друг Кайсына, Григол Абашидзе, часто тревожил Кулиева телеграммами, приглашая на то или иное торжество. Так, он писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, 12 декабря отмечается 70-летие со дня рождения выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля, лауреата премии имени Руставели Константина Александровича Лордкипанидзе. Председатель юбилейной комиссии — Абашидзе»[135].

Иногда для большей убедительности он давал телеграммы коллективного характера, адресуя ответы Кулиева в Москву. «Восемнадцатого и двадцать пятого июня, — писал он, — просим Вашего согласия участвовать в Днях советской литературы в Грузии, посвященных заключительному году девятой пятилетки, а также поэзии Маяковского. Подтвердите Ваше согласие Ляшкевичу. Симонов, Абашидзе»[136].

У Кулиева в Грузии было много хороших друзей, которым он посвятил или очерки в прозе, или стихи-послания, такие, как «Веселые люди» (Теймуразу Чиргадзе), «Ираклию Абашидзе», очерки «Поэзия высокой мысли» о Резазе Маргиани, «Языческий певец» о Карло Каладзе, «Чудесный кахетинец» о Георгии Леонидзе, «Обнаженное сердце» о Тициане Табидзе, «Подобный молнии» о Николазе

[133] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 84, л. 1.
[134] Там же, оп. 2, ед. хр. 235, л. 13.
[135] Там же, оп. 3, ед. хр. 111, л. 49.
[136] Там же, л. 21.

Бараташвили, «Песнь земной красоте» о Шота Руставели и «Песня зеленого дерева» о Симоне Чиковани.

В каждом из этих кратких очерков дана яркая и глубокая характеристика того или иного поэта, его жизненный и творческий путь, особенности и отличительные черты поэзии, внутренний и внешний облик. Кулиевская краткость и глубина мысли удивительны в оценке того произведения, которого он касался: будь то шедевры Тициана Табидзе «Не я пишу стихи...», «Иду со стороны черкесской...», «Ликование» и «Если ты — брат мне...» или восхитительные строфы о любимой Бараташвили «Он прекрасен без прикрас...». Так, в предисловии к книге стихов Николаза Бараташвили в переводах М. Дудина (апрель 1971 г.) Кулиев писал: «...Николаз Бараташвили из числа гениальных юношей девятнадцатого века, каждый из которых прошел как молния, оставив в нем нестираемый временем след. Около сорока стихотворений и одна небольшая поэма — вот все его наследие, и несмотря на это, он стал одним из величайших поэтов своей родины и вошел в семью мировых поэтов. Гениальность Бараташвили неоднократно отмечали его великие соотечественники — духовные вожди грузинского народа, классики мировой литературы Акакий Церетели и Илья Чавчавадзе, а также крупнейшие поэты нашего времени, такие, как Пастернак, Леонидзе, Тихонов, Чиковани»[137].

В последних стихах Кулиева, обращенных к грузинским собратьям по перу, много печального. Он осознавал что «...бег дней неудержим, дух времени тревожен». Поэт понимал, что он болен серьезно, и был готов к самым тяжелым испытаниям. Главной опорой и поддержкой в эти трудные дни стали его друзья. Они приносили больному радость и утешение. Кайсын был уверен в том, что пока они слышат голоса друг друга и пение горных рек, то «смерти злой коса» им «будет не страшна в своем замахе злобном». Видимо, не случайно в самые печальные дни Кулиев обратился к Алиму Кешокову с письмом из больницы: «Тревоги не тая, играет жизнь опять на черной мне свирели. Я из больницы, брат, пишу тебе сейчас...» Трагические ноты лирики Кулиева последних лет, особенно сборника «Говорю людям» (М., 1985), объяснялись рядом причин, одной из которых была его неизлечимая болезнь. Му-

[137] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 13, л. 6—7.

чительная боль нашла свое выражение через разные художественные формы. Приемы, к которым прибегал поэт, просты и эффективны. Иногда он начинал с письма из больницы («Алиму Кешокову»), дружеского послания («Овцеводу Салиху Аттоеву»), товарищеского совета («Только так» — Чингизу Айтматову), посвящения («Памяти Мирзо Турсун-заде», «Зимней ночью зову друга», «Памяти Аркадия Кулешова»), с какого-нибудь конкретного факта («Подарок друга» — о писателе Нурпеисове Абдижамиле) и т. д.

«Ираклию Абашидзе» — одно из таких стихотворений сборника «Жить!» (М., 1986), изданного уже после смерти поэта. Это лирика разных лет, но подобранная для издания по воле поэта. Начинается стихотворение с размышления-беседы с другом, которого Кулиев называл не иначе, как королем кавказских поэтов.

Коль выпадет вдруг мне увидеть: горит все печальней
Звезда моя в сини над белыми шапками гор, —
Друзей я окликну. Откликнутся ближний и дальний —
Откликнутся все, где б в горах ни горел их костер.

— Мы слышим тебя! — я услышу. И сразу увижу:
Печаль отошла и, светлей разгораясь, звезда
Встает над Кавказским хребтом, поднимаясь все выше,
Где туча печали не скроет ее никогда...[138]

Перевел *Д. Долинский*

Кулиев гордился ученым званием своего друга, называя его ласково «поэт-академик». Ираклий Абашидзе был действительно академиком, вице-президентом Грузинской академии наук. Встречались они много раз и были счастливыми. Одной из таких встреч был юбилей Кулиева, когда в Москве 20 декабря 1977 года в концертном зале им. Чайковского чествовали горского поэта. Днем раньше Кулиев встретил Абашидзе и поместил его на третьем этаже гостиницы «Москва», часто спускался к нему в номер и все спрашивал, удобно ли ему здесь, и приглашал к себе в гости на пятый этаж. В день проведения юбилея выступали многие известные поэты и писатели: Константин Симонов, Алексей Сурков, Аркадий Кулешов, Сергей Михалков, Давид Кугультинов, Мустай Карим, Михаил Дудин, Алим Кешоков, Евгений Евтушенко, певец Яков Коз-

[138] *Кулиев К.* Жить! М.: Сов. Россия, 1986. С. 111.

ловский, Семен Липкин и другие. В числе их выступил Ираклий Абашидзе.

— Мое выступление на четыре минуты.

— Даю Вам больше, — сказал С. Михалков,— потому что мы с Вами оба заикаемся

— Кайсын достоин того, чтобы и немые заговорили! Его влияние на людей безмерно. Я люблю его стихи, потому что Кайсын — монолитная фигура. В этот прекрасный юбилей я горжусь его качествами характера и его прекрасной поэзией. Биография истинного поэта — это биография его страны, история родной его земли. Все отражено в стихах Кайсына: война, послевоенные трудные годы. Он тысячу раз заглянул в глаза смерти, когда с винтовкой в руках защищал Россию и Чегемскую землю. Именно тогда во стократ возлюбил жизнь и восславил ее во всех проявлениях. Уверен, что мой друг будет жить и жить, сквозь годы мчась...

После торжественной части был концерт в честь юбиляра. Ираклий Абашидзе сидел в первом ряду вместе с Кайсыном, оживленно о чем-то говорил другу и отбивал такт ногой, когда артисты исполняли песню и танец «Эльбрус-красавец смотрит с вершины в шапке могучих белых гор...». Казалось, что он сам сейчас выйдет и исполнит искрометный кавказский танец... Они были тогда оба счастливыми и уверенными в долгом совместном пути поэзии.

Что нам километры, коль нет между нами и метра, —
Идем локоть к локтю. Виски, как у гор, в серебре.
И если чинар твой вдруг рухнет однажды от ветра —
Трясется чинар в эту ночь у меня во дворе.

. . . . . .

«Ираклий!» — кричу. И «Кайсын!..» — слышу голос твой тотчас.
Эльбрус мой, он — твой! Твоя Ушба — моя на века!..
Как свет и покой — горы высятся, сосредоточась,
Как наши раздумья, над нами светлы облака!..[139]

Была и еще одна памятная встреча в ноябре 1979 года, когда Кулиев вылетел в Грузию. В Тбилиси отмечали 70-летие со дня рождения И. В. Абашидзе, родившегося 23 ноября 1909 года в селении Хони (ныне город Цулукидзе). Поэт-академик два года тому назад был на юбилее своего

[139] *Кулиев К.* Жить! М.: Сов. Россия, 1986. С. 111—112.

друга, теперь вот Кайсын приехал к нему. В своем выступлении на этот раз Кулиев подчеркнул особую роль Абашидзе в исследованиях творчества Ш. Руставели, а написанная им книга «Грузинский крестовый монастырь» — это новое слово в науке о Шота Руставели и его «Палестинском дневнике». «Я люблю поэзию Ираклия военных лет. Мы с ним участники Великой Отечественной войны, только он был старше меня на восемь лет и писал лучше, чем я», — сказал Кулиев и в заключение своего выступления прочитал стихи об этом времени — «Дети», «Сталинград» и «Капитан Бухаидзе».

Я грузин Бухаидзе. Повержен
Вражьей пулей в Кавказских горах,
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, —
Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою[140].

Перевела *В. Звягинцева*

После торжественной части было веселое застолье. Здесь собрались самые остроумные и ученые литераторы, художники, композиторы. Было много шуток и звучало много прекрасных грузинских песен. Кайсын веселился от души и произносил искрометные тосты во счастие и во здравие цвета грузинского литературного и художественного мира. Это действительно был цвет грузинской интеллигенции, и Кайсын любил их всех.

Встречи К. Кулиева и И. Абашидзе были душевными, а переписка нтересной. В стихах и в прозе, в которых они обращались друг к другу, они стремились выразить то, что больше всего их волновало, а сознание обретенной поэтической силы позволяло Ираклию писать 25 декабря 1974 года:

«Дорогой Кайсын! Обнимаю и поздравляю тебя с Новым Годом. **Желаю великих успехов,** здоровья, счастья.

Посвященное тебе стихотворение и напечатанное у нас

---

[140] *Абашидзе И.* Избранное: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 333.

(его посылаю тебе) скоро будет переведено на русский язык.

Всегда твой Ираклий»[141].

А в телеграмме, данной 3 марта 1975 года, говорилось: «Дорогой Кайсын, большое спасибо за Ваше теплое выступление в Тбилиси по Тбилисскому радио первого марта. Вся моя семья обнимает Вас. Всегда Ваш Ираклий Абашидзе»[142].

Бывая в Тбилиси, Кулиев часто был гостем приветливой и дружной семьи Абашидзе.

На протяжении всей жизни они по-доброму относились друг к другу. Нравственная цельность определяла их поступки и действия. И когда исполнилась мечта Кайсына и он стал лауреатом Государственной премии СССР, Ираклий Абашидзе поздравил его одним из первых. «Дорогой Кайсын,— писал он,— от всего сердца поздравляю тебя с высокой оценкой твоего творчества — присвоением Государственной премии. Обнимаю. Братски целую. Всегда твой Ираклий Абашидзе»[143].

Поздравили Кулиева и другие писатели Грузии. Так, Григол Абашидзе писал: «Поздравляю большим творческим успехом. От души желаю новых побед на благо нашей многонациональной литературы. Братски обнимаю»[144]. Не мог не поздравить Кайсына и Амиран Абшилава. Он писал: «Дорогой брат, от всей души поздравляю с почетным званием лауреата Государственной премии. Пусть стихи как изумруды всегда украшают семью настоящей поэзии. Обнимаю»[145].

Другом Кулиева был и Реваз Маргиани, один из известных лириков современного Кавказа. «В лирике Маргиани есть главное — содержательность, образность, мысль, откровенная сердечность, плененность земной красотой, желание радости и счастья людям, в ней бьется горячее сердце поэта,— писал Кулиев в 1972 году. —В его лирику вошло все, чем он живет, чему радуется, что его тревожит и волнует, за что он благодарен жизни и судьбе... сказанное им интересует многих, становится близким многим сердцам. Его слово — опора и поддержка для тех, кто в них нуждает-

[141] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 5, л. 3.
[142] Там же, л. 1—2.
[143] Там же, ед. хр. 113, л. 3.
[144] Там же, л. 2.
[145] Там же, л. 6.

ся»[146]. В гостеприимном доме Маргиани в Тбилиси Кулиев был не раз, выходил на балкон и смотрел на знаменитую гору Мтацминду, по его словам, воспетую лучшими поэтами от Бараташвили до Чиковани. «Много прекрасных часов проводил и я в этом доме и на этом балконе, осчастливленный добрым отношением хозяев, дружеской беседой, братским застольем»,— вспоминал Кайсын.

В стихотворении-послании «В сторону Сванетии иду» (1963) читаем:

Я в Сванетию иду под облаками.
Думалу прошел, минуя Булунгу.
Память гонится за мной. Присев на камень,
Я сдаюсь — уйти от мыслей не могу[147].

Перевел *Я. Хелемский*

Родились эти два поэта почти рядом, они почти ровесники и росли в горах. Верхний Чегем, родина Кайсына, отделяется от Сванетии и Малухи, где родился Реваз, только одной большой горой. «...Всего несколько часов ходьбы: один склон горы смотрит на его селение, — писал Кулиев,— другой — на мое». Поразило Кулиева не близкое соседство, а «грузинское хоровое пение, обворожительное для меня, одно из лучших в мире, впервые я услышал мальчиком от земляков Ревазa — малухцев. Это стало началом моей любви к грузинской поэзии». Сначала любовь к фольклору, а потом уже — восхищение лирикой грузинских мастеров.

Снова в сторону Сванетии шагаю,
Где легенды многочисленнее книг,
Мной прочитанных. Эта лирика живая
Все звенит, не иссякая, как родник[148].

С Ревазом Маргиани Кулиев переписывался всю жизнь. В архиве Кулиева есть много писем от него, так как их связывала большая творческая работа по изданию произведений Кулиева. Маргиани был редактором газеты «Литературная Грузия» («Сакартвела»), где не раз были опубликованы стихи Кайсына. Вот одно из писем Реваза от 31 октября 1972 года.

---

[146] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 251.
[147] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 124.
[148] Там же. С. 125.

«Дорогой Кайсын! Соскучился по тебе, очень соскучился,— писал он.— Сейчас у меня и у редакции нашей газеты просьба к тебе: готовим большой специальный номер, посвященный дружбе народов. Обязательно хотим заполучить твою статью о братстве литератур (желательно — в связи с грузинской литературой). Недавно ты сказал мне, что пишешь стихи о Грузии. Может быть, пришлешь одно стихотворение! Очень прошу вместе со статьей прислать хоть одно стихотворение, новую фотографию, а также факсимиле. Материалы нужно прислать мне не позже 20 сентября.

С нестерпением жду ответа. Привет твоей дорогой семье — привет джигитам!

Обнимаю. Вечно твой Реваз Маргиани»[149].

В другом письме, от 20 апреля 1973 года, Маргиани писал: «Дорогой Кайсын! В мае текущего года исполняется 70-летие со дня рождения выдающегося грузинского поэта Симона Чиковани.

Прошу тебя прислать для нашей газеты или воспоминания, или маленькую статью — что тебе будет угодно. Материал должен быть у нас не позже 10 мая. С любовью и уважением Реваз Маргиани»[150].

Подобные письма хранятся в личном архиве поэта — от 20 апреля 1970 года, 17 мая 1971 года и другие письма Маргиани (без даты), в которых Кулиев приглашался на различные юбилеи, встречи, творческие вечера[151]. Так, секретарь ЦК компартии Грузии В. М. Сирадзе и председатель правления Союза писателей Г. Г. Абашидзе приглашали Кулиева на 80-летний юбилей грузинского поэта Галактиона Табидзе. Юбилейные торжества намечалось провести с 1-го по 4 ноября[152]. В связи с этим редактор газеты «Литературная Грузия» просил Кулиева откликнуться на день рождения выдающегося грузинского поэта, «...как Вам будет угодно — стихом, статьей, воспоминанием...». «Желательно получить материал до 10 октября»[153],— писал он.

Были письма с обидой на то, что грузинская литература на протяжении 23 лет не получала признания Комитета

---

[149] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 136, л. 1.
[150] Там же.
[151] Там же, оп. 1, ед. хр. 55, л. 3.
[152] Там же, оп. 2, ед. хр. 235, л. 13.
[153] Там же, л. 22.

по Ленинским и Государственным премиям. Об этом писал Григол Чиковани, главный редактор издательства «Мирани»: «Мы с Вами знакомы. Вы были у нас в издательстве, когда мы издавали сборник Ваших стихов. Работающий тогда у нас Реваз Маргиани представил нас друг другу...» Далее он сообщал, вернее, напоминал Кулиеву о том, что подарил ему свою книгу и получил через Эмануила Регианн мнение Кайсына, его впечатление о прочитанном. Но суть письма заключалась в другом: «...меня побуждает обратиться к Вам другое дело, хотя и чувствую я себя при этом крайне неловко. На это толкает меня в первую очередь мысль о престиже грузинской литературы... Вот уже 23 года ни одному грузинскому писателю не присуждалось ни Ленинской, ни Государственной премии»[154]. Кулиев понимал обиду, но ничего не мог сделать.

ЦК компартии Грузии и правительство глубоко уважали Кулиева, часто приглашали его на торжественные мероприятия республики, поздравляли с праздниками и юбилеями. Так, Виктория Сирадзе, секретарь Компартии Грузии, писала в своей телеграмме:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, мне доставляет особую радость сердечно поздравлять Вас с 60-летием со дня рождения, выдающегося советского поэта, чье творчество всегда было проникнуто искренней любовью к людям, глубокой народной мудростью, неповторимым очарованием лиризма поэзии гор. Я желаю Вам крепкого здоровья, долголетия, покорения новых вершин творчества, с которых Ваш талант засверкает еще сильнее и прочнее, принося радость и удовлетворение его бесчисленным почитателям.

С глубоким уважением

Виктория Сирадзе»[155].

...«Языческим певцом» назвал Кулиев своего друга Карло Каладзе. В каждый свой приезд в Грузию Кулиев встречался с ним и всегда поражался его работоспособности. «Художник остается молодым,— не раз говорил Кайсын,— пока трудится. Свидетельством тому и одна из недавних книг Карло Каладзе с нравящимся мне названием «За час до старости». Она радует свежестью мыслей

---

[154] Там же, оп. 5, ед. хр. 83, л. 1.
[155] Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 9.

и красок, верой в жизнь, в человека, в будущее, молодостью энергии. В нее вошла древняя и новая красота Грузии»[156].

Много раз они собирались в доме Карло Каладзе, и милая Гюльнара встречала гостей хлебом и солью, приветливым словом и улыбкой. Кулиев не раз повторял, что счастливая судьба свела его с семьей Карло Каладзе, где он отдыхал, любил повеселиться и не скрывал радости, вызванной силой нахлынувших чувств, и где Гюльнара, жена поэта, принимала его как дорогого гостя и прославленного кавказца. «Я всегда ищу встречи с этим широким человеком,— писал Кулиев в 70-е годы.— Где Карло Каладзе — там кипение жизни, веселый смех, хорошее настроение... Он любит радовать людей. Ради этого придумывает разные веселые истории, замечательно их рассказывает, пускает в ход остроты... Я люблю Карло и людей, подобных ему,— в них много энергии, света жизни»[157]. Такими словами закончил Кулиев статью «Языческий певец» из большого очерка «Моя Грузия».

Карло и Гюльнара Каладзе всегда поздравляли Кулиева с праздниками. В одной из телеграмм говорилось: «Дорогой Кайсын! Счастливого Нового Года. Желаем Вам, большому поэту и любимому человеку — всегда желанному гостю на грузинской земле и в скромном доме на Мачабели, здоровья и радости — Гюльнара и Карло Каладзе»[158]. Этот дом в городе Тбилиси по улице Мачабели, 12, Кулиев хорошо знал.

И вот ее не стало. Кулиев получил весть. «Дорогой Кайсын, скончалась Гюльнара, — сообщалось в ней. — Похороны 9 февраля. Карло Каладзе»[159]. Кулиев вылетел самолетом в Тбилиси, чтобы быть рядом со своим другом в его трагические часы и поддержать задушевным словом.

Были в их жизни печальные и радостные дни. Без этого нет ни одной человеческой судьбы. Они это понимали, и когда приходила в дом радость, поэты радовались, поздравляя друг друга. Карло Каладзе писал в телеграмме: «...от души поздравляю. Крепко жму руку достаточно награжденному»[160]. Это была заслуженная награда. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР поэту

---

[156] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 255.
[157] Там же. С. 256, 257, 258.
[158] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 32, л. 4.
[159] Там же, ед. хр. 37, л. 16.
[160] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 66.

Кулиеву К. Ш. за сборник стихов «Книга земли» присуждена Государственная премия СССР 1974 года. Это давало право на переиздание сборника, и в 1977 году в серии «Библиотека произведений, удостоенных Госпремий СССР» «Книга земли» была снова издана. Через год, а именно 15 сентября 1978 года, Кулиев подарил эту книгу исследователю своего творчества Тамаре Эфендиевой с дарственной надписью[161].

На протяжении почти всей жизни, начиная после возвращения из Киргизии, Кулиев дружил и с Г. Абашидзе, С. Калидашвили, И. Ноненашвили. Они переписывались долгие годы, дарили друг другу свои книги, поздравляли с праздниками и днями рождения. Так, 14 сентября 1967 года Кулиев получил письмо от Калидашвили. В нем были строки любви и признательности, восхищения и благодарности за тот свет, который несут стихи горского поэта Кайсына Кулиева. Калидашвили писал о том, что он купил книгу стихов Кайсына и поразился прелести его строк, приглашал к себе в гости, в Грузию, и желал творческого вдохновения. Прочитав письмо, Кулиев своей рукой сделал приписку: «Калидашвили — один из крупнейших грузинских прозаиков (сатирик)»[162].

Таких писем Кулиев получал очень много от своих грузинских друзей. Григол Абашидзе в телеграмме в декабре 1970 года писал: «Дорогой Кайсын! Шлем наилучшие новогодние пожелания. Обнимаем. Ламара и Григол»[163]. Эта дружба продолжалась до конца дней поэта. Ни одно мероприятие не проходило в Грузии без участия Кайсына Кулиева. Его всегда приглашали на торжества. Так, 27 августа 1968 года Г. Абашидзе прислал приглашение Кайсыну на юбилей Н. Бараташвили. «Дорогой Кайсын, ждем тебя на юбилей, зная твое отношение к нашему духовному наследию»[164],— писал он.

Иосиф Ноненашвили тоже часто писал Кулиеву. В одной из новогодних телеграмм говорилось: «Дорогой Кайсын! Поздравляю, обнимаю близкого брата, истинного рыцаря, большого поэта. Пью за твое здоровье!»[165] В другом письме он приглашал Кулиева на Дни поэзии. Абашидзе

---

[161] Семейный архив проф. Эфендиевых.
[162] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 48, л. 1.
[163] Там же, ед. хр. 24, л. 1.
[164] Там же, оп. 2, ед. хр. 117, л. 2.
[165] Там же, ед. хр. 163, л. 112.

писал 1 сентября 1972 года: «Дорогой Кайсын Шуваевич! С 5-го по 12 сентября с. г. в Грузии проводятся Дни поэзии народов СССР. Союз писателей Грузии приглашает Вас лично принять участие в этих торжествах, которые посвящаются 50-летию образования СССР. Надеемся на Ваше согласие, просим подтверждения. Обнимаю. Ваш Григол Абашидзе, первый секретарь Союза писателей Грузии»[166].

Кулиев обычно откликался на такие приглашения и приезжал, потому что, кроме участия в торжествах, поэт часто публиковал свои произведения на страницах газет и журналов Грузии. Об этом свидетельствуют телеграммы, данные завотделом журнала «Литературная Грузия» Цицишвили. «Просим срочно телеграфировать согласие на наше предложение участвовать в новогодней подборке первого номера «Литературной Грузии». С приветом Цицишвили»[167],— писал он. В другой телеграмме говорилось: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, просим Вас для первого номера «Литературной Грузии» прислать несколько приветственных слов или короткое сообщение о Ваших творческих планах, либо новогодние пожелания, либо факсимиле. Ждем. Заранее благодарим. С приветом Цицишвили»[168]. Это телеграммы 1972 года. Цицишвили был горячим поклонником таланта Кулиева. Вот что он писал в телеграмме: «Дорогой Кайсын Шуваевич, Вашу прекрасную поэму получил. Будет опубликована в одиннадцатом номере журнала. Благодарю, дорогой друг, за прекрасный подарок. Обнимаю Вас. Георгий Цицишвили»[169].

Приглашений в эти годы на имя Кулиева приходило очень много. Так, в письме от 14 августа 1973 года говорилось:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Как Вам известно, в октябре сего года широко отмечается 80-летие со дня рождения поэта Галактиона Табидзе.

Редакция ежемесячного грузинского журнала «Мнатоби» (орган Союза писателей Грузии) просит Вас откликнуться на эту дату: написать для нашего журнала краткую статью (от 3 до 5 стр.) о творчестве великого грузинского поэта.

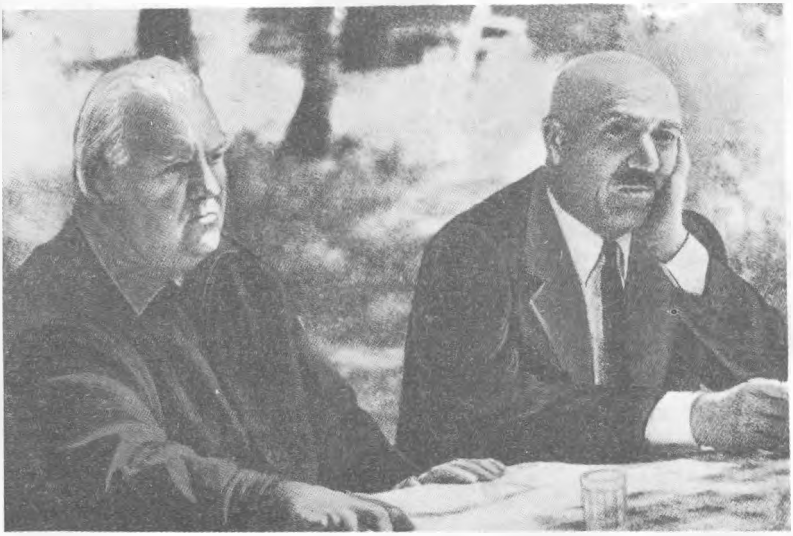
[166] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 186, л. 1.
[167] Там же, ед. хр. 180, л. 25.
[168] Там же, л. 26.
[169] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 35.

Дмитрий Кедрин

Борис Пастернак

Н. Тихонов и К. Кулиев. 1968 год

На родине в Чегеме

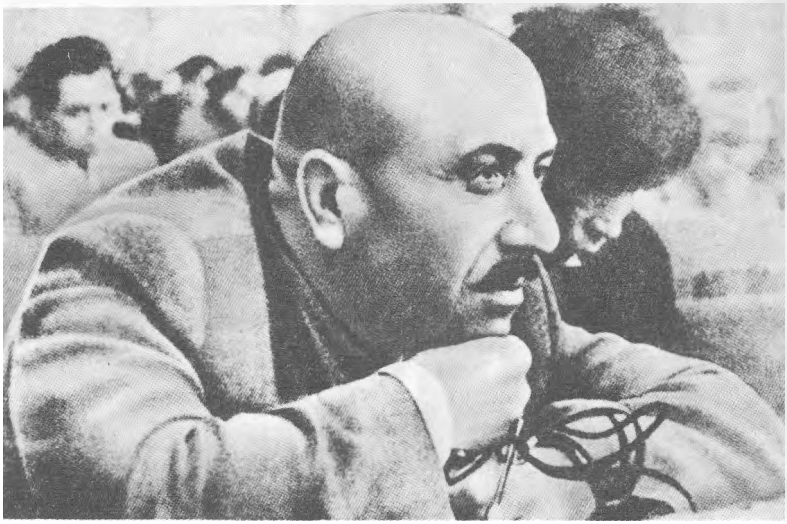
К. Кулиев беседует с колхозниками селения Безенги в Хуламо-Безенгийском ущелье. 1960 год

У родника в Чегемском ущелье. 1969 год

Н. Тихонов, М. Айбек и К. Кулиев. 1959 год

На сессии Верховного Совета СССР. 1959 год

Л. И. Брежнев среди писателей. На заднем плане – К. Кулиев и Р. Гамзатов. Москва. Июнь, 1971 год

Среди балкарских детей в новом селении Безенги. 1959 год

Кайсын Кулиев среди писателей: Фазу Алиева, Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Мустай Карим, Даниил Долинский, Михаил Киреев и др. Съезд Союза писателей РСФСР. 1959 год

VI-ое Всесоюзное совещание молодых писателей. Москва. 1975 год

С л е в а н а п р а в о: Вано Мурадели, грузинский композитор, Алим Кешоков, кабардинский писатель, Сильва Капутикян, армянская поэтесса, Кайсын Кулиев, балкарский поэт. Нальчик. 1960-е годы

Алим Кешоков, Бийберт Журтов, Кайсын Кулиев

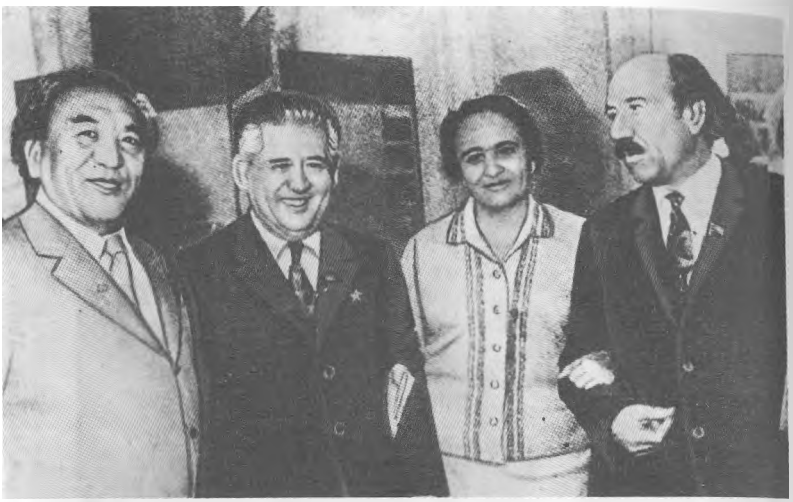
Кайсын Кулиев в парке. Нальчик. 1967 год

Кайсын Кулиев и Ханафи Хутуев среди делегатов Кабардино-Балкарии в Северной Осетии. *Дни литературы и искусства* КБАССР

Кайсын Кулиев со своими друзьями: А. Кешоковым С. Липкиным, З. Тхагазитовым, М. Кармоковым, В. Кузьминым, Б. Гуртуевым, Х. Хавпачевым, А. Шомаховым, А. Шогенцуковым. Москва. 1965 год

Слева направо: Д. Кугультинов, М. Турсун-заде, Зульфия, К. Кулиев. 1971 год

Народная поэтесса Узбекистана Зульфия поздравляет К. Кулиева с 60-летием. Нальчик. Музыкальный театр. 11 ноября 1977 года

Кайсын Кулиев выступает перед студентами Ереванского госуниверситета на вечере, посвященном ему. 21 апреля 1982 года. Сидит проф. Л. Мкртчян.

И. Андроников (т р е т и й с л е в а) и К. Кулиев. Шестой Лермонтовский праздник поэзии. Пятигорск. 14 октября 1973 года

К. Кулиев и Ю. Друнина – руководители семинара молодых поэтов на V Всесоюзном совещании молодых писателей

К. Кулиев на юбилейном вечере Ираклия Абашидзе

Слева направо: Д. Кугультинов, К. Кулиев, Е. Николаевская, Л. Кедрина. Москва. 1970-е годы

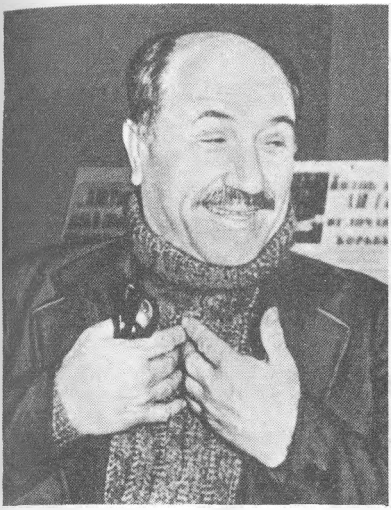
Слева направо: Назир Хубиев, Кайсын Кулиев, Магомед Хубиев. «Архыз». 1972 год

Кулиев с сельским мальчиком на коне. Верхний Чегем. 1969 год

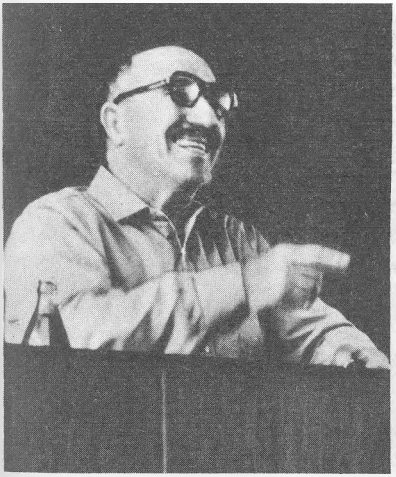
К. Кулиев среди односельчан. 12 ноября 1977 года

Быступление К. Кулиева перед учениками СШ № 9 г. Нальчика. 18 февраля 1981 года

К. Кулиев выступает на литературном вечере в ЦДЛ (Москва) перед участниками VI Всесоюзного совещания молодых писателей. 18 марта 1975 года

Нальчик. Дом политпросвещения. 1970-е годы

К. Кулиев, Нальчик. 1972 год.

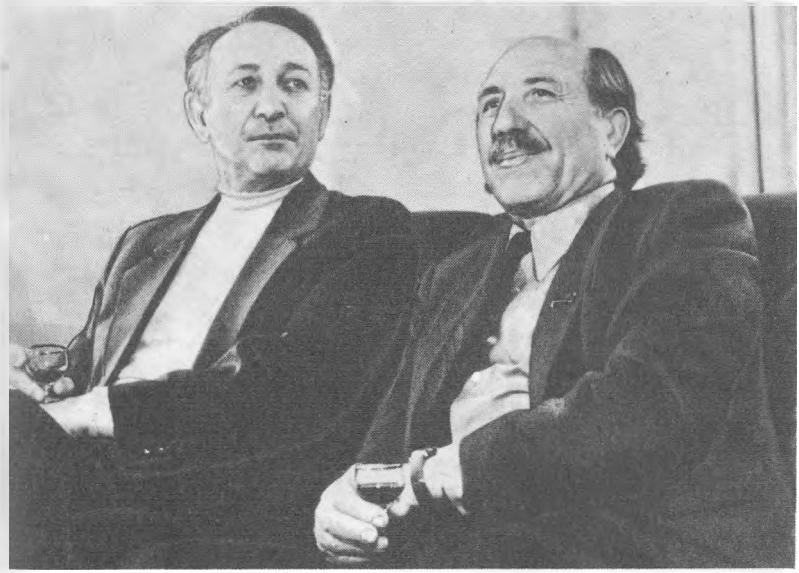
Слева направо: М. Апажев, Б. Гуртуев, А. Шогенцуков, К. Кулиев, С. Эфендиев, Б. Черемисин, С. Макитов, И. Боташев, К. Эльгаров после обсуждения «Книги земли» в библиотеке им. Н. К. Крупской. 12 марта 1974 года

Р. Гамзатов и К. Кулиев. 1960-е годы

К. Кулиев и Сильва Капутикян с подругой. Армения, около озера Севан. 1968 год

Академик АН Армянской ССР С. А. Амбарцумян и К. Ш. Кулиев. Ереван. 21 апреля 1982 года

60-летие Кайсына Кулиева. Юбиляр принимает подарки от Чингиза Айтматова. Рядом сидит Михаил Дудин. Нальчик. 11 ноября 1977 года

М. Карим и К. Кулиев. Нальчик, 11 ноября 1977 года

И. С. Козловский поздравляет К. Кулиева с 60-летием. Москва. Зал им. Чайковского. 20 декабря 1977 года

С л е в а н а п р а в о: Наум Гребнев, Осман Хубиев, Адам Шогенцуков, Джамалдин Яндиев, Мустай Карим, Тамара Эфендиева, Алисаг Эльжаруков. Салих Эфендиев перед отъездом делегации в Верхний Чегем. Нальчик. Гостиница «Россия». 12 ноября 1977 года

К. Кулиев и Н. Гребнев. Вечер, посвященный 60-летию К. Ш. Кулиева. Ленинград. Гостиница «Европейская». 26 января 1978 года

Олег Опрышко и Кайсын Кулиев. Нальчик. 7 ноября 1977 года

К. Кулиев и Б. Черемисин в парке возле Зеленого театра. Нальчик.

Н. Гасташева (1-я с л е в а) и К. Кулиев. Дни литературы Кабардино-Балкарии в Адыгее. Июнь, 1979 год

С л е в а н а п р а в о: Е. Монин, К. Кулиев, В. Вороков во дворе дома поэта в Чегеме-I. Декабрь, 1984 год

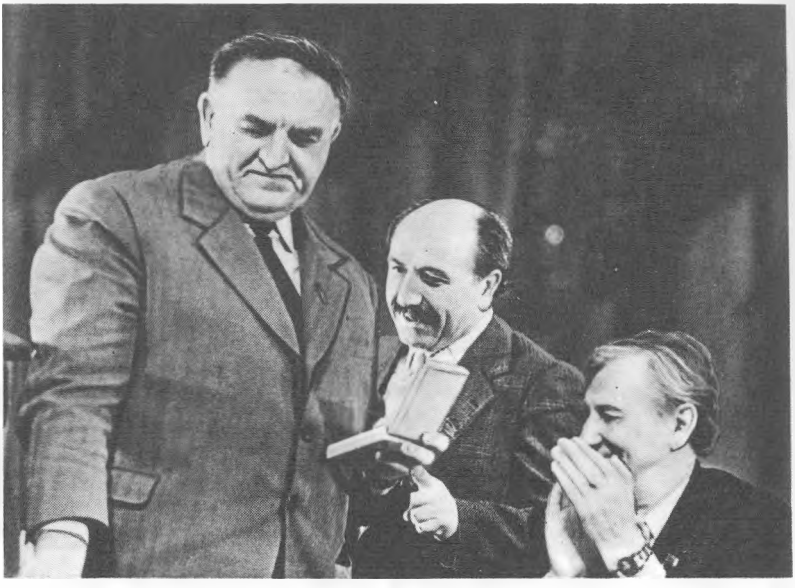
Джамалдин Яндиев, Касым Акаев, Чингиз Айтматов на родине К. Кулиева в Верхнем Чегеме. 12 ноября 1977 года

Ч. Айтматов с чашей айрана. Рядом с ним Г. Бородулин (Белоруссия), Н. Хубиев (Карачаево-Черкессия). Булунгу. 12 ноября 1977 года

С писателями КБР (с л е в а н а п р а в о): К. Эльгаров, М. Кештов, П. Шевлоков, К.Кулиев, П. Мисаков, З. Тугужев. Нальчик. 1970-е годы

М. Геттуев, К. Кулиев, М. Дудин. Нальчик. 11 ноября 1977 года

Слева направо: И. Ахкубеков, Ч. Айтматов, К. Джаппуев, А. Шогенцуков, М. Айтматова, М. Карим, Б. Чабдаров на родине К. Кулиева. 12 ноября 1977 года

Слева направо: К. Кулиев, Б. Чабдаров, М. Кучуков, Т. Зумакулова, С. Эфендиев, Ч. Айтматов, С. Михалков в селении Булунгу. 12 ноября 1977 года

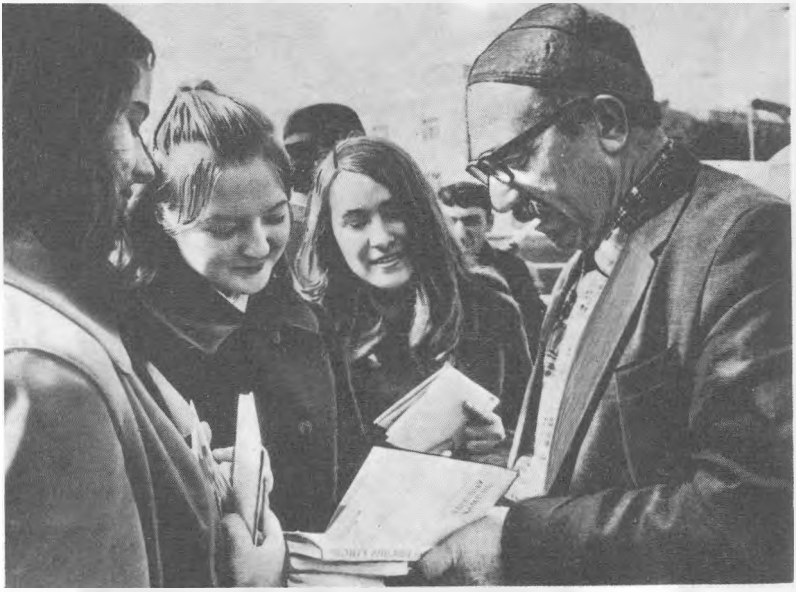
Д. Кугультинов и К. Кулиев на возложении венков к мавзолею В. И. Ленина с участниками VI Всесоюзного совещания молодых писателей. Москва. 23 марта 1975 года

Слева направо: Джамалдин Яндиев, Касым Акаев, Магомед Кучуков, Кайсын Кулиев, Борис Чабдаров. Салих Эфендиев, Танзиля Зумакулова, Чингиз Айтматов, Жанакаит Залиханов. Чегем–I. 12 ноября 1977 года

Кайсын Кулиев с внуком Кязима Мечиева

Автограф на память. Нальчик. 1972 год

Справа налево: Д. Кугультинов, Р. Гамзатов, С. Михалков, А. Кешоков, К. Кулиев на торжественном вечере в Нальчике

А. Ахохов – председатель Совета Министров КБАССР, З. Карданов – председатель Карачаево-Черкесского облисполкома, К. Кулиев и кабардинский поэт А. Хавпачев в Центральном Доме Литераторов на банкете. Москва. 1960 год

Доцент КБГУ Тамара Эфендиева со студентами. Автограф поэта Михаила Дудина на память. На юбилее Кайсына Кулиева. Нальчик. 11 ноября 1977 года

Михаил Дудин вручает поздравления Кайсыну Кулиеву. Нальчик. 11 ноября 1977 года

Редакция надеется, не откажите в просьбе и пришлите статью не позже 30 августа по адресу: Тбилиси, пр. Руставели, 12. Редакции журнала «Мнатоби». С уважением главный редактор Г. Натрошвили»[170].

На все, что касалось его публикаций в Грузии, Кайсын откликался быстро. В подтверждение приведем телеграмму от 13 декабря 1976 года из журнала «Литературная Грузия». «Дорогой Кайсын Шуваевич! Благодарим Вас за чудесную поэму о Матери,— сообщалось в ней.— Всегда рады представить Вам страницы нашего журнала. С искренним уважением редактор отдела поэзии и искусства В. Зинина»[171].

Кулиев никогда не обижался, когда задерживали публикацию или медлили с ответом о состоянии дела. Бесконечно требовательный к себе, а также к другим, он понимал всю сложность по изданию произведений. И всегда снисходительно относился к подобным сообщениям:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! С весьма досадным опозданием, вызванным независящими от нас причинами, высылаем Вам первый номер нашего журнала за 1977 г. вместе с искренними пожеланиями новых успехов в жизни и творчестве.

Как друг «Литературной Грузии», Вы и в продолжение этого года будете регулярно получать наш журнал, и мы надеемся, что пожелаете выступить на его страницах со своими произведениями.

Мы были бы весьма благодарны Вам за замечания о «Литературной Грузии» — несомненно они помогут нам улучшить работу по выпуску журнала.

С глубоким уважением главный редактор журнала «Литературная Грузия» Георгий Цицишвили»[172].

Был Кайсын и на 60-летии со дня рождения Г. Абашидзе. Он получил телеграмму из Тбилиси, в которой говорилось: «Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич, в августе исполняется 60 лет выдающемуся грузинскому советскому писателю и общественному деятелю, председателю Союза писателей Грузии Григолу Абашидзе. Просим откликнуться. Материалы желательно выслать в адрес журнала «Литературная Грузия». Редколлегия[173].

---

[170] Там же, оп. 2, ед. хр. 181, л. 166.
[171] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 43.
[172] Там же, л. 54.
[173] Там же, оп. 2, ед. хр. 181, л. 246.

Талант Кулиева-поэта высоко оценили его грузинские друзья в приветственном адресе, посланном от имени правления Союза писателей ГССР в связи с 50-летием со дня рождения Кайсына.

«Дорогой друг!— говорилось в нем.— В славный день пятидесятилетия со дня Вашего рождения грузинские друзья — поэты, писатели — сердечно приветствуют Вас, замечательного мастера советской поэзии, одного из лучших сынов братского балкарского народа.

Дорогой наш друг Кайсын, свыше тридцати лет неутомимым трудом и пером служишь ты любимой твоей Балкарии. Священная любовь твоего народа осветила тебе, сыну высоких гор, путь к вершине поэзии. Твои прекрасные стихи широко известны во всем Советском Союзе и за его пределами. Большой популярностью пользуются они на грузинской земле, народ которой высоко ценит твои заслуги в деле развития многонациональной советской поэзии. Твои стихи, переведенные на грузинский язык, стали родными для наших читателей.

Дорогой наш брат Кайсын, этот радостный день вместе с тобой празднуют твои грузинские друзья, соратники по перу.

Желаем тебе еще долгие, долгие годы обогащать крылатыми стихами сокровищницу великой советской поэзии, беззаветно служить родной Балкарии неиссякаемым родником твоих ярких песен.

Обнимают, ценят тебя, дорогой Кайсын, твои грузинские друзья!

г. Тбилиси. 28 ноября 1967 г.»[174].

Много поздравительных телеграмм Кулиев получил в связи с присуждением ему Государственной премии СССР. Алеко Шенгелиа писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, от всего сердца поздравляю с присуждением Государственной премии. Люблю, целую, обнимаю Вашу прекрасную семью. Твой А л е к о»[175].

Или вот другая: «Дорогой Кайсын Шуваевич, сердечно поздравляем Вас с присуждением Государственной премии СССР за сборник стихов «Книга земли», проникнутых лю-

---

[174] Там же, ед. хр. 204, л. 1.
[175] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 153.

бовью к родине... Желаем Вам новых творческих успехов— Чхиквишвили»[176].

Поздравил Кайсына и всемерно известный композитор О. Тактакишвили, с которым поэт был связан долгими и прочными узами дружбы. «Дорогой Кайсын,— писал он,— от всей души поздравляю Вас, нашего замечательного советского поэта, мудрого и доброго человека, большого сына своей республики — прекрасной земли. Все Ваши радости особенно дороги для меня. Крепко жму руку. Отар Тактакишвили»[177].

В связи с этой наградой телеграмм из Грузии поступило очень много — от общественных организаций, лично друзей поэта, знакомых и общественных деятелей. «Дорогой Кайсын,— спешили выразить свои чувства Нина и Реваз,— вместе с Вами празднуем твои победы. Обнимаем, целуем. Нина и Реваз Маргиани»[178]. Или: «Дорогой Кайсын, сердечно поздравляю с присуждением Государственной премии СССР. Желаю дальнейших творческих радостей. Обнимаю Георгий Мдивани»[179].

Семья Фейтиных тоже поздравляла Кулиева:

«Дорогой Кайсын! Мы — Сима и я — поздравляем тебя с премией. Твоя победа — наша победа, ибо это победа добра, а мы, как и все (многие) люди тянемся к нему. Душой тянемся и к твоей поэзии — она есть доброта, и к тебе, доброму человеку. Доброму и мудрому, по-доброму мудрому.

Желаем счастья тебе, дорогой поэт, тебе и твоей семье.

Обнимаем всех Вас, дорогие Кулиевы.

Ваши Фейтины. 9 ноября 1974 г.»[180].

До конца жизни поэта Эмануил и Сима поздравляли его со всеми праздниками. Так, 16 декабря 1978 года Кулиев получил от них открытку следующего содержания:

«Дорогой Кайсын, поздравляю тебя и твоих близких с наступающим Новым Годом. Будьте все счастливы, здоровы, благополучны. Крепко обнимаю. Твой Эмануил Фейтин. Сима вас всех обнимает. Тбилиси. Декабрь, 1978 г.» [181].

---

[176] Там же, л. 150.
[177] Там же, л. 128.
[178] Там же, л. 90.
[179] Там же, л. 95.
[180] Там же, ед. хр. 113, л. 40.
[181] Там же, оп. 4, ед. хр. 66, л. 2.

Кайсыну были дороги эти поздравления, потому что Эмануил был его однополчанином и вместе они делили трудности военной поры.

Приятно было поздравление и другого человека, которого Кулиев хорошо знал в Грузии. Это Марк Златкин. «Дорогой наш Кайсын, — писал он, — от всего сердца горячо поздравляю с всенародным праздником и высокой оценкой Вашей могучей поэзии и присуждением Вам Государственной премии за 1974 год.

Примите мои искренние пожелания Вам богатырского здоровья, кавказского долголетия и новых литературных успехов.

Плененный Вашей мудростью и талантом Ваш Марк Златкин»[182].

Приходили к Кулиеву и правительственные телеграммы из всех союзных и автономных республик. Так, в правительственной телеграмме Грузии говорилось: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, позвольте мне сердечно поздравить Вас с достойной оценкой Вашего замечательного таланта, с присуждением Госпремии. Ваши замечательные стихи, воспевающие мужество и героизм советских людей и их беззаветную любовь и преданность к родине, давно уже нашли путь к сердцам миллионов читателей. Желаю Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, крепкого здоровья и новых творческих успехов. С уважением — секретарь ЦК компартии Грузии В. Сирадзе»[183].

А. Лабахуа, заместитель председателя Совета Министров Грузии, тоже считал себя другом Кулиева, поэтому он не по долгу службы, а из искренних чувств побуждения тоже поздравлял поэта. Он дал правительственную телеграмму в Нальчик, в Союз писателей республики. «Дорогой Кайсын Шуваевич,— сообщалось в ней,— примите дружеское поздравление в связи с присуждением Вам Государственной премии за выдающийся вклад в советскую поэзию. Желаю новых, еще более ярких творческих успехов, долгих лет жизни. Крепко жму руку...»[184]

Когда вышла в свет книга Кайсына Кулиева «Так растет и дерево» (1975), он получил много поздравлений

---

[182] ЦГА КБР, оп. 3, ед. хр. 113, л. 57.

[183] Там же, л. 118.

[184] Там же, л. 76.

не только от друзей, но и от знакомых, да и просто от почитателей его таланта. Вот одно из них:

«Здравствуйте, дорогой Кайсын! Вашу книгу «Так растет и дерево» я воспринял как гимн дружбе народов и человеческому таланту. Читать и перечитывать эту книгу — одно удовольствие. Кроме того, она открыла мне одну сторону Вашего дарования — это прекрасное знание русского языка.

Поклонник Вашего таланта Г. Буачидзе.

27 июня 1976 г. Москва. Кремль. 6-й съезд писателей»[185].

А вот другое письмо: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! С большим удовольствием я прочитал Вашу книгу «Так растет и дерево». Убежден, что Ваша книга доставит радость всем, кто любит и понимает поэзию. Приятно, что во всем, о чем Вы пишете, чувствуется истинно сыновняя любовь Ваша к Родине, Кавказу...»[186] Далее в письме оспаривался миф о том, что Прометей был прикован к скале не на Кавказе. В конце письма М. К. Василиади желал поэту здоровья и счастья.

Все эти письма и телеграммы Кулиеву от его грузинских друзей и знакомых приобретают особенную значимость, если рассматривать их не только как воспоминания современников поэта, но и как документы, в которых эстетический аспект нравственности выступает на первое место. Обратимся к письму Гурама Александрия. Он писал: «Зная Вашу безграничную любовь к Грузии, грузинской поэзии, в том числе и к Георгию Леонидзе, тороплюсь сообщить Вам, что киностудия «Грузия-фильм» по новеллам-воспоминаниям Г. Леонидзе создала художественный фильм «Древо желания», который еще не вышел на всесоюзный экран, но уже успел завоевать два Гран-при.

Боюсь, что Вы не просмотрели эту поэтическую картину и поэтому сообщаю Вам, что она выйдет на экраны Страны Советов в марте месяце.

Мальчик в красной рубашечке, которого Вы увидите в первых кадрах,— это сам незабвенный наш Гогла. Мне очень хотелось бы, чтобы именно Вы, наш верный и преданный друг и побратим, не пропустили этот фильм. И если посмотрите его, то Вы еще сильнее полюбите Сакартвела

---

[185] Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 8—9.
[186] Там же.

и ее культуру. Так, пожалуйста, наш дорогой батоно Кайсын Шуваевич, обязательно посмотрите фильм «Древо желания», — я Вас очень прошу.

С глубоким уважением Гурам Северьянович Александрия, ст. инструктор туристской гостиницы «Хвамли», г. Кутаиси. 21 ноября 1978 г.»[187].

Много раз Кулиева поздравлял от себя лично и от общественности известный грузинский писатель Григол Абашидзе. Однажды он писал:

«Дорогой Кайсын, от имени грузинских друзей, поклонников твоего замечательного таланта, и от себя сердечно поздравляю тебя, одного из лучших представителей многонациональной советской поэзии и благодарного друга нашего народа, нашей республики.

Семья писателей Грузии всегда считала тебя одним из самых любимых и кровно родных своих почетных членов, и мы от всей души и от всего сердца приветствуем тебя в день твоего славного юбилея, желаем тебе много новых и прекрасных, как всегда, творческих свершений, крепкого здоровья и процветания твоей дивной семье.

Ты, Кайсын, был и остался образцовым патриотом своей родной земли и нашей общесоветской Родины, что изначально и навсегда сочетаются в тебе...»[188]

Аналогичную телеграмму Кулиев получил от Реваза Маргиани:

«Дорогой Кайсын, любимый мой брат, от всего сердца поздравляю славным юбилеем и высокой правительственной наградой. Рад, что многонациональная советская поэзия в твоем лице имеет большого поэта.

Моя Грузия любит тебя как друга и доброго соседа. Да здравствует твоя прекрасная поэзия. Тебя поздравляет вся моя семья.

Обнимаю крепко, целую. Навеки твой Реваз Маргиани»[189].

Писали Кулиеву и те, с которыми поэт когда-то жил по соседству. Прошли годы. Он стал знаменитым поэтом, его узнавали по телевизору, напоминали о себе, просто опираясь на память юности. Так, Нина Контаридзе из Тбилиси писала:

---

[187] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 4, л. 1.
[188] Там же, оп. 7, ед. хр. 79, л. 82.
[189] Там же, ед. хр. 70, л. 90—91.

«Здравствуйте, многоуважаемый Кайсын! Примите мой сердечный привет и наилучшие пожелания. От всей души и чистого сердца желаю Вам и всем Вашим близким доброго здоровья на долгие годы, большого счастья, радости, благополучия.

Вы меня простите за такое обращение. Вы меня, наверное, и не помните, но я, увидев Вас по телевизору, вспомнила те счастливые годы моей счастливой жизни в Нальчике. Это моя вторая родина. Обожаю Нальчик... У меня много красивых и приятных воспоминаний об этом прекрасном и любимом городе. Я шутила (в то время я была молодая), что «кай» по-грузински означает «хороший», а «сын» — звучит по-русски. Поэтому я Вас прозвала «хороший сын». Возможно, Вы помните об этом.

Еще раз желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов.

С приветом Нина. Гор. Тбилиси, ул. Мардарашвили, 65»[190].

Поклонники поэзии Кулиева были люди разных профессий и увлечений. Как пример можно привести письмо женщины-врача и композитора Русудан Тахидзе от 12 мая 1972 года. Она писала: «Безграничное спасибо Вам, поэт Кайсын Кулиев, за поэму в прозе «Колосья и звезды». Она задела у меня все струны души. Спасибо за тот обширный «параметр» от Шекспира до Твардовского, который взят Вами не зря... Не каждому суждено, особенно простому смертному, подняться до высокой трагедии и драматургии, а также до высокой сатиры. Но Вы сумели подняться. И сила таланта в этих случаях отражает самую глубь вещей и даль действительности, самую высокую истину...

Была бы очень растрогана получить от Вас в любом виде книгу «Колосья и звезды». Хотела бы отозваться на «Колосья и звезды» музыкой, но не стало сил и моей энергии...

Пишите по адресу профессора Владимира Амбакаевича: Тбилиси-30, ул. Т. Табидзе, пер. 1, д. 34. Для Русудан Тахидзе»[191].

Кайсын ответил ей, поблагодарил за такое внимание к его поэзии. Вскоре он получил второе письмо от Русудан Тахидзе. 27 июля 1972 года она писала: «Дорогой друг

---

[190] Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 32.
[191] Там же, ед. хр. 72, л. 98.

Грузии, глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! С большой радостью получила Ваше радушное и поэтически-восторженное письмо. Жду выхода партитуры... И затем вышлю Вам все мои ноты вместе с партитурой «Кавказа».

Я опять буду в Киеве от 6 июля до 13 июля. С радостью дождусь Ваших глубоко поэтичных и талантливых сочинений...»[192]

У Кулиева много было друзей-грузин, которых он любил, глубоко уважал и относился к ним с почтением. Одними из таких людей были — Г. И. Ломидзе, который работал в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, возглавляя отдел советской литературы, и всемирно известный ученый Ираклий Андроников, тоже проживавший в Москве. С ними Кулиев не раз встречался и в Москве, и в Ленинграде, и в Пятигорске и во многих других городах. Они поздравляли друг друга с праздниками, обменивались мнениями в письмах, дарили друг другу книги с автографами.

«Дорогой Кайсын! Я не имею к тебе никакого определенного дела,— писал 29 января 1965 года Ираклий Андроников.— Но очень тебя люблю, часто вспоминаю и «болею» за тебя в предстоящих соревнованиях. Часто вспоминаю наши совместные поездки. И встречи — в Текинском, Лермонтове, Пятигорске, Ленинграде. Что за дни чудесные! И какой чудесный ты, Кайсын! Какой поэтичный и мудрый без важности! Какой ты простой и какой сложный (в смысле богатый), какой благородный, какой в высшем смысле слова национальный и в высшем же смысле общечеловечный. Ты, конечно, большая радость нашего века и очень сильный его выражатель. Обнимаю тебя. Не могу понять, как не сунул тебе в руки свою книгу, которую собирался тебе подарить еще прежде, чем она вышла...

Твой Ираклий Андроников».

Когда писал Андроников, что он «болел» за Кулиева «в предстоящих соревнованиях», то он имел в виду тот факт, что книга стихов «Раненый камень» и «Горская поэма о Ленине» были выдвинуты на соискание Ленинской премии 1965 года. Ираклий Андроников в начале года, то есть уже в январе, знал об этом знаменательном по тог-

[192] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 54, л. 1.

дашним временам событии. Однако, несмотря на то, что общественное мнение было на стороне поэта, где бы ни обсуждались его книги, народ был «за», премия не была присуждена Кулиеву. Желая успокоить своего боевого товарища, В. Ц. Гоффеншефер писал ему в апреле 1965 года: «Единственно важное — это вызванный поэтом отклик в душах и умах людей. А за эти месяцы о Вас было написано столько статей и столько интересного и дельного, сколько о другом не написано за всю жизнь. И хотя многое напечатано в связи с выдвижением книг на соискание Ленинской премии, люди все-таки писали не из конъюнктурных соображений, а от души, и то, что сказано о Вас, в совокупности не менее ценно, чем медаль Лауреата»[193].

Через семь лет Кулиеву дадут медаль лауреата, но не Ленинской, а только Государственной премии СССР, его будут все поздравлять и радоваться вместе с поэтом. Радоваться будут успеху Кайсына его истинные друзья. Таким человеком был Ираклий Андроников. Он писал поэту из Москвы 21 ноября 1972 года: «Дорогой друг Кайсын! Присутствую мысленно на твоем вечере, внимаю твоим стихам, волнуюсь, разделяю с тобой твои мысли, радуюсь твоему успеху, обнимаю тебя и очень сожалею о том, что вынужден лежать дома и не смогу сказать тебе того, что я о тебе думаю. Твой Ираклий Андроников»[194].

Оба они испытывали друг к другу глубокое уважение и огромную благодарность за большой вклад в литературу, которую они любили до самозабвения. И. Андроников написал о своем друге замечательное предисловие «О Кайсыне Кулиеве» к Собранию сочинений К. Кулиева (в 3 т. М.: Художественная литература, 1977). Много раз Андроников писал о Кулиеве и в других изданиях, говорил о нем на съездах писателей, совещаниях по вопросам литературы, различных декадах, проводимых очень широко в бывшем Советском Союзе. Чаще всего встречались они в Пятигорске и на псковской земле, когда отмечались даты рождения и смерти А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Не раз выступал Андроников на вечерах поэзии, посвященных К. Ш. Кулиеву. А если не мог присутствовать по каким-либо важным причинам, то обязательно в пись-

---

[193] Там же, оп. 1, ед. хр. 33, л. 7.
[194] Там же, оп. 5, ед. хр. 32, л. 1.

ме к нему выражал свое отношение к тому или иному событию в жизни своего друга.

Так уж сложилась судьба этого замечательного литературоведа, известного всем творческим людям, что он жил в Москве, а не в Грузии, хотя его огромная любовь к своей родине всегда была глубокой и искренней. Поэтому Кайсын и Ираклий встречались обычно в Москве, где большей частью жил и Кулиев. «Кайсын, дорогой,— обращался Андроников в телеграмме к нему,— приезжай обязательно на пушкинский праздник в Михайловское. Это моя личная к тебе просьба. Без тебя худо. Отъезд в Псков в среду второго июня в пятнадцать часов. Возьми с собой Алимчика. Гостиница будет заказана первого июня. Обнимаю. Твой Ираклий Андроников».

Кулиев восхищался исследованиями старейшего лермонтоведа, раскрывшего интересную страницу: знакомство М. Ю. Лермонтова с одним из первых высокообразованных кабардинцев — Лукманом Бек-Мурзиным Кодзоковым, адрес которого записан Лермонтовым в альбоме 1840—1841 годов, хранящемся в ГПБ. Кайсын читал работы И. Л. Андроникова «Книга о замечательном кабардинце», «Кто такой Кодзоков?» и не раз в шутку говорил ученому кавказоведу: «Только ты, Ираклий, знаешь, из какого ущелья вылетал Демон на свидание к любимой!»

Своему ученому другу Кулиев посвятил стихотворение «Я вспоминал друга в горах. Ираклию Андроникову».

Я стою вечернею порою
пред горою в снежном серебре,
как с тобою, говорю с горою,
потому что ты под стать горе.

Мне сегодня кажется, что Мцыри
видел тот же самый вечный снег,
ибо изменилось в этом мире
с тех столетий все, но не Казбек[195].

Перевел *Н. Гребнев*

Долгая дружба с Андрониковым давала право сравнивать ученого кавказоведа с горой, на прочность и постоянство которой можно положиться («Я заметил: обладают горы свойством нам напоминать друзей»). Кулиев лучше

[195] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 476.

других поэтов знал воспетые и любимые им горы Эльбрус и Казбек. Горы поэт боготворил («Выше вас только солнце и бог»), понимал их суровый язык. Это выражено в таких стихотворениях, как «Поговорив с вершинами, спустился...», «Помолчим у горы», «Говорю горе», «Два голоса в горах», «Разговор с горой», «Покуда стоят эти горы». Поэтому вполне естественно, что в беседе с Андрониковым в стихотворении «Я вспоминал друга в горах» рассуждения Кулиева приняли такую форму:

Вот и я вечернею порою
пред вершиной в снежном серебре
говорю с тобою, как с горою,
потому что ты под стать горе!

Перевел *Н. Гребнев*

Более четверти века дружили они, пока в 1985 году Андроников не получил скорбной вести о смерти Кулиева... Впервые они познакомились в 1957 году, когда широко отмечалось 400-летие присоединения Кабарды к России. Было много гостей, много приглашенных из других республик. Кулиев был в Нальчике и выступал на торжественном заседании с пламенной речью заправского оратора. Он сразу обратил внимание многих и тем, что недавно вернулся из ссылки, и тем, как он говорил. В этот день они познакомились, и Кулиев пригласил Андроникова побывать на его родине — в Верхнем Чегеме. Чегемское ущелье ученый-литературовед видел еще в 1952 году, когда посетил Кабардино-Балкарию, но с Кайсыном оно показалось ему необыкновенно прекрасным. По мнению Андроникова, Кайсын Кулиев открыл Чегемское ущелье для поэзии. «Не часто внутренний мир поэта бывает так слит с внешним миром, как Чегем и Кулиев,— писал Андроников.— Какую из его книг ни возьмете — в них жизнь автора и жизнь гор. Поэт вбирает в себя этот мир. Он как бы выражение этой природы». Особенно нравились Андроникову два стихотворения — «Эльбрус» и «Стихи, сказанные будущему», так как в них «слиты разум и чувство».

Поэтическая и личная дружба между художниками, писателями и поэтами, создающими и создававшими эстетические ценности, являлась тогда, в период советской эпохи, одним из важных факторов взаимопонимания истории и развития национальных культур народов СССР, высту-

пала средством взаимовлияния и взаимообогащения их творчества. Об этом верно сказал грузинский композитор О. В. Тактакишвили на объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР: «Я грузин, но я в душе неразделим с Тихоновым или Бажаном, неразделим с Гамзатовым или Кориным. Я не представляю своей музыкальной судьбы без судьбы моих коллег. Я стал богаче, сильнее. Мне помогали, и я буду счастлив, если кому-нибудь помог. В стихах Кайсына Кулиева я узнал новое о грузинских поэтах Леонидзе и Чиковани, хотя и был знаком с ними с детства. Но он увидел их по-своему, приметив то, чего я раньше не замечал. Именно такое предметное, глубокое творчество обогащает нас, так как создает предпосылку интернациональному развитию»[196].

Последний раз по приглашению Союза писателей республики Кулиев был в Тбилиси в 1984 году, когда в конце июня он выписался из больницы в Москве и поехал в Грузию. С ним была его жена Элизат, она была его сиделкой и медсестрой. На этой гостеприимной земле Кайсын пробыл недолго, выступал кратко, в застольях не участвовал, а если и присутствовал, то не пил ни капли вина: его преследовали постоянная слабость и головокружение. Он был серьезно болен. Друзья очень волновались в связи с состоянием его здоровья. Из Тбилиси Кулиев сразу вернулся в Нальчик. Он знал, что скоро ему снова придется лечь в больницу...

О большом влиянии поэзии Кулиева и его личности свидетельствуют высказывания современников поэта, которые дружили с ним долгие годы. Так, Ираклий Абашидзе в статье «Певец из Кабарды и Балкарии» писал: «Общение и дружба с Кайсыном Кулиевым — радость огромная, целый мир радостей; огромная радость — испытывать влияние его безмерного, совершенно особого, молниеносно завораживающего жизнелюбия, которое в этом человеке гнездится с такой естественной беспримесностью, с такой первозданной стихийной силой... Все это порождено не только его безграничным человеколюбием, его изначально человеколюбивой натурой — ведь он таков не только в жизни, в быту, в общении, такова его поэзия, все его творчество...»[197]

[196] Материалы объединенного пленума правлений творческих союзов СССР. Декабрь, 1969. С. 132—133.

[197] Остаться в памяти людской... Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 318.

КАЙСЫН КУЛИЕВ И УЗБЕКИСТАН

...Благодарю Вас за все, за Вашу большую поэзию. Я благодарю за Вашу душу, полную самых прекрасных, добрых чувств и теплоты.

Зульфия о К. Кулиеве

Город Ташкент — столицу Узбекистана — Кайсын Кулиев хорошо знал и любил. Этот светлый и солнечный город он не раз посещал и всегда удивлялся разноязычному звучанию речи на многолюдных базарах и площадях, и еще больше удивлялся, когда встречал некоторых женщин под паранджой. «Я не раз видел в Узбекистане женщин, красивые лица которых закрывала от меня тяжелая черная волосяная паранджа,— писал Кулиев.— Как мне хотелось видеть эти лица! Но, увы, темная сила паранджи была сильней моих желаний»[198].

Ташкент — родина Зульфии, здесь она родилась в 1915 году, в семье, никому не известной, и мать ее тоже носила темную паранджу, как и сотни других узбечек. Пройдут годы, ее дочь станет **первой женщиной** в стране, удостоенной высокого звания народного поэта Узбекистана, талант которой признают во всей России, в Европе и Азии. Именем Зульфии назовут тысячи девочек, потому что в этом звонком, ласковом имени для молодых матерей была надежда на счастье. Личного счастья на долю будущей поэтессы выпало мало: ее любимый муж, талантливый поэт Хамид Алимжанов, погиб в автомобильной катастрофе, и она, одна, с маленькой дочуркой, на всю долгую жизнь осталась верной памяти мужа. Зульфии не было и тридцати лет, когда на нее свалилась эта трагедия, но она нашла в себе силы, чтобы устоять и работать. Стихи тех лет повествовали о незаживающих ранах сердца:

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней.
Хотя я с ней веду сражение,
Они становятся сильней.

---

[198] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 353.

Боль с годами не утихала, она находила выражение в художественном слове: «И даст мне силу — твердо верю я — моя печаль, твоя беда».

В одной из своих статей о Зульфии, Кайсын Кулиев отметил ее мужество, умение стойко переносить горе. «Когда к Зульфии пришла большая неожиданная беда, она не опустила крыл, не сломилась. Это очень важно,— писал он.— Так чаще всего поступали крупные художники. А у них мы должны учиться не только художественному мастерству, но и жизненной стойкости, мудрости»[199]. С Зульфией Кулиев познакомился в военные годы, когда жил и работал во Фрунзе, в Союзе писателей Киргизии. Ей тогда было лет двадцать семь — двадцать восемь. «Я смотрел на нее с восхищением и думал: «Какой счастливый Хамид Алимджан!» Я не завидовал, а восхищался, глядя на эту молодую пару. Тогда, помню, я даже представлял себе Зульфию девушкой, идущей по винограднику, глядящую на восход солнца ранним утром, видел, как падает на ее колени лунный свет в отцовском дворе. С тех дней прошло много лет, но я все равно каждый раз с радостью смотрю на Зульфию — она остается красивой и милой»[200].

Этих двух разных поэтов — Кулиева и Зульфию — связывала любовь к поэзии, необычайное трудолюбие и привязанность к отчему краю. И когда нужно было поддержать в чем-то друг друга, они откликались на зов и выполняли просьбу. Так, к сборнику стихов Зульфии нужно было написать предисловие и редактор издательства Г. Фальк попросил Кулиева об этом. В письме от 25 декабря 1973 года он писал:

«Дорогой Кайсын! В плане выпуска 1975 года числится книга избранных стихотворений Зульфии. Из разговора с Липкиным и Ириной Серафимовной мне стало известно, что Вы дали согласие написать вступительную статью к этой книге. Очень прошу, дорогой Кайсын, письменно подтвердить свое согласие, ибо такая статья мне понадобится не позднее начала апреля будущего года.

Заранее Вам признателен. С искренним приветом и уважением.

Редактор Г. Фальк»[201].

---

[199] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 355.
[200] Там же.
[201] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 185, л. 66.

Кулиев сразу приступил к работе, сообщив о своем согласии. Вскоре он получил ответ от Зульфии. Она писала:

«Салам алейкум, дорогой Кайсын-ага! Не скрою, мне было очень приятно получить от Вас письмо, полное искренности, доброты и широты, не скрою, что я ждала это письмо, во-первых, потому, что я хотела его получить, я хотела еще раз услышать Ваши теплые слова о сложных, порою горьких, но всегда нужных человеческих отношениях, о поэзии, дружбе; во-вторых, удовлетворить свое желание — узнать Ваше решение о предисловии. Я их почти получила в роскошном, чудесном выражении.

Что касается стихотворения-посвящения, это удивительно хорошо. Я не честолюбивая женщина, но если тебе посвящают стихи, значит тебе не совсем плохо, тебе надо жить! Верь, живи, гордись! Ведь мы с Вами знаем, что поэзия не терпит лжи, значит это — веление Вашей великолепной, тонкой души! Спасибо, друг. Я надеюсь, что Ваш отличный, просто замечательный переводчик наш Наум Гребнев уже здоров, и мы с Вами прочтем его скоро, наряду с другими стихами Вашими. Кстати, Вам повезло с переводчиком, он никогда не изменяет изяществу, тонкости, задушевности, поэтичности в своем творчестве. Во всех его работах всегда и всюду чувствуешь рядом с подлинным почерком переводимого поэта его, Гребнева, мягкую трепещущую душу и обаяние.

Вы спрашиваете, разрешаю ли я опубликовать посвящение? Бога ради, конечно, пусть читают и узнают, что поэзия может творить чудеса, человек может потянуться сердцем от Нальчика до Ташкента, что поэты любят друг друга, они дороги друг другу, они хотят помочь друг другу сохранить в себе силу чувствовать дыхание весны и осенью и зимой, помочь остаться до конца жизни душевно молодыми.

Спасибо за предисловие, которое будет открывать мою книгу. Сперва прочтут Вас, потом меня — это же хорошо! Сейчас, когда я пишу эти строки, я особенно почувствовала приятное волнение. Почему мы часто лишаем себя, друга подобных радостей?

Дорогой мой Кайсын-ага!

Вообще я мало пишу письма друзьям, если пишу, то коротко не получается, пока не выскажу все, что клокочет

в сердце, не могу остановиться, извините, пожалуйста. Но надо и знать честь.

Я благодарю Вас за все, за Вашу большую поэзию, которая должна получить достойным, самым достойным образом самую высокую оценку, я не говорю об оценке многомиллионных читателей, которая превыше всего, которая всегда, всюду сопутствует Вам. Я благодарю за Вашу душу, полную самых прекрасных добрых чувств и теплоты.

Я желаю Вам здоровья и долгой, по-кавказски всегда молодой жизни и радостей. Я желаю, чтобы все прекрасное, дорогое, светлое и близкое Вашему сердцу не покидало Вас никогда.

Искренне Ваша Зульфия.

12 ноября 1974 г.».

Как видно из содержания письма, речь шла о предисловии, которое написал Кулиев по просьбе редакции, и о стихотворении «Горит внизу горы осенний жар...», которое Кулиев написал в том же, 1974 году, послал его Зульфии, и они стали ждать, когда его переведет на русский язык Наум Гребнев. Вскоре это стихотворение было опубликовано и вошло во многие сборники стихов Кулиева разных лет изданий.

Горит внизу горы осенний жар,
Блестит чуть выше снег ее покрова.
Я вижу снег и золото чинар,
И о тебе я вспоминаю снова.

Какое изумительное начало: осень, золото чинар, а на вершинах снег, как белые покрывала, чуть ниже, у подножия гор, багряный, как пламя, осенний жар! Именно оно сразу вводит читателя в мир ощущений и чувств поэта, которого зримо представляешь сидевшим на большом валуне в Чегемском ущелье и обозревавшего окрестность. Красота осенней природы, преображенной в пленительные яркие краски, разноцветные тона, напомнила поэту женщину, к которой он и обратился со словами привета:

Сестра моя, живи и хорошей.
Как прежде, суетой пренебрегая,

Напоминай мне о красе своей
Красою моего родного края.

Оптимистическая тональность этого стихотворения отражала не только полноту лирического чувствования одного героя, но и признание собратьев по перу недосягаемости идеала, каким и была для них Зульфия в своей верности прежней любви.

Собратья, на тебя мы неспроста
Всегда смотрели восхищенным взором.
Твоя нас покоряла красота,
А чистота была для нас укором.

Женственная и обаятельная Зульфия всегда была национальной гордостью. «Сколько пройдено, пережито и сделано этой красивой и умной женщиной...— писал Кулиев.— Зульфия сумела сказать своему народу сияющие слова, являясь ныне одним из его крупнейших и известнейших поэтов. И для этого требовался не только незаурядный талант, еще надо было обладать мудростью и стойкостью, иметь мужество художника». Эта высокая оценка в прозе вполне соответствует поэтическим взглядам Кулиева, который правильно понимал и ее частную жизнь, большую общественную работу поэтессы и трагические ноты в ее лирике.

Мне кажется, что излучает свет
Вся жизнь твоя и ныне и в начале:
Беда, что ты познала с давних лет
И мудрость нынешней твоей печали.

Предпоследнее четверостишие можно истолковать поразному: можно как подтверждение того, что уже сказано вначале, но можно видеть в нем истинный смысл именно того, ради чего было написано это стихотворение. Кулиев Зульфией восхищался всегда, ее личностью и творческим даром,— в пору ли молодости или на заре зрелости. Ее творчество — это художественное открытие для людей всех возрастов, которые читали, читают и будут читать стихи узбекской поэтессы.

Что делать, если падает листва!
Я осень тоже причисляю к благу,
Недаром благородные слова
Ложатся нынче на мою бумагу.

Прекрасна в мире всякая пора,
Весну и осень равно я приемлю.
Позволь благославить, моя сестра,
Твою поэзию, печаль и землю[202].

Перевел *Н. Гребнев*

Как правильно подметил врач из Дагестана М. Абдулхабиров, когда писал в 1987 году: «...кайсыновские стихи, посвященные вдовам поэтов, звучат, как звон колоколов в нашем хрупком и тревожном мире. Но они еще и гимн женской верности, ибо верность нужна мужчинам не только при жизни, но и после смерти. Она нужна живым, чтобы пережить горе и прожить годы без самого близкого человека». Замечательные слова Абдулхабирова можно с полным правом отнести и к Зульфии, и к стихотворению Кулиева «Горит внизу горы осенний жар...» («Зульфии»).

Кайсын Кулиев и Зульфия редко писали друг другу письма. Чаще всего письма носили деловой характер. Но одно из них было романтически-восторженным, проникнуто глубоким чувством благодарности за то, что есть кулиевская поэзия и он широкой души человек. Письмо это датируется 3 маем 1976 года.

«Добрый день, мой друг, дорогой Кайсын муалим!— писала она.— Сейчас за моим окном кабинета раннее, раннее утро, но еще темно. Заря, как прекрасная песня, как привет друга, идет издалека ко мне, чтобы разбудить меня и сказать: «Здравствуйте, я пришла, проснись, встречай новый день, свет, солнце! Они как твои самые верные друзья, от любви которых тебе тепло, светло, молодо, песенно!»

А я раньше зари проснулась. Благо, что пока заря сама во мне, озаряет она мою душу, освежает, очищает мой мозг от дневной суеты. Мне хорошо оттого, что за моим окном земля пишет свои стихи — распускаются разноцветные тюльпаны! Почему-то в этом году желтых стало больше, чем обычно. По-видимому, они мне подражают, желтея, а подражательство губительно даже цветам.

Как Вы живете, мой друг? Я знаю о Вас многое. Я знаю, что Вы еще с нами — вернее, я хочу, чтобы Вы еще от нас не уехали, были долго-долго с нами со всеми. Я

---

[202] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 390.

знаю, что иногда и Вы думаете о нас, и хочется верить, что от этого и Вам тоже тепло.

Мы с Вами теперь часто, к счастью, встречаемся, и я благодарна этой встрече. Это Ваши стихи, статьи. Когда я их читаю, то слышу Ваш голос, чувствую Вашу трепещущую душу, пью наслаждение.

По поводу недавней встречи, дорогой и великолепный мой друг! Голубой, нет, цветной, как радуга, экран все передал: Ваше одухотворенное от искренности Ваших чувств лицо все говорило нам. Если не ошибусь, особо тепло и с любовью произносили Вы мое коротенькое (или длинное?) имя каждый раз, и где-то в голосе была и гордость друга, собрата по перу и нежность к поэту—отнюдь не поэтессе, а именно к поэту, притом Женщине.

Да, я женщина, которая ценит и дорожит дружбой мужчины, черпает настоящую силу, твердость духа, становится лучше, выше мелочей, крупнее мыслит. И я благодарю Вас за это.

Что скрывать, мне приятно слышать от Вас лестные, но искренние слова. Но мне неловко бывает, что Вас так мучают, Вы так заняты.

Нам очень понравилась вся эта передача по телевидению, она была сделана с любовью и с большим вкусом.

Я счастлива, что есть люди, которые так чутко относятся к моим стихам, к моему бедному сердцу, полному боли и немного радости.

Сердце! Сердце мое все время где-то витает, хочет хоть ненадолго побыть с теми, с кем хочется слиться душой; если его покинет сила воли, пролить слезы и чувствовать себя счастливой от этого общения. Счастливой не по-земному...

Ну, ладно! Светает, чирикают птицы, пора мне уступить им. И вам тоже надо отдохнуть от меня и заняться более интересным делом: писать стихи или просто любоваться красотой. Вы же любимый свет волшебной страны!

Скоро День Победы. Я Вас поздравляю с этим праздником — победы добра.

Пишу эти слова и в себе чувствую (физически даже) всю боль Вашу, Вашу жизнь, жизнь Вашего народа. Простите, пожалуйста, мой любимый друг, что я причинила боль Вашим ранам. Это от любви к Вам, от уважения и восхищения стойкостью Вашей и Вашего мужественного

народа. (Зульфия имела в виду годы высылки балкарцев в период депортации.— **Авт.**)

Передайте, пожалуйста, мой поклон Вашей семье и близким. Я их не видела, но я их люблю и желаю всяческого добра, потому что они Ваши, Ваша жизнь.

Будьте здоровы, мой дорогой брат и друг.

Да, можно и не отвечать на мое письмо. Я знаю, что Вы не любите писать. Я тоже не люблю, редко кому пишу. Но бывает состояние у человека такое, когда не можешь не поделиться с другом.

Будьте счастливы, мой друг.

Всегда Ваша Зульфия.

3 мая 1976 г.

Мой адрес: 700128. Ташкент, 128, ул. Композиторов, д. 10. Зульфия»[203].

Была и Зульфия на родине Кулиева. Когда в августе она отдыхала в Кисловодске, то дала телеграмму Кайсыну. В ней говорилось: «Отдыхая в Кисловодске в санатории «Узбекистан», я хотела Вас увидеть и поблагодарить за столь лестные слова, о которых я узнала здесь. Мой голос не застал Вас дома. Вы были в горах, как всегда, на высоте. Примите сердечную благодарность, мой друг. Собираемся паломничать в ваш город. Бог весть, может, увидимся. Пока я наслаждаюсь Вашим светлым, молодым «60»-летним вечером. Пусть продлится он сто лет. Сердечно Ваша Зульфия»[204].

В ноябре она приехала в Кабардино-Балкарию на 60-летие со дня рождения Кайсына Кулиева. 11 ноября 1977 года в Музыкальном театре Нальчика состоялся торжественный вечер, на котором выступила Зульфия. Свое выступление она начала так:

«Ассалом-алейкум! Кайсын Кулиев — это выдающийся поэт современности, замечательный человек, и я поздравляю его, как и мой узбекский народ, с днем рождения!

Кайсын Кулиев — это великолепное явление жизни. Кто знает его стихи, тот не может не любить его поэзию.

---

[203] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 55, л. 3—4.
[204] Там же, оп. 3, ед. хр. 32, л. 1.

Его книги изданы в Узбекистане на родном языке, наш народ знает и читает Кулиева. Ко дню его юбилея мы подготовили книгу стихов Кайсына, и она будет опубликована в Ташкенте.

Стихи Кулиева высоки, как горы, они впитали в себя все оттенки чувств. Балкарский народ породил великого поэта.

Ваш край, Кайсын, удивительно красив. Я рада, что увидела его. Чтобы понять поэта, надо побывать на его родине, среди его односельчан. Кайсына я знаю долгие годы, люблю его поэзию. Жизнелюбие и доброта—характерные качества его поэзии. Рубцы и раны свои поэт прячет умно, но и о них можно прочитать в его стихах. Как человек, Кайсын щедрой и широкой души. Он радостно отзывается на удачи своих друзей, он может иступленно отстаивать правду, бороться за истину. Он искренне восхищается красотой своей и чужой земли, неба, женщины, прелестью ребенка и цветка.

Поэзия знает Алишера Навои. Я не случайно назвала это имя. Я привезла вазу с портретом Алишера Навои, дарю ее Вам. Вы достойны этого высокого имени.

Дорогой друг, наш диван (совет поэтов) приехал сюда, чтобы чествовать тебя, великого поэта современности, желаем на долгие годы сохранить здоровье.

Живите, творите, Кайсын Кулиев!»

Зульфия вручила ему почетный адрес. Впечатление от выступления узбекской поэтессы было огромным. Говорила она спокойно, но каждое слово несло в себе смысловую нагрузку и было окрашено в особые тона, свойственные только этой удивительной женщине. Она в этот момент олицетворяла интеллигенцию и духовные силы Узбекистана, его потенциальные нравственные истоки. Было ей в это время уже 62 года, но выглядела она со сцены театра при блеске огней такой, какой знал ее Кулиев тридцать лет назад: «...она была не только молода, талантлива, здорова, но и красива».

В два последующих дня, то есть 12-го и 13 ноября, Зульфия вместе с гостями выезжала на экскурсии. В первый день она побывала в Чегемском районе. На Чегемских водопадах была первая остановка. Гостей уже ждали, и земляки Кайсына вышли навстречу им. Зульфия, Чингиз Айтматов с супругой Марией восхищались приро-

дой ущелья, а чегемские водопады поразили их своей необычайностью.

Высокие слова, слова любви о земляках Кайсына сказали Айтматов и Зульфия на родине поэта — в Верхнем Чегеме. Громады скал, каменные глыбы, суровая и величественная природа, старинные сакли рода Кулиевых оставили неизгладимое впечатление у всех, кто в первый раз видел Верхний Чегем. Зульфия и Айтматов удивленно смотрели по сторонам, запоминая все приметы горского быта и пейзажа.

Посетила Зульфия и прославленное Приэльбрусье, видела двуглавый красавец Эльбрус, воспетый поэтами, побывала на Голубых озерах в Черекском ущелье. Вместе с ней тогда были Ч. Айтматов, М. Карим, К. Каладзе, М. Цагораев, Т. Зумакулова и другие гости. 13 ноября, в воскресенье, Зульфия вместе с Айтматовым была в гостях у поэтессы Танзили Зумакуловой, а 15 ноября Кайсын проводил Зульфию вместе с Зумакуловой и женой Айтматова в Кисловодск. Там они отдыхали в течение двух недель в санатории. Зульфия побывала в лермонтовских местах: в домике, где жил поэт, на месте его гибели, у памятника в городе Пятигорске. От Кисловодска до Пятигорска, если ехать на электричке — считанные минуты! В Кисловодске Зульфия каждый день посещала нарзанную галерею, любила сидеть у фонтана и нового бювета нарзана, ходила осматривать Лермонтовскую площадку и колоннады, зеркальный пруд и «стеклянные струи» в парке, барельеф В. И. Ленина на красных камнях, храм воздуха, мостик «Дамский каприз», замок «Коварство и любовь» и многое другое. Вся эта романтика ей нравилась, и она увезла ее в своем сердце на родину.

Годом раньше в Узбекистане был юбилей Зульфии, в котором принимал участие и Кулиев. Кайсын получил приглашение на юбилей от Союза писателей республики в октябре 1975 года. В нем говорилось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, 14 ноября 1975 г. общественность будет широко отмечать 60-летие со дня рождения народной поэтессы Узбекской ССР, лауреата республиканской премии им. Хамзы, лауреата всеиндийской премии Дж. Неру и международной премии «Лотос» — Зульфии.

Республиканская юбилейная комиссия и Союз писателей Узбекистана приглашают Вас принять участие в этом празднике.

Мы будем очень рады, если Вы найдете возможность быть нашим дорогим гостем. Камиль Яшен»[205].

Получил Кулиев и правительственное приглашение — от первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова, с которым поэт был в дружественных отношениях, уважал и ценил его за ум, заботу о трудящихся. «Уважаемый Кайсын Шуваевич,— говорилось в телеграмме.— 14 ноября сего года в Ташкенте отмечается 60-летие со дня рождения народной поэтессы УзССР, видной общественной деятельницы Зульфии Исраиловой. Просим Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, разделить нашу радость, принять участие в торжествах, посвященных этой знаменательной дате»[206].

Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Ш. Рашидова Кулиев высоко ценил как общественного деятеля и человека. С первых дней пребывания в Узбекистане между ними установились простые и добрые взаимоотношения. Рашидов всегда устраивал Кайсыну праздничные встречи и проводы, окружал вниманием и почетом. Он давал для этого специальные указания. Кайсын умел ценить дружбу, был внимательным. И когда у Рашидова умер брат, Кайсын выразил ему соболезнование. Вскоре Кулиев получил телеграмму: «Дорогой Кайсын Шуваевич, примите сердечную благодарность за искреннее соболезнование в связи с постигшим меня горем: смертью горячо любимого брата. Желаю Вам крепкого здоровья, больших творческих успехов. Ш. Рашидов»[207].

Ш. Рашидов много раз поздравлял Кулиева с его успехами, с праздниками, приглашал на торжества. Вот одна из его телеграмм:

«Дорогой брат Кайсын Шуваевич! Искренне, от всей души поздравляю Вас, выдающегося советского поэта, с 60-летием со дня рождения, награждением орденом Ленина. Желаю Вам богатырского здоровья, радости, счастья, новых литературных удач.

Крепко обнимаю, целую — Шараф Рашидов»[208].

Выступая на юбилее Зульфии, Кулиев сказал: «...я давно знаю и люблю ее стихи. Она не только большой поэт,

---

[205] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 111, л. 33.
[206] Там же, л. 57.
[207] Там же, оп. 6, ед. хр. 37, л. 17.
[208] Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 6.

известный стране и миру, но и обаятельный человек. И мне приятно сказать о ней доброе слово собрата. Кроме того, я читаю ее книги в оригинале. Это тоже дает мне право высказать мое мнение о мастере, работу которого я ценю.

Земляки Зульфии — узбекские поэты и литературоведы — конечно, знают ее лучше меня. Это я признаю. Однако, как мне кажется, интересно и любопытно слово о художнике, сказанное со стороны, человеком, живущим не рядом, а где-то за рекой или за горой. Есть еще одна причина, не менее важная. Для нас, советских литераторов, очень дорого братство культур наших народов. И об этом мы должны говорить не только на торжествах, собраниях или в часы застолья. Нам надо писать и говорить о культуре, поэзии, искусстве братских народов, как можно лучше и чаще замечать друг друга, воздавать должное мастерам. И это должно доставлять нам удовольствие и радость...»[209]

После юбилея, 16 февраля 1976 года, Кулиев получил письмо от дочери Зульфии — Хулькар, с которой он познакомился на юбилее. Она произвела на поэта большое впечатление своей эрудицией, обширными знаниями в области литературы и была к тому времени уже кандидатом наук, работала в вузе. Хулькар писала:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Вот уже третий месяц живем под впечатлением от маминого юбилея. Все было так красиво, вдохновенно, поэтично. Наша мама — героиня, она заслужила такой праздник всей своей жизнью.

Я благодарна судьбе за такую маму, за то, что она подарила мне счастье общения с замечательными людьми нашего времени. От юбилея мне остались хорошие фотографии, книги с автографами, и теперь мне многие по-хорошему завидуют.

Моим добрым другом стала Ваша книга. Мы с Аманом прочли ее от корки до корки. В какой прекрасный мир Вы ввели нас, помогли понять многих, по-новому взглянуть на творчество иных, а с некоторыми просто Вы нас познакомили. После Ваших статей появилось желание узнать о них **больше.**

...Мы стали пропагандистами Вашего творчества в Ташкенте, многие ищут теперь Вашу книгу. С обострен-

---

[209] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 34, л. 3.

ным вниманием теперь читаем в «Литературной газете» все публикации, связанные с Вашим именем. На конференции в университете, посвященной Международному году женщины, я цитировала Ваши слова о поэзии, которая «не дает остыть очагу мировой поэзии». В университете моя студентка пишет дипломную работу «Кайсын Кулиев— мастер-литературовед».

Спасибо Вам за этот новый прекрасный мир.

Мама — Зульфия — сказала мне, что выслала Вам фотографии. Они будут напоминать о тех, поистине сказочных, торжественных днях.

Наш литературный журнал «Шарк юлдузы» («Звезда Востока») перепечатал Ваше предисловие к маминой книге.

Наверное, Вам выслали этот номер. Доброго Вам здоровья, новых творческих взлетов, вдохновения на радость всем нас и счастья Вашей семье. Ваши Аман и Хулькар»[210].

Рукой Кайсына было приписано: «Это дочь Зульфии и Хамида Алимжана. Красавица и умница! Адрес: Ташкент-5, ул. Хаджаева, 1 линия, д. № 26. Хулькар Алимжан».

Кулиева связывала с Узбекистаном не только дружба с узбекскими писателями, но и с писателями русскими, которые проживали в этой республике. Одним из таких уважаемых писателей был Сергей Петрович Бородин. И когда комиссия по литературному наследию Бородина решила издать сборник воспоминаний о нем, то она обратилась к Кулиеву (18 июня 1977 года), чтобы он написал свои заметки о Бородине. «Мы знаем, что Вас с писателем Бородиным,— сообщалось в письме,— связывала творческая дружба. Надеемся, что Вы напишете о нем и станете одним из авторов будущей книги. Ждем Вашего согласия. Хотелось бы получить от Вас воспоминания, заметки о встречах, беседах с писателем, замечательным человеком С. П. Бородиным.

Желательно получить материалы до конца 1977 г. Присылайте по адресу: Ташкент-35, ул. Орджоникидзе, 18.

С наилучшими пожеланиями — комиссия по литературному наследию С. П. Бородина»[211].

Писем из Узбекистана Кулиев получал очень много. Ему писали и друзья, и общественные организации, и учреждения. Так, главная редакция ежемесячного литератур-

[210] Там же, оп. 3, ед. хр. 8, л. 2.
[211] Там же, оп. 7, ед. хр. 27, л. 2.

но-художественного и общественно-политического журнала «Звезда Востока» писала: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Редакционная коллегия и коллектив журнала горячо поздравляют Вас с Первомаем и Днем Победы. От всего сердца желаем Вам новых творческих удач, наилучших успехов в жизни и крепкого здоровья, доброго счастья. Г. Владимиров»[212].

Главный редактор этого известного журнала Г. П. Владимиров часто обращался к Кулиеву и просил его выслать заметки, статьи, особенно, когда дело касалось юбиляров. Так, 20 ноября 1978 года он писал Кулиеву: «Дорогой Кайсын Шуваевич! В 1979 году исполняется 60 лет известному узбекскому писателю Хамиду Гуляму. Редакция журнала «Звезда Востока» готовит подборку материалов, посвященных этой дате. Просим Вас откликнуться и написать для нас не более одной машинописной страницы. Материалы желательно получить не позднее 25 декабря 1978 года. Заранее благодарим Вас. С уважением...»[213]

Кулиев не любил неопределенности и приблизительности, тем более случайности. Об этом знали многие, и когда писали ему приглашения, то точно указывали время встречи. Этого веселого, естественного человека, ценившего то же самое в других людях, искренне любили в Узбекистане и всегда приглашали его на все юбилеи. Так было и в августе 1978 года, когда Кулиев получил приглашение на юбилейный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения и 40-летию творческой деятельности видного узбекского писателя и кинодраматурга, заслуженного деятеля культуры Узбекской ССР Рахмата Файзи. В телеграмме сообщалось, что вечер состоится 18 сентября 1978 года в Узбекском государственном академическом театре им. Хамзы[214].

Он не мог поехать на эти торжества, но его приветственную телеграмму зачитали в числе первых.

Не смог поехать Кулиев и на юбилей, посвященный 150-летию со дня рождения основоположника каракалпакской литературы поэта Бердаха, хотя и получил правительственную телеграмму из г. Нукуса, Каракалпакской автономной республики, от председателя юбилейной комиссии Е. А. Айтмурзалиева[215].

---

[212] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 180, л. 59.
[213] Там же, оп. 6, ед. хр. 38, л. 16.
[214] Там же, л. 15.
[215] Там же, ед. хр. 42, л. 5.

Много телеграмм Кулиев получил, когда ему исполнилось 60 лет и страна отмечала его юбилей. Была телеграмма и от узбекского писателя Рахмата Файзи: «Дорогой ага! Поздравляю Вас с молодым, цветущим, славным 60-летием, высокой наградой орденом Ленина, великим праздником Вашего долголетия. Желаю Вам космического взлета. Обнимаю, целую...»[216]

Особенно много Кулиев получил поздравительных телеграмм и писем после присуждения ему Государственной премии СССР за «Книгу земли».

«Дорогой Кайсын-ага, искренне поздравляю Вас с Государственной премией СССР,— писал Мир Муссин.— Желаю крепкого здоровья, больших творческих успехов любимому поэту»[217].

А вот письмо Расула Расулова:

«Дорогой Кайсын, светловолосый друг! От всего сердца поздравляю твое дважды лауреатство и в наступающем году от души пророчу быть лауреатом Ленинской премии. Тропа твоей мудрой поэзии ведет тебя к этой достойной награде! Поклон Маке, детям и внукам.

С Новым Годом, с новым счастьем! Яшасын Чегем ва Кайсын шону сабийи! (Да здравствует Чегем и его славный сын Кайсын!)»[218].

Аналогичные поздравления были от Киязова и от Вильдана Шамиль-заде и его жены Саиды. «Поздравляю с присуждением премии моего родного Кайсына и желаю ему дальнейших успехов»,— говорилось в телеграмме Киязова[219]. «Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич, от души поздравляем Вас с присуждением Государственной премии СССР. Ваши друзья Вильдан и Саида»[220]. Поздравила Кайсына и Зульфия: «Дорогой мой друг! Безмерно счастлива поздравить с высокой премией Вас, Вашу самозабвенную, щедрую поэзию, которой дышит Земля, с небом, с вершинами гор и душой народа. Приветствую песни, которые будут еще»[221].

---

[216] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 92.
[217] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 99.
[218] Там же, л. 109.
[219] Там же, л. 71.
[220] Там же, л. 114.
[221] Там же, л. 57.

В конце телеграммы Кулиев написал: «Зульфия — узбекская поэтесса».

Для молодых узбекских поэтов и писателей Кулиев был наставником. Он всегда стремился к тому, чтобы их произведения были переведены на русский язык и изданы в Москве, чтобы их имена стали известными для всесоюзного читателя. И поэтому они относились к нему с почтением и глубоким уважением, как к старшему брату и отцу. Так, Абдула Арипов писал: «От всей души поздравляю с премией. Ваш сын А б д у л а»[222].

В другой телеграмме говорилось: «Дорогой Кайсын, исключительно еще раз поздравляю с большой заслуженной наградой — с Государственной премией страны. Пользуясь приятной возможностью, поздравляю Вас с годовщиной Великого Октября. Желаю Вам много талантливых книг, здоровья и счастья. Твой Р а м и з Б а б а д ж а н о в»[223].

Поздравительные телеграммы, как и письма, дают широкое представление о Кулиеве как о поэте, общественном деятеле и человеке, о его многомерных литературных связях, о его друзьях, любивших его искренне и глубоко. Камиль Яшин один из них. В своей телеграмме он писал: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, искренне, от всего сердца поздравляю с заслуженной наградой, высоким званием лауреата. Желаю счастья, новых замечательных творческих свершений»[224].

Не забыл поздравить Кулиева и его молодой друг Шукрулло. «Дорогой Кайсын,— писал он,— каждая Ваша удача в жизни и в творчестве радует меня. как мои собственные удачи.

От всей души поздравляю с присуждением Государственной премии СССР. Желаю крепкого здоровья, огромного счастья и новых творческих успехов. Крепко целую, пожимая руку»[225]. Рукой Кулиева написано: «Узбекский поэт».

В Узбекистане Кулиев был желанным гостем, особенно для малочисленных писательских организаций, возлагавших на него большие надежды. Кайсын всегда оправдывал их чаяния, помогал молодым поэтам и прозаикам, не забывал их просьбы, когда был в Москве. О многом говорит

[222] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 4.
[223] Там же, л. 16.
[224] Там же, л. 157.
[225] Там же, л. 154.

телеграмма, полученная им от каракалпакских поэтов. «Дорогой Кайсын-ага,— писали они,— нам сообщили, что Вы в Дни культуры РСФСР вместе с Львом Ошаниным прибудете в Каракалпакию.

Мы, писатели Каракалпакии, с радостью ждем Вас в составе большого каравана поэзии Российской Федерации. Братский привет — Юсупов»[226].

Председатель Союза писателей Каракалпакии И. Юсупов не забывал добрые дела Кайсына, его помощь в публикации малоизвестных поэтов, поэтому при всяком удобном случае благодарил Кулиева. Стиль телеграмм был различным — от делового до романтически-приподнятого. «Дорогой товарищ Кулиев Кайсын-ага!— обращался Юсупов к поэту.— Вечнозеленому — неувядаемость кремлевских елей, бодрый дух солнечной зимы и белую нежность новогодней снежинки, благополучие родного очага и вдохновение творческого труда — вот что желаем мы Вам от всей души, мы, писатели Каракалпакии!»[227]

Или вот другая телеграмма:

«Любимый друг и брат! Кайсын-ага! Мы, каракалпакские писатели, с восхищением и гордостью приветствуем Вас, выдающегося советского поэта, великого сына Азамата — балкарского народа в связи с 60-летием со дня рождения.

Пусть в Вашей гостеприимной сакле еще долгие годы горит очаг Вашей жизни, вдохновенной поэзии.

Обнимаю тебя — Юсуп Аймурзаев»[228].

Председатель Союза писателей РСФСР, известный поэт советской эпохи и большой общественный деятель С. В. Михалков высоко ценил добрые дела Кулиева для начинающих молодых литераторов, его безотказные поездки во главе делегаций в союзные республики. И он старался каждый раз отметить многогранную литературную и общественно-политическую деятельность Кулиева. Так, подводя итоги Дней советской литературы в Узбекистане, он прислал Кайсыну Почетную грамоту, в которой говорилось: «За активное участие в Днях литературы и искусства РСФСР в Узбекистане объявить благодарность члену делегации — Кайсыну Шуваевичу Кулиеву»[229].

---

[226] Там же, оп. 5, ед. хр. 111, л. 13.
[227] Там же, ед. хр. 92, л. 50.
[228] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 72.
[229] Там же, оп. 5, ед. хр. 101, л. 1.

Некоторые из крымских татар, проживавших в Узбекистане, тоже писали Кулиеву на своем национальном языке. «...Читаю Ваши стихи, опубликованные в наших газетах. Вы мне дали свой автограф. Я сохраняю его как самое дорогое для меня. Наши языки очень близки. Прошу Вас, пришлите мне свой сборник стихов на балкарском языке»[230],— писал Сафтер Нагиев 30 октября 1976 года.

Из Узбекистана Кулиеву писали и участники Великой Отечественной войны, которые знали и любили его фронтовую лирику. Они хранили вырезки старых газет военной поры и до сих пор были поклонниками его таланта. Так, Надежда Михайловна Матрюхина-Яцуренко писала 13 октября 1977 года: «...только что прослушала Ваши стихи в Вашем исполнении по Центральному радио. Они, как всегда, прекрасны. С Вами я знакома еще по фронту, когда Вы были красивым, молодым, с большой шевелюрой, военным корреспондентом. Вы пришли к нам в полк майора Криченко 81-й стрелковой дивизии 51-й Армии. Мы находились на переднем крае фронта. Вы, наверное, помните Алтарцева, Труфанова и нашего «милого» поэта П. Шифмана, и меня, младшего лейтенанта. Мы представляли концертную бригаду от политотдела нашей дивизии. Мы переходили из траншеи в траншею, и Вас тогда ранило в плечо. Мы все переживали за Вас...

У меня хранятся вырезки из фронтовой газеты с Вашей подписью «Чегемли»...» В конце письма она просила выслать ей сборник стихов с дарственной надписью и приглашала к себе в гости, благодарила его за стихи, обращенные к людям, особенно за те стихи, в которых «прославлялась красота земли нашей». И концовка: «Ваш товарищ по трудным дорогам войны Надежда Михайловна.

Мой адрес: Ташкент, ул. Саперная, 27, корп. 11, кв. 4»[231].

Пожалуй, предпоследний раз Кулиев был в Узбекистане в 1980 году. 10 апреля, в солнечный и теплый день, в одиннадцать часов утра Кайсын покинул больницу на Мичуринском проспекте и поселился в гостинице «Москва». Вечером в этот же день он вылетел в Узбекистан. В Ташкенте собрались ученые, писатели и поэты на дискуссию по проблеме «Единство пути, многообразие поиска» —

---

[230] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 97, л. 40.
[231] Там же, оп. 7, ед. хр. 46, л. 15—17.

о путях развития советской многонациональной литературы. Организатором «Круглого стола» была «Литературная газета» и Союз писателей Узбекистана. Здесь Кайсын встретился со своими друзьями — поэтами Д. Кугультиновым, М. Каримом и многими другими. Они знали, что он лежал в больнице, и старались его отвлечь от грустных мыслей. Кулиев в этот приезд в столицу Узбекистана радовался всему, как дитя: теплому ветру, весеннему дождю и даже плохой погоде («Блаженно идти под дождем», 1980):

Все: и дождик, и солнца сиянье —
Это благо, дарящее нас.
И блаженно само пониманье,
Что погода плохая сейчас[232].

Перевел *Н. Гребнев*

Простившись с друзьями, Кулиев из Ташкента вылетел в Венгрию.

Через год, в конце сентября 1981 года, Кулиев снова принимает участие в творческой конференции Узбекистана, в столицу которого приехали ученые из всех союзных и многих автономных республик, в частности — профессор К. Х. Касумзаде из Баку, вручивший Кулиеву приглашение на юбилей писателя Мирзы Ибрагимова, которому исполнялось 70 лет со дня рождения. В этот приезд в Ташкент Кулиев был, как всегда, со всеми приветлив, доброжелателен, но друзья замечали в нем какую-то усталость и печаль: они знали, что болезни одолевали поэта.

Кайсын был другим: он мало острил, смеялся. Даже со своими ближайшими приятелями не шутил, был печален и сосредоточен. Казалось, его угнетали какие-то мысли. Обычно он интересовался культурой народов Средней Азии, тесно связанной с культурой Ирана, и не раз говорил, что среднеазиатские народы, особенно таджики и узбеки, внесли значительный вклад в науку и литературу: достаточно вспомнить Авиценну, Улугбека, Бабура-Мирзо, Рудаки и Алишера Навои. Друзья-узбеки и Зульфия были озабочены состоянием Кулиева. Они помнили и знали его другим и в 1976 году, когда он был почетным гостем на первой встрече молодых писателей Азии и Африки в Таш-

[232] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 187.

кенте, и в 1978 году, когда принимал участие в Международной встрече литераторов, посвященной 20-летию Первой конференции писателей стран Азии и Африки (октябрь 1978 года).

С некоторыми из них Кулиев встречался 10 лет тому назад в гостях журнала «Огонек» в Москве, когда работники этого журнала принимали у себя ливанскую делегацию литераторов и издателей, в состав которой входили Генеральный секретарь Союза писателей Ливана, прозаик и драматург, редактор журнала «Аль-Абаб» («Литература») Сухейль-Идрис; поэт, редактор и издатель журнала «Мауакиф» («Позиция») Адонис; переводчик и издатель журнала «Аль-Улум» («Наука») Муин Баальбеки; критик и редактор журнала «Аль-Сакаса Арабия» («Арабская культура») Жозев Мугайзель. Тогда он был полон сил, энергии, доволен встречей с молодыми поэтами, с друзьями, много выступал, был, как говорится, душой общества. По окончании всех дел и встреч Кайсын Кулиев вылетел в Минеральные Воды, затем — Нальчик.

В ташкентском аэропорту, расставаясь с друзьями, он шутил, говорил, что ни одна Международная конференция, которая проходит на этой гостеприимной земле, не обходится без него. Поэт прочитал им стихи, которые как раз подходили к этому случаю:

Я в одну, а ты в другую даль —
Мы уйдем, и разлучит нас вьюга.
Стал я старше на одну печаль,
Ты — на одного богаче друга.

Читал Кайсын эти стихи на родном языке, считая, что узбеки, киргизы, казахи должны понять его, а потом еще перевел и на русский язык. Кто-то из провожающих, зная, что Кулиев любил стихи Хамзы Хакима-заде Ниязи (1889—1929), стал тоже читать их на родном языке. Кулиев рассмеялся, обнял друга и сказал: «Знаю, знаю, это Хамза! Он родом из Коканда и писал не только стихи, но и замечательные комедии. Знаю и его предшественников: Турды, Машраба, Пахлавана Мирзабаши Калия, Фирузу и Гульхани... Зря ты меня экзаменуешь, собрат...»

Эту республику Кулиев посещал не по долгу службы. Он говорил, что эти посещения придавали ему силы и питали те чувства, при помощи которых он эмоционально

постигал мир иного бытия, себя, как частицу человечества, иной культуры, истории народа.

Интеллигенция Узбекистана помнит и знает Кайсына Кулиева, его посещения и выступления среди рабочих заводов и фабрик, хлопководов и чабанов, как он славил тружеников республики и всех тех, которые вместе с ним составляли лицо и гордость Узбекистана.

К Кулиеву обращались с различными просьбами: выслать сборник стихов или написать рецензию на книгу. Так, Ибрагим Юсупов в своем письме, написанном на узбекском языке, просил поэта прислать ему книгу «Раненый камень». Он был в это время председателем правления Союза писателей Каракалпакии. Письмо было отправлено 9 октября 1970 года. В нем Ибрагим Юсупов писал, что поэзия Кулиева ему очень нравится, что многое слышал о нем от узбекских писателей, слушал его выступления по радио и телевидению[233].

Тема зарубежного Востока в творчестве Кулиева остается одной из неисследованных. Приведенные ниже архивные материалы имеют непосредственное отношение к жизни Кулиева и области изучения отечественной и узбекской культурной истории.

Кайсына Кулиева привлекали к различной творческой работе, особенно, если это касалось Востока. В связи с этим интересны письма зав. редакцией литератур зарубежного Востока и стран Африки, а также старшего редактора Михаила Малышева издательства «Художественная литература» (Москва). Они хранятся в архиве Кулиева и свидетельствуют о том, что эти москвичи — очень компетентные люди в этой области, так как обращались именно к Кайсыну Кулиеву, зная его необыкновенную эрудицию и познания культур Востока. Знали они и то, что он увлекался мусульманскими преданиями, романтическими легендами и сказаниями. В первом письме М. Малышев писал:

«Многоуважаемый Кайсын! Вы, вероятно, помните, как давным-давно редакция предлагала Вам написать вступительную статью к сборнику «Турецкая народная поэзия» в переводах Н. Гребнева. К сожалению, наша совместная работа тогда не состоялась из-за упорства составительницы сборника, самой пожелавшей написать эту статью.

---

[233] ЦГА КБР, ф. 832, оп. 1, ед. хр. 73, л. 1.

Потом при встрече в издательстве Вы говорили, что готовы сотрудничать с нами. Так вот, у нас готовится издание «Сказание о Меджнуне из племени Бену Амир» (арабская фольклорная запись сказания о Лейле и Меджнуне) в переводе Давида Самойлова. Книжечка объемом в два листа задумана как художественно-иллюстративное издание!

Редакция хочет предложить Вам написать небольшую вступительную статью — поэтическое слово об этом удивительном сказании, которое вдохновило стольких великих поэтов Востока, прославивших трагическую любовь Лейлы и Меджнуна на весь мир.

Мы думаем, что такая статья-рассказ об особой роли этого предания в истории литератур Ближнего Востока может заинтересовать Вас.

Будем Вам благодарны, если Вы сообщите в редакцию о Вашем решении. Как только получим Ваше согласие написать статью, текст перевода будет Вам выслан незамедлительно.

С уважением зав. редакцией литератур зарубежного Востока и стран Африки Т. Редько.
Ст. редактор М. Малышев[234].

20 марта 1973 г.».

Кулиев дал согласие и попросил редакцию, чтобы они выслали ему для детального знакомства рукопись перевода «Сказания о Меджнуне из племени Бену Амир». Поэт всегда, когда брался за вступительные статьи, глубоко проникался той атмосферой, в которой жил и творил тот или иной поэт, писатель, композитор, художник и т. д. Так было и на этот раз. Рукопись своевременно не была выслана Кайсыну. Только почти через два месяца Михаил Малышев сообщал ему:

«Многоуважаемый Кайсын! Хотя с момента нашего разговора на юбилее В. С. Сомова прошло уже много времени, только сейчас могу выполнить обещание и послать рукопись перевода «Сказания о Меджнуне из племени Бену Амир», так как ждал, когда будут готовы примечания и преамбула к ним.

О полулегендарном поэте Меджнуне очень подробно написано в трудах академика И. Ю. Крачковского (Избранные произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2 и 3).

---

[234] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 183, л. 53.

Краткое изложение этих материалов Вы найдете в статье Б. Я. Шидфар, составлявшей примечания.

Редакция просила Вас написать вступительное слово к «Сказанию о Меджнуне», в котором Вы сказали бы о великом значении этой легенды для литератур Ближнего и Среднего Востока, о том, как легенда стала неиссякаемым источником вдохновения для поэтов многих стран и разных эпох, создавших свои сказания — поэмы о Лейле и Меджнуне. Наверное, можно было бы найти связь и с нашей действительностью, с творчеством современных поэтов Кавказа и Средней Азии.

Думаю, что Вы лучше меня знаете, каким должно быть вступительное слово к такой книге.

Буду надеяться, что во время Вашего пребывания в Москве в начале июня — о Вашем приезде мне сказал Н. Гребнев — мы сможем с Вами поговорить обо всем подробно, если у Вас возникнут какие-то вопросы к редактору. Впрочем, готов ответить на все и в письме.

Редакция очень рассчитывает получить от Вас статью в конце июня месяца... С уважением ст. редактор М. Малышев. 15.03.73»[235].

Через два с половиной месяца Михаил Малышев дал телеграмму Кулиеву, так как был очень обеспокоен положением дела: он ничего не получил от Кайсына и очень тревожился об этом. Кайсын никогда не подводил, всегда вовремя отвечал на просьбы и присылал статьи.

29 августа 1973 года Кулиев получил телеграмму следующего содержания:

«Уважаемый Кайсын! Вы обещали в августе прислать вступительное слово к книге «Сказание о Меджнуне из племени Бену Амир».

Месяц кончился, но Ваше слово не исполнено. Убедительно прошу Вас в самое ближайшее время прислать статью, которую редакция ждет с нетерпением.

Уважающий Вас ст. редактор М. Малышев»[236].

Ни в сентябре, ни в первой половине октября они не получили вступительной статьи от Кулиева. Книга уже была давно подготовлена в производство и ее надо было сдавать: вышли все сроки. И снова Михаил Малышев, уже в

---

[235] Там же, ед. хр. 181, л. 162.
[236] Там же, л. 168.

четвертый раз, просит Кулиева и от возмущения не может подобрать нужных выражений.

«Дорогой Кайсын! Не знаю, как точно сказать? Нет, нехорошо быть обманщиком. Можно обмануть меня, старшего редактора, но обмануть женщину, Тамару Прокофьевну! Это ужасно.

Прошу Вас сообщить в редакцию: будет ли статья и когда — мы сборник сдаем в производство 23 октября 1973 г. Конечно, можно пристегнуть 5—6 страниц и все перенумеровать,— не так уж много страниц. Но редакция должна знать, намерены ли Вы выполнить свое обещание или можно спокойно ничего от Вас не ждать?

С уважением Михаил Малышев, ст. редактор издательства «Художественная литература». 19 октября 1973 г.»[237].

«Сказание о Меджнуне из племени Бену Амир» в переводах Д. Самойлова в издательстве «Художественная литература» (Москва) выйдет из печати через три года после их переписки, т. е. в 1976 году, в объеме 87 страниц. Предисловия К. Ш. Кулиева нет. Почему? Неизвестно. Может быть, он не хотел обидеть составительницу сборника «Турецкая народная поэзия», о которой в письме писал М. Малышев, пожелавшую самой написать предисловие. Могли быть и другие причины.

Кулиев был в курсе всех общественно-политических и культурных событий жизни Узбекистана. Так, 14 декабря 1983 года секретарь ЦК Компартии Узбекистана Т. Остерова выражала Кулиеву благодарность за поздравление по случаю двухтысячелетия Ташкента. «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Большое спасибо Вам за сердечное поздравление по случаю 2000-летия Ташкента и награждения его орденом Ленина.

Ваше доброе пожелание обязательно сбудется. Дружба, братство народов СССР — надежная гарантия восхождения к светлому пути.

От всего сердца желаем Вам богатырского здоровья, счастья и благополучия, новых творческих успехов и свершений на благо нашей великой Отчизны»[238].

Жить Кулиеву оставалось только полтора года. Не увидит он светлого пути, о котором наивно мечтали все со-

---

[237] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2. ед. хр. 181, л. 171.
[238] Там же, оп. 7, ед. хр. 44, л. 1.

ветские люди. Их обманутые надежды рухнут вместе с развалом СССР.

КАЙСЫН КУЛИЕВ И АЗЕРБАЙДЖАН

...Многое здесь мне сродни. Я рад, что еще в молодости дружил с Самедом Вургуном.

К. Кулиев

Издавна сложившиеся тесные дружественные связи Кабардино-Балкарии с Азербайджаном имеют исторические корни. Выдающиеся просветители-азербайджанцы Мирза Фатали Ахундов и Гасанбек Меликов (Зардаби), кабардинцы Джабаги Казаноков и Шора Ногмов, балкарцы Мисост Абаев, Ханифа Абаева и Кязим Мечиев выступали поборниками дружбы и сближения народов Кавказа с русским народом.

Для меня ничего нет на свете дороже,
чем извечное братство людей всей земли.
Это братство огнем и мечом уничтожить
никакие тираны земли не смогли, —

писал Кайсын Кулиев и был глубоко убежден в своей поэтической концепции. Он не раз цитировал замечательные слова великого Низами: если ты живешь без друзей,— считай, что ты не жил; если ты имеешь хороших, верных, преданных, мужественных друзей,— считай, что ты прожил не одну, а несколько жизней!

В Азербайджане у Кайсына Кулиева было очень много друзей — писателей, поэтов, певцов, музыкантов, ученых, нефтяников, учителей... Он не раз бывал на земле бессмертного Низами, видел сказочные леса у Гек-Геля, могучую вершину гордого Кяпаза, прославленные Нефтяные Камни, шахский дворец в Мардакянах, где когда-то жил Сергей Есенин, любил слушать рокот бушующего седого Каспия, удивляясь силе морского прибоя, осматривать памятники, которыми так богат город Баку, музеи, гулять по набережным и удивлялся богатой архитектуре европейско-

го стиля единственного города на Востоке, где органически сочетаются, трансформируясь, культуры Востока и Запада. Посещая многочисленные музеи, интересовался старинными рукописями, не раз ходил в филармонию имени Муслима Магамаева, чтобы послушать его оперу «Шах Исмаил», интересовался жизнью великого композитора, который многие годы в летние месяцы приезжал в Кабардино-Балкарию, жил в селениях Хасанья и Вольный Аул и умер в 1936 году в Нальчике.

Кулиев всегда восхищался судьбой и дружбой выдающихся композиторов XX века азербайджанца Узеира Гаджибекова и чеченца Муслима Магамаева, которые были женаты на двух родных сестрах. Кулиев встречался с его внуком Муслимом Магамаевым, известнейшим певцом с мировой славой, называя его достойным преемником своего прославленного деда Магамаева в истории музыкальной культуры: «Ты, Муслим, носишь имя деда и неповторимую силу духа своих музыкальных предков, почаще приезжай в Нальчик и Баку, поддерживай дружественные связи и славные традиции первого Муслима Магамаева».

С музыкальным миром Баку у Кайсына особые отношения. Он любил здесь слушать музыку композиторов Кара Караева, Рауфа Гаджиева, песни Рашида Бейбутова, Полада Бюль-Бюля, Шавкета Аликперова и народных ашугов. Хранителем мудрости Кулиев считал простой народ, может, поэтому он запросто заходил в городские чайханы, подсаживался за столик к сидящим и с повышенным интересом беседовал с ними, чаще всего на родном языке. Кулиеву очень нравилось общаться с незнакомыми людьми, превращая эту встречу в праздник души, иногда и в поэтические строки, такие, как «Мастера» (1966), «Старики и вечер» (1965), «Терпенье» (1964) и др.

Дружественные связи Кабардино-Балкарии и Азербайджана интересовали Кулиева. Он любил вспоминать, находясь в Баку, об одном историческом факте, когда заходил разговор о выдающихся просветителях этих республик. В частности, поэт рассказывал о балкарке Абаевой Ханифе, связавшей свою судьбу с выдающимся азербайджанским просветителем-демократом Гасанбеком Меликовым. Она умерла в 1929 году, сыграв большую роль в культурной жизни азербайджанского народа. Эта супружеская чета на свои деньги открыла школу для крестьянских детей, обучала их грамоте, выпускала газету «Пахарь» («Экен-

чи»). Всю свою жизнь они вели большую просветительную работу в Азербайджане и Балкарии. Семейное взаимопонимание, благородные цели сопутствовали им в работе. «И слово о них дошло до наших ученых мужей!»— добавлял Кайсын и заканчивал обычно так:

...слово жить останется навеки,
как жизнь, как хлеб, как берега реки.

С писателями и поэтами Азербайджана Кайсына Кулиева связывала давняя дружба, так как он всегда принимал участие в проведении важнейших литературных праздников, деловых форумов, в съездах писателей и пр. Так, вспоминая Декаду литературы РСФСР в 1961 году, город Кировабад, где он был с башкирским поэтом Мустаем Каримом, Кулиев писал: «Мы вместе были в мавзолее Низами... И оба написали... слова любви великому поэту Востока. Там же, во дворе мечети, мы видели мощный ствол платана — ровесника Низами. Дерево, которому восемьсот лет, еще жило и цвело. Но ведь и поэзия Низами живет и цветет до сих пор!»[239]

В этом же, 1961 году Кулиев познакомился с молодым начинающим поэтом Вилайетом Рустамзаде, который учился тогда в Литературном институте имени М. Горького в Москве. Они встретились на торжественном вечере в Центральном Доме литераторов, и Кулиев, уже известный поэт, отнесся внимательно и заботливо к начинающему литератору. «Я заочно его знал и любил по его творчеству. Он меня принял как старого друга. Я был тронут и горд»,— вспоминал В. Рустамзаде. Как выглядел тогда внешне Кулиев? Вот как описывает его молодой современник Вилайет Рустамзаде: «Стройная, крепкая фигура, орлиный профиль, обаятельно-мудрые глаза... Истинный горец. Тогда во мне родилось какое-то родственное чувство к нему. И это чувство с годами превратилось в крепкую мужскую дружбу между нами, несмотря на разницу в возрасте. Он — на 20 лет старше меня». Разница в возрасте не была помехой. Они дружили всю жизнь, и Вилайет был преданным другом балкарского поэта, переводил его стихи на азербайджанский язык и в середине 60-х годов был

---

[239] *Кулиев К.* Лицо друга // Литературная Россия, 1965. 5 нояб.

уже редактором книги стихов Кулиева «Раненый камень», которая вышла в Баку из печати в 1966 году на азербайджанском языке в переводе талантливых поэтов Гусейна Гусейнзаде (Ариф) и Мамеда Ибрагима (Араз). В последующие годы Вилайет также переводил лирические стихи Кайсына и, когда была напечатана «Книга земли», взялся переводить и ее на азербайджанский язык. По приглашению Кулиева Рустамзаде был на родине балкарского поэта в июле 1973 года, видел знаменитые Чегемские водопады, двуглавый величественный Эльбрус и решил, что его «снежная вершина очень похожа на бритую могучую голову Кайсына...». «Я уже в Чегеме вновь «открыл» для себя своего загадочного поэта-брата! Он удачно вписывался в ансамбль Кавказского хребта. Вот где секрет его величия! Чегем!»— писал он. Рустамзаде показал большое уважение к землякам поэта, беседуя с ними на их родном языке. В этой же статье Вилайет писал: «После этой поездки мне стало легко работать над переводом «Книги земли» («Жер китаб»). Прислушиваясь к балкарской речи, общаясь с соотечественниками Кайсына Шуваевича, я пришел к выводу, что у нас очень родственные языки. Читать и чувствовать, понимать поэзию Кайсына на его родном языке — великое наслаждение, радость...»

Заканчивая перевод книги стихов Кулиева на азербайджанский язык, Вилайет Рустамзаде писал 27 октября 1977 года из Баку:

«Дорогой Кайсын-ага! Салям алейкум. Очень жаль, что в Москве мы с Вами не смогли опорожнить души как следует...

Дай Аллах, увидимся еще не раз.

Шлю Вам договора на подпись. Потом получайте свой «юридический экземпляр».

Мы с Айвазом усиленно готовили «Жер китаб» («Книгу земли»). Если имеются у Вас экземпляры, то пришлите, пожалуйста, мне «Ахшам» («Вечер») и двухтомник на русском языке.

Целую. Ваш Вилайет. Баку»[240].

Светлой памяти Кайсына Кулиева Рустамзаде посвятил стихотворение «Без Кайсына». Сила выражения горьких мыслей этого посвящения с первых строк звучит скорб-

[240] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 21, л. 1.

ным лиризмом, как музыка Вагнера или Баха, которых любил слушать Кайсын:

Закатилась звезда над снегами Кавказа,
Полыхнула гроза над хребтами Кавказа,
Опалила огнем недопетого сказа...
И оплакал Эльбрус незабвенного сына, —
Мир лишился Кайсына.

Кулиев любил Баку и трудолюбивый азербайджанский народ, его историю культуры и современные достижения в области науки и техники. «Особенно трогают меня здесь памятники писателям,— говорил Кулиев.— Они поставлены не для проформы — это настоящее искусство. И когда я еду в Баку, я всегда ожидаю встречи с ними — с Низами, Физули, с Самедом».

Памяти Самеда Вургуна посвящено стихотворение Кулиева «Как рано ты ушел...». Оно начиналось, казалось бы, со спокойной фразы: «Тебя ищу я ровно двадцать лет». Но дальше — обрывающаяся, взволнованная, сбивчивая речь, с повторениями, начатыми, но неоконченными фразами, с резко повышенной интонацией:

...И не найду... Зову — но нет ответа.
Весна приходит за зимой вослед,
Чтоб в свой черед уйти... И грустно это!

Перевел *Ал. Халдеев*

Чувство глубокой скорби находит здесь выражение в лаконичной, эмоциональной метафоре: «Позволь печаль мне выплеснуть в слова!»

Трагедийность ситуации усиливалась смысловыми повторами с различными эмоциональными оттенками: «Последний день твой — он пришел до срока». Или:

Белеют так же, как и при тебе,
Кавказские вершины на рассвете,
Они верны и дружбе, и судьбе...
Как рано ты покинул горы эти!

Словарь, композиция, характер оценок поэта в стихотворении Кулиева — все находилось в слитности и взаимодействии с основной мыслью: «Как рано ты ушел, поэт! Как рано!» Чувство глубокой скорби по поводу кончины

Самеда Вургуна, любовь и уважение, которыми пользовалось повсюду его вдохновенное творчество,— об этом с высокой эмоциональностью поведано в стихотворении Кулиева «Как рано ты ушел...».

Действительно, Самед Вургун (1906—1956) жил только 50 лет, тяжелая болезнь унесла его в расцвете творческих сил. Кайсын знал, что Вургун по-азербайджански означает «влюбленный», а настоящее его имя Самед Юсиф оглы Векилов. Вероятно, по давней восточной традиции, он взял себе этот псевдоним. «Вургун — влюбленный в Баку, в свой народ, в жизнь»,— думал Кулиев. Он посетил его могилу на высокой круче над Баку, откуда хорошо просматривается весь город и море, видел памятник его герою Ханлару невдалеке от могилы поэта.

День шестого октября — один из Дней советской литературы в Азербайджане (1975) — Кулиев назвал «днем поэтического Баку». Этот день был памятным для Кайсына: он читал стихи на празднике поэзии при огромном стечении народа у памятника любимому поэту Самеду Вургуну. «Стихов под открытым небом прозвучало в тот день столько,— вспоминал поэт,— что, если собрать и напечатать их все вместе, получилась бы своего рода антология многонациональной советской поэзии». По этому случаю Кулиев получил два приглашения: «Уважаемый тов. Кулиев! Оргкомитет по проведению Дней советской литературы в Азербайджане приглашат Вас 7 октября 1975 г. посетить Нефтяные Камни. Паром «Советский Азербайджан» отправляется в 9.00 с Морского вокзала»[241]. Во втором приглашении собщалось: «Уважаемый тов. Кулиев! Министерство культуры и Союз писателей Азербайджана приглашает Вас на открытие Дома-музея народного поэта Азербайджана Самеда Вургуна.

Открытие состоится 6 октября в 12.00 по ул. Мясникова, д. № 4»[242].

Эти дни были памятными для поэта потому, что он принимал участие в торжественном открытии мемориального музея Самеду Вургуну и его все время окружала молодежь, которая знала и любила его стихи. Кулиев охотно отвечал на многочисленные вопросы о своих творческих замыслах, едва успевал раздавать автографы. Студенту

---

[241] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 100, л. 4.
[242] Там же, л. 2.

Фикрету Агаеву в блокнот записали Ираклий Абашидзе и Кайсын Кулиев следующее: «Желаем юному азербайджанскому другу и нашему читателю солнечного счастья, успехов в учебе!»[243]

Дни советской литературы в Азербайджане вылились тогда в десять дней праздника для Кайсына и его друзей. Кайсын успевал всюду: и проведать своих друзей, и побывать на Нефтяных Камнях, чтобы выступить среди тружеников моря и рассказать им о своей Балкарии, о таких же трудолюбивых людях, и встретиться со студентами бакинского университета, чтобы почитать им свои стихи и послушать их. За это время он успел еще выступить по телевидению, встретиться с корреспондентом газеты «Вышка», в которой было напечатано его интервью и стихотворение «Дом и мир», и побывать в гостях у старейшин литературного мира Азербайджана, дружбой с которыми Кайсын всегда гордился. «В Азербайджан приехал с радостью, ибо многое здесь мне сродни,— рассказывал впоследствии Кулиев.— Я рад, что еще в молодости дружил с Самедом Вургуном, мои друзья — Сулейман Рустам, Наби Хазри, Дж. Новруз, Н. Гасанзаде, В. Рустамзаде...»

За активное участие в Днях советской литературы в Азербайджане и успешные выступления перед трудящимися городов республики Кулиев был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. В эти дни с Кулиевым был неотлучно Вилайет Рустамзаде. Он был его верным оруженосцем, и рыцарь Кайсын остался доволен тем редким вниманием, каким он был окружен. Об этих вместе проведенных днях Рустамзаде рассказал в статье «Вершина бессмертия» и окружил Кайсына, своего старшего друга, каким-то лучезарным и животворным светом, светом поэтического бессмертия.

Не дано уж ему в нашу дверь постучаться,
Не дано отогреть друга словом участья,
А казалось, что смерти его не дождаться...
Но душа восстает, отступает кручина:
Мир запомнит Кайсына!

Духовная связь Кулиева с интеллигенцией Азербайджана общеизвестна. У него было много друзей среди ученых —

[243] Газ. «Вышка». Баку, 1975. 9 окт.

филологов, генетиков, историков. Он давно знал и дружил с академиком Имамом Мустафаевым, который тогда работал директором Института генетики и селекции АН Азербайджанской ССР, академиком Института литературы имени Низами АН АзССР, директором этого Института Мамедом Джафаровым и многими профессорами из этого храма науки. Им он дарил свои книги, портреты, свои ласковые слова, свое внимание, где бы он с ними ни встречался — на научных конференциях или симпозиумах. Так, Мамеду Джафарову на книге стихов «Звездам — гореть!» (М., 1973) поэт написал: «Мамеду Джафаровичу — побратски, на счастье! Кайсын Кулиев». А заместителю директора Института литературы им. Низами Камалу Абдуллы Шаиг-оглы Кайсын подарил фотопортрет, на котором он стоит с поднятой гвоздикой в руке на своем юбилее, 60-летии со дня рождения, с надписью: «Профессору Камалу Абдуллы с уважением на добрую память. 29 января 1979 года. Кайсын Кулиев». Профессору Гулу Халилову, работавшему тогда в госуниверситете им. С. М. Кирова, Кулиев подарил с автографом книгу «Горской песни два крыла».

Много лет дружил Кулиев с замечательной семьей академика Фейзуллы Касимзаде — человека с чистым сердцем, глубоко одаренного ученого в области филологии. В его большой квартире в Доме ученых, в центре города, Кайсын не раз был. Он-то и ввел Кулиева в культурный круг бакинцев — своих университетских и институтских однокашников. В беседах с ним Кулиев всегда удивлялся широте и глубине его взглядов на историю азербайджанской литературы, умению критически мыслить и объективно подходить к оценке творчества того или иного писателя и просто человека. Кулиев видел в нем идеал ученого, который, не боясь неустанного труда, посвятил всю свою жизнь научным исследованиям.

Такими же сподвижниками в науке Фейзулла Касимзаде воспитал и своих сыновей. Фуад Файзуллаевич стал доктором философских наук, профессором, долгое время заведовал кафедрой философии госуниверситета. В Нальчике эта приветливая, хлебосольная семья была много раз: каждое лето они приезжали сюда отдыхать. Обычно жили в гостинице «Нальчик». Она всегда считалась самой лучшей для отдыха: рядом находились озера, река Нальчик,

огромный парк и великолепный вид на природу. Встречались они с Кайсыном по утрам: он тоже любил гулять в парке, когда утренняя прохлада и свежесть травы, покрытой росой, создают особую прелесть в прогулке.

Рассвет — моя любимая пора.
В его лучах вдали блестит гора,
он отражается на снежных склонах,
лучи его уносит вдаль река.
Рассвет мерцает на рогах быка,
в листве садов, в траве лугов зеленых[244].

Перевел *Н. Гребнев*

Это стихотворение — «Рассвет — моя любимая пора» — Кулиев написал в 1969 году и прочитал семье Файзуллы Касимзаде, встретив их в парке. Мелекнисса, жена Фуада Файзуллаевича, пришла в восторг, слушала с восхищением и горячо благодарила поэта за прелестные строки, созвучные их настроению.

Кулиев лично знал ректора бакинского госуниверситета, действительного члена Академии наук АзССР Ф. М. Багирзаде, члена-корр. АН Аз ССР А. М. Мирахмедова. Фаик Мамедович Багирзаде понимал, какую большую роль играл Кулиев в духовной жизни студенчества, и в каждый приезд Кайсына в Баку приглашал балкарского поэта выступить перед молодежью. Не тщеславие побуждало ректора университета встречаться с поэтом, а только искреннее желание способствовать нравственному развитию студенчества, чтобы поэт своим горячим поэтическим словом пробуждал в людях чувства добрые...

Искренне любил поэзию Кулиева и почитал его как своего земляка профессор кафедры русской литературы МГУ Азиз Шариф, постоянно проживавший в Москве. Они встречались в Москве очень редко, чаще писали друг другу письма. Вот одно из них.

«Дорогой друг и земляк Кайсын-ага!— писал А. Шариф Кулиеву 28 марта 1976 года.— Замира Байрамкулова привезла мне любезное письмо и драгоценный подарок — Вашу книгу «Так растет и дерево». Примите мою искреннюю благодарность. Ваша проза — все та же поэзия, по-кавказски искренняя, вдохновенная, мудрая.

---

[244] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 452.

Прошу считать меня в рядах горячих поклонников и ценителей Вашего яркого поэтического таланта и принять самые добрые пожелания здоровья и счастья Вам и Вашей семье.

Ваш Азиз Шариф. Москва»[245]

Поэтическое творчество Кулиева знали в Азербайджане. Стихи его печатались в газетах, в журнале «Литературный Азербайджан», в сборниках, которые выходили в издательстве «Гянджлик». «От сердца к сердцу» — так назывался сборник произведений поэтов национальных республик в переводе Тофика Байрама, выпущенный азербайджанским издательством «Гянджлик». Несколько страниц в альманахе было отведено стихам Кайсына Кулиева, воспевавшего дружбу народов, рассказывавшего о своем родном крае и его людях.

Известности Кайсына Кулиева в Азербайджане способствовало и то, что там в местной печати появлялись критические статьи о его творчестве. Так, когда вышла книга «Раненый камень», в рецензии на эту книгу известный азербайджанский поэт Наби Хазри писал: «Раненый камень» Кайсына Кулиева убеждает в том, что поэзия этого сына гор бурлива, как горные потоки, задумчива, как вековые сосны, чиста, как снежная вершина, широка, как альпийские луга...»[246]. Или, отмечая общечеловеческий характер поэзии Кулиева, его органическую связь с родным фольклором, Наби Хазри замечает: «Кайсын Кулиев умеет искренне, задушевно разговаривать со своим поколением, со своим родным балкарским народом, через сердца которого он находит пути к сердцу других братских народов»[247].

Душевные слова о Кулиеве, как о человеке, и высокие, как о поэте, сказал Н. Гасанзаде в статье «Певец гор», опубликованной в газете «Вышка» за 8 октября 1975 года.

Известность Кулиева в Азербайджане росла год от года. Ведущие поэты и начинающие критики писали о нем на азербайджанском и русском языках. Об этом свидетельствует статья на азербайджанском языке «Наши гости», опубликованная в газете «Молодежь Азербайджана» 18 ок-

---

[245] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 85, л. 1.
[246] *Хазри Н.* Сын гор // Литературная газета. 1965. 3 апр.
[247] Там же.

тября 1975 года, и письмо журналиста Самеда Мохбаддина от 12 февраля 1976 года.

«Салам-алейкум, Кайсын Шуваевич! Вас беспокоит один из поклонников Вашей поэзии, журналист Мохбаддин Самед. Я посылаю Вам интервью, напечатанное в нашей молодежной газете «Азербайджан гянджлик». Эта статья, переведенная мной, называется «Сердце должно согреваться своей теплотой». В этой заметке я постарался показать нашей молодежи те истинные черты Вашей поэзии, благодаря которым Ваши стихи стали популярными.

Прошу прислать мне одну из своих новых книг с автографом.

С глубоким уважением Самед Мохбаддин»[248].

Чаще всего обращались к Кулиеву молодые поэтессы, просили его оценить степень их дарования, написать рецензию на стихи, были и другие просьбы. Так, из г. Сумгаита к нему обратилась Софья Браурман, которая прочитала на страницах «Литературной газеты» беседу Кулиева с Г. Митиным, озаглавленную «Поэзия — жизнь!». «Мысли, высказанные Вами, — писала она Кулиеву, — оказались близки мне, взволновали меня настолько, что я решила написать Вам. Вы очень правильно отметили, что «жизнь — есть потрясение» и что поэт пишет о том, что потрясает и завораживает его... Прошу Вас, Кайсын Шуваевич, установить «диагноз» моей «болезни»: что это, простите, рифмоплетство или что-то другое?! Мне кажется, что такому опытному «врачу», как Вы, будет достаточно определить пульс и температуру, чтобы вынести свое заключение. Итак, жду Вашего ответа. Извините за беспокойство»[249].

К письму были приложены стихи поэтессы.

Просьбы к поэту были самыми разнообразными. Иногда к нему обращались родители с просьбой помочь отыскать ребенка, пропавшего в годы Великой Отечественной войны, давая при этом примерные координаты. Вот два письма-ответа на запрос Кулиева от 23 января 1977 года и 2 января 1978 года. Первое из отдела транспортной милиции Азербайджана: «Кулиеву К. Ш.! В списке работников по Азербайджанскому отделу транспорта милиции Кулиев Хаджимурат не числится.— Г. Рзаев»[250]. Во вто-

---

[248] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 6.
[249] Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 4—5.
[250] Там же, оп. 6, ед. хр. 46, л. 5.

ром документе сообщалось: «Гражданину Кулиеву К. Ш. Ваше заявление о безвестно пропавшем ребенке в 1944—1945 гг. по имени Хаджи-Мурат, который якобы работает в БХСС МВД АзССР, нами проверено. Сообщаем, что сотрудник по имени Хаджи-Мурат в УБХССе МВД АзССР не значится. Начальник отделения ОК МВД АзССР З. Керимов»[251].

К Кулиеву часто обращались редакции молодежных газет с различными просьбами. Так, в августе 1971 года редакция газеты «Молодежь Азербайджана» просила:

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, газета готовит специальный выпуск, посвященный 50-летию образования СССР. Мы намерены напечатать интервью с ведущими деятелями литературы и искусства. Поэтому просим Вас ответить на следующие вопросы:

1. Какие чувства и отношения связывают Вас с нашей республикой?

2. Что можете сказать о творческой молодежи Азербайджана?

3. Ознакомьте нас со своими творческими планами.

4. Что можете передать читателям нашей газеты?

Просим Вас выслать ответ в течение 10 дней. Желаем Вам счастья, здоровья, творческих успехов.

С приветом редактор газеты Г. Асланов»[252].

С такой же примерно просьбой обратилась редакция газеты «Литература и искусство», органа Союза писателей Азербайджана. В письме говорилось: «В октябре 1972 г. в Азербайджане будут проведены Дни культуры РСФСР. В связи с этим редакция составила анкету на вопросы, требующие ответа:

1. Какие черты развития многонациональной советской литературы представляются Вам наиболее примечательными?

2. Что связывает Вас с азербайджанской литературой? Ваша творческая дружба с азербайджанскими писателями.

Очень просим прислать ответы не позднее 25 сентября сего года»[253]. А ведущий республиканский литературный журнал «Азербайджан» извещал: «Уважаемый Кайсын

---

[251] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 46, л. 3.
[252] Там же, оп. 2, ед. хр. 180, л. 8.
[253] Там же, л. 13.

Шуваевич! В пятом номере нашего журнала вышла Ваша поэма «Перевал» на азербайджанском языке. Завотделом поэзии журнала (подпись неразборчива)» [254].

На все просьбы и сообщения Кайсын Кулиев аккуратно отвечал, несмотря на то, что был всегда занят и никогда не имел своего личного секретаря. Особенно он внимательно относился к просьбам, которые касались юбилеев его друзей. Так, 10 апреля 1973 года Кулиев получил письмо от завотделом советской литературы Академии наук АзССР Института литературы им. Низами К. Касумзаде.

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! Готовится книга воспоминаний о выдающемся азербайджанском писателе Мехти Гусеине. Издание книги решено осуществить к 65-летию со дня рождения писателя (март, 1974). Цель сборника — воссоздать многогранный образ художника и человека, патриота и интернационалиста, общественного деятеля, теоретика литературы и публициста. Жизнь и творчество Мехти Гусеина является ярчайшим примером служения народу.

В создании книги особенно ценными были бы воспоминания деятелей многонациональной советской литературы, которые близко знали Мехти Гусеина.

В связи с этим мы обращаемся к Вам с просьбой откликнуться на создание вышеуказанной книги, прислав воспоминания о жизни и творческой деятельности Мехти Гусеина. Желательно получить материалы не позднее сентября 1973 года.

Завотделом советской литературы К. Касумзаде»[255].

К Кулиеву обращались с просьбами не только представители творческой и научной интеллигенции, но и простые люди, крайне нуждавшиеся в помощи в решении многих бытовых проблем. Так, однажды ему написал письмо из г. Баку его однофамилец Кулиев Керим Алигули оглы, член Союза писателей Азербайджана, который очень нуждался в улучшении жилищных условий. Его семья состояла из шести человек (трое взрослых и трое школьников), проживавших в двух небольших смежных комнатах. «Я слепой с трехлетнего возраста,— писал он.— Получил среднее образование, окончил университет, факультет журналистики, работаю в Центральном управлении азербайджанского

---

[254] Там же, оп. 1, ед. хр. 110, л. 2.
[255] Там же, оп. 2, ед. хр. 162, л. 4.

общества слепых, пишу стихи. Работа над своими произведениями является смыслом всей моей жизни, но условий для работы у меня нет»[256]. В этом письме он просил Кайсына помочь ему получить квартиру рядом с местом его работы. В это время в Баку проходили Дни советской литературы в Азербайджане, Кулиев принимал участие в этих мероприятиях. Письмо это он получил, обратился к руководству республики, чтобы они помогли слепому поэту Кериму Алигули оглы. Ко всем личным просьбам Кулиев всегда относился внимательно и по-доброму, поэтому ему писали со всех концов страны.

В архиве Кулиева хранится много поздравительных телеграмм из всех союзных и автономных республик, от Союза писателей РСФСР и СССР. В частности, у него хранилось много таких телеграмм из Баку. Его друг Нариман Гасанзаде писал: «Поздравляю Вас с Новым Годом. Обнимаю, целую Вас. Желаю счастья Вашей семье. Всегда Ваш Нариман Гасанзаде»[257].

29 июля 1972 года он снова восторженно писал своему другу Кулиеву: «Дорогой Кайсын, вчера слушал Ваш родной голос, видели Ваши усы, Вашу улыбку. Телепередача шла по нашей республике. В моем доме № 8 был по этому случаю праздник!

В Азербайджане идет Ваш новый цикл стихов.

Поздравляю. Обнимаю. Ваш Нариман Гасанзаде»[258].

Кулиев был членом многих юбилейных комиссий и Международных форумов. В частности, когда Азербайджан готовился отметить 250-летие со дня рождения классика азербайджанской литературы М. П. Вагифа, было принято постановление Союза писателей СССР, в котором отмечалось: 1. Провести юбилей в октябре 1968 года в Баку и Москве, в Колонном зале Дома Советов. 2. Пригласить в Москву для участия в юбилейном вечере представителей писательских организаций союзных республик. 3. Пригласить на юбилей Вагифа в Баку и Москву писателей, видных востоковедов из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Франции, Англии, Ирана, ОАР и Турции. Кайсын Кулиев был членом этой юбилейной ко-

---

[256] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 43, л. 2.
[257] Там же, оп. 2, ед. хр. 163, л. 39.
[258] Там же, ед. хр. 234, л. 1.

миссии и принимал самое активное участие в организации и проведении юбилея Вагифа[259].

Пожалуй, ни один юбилей не проходил без Кулиева. Так, когда республика отмечала 70-летие Сулеймана Рустама, считавшегося основоположником азербайджанской советской поэзии, лауреата Государственной премии, Кулиев тоже получил приглашение от секретаря СП Имрана Касумова[260].

Весть о награждении Кулиева Государственной премией СССР за «Книгу земли» азербайджанские друзья восприняли как радостное событие. Кайсын получил много телеграмм. «От души поздравляю с высокой наградой — Государственной премией СССР,— писал Нариман Гасанзаде,— могучей гражданственной Вашей поэзии. Крепко обнимаю. Ваш Нариман»[261].

В телеграмме Сулеймана Рустама сообщалось: «Дорогой Кайсын, сердечно поздравляю тебя с почетным званием. Желаю здоровья, счастья и новых творческих побед. Обнимаю, целую. Рустам»[262]. Он был одним из старейших азербайджанских писателей, и Кайсын высоко чтил его как аксакала. А другой друг Кайсына, представитель более младшего поколения,— Вилайет Рустамзаде писал: «Дорогой, мой очаровательный брат, бесконечно рад твоей Государственной премии. Желаю покорения следующих безымянных вершин в поэтическом альпинизме. Крепко обнимаю, целую и горжусь. Твой Вилайет»[263].

Оригинальную телеграмму дал и его друг Наби Хазри. «Братски обнимаю. Поздравляю тебя, соратника, сонаградника. Горжусь твоей поэзией! Твоей дружбой, твоей славой. Слава тебе, Эльбрус! Н. Хазри»[264].

Секретариат Союза писателей Азербайджана часто обращался к Кулиеву с разными просьбами по случаю юбилейных мероприятий, Дней литературы и международных конференций и посылал ему приветственные телеграммы. Вот одна из них: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Сердечно поздравляем Вас, известного народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий СССР

---

[259] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 54—55.
[260] Там же, оп. 4, ед. хр. 66, л. 54—55.
[261] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 42.
[262] Там же, л. 112.
[263] Там же, л. 113.
[264] Там же, л. 141.

и РСФСР, активного общественного деятеля, советского поэта большого самобытного таланта — с 60-летием со дня рождения! Ваша поэзия проникнута гражданственностью, лиризмом, интернационализмом и общечеловеческими идеями. Она несет в себе мощный социальный заряд, принадлежит всем народам и грядущим поколениям. Желаем Вам долгих лет жизни, счастья, новых творческих вершин»[265].

Кулиев пользовался таким большим успехом и популярностью в Азербайджане потому, что бывал очень часто в этой республике и встречался с научно-творческой интеллигенцией. Поэзию его знали и любили в Баку, и у него был здесь широкий круг читателей. Так, Вера Александровна Куликова, библиотекарь одной из воинских частей г. Шамхор, писала Кулиеву 16 февраля 1976 года:

«Добрый день, глубокоуважаемый Кайсын Кулиев! Пишу Вам, так как очень хочется мне поделиться своей радостью. Вы мне открыли мир поэзии. Все началось с опубликованного Вами в «Литературной газете» стихотворения «Стихи, написанные во время болезни». Меня поразила простота, глубина и легкость стиха. Ваши стихи хорошо читаются, они глубоки по содержанию и очень оптимистичны. Ваши мысли близки мне. Я как-то спокойно относилась к поэзии. В школе, институте мы изучали всеми нами любимых поэтов-классиков — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Маяковского. Каждый по-своему велик, но это прошедший этап. А вот Вас я открыла для себя настоящего, постоянного, современного поэта с простым, ясным изложением глубоких мыслей. Мне повезло купить Вашу последнюю напечатанную книгу — «Книгу земли». И я теперь с интересом слежу за Вашим творчеством.

Недавно я прочитала в журнале «Юность» Вашу статью «Поэт и культура», где Вы призываете молодых литераторов учиться, совершенствоваться всегда, не быть довольным собой. Постоянное беспокойство ведет к совершенству. Мало только любить дело, надо очень хорошо его делать! «Культура — это одна из чудес, созданных гением человека» — все это очень и очень верно.

Видела Вас по телевизору, рада, что Вы и в жизни веселый, интересный человек. Я хочу Вашу поэзию донести до моих читателей. Мы с группой воинов готовим выступле-

[265] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 12—13.

ние «Час поэзии»: знакомство с поэзией Кайсына Кулиева... Ваши стихи — это гимн жизни, утверждение прекрасного, это — жизнь без конца... Напишите нам письмо. Оно будет для меня и для воинов неожиданным подарком»[266]. Это письмо было направлено в Союз писателей СССР, так как В. А. Куликова не знала адреса.

Известные поэты Аслан Асланов и Мирза Ибрагимов высоко ценили поэзию Кулиева и любили его как общительного, веселого человека. Их привязанность друг к другу объяснялась еще и тем, что им нравилось выступать и приходить на помощь заинтересованному в их поэзии читателю.

Мирза Ибрагимов был секретарем правления Союза писателей Азербайджана и по долгу своей работы был связан с Кулиевым, с его приездами в Баку. Кайсын Кулиев с глубоким уважением относился к старшему собрату по перу — к Мирзе Ибрагимову — и очень тонко понимал его характер. Поэтому, когда в конце сентября 1981 года Кулиев получил приглашение на юбилей писателя Мирзы Ибрагимова, которому исполнялось 70 лет со дня рождения, он, не раздумывая, поехал в Баку. Кайсын в это время находился в Узбекистане на творческой конференции писателей и ученых. Был в числе приглашенных и зав. сектором советской литературы Института литературы им. Низами К. Х. Касумзаде. Они говорили о предстоящем юбилее и о своих взаимоотношениях с поэтической музой Азербайджана и с ее отдельными стихотворцами.

21 октября Кулиев был уже в Баку. Стояли теплые, солнечные дни. Кулиеву всегда нравился город нефтяников, а в этот приезд — особенно. Ходил по знакомым улицам, был в гостеприимном доме Наби Хазри, и они вспоминали, как однажды, пятнадцать лет тому назад, смотрели на вершину Кяпаза и долго спорили о предназначении стихотворца, о роли и назначении поэта... Спустя некоторое время в «Литературной газете» появится статья «Сын гор». В ней Наби Хазри напишет: «Глаза Кайсына заблестели снежными отблесками моих родных гор. И он, как будто удивленный, воскликнул — Горы! Это было похоже на возглас человека, который впервые видит эти снежные вершины...»[267]. Время пролетело незаметно, теперь Кулиева

---

[266] Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 36—39.
[267] Литературная газета. 1965. 3 апр.

одолевали болезни, были и операции. Друзья удивились, увидев Кайсына, опиравшегося на трость и чуть-чуть прихрамывавшего. Это было только начало его роковой болезни. На семейном банкете Мирзы Ибрагимова он шутил, но чаще его видели задумчивым и грустным. Рано утром Кулиев вылетел самолетом из Бакинского аэропорта. Провожал его Вилайет Рустамзаде. Вот как он вспоминает об этом:

— «Да, листопад уже начался...»— с неуловимой грустью вымолвил Кайсын. Потом правую руку положил мне на плечо, высоко поднял гордую голову, тихо сказал: «Прощай, брат! Пиши, приезжай в Чегем, буду ждать... Не забывай старика Кайсына...» Его взгляд был устремлен вдаль, на глаза навернулись слезы. Объявили посадку. Улетел мой Кайсын...[268]

Был он горцем — навеки плененный горами,
В поднебесную синь вознесенный горами,
На высокую песнь вдохновленный горами,
Но подкралась беда и певца подкосила...
Мир лишился Кайсына.

Эти стихи принадлежат перу Вилайета Рустамзаде. Он любил Кайсына, и любовь была обоюдной. Кулиев с живым интересом относился к литературным успехам своего младшего друга и высоко ценил творчество начинающего поэта, самобытный, яркий талант которого вышел на орбиту созвездий братских поэтов наших славных республик[269]. Стихи Вилайета Рустамзаде были опубликованы на балкарском языке в переводах А. Байзуллаева, С. Гуртуева, А. Созаева, А. Теппеева, И. Бабаева в газете «Коммунизмге жол» в 1973 году 4 августа.

Кайсыну было пятьдесят лет, когда однажды корреспондент журнала «Вопросы литературы» спросил его: кого он считает своими учителями? Кайсын ответил, что многое дала ему учеба у великих русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, а из многонациональной поэзии Кавказа наиболее близкими ему художниками являются классики азербайджанской поэзии — Низами, Физули, Ва-

---

[268] Остаться в памяти людской. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 77.

[269] Ученые записки. 12 серия. Баку: ПИРЯИЛ им. М. Ф. Ахундова, 1977. С. 33.

гиф и замечательный поэт нашего времени Самед Вургун. «Хочу напомнить,— говорил он,— что любимым поэтом нашего Кязима был Физули — этот трагический лирик всего Востока»[270].

КАЙСЫН КУЛИЕВ И КАЗАХСТАН

Казахстан — это моя былая боль и страдание близких...[271]

К. Кулиев

Это единственная из всех бывших союзных республик бывшего СССР, которую Кулиев не воспел в своих стихах, не написал очерков о ней. Вероятно, потому, что с Казахстаном у поэта были связаны тяжелые воспоминания: сюда, в северную часть республики, в Павлодарскую область, были высланы в марте 1944 года его мать Узеирхан, сестра Мариям Шуваевна с тремя маленькими сыновьями — Максимом, Шарафудином и Масхутом, а ее муж Абдул Жетишев, капитан Советской Армии, защищал Родину в годы Второй мировой войны. Здесь же очутились не по своей воле сестры поэта, Марзият и Шахидат, и другие близкие родственники: двоюродная сестра Шамкыз Якубовна Бечелова (по мужу Тохаева), свекор сестры Мариям — Омар Жетишев, его сын Керуан, вернувшийся с фронта и устроившийся работать в г. Целинограде, и дочери — Шамшият и Шамкыз. Были здесь другие его земляки, многие из которых умерли в Казахстане в ту суровую зиму. Это о них, спустя годы, написал Кулиев в «Реквиеме»:

Мой реквием — тебе, моя родная мать,
твоей тоске, когда ушел я воевать...
двум дочерям моим, умершим там, вдали,
погибшим в дни войны всем детям всей земли.

Мой реквием — моим навек ушедшим братьям,
им больше не косить и не пахать, не жить им,
о, не увижусь я теперь уже ни с кем,
не возвратиться им домой, в родной Чегем!

Перевел *С. Липкин*

---

[270] Вопросы литературы. 1968. № 11.
[271] *Кулиев К.* Книга земли. М.: Сов. писатель, 1977. С. 237.

Первый раз Кулиев приехал в Северный Казахстан в конце 1945 года, чтобы перевезти мать и сестер в Киргизию, где поэт уже жил и работал. Здесь Кайсын узнал о трагедии сестры Мариям: у нее умерли два сына, один за другим, родные племянники Кайсына. Сначала заболел тифом Шарафудин, от него заразился Масхут. Молодая мать потеряла сразу двоих сыновей, и было ей только 26 лет.

Этим рукам держать бы
Только живые розы,
А не глаза закрывать
Мертвому малышу! —

скажет Кулиев об этой горькой утрате в одном из своих стихотворений.

От этой первой поездки в Казахстан Кулиеву запомнились жгучие морозы и унижения спецпереселенца, добивавшегося правдами и неправдами переезда из одной республики в другую. Тяжелый путь — сначала по железной дороге с пересадками и злополучным компостированием, потом на телеге — из Фрунзе до села Юрьевка.

Пройдут годы. Кулиев станет прославленным поэтом и желанным всюду гостем. Его поездки в Казахстан, как и в другие союзные республики, будут связаны с различными юбилейными датами, декадами и Днями советской литературы и т. д. Конечно, Кулиев понимал, что народ и земля Казахстана не виноваты в том, что творилось тогда в 40—50-е годы, тем более литераторы, с которыми установились творческие связи. Кайсын Кулиев отдавал дань уважения классикам казахской литературы: Джамбулу Джабаеву, Абаю Кунанбаеву, Мухтару Ауэзову и многим писателям, поэтам-современникам. В статье «Степной Прометей» (1971) Кулиев писал о роли известного ашуга в развитии казахской поэзии: «Значение Абая, великого поэта, мыслителя, увеличивается еще и тем, что он основоположник родной литературы, первым в ней сказавший могучее и неувядающее слово, которое осветило весь дальнейший путь казахской поэзии». И далее: «Уроком для будущих поколений являются не только художественные создания Абая, но и его вера в силу слова и в жизнь, его стойкость, энергия, прозорливость, мудрость, терпение, его личность. Он был прикован к своей мечте о расцвете куль-

туры родного народа, как Прометей к кавказской скале. И не сдался»[272].

Произведения Абая он читал в оригинале, и эта короткая статья была написана Кайсыном Кулиевым от души, а не по долгу службы. Абая поэт сравнивает с Кязимом Мечиевым, которого считал своим первым учителем в поэзии. «Как бы кто ни судил, а каждый великий поэт является учителем каждого из нас. Я считаю Абая одним из моих учителей наравне с Кязимом, классиком моей родной балкарской поэзии».

Литературное братство — самая прочная связь между людьми разных национальностей и незабываемая, светлая страница в их биографии. И где бы они ни встречались — на земле Алтая или в городах Казахстана,— они всегда были счастливыми и их душевная щедрость была искренней. Творческая дружба долго связывала Кайсына Кулиева и казахского писателя, лауреата Государственной премии СССР Абиджамила Нурпеисова, который дважды побывал в Кабардино-Балкарии — на 60-летии и 80-летии со дня рождения друга. Первый раз Нурпеисов был на родине Кулиева в 1977 году, выступал в Музыкальном театре. Тогда он говорил: «Друзья, чувство любви к народу делает поэта всегда высоким. В эти дни Кулиева приветствуют все: прозаики, поэты, рабочие... Перед Кайсыном преклоняются наш видный 70-летний аксакал Альжапар Абишев, поэты и писатели молодой казахской литературы. Все они шлют Кайсыну приветствие и самые лучшие пожелания.

Некогда в прошлом малоизвестная Балкария, сейчас хорошо видна и слышна далеко за ее пределами благодаря Кайсыну Кулиеву. Мы отмечаем расцвет балкарской литературы тоже в лице Кайсына Кулиева. Редко кому удается уберечься от соблазна славы, а он остался скромным, с сердцем гражданина, с умом философа. Я почитатель его поэзии. Он воспевает женщину-горянку, пастуха, столяра, учителя, солнце, горы — то есть все на земле, «руки в глине и тесте». Но все это — сплав мысли и чувства. Поэтому его поэзия философична, она нравится всем, так как рождает в нас различные чувства, когда мы читаем его стихи в подлиннике или в переводах. Он человек, поэт не-

---

[272] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 344—345.

преходящего изумительного обаяния. Я по природе своей— человек общительный, может, поэтому всегда нуждаюсь в нем: часто беру его стихи в руки и читаю. Он становится мне тогда еще дороже и ближе, как будто он понимает меня. Он, как поэт, наделен огромным талантом.

Обращаюсь к тебе, Кайсын, словами Данте: «Пусть возносится твоя слава над сменой времен».

Под аплодисменты Нурпеисов подарил поэту бархатный чапан с синей шапочкой и камчой. Кулиев от души благодарил его, выразил ему свою признательность за внимание.

Кайсын и Абдижамил радовались встрече. «Радость надо уметь выражать и пережить, чтобы она была самой радостной, долгой и прочной,— говорил тогда казахский писатель.— Радость общения с Кайсыном дает мне настоящее духовное богатство, ибо она разделена с моим задушевным другом — Кайсыном Кулиевым». Неизгладимую память оставило пребывание Нурпеисова среди горцев Кавказа. Покидая гостеприимную землю шестидесятилетнего юбиляра, Нурпеисов не мог знать, что через 20 лет он снова прилетит в Нальчик и будет в том же Музыкальном театре, но уже без Кайсына, его радостной улыбки, без его знакомого, такого родного голоса.

На вопрос: «Что Вы чувствуете здесь, в день рождения поэта, его 80-летия?» — Нурпеисов ответил: «Грусть, потому что нет человека, которого я любил и боготворил. Гордость за друга, ставшего национальной святыней и национальным идеалом, который ушел в бессмертие».

Нурпеисов и Кулиев не раз встречались в Москве, жили в одной и той же гостинице. По вечерам, беседуя, много говорили о казахской литературе. Кулиев интересовался казахским народным певцом-акыном Джамбулом Джабаевым (1846—1945), импровизацию которого слышал поэт Николай Тихонов и потом рассказывал друзьям об этом удивительном человеке. Тогда акыну был 91 год.

«В двенадцать лет будущий акын уже играл на домбре,— рассказывал Абдижамил.— И имя ему дали по имени горы, у подножия которой он родился». Когда заходил разговор о национальных особенностях казахской литературы, Кулиев, не считая себя знатоком этой литературы, тем не менее правильно утверждал, что Джамбул опирался на символические образы фольклора, используя его метафоры, гиперболы, многоцветность образов, афористич-

ность, но все переосмысливал по-своему. В 1970 году, выступая на Стружских вечерах поэзии в Македонии, Кулиев говорил: «Поэзия не может обойтись без конкретных национальных черт и красок, без выражения облика родной земли, характера народа, который имеет свою историю, свой опыт и особенности»[273]. Эти мысли Кайсын не раз высказывал и при беседах с Абдижамилом, возвращаясь к произведениям Джамбула, в которых образы каравана как символа жизни и тулпара — легендарного сказочного коня — конечно взяты из казахского народного творчества. Нурпеисов почти всегда соглашался с Кулиевым, поражаясь его обширным знаниям.

Когда Казахстан и вся страна отмечали 125-летие со дня рождения прославленного акына, Кулиев получил приглашение принять участие в этих торжествах. В этом документе, датируемом 1972 годом, говорилось: «Уважаемый тов. Кулиев К. Ш., алма-атинская областная юбилейная комиссия приглашает Вас на юбилейные торжества, посвященные 125-летию со дня рождения казахского народного акына, великана советской поэзии Джамбула Джабаева.

Юбилейные торжества состоятся 10 июня 1972 года в 12 часов дня в колхозе имени Д. Джабаева Джамбульского района»[274]. Получил Кулиев и еще одну телеграмму — от председателя юбилейной комиссии, Председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР С. Ниязова, который на правительственном бланке сообщал: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! 9—10 июня с. г. в нашей республике состоится празднование 125-летия со дня рождения великого казахского акына Джамбула Джабаева. Юбилейная комиссия приглашает Вас, уважаемый Кайсын Шуваевич, принять участие в торжествах, посвященных этой знаменательной дате»[275].

Хорошо знал Кулиев и такого крупного художника Казахстана, как Мухтар Ауэзов (1897—1961), знал его знаменитую эпопею, посвященную великому казахскому поэту Абаю Кунанбаеву,— «Путь Абая». Этот двухтомник, вышедший в 1952—1956 годах, Кулиев прочитал, когда жил и работал во Фрунзе. Тогда у него родился замысел написать роман «Всадник», охватывающий отрезок киргизской

[273] *Кулиев К.* У каждого народа — свой голос // Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 391.
[274] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 237, л. 6.
[275] Там же, оп. 3, ед. хр. 111, л. 59.

жизни 1880—1920 годов. Это произведение тоже должно было быть об акыне. «Меня очень интересует образ поэта-импровизатора у народов Средней Азии. Название это никого не должно смущать,— писал Кулиев.— Оно имеет переносный смысл — подлинный певец народа всегда свободен, он не может покорно подчиняться самодурству феодалов. Певца всячески старались унизить, чтобы он стал «пешим», но акын остался «всадником», то есть бесконечно правдив. Это центральная мысль. Ее надо передать через образ, быт народа, через пейзаж страны и пр.»[276]. Вероятно, под влиянием прочитанного «Пути Абая» (первоначально это произведение называлось «Абай», т. 1—2. 1942—1947) у Кайсына возник свой сюжет, о чем он и записал в своих тетрадях. Роман «Всадник» не был написан.

Это были иллюзии Кайсына, его несбыточные мечты — обратиться к прозе и осуществить задуманное: написать эпопею «Горцы», роман, состоящий из четырех частей, «Тень орла», многие повести из жизни парашютистов Второй мировой войны, автобиографические рассказы... Это были сладкие грезы. «Типы и образы этой книги («Тень орла») не дают мне покоя,— читаем запись в дневнике Кулиева.— Я иногда не сплю ночами, мысленно сочиняя главы своей эпопеи»[277].

Это был конец 60-х — начало 70-х годов. Кулиеву было 50 лет, Нурпеисов был на семь лет моложе. Он был одним из известных прозаиков Казахстана. Его роман «Курляндия», вышедший во второй редакции под названием «Долгожданный день» (1958), и историко-революционную трилогию «Кровь и пот», за которую ему была присуждена в 1974 году Государственная премия СССР, знали все. Кайсын Кулиев одним из первых поздравил друга со столь высокой наградой. Они оба стали в один год лауреатами Государственной премии СССР. Кулиеву она была присуждена за сборник стихов «Книга земли». И председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям Н. С. Тихонов в статье «Гордость советской литературы» отмечал заслуги Абдижамила Каримовича Нурпеисова (р. 1924) и Кайсына Шуваевича Кулиева (р. 1917) перед всей нашей многонациональной литературой. Пятидесятилетний казах и пятидесятисемилетний балкарец были на-

[276] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 8.
[277] Там же, л. 10—11.

конец-то удостоены внимания правительства и признания своих заслуг перед советской культурой, которой служили верой и правдой в течение всей своей сознательной жизни. Оба пережили одни и те же чувства, когда были в Кремле и им вручали награды и когда отмечали со своими друзьями и родственниками это событие.

Кулиев получил по этому поводу телеграмму. «Дорогой мой Кайсын,— писал Нурпеисов,— безмерно рад награде. Мы ликуем всей семьей, со всеми твоими, как ты сам знаешь, искренне любящими тебя друзьями по поводу присуждения тебе Государственной премии СССР»[278].

Сочинения в четырех томах, изданные в Алма-Ате на казахском языке, Кулиев не читал. Это желанное событие для А. К. Нурпеисова произошло в 1981—1982 годах. Кулиев в это время много болел, лечился в разных больницах; ему оставалось жить только три года. Кайсын знал, что его друг много работает, издал очерки «Край голубых гор» в Москве в 1979 году и подготавливал к изданию свои сочинения (1—3 тома). Как всегда, Кайсын радовался успехам друзей и в письмах к Абдижамилу поэт не раз восхищался его трудолюбием и талантом. Абдижамилу посвящено одно стихотворение — «Подарок другу», которое входит в цикл стихов Кулиева «Зимняя тетрадь» в переводе Л. Шерешевского. Датируется этот цикл стихов 1984 годом, последним годом жизни поэта. Тогда Кулиев, зная о своей роковой болезни, обращался к своим друзьям, которых уже не было в жизни и которые жили: Аркадию Кулешову, Сибгату Хакиму, Чингизу Айтматову, Мирзо Турсун-заде.

Вот это небольшое стихотворение:

Один из друзей моих, добрых и старых,
Писатель Нурпеисов Абдижамил,
Чей слог так чист и талант так ярок,
Как-то привез мне прекрасный подарок,
И я с благодарностью его сохранил.

Особенно им я доволен, — не скрою, —
Когда снег на деревьях и снег вдоль дорог:
Порою студеною и ветровою
Дар друга мне голову греет зимою
Уже пятый год. Немалый срок!

---

[278] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 103.

Халат из бархата и шапку кунью
Привез мне в подарок Абдижамил,
Чтоб я и в морозные полнолунья,
И в дни, когда воет вьюга-колдунья,
В Чегеме голову не простудил.

Моя голова, — умна ли, глупа ли, —
Одна у меня. Природа строга:
И, как бы о том вы ни хлопотали,
Другую голову дадут вам едва ли —
И каждому его голова дорога...[279]

Кайсын Кулиев восхищался еще одним необыкновенным дарованием — поэтом, сценаристом, ученым, который всегда писал на русском языке,— Олжасом Омаровичем Сулейменовым (1936), общественным деятелем Казахстана. Его поэтические сборники выходили почти каждый год — один за другим: «Аргамаки» (1961), «Солнечные ночи» (1962), «Ночь-парижанка» (1963), «Доброе время восхода» (1964), «Год обезьяны» (1967), «Над белыми реками» (1970), «Каждый день — утро» и «Повторяя в полдень» (оба в 1973), «Круглая звезда» (1975), «Определение берега» (1976) и др.

Они переписывались друг с другом, поздравляли с праздниками и событиями в литературной жизни страны. Так, 30 декабря 1972 года Кулиев получил телеграмму: «Дорогой Кайсын Шуваевич, желаю Вам в Новом Году здоровья, творчества, хорошего настроения. Жду у себя встречи с Вами — О л ж а с С у л е й м е н о в»[280].

Кулиеву очень нравились стихи молодого казахского поэта, который вскоре проявил себя и как талантливый исследователь, написавший эссе «Аз и Я» (1975). В разговоре с Абдижамилом Каримовичем Кулиев не раз обращал внимание на необыкновенные дарования молодого казахского поэта О. Сулейменова и предсказывал ему блестящее будущее в области науки — в постижении тайны слова. Кулиев читал книгу «Аз и Я», был поражен тем, что многие вопросы, затронутые в науке, и в частности эссе, противоречат общепринятому в науке, и в частности в языкознании. Кайсын Шуваевич не ошибся ни в своей оценке, ни в своем предположении. Через несколько лет,

---

[279] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 254.

[280] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 77, л. 1.

когда уже не будет в живых Кулиева, Олжас подготовит и издаст книгу «Язык письма» (1998), в которой доказывается, что в далекие времена на Земле существовал один праязык человеческого рода. Эту мысль Олжас Сулейменов вынашивал несколько десятилетий. «Книга «Аз и Я» была для него этапом на пути от «кроны» мировых языков к «стволу и корням» праязыка. И конечно же, Кайсын Кулиев был бы несказанно удивлен, если бы дожил до своего 80-летия и узнал, что в свои шестьдесят два года Олжас Сулейменов будет жить в Риме, потому что он стал первым послом Казахстана в Италии.

На земле трудолюбивого казахского народа Кайсын Кулиев был много раз и каждый раз с удовольствием слушал состязания акынов, любовался народными играми, танцами, пением, лихими скачками непревзойденных казахских наездников — мужчин и девушек. Кулиев побывал в Казахстане в 1974 году, в солнечные дни жаркого лета. Он получил приглашение не только от Союза писателей Казахстана, но и от Союза писателей СССР. Георгий Марков в телеграмме из Москвы сообщал: «С 20-го по 30 июня 1974 г. в Казахстане состоятся Дни советской литературы. Просим Вас участвовать. Согласие телеграфируйте. Г. Марков»[281].

Подобные телеграммы Кулиев получил и из Казахстана. В одной из них говорилось:

«Уважаемый тов. Кулиев! Центральный Комитет компартии Казахстана, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Казахской ССР приглашают Вас на торжественное собрание, посвященное открытию Дней советской литературы в Казахстане.

Торжественное собрание открывается 20 июня 1974 г. в 16 ч. во Дворце им. В. И. Ленина (пр. Ленина, угол пр. Абаева)»[282].

Во второй сообщалось:

«Уважаемый тов. Кулиев! Правительство Казахской ССР приглашает Вас на прием в честь Дней советской литературы в Казахстане.

Прием состоится 20 июня 1974 г. в 20 ч. Алма-Ата, Дом приемов, ул. Курмангазы, 42/44»[283].

---

[281] Там же, оп. 2, ед. хр. 186, л. 6.
[282] Там же, оп. 5, ед. хр. 98, л. 11.
[283] Там же, л. 14.

Кулиев вылетел в Алма-Ату и 20 июня уже выступал на торжественном заседании в столице Казахской ССР[284]. Здесь он встретился с Чингизом Айтматовым, тоже прибывшим по приглашению[285]. На другой день в составе делегации Кулиев выступал в колхозе им. Джамбула, где жил когда-то великий акын, посетил мавзолей, дом-музей Джамбула, видел яблоневый сад, посаженный руками акына, и 22 июня Кайсын выехал в Абайский район, Семипалатинской области, на традиционный праздник чабанов[286].

Был Кулиев и на вечере поэзии по просьбе Союза писателей СССР и Союза писателей Казахстана. В документе говорилось, что его приглашают «...на вечер поэзии, посвященный закрытию Дней советской литературы в Казахстане. Вечер состоится во Дворце им. В. И. Ленина 26 июня 1974 г. в 19.00»[287].

Кулиева часто приглашали в гости известные литераторы Казахстана. Кайсын не раз бывал в доме Ануара Алимджанова, Мухтара Шаханова, с которыми поддерживал творческие связи, как и со многими поэтами и прозаиками Казахстана. Основой этой дружбы была прежде всего близость литературных интересов. Обычно в этих мероприятиях принимал участие первый секретарь ЦК компартии Казахстана, член Политбюро ЦК КПСС Д. А. Кунаев. Он любил Кайсына и особенно дружески к нему относился. Кунаев хорошо понимал значение культуры в жизни людей, в укреплении их дружбы. Он был не только крупным государственным деятелем, но и известным ученым, возглавлявшим долгое время Академию наук Казахской ССР. Лично от него, как первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, Кулиев получил приглашение на юбилейные торжества по случаю 125-летия со дня рождения Абая Кунанбаева. Было и такое приглашение: «Уважаемый тов. Кулиев! Республиканская юбилейная комиссия, Союз писателей Казахстана, Алма-атинский горком КП Казахстана приглашают Вас на торжественное собрание, посвященное 125-летию со дня рождения основополож-

---

[284] Вечерняя Алма-Ата. 1974. 20 июня.
[285] Казахстанская правда. 1974. 22 июня.
[286] Литературная газета. 1974. 26 июня.
[287] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 98, л. 15.

ника казахской письменной литературы, великого поэта-мыслителя Абая Кунанбаева.

Торжественное собрание открывается в 16 часов 28 мая 1971 года во Дворце им. В. И. Ленина»[288].

Кулиев поехал на юбилей классика казахской литературы и активно принимал участие во всех мероприятиях в Абайском районе, Семипалатинской области. Он был у памятника «Енлик-Кебек», где торжественно встречали гостей, принимал участие в митинге села Караул, в возложении венков к памятнику Абая в Жидебаи, побывал в доме-музее и юрте Абая, с интересом смотрел и слушал импровизированный айтыс-мушайра, был на представлении группы «Салдар», а вечером 30 мая посетил концерт в районном Доме культуры села Караул, где выступала художественная самодеятельность. На следующий день Кайсын смотрел национально-спортивные игры у подножия горы Караул. Особенно Кулиеву понравились песни Абая, которые исполнял народный хор, состязания борцов (казакша курес), состязания на коне (аударис), состязания на ловкость (тенге алу), шутливые игры «Догоняй девушку» (кыз куу), национальная спортивная игра иноходцев (жорга), скачки на 20 и 30 километров (байга) и выступления артистов народного театра[289]. Это были незабываемые, памятные дни. О них потом вспоминал писатель И. Осипов в своем письме 30 июня 1971 года. Он писал Кулиеву из Москвы:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Рад выразить Вам свою сердечную признательность за то, что благодаря Вашей душевной щедрости наша поездка по казахской земле была такой прекрасной. Если эти поездки знакомят тебя с такими людьми, как Вы,— значит, они весьма и весьма полезны.

Крепко жму Вашу руку и желаю всяческого благополучия, счастья Вам и Вашим близким!

С искренним уважением

И. Осипов»[290].

Таких писем после участия Кулиева в торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения Абая Кунанбаева,

---

[288] Там же, оп. 1, ед. хр. 130, л. 6.
[289] Там же, ед. хр. 128, л. 11.
[290] Там же, оп. 2, ед. хр. 143, л. 1.

поступило к нему очень много. В частности, известный казахский поэт Музафар Алимбаев писал:

«Дорогой Кайсын-ага! Братский привет из Алма-Аты. Я вынес неизгладимые впечатления от встреч с Вами и Давидом Кугультиновым, Расулом Гамзатовым в «Абаевские Дни» в Москве. Об этом мы с Тумамбаем до сих пор вспоминаем! Вот Вам сюрприз. Дело в том, что в моем родном ауле в те трудные годы (в период депортации балкарского народа) у нас приютились наши братья-балкарцы. Они чувствовали себя неплохо: к ним коренное население отнеслось хорошо. После возвращения на родину некоторые семьи остались у нас в Казахстане, он им стал второй родиной. Один из моих родственников влюбился в балкарскую красавицу Любу. Они поженились в 1968 году. Когда я приехал в этот год в свое родное село, то моя сноха (келин) была уже в положении и вскоре родила двойняшек. Одну назвали Музой (это была девочка), а мальчика — Музафаром, в честь односельчанина, то есть моим именем — поэта Алимбаева Музафара.

Думаю, что наш брат, балкарский народ, примет в свою семью и этих двух «желенов» (младенцев) с радостью. По этому случаю я прилагаю фото моих тезок. Может быть, этот факт заинтересует ваши газеты и журналы. С наилучшими пожеланиями твой Музафар.

Мой адрес: 480072, г. Алма-Ата, пр. Абая, дом № 34, кв. 82. Алимбаеву Музафару. Не забудьте прислать балкарские пословицы и загадки»[291].

Когда отмечался юбилей М. Ауэзова, многие республиканские газеты обратились к Кулиеву с просьбой выступить в печати с очерком об Ауэзове. Так, газета «Ленинская молодежь» 21 июня 1977 года писала поэту: «...сейчас в нашей республике идет большая подготовительная работа к 80-летнему юбилею выдающегося писателя, лауреата Ленинской и Государственной премии СССР М. О. Ауэзова, чьи заслуги неоценимы перед нашим народом.

Мы полагаем, что Вы, дорогой Кайсын Шуваевич, неоднократно встречавшийся с незабвенным нашим Мухтаром Омархановичем в секретариате, заседаниях, пленумах,

---

[291] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 180, л. 46—47.

съездах и лично, напишете о нем... Заранее благодарим Вас. Желаем Вам больших творческих успехов.

Главный редактор республиканской газеты
С. Бердикулов»[292].

Дружба не знает расстояний. Когда Кулиев стал лауреатом Государственной премии СССР, он получил из Казахстана много поздравительных телеграмм. В одной из них сообщалось:

«Дорогой Кайсын, сердечно поздравляем с присуждением Государственной премии СССР. Душевно рады за Вас.

Твои друзья: Кенесбаев, Аппаев, Сарыбаев, Деилерев»[293].

Особенно было много телеграмм, когда отмечали 60-летие со дня рождения поэта. В поздравлении от Союза писателей Казахстана говорилось: «...С любовью и гордостью произносят казахи Ваше имя. Народ, особенно почитатели художественного слова, видят в Вас, одного из крупнейших властителей дум и чувств, мудреца, Гражданина, несокрушимого, как Ваш дух. Пусть Ваше здоровье крепнет как Ваш творческий гений во славу культуры братских народов нашей великой Родины»[294].

Восторженно поздравлял Кулиева Сафуан Шаймерденов: «...поздравляю тебя, этого великого и доброго сына земли Балкарии, с 60-летием со дня рождения. Горжусь тем, что на такой маленькой земле неукротимого балкарского народа есть такой могучий талант — Кайсын, эталон величия, огромной доброты и любви к своему народу и роду человечества»[295].

Новогодние поздравления из Казахстана каждый год Кулиев тоже получал в огромном количестве. Приведем только два. «Дорогой Кайсын-ага! Поздравляю Вас с Новым Годом,— писал Турсунбек Какишев.— Пусть он принесет Вам крепкого здоровья и счастливого творческого взлета на радость Вашим читателям». Или: «Поздравляю Вас с Новым Годом! Пусть он принесет Вам огромного человеческого счастья и творческих взлетов на

---

[292] Там же, оп. 7, ед. хр. 28, л. 1.
[293] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 68.
[294] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 22—23.
[295] Там же, ед. хр. 67, л. 43.

радость советской культуре. Обнимаю. Турсунбек Какишев»[296].

Многие прозаики и поэты Казахстана присылали Кулиеву свои книги с дарственной надписью и просьбой написать предисловие или рецензию. Так, один из известных прозаиков—Саутбек Бекбергенов 16 сентября 1969 года писал:

«Многоуважаемый Кайсын-ага! Я посылаю Вам свои книги, то есть два романа, которые вышли в Алма-Ате на казахском языке в 1967—1968 годах. Эти книги дороги мне, и я бы хотел, чтобы они были и у Вас, стояли на полках Вашей личной библиотеки. Вы хорошо владеете казахским языком, в этом я убедился, когда Вы были у нас. В такой же степени я понимаю балкарский язык, он близок мне, у нас одни языковые и родственные корни двух братских народов — казахского и балкарского.

Большой привет от меня, мой казахский салам твоей супруге и сыновьям Эльдару, Алиму и Азамату...»[297]

Не всегда Кулиев мог исполнить просьбу Союза писателей и побывать на всех юбилеях своих собратьев по перу, создающих ту культурную сокровищницу, из которой другие народы берут все ценное. Но всегда давал телеграммы, поздравляя юбиляра. Его весомое слово звучало, когда отмечалось 60-летие со дня рождения Халимжана Бекхожина (1 декабря 1973 года), было произнесено, когда отмечали 14 октября этого же года 50-летие со дня рождения Тахави Ахтанова, на юбилеи которых Кулиев тоже получил приглашение[298].

Кулиева знали и любили в Казахстане. Людмила Чеберяк, работница алма-атинского главпочтамта, писала: «Однажды и навсегда меня пленил один из верных рыцарей поэзии — Кайсын Кулиев. Знакомство с поэтом было неожиданным. Читаю как-то стихотворение, в котором образы Прометея, орла-мучителя, вдруг поразили меня. Промелькнула строка: «И я в горах был тем орлом примечен за то, что сердце у меня в огне...» Эти слова заставили меня запомнить имя поэта. Мне повезло: знакомство продолжалось. В руки попал однажды номер «Литературной газеты», в котором было стихотворение «Дон Кихот» — автор К. Кулиев, поэт с огненным сердцем.

---

[296] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 32, л. 64.
[297] Там же, оп. 2, ед. хр. 163, л. 184.
[298] Там же, ед. хр. 237, л. 24—25.

Кайсын Кулиев — поэт горячий, нежный, беспокойной души, к добру и злу отнюдь не равнодушный. У кого из нас не вызывает глубокую симпатию, безграничное уважение поэт, могущий сказать:

Я спать хочу, как в бурю в гнездах птицы,
Но в мире, что манящ и так широк,
Покоя людям нету, мне не спится
От обступающих меня тревог...

Перевел *Н. Гребнев*

У каждого своя любовь. Однажды и навсегда покорил меня Кайсын Кулиев, и я отдаю ему свое читательское сердце. Вместе с поэтом грущу о его прошедшем звенящем полдне, вместе с поэтом надеюсь, что вечер его будет добр, как день былой, что будет длиться он долго, сохраняя в сердце огонь, радость и вдохновенье. И это озарение поэт подарит нам, читателям, поклонникам его доброго таланта.

Пусть же не гаснет никогда яркая поэтическая звезда Кайсына Кулиева, поэта моего сердца»[299].

В 70-е годы в нашей стране проводилось много различных мероприятий и форумов по линии Союза писателей СССР и союзных республик всесоюзного и международного масштаба. Так, в конце февраля 1977 года Кулиев получил приглашение, в котором говорилось:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, в Алма-Ате «Литературная газета» совместно с Союзом писателей Казахстана проводит «круглый стол» на тему «Социализм и развитие национальных культур».

Редколлегия приглашает Вас принять участие в работе совещания и просит о Вашем согласии уведомить редакцию не позднее 10 марта (письменно или по телефону 228-59-17). Расходы, связанные с Вашей поездкой, будут оплачены по прибытии в г. Алма-Ату. Встреча и регистрация участников «круглого стола» 21 марта. О Вашем прибытии и рейсе самолета сообщите телеграммой в Союз писателей Казахстана.

Зам. главного редактора В. Кривитский.
Редактор отдела литератур народов СССР
А. Хакимов»[300].

По ряду причин Кулиев не смог своевременно отве-

[299] Там же, ед. хр. 165, л. 164—166.
[300] Там же, оп. 5, ед. хр. 107, л. 1.

тить им, так как он 12 марта был в Москве по вызову правительственной телеграммой. Он и Давид Кугультинов занимались вопросами по формированию делегации в связи с поездкой на Север, в г. Норильск. Поэтому ему дали вторую телеграмму: «Уважаемый Кайсын Шуваевич, просим Вас подтвердить о прибытии в г. Алма-Ату на заседание «круглого стола», организованного Союзом писателей СССР и Союзом писателей Казахстана, которое состоится 22—23 марта. Просим Вас ответить с указанием даты и рейса самолета. Секретариат Союза писателей Казахстана»[301].

В Казахстане было и немало земляков Кайсына — балкарцев, которые остались навсегда жить в этой республике, несмотря на то, что могли возвратиться на свою исконную родину. Их дети учились в вузах, неплохо знали казахскую и балкарскую литературу, вернее, лучших представителей этих литератур. Об этом говорит письмо балкарца Кучукова Исхака, который учился в Казахском университете на юридическом факультете. «...Из рассказов матери, да и от Вас,— писал этот студент 2-го курса,— я знаю, что Вы были хорошо знакомы с моим отцом, которого я не помню. Хотелось бы поговорить, послушать Вас, но в прошлый приезд мне это не удалось.

Вообще-то с Вами я знаком довольно давно: по Вашим книгам, стихам, по автобиографическим повествованиям в различных сборниках, по выступлениям, когда Вы читаете стихи на русском языке...» В этом письме Исхак довольно подробно описал вечер поэзии, проведенный в одном студенческом клубе-кафе, где он читал стихи в переводе на русский язык Кулиева, Гамзатова и Кугультинова. И когда слушатели попросили его почитать Кулиева на родном языке, то Исхак не мог выполнить просьбу любителей поэзии. «...К стыду своему,— сообщал он далее,— я не мог этого сделать и вынужден был сказать, что книг на своем языке не имею. Их здесь не бывает. Хотелось бы восполнить этот пробел, и это послужило толчком обратиться к Вам с просьбой...» Он просил Кулиева выслать ему сборники стихов на балкарском языке. В конце письма написал свой адрес: 480035. Алма-Ата, ул. Джанлаева, 57, общежитие КазГУ, № 4. Кучукову Исхаку[302].

[301] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 107, л. 9.
[302] Там же, ед. хр. 88, л. 43.

На подобные просьбы Кулиев всегда откликался, отсылал книги с автографом, с добрыми пожеланиями. Он знал цену моральной поддержки, в которой и сам не раз нуждался, когда жил в Средней Азии и был таким же молодым, как те, которые не раз обращались к нему с различными просьбами.

Литература Казахстана и дружеские взаимоотношения с ее писателями — не единственная сторона интересов и творческих взаимосвязей Кулиева. Был он связан и с представителями другого вида искусства — с Госкино Казахской ССР, ее талантливыми актерами, режиссерами и другими деятелями культуры. Одним из таких людей был К. М. Мухамеджанов. Они встречались, потом переписывались. В одной из встреч с ним Кулиев сказал, что его средний сын Алим решил поступить в театральный институт. С тех пор Мухамеджанов интересовался судьбой его сына, передавал ему приветы. Так, в открытке, полученной Кулиевым (она была написана на казахском языке) 31 декабря 1971 года, было поздравление с Новым 1972 годом, пожелание всех благ. И в конце была приписка: «Привет нашему дорогому Алимчику»[303]. В 1975 году Алим был уже в выпускном классе. Сомнений у него не было, куда пойти учиться. Он решил уехать в Москву и поступить учиться в тот же театральный институт, где до войны учился его отец. Второе письмо от К. М. Мухамеджанова было от 8 мая 1975 года. «Ассалом алейкум, Кайсын-ага,— писал он.— Поздравляем Вас с Великим праздником советского народа — 30-летием Победы над немецко-фашистскими захватчиками!

Желаю Вам крепкого здоровья, большого счастья и новых творческих успехов. Пишите по адресу: Алма-Ата, 480100, Госкино Казахской ССР. Мухамеджанову К. М.»[304].

Писем Кулиев получал очень много и разного содержания. В некоторых из них были деловые предложения: одни из них предлагали себя в качестве переводчиков, а другие хотели читать книги поэта в оригинале. О чем они и просили Кайсына. Так, 6 июля 1972 года Т. Нурмухамедов писал, когда отдыхал в Ессентуках: «Кайсын-ага, если у Вас будет время или возможность, я хотел бы приехать к Вам на короткое время. Я работаю в партаппарате,

---

[303] Там же, оп. 3, ед. хр. 55, л. 1.
[304] Там же, л. 2.

член Союза писателей Казахстана, издал 6 сборников стихов. Меня интересуют Ваши книги на балкарском языке; если они изданы,— то словари русско-балкарские, балкарско-русские. Особенно меня интересуют Ваши стихи о Казахстане, о моем народе и о Ваших друзьях-казахах, на обоих языках.

В годы войны балкарцы жили у нас, в Талдыкурганской области. Я рос с их детьми, неплохо знал балкарский язык, поэтому мне нетрудно понять Ваши стихи на балкарском языке без переводчика.

Отдыхая здесь, лечась, я хотел бы сделать переводы на казахский язык Ваших стихов и других авторов накануне 50-летия СССР.

Мой адрес: 357600. Ессентуки-10. Санаторий «Коммунист», корпус «Солнечный», комната № 51. Нурмухамедову Тулену. Хош, сау болынгыз!»[305] («Будьте здоровы»).

КАЙСЫН КУЛИЕВ И УКРАИНА

Дорогие Микола и Нина Бажан! Вам и вашему городу, всей земле вашей... я желаю добра, и покоя, и мира.

К. Кулиев

На Украине Кайсын Кулиев был много раз и по разным поводам и причинам. Ему нравилось бывать здесь так же, как и в других республиках СССР, теперь уже бывшего... Украинскую землю он воспел еще в 1943 году, когда шла кровопролитная война и сам Кайсын сражался, будучи в действующей армии, с сильным и упорным врагом. Все, что видел и пережил, Кулиев воплощал в художественное слово:

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Как тяжек был глаз этих мертвых укор.

---

[305] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 61, л. 1.

Украина одной из первых приняла на себя удар фашистских орд. Потом историки и социологи подсчитают материальные и моральные потери. Но ничто не может сравниться с поэтическим выражением скорби и боли человека, пережившего весь ужас войны:

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она[306].

Перевела *В. Звягинцева*

Строки стихотворения «Твоя земля», посвященного Владимиру Сосюре, правдиво рассказывали о тех зверствах и злодеяниях, которые творили враги, оккупировавшие Украину. Первая строфа «Твоя обагренная кровью земля — как раненый воин средь грохота битв» сразу вводила в драматическую атмосферу военного времени, где людьми правила ненависть и злоба и у каждого была своя истина, во имя которой человек убивал себе подобных. Трагические случаи в образном постижении мира и человека сменялись иными раздумьями поэта о том времени, когда на этой прославленной земле Шевченко «бродил здесь под бременем дум, сзывая те строки, что пламенем жгли», «где Щорс мальчуганом мечтал до зари», где когда-то по дорогам ходили кобзари и пели «песни о горе прекрасной земли». Прошлое и настоящее Украины — все дорого поэту: и ропот старинных бандур, и отчий порог Сосюры, поля молчаливые и дали дорог... Строка «Люблю твою землю»— это не воображение и мечта романтического героя, а глубоко проверенное и выстраданное чувство к той части родины и ее людям, которые прошли невероятно тяжелый путь. В своей реальной мечте поэт был уверен: «...пусть грохочут бои, по этим дорогам пройдя, победим».

С моими не схожи дороги твои,
Печали и горе шагали по ним.
Но я их люблю, — пусть грохочут бои,
По этим дорогам пройдя, победим[307].

---

[306] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 104.

[307] Там же.

Возвышенный оптимизм, большое мужество и надежда не покидали солдата. Он понимал, что речь шла не об одной Украине, а о судьбе всей России, о судьбе всех наций, населявших огромную страну. Война становилась эпопеей народа. Забота о всех и о каждом в отдельности становилась общенародной: его, горца, вдали от родных мест, встречали русские матери, как своего сына, заботились о нем, отдавая для фронта все лучшее, что было у них. «Все для фронта!» — было призывом на всех плакатах. И это было нравственной нормой поведения всех людей, сплоченных общей бедой и желанием хоть чем-то помочь фронту, защитникам Отечества. Это-то благородное чувство дало возможность Кулиеву признаться:

Здесь добрые матери братьев твоих
Кормили меня из морщинистых рук,
Как смуглые руки горянок седых,
Я их целовал, дорогой ты мой друг[308].

Таким дорогим другом для Кулиева был один из самых популярных и любимых среди читателей Владимир Николаевич Сосюра, родом из Донбасса, из шахтерской семьи. Он был намного старше Кулиева — на целых девятнадцать лет, но никогда не подчеркивал разницы в возрасте и положении. Владимир Николаевич уже до войны был одним из известных поэтов: в 20-х годах у него были опубликованы поэмы «Мазепа», «Тарас Трясило», «1917 год», «Оксана», «Сегодня», «Шахтер», «Селькор», «Рабфаковка» и сборники стихов «Город», «Сегодня» и др. В годы Великой Отечественной войны его стихотворное послание «Письмо землякам» стояло в одном ряду с такими известными стихотворениями, как «Белорусским партизанам» Янки Купала, «Ленинградцы, дети мои» Джамбула, «Бойцам Южного фронта» М. Рыльского, «Тебе, Украина» А. Твардовского, «Ленинградке» О. Берггольц. В этот ряд можно с успехом поставить и стихотворение-послание Кайсына Кулиева «Сталинградцам» (1942), в котором он воспел беспримерный подвиг защитников волжской твердыни на берегу великой русской реки.

Познакомился Кулиев с Владимиром Сосюрой в 1942 году в Москве. Кайсын в это время был вызван с фронта

[308] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. С. 105.

начальником Политуправления Красной Армии Щербаковым. По инициативе А. Фадеева для поэтов-фронтовиков были организованы вечера поэзии. На одном из таких творческих вечеров Кулиев встретился с Владимиром Сосюрой. Жил он в гостинице «Москва», там они и собирались после выступлений, чтобы продолжить в более тесной компании свои беседы о поэзии, о ее назначении. С ним была и жена Владимира Сосюры, Мария Гавриловна, юная красавица с голубыми глазами. «Думал я про себя: «Должно быть, над украинской ширью небо на ее похоже глаза».

Думал я: «Большие, как звезды
Над моим Чегемским ущельем,
У нее глаза...»
Вспоминаю
Я, Мария, как мы втроем
Шли в столовую Дома писателей
На Воровского, как там ели
Борщ без мяса военной зимой...
О Мария! Как воспел вас,
Как любил вас Владимир Сосюра,
Милый, добрый Владимир Сосюра,
Что одним был из лучших лириков
Всей страны, — как он вас воспел![309] —

Перевел *Л. Шерешевский*

так писал Кулиев спустя 40 лет после тех встреч в военной Москве, вспоминая молодость и своих друзей. И дальше:

Вот тогда-то в зимней, военной,
Затемненной, голодной Москве
Мне увидеть пришлось вас впервые[310].

Стихотворение называется «Марии Гавриловне Сосюре», из цикла стихов «Два письма в Киев».

Кайсын Кулиев знал, что в историю литературы Владимир Сосюра вошел как певец романтики Гражданской войны, и ему очень нравились стихи военных лет, в которых снова с большой силой зазвучали мотивы о единстве героики прошлого и настоящего. В это время Сосюра писал о духовной природе полного слияния личных и общественных чувств. Кулиев выделял из всех стихов его любов-

[309] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 130.
[310] Там же. С. 131.

ную лирику и особенно те стихи, которые были адресованы им любимой жене — Марии Гавриловне. Кулиев эти лирические, глубоко личные стихи знал: «Мария», «Вспоминаю: вишни доцветали...», «Девушка на перекрестке» (из поэзии конца 20-х годов); и военной поры, датируемые 1943 годом: «Я вижу пряди светлой тень...», «Скрепят ремень и портупея...». Многие из них он цитировал солдатам наизусть, как и стихи любимых поэтов — Лермонтова, Есенина...

Через много лет, вспоминая молодость, встречи с ними в Москве, Кулиев писал, обращаясь к этой прекрасной женщине:

О, как вас Владимир Сосюра
Воспевал! Говорилось, что может
Один раз за тысячу лет
Быть такая любовь на земле!
Как писал он о ваших глазах!

Она и впрямь была в те годы для молодых солдат идеалом супружеской верности, красоты; была со всеми друзьями мужа ласкова, приветлива, и ее лучезарные глаза успокаивали уставших от боев красноармейцев. Высокие ценности женской души воспевал Сосюра, и это нравилось бойцам, которые в часы привала распевали «Темную ночь» и «Бьется в тесной печурке огонь...» — самые популярные солдатские песни Великой Отечественной войны. Для простого солдата было неважно, чьи это слова — Симонова или Щипачева. Главное — эти песни зажигали светом веры его уставшую душу и ожесточенный разум. Очевидно, стихи Владимира Сосюры дарили и Кулиеву радость, если он писал:

Помню я, как вы были прекрасны,
И такой навсегда остались
В нежных, чистых книгах Сосюры,
В моей памяти, в сердце моем...[311]

Сущность своих взаимоотношений с семьей Сосюры Кулиев предельно ясно выразил в двух своих стихотворениях — «Твоя земля» и «Марии Гавриловне Сосюре». В последнем стихотворении кулиевские размышления об этой удивительной женщине вскоре перешли в раздумья-

[311] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 132.

выводы вообще о роли и назначении в жизни женской красоты, ее силы и могущества:

Пусть же вечно живут в этом мире,
Мире сложном, трудном, жестоком,
Пусть же вечно живут Поэзия
И Женская Красота!
Всем тиранам мира не сжечь их,
Всем земным палачам не убить их —
Красоту земли и Поэзию!

Перевел *Л. Шерешевский*

На этой пафосной ноте закончил свое лирическое повествование Кайсын Кулиев о Марии Гавриловне, которую воспел и прославил.

Стихотворение «Марии Гавриловне Сосюре» возникло не случайно. История его создания свидетельствует о кайсыновских чертах характера. Он никогда не мог мириться с какой-либо несправедливостью, не мог терпеть унижения личности, особенно когда человек находился в беде.

...Шло веселое застолье после торжественной части юбилея М. Бажана. Среди гостей не было Марии Гавриловны. Кулиев спросил, почему ни на торжественной части вечера ее не было и здесь ее нет.

— Она одинока, совершенно беспомощна и всеми давно забыта,— сказал один из присутствующих.

— Болеет уже несколько лет и никого этот факт не беспокоит,— добавил другой.

Кулиев был потрясен. Конечно, думал он, есть старость, есть болезни, но мы всегда и при всех обстоятельствах должны оставаться людьми. На другой день Кайсын пошел навестить вдову. Он решил посвятить ей стихотворение, воспеть ее былую красоту. Ведь она была преданной женой такого восхитительного поэта, как Владимир Сосюра, которого Кулиев почитал и любил. Находясь в больнице, Кулиев написал это стихотворение, отослал ей в переводе Л. Шерешевского, и она оценила благородство поэта, решившего как-то морально поддержать ее в глазах общественности, подбодрить ее, улучшить самочувствие. Мария Гавриловна ответила письмом. Оно хранится в личном архиве Элизат Кулиевой, которая бережно хранит все, что связано с памятью о Кайсыне Кулиеве и его друзьях.

28 ноября 1978 года, в связи с 80-летием со дня рождения Владимира Сосюры, председатель юбилейной комиссии Борис Олейник написал Кулиеву:

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, 6 января 1978 г. отмечается 80-летие со дня рождения В. Сосюры. Зная Ваше доброе отношение к юбиляру, очень просим Вас написать и прислать в адрес юбилейной комиссии Союза писателей Украины свое слово о Сосюре, которое мы могли бы огласить на юбилейном вечере и напечатать в газете «Литературная Украина».

С уважением Борис Олейник»[312].

Когда Кайсын Кулиев говорил о современной украинской поэзии,— он первым называл Миколу Платоновича Бажана, своего современника, но более старшего по возрасту. Бажан был старше Кулиева на 13 лет. Родился он 9 октября 1904 года в Каменец-Подольском, учился в кооперативном техникуме, затем — в Кооперативном институте, а потом даже в Институте внешних отношений, но победило основное призвание — поэзия. Кулиев знал эти факты биографии своего друга и иногда шутил, что во внешних отношениях и без того много корифеев, а украинская Муза не могла обойтись без Бажана!

Кулиев высоко ценил поэтический талант своего собрата по перу и из-за светлого чувства общности всегда был рад встрече с ним, хотя встречались они довольно редко. В совместных беседах говорили о Грузии, в которой был Бажан и путешествовал с Симоном Чиковани по горным тропам Кавказа, о том, как Бажан переводил «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели и стихи современных грузинских поэтов на украинский язык. Оба они любили Грузию и ее культуру, восхищались гениальным Руставели и удивительной поэзией Важа Пшавелы. Вспоминали они и о том, как в годы Великой Отечественной войны на различных фронтах работали военными корреспондентами и писали стихи о подвигах, доблести и славе простого солдата, защитника Отечества, а потом — о мире и труде.

Со своей женой Элизат Кайсын Кулиев был несколько раз в гостях в семье Бажанов. Так, в 1982 году они выеха-

---

[312] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 37, л. 31.

ли из Москвы в Киев по делам издания сборника стихов Кайсына Кулиева, который должен был выйти из печати на украинском языке. Работы предстояло много с переводчиками и издательством. Встретили их тогда на вокзале Иван Драч и Борис Олейник. Они и помогали Кайсыну в его издательской работе, а вечерами не давали скучать и супруге Кайсына. Элизат познакомилась с семьей Олеся Гончара, Миколы Бажана и многими другими известными писателями и поэтами. Вместе с Кайсыном она была в гостях у его друзей: в гостеприимном доме Бажана на улице Репина, где их угощали райскими яблоками, воспетыми Кулиевым, у Бориса Олейника, Олеся Гончара, у вдовы поэта Владимира Сосюры — Марии Гавриловны.

Последний раз Кулиев был на Украине в октябре 1984 года, когда он официально был приглашен общественностью республики, родными на юбилей М. Бажана, не дожившего несколько месяцев до своего 80-летия.

Кулиев в это время и сам был серьезно болен, не мог спать по ночам, испытывая постоянную боль в ноге. У него, как он думал, открылась старая фронтовая рана: в годы войны разрывной пулей был задет седалищный нерв. Элизат не советовала ехать в Киев. «Дорога утомит Вас,— убеждала она поэта.— Дадим подробную телеграмму в адрес Союза писателей Украины. Они знают о Вашем состоянии здоровья и поймут Вас». Но Кайсын на все убеждения Элизат приводил свои доводы и горячо доказывал: «Если бы Микола Бажан был жив, то можно было бы ограничиться и телеграммой. Но его нет, есть вдова поэта, и она просит, чтобы я приехал. Ее надо поддержать хотя бы дружеским участием, нашей любовью к ней».

Они вылетели самолетом из Минеральных Вод, оставив свою «Волгу» на постоянной стоянке. Машиной Кулиев управлял сам и гордился этим. Через несколько часов уже были в Киеве, их встретили в аэропорту друзья. Кулиев удивился, не увидев среди них Ивана Драча. «Он за границей, в дружественной Болгарии»,— отвечали ему. Это была, конечно, уважительная причина.

Жил Кайсын с Элизат в гостинице «Украина». Их окружили вниманием и заботой. Все радовались их приезду. Но больше всех была рада Нина Владимировна, жена Бажана. Ее лучистые глаза благодарили Кулиева, так как она считала его лучшим другом своего мужа, приехавшим из такой дали, чтобы поддержать морально ее и авторитет

ее мужа. Тогда было сказано много добрых и ласковых слов и пожеланий.

На торжественном вечере выступило много известных людей. Дали слово и Кулиеву. Когда он появился на трибуне, опираясь на трость и прихрамывая, весь зал встал, и люди долго ему аплодировали, выражая тем самым свою любовь к нему и свое восхищение. Говорил Кулиев недолго, но, как всегда, ярко и эмоционально. Несколько раз его речь прерывали продолжительными аплодисментами. Это взволновало поэта, и он почувствовал, что его здесь знают и чтят.

Все три дня, проведенные в Киеве, Кулиев не подавал вида, что ему трудно ходить, выступать, что он быстро устает. И все окружавшие видели его веселую улыбку и хорошее настроение. Никто не знал, что ночами он не спит от боли, что ему нужен отдых и покой. В торжественные дни юбилея Бажана Кулиев не хотел грусти и печали. Знала о его физическом и моральном состоянии только одна Элизат, но ей поэт запретил не только никому не говорить о его болезни, но и не подавать вида, что обеспокоена: быть на людях веселой и счастливой. 10 октября 1984 года они были уже в Чегеме I. Потом, находясь в Москве, в больнице на Мичуринском проспекте, Кулиев будет все припоминать (очевидно, все мелкие детали запомнились поэту, и ему было приятно вспоминать обо всем), чтобы отразить все прошедшее в письме к другу:

Здравствуй, друг мой Бажан,
Здравствуй, брат мой Микола!
Я пишу тебе это
Не в самый мой радостный день.
Я теперь не в горах,
Я теперь далеко от Чегема.

В месяцы лечения Кулиев душевно страдал, томился ожиданием того, что скажут врачи о результатах анализа, рентгена, общего консилиума светил медицинской науки, которые никак не могли прийти к единодушному решению. А Кайсын все ждал и надеялся на лучшее. Оставалось одно утешение: работа, друзья, которым можно было писать, делиться воспоминаниями и тревогами: «...сегодня сильнее всего мне б хотелось увидеть тебя и услышать тебя. Я пытался звонить тебе в Киев, чтоб звучал для меня уте-

шеньем твой голос. К сожаленью, не вышло...»,— писал Кулиев в стихотворении «Миколе и Нине Бажанам».

Что хотел сказать в этих последних стихах обреченный поэт? Хотел примириться разумом и душой с тем, что его ожидало и в каком смятении он находился тогда? Конечно, и об этом, но и о другом:

Мне припомнилось нынче,
В мой трудный, нерадостный час,
Как была к нам радушна
Твоя несравненная Нина,
Королева твоя величавая!

Перевел *Л. Шерешевский*

В стихотворении «Миколе и Нине Бажанам» много раздумий и выверенных временем мыслей поэта. Выводы его очень просты, как сама истина: «Хорошо человеку, когда в этом мире суровом есть друзья у него вот такие, как вы». Или: «Горечь жизни так часто, так часто приходит к поэтам». И совсем не риторический вопрос, а скорее утверждение в следующей фразе: «Есть ли в мире поэт, что не чувствует боли людской?» В мире, конечно, не должно быть таких поэтов, равнодушное и спокойное сердце не может служить Музе, чувства добрые лирой пробуждать способны лишь истинные Поэты.

Микола Бажан, воспетый Кулиевым, был благодарен ему за стихи. Он не раз поздравлял горского поэта с праздниками. В одном из таких посланий он писал:

«Дорогой и славный друг мой и всего моего народа — Кайсын! От всей души желаю Вам и Вашим родным счастья и здоровья, новых и новых творческих радостей, которые радуют и нас, Ваших читателей и почитателей. Стихами Кайсына славится и украшается вся советская литература — будьте же щедры и дальше. Над вершинами Ваших гор до моих маленьких Карпатских летит Ваш голос, неповторимый, страстный и прекрасный! Будьте счастливы! Будьте радостны! Будьте щедры!

Ваш Микола Бажан.

25 февраля 1976, г. Киев».

У Кайсына Кулиева было много друзей на Украине, ценивших его талант и умение общаться с людьми всех

возрастов, помогать добрым словом и делом. Одним из таких людей, благодарных Кулиеву поэтов, был Олесь Гончар, который писал 20 марта 1976 года из Киева:

«Спасибо тебе, дорогой Кайсын, за слово привета. Я горжусь, что есть у меня на Кавказе такой друг, что рядом с белоснежным Эльбрусом сверкает его такая же высокая, поэтическая и отзывчивая душа.

Обнимаю тебя.

Олесь Гончар»[313]

В связи с предстоящим юбилеем — 60-летием О. Гончара — издательство «Народный писатель» просило Кулиева прислать очерк о жизни и творчестве Олеся Гончара. «Уважаемый Кайсын Шуваевич,— сообщалось в письме,— наше издательство готовит сборник критических статей, эссе, очерков о жизни и творчестве Олеся Гончара (составители Борис Буряк, Леонид Коваленко).

Просим Вас принять участие в этом сборнике, будем благодарны, если пришлете нам материал до 15 августа сего года (можно из опубликованного в периодике за последние годы). О Вашем согласии, пожалуйста, сообщите нам письмом. С глубоким уважением — главный редактор М. Лещенко. 18 мая 1977 г.»[314].

Олесь Гончар (1918—1995) был самым известным прозаиком в украинской советской литературе. Кайсын Кулиев знал его трилогию «Знаменосцы» о Великой Отечественной войне и романы «Таврия» (1952), «Перекоп» (1957) и «Тронка» (1963).

Кайсына Кулиева и Олеся Гончара связывала не только дружба, основанная на принципах справедливости и самоотверженной любви к родной земле, но и прошлое: оба они участники Великой Отечественной войны. С самых первых дней войны Гончар начал свой боевой путь рядовым солдатом, а позднее стал сержантом минометного гвардейского полка. Кулиев и Гончар прошли дорогами войны от трагического отступления до победоносного завершения в Берлине. Правда, Кулиев в 1944 году был демобилизован, но это была не его вина, а скорее беда, постигшая его самого и балкарский народ. Кулиев высоко ценил творчество этого прозаика, особенно роман «Трон-

---

[313] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 46, л. 1.
[314] Там же, оп. 7, ед. хр. 24, л. 1.

ка», его лиризм и романтику, внутреннюю музыкальность и песенность.

Олесь Гончар пережил К. Ш. Кулиева на 10 лет. Он скончался на 78 году жизни в 1995 году.

На Украине поэзию Кайсына Кулиева ценили очень многие известные люди, особенно из числа интеллигенции. Переводы стихов балкарского поэта на украинский язык, их частая публикация в местной печати на украинском и русском языках делали свое благородное дело. Известные и менее известные молодые поэты и переводчики знали творчество Кайсына Кулиева и не раз обращались к его произведениям. К числу таких людей относился и Иван Глинский. Вот что он писал Кулиеву 22 декабря 1976 года:

«Уважаемый тов. Кулиев! Когда-то на 3-м Всесоюзном совещании переводчиков в Москве мы с Вами встречались. Вы тогда поддержали мою филиппику-выступление о том, чтобы в каждой из республик, в каждом из краев издавать стихотворения хотя бы основных языков братских народов.

После нашей встречи я перевел на украинский язык, пользуясь подстрочником, и несколько десятков Ваших славных стихотворений. Часть из них опубликовал в книжке «Вершины» (Одесса, 1975), а часть — в периодике. Теперь Ваш «Тост» использовал в новой «визитке» балкарско-кабардинской поэзии — в подборке журнала «Жовтень». Посылаю эту «визитку» Вам и Вашим друзьям.

В дни исходящего 1977 г. желаю Вам и Вашей семье счастья и здоровья, мира и радости.

С Новогодним приветом И в а н Г л и н с к и й. Мой адрес в «Справочнике СП СССР»[315].

Ничто так не сближает людей, как духовная жизнь, общие интересы, любовь к литературе и искусству. Так, выход из печати любой книги Кулиева не проходил незамеченным, появлялись многочисленные рецензии, хвалебные статьи, очерки, эссе. Когда появилась на прилавках магазинов «Книга земли», Кулиев стал получать много писем с рецензиями на этот сборник стихов. Поэт обратил внимание на рецензию Д. Дереча из Винницы на «Книгу земли». Статья называлась «Орлиные крылья». В ней говорилось: «По моему мнению, таких поэтов, как Кайсын Кули-

[315] Там же, оп. 5, ед. хр. 44, л. 1—2.

ев, в Советском Союзе сейчас не более пяти-шести, а на Украине, к сожалению, с Кайсыном Кулиевым в данное время никто сравниться не может. Были у нас Павло Тычина, Максим Рыльский, Андрей Малышко, которые могли говорить, как поэты всего Союза, но они ушли, а молодые пока что не заменили их...»[316]

Друзья с Украины поздравляли поэта, когда «Книга земли» была отмечена Государственной премией СССР. Из Винницы писали: «Дорогой Кайсын, сердечно поздравляем высокой премией. Желаем новых творческих взлетов. Любящие Вас писатели»[317].

Многие редакции областных газет просили Кайсына прислать для публикации его стихи. Особенно часто писал Кулиеву завредакцией областной газеты «Винницкая правда» М. Рабинович. Так, 14 марта 1973 года он писал: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! С удовольствием посылаю Вам наши газеты с рецензией на новую книгу и с песней на Ваши стихи.

В начале года редакция приглашала всех писателей-земляков присылать свои произведения для читателей газеты. После того как женщины из Приэльбрусья искупались в реке Буг, а на Подольской земле прозвучало Ваше вдохновенное слово, мы Вас тоже считаем своим земляком и будем всегда рады предоставить страницы газеты для Ваших стихов. Искренне Ваш — Р а б и н о в и ч»[318].

Главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Жовтень», орган Союза писателей Украины, Р. Федоров тоже обращался к Кулиеву с просьбой:

«Уважаемый тов. Кулиев Кайсын Шува-оглы! Обращаемся к Вам с большой просьбой: выступить на страницах республиканского журнала «Жовтень» по вопросу о взаимосвязах и взаимообогащении братских литератур к 50-летию образования СССР. Предлагаем ориентировочно вопросы, по которым, на наш взгляд, желательно высказаться, это, конечно, не значит, что разговор должен идти только по намеченным вопросам. Для нас важны и интересны факты, проблемы, обобщения, вытекающие из Вашего

---

[316] *Дереч Д.* Орлиные крылья // Виницка правда. 1973. 1 березня.
[317] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 169.
[318] Там же, оп. 2, ед. хр. 181, л. 142.

личного опыта, из непосредственного творческого общения с коллегами по перу.

Просим также обратить внимание на степень обобщения художественного процесса литературной науки и критики, ее достижений и упущений. Размером не ограничиваем. Были бы рады получить Ваш ответ по возможности быстрее. С искренним уважением гл. редактор журнала «Жовтень» Р. Федоров»[319].

К этому письму прилагались ориентировочные вопросы:

«1. Какие, по Вашему мнению, этапные события культурных взаимоотношений между Украиной и Вашей Республикой?

2. Какие общие тенденции литератур народов СССР являются определяющими для современного литературного процесса?

3. Жанровые и тематические взаимообогащения национальных литератур, традиций и новаторства.

4. Какие пути укрепления взаимосвязи представляются Вам наиболее плодотворными»[320].

С подобной же просьбой в связи с 50-летием образования СССР обратилась редакция журнала «Радуга» г. Киева. Работники журнала просили написать несколько страниц о дружбе народов и о духовном родстве национальных литератур республик. «Нам бы хотелось,— говорилось в письме,— чтобы Ваше слово было обращено к Украине и ее людям. Будем Вам благодарны, если Вы откликнетесь на это письмо. С уважением и добрыми пожеланиями. Зам. главного редактора А. Роготченко»[321].

К Кулиеву обращались не только центральные журналы Украины, но и редакции областных газет. Так, 14 марта 1972 года редактор газеты «Ворошиловградская правда» Г. Кононых писал:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Читатели нашей газеты—трудящиеся орденоносной области, инициаторы социалистического соревнования за повышение производительности труда — выразили горячее желание прочитать на страницах «Ворошиловградской правды» отрывки из Ваших произведений.

---

[319] Там же, ед. хр. 180, л. 49.
[320] Там же, л. 50.
[321] Там же, л. 61.

Убедительно просим Вас, на свое усмотрение, прислать отрывки последнего произведения, посвященного 50-летию образования СССР.

Мы рады будем получить от Вас очерк, рассказ, стихотворение.

Надеемся, что Вы откликнитесь на эту просьбу и желание наших читателей.

С уважением редактор Г. Кононых»[322]

С Кайсыном переписывались знаменитые и малоизвестные поэты и писатели, драматурги, деятели науки и искусства. Каждому из них Кайсын отвечал добрым словом и советом, а когда мог, исполнял их многочисленные просьбы. Одним из таких был Олесь Юрченко, который прислал ему письмо, датируемое 25 октября 1972 года.

«Глубокоуважаемый и дорогой Кайсын Шуваевич! Большое-пребольшое спасибо Вам за Ваши теплые, сердечные слова привета и поздравления, за Ваши добрые и дружеские пожелания, за все то доброе, что есть доброе в нашей жизни!

Как ни тяжело расставаться с Миргородом и горячо любимым Давидом Гурамишвили, но пришлось расставаться, годы и здоровье мои уже не те, чтобы и службу служить и весело жить.

Будьте добры, пришлите мне одну из своих книг! Несказанно буду рад и благодарен Вам.

Всего Вам и Вашим близким доброго, самого всего светлого и самого счастливого!

С праздником Великого Октября поздравляю Вас.

С братским приветом — всегда искренне Ваш

Олесь Юрченко.

Приезжайте в гости!!!»[323]

На Украине у Кулиева было очень много друзей и поклонников его поэзии, причем всех возрастов — от старшего до младшего поколения. Так, 72-летняя Антонина Петровна Англинова из Симферополя в середине семидесятых годов писала Кулиеву, восхищаясь его талантом, его поэзией: «...Вас знает вся наша страна, и надеюсь, что мое письмо дойдет до Вас. Я давно читаю и слышу по радио

---

[322] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 180, л. 52.

[323] Там же, ед. хр. 163. л. 176.

Ваши стихи, поэмы и сердцем откликаюсь на них, давно!» В своем письме она отметила особенно любимые стихи поэта: «Черный конь умирает на белом снегу...», «Женщина купается в реке», стихи о матери, горянках, птицах, природе. Далее она писала: «Меня покорила глубина Ваших стихов. Они незабываемы. Спасибо Вам, дорогой, от всего сердца! Благодарю за красоту жизни, которую Вы воспели... Я на пределе жизни, но как не хочется уходить от красоты природы, от таланта человека, который еще будет долго жить без меня. Я желаю Вам долговечного здоровья, цветущей жизни! Кавказские люди долговечны...»[324].

Письма с Украины почитателей таланта Кулиева были разными. Одни просто благодарили поэта за его прекрасные стихи, а другие желали встречи с ним, чтобы поэт выступил перед читателями. Одной из них была Мария Петровна Гаврилова из Харькова, которая в своем письме от 12 ноября 1976 года сообщала о том, что она читает цикл лекций по советской поэзии через бюро пропаганды художественной литературы в Харьковском отделении Союза писателей Украины и собирается первого декабря этого года прочитать публичную лекцию на тему «Поэты Кавказа» (Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Геворг Эмин). «...Высылаю Вам,— писала она,— абонемент и афишу. Кайсын Шуваевич! Может, случайно Вы будете проезжать через Харьков в эти дни, сможете сделать на один день остановку, выступить на нашем вечере. Бывают же такие счастливые случайности! Все поезда с Кавказа на Москву идут через Харьков!

Еще к Вам просьба: не могли бы Вы мне выслать свои фотоснимки для лекции и книгу «Раненый камень», которую я не смогла достать.

С уважением М. Гаврилова»[325].

А вот другое письмо — из Кременчуга, Полтавской области, от Могилевич Людмилы Павловны, учительницы английского языка, пославшей письмо в «Литературную газету» по адресу: Москва, Цветной Бульвар, 30, с просьбой переслать Кайсыну Кулиеву.

«Здравствуйте, дорогой Кайсын Шуваевич! Если бы Вы знали, сколько лет я собиралась написать Вам это

---

[324] Там же, оп. 5, ед. хр. 88, л. 1—2.
[325] Там же, л. 14.

письмо. Я познакомилась с Вами давно, даже не помню точно, когда и сколько лет. Когда-то случайно в какой-то газете я прочитала Ваши стихи. Они тронули меня своей простотой, искренностью, особой задушевностью. Казалось, это мои мысли, чувства. Слова были так складны, точно выражены в стихах. Мне особенно близки Ваши стихи, потому что я была в Ваших краях, правда, как туристка. По красоте Кавказ покоряет всех, поэтому Ваши стихи для меня имели и личный интерес. Затем мне посчастливилось купить Ваши книги, и тогда тоже я хотела написать Вам. Если в какой-нибудь газете или в журнале есть Ваши стихи, статьи или что-то о Вас, я в первую очередь читаю этот материал. Я Вам не писала потому, что думала: все, что я напишу, для Вас не ново, Вас знают и любят миллионы людей, которые прекрасно выразили свою любовь и признательность к Вам. Я полностью разделяла их чувства. Одним письмом больше, одним меньше, какое это имеет значение, тем более что все, что я думала, уже было сказано.

Я искренне огорчалась, когда, просматривая списки лауреатов Государственных премий, не находила Вас.

И вот на днях я, прочитав в газете, что Вы получили эту премию, очень обрадовалась. От всей души поздравляю Вас! Снова подумала написать и снова не написала, а только прочитала в «Литературной газете» Ваше стихотворение:

Если, встретив меня, человек
Просто скажет мне доброе слово,
Может статься, для счастья вовек
Ничего мне не надо иного.

И я, наконец-то, решила сказать Вам свое доброе слово, о чем мечтала несколько лет.

Может быть, это наивно, но, кроме Вас и Расула Гамзатова, боюсь читать стихи других поэтов, чтобы кто-то не «увел» меня от Вас.

Большое спасибо Вашим переводчикам, Науму Гребневу, без их талантливого труда мы бы никогда не почувствовали Вашей искренней души, Вашей земли... С любовью и уважением Могилевич Людмила»[326].

Одни поклонники восхищались его поэзией, другие пи-

[326] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 61—62.

сали отклики на его критические статьи и тоже хотели сообщить об этом Кулиеву. Особенно много было писем в связи с публикацией книги Кайсына «Так растет и дерево». В своем письме Дмитрий Васильевич Пятаков из г. Николаева отмечал, что очерк поэта о Лермонтове «А парус все белеет...» очень заинтересовал его и он написал отзыв, отправив его в редакцию журнала «Октябрь». «...Не получая до сего времени подтверждения, прошу сообщить, получен ли Вами указанный отзыв? Если не получен,— писал он,— я обращусь в редакцию журнала «Октябрь». С глубоким уважением читатель П я т а к о в. Мой адрес: г. Николаев, 327022, Широкая Балка, Широкий переулок, д. 27. 13 марта 1975 г.»[327].

Читательские поклонения — это важный показатель популярности поэта. Об этом свидетельствуют письма от правления Союза писателей Украинской ССР и московского «Дома учителя» Кайсыну Кулиеву с просьбой дать согласие на встречу с читателями[328].

Общественная потребность определяет значимость поэтического творчества, его роль и значение в духовной культуре народа. Личная судьба Кайсына Кулиева была тесно связана с судьбой Советского государства и культурой каждой из ее союзных республик. Поэтому не случайно в архиве Кулиева так много писем различного содержания, особенно от редакторов газет и журналов. Вот просьба редакции издательства «Днипро» о том, чтобы он выслал свои воспоминания об известном украинском поэте Андрее Малышко[329]. А главный редактор Херсонской студии телевидения Давид Ильич Файнштейн писал 18 января 1971 года поэту о том, что работает над книгой литературной биографии Каховки и Херсона и в связи с этим просит Кулиева написать свои воспоминания о Сиваше, где Кулиев сражался в годы Великой Отечественной войны[330]. Редакция газеты «Правда Украины» просила Кулиева прислать любой литературный материал для рубрики «130 народов-братьев»[331].

В архиве Кулиева особенно много писем от учителей

---

[327] Там же, л. 5.
[328] Там же, оп. 1, ед. хр. 98, л. 2.
[329] Там же, ед. хр. 105, л. 2.
[330] Там же, оп. 2, ед. хр. 157, л. 1—2.
[331] Там же, оп. 1, ед. хр. 107, л. 2.

средних школ Украины. Одни из них просто восхищались стихами поэта, другие просили его выслать книги стихов с автографами. Так, в одном из писем сообщалось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Очень просим извинить нас за беспокойство. Дело в том, что мы с женой работаем в сельской школе, преподаем русский язык и литературу. Недавно на литературном кружке мы читали Ваши стихи. Но невозможно достать Ваши книги Поэтому просим Вас выслать с автографом книгу.

Еще раз извините. Желаем Вам, как говорят на Украине, доброго здоровья, долгих, долгих лет жития поэзии. Хай живе великая поэзия! Ваши украинские читатели Светлана и Зиновий Лаверныоки.

Наш адрес: Житомирская обл., Червоноармейский район, с. Кошхлевка, СШ. Лавренюку З.»[332].

С аналогичной просьбой обратился к поэту фельдшер участковой больницы Винницкой области М. К. Суворин. Он писал о том, что с творчеством Кулиева познакомился вскоре после выхода книги «Хлеб и роза». «...С тех пор с большим интересом слежу за Вашей поэзией»,— писал он. Михаил Кузьмич неоднократно писал письма Кулиеву, восхищаясь его стихами.

Много различных откликов на сборники стихов получал Кулиев от работников музеев Днепропетровской, Николаевской, Винницкой областей Украины. Одно из таких посланий было прислано из литературно-мемориального музея Максима Рыльского 19 февраля 1976 года. В нем говорилось:

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! В мемориальной библиотеке Максима Рыльского сохраняется сборник Ваших стихов с надписью: «Максиму Рыльскому — мастеру, который выше всяких моих похвал. С горячей любовью к его большой поэзии и культуре. 28 октября 1959 г. Москва».

Сотрудники музея Вашего собрата по перу с Украины обращаются к Вам с большой просьбой переслать в дар музею книгу стихов для библиотеки «Современники Максима Рыльского», для которого вот уже несколько лет мы собираем экспонаты.

С уважением директор музея Б. Рыльский»[333].

---

[332] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 79, л. 9.
[333] Там же, л. 13.

Литературные связи с работниками этого музея продолжались. Сотрудники музея Максима Рыльского поздравляли Кулиева с его 60-летием. Они писали: «Синие горы Балкарии сегодня ликуют вместе с Вами, певцом Кавказа. Шлем самые теплые поздравления и самые искренние пожелания с берегов Днепра мы, почитатели Вашего нежного и мудрого поэтического слова»[334].

Привлекательность подобных писем к Кулиеву еще и в том, что многие из них от детских и юношеских организаций, школ, клубов. Так, комсомольцы и пионеры СШ № 32 Винницкой области, члены интернационального клуба, писали:

«В настоящее время мы изучаем поэзию поэтов союзных республик и проводим Неделю, посвященную изучению Вашего творчества, Кайсын Шуваевич. Школа, где мы учимся, носит имя замечательного советского писателя Николая Островского. Сейчас мы готовимся к большому литературному празднику, посвященному памяти писателя. Праздник состоится 21 сентября 1972 года. С большой просьбой обращаемся мы к Вам, поэту, чью поэзию мы знаем и очень любим. Нам бы хотелось, чтобы на открытии праздника прозвучали Ваши стихи о Николае Островском, человеке, отдавшем свое сердце людям. Конечно, по заказу стихи не пишут. Но может быть, память об этом человеке подскажет Вам поэтические строчки. Если это не нарушит Ваши планы, если Вы хотите увидеть наш уютный украинский городок, приезжайте на наш литературный вечер. Ваше присутствие будет самым большим праздником для нас. Мы знаем, что Вы очень заняты, но ребятам будет очень интересно получить от Вас весточку...»[335]

С такой же просьбой обратились учащиеся Мышинской восьмилетней школы села Мышина, Ивано-Франковской области, Коломыйского района, члены клуба «Любители литературы».

«Уважаемый Кайсын Шуваевич,— писали они.— Очень просим Вас быть нашим старшим другом и советчиком. Клуб наш еще молодой. Мы его создали в сентябре 1971 г. За это время мы подружились с 38 писателями и поэтами

[334] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 78.
[335] Там же, оп. 3, ед. хр. 78, л. 9—10.

Украины, Российской Федерации и других союзных республик. Среди них — О. Гончар, М. Бажан, В. Козаченко, Ю. Смолич, В. Озеров, С. Смирнов, Е. Евтушенко, К. Чаковский, С. Наровчатов, Э. Межелайтис, Балаш Озер-оглы, Куначбек Маликов, М. Танк, И. Мележ, книгу которого мы читаем на белорусском языке и на многих других языках. В октябре 1971 года во время Декады киргизской литературы на Украине мы встречали писателей Киргизии. Дружба с писателями нам очень помогает: мы стали больше читать, интересоваться литературой.

В нашей клубной библиотеке, которая находится в литературном кабинете, уже много книг, подаренных писателями. На витринах — то книги писателей.

Еще просим Вас, уважаемый наш старший друг, стать почетным членом нашего клуба «Любителей литературы», выслать нам фото для стенда «Почетные члены клуба «Любители литературы». Теперь мы готовимся к 50-летию образования СССР. Уже изготовили стенд на тему «Чувство семьи единой». На нем высказывания 15 поэтов о дружбе народов.

Мы провели вечер «Огонек» на тему «Народы Родины моей живут как дружная семья». На этом вечере у нас были гости — члены КИДА «Факел» Коломыской СШ № 9...

С уважением к Вам члены любителей литературы и наш руководитель Заставна Мария Михайловна»[336].

Творчество Кулиева не только привлекало сердца молодых и старых поклонников его поэзии, но и давало мощный импульс для изучения его края, природы Кавказа. Об этом свидетельствует письмо учителя-краеведа из Запорожья Леонида Михайловича Силеко, который побывал на родине Кулиева вместе со своими юными туристами, сделал много интересных фотоснимков в Эльтюбю, где родился поэт, а потом прислал Кулиеву все эти интересные материалы, хранящиеся теперь в музее Кулиева как уникальный исторический материал. «...Поход наш по Чегему, Гара-Аузу, Башиль-Аузу в Сванетию прошел очень хорошо. Даже в этот тяжелый по метеоусловиям год мы умудрились не попасть под дождь и непогоду.

Цель наша — это поход по родным местам Кайсына

[336] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 16.

Кулиева — давала нам своеобразную «зеленую улицу», да и вообще, балкарцы — народ очень гостеприимный. Незабываемые встречи с Вашим племянником, художником Якубом Аккизовым в Башиле, с Исмаилом Аскербиевичем Малкаровым в Нижнем Чегеме, с родственниками в Верхнем Чегеме остались в нашей памяти.

Первого ноября, в День Вашего рождения, я провожу всегда классный час о походе в Чегем. Рассказы ребят, разумеется, сопровождаются Вашими стихами, фотоснимками, цветными диафильмами, которые получились очень удачными. Жаль, что нам не удалось Вас застать в Нальчике (тогда Вы были в Москве). Может быть, побываю весной в Приэльбрусье с заездом в Нальчик. Высылаю несколько снимков. Правда, их делали дети, не совсем они качественные, но оживить Ваши воспоминания они должны.

Если Вас не очень затруднит, пришлите нам, пожалуйста, Ваши фотоснимки: то ли сами одни, то ли с кем из друзей, с детьми писателей. Я у Малкарова видел много ценных для нас снимков, но его «раскулачивать» не решался. Он и так подарил мне три книги Ваших стихов, я в Нальчике ничего купить не смог. А у нас была мечта на Ваших книгах иметь Ваш автограф. А еще лучше было бы, если бы Вы прислали бы нам негатив, а фото нужного размера мы бы и сами сделали. Еще раз всего Вам доброго. С благодарностью за все, а особенно за то, что Вы есть, есть Ваши изумительные стихи.

Мой адрес: г. Запорожье, 330096, ул. Бородинская, д. № 1, кв. 52. Силенко Леонид Михайлович»[337].

Ученики средней школы села Черный Поток, Иршавского района, Закарпатской области, готовили читательскую конференцию по произведениям Кулиева, в связи с этим они обратились к поэту и пригласили его принять участие в ней.

«Она состоится,— сообщали они,— 1 ноября 1977 года. В программе конференции есть доклады о Вашем жизненном пути и творчестве. Ваши стихотворения — это прекрасные образцы поэтического искусства. Они пробуждают у читателей любовь к жизни, людям, ко всему прекрасному. Среди наших кружковцев пользуются успехом такие Ваши стихи, как «Жить, удивляясь...», «Что составляет —

[337] Там же, оп. 5, ед. хр. 91, л. 7.

наше достоянье», «Где ты б ни жил...», «Я люблю твои глаза», «Как хорошо проснуться на рассвете», «Зекир и Зари».

Мы живем в горной местности, очень живописной. У нас большая новая школа. При ней работает литературный кружок, клуб интернациональной дружбы. Нас разделяет огромное пространство. Но для дружбы нет границ, нет преград. Хотим, чтобы наша конференция стала олицетворением интернациональной дружбы между нашими народами...»[338]

Писали Кулиеву и многие ученые с Украины. Так, кандидат физико-математических наук Г. К. Худенской, узнавший адрес Кайсына у Халимат Байрамуковой, его давней знакомой, прислал Кайсыну свою статью по проблеме внеземных цивилизаций и письмо, в котором он писал, как поэзия Кулиева помогла ему выжить в труднейших условиях борьбы за жизнь (он перенес несколько инфарктов и две клинические смерти). Он просил Кулиева прочитать статью и написать свое мнение о ней. «...Тогда я не верил, что окончу эту задуманную давно работу, которую сейчас я направил в журнал «Знание-сила»[339],— писал он поэту. «Люди помнят пришельцев из Космоса...»— так начиналась статья ученого. Вряд ли Кулиев смог глубоко и правильно оценить его статью, но факт остается фактом: поэту верили и надеялись на его слово Пророка.

Не на все письма Кулиев отвечал, но можно с уверенностью утверждать, что с очень многими он общался и переписывался, начиная от школьников и учителей, кончая учеными и простыми рабочими. Каждый раз, получая пачку писем, Кулиев внимательно и серьезно читал их. И если время позволяло, то тут же отвечал. Так было и тогда, когда он получил письмо от 19 ноября 1977 г., в котором украинские поклонники его поэзии поздравляли Кайсына с высокой государственной наградой — орденом Ленина[340]. Ответил он и на другое письмо, в котором была просьба школьников десятых классов средней школы № 16 г. Бердянска о встрече с поэтом в Москве в редакции журнала «Юность» в дни зимних каникул.

«...Мы хорошо знаем и любим Ваши произведения,—

---

[338] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 1.
[339] Там же, оп. 5, ед. хр. 82, л. 1—9.
[340] Там же, оп. 6, ед. хр. 31, л. 1.

писали они.— Давно мечтаем о встрече с Вами. Мы много и часто говорим о Ваших произведениях во время диспутов в нашем литературном обществе, которое запланировало встречу с Вами 2 января 1978 г. в редакции любимого журнала «Юность». Помещение у них есть, мы когда-то у них были. Начало в 11 часов дня...

С уважением руководитель экскурсии Огиенко Н. Е.»[341].

Учащиеся средней школы № 3 г. Черновцы, участники клуба поэзии им. А. С. Пушкина и почитатели творчества Кулиева, извещали его о том, что они, «любители поэзии, всем сердцем голосовали за принятие Вас, тов. Кулиев, Почетным Членом клуба Поэзии...». Они просили его об одном — ответить на следующие вопросы:

1. Какая самая характерная черта поэзии 70-х годов?
2. Кто является «крестным отцом» Вашей поэзии?
3. Как кратко Вы можете определить поэзию Сергея Есенина?
4. Ваши пожелания нашему Клубу Поэзии и выпускникам юбилейного года.

В конце письма они поздравляли Кулиева с праздником Великого Октября и желали больших творческих успехов и молодости сердца поэту[342].

Юбилейный год — это празднование 60-летия Советской власти. Выпускникам тогда было по 17 лет. Что же пожелал им поэт в тот знаменательный год? Им, тем юношам и девушкам эпохи развитого социализма, теперь, в 2000 году, исполнилось по 40 лет. Любители поэзии, кем они стали теперь в посткоммунистическое, перестроечное время? И вспоминают ли они своего кумира юности? За 20 лет, конечно, изменились и взгляды на духовные ценности и отношение украинцев к культуре народов Российской Федерации...

В те годы на Украине хорошо знали поэзию Кайсына Кулиева и чтили его поэтическое слово люди всех возрастов. Заподозрить их в неискренности было просто невозможно.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич,— писала учительница Нина Васильевна из села Забуянье, Киевской области,— в день Вашего рождения Вас, известного поэта, мастера мно-

---

[341] Там же.
[342] Там же, ед. хр. 30, л. 6.

гонациональной поэзии Советского Союза, поздравляем! В многоголосом хоре лучших наших поэтов Ваш голос, правдивый, с большой любовью к людям, имеет свой чистый тон, раскрывает душу сына гор.

С чувством большой радости мы всегда встречаем Ваши стихи на страницах газет, журналов, слышим по радио и гордимся Вами. Все, о чем Вы говорите: о Родине, думах и заботах простых тружеников, о труде и жизни, о человеке,— живет в нашем сердце. Нам дорога Ваша поэзия не только своей талантливостью, но и самобытностью, большой человеческой добротой.

Уважаемый Кайсын Шуваевич, доброго Вам здоровья! Долгих лет жизни! Новых творческих радостей!

Ваши юные друзья и их учительница
Нина Васильевна Перелыченко»[343].

Микола Нетоды, ответсекретарь Черкасской писательской организации Украины, приглашал Кулиева принять участие в празднике «Поэтический октябрь», который проводился на родине Кобзаря с 3-го по 10 октября 1977 года. Он писал: «Хотелось бы Вас видеть на гостеприимной шевченковской земле. Прошу сообщить, сможете ли Вы к нам приехать, чтобы включить Вас в делегацию от Союза писателей СССР?»[344]

Старший преподаватель института г. Дрогобыч, Львовской области, Мирослав Константинович Рудко просил Кулиева, как переводчика произведений Шевченко на балкарский язык, прислать по указанному адресу книгу с автографом и письмо с маркой для выставки филателиста, которую он организовал в своем институте. «...Если у Вас имеется лишний экземпляр книги по шевченковской тематике, вышлите мне. Хочу организовать выставку переводов произведений Шевченко на языки многих народов»[345].

...В связи с празднованием 325-летия воссоединения Украины с Россией правление Союза писателей РСФСР обратилось к Кулиеву с просьбой написать о своих впечатлениях об Украине, о дружбе с писателями этой республики. «...Мы были бы рады получить от Вас, и по возможности скорее получить, эти материалы. Это существенно помогло бы С. В. Михалкову при подготовке доклада, с ко-

[343] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 23.
[344] Там же, оп. 7, ед. хр. 31, л. 1.
[345] Там же, ед. хр. 13, л. 1.

торым ему предстоит выступить в мае сего года в Киеве на секретариате...

С искренним уважением замсекретаря правления СП РСФСР Л. Лукьянов»[346].

Письма Кулиеву поражают не только своей многочисленностью, но и своим содержанием мыслей простых рабочих. Так, рабочий автопарка сахарного завода поселка Томашполя, Винницкой области, Киселев Константин Григорьевич писал 28 августа 1975 года:

«...Люблю Вашу поэзию, люблю за то, что она полна гражданской страсти и глубокой человеческой мудрости, пронизана благородным и светлым мужеством.

Ваша поэзия рождается из жизни народной с тем, чтобы вернуться к народу, но, обогащенная Вашим прекрасным талантом, опытом, она выстрадана вместе с народом. Вследствие этого Ваша поэзия вызывает отзвук в сердце народном. «Из всех родов славы,— писал Белинский,— самая лестная, самая великая, самая неподкупная — слава народная». Такой славы удостоены Вы, Кайсын Шуваевич! Ваше творчество — истинное и ярко национальное, оно несет в себе нечто общечеловеческое. Большая радость для меня Ваш «Дневник писателя», напечатанный в журнале «Знамя» (№ 6—7), в котором Вы с глубоким знанием и великой любовью пишете о моих любимых поэтах, среди которых мой самый любимый — Сергей Есенин. Ваша великая любовь к культуре других народов делает Вас интернациональным поэтом. Все хорошее, все прекрасное Вашего народа близко и другим народам. Ваш «Дневник» со своим прекрасным языком и хорошим изложением материала делает его достоянием широкого круга читателей.

Я книголюб, любитель искусства. Имею лучшую библиотеку в своем поселке, у меня берут книги многие любители литературы. Руковожу кружком книголюбов. Часто в нашей районной газете появляются мои статьи о деятелях литературы и искусства. Посылаю Вам одну из них.

Дорогой Кайсын Шуваевич, посылаю Вам журнал «Знамя» (№ 6) и Ваше фото, прошу Вас возвратить мне этот журнал и фото с Вашим автографом. Желаю Вам крепкого здоровья и больших творческих успехов»[347].

---

[346] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 43, л. 1.
[347] Там же, оп. 6, ед. хр. 29, л. 1.

...Известный художник Украины Б. Самус, который иллюстрировал произведения А. Пушкина, Л. Толстого, С. Есенина, писал Кулиеву 7 декабря 1978 года: «Дорогой Кайсын! Ваш старый друг и горячий почитатель Вашего солнечного таланта, хранивший память о встречах с Вами в своем сердце, обращается к Вам со словами привета. Ваши книги у меня хранятся на самом почетном месте. Я мечтаю в этой жизни только об одном: видеть Вас здоровым и счастливым. У меня 21 февраля 1978 года юбилей, и я мечтаю на нем увидеть Вас.

Я здоров, активно участвую в общественной жизни города Евпатории, сделал две отличные, по отзывам, фотовыставки о Л. Толстом и С. Есенине». К открытке была приложена газета «Евпаторская здравница» от 9 сентября 1978 года и подпись: «Дорогому Кайсыну! С любовью и нежностью. Всегда Ваш Б. Самус»[348].

Художник Б. Самус не забывал поздравлять Кулиева и с праздниками. В новогодней открытке он писал: «Дорогой Кайсын! В звоне новогоднего бокала, который я подниму в Вашу честь, желаю Вам долгих, счастливых лет жизни. Поднимаю тост за Ваш прекрасный поэтический голос большого поэта и человека. Пусть Ваша поэзия вечно греет сердца людей и покоряет мудростью и простотой. Остаюсь всегда Ваш — Борис Владимирович Самус»[349].

Кулиева приглашали на Украину на все торжественные мероприятия. Так, в связи с празднованием Октябрьской революции он получил приглашение из Киева от 25 июня 1977 года:

«...Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Украины, — сообщалось в нем, — проводит цикл вечеров, посвященных 60-летию Великого Октября. Уже состоялись вечера при участии ведущих писателей Ленинграда, Белоруссии, Молдавии. 14 октября с. г. в Киеве состоится заключительный вечер, посвященный этой знаменательной дате.

Просим Вас дать свое согласие участвовать в вечере.

Секретарь правления Союза писателей Украины

Ю. Збанацский»[350].

Больше всего писали Кулиеву однополчане, те, которые

[348] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 14, л. 1.
[349] Там же, оп. 6, ед. хр. 32, л. 36.
[350] Там же, оп. 7, ед. хр. 29, л. 1.

в годы Великой Отечественной войны были рядом с поэтом, знали его молодым. Запомнился Кайсын им на всю жизнь: многие не знали о дальнейшей судьбе поэта, но сразу узнавали его, когда смотрели передачи о нем по телевизору. Один из них жил после войны в Житомире, но, не надеясь, что Кулиев помнит его, выслал ему свою фотографию в военной форме и письмо.

«Дорогой товарищ-однополчанин Кулиев Кайсын Шуваевич! Я, Глинов Николай Иванович, 1918 года рождения, вместе с Вами служил в армии, был в дни Отечественной войны в 95-м стрелковом полку в 1942—1943 гг., в городе Чебоксары. Оттуда мы выехали на фронт — 3-й Украинский, но по дороге наш эшелон разбомбили. С этого времени я не знал о судьбе друзей-однополчан.

А вот сейчас услышал Ваши стихи и увидел Вас по телевизору! Хочется от всей души пожелать Вам, однополчанину, крепкого здоровья и успехов на благо нашей любимой Родины. Я живу в г. Житомире, ул. Театральная, д. № 25, кв. 16.

Большой и сердечный привет от меня и моей супруги Вам и Вашей семье. Будьте здоровы»[351].

В связи с подготовкой и празднованием 30-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне Кулиев тоже получал много писем. Так, редактор издательства «Донбас» Г. Шуров писал: «Наше издательство подготовило в связи с этой датой книгу стихов «Подарили планете Победу...». Для этого сборника мной переведено Ваше стихотворение «Я в первый день войны жестокой...». Прошу Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, разрешить опубликовать это стихотворение в книге. С искренним уважением — завредакцией художественной литературы Г. Шуров»[352].

Далее он писал: «...книга, о которой идет речь, уже запущена в производство, и составителем предложено именно это Ваше стихотворение. Но так как упоминание прежнего переводчика нежелательно, был сделан новый перевод с имеющегося у нас подстрочника на украинском языке. Ну а так как я Вас знаю очень хорошо, а Вы меня, видимо, не знаете совсем, необходимо представиться: я, Шуров Геннадий Леонидович, родился в 1938 г. на Украине в Донбассе, русский, член КПСС, окончил Литературный инсти-

---

[351] Там же, оп. 5, ед. хр. 94, л. 4.
[352] Там же, ед. хр. 97, л. 17.

тут им. Горького. Работаю завредакцией художественной литературы в изд-ве «Донбас». Член Союза писателей. Я переводил с украинского на русский язык стихи П. Тычины, А. Малышко, В. Сосюры, М. Стальмаха, В. Коротича, печатавшиеся в Москве и у нас...»[353]

Таких писем с Украины Кулиев получал очень много. Они были разными по содержанию, но во всех было одно: просьба прислать для публикации стихи. Вот одно из них. Завредакцией поэзии С. Литвин писал: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Три месяца мы ждем Вашего ответа на письмо об издании сборника Ваших стихотворений в серии «Братерство» («Братство») на украинском языке, запланированного на 1976 г. Кроме Вашего согласия, нужен проспект сборника»[354].

Тема Великой Отечественной войны всегда была актуальной для советской многонациональной литературы. В творчестве Кулиева эта тема тоже была главной, поэтому его часто приглашали на симпозиумы, международные конгрессы, посвященные проблемам мира и войны. Е. Кривицкий, замглавного редактора «Литературной газеты», писал 15 декабря 1977 года: «Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! В первой половине января 1978 года мы проводим совместно с Союзом писателей Украины в г. Киеве «круглый стол» на тему «Ради жизни на земле» (нравственные аспекты литературы о войне).

Великая Отечественная война является важнейшей темой Вашего творчества, и редакционная комиссия газеты приглашает Вас принять участие в работе совещания.

Просим о Вашем согласии уведомить редакцию до 25 декабря с. г. (письменно или по телефону: 228-59-17).

Расходы, связанные с поездкой, будут оплачены Вам по прибытии в г. Киев. О точной дате проведения «круглого стола» мы сообщим Вам дополнительно»[355].

Интересны письма однополчан Кулиева из Запорожья, особенно письма Е. А. Нейман. «...Помнится боль, с которой мы восприняли Ваше ранение под Севастополем. Потом Вы лежали в госпитале под Симферополем. Мы все поклонники Вашего чудесного таланта и радуемся тому,

---

[353] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 97, л. 18.
[354] Там же, л. 15.
[355] Там же, оп. 6, ед. хр. 37, л. 27.

что знали Вас тогда, когда Вы только начали «дорогу в тысячелетие». В моем фронтовом дневнике от 7 апреля 1943 года есть такая запись: «Это было под Ростовом. Сегодня к нам в редакцию приехал Кайсын Кулиев. Это очень жинерадостный, веселый и хороший поэт. Он нам читал свои стихи, Есенина. Потом мы играли в литературную игру. В час ночи включили радио, передавали танцы и музыку для Ирана. Мы (капитан Илья Лебедев, ст. лейтенант Аршавир Мнацаканян, Кайсын и я) танцевали до трех часов ночи. И это на фронте, рядом со смертью...» Такое и многое другое не забывается. Хочу Вам передать привет от наших фронтовых друзей. Они Вас помнят и любят. Со многими из них я переписываюсь. Завтра еду в Берлин по приглашению немецких фронтовиков, работавших в нашем 7-м отделении»[356].

...Творческой работой был связан Кулиев и с украинским поэтом Иваном Драчем. Знали они давно друг друга, ценили точное слово как слиток народной мудрости и помогали друг другу. Кулиеву нужен был переводчик, способный передать национальный колорит и его мысли на украинском языке, и Кайсын нашел его в лице милого и обаятельного человека, каким славился Иван Драч. Кулиев был очень благодарен ему за удачные переводы и в 1977 году, отдыхая под Ригой в писательском доме творчества имени Яна Райниса, написал ему письмо. Кайсын благодарил его за проведенную большую работу, без которой не было бы «Избранного».

Иван Драч написал и предисловие «Огонь на горе поэзии» к «Избранному» Кайсына Кулиева. Этот сборник стихов был напечатан в Киеве на украинском языке. Кулиев и Иван Драч встретились в октябре в Москве на пленуме Союза писателей в этом же году и наметили план работы на ближайшее время. Через два года они снова встретились, когда в 1979 году в феврале Кулиев приехал в Москву, где в конференц-зале Союза писателей РСФСР состоялась дружеская встреча Кулиева с украинскими литераторами, приехавшими в столицу на торжество по случаю юбилея — 325-летия воссоединения Украины с Россией. Кулиев выступал в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» в зале Политехнического музея со слова-

---

[356] Там же, оп. 3, ед. хр. 81, л. 2.

ми приветствия к посланцам украинской литературы в связи с этой большой исторической датой[357].

В круг кулиевского дружеского общения входил известный украинский поэт Борис Олейник, хотя по возрасту один относился к молодому поколению, а другой — к старшему. Разница в возрасте не мешала им дружить и понимать друг друга. Встречались они обычно на Украине или в Москве, как, например, в 1977 году, когда Кулиев приехал в столицу нашей Родины на свой юбилей — 60-летие со дня рождения. Жил Кулиев в гостинице «Москва». Сюда и пришел вечером Борис Олейник, и Кайсын радушно его приветствовал. Представляя гостям Бориса Олейника, Кулиев сказал, что он не просто очень известный украинский поэт, а лауреат Государственной премии РСФСР, и добавил: эту заслуженную награду Олейник получил вскоре после прославленного поэта Калмыкии Давида Кугультинова. Потом, наполнив бокалы вином, Кайсын произнес: «Здравствуй, брат мой! Ты оказал мне честь, когда написал стихотворение «Конь» и посвятил его мне. Твое стихотворение лучше, чем мое — «Черный конь умирает на белом снегу». Года два тому назад мы с тобой были на юбилее Петра Устиновича Бровки. Тогда ты выступил замечательно, просто чудно, мой дорогой Олейник! Ты годишься, Боря, мне в сыновья, но поэт ты прекрасный, заслужил уважение многих старших по возрасту поэтов и мое уважение тоже. Я люблю и ценю твои стихи. Ты и Драч — два замечательных поэта, Олейник и Драч! Эти имена звучат на всю нашу огромную Страну Советов. Этот тост за тебя поднимаем мы!»

Олейник подарил Кайсыну «Стихи»[358], открыл книгу на 182-й странице и прочитал стихотворение «Конь» в переводе Л. Смирнова. Оно датировано 1973 годом.

Присутствовал при этом Ю. Рытхэу. Обратившись к Олейнику, он прибавил: «И я к тебе, Борис, хорошо отношусь. Ты хороший, известный поэт. Мы все любим тебя и рады, что ты приехал с Украины, чтобы поздравить всеми нами любимого поэта Кайсына Кулиева. А теперь я прощаюсь, мне пора уходить».

«Погоди,— сказал Кулиев.— Я расскажу один случай, который касается тебя, друг. Мне пришлось много

---

[357] Литературная газета. 1979. 4 февр.
[358] *Олейник Б.* Стихи. М., 1976. С. 182.

ездить и по нашей стране, и за рубежом. Уверен, что в нашей стране нет ни одного человека, который не знал бы имени Рытхэу. Громадную известность ты имеешь, Юра, и за границей. В этом я убедился, когда был в Вене. Во время выступления среди населения меня спросили, знаю ли я Рытхэу, и просили рассказать о нем. Я рассказал им о народах Севера, насчитывающих всего несколько тысяч, а то и сотен человек, о том, как они после Октября обрели письменность, создали свою литературу, своеобразное искусство, говорил им о писателе Ю. Рытхэу, В. Санги, Ю. Шесталове, С. Курилове, Г. Ходжере, П. Киле, о молодой долганской поэтессе Огдо Аксёновой...»

Когда Рытхэу ушел, Кулиев еще долго говорил с Б. Олейником, рассказывал ему, как он в молодости любил читать Т. Шевченко. «Я топил русскую печь дровами, ложился на теплую лежанку, читал Тараса Шевченко и плакал от восторга. Любил я этого поэта до самозабвения. Он облегчал мне душу, учил жить, бороться и побеждать!»— говорил Кулиев. Потом он с восторгом поведал Б. Олейнику о замечательном издании «Кобзаря», которое ему подарили друзья из Киева, и он гордится тем, что теперь в его личной библиотеке есть это роскошное издание. Потом Кайсын выразил сожаление, что Олейник не смог приехать на его юбилей в г. Нальчик... «Как хорошо, что мы встретились с тобой здесь,— заметил поэт,— я ценю тебя и ставлю в один ряд с такими прекрасными поэтами, как Межелайтис, Кугультинов, Карим...» Говорили они в тот вечер долго, вспоминали Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, С. Михалкова, грузин Нателли и Хуту. С ними в тот вечер был Юрий Иващенко, бывший работник газеты «Известия», их старый знакомый. Ему недавно исполнилось 60 лет, был он не у дел и теперь предавался воспоминаниям, как он работал в газете вместе с зятем Н. С. Хрущева — А. И. Аджубеем, редактором этой известной газеты. Кулиев и Олейник слушали его с большим интересом. Эпоху Никиты Хрущева они хорошо знали и помнили, как после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года Хрущев собственноручно написал просьбу об уходе на пенсию «по возрасту и состоянию здоровья», и имя его исчезло со страниц печати на долгие годы.

Кайсын Кулиев и Борис Олейник — представители разных направлений в советской многонациональной поэзии. Но и тот и другой почитали созвездие талантов лирико-

романтического склада: Юрия Яновского, Александра Довженко, Олеся Гончара и Михаила Стельмаха, которые внесли большой вклад во всесоюзную художественную сокровищницу.

На Украине жили многие друзья-однополчане, с которыми Кулиев рядом воевал в годы Великой Отечественной войны. Одни погибли, другие волею судьбы остались живы, и их многочисленные письма хранятся в архиве Кулиева. Александр Кравцов — один из них. Он дожил до своего 60-летия, о чем и писал Кайсыну 1 сентября 1975 года:

«...Мне в этом месяце исполняется 60 лет. Хочется видеть и тебя, и твою новую супругу за нашим личным семейным столом. Сердечно приглашаю Вас. Целую руку!

Будь здоров! Твой Александр.

Спасибо за привет через Вальшонковых, которые отдыхали в доме творчества на Рижском взморье.

Мой адрес: 310125. Харьков-125, Красношкольная набережная, 18, кв. 225. Тел.: 23-42-67. А. Кравцову»[359].

Кайсын по ряду причин не смог поехать на юбилей своего друга, но не забыл фронтовые солдатские окопы, тревожные бессонные ночи во время бомбежек и многое другое. Он послал поздравительную телеграмму. Ее задушевные, теплые строки были зачитаны за праздничным столом. Сколько радости и гордости испытал хозяин — он знаком и дружит с великим Кайсыном!

На присуждение К. Кулиеву Государственной премии откликнулись и многие украинские друзья. Например, Иван Мележ писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, в качестве давнего и верного читателя, влюбленного в мудрую твою поэзию, я сердечно рад тому, что на прекрасную твою улицу, в твой дом пришел заслуженный твоим талантливым трудом праздник. Горячо и братски обнимаю, желаю новых книг, яркого творческого горения»[360].

«Милый, дорогой, родной брат! Как я рад! Обнимаю, целую, кланяюсь тебе. Твой Микола»[361],— писал Микола Бажан.

Некоторые телеграммы, открытки, письма носили не

---

[359] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 41, л. 1.
[360] Там же, ед. хр. 113, л. 97.
[361] Там же, л. 98.

только поздравительный характер, но и деловой. Так, Степан Литвин писал:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Поздравляю Вас с присуждением Государственной премии, желаю новых побед и свершений, а главное — здоровья. Искренне Ваш Степан.

Получили ли Вы мою бандероль? А также я писал Вам об издании Вашей книги на украинском языке.

Мой адрес: 252159. Киев-159. Бульвар Лихачева, 8 «б», кв. 44»[362].

Получил Кулиев поздравление и от известного украинского писателя, лауреата Ленинской премии Олеся Гончара. «Дорогой Кайсын,— писал он.— Поздравляю тебя от всей души, радуюсь за тебя, славного нашего лауреата! Валя — тоже в восторге. Обнимаю тебя. Твой Олесь Гончар»[363].

Тесные дружеские связи установились у Кулиева с творческой интеллигенцией Винницкой области после пребывания поэта на украинской земле, когда он в составе делегации принимал участие в проходивших в Виннице Днях литературы и искусства Кабардино-Балкарии. В газете «Винницкая правда» (1973) говорилось: «Кабардино-Балкарская республика и Винницкая область давно дружат. Когда наша делегация (писатели, поэты, деятели искусства, передовики сельского хозяйства) были в Кабардино-Балкарии, мы ездили по районам республики. Мы никогда не забудем гостеприимный народ этой республики. Нас всех очаровала своей неповторимой красотой природа Чегемского ущелья, Голубых озер, Приэльбрусья.

Кайсын Кулиев не зря писал в «Книге земли» о природе, где каждая строка стиха — это глубокое философское размышление о родной земле, о народе. В его произведениях читатели видят любовь поэта к родному очагу, глубже осмысливают назначение человека в жизни. В его стихах чувствуется дыхание земли, поэтому его книги переведены на многие языки мира. Многие стихи из книг «Мир дому твоему», «Кизиловый отсвет», «Раненый камень» переведены на украинский язык. У него яркий талант, народная мудрость». Так писал о нем в статье «Орлиные крылья» Д. Дереч. Он писал письма Кулиеву, гордился им

---

[362] Там же, л. 85.
[363] Там же, л. 44.

и, как это часто бывает, нисколько не обижался, если Кулиев не отвечал. В одном из писем, 2 марта 1973 года, он писал:

«Моему давнему другу из солнечной Кабардино-Балкарии Кайсыну Шуваевичу Кулиеву. Привет Вам и самые теплые сердечные пожелания. Прошло более четырех месяцев, как мы пользовались Вашим кавказским гостеприимством. За это время лично выступал перед трудящимися нашей области более 40 раз и везде рассказывал о тебе, Адаме, Теунове, Мокаеве и других твоих земляках-писателях, моих друзьях из КБАССР... И всегда читаю Ваши стихи. Часто после выступления ко мне подходят читатели и просят переписать Ваши стихи. Чаще всего переписывают «Когда стареет красивая женщина».

Посылаю Вам, мой друг, небольшую рецензию, вернее, отклик на «Книгу земли», напечатанный в нашей областной газете «Винницкая правда». Думаю, Вам будет приятно.

Все делаем для того, чтобы издать на украинском языке Кулиева, Шогенцукова, Теунова, а также детские произведения Амирхана Шомахова.

Всего Вам хорошего, Кайсын Шуваевич! Передавайте самый сердечный привет всем писателям Кабардино-Балкарии. Д. Дереч»[364].

В связи с юбилеем Кулиева Союз писателей Украины обратился к поэту с поздравительным письмом. В нем говорилось:

«...Писатели Украины сердечно поздравляют Вас, народного поэта Кабардино-Балкарии, одного из талантливейших писателей страны,— с 60-летием со дня рождения

Ваши мужественные, волнующие, глубоко человечные стихотворения известны во всех уголках нашей Родины и далеко за ее пределами — во многих странах мира. Ваши лучшие книги вошли в золотой фонд многонациональной советской литературы, стали гордостью всей нашей культуры. От души желаем Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, счастливого и радостного долголетия, новых книг.

Братски обнимаем Вас — Козаченко, Загребельный, Левада, Борис Олейник, Шабалин»[365].

Украинские композиторы не оставили стихи Кулиева без внимания. Многие пытались создавать музыку на его

---

[364] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 117, л. 2.
[365] Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 56.

слова. Они считали Кайсына поэтом-песенником. Так, дирижер Винницкого украинского музыкально-драматического театра Д. Н. Немченко считал, что некоторые стихи Кулиева являются ярким образцом народнопесенного искусства балкарцев. Он задумал написать цикл песен на стихи поэта, отобрав предварительно несколько стихов из «Книги земли».

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Летом 1972 года мне посчастливилось быть на гастролях в братской Кабардино-Балкарии, в чудесном Нальчике,— писал он.— Удивительной красоты край, с необыкновенно гостеприимным народом оставил у нас, украинцев, неизгладимое, приятное воспоминание. Для меня же, получившего высокое звание заслуженного деятеля искусств КБАССР, он стал дорогим и родным.

Уезжая из солнечного Нальчика, мы с женой Валентиной Степановной, актрисой театра, увезли на Украину Вашу чудесную «Книгу земли», подаренную нам благодарной зрительницей Еленой Борсоковой.

Мы влюблены в высокую поэтичность Вашего стиха и философскую глубину мысли, заложенные в нем. И были бесконечно рады, что Ваш труд отмечен Государственной премией и что Вам присвоено высокое заслуженное звание.

Я же задумал написать цикл песен на Ваши стихи, отобрав предварительно стихи из «Книги земли» — «Счастливые сны», «Опять весна на белом свете», «Красавицы нашей земли», «Зимняя песенка», «Песенка надежды», «Как хорошо проснуться на рассвете», «Горянке».

А недавно в «ЛГ» за 6 ноября я прочитал замечательные стихи «Я не скажу, земля моя родная...» и написал песню, которая может открыть задуманный мной цикл. Высылаю Вам эту песню с целью знакомства и Вашего благословения на задуманный мною творческий труд. Все песни будут написаны для среднего голоса (баритон или м.-сопрано) и симфонического оркестра. Если эта песня вызовет интерес певцов филармонии, я готов выслать партитуру для симфонического оркестра.

У нас ее поет заслуженный артист УССР Владимир Матковский.

Я, конечно, был бы рад услышать ее в оригинале на балкарском языке. Прошу прощения за беспокойство,

которое я так или иначе принес Вам своим письмом.

Желаю Вам больших творческих успехов в наступающем Новом Году!

С глубоким уважением, искренне Ваш Дмитрий Алексеевич Немченко.

22 декабря 1974 года.

Гор. Винница. пл. Гагарина, 3, кв. 77»[366].

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ТУРКМЕНИЯ

Есть человек, который своим трудом, своим существом оставляет добрый след на земле, человек, которому было суждено вечно остаться в людской памяти. К числу таких относится великий балкарец Кайсын Кулиев.

Аннá Ковусов о Кулиеве

Туркмения — одна из среднеазиатских республик, где Кулиев тоже любил бывать, встречаться со своими друзьями, дарить им свои книги с дарственными надписями, заниматься переводами с туркменского на балкарский язык и наоборот. В его творческом развитии эта республика сыграла не последнюю роль, поскольку переводчиками стихов Кулиева на туркменский язык были талантливые местные поэты, для которых балкарский язык не был совершенно чуждым. Поэт А. Ковусов вспоминал, что Кулиев в период пребывания в Ашхабаде написал на родном языке стихотворение «Фирюза» и прочитал его на балкарском языке. «Я с начала и до конца понял содержание стихотворения, — писал он, — ибо балкарский язык очень близок нашему туркменскому языку. Я сразу перевел стихотворение на туркменский, оно было передано по радио, напечатано в газете. Так началась наша творческая дружба с Кайсыном».

Дружба Кулиева с писателями Туркмении началась с

---

[366] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 59, л. 1—6.

конца пятидесятых годов, когда он, будучи в расцвете физических и духовных сил, принимал самое активное участие в общественной жизни страны. Кончилось время 30-х годов, когда в Туркмении (и в других национальных республиках) велась работа выездных ударных бригад русских писателей. Укрепление творческих связей национальных культур в 50—60-е годы шло через установленные, вернее, узаконенные традиционные Дни советской литературы. Формы работы оставались те же: выявление местных литературных сил, отбор лучших произведений национальных писателей для перевода на русский язык, помощь в организации литературной жизни в национальной республике. Правление Союза писателей СССР координировало работу по проведению Дней советской литературы, определяло состав делегаций, ее главных лидеров. Так было и тогда, когда Кайсын Кулиев первый раз должен был вылететь в Туркмению. В Ашхабаде давно было уже известно о проведении Дней советской литературы, делегацию писателей СССР ждали. Кайсын с удовольствием ехал в эту республику, о которой он много слышал, знал о ее необыкновенно приветливых и трудолюбивых людях, об их поэтах и прославленных прозаиках. Перед этой поездкой он познакомился с крупными произведениями Б. Кербабаева; знал, что он являлся одним из первых туркменских переводчиков, познакомивший впервые свой народ с прозой Л. Толстого, А. М. Горького, М. Шолохова, что он человек высокой культуры, бывший слушатель туркменского семинара при Институте востоковедения в Ленинграде.

Кайсын Кулиев сидел в самолете и смотрел в иллюминатор. Под ним простиралась туркменская пустыня. Кулиев увидел сверху этот необозримый и однообразный песчаный простор, подумал о том, что какой бы проливной дождь ни обрушился на эти ненасытные пески, они его поглотят и останутся такими же сухими и знойными. «И вдруг без всякой связи с этой мыслью, — писал Кулиев, — я вспомнил одну женщину, и в голове у меня мелькнули стихи»[367]. Вот начало их:

Я слово искал, перетряхивал снова
Свой скудный запас золотой,

---

[367] *Кулиев К.* Буду учиться, пока живу // Вопросы литературы. 1968. № 11. С. 125.

Мечтал: подарю я тебе это слово,
Как влагу траве молодой[368].

Перевел *Н. Гребнев*

Казалось бы, повод для ощущения счастья совсем небольшой: герой мечтал подарить любимой сокровенное слово, «как влагу траве молодой», но оно оказалось бессильным. Счастливого мгновения, умиротворения не произошло. В миг несчастья, как и счастья, человек может стать великим творцом, и потоки переживаний, ассоциаций пройдут через его сердце и разум. Простиравшаяся песчаная пустыня вызвала неожиданные ассоциации — образ равнодушной женщины. Повод для ассоциативных связей в контексте стиха у Кулиева — всего лишь отправная точка, чтобы сказать о муках слова, ставших для него прежде всего муками души, жаждавшей признания. Но женщина отвергла их. Без упрека и жалоб обращался поэт к отвергнувшей его женщине:

Не тронул я словом тебя первозданным,
Ты тут же забыла о нем,
Бессильном, как дождь над простором песчаным,
Как снег над открытым огнем.

Так возникают ассоциации в процессе художественного творчества, свидетельствующие о том, какими случайными путями идут подчас воображение и мысль поэта, находя ему нужное в глубинах памяти. Сильные зрительные ощущения и впечатления от туркменской пустыни, вероятно, обнажили душевную рану и дали выход искренним чувствам. «Замыслы ведь приходят везде — в поезде, в гостинице, в горах, в лесу — и еще долго потом пребывают в голове и сердце, прежде чем складывается их образное выражение»,— сказал Кулиев в беседе с корреспондентом «Известий» в 1971 году.

Стихотворение это написано в 1959 году, а опубликовано в 1960-м, но чтобы воспринять и освоить эту поэтическую жизнь мысли в ее цельности, процессе развития, нужно ее истоки искать в живой жизни, возможно, десятью годами раньше, тогда, когда произошел один из горьких

---

[368] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1970. Т. 1. С. 266.

уроков понимания жизни, того самого, что зовут классическим неразделенным чувством любви.

С этим приездом Кулиева в Туркмению связано еще одно замечательное стихотворение — «Фирюза», датируемое 1962 годом. История его написания очень проста. Секретарь правления Союза писателей Туркмении, начинающий молодой поэт А. Ковусов, сопровождал Кулиева во всех экскурсиях, поездках по республике, слушал его выступления жизнеутверждающего пафоса, прислушивался к ритмическим и интонационным особенностям балкарской речи, когда Кулиев читал свои стихи на родном языке, и удивлялся значительности творческой фигуры представителя балкарского народа, его таланту, уму, редким человеческим качествам. «Мы встретились с Кайсыном, познакомились. С первых же минут нашего знакомства я убедился в том, что он не только большой поэт, но и душевный, мудрый, остроумный собеседник. Мы быстро подружились». Осмотрев Ашхабад и все его достопримечательности, они поехали в горы и посетили одно прекрасное местечко в горах — Фирюзу. Кулиев пришел в восхищение от увиденного и больше всего от названия, в котором была романтика и сказочная прелесть. Кайсын не мог не вдохновиться увиденным. И все, что он пережил тогда, в те мгновения, и прочувствовал, запечатлел в художественном слове. Буквально на следующий день стихотворение «Фирюза» было написано на родном языке и Кулиев прочитал его А. Ковусову. В переводе С. Липкина оно не потеряло своей прелести, а тогда Кайсын читал его на балкарском языке и тут же делал подстрочный перевод на русский.

На Кавказ я приеду, вернусь я домой, —
Фирюза, ты приснишься мне снежной зимой.

Сны такие же снились Махтуму Кули, —
Плеск воды, ветвь платана, цветенье земли.

В Фирюзе все восхитило поэта: и «зелень платанов, и лепет воды», зреющие желтые плоды, рыжие холмы, караваны птиц. Его поэтическое выражение «цветенье земли» воплощало гармонию духовного и нравственного, природного и человеческого бытия. Жизнелюбивый Кайсын с восторгом произносил слово «Фирюза» с разными оттенками и несколько раз повторил: «Фирюза! Как чудесно звучит:

Фирюза!» Задумавшись, через минуту прибавил: «Это взлет журавля ослепил нам глаза? Это девушки имя, иль розы в цвету, иль решили назвать Фирюзой красоту?» Вопросы следовали один за другим, но в них было больше утверждения: Фирюза — это роза, когда она цветет, это имя, возможно, любимой, поскольку Фирюза — это символ Красоты, той которая восхищает и радует души людей. Поэтому он долго будет помнить эту прелесть, видеть сны о ней, рассказывать друзьям прозой и стихом. В частности, обращаясь к Михаилу Дудину, своему другу, он снова вспоминал Фирюзу:

Ты помнишь, в Фирюзе нам пели соловьи.
Как бы из древности их голос, чуть гортанный,
Летел. И сам Хафиз внимал им в забытьи.
Был вечер, как сейчас. И дождь омыл платаны.

Эти строки взяты из стихотворного послания «Соловьи» (1962), посвященного М. Дудину, который вместе с Кулиевым был в составе делегации.

Дни советской литературы содействовали глубокому изучению русской и национальной культур, их взаимовлиянию друг на друга, установлению творческих контактов писателей. Межлитературные связи — объективный и закономерный процесс, который играл свою положительную роль в духовном развитии разных народов. Кулиев принимал в этом непосредственное участие, способствуя ему всеми силами души и теми средствами, которые ему были отведены как члену Союза писателей, секретарю правления СП РСФСР, депутату Верховного Совета СССР. Так было в 1962 году в конце августа и в начале сентября, когда были намечены Дни туркменской литературы в РСФСР.

Торжественное открытие Дней состоялось в Дагестане, в г. Махачкале. За встречу и проводы участников отвечал СП этой республики во главе с Расулом Гамзатовым. Далее их путь лежал в Чечено-Ингушетию и Кабардино-Балкарию. Туркменских писателей Кайсын Кулиев встречал на границе двух соседних республик хлебом и солью, цветами, торжественными речами. С ним были многие члены Союза писателей КБАССР — Алим Кешоков, Адам Шогенцуков, Максим Геттуев, Сафар Макитов и др. Они радушно приветствовали посланцев солнечной Туркмении, окружили их вниманием и почетом. Первый раз они видели

родину Кайсына — плодородные равнины и альпийские пастбища, живописные ущелья, бурные речки и водопады. Особенно их поразили Чегемское ущелье и Чегемские водопады, Приэльбрусье, центр туризма и альпинизма, «город в ущелье ветров» — Тырныауз и его предприятие — вольфрамо-молибденовый комбинат. Писатели удивлялись этому высокогорному городу, люди которого буквально прорубили свои улицы в горах, молодому городу звездного металла. И молодые поэты воспели его в своих стихах...

Кайсын Кулиев не покидал гостей ни на минуту. Он сопровождал их в экскурсиях по городу Нальчику, начиная от Дома Советов, памятника Б. Калмыкову, городского парка, памятников основоположникам кабардинской и балкарской литератур Б. Пачеву и К. Мечиеву до курорта Долинск, санатория «Туркменистан» и канатной дороги. Побывали гости и на ковровой фабрике «Горянка» и на кондитерской фабрике. Им интересно было сравнить свои прославленные туркменские ковры с прекрасными коврами кабардинок и балкарок, искусных мастеров в своем ремесле. Кулиев с гордостью показывал им продукцию фабрики художественных изделий и обращал внимание на национальный орнамент и неумирающее искусство древней традиции. При этом он говорил: «Это не просто любовь к старине, друзья мои, это народная нравственность, которая позволяет горцу или горянке осознавать себя наследником старых мастеров и их прошлого, уметь передать древнее искусство будущим поколениям!»

Для Кайсына Кулиева достижение нового не вело к забвению древнего в национальной культуре и, посещая много раз Туркмению, он видел, как ее прославленные мастера сохраняют традиции истории, художественной культуры и передают по наследству предания старины, уникальное мастерство, сохранившееся в материальной и духовной культуре. Так, в статье «Источник жизни» Кулиев писал: «Я знаю Туркмению. Бывал в Ашхабаде, носящем название города любви, восхищался величавостью Аму-Дарьи, как чудом, восторгался безмолвием песков, видел, как созревает чарджовский виноград, ходил по улицам древнего города Мары, где слагал свои суровые четверостишия Омар Хайям. Я радовался оригинальным домам и зеленым деревьям в городе нефтяников Небит-Даг, видел, как мужественные люди добывают нефть среди песков,

смотрел на бесконечные просторы песчаных «морей». Я знаю Туркмению. Переводил Махтумкули. Перевел его произведения с оригинала с большим чувством, которое охватило меня. Удивлялся не раз упорству народа, как ему приходилось бороться с огромными песками, бороться за Воду. От этих песков всегда шли трагические события для жителей Туркмении. Вода на этой земле всегда значила основу Жизни. Вода и Жизнь — здесь являются синонимами.

Я видел туркменские ковры и как их ткут. Меня снова удивило не только мастерство людей, но и терпение и зоркость туркменских мастериц. Мне казалось, что в узорах ковров народ выводит и оставляет свою мудрость, свою вековую судьбу»[369].

С писателями Туркмении — Н. Сарыхановым, А. Дурдыевым, Клыч Кулиевым, Беки Сейтаковым, поэтом Анна Ковусовым, работавшим тогда консультантом комиссии по литературам народов СССР при Союзе писателей СССР, Берды Кербабаевым, председателем СП Туркмении, Аманом Кекиловым и другими — Кулиев встречался не только на их земле, но и в Москве — на съездах, совещаниях, симпозиумах и т. п. Так, в июне 1967 года Кайсын встретился с ними на Первом пушкинском празднике поэзии на Псковской земле, а до этого, в мае, — в Москве, на Четвертом съезде писателей СССР. Вот он с ними в Михайловском: отмечается 168 лет со дня рождения любимого поэта А. С. Пушкина. Дата его рождения была для Кулиева не только новой эрой в развитии русской поэзии, но и судьбоносной для национальных литератур.

Через год, в 1968 году, в Ашхабаде в издательстве «Туркменистан» была издана на туркменском языке книга стихов Кулиева. Он был благодарен талантливым туркменским переводчикам. Друзья поздравляли его, как они в шутку писали, с новым языком, на котором пел свои песни Кайсын. Так, Ата Атаджан писал Кулиеву:

«Салам, Кайсын-джан! Сердечно поздравляю с наступающим Новым Годом. Желаю Вам всего, всего хорошего.

Дорогой Кайсын, я спешу тебя обрадовать накануне Нового Года Новым языком! Отныне наш Кайсын стал говорить и звонко петь и на моем туркменском... Переводы

---

[369] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 29, л. 3—4.

очень добротные, и звучат они по-настоящему. Это первая туркменская ласточка! Она, наверное, протянет за собой стаю крылатых песен Кайсына в каракумские просторы.

Еще раз желаю тебе, дорогой друг, отменного здоровья, новых, еще высших творческих взлетов! Обнимаю!

Твой Ата Атаджан.

Земной поклон, горячие поздравления милому Адаму!»[370] (Очевидно, писателю Адаму Шогенцукову, другу Кайсына).

Писал письма Кулиеву и Керим Курбаннепесов. «Дорогой Кайсын-ага! — писал он 25 октября 1974 года. — Я давно мечтал что-либо принести Вам в дар из своей скромной работы. Посылаю Вам свою книжку, недавно вышедшую в Москве. Будет возможность — ознакомьтесь, но не обессудьте. Буду глубоко благодарен, если найдете возможность выслать мне какую-либо книжку на балкарском языке. Спасибо Вам и Вашему таланту. Ваш верный брат Керим»[371].

Верный дружбе, он снова в 1977 году дал телеграмму Кулиеву, в которой поздравлял его с 60-летием: «По семейным обстоятельствам не имея возможности участвовать на Ваших торжествах в г. Нальчике, от души поздравляю великого сына Кавказа со славным возрастом. Да здравствует вторая молодость — молодость зрелости. Ваш Керим Курбаннепесов, народный поэт Туркменистана»[372].

Поздравлял Кулиева и Союз писателей Туркмении. «Все туркменские писатели от всего сердца поздравляют Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, подлинно народного поэта, со славным юбилеем и высокой правительственной наградой. Желаем Вам богатырского здоровья, неутомимости в творчестве и общественной работе на благо многонациональной семье советских народов. Председатель Союза писателей Туркменистана Ташли Курбанов»[373].

От переводчиков своих стихотворений и поэм Кулиев получал много писем, в которых они поздравляли с выхо-

---

[370] Там же, оп. 2, ед. хр. 163, л. 15.

[371] Там же, ед. хр. 134, л. 1.

[372] Там же, оп. 7, ед. хр. 67, л. 39.

[373] Там же, ед. хр. 70, л. 120.

дом его произведений на туркменском языке. Об этом и писал переводчик Ямчары Пиргулыев 21 марта 1977 года. «Хурматлы, Кайсын-ага, — писал он. — Разрешите поздравить Вас с выходом в свет Вашей поэмы на туркменском языке[374]. Я перевел Вашу поэму, как сумел, семь лет назад. Тогда она издавалась в Вашем сборнике «Мир дому твоему» (М., 1966). Теперь она вышла по редакции детской и юношеской литературы издательства «Магарыф» (с маркой издательства «Туркменистан» и была подписана в печать до разрешения издательств). Высылаю Вам, Кайсын-ага, на добрую память из сигнальных экземпляров... Ваш Ямчары Пиргулыев»[375].

Кулиев получал много писем из Туркмении и от почитателей, которые в основном увлекались поэзией, ценили классическую литературу. Одним из таких людей был Аширберди Курт из Ашхабада. «Тов. поэт! — писал он. — В день приезда из Вашего края примите наши поздравления и наилучшие пожелания. Потомки Махтумкули благодарны Вам за Вашу могучую поэзию, за Ваш двухтомник... Ваша поэзия стоит этого! Передавайте привет балкарскому народу, который подарил миру такого поэта, как Вы. С уважением...»[376]

Один из почитателей таланта Кулиева писал: «Многоуважаемый Кайсын Шуваевич, горячо, от всей души поздравляю Вас с наступающим 1978 Годом, чтобы он был добрым, здоровым, творческим для Вас и Вашей семьи. Дорогой Кайсын Шуваевич, Вы являетесь символом доброты и честности, любви ко всем народам. У Вас широкая душа и большое сердце, поэтому Вас в Туркмении считают «Халкъ бульбули» (певцом народов). Такую оценку давали народы Средней Азии Алишеру Навои, Рудаки, Махтумкули. Вы истинный сын земли. В этом Ваше величие и Вашей поэзии. Вы недавно отметили свое 60-летие. Я желаю Вам долгой и творческой жизни. Все мы, любители Вашей

---

[374] Речь, очевидно, шла о переводе «Горской поэмы о Ленине». Она впервые была издана в 1966 году отдельным изданием в Нальчике на русском языке в переводе М. Дудина. В этом сборнике, который называет Пиргулыев, ее нет.

[375] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 68, л. 1.

[376] Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 7.

поэзии, ждем новых прекрасных стихов. Ваш читатель Исмаил Билялов из города Кайрак-Кума»[377].

Книги Кулиева не залеживались на прилавках магазинов Туркмении, их быстро раскупали. По словам А. Ковусова, поэзия Кулиева очень популярна в Туркмении. Кайсын был благодарен ведущим туркменским поэтам-переводчикам, так как он сам был в этой роли несколько лет, когда жил во Фрунзе. И в первый приезд в Кабардино-Балкарию А. Ковусова, еще в 1962 году, Кулиев перевел его стихотворение «Беркут» на балкарский язык и выступал с ним на открытии декады в театре г. Нальчика при огромном стечении народа, в основном любителей литературы и искусства. Об этом свидетельствует довольно подробное письмо литературоведа Алламурада Караева от 25 октября 1967 года, в котором он сообщал:

«Здравствуйте, Кайсын Шуваевич! Простите за то, что я, не зная Вас, решил побеспокоить. Я за всю свою жизнь видел Вас единственный раз, когда Вы приезжали в наш солнечный край. Но Вашу поэзию, можно сказать, знаю давно, и она пленила меня. Поэтому к Вашему 50-летию решил написать маленькую статью, которую высылаю Вам. Я в ней, как мог, высказал свое мнение о Вашей поэзии.

Дорогой Кайсын-ага (говорю по-нашему), я уверен в одном, что Ваша истинная поэзия стала спутницей моей жизни. Ваши строки призывают к добру. Я знаю, теперь при первом удобном случае, буду писать о Вас, о Вашей поэзии. Но одно обстоятельство очень затрудняет осуществить мою скромную мечту. В наших краях очень трудно достать произведения современных хороших поэтов. Так мало высылают их произведения к нам, а желающих приобрести их много. Не успеешь услышать о поступлении на продажу Ваших книг, книг Р. Гамзатова, Я. Смелякова, Мартынова, а их уже нет. Как хочется иметь у себя и временами перечитывать такие книги! Это мое желание обязывает меня обратиться к Вам с маленькой просьбой, хотя неудобно с первого письма беспокоить Вас.

Дорогой Кайсын Шуваевич! Не можете ли Вы прислать мне книги «Стихотворения», «Раненый камень», «Мир твоему дому». Очень буду рад, если одна из этих книг займет свое желанное место в моей библиотеке. Мне, как челове-

[377] Там же, оп. 6, ед. хр. 32, л. 21.

ку, специализирующемуся в области лирической поэзии, необходимы эти книги. Буду очень благодарен и признателен, если мою просьбу не оставите без внимания.

До свидания, еще раз извините за беспокойство.

Алламурад Караев.

Мой адрес: Ашхабад, 3 микрорайон, бульвар Левитана, 5, кв. 29»[378].

В Туркмении на празднике Муз Кулиев выступал много раз: говорил о Пушкине и его значении для себя лично, читал свои стихи, посвященные великому поэту России. И. Л. Андроников, возглавлявший писателей, отметил выступления Кайсына Кулиева как наиболее удавшиеся и запоминавшиеся: его речи всегда сопровождались продолжительными и бурными аплодисментами. Выдающийся ученый-лингвист, известный критик-литературовед обратил внимание на его артистичность и умение завоевать внимание публики. Он вспомнил такое же яркое, запоминающееся выступление Кулиева в Доме Советов города Нальчика, когда в 1957 году приезжал в Кабардино-Балкарию на празднование 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России и выступал в госдрамтеатре имени Али Шогенцукова.

В один из перерывов Кулиев подошел к знаменитому ученому и сказал: «Ровно десять лет прошло с тех пор, как мы с вами впервые встретились. Был вечер дружбы, посвященный 400-летию добровольного присоединения Кабарды к России. Он состоялся в зале Верховного Совета КБАССР и вы были на этом вечере председательствующим, Ираклий Луасарбович!»

В 1966 году Кулиеву присвоили звание лауреата Горьковской премии РСФСР. В связи с этим он получил из Туркмении много поздравительных телеграмм от знакомых, друзей, любителей его поэзии. А в 1967 году его поздравляли с 50-летием со дня рождения и 30-летием творческой деятельности Союз писателей Туркмении и его мудрые аксакалы. Ему было приятно, что стихи публикуются в Туркмении на русском и туркменском языке. И Кулиев всегда откликался на просьбы редакторов газет и журналов этой республики. Так, 20 июня 1974 года редактор газеты «Туркменская искра» М. Ф. Медведев писал Кулиеву:

---

[378] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 162, л. 2.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! В Туркменистане постоянно свежи воспоминания о Вашем пребывании в наших краях, хорошо известно Ваше доброе, внимательное отношение к туркменской земле и ее людям. Ваши книги — одни из самых читаемых в республике и пользуются неизменным спросом».

Для общественности Туркмении Кулиев был большим авторитетом. И сам Кайсын сознавал, что он был в том интеллектуальном возрасте, когда он мог и должен был выступать по праву старшего человека, умудренного опытом жизни и обширными познаниями. 2 февраля 1974 года он получил приглашение:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! 15 марта исполняется 80 лет со дня рождения основоположника туркменской литературы Берды Кербабаева. Наша газета намерена посвятить этой дате весь номер газеты.

Убедительно просим Вас, хотя бы коротко, рассказать обо всем, что Вы знаете о Берды Мурадовиче Кербабаеве, о его творчестве.

Хотелось бы, чтобы Ваш материал был получен редакцией не позже 1 марта.

Главный редактор газеты «Эдебият ве сунга» К. Курбансахалиев»[379].

Конечно, Кулиев исполнил просьбу главного редактора газеты, был он и на юбилее Б. Кербабаева. Ведь его пригласили многие организации и учреждения на этот юбилей. Тем более что и Союз писателей Туркмении просил Кулиева об этом:

«Дорогой Кайсын Кулиев,— говорилось в телеграмме,— приглашаем Вас принять участие в торжествах по поводу 80-летия Берды Кербабаева, которые состоятся 15 марта.

Ваше участие в юбилее старейшины туркменской литературы было бы радостно для всех.

Председатель правления Союза писателей Туркменистана Эсенов»[380].

Внимания Кулиева добивались не только его собратья-литераторы, но и ученые мужи, достигшие всех званий и почестей. В архиве Кулиева есть приглашение от 22 июня 1972 года на торжественное заседание, посвященное чествованию академика АН ТССР, заслуженного деятеля науки

---

[379] Там же, ед. хр. 181, л. 216.
[380] Там же, ед. хр. 235, л. 27.

Туркмени, доктора филологических наук, лауреата Государственной премии ТССР им. Махтумкули, председателя республиканского комитета и члена президиума советского комитета солидарности стран Азии и Африки Амина Кекилова, которому исполнялось 60 лет со дня рождения[381].

Дружеское отношение Кулиева к начинающим писателям Туркмении, его душевная отзывчивость снискали ему славу всемогущего, хотя это мнение не разделял сам поэт. Он не был, как и все люди, наделен полномочиями неограниченной власти. Только всегда очень старался помочь людям, обращавшимся к нему со своими многочисленными просьбами. Так, 20 марта 1975 года он получил письмо от жены Берды М. Кербабаева — Тамары Владимировны. Она писала поэту о том, что после смерти мужа ей очень трудно жить, сидит без работы, без средств к существованию, что она уже обращалась к друзьям мужа — Р. Гамзатову, И. В. Абашидзе, Б. Шинкубе, просила их помочь ей переехать из Ашхабада. «...Я очень прошу Вас,— писала она Кулиеву, — ради памяти Берды Мурадовича, ради собственного престижа вытащите меня из этого болота. Пусть знают, особенно его недруги, что память о нем жива, есть у него друзья.

Знайте, ежедневно, ежечасно жду от Вас весточки. Извините бога ради...»[382]

Последний раз был Кулиев в Туркмении в 1983 году, когда широко отмечалось 250-летие со дня рождения основоположника родной литературы Махтумкули. Кулиев был приглашен СП СССР и СП Туркменистана. В Ашхабадском аэропорту Кайсына и его жену Элизат встретил давний друг А. Ковусов с коллегами и отвез в одну из лучших гостиниц столицы. Здесь уже жил Чингиз Айтматов со своей супругой Марией: они днем раньше тоже прибыли на юбилейные торжества. Вспоминая об этих днях, проведенных вместе с Кайсыном Кулиевым, Анна Ковусов писал: «Он был таким же жизнерадостным, как всегда, остроумным, много шутил, смеялся, не было никаких следов болезни, которую, оказывается, он чувствовал уже тогда».

Первый секретарь ЦК компартии Туркмении тов. Гапуров, зная о пребытии столь именитых гостей, пригласил

---

[381] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 231, л. 50.
[382] Там же, оп. 5, ед. хр. 86, л. 15.

их к себе, представил секретарю по идеологии Майе Мулаевой, зав. отделом культуры Раисе Базаровой и в шутливой форме сказал, чтобы исполнялись все желания посланцев Кабардино-Балкарии и Киргизии. Для поездки на родину великого поэта Махтумкули в Кара-Калинский район товарищ Гапуров предоставил им свой спецпоезд с шикарным рестораном, спальнями, комнатами для отдыха и т. п., с соответствующим штатом прислуги. «Я ничего подобного раньше не видела,— рассказывала об этой поездке Элизат Кулиева.— Я понимала одно, что нам хотят сделать приятное. И мы с Марией старались не утомлять хозяев, так как Майя Мулаева действительно старалась предупредить все наши желания».

Днем гости знакомились с городом, а вечером их часто приглашали к себе в дом известные поэты и прозаики, в частности Клыч Кулиев и Анна Ковусов. Были они в гостях и у известного художника Иззата. Приятно удивляла праздничная сервировка стола, национальная кухня, живые цветы в невысоких вазах и самые дорогие вина. Поражало то, что хозяева предусмотрели даже блюда киргизской кухни: салат «Жаналык», бешбармак по-киргизски. баклажаны жареные в омлете и бифштекс «Сусамыр». Эти же названия стояли и в меню ресторана гостиницы, где завтракали гости. Мария шутила, что зря стараются, Чингиз Айтматов как раз не любит ни острых салатов, ни каттамы, ни супов по-чабански... Кайсын Кулиев отдавал предпочтение душистым среднеазиатским дыням, фруктам, мало ел и совсем не пил вина, а больше смотрел на пирующих...

В этот приезд в Туркмению Кайсын посетил Фирюзу вместе с Элизат. Ему хотелось, чтобы и она увидела ту красоту, которой он был восхищен в тот приезд с Михаилом Дудиным. Но все было как-то иначе. Кайсын грустно сказал Элизат: «Теперь я не смог бы написать «Фирюзу»!»

Провожая их в аэропорт, А. Ковусов говорил Кулиеву, что будет переводить на трукменский язык книгу его стихов «Горы», обещал писать письма и советоваться с ним во всем. Действительно, к 70-летию со дня рождения Кайсына Кулиева эта книга будет издана с предисловием А. Ковусова в издательстве «Магарыф». «Работа над переводом стихов большого мастера была для меня истинной школой,— писал А. Ковусов.— Я еще раз убедился, что он

действительно является настоящим певцом своего родного края, певцом добра, дружбы, братства. В каждом стихотворении столько мудрости, мастерства, высокой поэзии!»

А. Ковусов любил Кулиева, дорожил его дружбой и его мнением, потому и попросил написать предисловие к своему сборнику стихов и поэм «Осенние соловьи», который вышел в Москве в издательстве «Художественная литература». Кайсын в это время был уже серьезно болен, врачи запрещали ему много работать, просили не переутомляться, но он не мог отказать в просьбе друга. Кулиев понимал, что это предисловие Ковусову необходимо, очень нужно слово Кайсына, доброго и щедрого на похвалу! Вступительная статья «Слово о живой воде» Кулиевым была написана в начале 1985 года. Сборник стихов А. Ковусова «Осенние соловьи» с предисловием Кулиева вышел в этом же году. «Я был очень благодарен Кайсыну за добрые слова о моем творчестве и дорожу ими как сказанными в мой адрес большим устадом (т. е. мастером.— **Авт.**)»,— писал А. Ковусов.

Туркменский поэт преклонялся перед большим талантом Кулиева, его могучим интеллектом, умом мыслителя-философа, наделенного высшими силами мира понять то, что другим не подвластно. Но больше всего он ценил в Кулиеве простые человеческие качества: умением сохранять дружеские отношения, поддерживать морально, когда человек падает духом, помогать делом, а не просто давать обещания и тут же о них забывать.

Когда Кулиев находился в спецбольнице в Москве, А. Ковусов несколько раз навещал его, беседовал со своим любимым другом, стараясь облегчить его положение, вселить в него надежду на выздоровление. В последний раз они виделись в Доме творчества им. Яна Райниса в Дубултах, где Кайсын и Элизат отдыхали. Это был конец лета 1984 года. С ними по соседству жил поэт Е. Долматовский, которого Кулиев хорошо знал по стихам в напряженнейший момент истории, когда они оба защищали Отчизну в годы Великой Отечественной войны. А. Ковусов преклонялся перед поэтами фронтового поколения, которых становилось все меньше и меньше. Тогда ему выпала честь встречаться с ними, много говорить о поэзии военных лет, о современной литературе и проблемах ее развития. Не знал туркменский поэт, их младший современник, что видит Кайсына Кулиева и беседует с

ним последний раз. «Очень рано ушел от нас Кайсын, в расцвете своего незаурядного таланта. Он любил жизнь, людей, дорожил дружбой,— писал в воспоминаниях А. Ковусов в 1987 году.— Он оставил людям свои бессмертные произведения... Кайсын навсегда остался в нашей памяти, наших сердцах».

КАЙСЫН КУЛИЕВ И БЕЛОРУССИЯ

Когда мы вместе — мы народ,
Страдающий от общей боли,
И если кто-то упадет,
Другой потом допашет поле.

К. Кулиев

Жизнь для Кулиева — не только его книги. Это и непосредственное участие в делах страны, в ее трудовых буднях и празднествах, когда поэт открывал для себя новый мир чувств и представлений. Люди, встреченные им на дорогах войны и мира, становились героями его поэм и стихотворений.

Аркадий Кулешов вошел в жизнь и судьбу Кулиева на долгие годы в те дни, когда Кайсын шел дорогами тяжелой войны.

Много общего и сходного в их судьбах. Они почти ровесники: Кулешов старше Кайсына на три года. Оба сельские пареньки, мечтали стать учителями (Кулешов учился в Мстиславском педагогическом училище, а Кулиев — в Нальчикском педтехникуме), прошли пионерскую организацию и комсомол, потом войну, любили лирику Лермонтова, занимались переводами произведений А. С. Пушкина, воспевали нового человека советской эпохи, оба были депутатами Верховного Совета СССР. Кулешов был депутатом Верховного Совета БССР, Кулиев — КБАССР. Оба за выдающиеся заслуги перед Родиной были награждены орденом Ленина, орденом Красного Знамени и боевыми медалями. Разница в том, что Кулешов славил И. В. Сталина (поэма «Слово о вожде народов»), Кулиев не оставил ни одной строчки о нем. Конечно, общего было больше.

С творчеством Аркадия Кулешова Кулиев познакомился еще в годы Великой Отечественной войны. В 1942 году была напечатана его поэма «Знамя бригады», которую Кулиев в те годы не просто знал, а, по его словам, «читал и перечитывал» и был уверен, что «такую вещь мог создать только художник, всем существом любящий родную землю, где для него пекли сладчайший на свете хлеб, шелестели березы, белел чистейший снег, росла зеленая трава, жили сказки предков, звучали песни. Я понимал, что подобное произведение способен написать только поэт, обожающий все прекрасное и доброе на земле, ее тружеников и воинов, ее завоевания и ее будущее»[383].

В это время оба поэта находились на фронте. Один сражался за свободу Белоруссии, другой — за Кабардино-Балкарию. Вместе защищали советскую Родину. «Мы тогда воевали, и я не мог знать, что Кулешов станет для меня не только одним из любимых поэтов, но и дорогим, близким моей душе человеком, — писал Кулиев. — А пока я носил в своей полевой сумке журнал «Знамя» с его поэмой»[384]. Эту поэму знал не только Кулиев, но и А. Т. Твардовский, который дал ей высокую оценку, отметив ее своеобразную простоту и непосредственность в передаче внутреннего мира героя. Намного раньше, где-то в середине 30-х годов, творчество молодого поэта стало объектом внимания старейшего белорусского поэта Якуба Коласа. Он поддержал начинающего литератора ценными советами, прочитав его «Аммонал»[385]. Спустя годы Аркадий Кулешов стал достойным продолжателем традиций Янки Купалы и Якуба Коласа, усвоив лучшее из белорусской литературы.

Кайсыну Кулиеву нравились многие поэмы белорусского собрата, такие, как «Дом № 24» — о возвращении на родину после горестных лет суровой войны, «Новое русло» — за постоянное стремление героя к творчеству (за эту поэму Кулешову дали Сталинскую премию в 1949 году), «Простые люди» — за правдивый показ, кто же вынес на своих плечах всю тяжесть войны. Но особенно Кулиеву нравилось одно стихотворение — «Над братской могилой». В нем Кулешов нашел правдивые средства художествен-

[383] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 347.
[384] Там же. С. 348.
[385] *Колас Я.* «Аммонал» А. Кулешова // Литература и искусство. 1934. № 68.

ного воплощения, чтобы рассказать, как в русской деревне Лажины, где-то под Старой Руссой, бойцы хоронят павших в бою:

...Мы друзей засыпаем землей —
Ленинградцы, татары, узбеки...
Мы салют отдаем, помним клятву свою
Неизменно, и не плачем мы —
Слезы стыдятся доспехов военных[386].

Перевел *А. Софронов*

С годами дружба этих поэтов только крепла. Их взаимоотношения интересны и поучительны для уяснений общих закономерностей как теории, так и практики литературного процесса не только 40—50-х, но и 60—80-х годов, когда всесоюзный читатель широко знакомился, благодаря переводам на русский язык, с многонациональной поэзией. В этом плане Кулешов очень много сделал для Кулиева: прекрасно переводил стихи своего друга на белорусский язык, каждый раз поздравлял, когда получал от Кайсына новую книгу стихов. Так, в 1964 году в Москве, в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Раненый камень». Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1966 года К. Ш. Кулиеву за книгу стихов «Раненый камень» присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького. В течение всего 1965 года очень много было публикаций стихов из этой книги в журналах, газетах. Аркадий Кулешов читал эти стихи, удивляясь необычайно возросшей славе Кайсына и его популярности среди читателей. Поздравляя с ноябрьскими праздниками, он писал Кулиеву 4 ноября 1965 года: «Есть такое выражение: «Так держать!» Оно относится к твоим последним стихам, которыми ты порадовал читателей и почитателей твоего прекрасного таланта. Так держать! С праздником тебя, дорогой друг! Ар. Кулешов».

В другом письме Кулешов предложил свои услуги для перевода стихов Кайсына на белорусский язык и опубликовать в Минске. Кайсын был этому рад. Они встретились, обо всем договорились, и Кулешов начал работу над переводом. Через некоторое время стихи Кулиева были опубликованы на родном языке Кулешова. Кайсын был рад, что

---

[386] *Кулешов А.* Стихотворения, баллады, поэмы. М., 1953. С. 47.

Кулешов смог передать его мысли, чувства и особенности художественной речи, поэтому он доверял ему как переводчику. «Мне известно, как работает Аркадий Александрович, как строг и требователен к себе, — писал Кулиев. — Он из тех сурово-умных авторов, которые не позволяют себе неряшливо обращаться со словом и в высшей степени дорожат им»[387]. Переводчиком своим Кулиев был доволен.

Дружба их была крепкой и искренней. Оба уважали друг друга, нуждались в поддержке. Взаимопонимание между ними было полное. Только Кулешов был более выдержан, уравновешеннее, спокойнее. Эта большая скрытая сила передавалась и Кулиеву. Переписывались они не часто, чаще писал Кулешов. Вот одно из писем, датируемое 23 декабря 1974 года.

«Дорогой мой друг Кайсын, — писал он. — Давно не видел тебя и очень соскучился без твоих мудрых глаз, сердечных слов, душевной улыбки.

Поздравляю тебя и твою семью с наступающим Новым 1975 Годом и желаю тебе и семье твоей всего самого наилучшего. Хорошего тебе вдохновения в Новом Году. Сердечно обнимаю тебя, мой друг.

Твой А. Кулешов.

Где-то запрятался твой новый адрес, но не сомневаюсь, что мое приветствие найдет тебя.

Мой адрес тот же: Минск, ул. Янки Купалы, 7, кв. 18. А. А. Кулешову»[388].

В другой праздничной открытке Аркадий Александрович писал:

«Дорогой Кайсын! Не знаю, как ты, а я немножко суеверен в смысле новогоднего поздравления.

Где ты будешь пребывать в эти дни, я также не знаю. Но где бы ты ни был, ты должен знать, что я о тебе думал и думаю и поэтому поздравляю тебя сердечно, друг мой дорогой. С наступающим Новым годом! Желаю, чтобы тебе было хорошо всегда и ничто не омрачало твоей души!

Дружески обнимаю.

Твой Аркадий Кулешов[389].

---

[387] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 348.
[388] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 42, л. 1.
[389] Там же, л. 5.

А. А. Кулешов не мог приехать в Нальчик на юбилей Кулиева, но прислал телеграмму. В ней он писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Сердечно поздравляю тебя со славным 60-летием, высокой правительственной наградой. Ваше 60-летие — это праздник всей советской поэзии. Он дорог нам, белорусам, так же, как и твоим землякам. Не смогу быть в эти дни в твоей Балкарии: приболел. Встретимся в Москве. Обнимаю. Твой Аркадий Кулешов»[390].

В лице Кулешова Кайсын встретил прекрасного переводчика. Его друг перевел на белорусский язык «Книгу земли», которая получила широкое признание читателей Белоруссии. Один из читателей Кайсына написал письмо, в котором говорилось:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, приветствую Вас и шлю Вам вместе с братским белорусским приветом номер журнала «Полымя», в котором напечатана моя статья о Вашей книге стихов на белорусском языке. Высылаю журнал с небольшим опозданием, так как был уверен, что это сделал Аркадий Александрович Кулешов. Но вот на днях мы заговорили с ним на эту тему, и он попросил, чтобы я выслал Вам журнал, что я с удовольствием и делаю. Всего Вам доброго.

1 февраля 1975 г. Минск. Вертинский А.»[391].

На юбилее Кулиева, который отмечался в 1977 году, в ноябре, в г. Нальчике, Кулешова не было. В своем письме он подробно объяснил своему другу причину его отсутствия. Он писал:

«Дорогой друг мой Кайсын! Поздравляю тебя с 60-летием Октябрьской революции. Всяческих благ желаю тебе — здоровья, счастья, творческих радостей. Пятого числа я, как ты знаешь, должен был выступать на торжественном вечере. Как буду чувствовать себя после этого, не знаю. Но у меня почему-то такое предчувствие, что этот мой дебют не должен вызывать осложнений в смысле моего самочувствия.

Сегодня получил приглашение из Нальчика на твой вечер. Возможно, приеду, а нет, тогда в Москве буду обязательно.

С дружеским приветом твой А. Кулешов»[392].

---

[390] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 83—84.
[391] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 10.
[392] Там же, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 15, л. 1.

С семьей Кулешова Кулиев дружил до конца своей жизни. Уже после смерти белорусского поэта Кулиев получил письмо от его жены, которая просила Кайсына поддержать сборник стихов «Скорость» на выдвижение Ленинской премии. Вот что она писала 19 января 1979 года:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Посылаю Вам последнюю книгу Аркадия Александровича «Скорость», вышедшую на русском языке, которая выдвинута белорусским Союзом писателей на соискание Ленинской премии за 1980 г. Надеюсь на Вашу поддержку в печати, когда будет сделано официальное сообщение.

Дорогой Кайсын Шуваевич! Комиссия по литературному наследству приступила к собиранию материала для книги воспоминаний об Аркадии Александровиче. Надеюсь на Ваше участие. Жду Вашего ответа. Новогодние поздравления получила. Большое спасибо.

А. Ф. Кулешова»[393].

Когда Кулешову исполнилось 60 лет и в Белоруссии достойно отметили его славный юбилей, Кулиев был в числе гостей, выступил с приветственным словом. «Прекрасны своей строгой силой стихи Аркадия Кулешова зрелых лет и его поздняя лирика. Она глубинна, целомудренна, в ней много мысли и пронзительной эмоциональности, несмотря на внешнюю сдержанность тона. «Новая книга», цикл «Монолог» и последующие стихи Аркадия Александровича принадлежат к лучшим созданиям советской поэзии...» — говорил Кулиев. Уезжая, Кайсын пригласил его на свой юбилей, который и состоялся через два года в Москве. 20 декабря 1977 года Кулиев рано утром поехал встречать на Белорусский вокзал народного поэта Белоруссии Аркадия Кулешова. Ждали фирменный поезд «Минск — Москва» вместе с сыном Кулешова, который с семьей уже давно жил в столице. Когда поезд подходил к станции, первым заметил своего друга Кайсын. Кулешов стоял у окна и улыбался.

Кайсын первым вошел в вагон. Сын помог отцу сойти с поезда и стал приглашать его к себе в дом. Но Аркадий Александрович поехал вместе с Кайсыном на такси в гостиницу «Москва», чем очень обрадовал своего друга.

---

[393] Там же, ед. хр. 16, л. 1.

Вечером в этот же день предстояло выступление в Концертном зале имени П. И. Чайковского, где на торжество собралось много москвичей. После выступлений Адама Шогенцукова, Константина Симонова, Ираклия Абашидзе, говорил Аркадий Кулешов. Он сказал прекрасные слова в адрес юбиляра и в заключение произнес: «Дорогой Кайсын, ты знаешь, что «Книгу земли» я перевел на белорусский язык. Тебя я знаю давно, люблю как человека и поэта. Сейчас почитаю твои стихи, которые мне очень нравятся, на белорусском языке». И он прочитал несколько стихотворений Кулиева на родном языке. Читал он негромко, но четко выговаривая слова, голос мелодичный, хорошо поставленный, спокойный ритм. Он завораживал чарующими звуками иного языка...

После концерта на машине Н. Гребнева они уехали в гостиницу — три друга — Абашидзе, Кулешов и Кулиев. Утром простились, но не знали тогда, что это было их последнее расставание. Никто не мог тогда предположить, что Аркадию Александровичу оставалось жить только 44 дня. 4 февраля 1978 года Кулиев получил печальную весть: умер его переводчик и друг — поэт Аркадий Кулешов. Кулиев срочно вылетел в Минск, чтобы навсегда проститься с дорогим ему человеком.

В 1985 году были опубликованы стихи Кайсына, посвященные памяти Аркадия Кулешова. Они входили в цикл стихов «Зимняя тетрадь», который он начал писать в начале 80-х годов и заканчивал, когда сам находился в больнице и знал о своем роковом конце.

Тебе с Твардовским и Расулом,
Со мной, с Давидом не сойтись.
Пиров и встреч веселым гулом
Былые годы унеслись.

Я повторяю все: «Аркадий!» —
Тоской бессонною объят,
В больничное окошко глядя,
Где стужа, ночь и снегопад.

Зову обратно дни, в которых
Мы вместе совершали путь, —
Но ни тебя, кто так мне дорог,
Ни дней минувших не вернуть...[394]

Перевел *Л. Шерешевский*

[394] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 98.

«Зимней ночью зову друга» — так называется стихотворение, в котором — крик боли и жалобы на жизнь, вместившие в себя доброе и злое, праведные и неправедные поступки. Поэт надеялся, что, может быть, поймут их другие поколения и не осудят. Покаяние — это всегда очищение души.

Когда и я вслед за тобою
Уйду в назначенный мне час,
В том, что творили дело злое,
Не упрекнут, надеюсь, нас.

Хорошо знал Кайсына Кулиева известный белорусский поэт Максим Танк (Евгений Иванович Скурко), родившийся в 1912 году, в семье крестьянина. Ставший впоследствии видным советским поэтом, он писал: «Беларусь, твои нивы безбрежные всколыхнуть бы я песней желал». Так определил он свои задачи. Подобные мысли о назначении поэзии не были чужды и Кулиеву. Их военные стихи печатались в газетах, журналах, передавались по радио. Максим Танк сотрудничал во фронтовой и партизанской печати, в частности в газете «За Советскую Беларусь», Кулиев был военным корреспондентом газеты «Сын Отечества». Небольшая разница в возрасте не мешала им в мирное время встречаться по общественной работе: они были членами Всесоюзного комитета защиты мира и встречались на всемирных конгрессах сторонников мира, на совещаниях в Москве, на праздниках в Киеве. Максим Танк очень высоко ценил творчество Кулиева. Его светлой памяти он посвятил стихотворение «Вершина Кайсына Кулиева» (1987).

Достославный балкарец Кайсын,
Уроженец Кавказа,
Был с одной из отвесных вершин
Давней дружбою связан.

Ей дарил свои строки поэт.
А когда он, бывало, уедет
Повидать окружающий свет,
Погостить у друзей и соседей, —

По нему тосковала она,
Кунака окликала.
И звенел водопад, как струна,
Струнам вторило эхо обвала.

...Обессмертить привязанность эту
Альпинисты решили

И присвоили имя поэта
Безымянной вершине.

Вновь Кайсын средь обрывистых скал,
А воспетый им раненый камень
Возвышается, как пьедестал,
Над блуждающими облаками.

Максим Танк всегда поздравлял Кайсына с праздниками и памятными датами. Так, 30 октября 1974 года он писал Кулиеву:

«Дорогой Кайсын! Не ожидая официального сообщения о присуждении «Книге земли» Государственной премии, поздравляю с этим памятным событием и с Великим Октябрем. Желаю тебе, твоей семье и близким большого счастья, здоровья и всего наилучшего в твоей славной творческой жизни. Крепко обнимаю.

Твой Максим Танк.

30. X. 74»[395].

С такими же теплыми словами он обращался к Кулиеву и 9 января 1976 года на красочной новогодней открытке:

«Дорогой Кайсын, большое спасибо и новогодние пожелания. От всей души поздравляю тебя, твоих близких и родных, твой Кавказ с наступающим Новым Годом (по старому стилю).

Желаю Вам светлых и радостных дней. Да будет Новый Год щедрым на хлеб, вино и песни, на наши писательские дружеские встречи.

Крепко обнимаю. С братским приветом твой Максим Танк»[396].

В Белоруссии хорошо знали Кулиева работники многих журналов и газет. Так, главный редактор журнала «Неман» А. Макаенок писал Кулиеву:

«Многоуважаемый Кайсын Шуваевич! В этом году Белоруссия широко отмечает 90-летний юбилей своих великих песняров Янки Купалы и Якуба Коласа. Убедительно просим Вас ответить на вопросы нашей анкеты, хотя бы кратко, и высказать свои мнения о творчестве Я. Купалы и Я. Коласа, о современной белорусской литературе.

---

[395] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 150, л. 3.
[396] Там же, оп. 9, ед. хр. 69, л. 1.

Редакция журнала «Неман» будет рада получить Ваш ответ в феврале — марте сего года.

С дружеским приветом — гл. редактор журнала А. Макаенок»[397].

В анкете были три вопроса к читателям и писателям:

«1. «В Белоруссии есть два поэта—Я. Колас и Я. Купала. Очень интересные ребята! Так просто пишут, так ласково, грустно, прекрасно», — отзывался о белорусских песнярах Максим Горький.

Сохранились ли, на ваш взгляд, эти свойства в белорусской поэзии? Что есть принципиально нового в творчестве современных белорусских поэтов?

2. Якуб Колас дал превосходные образцы рассказа, повести, крупных эпических произведений.

Как продолжают коласовские традиции нынешние прозаики Белоруссии?

3. Купалавская «Павлинка» — жемчужина национальной драматургии. Искрометный народный юмор, социальная острота, яркость характера обеспечили ей неувядаемый успех у зрителей.

Ваше мнение о современной белорусской драматургии?»[398]

Кулиев подробно ответил на вопросы анкеты, отослав ее в журнал «Неман», в один из известных литературно-художественных и общественно-политических журналов Белоруссии. Он являлся органом СП БССР. С этим журналом и республиканским издательством Белоруссии Кулиев был связан десятилетиями. В это время в Минске в издательстве «Мастацкая литература» готовилась к изданию «Книга земли», и Кулиев приезжал сюда для работы с редакторами и художниками-оформителями. В 1974 году книга была издана на белорусском языке. 17 мая Кайсыну сообщали:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Высылаем Вам 5 авторских экземпляров Вашей книги «Кніга зямлі», вышедшей в нашем издательстве на белорусском языке.

Желаем новых творческих успехов!

С уважением Т. Зарицкая»[399].

---

[397] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 180, л. 41.
[398] Там же, л. 42.
[399] Там же, ед. хр. 183, л. 88.

Хорошо относился к К. Ш. Кулиеву и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров. Поэт ценил его необычайный ум, умение руководить людьми, говорить с ними, ценить тех, кто создает духовные ценности. Кулиеву запомнился, как выразился он, трагический 1978 год, когда ему пришлось пережить смерть своего друга поэта Аркадия Кулешова, а затем и безвременную гибель Машерова. «На похоронах Аркадия Кулешова я стоял рядом с Машеровым, — вспоминал впоследствии Кулиев. — День был пасмурный, шел дождь со снегом. Нам было грустно. Машеров мне говорил, что у него сейчас отпуск, но нужно обязательно посмотреть озимые...» Потом Кулиев узнает, что первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров погиб в автомобильной катастрофе. «Я потерял в тот год, — с болью говорил Кайсын, — двух своих белорусских друзей».

Кулиев знал, что Петр Миронович Машеров пользовался глубоким уважением и доверием всего белорусского народа, что он обладал стратегическим мышлением, смелым и мужественным характером для решения исторически важных задач, был настойчивым в их осуществлении. Он большое внимание уделял духовной и культурной жизни республики, постоянно общался с писателями, композиторами, художниками, артистами, всячески поддерживал их, оказывал им необходимую помощь. Выдающиеся деятели культуры — М. Савицкий, М. Танк, И. Шамякин, В. Быков, А. Макаенок, И. Лученок, Н. Еременко и многие другие получили благодаря его поддержке всеобщее признание в своей республике, в бывшем Советском Союзе и за рубежом.

Кайсына уже не будет в то время, когда отмечали 80-летие со дня рождения его друга Петра Мироновича Машерова, видного государственного и политического деятеля КПСС и Советского государства, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, славного сына белорусского народа. В журнале «Диалог» КПРФ (1998. № 9) говорилось в статье Виктора Шевелухи: «Коммунисты, все советские люди хорошо знали и помнят П. М. Машерова. Помнят его как мужественного бойца, Героя Советского Союза, видного организатора партизанского движения в Белоруссии, талантливого и вдохновенного руководителя Коммунистической партии республики и всего белорусского народа, как глубоко уважаемого человека и патриота своей родины».

Во время пребывания в гостях у Аркадия Кулешова Кайсын расспрашивал своего друга о писателях Кондрате Крапиве, о Кузьме Черном, Михасе Лынькове, Петре Глебке. Чтобы пополнить свои знания, Кулиев однажды купил «Очерки белорусской литературы» и со свойственным ему юмором пошутил: «Век живи — век учись...»

Нельзя не упомянуть о взаимоотношениях Кайсына Кулиева с известным писателем Белоруссии, лауреатом Ленинской премии С. Смирновым. В одном из писем от 14 ноября 1974 года Смирнов писал:

«Дорогой мой Кайсын! Я решил не поздравлять тебя телеграммой, так как хочется сказать тебе слова, не вмещающиеся в сухой телеграммный текст. Я был по-братски рад, что ты получил премию, и знаю, что ты заслуживаешь и гораздо большего. Бесконечно люблю и ценю твой поэтический талант и глубоко уважаю и люблю тебя как человека. Для меня ты всегда воплощаешь в себе лучшее кавказское родство, мужество, талант дружбы. Есть люди, которые одним своим появлением и присутствием, а порой даже только воспоминанием о них, приносят радость. Для меня ты всегда принадлежишь к их числу. Спасибо тебе за это, как и за твои замечательные стихи. Еще раз поздравляю тебя и желаю тебе новых высоких оценок твоего творчества. Обнимаю тебя крепко, по-братски, Молю Богов о твоем здоровье и долголетии и шлю сердечный привет и поздравления всем твоим родным и близким. Надеюсь, что небо и судьба подарят мне еще много раз радость встречи с тобой и гордость дружбы с таким человеком, как ты.

Будь здоров, счастлив и благополучен! Моя жена присоединяется ко всем моим пожеланиям. Твой Сергей Смирнов (Брестский)»[400].

Близким человеком для Кулиева был и представитель советской военной прозы Василь Быков, известный по повестям «Журавлиный крик» (1959), «Фронтовая страница» (1960), «Третья ракета» (1961), по рассказам «На восходе солнца», «Трое» и др. Кулиев высоко ценил произведения В. Быкова, потому что в них было преодоление трагических испытаний и та правда о войне, которую обычно скрывали. Его «Карьер» и повесть «Знак беды» (1982) Кулиев читал и видел в том и другом произведении акт вы-

[400] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 120.

сокого гуманизма и жизнеутверждающей трагедии. Одному из своих друзей Кулиев как-то сказал, что когда он приступил к написанию романа «Была зима», не раз вспоминал книги о войне Василя Быкова, Алексея Адамовича. Кайсын Кулиев и Василь Быков знали войну не понаслышке: они были ее участниками, самыми молодыми из тех писателей, которые сразу же ушли на фронт. В 1945 году Василю Быкову исполнилось только 21 год!

Взаимоотношения Кулиева и Быкова носили эпизодический характер. Встречались они редко, во время служебных командировок, но любили поговорить как бывшие фронтовики. Не забывали поздравлять друг друга с праздниками. Так, 25 декабря 1972 года Быков писал: «Кайсын, дорогой человек, самый лучший поэт современности, пусть тебе будет тепло, солнечно и, по возможности, счастливо в Новом, 1973 году! Твой далекий Василь Быков».

Когда вышли избранные произведения Кайсына Кулиева в двух томах в издательстве «Художественная литература» (Москва), в 1970 году, Василий Владимирович получил от своего друга подарок. В своем ответном письме он тогда писал:

«Дорогой Кайсын! Спасибо Вам огромнейшее за память и внимание. Два Ваших тома будут у меня среди самого мне дорогого (немногого!) и в моем сердце. Дай Бог Вам написать еще четыре тома, быть бодрым и здоровым. Всего остального у Вас в избытке.

Обнимаю, с благодарностью — Василь Быков»[401].

На этой открытке Кулиев приписал красными чернилами: «Василий Быков — замечательный белорусский писатель».

Знал Кулиев и другого известного прозаика Белоруссии и его роман «Когда сливаются реки» — П. Бровку (1905 — 1979).

Кулиев умел чтить память своих друзей, никогда их не предавал и не забывал. По первому зову устремлялся к ним. И когда в Белоруссии отмечалось в 1975 году 70-летие со дня рождения П. У. Бровки, народного поэта БССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, Кулиев в начале июля вылетел в Минск. Там на юбилейном вечере, который состоялся в театре оперы и бале-

[401] Там же, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1.

та, Кайсын выступил с яркой речью об этом замечательном белорусском прозаике, внесшим определенный вклад в развитие родной литературы. На этот раз в Белоруссии Кулиев был недолго. После окончания торжеств он вылетел сразу в Нальчик.

Петра Устиновича, как уважительно называл Кулиев своего собрата по перу, Кайсын часто поздравлял с праздниками и получал от него ответные письма. Так было в январе 1976 года. Его друг Петрусь Бровка писал ему из Минска (ул. Карла Маркса, 30, кв. 4):

«Дорогой Кайсын! Милый наш друг! Большое спасибо тебе за последний новогодний привет!

Будь же и Ты в этом и во все Твои долгие годы веселым, всегда здоров, неутомим, счастлив!

Крепко тебя обнимаю и целую. Петрусь Бровка[402].

В Белоруссии Кайсын Кулиев был привязан еще к одному человеку — Пимену Панченко, которому он посвятил стихотворение «Сегодня в Чегеме я, глядя на снежную стынь...». Обращаясь к нему, Кулиев писал:

Мой брат белорусский, я тоже, как ты, уже сед.
Мы все одолели, а вот над годами — не властны.
Мы видели силу народов в годину их бед,
И к этому, Пимен, с тобою мы, к счастью, причастны[403].

Перевел *Д. Долинский*

Это стихотворное послание — пример задушевной беседы Кулиева с тем, кто поймет его мысли и душевные тревоги, те чувства, которые он испытал при виде пепла Хатыни («Кровь стынет, как вспомню я ужас беды той былой...»; или: «Доныне сжимает мне горло рыданье мое. Едва прошепчу я: «Хатынь», — дыма тяжкие клубы нависнут опять...»). Для Кайсына не было чужого горя, если даже оно отодвинуто далекой историей и предано забвению. Поэт против войны, насилия, когда «в долины, дымясь, кровь течет, как вода, а к высям дымы от руин поднимают долины». Искренне и убежденно он заявлял, что «нет горя чужого на свете, коль ты — человек. Я так это рано, рожденный в Балкарии, понял...». Оттенок психологического драматизма лежит на всем стихотворении «Пимену Панченко»,

[402] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 18, л. 2.

[403] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 221.

в котором ощущение трагических моментов истории было глубоко личностным:

Я, видевший горестный пепел аула Хулам
И пепел Хатыни, Освенцима и Хиросимы,
Могу ль хоть на миг их забыть, отдаваясь делам?
Они навсегда — человеческой памяти зимы![404]

Дружба с поэтами Белоруссии для Кулиева осталась навсегда символом верности человеческих взаимоотношений, духовности, которая должна быть превыше всего. По инициативе Кулиева в Союзе писателей СССР было решено отметить в Москве юбилей его незабвенного друга Аркадия Кулешова. В 1984 году в первых числах мая Кулиев уехал из Нальчика в Москву. В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялся вечер памяти, посвященный 70-летию со дня рождения А. А. Кулешова. С воспоминаниями о нем выступили Яков Хелемский, Давид Кугультинов, Владислав Шошин. Тепло и сердечно говорил о своем друге Кулиев: «Самобытность и самостоятельность были замечательными свойствами Кулешова. Его голос — один из своеобразных, неповторимых, а потому прекрасных во всей советской поэзии».

Кайсын Кулиев и Белоруссия — понятия в истории советской культуры тесно взаимосвязанные, ибо творческие связи в традициях советской литературы были характерными для той эпохи. В то время создавались энциклопедии, куда входили известные деятели литературы и искусства. Так, заведующая редакцией литературы Белорусской советской энциклопедии В. Рабкевич написала Кулиеву ряд писем, в которых она просила выслать необходимые материалы. В первом письме, от 4 февраля 1972 года, говорилось:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Редакция литературы Белорусской советской энциклопедии просит Вас срочно ответить, с какого года Вы являетесь народным поэтом Кабардино-Балкарии и в каком году и на каком языке была издана поэма «Перевал».

Будем очень благодарны. С уважением зав. редакцией литературы В. Рабкевич»[405].

---

[404] Там же, С. 220.
[405] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 4—6.

Кулиев в это время был очень занят, так как он участвовал во многих мероприятиях, которые проходили в стране в связи с подготовкой к 50-летию образования СССР. Он не смог сразу ответить В. Рабкевич. Поэтому вскоре получил повторное письмо из Белоруссии. Вот его содержание:

«Редакция литературы Белорусской советской энциклопедии очень просит Вас срочно прислать Вашу фотографию для помещения в БелСЭ. Будем Вам очень благодарны. Размер фотографии 6 × 9 или 9 × 12. Желательно, чтобы она была одной из Ваших последних. Примите наши Новогодние поздравления. С искренним приветом зав. литературой В. Рабкевич»[406].

Кайсын Шуваевич, как обязательный и законопослушный человек, отослал все, что просила редакция. В третьем письме сообщалось:

«Ваше письмо мы получили. Большое спасибо; за все уточнения в статье тоже. Мы абсолютно согласны с Вашей точкой зрения, и все-таки нам надо совершенно знать, когда опубликована поэма «Перевал», есть ли у Вас награды и какие, депутатом Верховного Совета СССР каких созывов Вы являетесь (у нас Указом только 5-й) и в какую волость входило в 1917 году село Верхний Чегем? Без этих данных мы обойтись не можем. Ждем письма. Всего Вам хорошего. Большой привет от Петра Устиновича Бровки. С уважением зав. редакцией литературы, языка, этнографии и фольклора В. Рабкевич»[407].

Литературные взаимосвязи Кулиева с белорусскими писателями и поэтами, творческая учеба друг у друга, перенятие опыта, обоюдные интересы в области перевода и т. д. — никогда не были помехой в их устремленности к самостоятельности и национальной новизне, к самобытности и профессиональному мастерству. Они высоко ценили друг друга. Ригор Бородулин, обращаясь к Кулиеву, поздравляя его, писал 7 октября 1974 года: «Народному поэту, лауреату Государственной премии СССР Кайсыну Кулиеву.

Стиха чеканного стрела
Законная хвала не терпит зла.
И Белорусь — зеленая скала,
Светла улыбка горного орла»[408].

---

[406] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 4—6.
[407] Там же, л. 7.
[408] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 22.

Так он обращался в поэтической форме к своему собрату по перу, которого уважал, любил и почитал.

С искренними словами приветствия и поздравления обратился к Кулиеву и другой его сердечный и душевный друг — Петрусь Бровка. Он дал телеграмму в ноябре 1974 года: «Дорогой, милый друг Кайсын Шуваевич. Истинно рад поздравить тебя с давно заслуженной высшей наградой! Читаю тебя, перечитываю, люблю, горжусь! Твой друг Петрусь»[409].

И конечно же поздравил Кайсына его давний друг Аркадий Кулешов: «Дорогой друг, сердечно поздравляю с праздником Октября и присуждением тебе Государственной премии СССР. Обнимаю. Аркадий Кулешов»[410].

Кайсына в это время поздравляли все: известные и малоизвестные писатели, и всем им он был благодарен за то внимание, которым они оделили его, горского поэта. Так, Алесь Кучар писал: «Дорогой Кайсын Кулиев! Сердечно поздравляю Вас с высокой наградой»[411]. В другой телеграмме ощущалось нечто большее, чем поздравление, а именно понимание значимости творчества Кулиева для будущего: «Сердечно поздравляю с высокой премией. Желаю новых ярких стихов! Поднимаю тост за праздник и дружбу. Эдди Огнецвет»[412]. «Это белорусская поэтесса»,— написал Кайсын на бланке телеграммы.

Поздравляли Кулиева и ученые Белоруссии. Так, научный сотрудник одного из институтов Минска, давно живущий там армянин Стефан Габриэльян, поздравлял Кулиева с юбилеем и восхищался его творчеством:

«...Хочу склонить свою голову перед Вами в знак глубочайшего почтения и поклонения за бессмертные строки, которые написаны Вами. Так должны делать все, кто является истинным ценителем прекрасного. Число Ваших истинных почитателей будет все более и более возрастать по мере того, как люди будут становиться зрелее, добрее, справедливее, интеллектуальней, способными Вас воспринимать, понимать всю глубину Вашего потрясающего гуманизма. Возьмем хотя бы «Реквием».

Ваша мудрость и красота Вашей поэзии всегда привлекали. Вы — поэт, опередивший время. Вы — поэт буду-

[409] Там же, л. 31.
[410] Там же, л. 75.
[411] Там же, л. 78.
[412] Там же.

щего. Ваши творения будут жить так же долго, как и творения Омара Хайяма, Лермонтова и других классиков.

Ваше творчество близко мне, дорого, свято еще и потому, что я так же родился и вырос, как и Вы, в горах. В Горном Карабахе.

Спасибо Вам еще раз, замечательный человек и замечательный поэт Кайсын Кулиев.

Спасибо, что в Вашем большом сердце Вы нашли слова любви и к нашему народу. Желаю Вам расти лет до ста без старости, Вы обязаны дожить, помнить, что есть люди, которые распространяют вокруг себя зло и ненависть. Ваше добро излучает силу, которая побеждает зло.

Ваш друг Стефан Габриэльян»[413].

Многие белорусские почитатели таланта Кулиева не знали его домашнего адреса и свои письма посылали в Москву, в Союз писателей СССР или в Кремль, когда там проходили съезды или сессия Верховного Совета, когда Кулиев участвовал в них как депутат Верховного Совета СССР. Так, в сентябре 1977 года учащиеся-старшеклассники Марьиногорской средней школы № 3 Минской области обратились к Кулиеву с письмом, на конверте которого было написано: «Москва. Кремль. Депутату Верховного Совета СССР тов. Кайсыну Кулиеву». «Уважаемый тов. Кулиев! С чувством высокой гордости за нашу Советскую Родину горячо поздравляем Вас с началом работы исторической сессии Верховного Совета СССР, которая примет новую Конституцию нашего государства.

В эти радостные дни мы, белорусские школьники, мысленно находимся вместе с Вами в Москве и очень просим Вас написать нам хоть несколько слов о том огромном творческом подъеме, с которым работает ваша сессия. Ваше письмо явится большим документом истории для нашей школы.

От всей души желаем Вам плодотворной работы, успехов и большого счастья. С глубоким уважением к Вам — Александр Зарецкий, Ольга Демькова, Александр Копылов, Марина Маркевич, Виктор Николаев, Елена Татюк и др.»[414].

С того времени, как было написано это письмо комсомольцами, прошло 25 лет. Этим мальчикам и девочкам

---

[413] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 2.
[414] Там же, ед. хр. 47, л. 1.

теперь под сорок лет. Интересно, кем стали они, как сложились их судьбы? Сохранились ли их идеалы и есть ли у них вера во что-то светлое и хорошее?

Как депутату Верховного Совета СССР, Кулиеву много раз приходили приглашения от Президиума Верховного Совета СССР с сообщениями о созыве очередных сессий за подписью Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева[415].

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ТАДЖИКИСТАН

И слова твои, как звезды над безмолвием ночным, долго, долго еще
будут сквозь туман светить живым.

Кулиев о Мирзо Турсун-заде

Имена этих двух поэтов остались навсегда в памяти людей, независимо от того, к какой национальности они принадлежали. Мирзо Турсун-заде и Таджикистан — неразделимые понятия, и Кайсын Кулиев это хорошо знал, когда встречался с ним, говорил о национальной поэзии, «отмеченной теми индивидуальными чертами, которые делают ее самобытной, хотя истинная поэзия всегда остается общечеловеческой, на какой бы земле ни звучал ее голос»[416].

Кулиев всегда поражался удивительной судьбе своего друга, родившегося на далекой окраине царской России, в кишлаке Каратаг, бывшего Шахринаусского района, расположенного в Гиссарской долине, в семье неграмотного крестьянина-плотника Турсуна. У него было одиннадцать детей, но выжили только двое — Мирзо и его сестра. Было трудное детство, напоминавшее Кайсыну его детство. 1911 год — время рождения Мирзо. Через шесть лет в горах Чегема родится мальчик Кайсын, отмеченный небесной силой, одаренный талантом Шувы, неграмотного горца-

[415] Там же, ед. хр. 59, л. 1—4.
[416] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 33.

скотовода. Вихрь времени и бури века закружат этих крестьянских пареньков. Мирзо Турсун-заде побывает в качестве агитатора, корреспондента и редактора в 1939—1942 годах на строительстве каналов, гидроэлектростанций и дорог в долинах Зеравшана, Сыр-Дарьи и других горных рек, побывает на важнейших стройках Большого Ферганского канала, Большого Гиссарского канала и на Большом Памирском тракте. Кулиев в это время уже будет в Москве учиться в театральном институте, а потом уйдет добровольцем в Красную Армию. В годы Второй мировой войны оба будут воспевать защитников Отечества. Поэму «Сын Родины» Мирзо Турсун-заде Кулиев знал, высоко ценил ее.

Однако трудные их дороги пересекутся лишь только после войны, в годы мирного строительства. В это время имя Турсун-заде звучало по всей стране, он входил в состав различных советских делегаций в зарубежных странах, на конференциях и совещаниях, посвященных защите мира и национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. На основе впечатлений Турсун-заде напишет цикл стихов, посвященных Индии.

Они могли бы встретиться на ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки в 1958 году, но Кулиев только что вернулся из вынужденной ссылки на родину и в 1956 году перевез свою семью из Фрунзе в Нальчик.

1958 год был памятным для Кайсына: он был избран в этом году депутатом Верховного Совета СССР. Был депутатом этого Верховного органа Союза и Мирзо Турсун-заде. Встретились они в столице нашей Родины, оттуда пошли истоки их дружбы. «От общения с ним у меня сложилось именно такое впечатление: Мирзо Турсун-заде — сердечный и умный человек, даже обычная застольная беседа с которым дает душевное удовлетворение, оставляет приятные воспоминания, — писал о своем друге Кулиев. — Его книги, к сожалению, приходится читать мне только в переводе. Но вот что любопытно: многие его земляки-поэты не раз говорили мне о том, что Турсун-заде — выдающийся мастер стиха и горячо любимый родным народом поэт. Это очень важное свидетельство потому, что поэты не так часто хвалят собратьев по перу».

Кайсын Кулиев и Мирзо Турсун-заде встречались чаще всего в Москве, так как Турсун-заде был членом Все-

союзного комитета по Ленинским премиям, секретарем президиума и членом пленума Союза писателей СССР. Эти посты занимал и Кулиев, только Кайсын не входил в Ленинский комитет, а имел отношение к Государственным премиям СССР и РСФСР. Общественная и поэтическая работа сближала этих людей, а сам процесс познания незнакомых стран, краев, областей, равных по территории некоторым странам Запада, открытие нового — все это объединяло Мирзо и Кайсына, укрепляло их дружбу. Турсун-заде, будучи председателем Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, включал Кулиева в состав различных делегаций, посещавших зарубежные страны. Там они имели полную возможность поговорить по душам, рассказать друг другу то, что их волновало и заботило, поделиться планами творческой работы на будущее. По характеру оба добрые, они радовались успехам друг друга. Так, когда в 1960 году за поэмы «Хасан-арбакеш» и «Голос Азии» Турсун-заде получил Ленинскую премию, Кулиев сердечно поздравил друга, гордился им. Ленинскую премию получит и Кулиев (посмертно).

Через год, то есть в 1961 году, Кулиев снова поздравлял Турсун-заде с его 50-летием со дня рождения и присуждением ему почетного звания — «Народный поэт республики». Николай Тихонов приветствовал его стихами:

Новым грозам, горам и народам
Ты читал свои строки, Мирзо!
Чтобы снова дорога кружила,
К тишине и покою глуха,
До конца чтобы с нами дружила
Восходящая сила стиха[417].

60-летие со дня рождения Мирзо Турсун-заде широко отмечалось в Таджикистане. Были приглашены гости из всех союзных и автономных республик. Кулиев тоже получил приглашение. В нем сообщалось: «Правление Союза писателей Таджикистана сердечно приглашает Вас принять участие на юбилейном вечере по случаю 60-летия со дня рождения Мирзо Турсун-заде, который состоится в Душанбе 23 октября 1971 года. Просим заранее сообщить о прибытии. Правление СП Таджикистана»[418].

---

[417] Газ. «Коммунист Таджикистана». 1961. 25 нояб.
[418] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 235, л. 7.

Ведущие писатели, поэты страны, приехав на юбилей прославленного поэта, привезли почетные адреса от Союза писателей своих республик и подарки. В числе гостей были Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов. Оба они прилетели с предгорий Кавказа, чтобы сказать о Мирзо добрые, значительные слова о его любви к Памиру и трудолюбивой женщине-таджичке — «началу всех начал», как любил говорить сам М. Турсун-заде, ибо образ матери и любимой, воспетый им, был нравственным критерием для поэта. Образ матери он олицетворял с образом Родины. Для Кулиева и Гамзатова эта тема была близкой, и они оба восхищались тем, как Турсун-заде прославлял высокие духовные качества матери.

В дни празднования юбилея Кайсын Кулиев вместе со своим другом Гамзатовым побывали во многих местах Таджикистана, но особенно им запомнилась поездка в родное селение Мирзо, где он родился и жил, — Каратаг. Здесь они видели, с какой любовью относились односельчане к своему известному поэту-земляку, с какой гордостью они рассказывали о семье, в которой рос Мирзо, старики-аксакалы помнили его дядю, который знал наизусть много стихов и сам слагал их. Одна из учительниц средней школы рассказала, как Мирзо учился в мусульманском заведении и томился там, «как розовый бутон в стакане серы», учащиеся читали стихи Турсун-заде о матери и любимой. Кайсыну Кулиеву особенно запомнилось стихотворение «Руки матери», ставшее известным в далекой Гане.

Через 10 лет Кайсын Кулиев снова приедет на юбилей Турсун-заде, удостоенного одним из первых индийской премии им. Джавахарлала Неру за свои стихи об Индии, Пакистане, Иране, Афганистане («Индийская баллада», «Висячий сад в Бомбее», «Шли с туманного Запада люди...» и др.). «Среди строителей нового чертога родной поэзии Турсун-заде — крупнейший мастер, — говорил Кайсын на юбилее поэта. — Вот такого строителя-мастера и чувствуем мы сегодня. Мы говорим ему хорошие и значительные слова, не искажая правды. Как хорошо, что имеем основание и право на это! Здравствуй, Мирзо! Долгих лет вдохновения тебе, мой брат!»

Они дружили до самых последних дней жизни. М. Турсун-заде тяжело болел в 1977 году. Кулиев знал об этом, поэтому, получив приглашение от Ю. Верченко, он решил поехать в Таджикистан, чтобы последний раз увидеть свое-

го прославленного друга. В совместном приглашении СП СССР и СП Таджикистана сообщалось:

«С 26 сентября по 2 октября 1977 г. в Таджикистане будут проходить Дни советской литературы под девизом «Таджикистан, озаренный светом Великого Октября». Правление СП Таджикистана и секретариат правления СП СССР приглашает Вас принять участие в этом важном мероприятии.

Надеемся, что Вы не откажете в нашей просьбе и заранее уведомите о своем согласии.

Ю. Верченко, секретариат правления СП СССР.
М. Турсун-заде, председатель правления СП Таджикистана.

28 июня 1977 г.»[419].

Горский поэт гордился дружбой с прославленным таджикским поэтом: за свою общественную и литературную деятельность Турсун-заде был награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и несколькими медалями. Все эти правительственные награды имел и Кулиев. Кайсын уважал его как родственного по духу поэта. В 1971 году в статье «Мудрость и сердечность» он писал: «Мирзо Турсун-заде — художник, влюбленный в мир, в его краски и красоту, в землю и творчество, в их вечность, как и полагается истинному поэту. Поэтому он стал борцом за мир и дружбу всех народов. Будучи в Таджикистане, я наблюдал, как знаменитый, повсеместно известный поэт и деятель относится к своим товарищам, писателям-землякам. Он был с ними очень тактичен, прост и внимателен, нигде и ни разу я не заметил, чтобы хоть малейшим образом подчеркнул превосходство своего положения. Это было мудро, очень важно и говорило о многом»[420].

Кайсын Кулиев дружил с Мирзо Турсун-заде не потому, что он был многозначащей личностью и занимал ответственные посты в центре и в Таджикистане. Дело, вероятно, в другом: Кулиев потаенно связывал свою личную жизнь с судьбой Турсун-заде и биографией страны, с той эпохой, которая была в то же время историей жизни Мирзо и

---

[419] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 25, л. 1.
[420] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 342.

самого Кулиева. Поэтому, когда в 1977 году не стало Турсун-заде, Кулиев понял, что кончилась и его эпоха. Он оплакал своего незабвенного друга, как народные плакальщицы причитают: «О, горе! О, печаль! О, боль! О, беда! О, небытие! О, смерть!» Простился с тем невозвратным временем, когда они, молодые, полные творческих сил, в прошедшие годы пафосной советской эпохи славили человека и свое время.

Мирзо! Так недавно по тропкам твоим
Бродил я с тобой, милым, мудрым, живым.
Я вновь тут. А ты — под покровом земным.
О, горе! —

так начинается стихотворение Кулиева «Памяти Мирзо Турсун-заде».

Кулиев вновь в Таджикистане, но друга его нет, и он печалится, так как все напоминает о Мирзо — улицы Душанбе, по которым они вместе ходили, парк и скверики, где они отдыхали, наслаждаясь покоем, пением птиц, цветеньем деревьев:

Не слышен тебе звук ничьих голосов
И вешнего ветра волнующий зов.
Отпущено смертным так мало часов...
О, печаль!

Размышляя о бесконечности времени и бытия, сменяемости времен года, Кулиев в то же время как бы окидывал взглядом свое прошлое и ушедшую судьбу друга:

Как прежде, белеет в горах твоих снег,
Плывут облака над стремнинами рек.
Ты больше на них не посмотришь вовек.
О, боль!

Не будем беседой мы вновь сведены,
Ни радостны вместе, ни вместе грустны,
Нет больше нам общей зимы и весны.
О, беда!

В последующих строфах стиха первой части, не покидая области воспоминаний о том, как они вместе ходили «средь этих камней», смотрели на звезды, что воспел Мирзо, Ку-

лиев подвел как бы итог своего пройденного пути, и трагическая нота зазвучала с новой силой:

Любимых покинув, оставив свой труд,
В горах обрету я последний приют,
Как ты — пред величием гор своих тут...
О, смерть![421]

Перевел *Л. Шерешевский*

Вторая часть стихотворения-посвящения по стилю и содержанию другая. Лучшие силы своей поэтики Кулиев направил, чтобы показать, каким необыкновенным поэтическим талантом, какой добродетелью и культурой обладал ушедший в небытие поэт. «...Небеса весной чисты, как твоя душа», «И земля мудра, как ты», «И снега, как твоя совесть, здесь сияют чистотой», «Зелень на ветвях подобна твоим мыслям и мечтам» и т. д. Употребление Кулиевым сравнительных оборотов как нельзя лучше помогало высказать главную мысль, обогащало язык и придавало строфам свежесть звучания.

В этом стихотворении, как и в каждом любом другом кулиевском, смысловая линия органично вытекала из построения стиха и каждые последующие строки сливались воедино с предыдущими. Обратимся к следующим строфам:

Вновь стремиться будут люди твои книги перечесть —
В час, когда поэт уходит, утешенье в этом есть.
И слова твои, как звезды над безмолвием ночным,
Долго-долго еще будут сквозь туман светить живым.

Кулиев был уверен, что поэтическое творчество Турсунзаде останется на долгие годы живым родником для таджикской поэзии, а народная любовь к нему уже при его жизни стала прочным залогом навсегда.

Стремясь к расширению границ поэтического слова, направленного для высказывания определенной мысли, Кулиев прибегал к метафоризации, к емким поэтическим символам, к таким, как в этом посвящении:

Высоки здесь горы, словно вдохновение твое,
Над тобой они сурово погрузились в забытье.
И вершин венец алмазный в тень печальную одет:
Горестно им, оттого что рано ты покинул свет.

[421] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 207.

Уход из жизни поэта мучительно переживали не только его друзья, но и горы Таджикистана, погрузившиеся в печальную тень. Драматизм случившегося подчеркивался разнообразными речевыми средствами, органически связанными с замыслом автора этого посвящения. В данном стихотворении мастерство Кулиева опиралось на глубокое знание родного фольклора и его поэтических средств. Так, для передачи горя, поэт обратился к неживой природе, которая оплакивает смерть: «Над безвременной кончиной, над годами, что прошли, вместе с этими стихами плачет дождь твоей земли».

Финал посвящения Турсун-заде не трагичен. Драматическое разрешается сознанием неистребимости бытия и красоты жизни. Все повторяется, сменяются времена года, обновляется природа, есть молодость и вечный зов природы.

А земля твоя, как прежде, вся в сиянье, вся в цвету,
Будто можешь вновь увидеть ты земную красоту.
Та земля, что начертала славный путь твоей судьбе,
Что тебе давала радость, что дарила песнь тебе, —
Жизнь, что вечно будет жизнью, сколько б ни было смертей,
Вновь цветет — как будто снова ты обрадуешься ей![422]

Перевел *Л. Шерешевский*

Мирзо Турсун-заде высоко ценил дружбу Кулиева и его поэтическое слово и не раз говорил о нравственно-философских поисках его лирических героев и самого автора, отмечал многогранную душевную жизнь Кайсына — горца XX века. Они переписывались, поздравляли друг друга с праздниками. Так, за два года до смерти Мирзо Турсун-заде писал Кулиеву 30 декабря 1975 года: «Дорогой друг! Сердечно поздравляю с Новым 1976 Годом. Желаю здоровья, счастья, успехов! Ваш Мирзо Турсун-заде[423].

Литературные и общественные связи Кайсына Кулиева с автономными и союзными республиками Средней Азии отличались в 60-х, 70-х годах и даже в начале 80-х необычайным богатством форм содружества, сложными и многообразными взаимосвязями. В XXI веке судьба национальных литератур будет иной. В конце XX века, к великому сожалению, когда Россия переживала экономический упа-

---

[422] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 208.
[423] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 53, л. 1.

док после распада СССР, литературные взаимосвязи между многими народами бывшего Союза были почти утрачены, особенно это касается восточных литератур, или, как тогда говорили, Советского Востока.

Кайсын Кулиев всегда интересовался процессами, происходившими в национальных литературах, произведениями таджикской, узбекской, казахской, киргизской классики. Интерес был обоюдный и единый в своей гуманной и прогрессивной направленности. Об этом свидетельствуют архивные материалы фонда Кайсына Кулиева и исследования ученых.

Казалось бы, небольшой факт: Кулиев за «Книгу земли» был удостоен Государственной премии СССР 1974 года. Однако в связи с этим из Таджикистана он получил очень много поздравительных телеграмм, начиная от известного всем Мирзо Турсун-заде до малоизвестного Икрамова. Последний писал в своей телеграмме: «Дорогой Кайсын, поздравляю достойной наградой — званием лауреата Государственной премии СССР. Целую, радуюсь. С приветом — И к р а м о в»[424].

Или вот другая телеграмма, отправленная Кулиеву по тому же случаю:

«...Примите наши сердечные поздравления в связи с присуждением Государственной премии СССР.

Мы все разделяем Вашу радость. Гордимся дружбой с Вами. Желаем орлиных полетов для достижения новых высот в творчестве.

Турсун-заде, Каноатов Ниязи, Миршакар Рахимзаде, Шукухи, Левиги»[425].

Последний раз в Таджикистане Кайсын Кулиев был в 1983 году. В конце марта, выписавшись из больницы, он вместе с женой Элизат вылетел самолетом из Москвы в столицу своих друзей-таджиков. Он ехал в составе делегации от Союза писателей. «Там тоже я оказался среди друзей, меня, как в давние времена, — вспоминал он, — всюду сопровождала весна с ее зеленью и радостью». Был цветущий апрель, и Кайсын после больничной палаты, надоевших ему уколов и анализов был несказанно рад видеть красоту пробуждавшейся среднеазиатской природы, так непохожей на горную природу его родного края.

---

[424] Там же, ед. хр. 113, л. 59.
[425] Там же, л. 135.

Вместе с другими писателями он снова побывал у строителей электрогигантов — Нурека и Рогуна, у рабочих алюминиевого завода в городе, носящем имя Турсун-заде, а также у студентов Таджикского государственного университета. Здесь все напоминало о друге, о его встречах с ним. И Кулиев решил посетить его могилу.

С тобою ходил я средь этих камней,
И звезд, что воспел ты, был свет мне ясней.
А нынче стою пред могилой твоей.
О, небытие![426]

Перевел *Л. Шерешевский*

В Таджикистане Кайсын Кулиев стал первым лауреатом рабочей премии Рогуна и почетным гражданином города Нурека. Вспоминая об этой поездке, поэт говорил: «На грандиозных стройках я опять встретился с новизной и мощью жизни, с дерзостью и смелостью строителей, с радостью созидания. Я возвратился в родной Чегем, набравшись новых впечатлений и сил, благодарный друзьям, приветившим меня»[427].

Кулиев широко был известен в этой республике, так же как и во всех союзных республиках СССР. Ни одно общественно-политическое событие не проходило без его участия или хотя бы его приветствия. За большую честь почитали республиканские журналы — и общественно-политические, и литературные — выступление Кулиева на их страницах. Вот пример. В начале 1972 года он получил письмо из Душанбе:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! В эти дни редакция литературного журнала «Садои Шарк» готовит к печати юбилейный номер, посвященный 50-летию образования Таджикской ССР и Компартии республики.

Просим Вас принять участие в юбилейном номере нашего журнала со своими стихами, публицистическими заметками, впечатлениями, воспоминаниями, посвященными Таджикистану и таджикскому народу, его культуре, литературе, его успехам в областях экономики, промышленности, сельского хозяйства и в других отраслях.

---

[426] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 207.

[427] Подробно о пребывании Кулиева в Таджикистане см.: *Щербаков В.* Высокой дружбы ясная отрада // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 2 сент.

Желательно получить Ваши рукописи до 15—20 июля. Заранее благодарны Вам.

Желаю Вам доброго здоровья, творческих успехов.

Редактор журнала «Саоди Шарк» — Убайд Раджаб»[428].

Работники Союза писателей СССР и РСФСР всегда знали, где Кулиев находился, чтобы обратиться к нему и попросить его выполнить то или иное задание. Москвичи были уверены, что его неповторимый организаторский талант, умение проводить мероприятия на любом уровне будут способствовать успеху развития культуры. И, несмотря на то, что Кулиев в это время отдыхал на Рижском взморье, ему в Доме творчества писателей была вручена телеграмма следующего содержания:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, напоминаю, что 26 сентября начинаются Дни советской литературы в Таджикистане. Вы и Верченко приглашаетесь для участия и руководства делегацией.

Прошу сообщить Ваше решение по адресу: Москва, Беговая, 17. Бюро пропаганды. Телефон: 258-89-61.

Большой привет семье. С уважением Лариса Жарова[429].

Таджикистан для Кулиева — это не только Мирзо Турсун-заде, это и еще его современники, которых он лично знал, переписывался с ними, встречался в дни пребывания на таджикской земле. Кулиев знал Сотым Улуг-заде (род. в 1911 г.), одного из первых профессиональных таджикских драматургов; ценил стихи, поэмы, рассказы и драматические произведения Мирсаида Миршакара (род. в 1912 г.), сына крестьянина из далекого кишлака, но ставшего вровень с самыми известными писателями страны. Восхищался поэзией своего собрата по перу, но более старшего по возрасту Абулькасима Лахути (1887 — 1957) и романом «Рабы» Садриддина Айни (род. в 1878 г.). 100-летие со дня рождения С. Айни широко отмечалось общественностью Таджикистана. Кайсын Кулиев вместе с балкарской поэтессой Танзилей Зумакуловой принимал участие в торжествах. До 20 апреля они много выступали среди населения республики, встречались с писателями и поэтами, студентами и интеллигенцией различных городов.

---

[428] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 181, л. 244.

[429] Там же, оп. 6, ед. хр. 42, л. 22.

Кайсын Кулиев неплохо знал историю литературы Таджикистана, интересовался бухарскими поэтами конца XIX—начала XX века, выдающимся персоязычным поэтом Индии, основоположником «индийского стиля» в таджикско-персидской литературе Хосровом Дехлеви (1255—1325) и творчеством поэта начала XX века, другом С. Айни — муллой Назруллы Лутфи. Кулиев однажды рассказал, что произведение Садриддина Айни «Бухара (Воспоминания)» он прочитал за один присест, когда в 1960 году было осуществлено издание «Воспоминаний» Академией наук СССР в серии «Литературные памятники» в переводе Анны Розенфельд. Книга была подарена Кайсыну автором послесловия «Воспоминаний» — К. С. Айни. Кулиев знал, что за первые две части «Бухары (Воспоминания)» Садриддин Айни был удостоен Государственной премии СССР 1949 года в области литературы и искусства.

«Какая радость открыть для себя любого из замечательных художников или их отдельные не известные тебе произведения... — писал Кулиев в статье «Поэт и культура» (1971). — Поэт не может не интересоваться живописью, музыкой и театром — всеми видами художественного творчества, памятуя, что они принесут ему не только большую радость, но и пользу в его работе, помогут лучше понять жизнь, сделают его понятия о мире более широкими. Равнодушие к культуре противоестественно для поэта. Культура — то же, что и солнце и дождь для колосьев и деревьев. Без тепла и влаги не обойтись ни полю, ни лугу. Так же благотворно воздействует и культура на поэта. Мало только любить свое дело, надо еще и очень хорошо его знать. Иначе невозможно стать мастером»[430]. Заканчивая эту статью, он убежденно сказал: «Культура — одно из чудес, созданных гением человека. Забывать об этом поэт не имеет права — ибо сам он служит культуре». Поэтому во время пребывания на земле Таджикистана Кулиев интересовался буквально всем, начиная от легендарных богатырей, героев поэмы Фирдоуси «Шахнамэ», олицетворявших мужество и беззаветное служение родине, от классиков таджикско-персидской литературы Муслихиддина Саади Ширази, Шамсиддина Мухаммада Хафиза Ширази и Маулана Джалалиддина Руми до последнего

[430] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 388.

бухарского эмира, писавшего стихи и благоволившего к ученым и поэтам, Абдулахада, правившего до 1910 года.

В тесном кругу друзей Кайсын любил слушать искусную игру на дутаре и домбре, был на концерте народного певца Таджикистана, одного из знатоков и исполнителей классического музыкального наследия таджикского народа «Шашмаком» — Бобокула Файзуллаева. И конечно, Кулиев не оставил без внимания старинные памятники, шахские дворцы, мечети, бухарские и хивинские медресе. Поэт расспрашивал обо всем и тут же сам объяснял, почему, скажем, пустыня в Туркменистане Кызыл-Кум носит название «Красные пески», или где провел последние годы своей жизни предпоследний бухарский эмир из Мангытской династии и почему он покинул Бухару. Знания Кайсына Кулиева во всех областях культуры и искусства были поразительными. О любой национальной республике, ее истории, славных сынах и дочерях, их судьбах, природе, даже о географическом расположении поэт мог говорить часами, а об искусстве — тем более. «Искусство каждого народа, — писал Кулиев, — говорит языком своей земли, языком ее истории, ее радостей и бед, языком ее камня и дерева, снега и дождя, языком всего пережитого народом, языком его векового опыта»[431]. И этот вековой опыт народа Кайсын Кулиев стремился постичь.

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ПРИБАЛТИКА

О Латвия, твой путь да будет
светел,
Благословен и мирен каждый кров.

Кулиев

С этими странами Ближнего зарубежья Кайсына Кулиева связывала особая дружба. Дело в том, что свой боевой путь солдата — защитника России — он начинал здесь. Находясь в июне 1941 года под г. Даугавпилсом, Кулиев остро почувствовал накаленность атмосферы и приближение войны. «Мы тренировались, учились, начали заниматься немецким языком,— писал он,— лагерь наш находился в лесу, у неболь-

[431] Там же. С. 186.

шого озера. Помню, 21 июня я лежал на берегу озера и читал трагедию Самуила Галкина «Бар Кохба», напечатанную в журнале. А на следующий день столкнулся с войной лицом к лицу, воочию увидел ее жуткий лик. Фашисты нещадно бомбили город и аэродром. Наши самолеты не поднялись — говорили, что не было горючего... Все вокруг было охвачено огнем. Советские войска отступали из Латвии»[432].

В этих исключительно тяжелых условиях перед Кулиевым и небольшой группой парашютистов-подрывников была поставлена задача подготовить взрыв двух больших мостов через Западную Двину у г. Даугавпилса. Здесь Кулиев впервые увидел не только горе, но и мужество людей, которые готовились к трагическому, главному приказу войны «стоять насмерть», но выполнить боевое задание. Это было священным законом жизни, хотя и жестоким по своей сути и необходимости. Задание было выполнено. Мосты рухнули в реку вместе с фашистскими танками и пехотой. О взрыве мостов (по одному ходили поезда, по другому — остальной транспорт и пешеходы) Кулиев подробно рассказал в своей автобиографии, о том, как они заложили тысячу килограммов взрывчатки и среди огня и дыма, непрерывного обстрела и бомбежки ждали более суток, ждали, когда на мосту появятся вражеские танки. За эти часы ожидания поэт насмотрелся на горе и страдания беженцев. Он видел, как обессилевшие старики и дети, девушки, с опухшими босыми ногами, с обезумевшими от страха глазами, все шли и шли по мосту. Боль и горечь людей стали нетленной памятью поэта. Обращаясь к Латвии, он писал:

Тебя пришлось мне видеть в дни иные.
Горел песок твой, камень, валуны.
В твоей земле я хоронил впервые
Своих друзей в начале той войны[433].

Перевел *Н. Гребнев*

Всю жизнь Кулиев не мог забыть одного бойца-пехотинца, который плакал и кричал: «Что вы наделали! Мой друг на мосту остался!» Мост был взорван мгновенно, как только на него вступили головные танки противника. «И

[432] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 442.
[433] *Кулиев К.* Вечер. М.: Сов. писатель, 1974. С. 113.

теперь мне видятся клубы дыма, куски металла и одинокий боец, бежавший с винтовкой и вещмешком за спиной, — рассказывал Кулиев. — Выполнив приказ, мы шли через горящий город в лес...»

В начале той войны так путь был труден,
Что ныне не забыл я ничего.
Я помню: сосны падали, как люди,
Стеная в миг паденья своего[434].

Перевел *Н. Гребнев*

Пройденный путь его поколения, жизнь, прожитая в те годы, наблюдения, факты, подробности фронтового быта — все нашло отражение в «Стихах, написанных в Латвии». Вспоминая подвиг своих боевых друзей, с которыми он начинал путь в Латвии, Кулиев писал к 35-летию Великой Победы: «По поведению этой небольшой группы парашютистов-подрывников прозорливый человек мог бы тогда же сделать вывод, что такой народ непременно победит, несмотря на все тяготы и беды. В их выдержке и в самообладании, в том, как они, в тяжелейших условиях выполняя задание командования, твердо и уверенно делали свое дело, ясно отразились те лучшие человеческие и военные качества, которые дали нам возможность в результате суровых сражений победить страшного врага и отстоять свое Советское Отечество»[435].

Я помню, как горело все, что было,
Как все рвалось, нам преграждая путь,
Мостов твоих опоры и перила
Бросались в воду, чтобы утонуть.

Этот поэтический цикл был начат после начала войны, а закончен лишь летом 1973 года, когда поэт отдыхал в Доме творчества писателей в Дубулты, встречался на поэтических вечерах с рижанами. «Стихи, написанные в Латвии» звучали убедительно: они вобрали в себя реальную историю народного подвига, массового героизма советских людей на берегах Балтики, просторах Украины и Белоруссии, на площадях европейских столиц. Прошло более тридцати лет после войны, но не ослабевала память поэта, еще

---

[434] Там же.
[435] *Кулиев К.* Письмо к сыну // Литературная газета. 1980. 7 мая.

ярче выступали образы боевых друзей, проливших кровь на латвийской земле. Поэтому Кулиев и обратился к теме бессмертного народного подвига, как к живому источнику, чтобы яснее ощутить и осмыслить неповторимый образ времени и тот нравственный дух друзей, с которыми он начал боевой путь от берегов Прибалтики. Оглядываясь на пройденный путь, поэт снова глубоко пережил многократно испытанное чувство горечи и боли за те страдания, которые переносил народ.

Видения высвечивают память
И заполняют ими пустоту,
И девушки с разбитыми ногами
Идут, идут по Двинскому мосту, —

писал Кулиев в пятой части цикла «Стихов, написанных в Латвии».

Лирический монолог о первых трудных днях войны уступает место воспоминаниям о погибших товарищах и встречах с новыми друзьями, с другой Латвией уже в мирное время. Здесь все приятно поэту: и нагретое солнцем море, и живописная природа Юрмалы, и птицы, щебетавшие в густой листве, и реки.

Здесь дорого мне все и все любимо:
Зверье, деревья, галька и вода,
Как будто здесь ни пламени, ни дыма,
Ни смерти не бывало никогда.

Поэтические строки, подаренные латышскому народу, подсказаны многолетней дружбой Кайсына Кулиева с писателями и художниками Латвии. У горского поэта было много друзей-рижан, находившихся с ним в постоянном общении. Это известные поэты — Эдуард Межелайтис, Альгимантас Балтакис, Ян Сирмбардис, Имант Аузинь, Иокубас Склютаускас, заслуженный артист Латвийской ССР Борис Тихов и многие другие, которых знал и уважал Кайсын Кулиев. Среди них был А. М. Разумный, житель Риги. Он — известный еврейский писатель-прозаик, поэт, драматург, член Союза писателей СССР, который за сорок пять лет своей работы в литературе опубликовал десять книг романов, рассказов, новелл, стихотворений, басен. А четыре его пьесы шли на сценах еврейских театров Советского Союза, Западной Европы и Америки. Его произведения

к моменту знакомства с Кулиевым были опубликованы в Польше, Болгарии, Франции. А. М. Разумный переписывался с Кайсыном Кулиевым. Так, 16 января 1966 года он писал:

«Творчество Ваше мне необычайно дорого и близко своей светлой верой в человека, своими глубокими и прекрасными мыслями, своей великолепной, чеканной образностью. Оно меня несказанно трогает своей благородной человечностью, оно волнует, потрясает, заставляет звучать самые тонкие, сокровенные струны души и сердца. Читая Вас, дорогой Кайсын Шуваевич, сам как бы становишься поэтом, сам перевоплощаешься в Кулиева, начинаешь видеть красоту мира глазами Кулиева, размышлять о жизни и судьбах человечества умом Кулиева, воспринимать радость и горе сердцем Кулиева.

От души благодарю Вас, уважаемый Кайсын Шуваевич, за высокое наслаждение, которое Ваша поэзия доставляет нам — мне с женой. Мы читаем Ваши прекрасные произведения и часто плачем, — плачем чистыми, просветленными глазами, растроганные той красотой, которую Вы так осязаемо вызываете к жизни; мы плачем — взволнованные благородной человечностью, звучащей в Ваших шедеврах; мы плачем от радости, что в нашей стране, рядом с нами живет такой поэт, как Кулиев»[436].

С Кулиевым А. М. Разумный встретился в Риге на одном из поэтических вечеров послевоенных лет. Это был первый приезд Кайсына в Ригу после войны. Разумный слушал выступление поэта, ранее ему не известного, и по стихам понял всю прелесть произведений горского поэта. Он был покорен им. Тогда Разумный был на вечере вместе со своей женой. Они видели, какой любовью и почетом был окружен Кулиев, и в тот день даже не смогли подойти к поэту. «...Вы всегда были окружены людьми, так что я не счел возможным задерживать Вас длинными разговорами, ограничиться с Вами «шапочным», ничего не говорящим знакомством именно с Вами—мне не хотелось»[437]. В письме Кулиеву А. М. Разумный поделился с ним своими чувствами, которые вызывали в нем стихи Кулиева «в превосходных переводах Н. Гребнева и Я. Козловского»[438].

---

[436] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 77, л. 42—43.
[437] Там же.
[438] Там же.

В знак большой благодарности он выслал Кулиеву книгу новелл в переводах на русский язык. Новеллы Кулиеву понравились, о чем он написал Разумному и послал ему свой сборник стихов, потому что, по словам Разумного, в Риге тогда не было в магазинах книг Кайсына Кулиева. «Здесь в продаже нет Ваших книг, и я их собираю, как крупицы золота, по страницам журналов и газет, — писал он. — Когда у меня будут Ваши сборники, моя библиотека будет несравненно обогащена. Доставьте мне эту радость, дорогой Кайсын Шуваевич, и не смотрите на мою просьбу, как на навязчивость. Желаю Вам здоровья и дальнейших творческих достижений. С приветом к Вам М. А. Разумный»[439].

В то время действительно трудно было купить сборник стихов Кулиева, так как стихи его только начали переводить на латышский язык. Об этом свидетельствует письмо составителя книги и переводчика Яниса Сирмбардиса. Поэты лично знали друг друга, переписывались. В одном из писем Янис Сирмбардис сообщил Кулиеву:

«Дорогой Кайсын! Сначала разрешите передать Вам горячий, сердечный привет от множества Ваших латышских друзей. Наши поэты часто Вас вспоминают добрым словом и с увлечением говорят о Ваших стихах... Я часто думаю о Вас, и особенно сейчас, когда перевожу Ваши стихи. Надеюсь и Вы не забыли молодого латыша, который читал Ваши стихи в рижской государственной библиотеке. Вот он и сегодня обращается к Вам со своими строчками. Тогда Вы мне говорили о подстрочниках моих стихов. Сегодня я обращаюсь к Вам по поводу Ваших произведений, чтобы согласовать наше мнение в некоторых вопросах. Дело в том, что мне доверили составить сборник Ваших стихов на латышском языке. Вообще-то дело приближается к концу. К письму я присоединяю список, какие Ваши стихотворения уже переведены или отданы переводчикам. Буду очень рад, если Вы срочно пришлете переводы или подстрочники тех стихотворений, которые Вы бы желали увидеть в сборнике, но которые в моем списке отсутствуют. Объем сборника 2 авторских листа.

Большинство стихотворений перевел я сам. Остальные переводчики — Андрис Веян, Ероним Стулнан, Морис Чаклинс, Эрик Лэйянтис. По моему мнению и по мнению моего

---

[439] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 17, л. 42—43.

редактора Иманта Аузиня, сборник получится хороший. Он станет событием в нашей литературной жизни, увлечет читателя, несмотря на то, что наш читатель очень интересуется творчеством местных, латышских, поэтов, а к переводам относится холодновато. Но Ваши стихи принадлежат к тем, которые всегда находят дорогу к сердцу. С такой уверенностью я говорю потому, что сам очень увлечен Вашими стихами, они меня очаровали, так сказать, забрали в свою власть. Поэтому я ревниво старался сохранить всю прелесть Вашего стиха в переводе и имею надежду, что это мне в некоторой степени удалось. Во всяком случае, когда я читал переводы Ваших стихов в кругу друзей, они были восхищены. Это и придает мне уверенности, что сборник будет иметь успех, станет достоянием нашей родной культуры. Песня гор станет хлебом насущным и для моих земляков.

Переводя Ваши стихи, я много думал о судьбах Вашего народа и о судьбах своего народа, о судьбах всех народов — больших и малых. Хотя малые народы чем-то ближе к сердцу. При всем различии есть так много общего, родного, потерянного, пережитого. Как хотелось бы узнать побольше о Вашем народе! Конечно, много можно узнать по стихам, больше, чем читая сухие тома истории. Иногда одна строчка чего стоит! И трагизм, и взлеты героизма, самопожертвования — все ради высокой цели. И одновременно так много противоречий, гордиевых узлов. Что меня больше всего восхищает в Ваших стихах — это старание разобраться во всем этом, глубина мысли без скороспелых выводов. И правдивость. Правдивость во всем. Без умолчания острых углов жизни и без громких слов в то же время.

Всего лучшего. Ваш Янис.

Мой адрес: Рига, ул. Ленина, д № 120, кв. 5. Я. Сирмбардис.

Да, еще позабыл: нужна Ваша фотокарточка для обложки»[440].

Долгие годы Кулиев был связан с редколлегией «Литературной газеты», которая проводила большую работу в союзных республиках. Для этой цели ей нужен был Кулиев, его авторитет и глубокое знание специфики нацио-

[440] Там же, л. 49—50.

нальных литератур. Поэтому он и получал письма подобного содержания:

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! 6—7 октября с. г. в Риге «Литературная газета» совместно с СП Латвии проводит «круглый стол» на тему: «Литература в борьбе за человека. (Личность и культура при социализме)».

Редакция «Литературной газеты» приглашает Вас принять участие в работе совещания и просит о Вашем согласии известить редакцию не позднее 15 сентября (письменно или по телефону 228-59-17).

Расходы, связанные с поездкой, будут оплачены Вам по прибытии в г. Ригу. Встреча и регистрация участников «круглого стола» — 5 октября. О Вашем прибытии и рейсе самолета сообщите телеграммой в СП Латвии.

Зам. главредактора «Литгазеты» Е. Кривицкий.
Редактор отдела литератур народов СССР
А. Хакимов[441].

Латышский писатель познакомился с поэзией Кулиева в 1966 году, когда в издательстве «Лиесма» вышли на латышском языке его избранные стихи с предисловием Я. Сирмбардиса — «Раненая скала». Стихи переводили А. Балтакис, В. Рудокас, И. Грайчюнас, В. Шимкус, В. Раймерис, И. Стрелкунас. Книга получила заслуженное признание читателей Латвии. Об этом же свидетельствует письмо учительницы литовского языка и литературы Елены Эйдукайтите. Вот что писала она Кулиеву: «Глубокоуважаемый поэт Кайсын Кулиев, наши поэты А. Балтакис и В. Рудокас перевели Ваш сборник стихотворений «Раненый камень» на литовский язык, и мы имели большое удовлетворение, познакомившись с Вашими глубокими, выразительными мыслями о народе, о детстве, о юности, о которых Вы так сердечно, с большим искусством написали.

Просим Вас принять от любителей поэзии далекого янтарного края Прибалтики — Литовской ССР самые сердечные слова благодарности и маленький подарок на память и пожелать Вам, уважаемый Кайсын Кулиев, много лет всего самого светлого в жизни и творческих успехов на благо всех наших народов...»[442]

Об этом же говорит и другой факт. Один из участников Дней литературы и искусства Кабардино-Балкарии в

---

[441] ЦГА КБР, л. 852, оп. 6, ед. хр. 37, л. 22.
[442] Там же, оп.5, ед. хр. 88, л. 90.

Латвии рассказывал, как, приехав туда и посетив рыболовецкий колхоз, он обнаружил в библиотеке сборник стихов Кулиева. Оказалось, что это одна из любимых книг рыбаков. Она помогала труженикам моря в их мужественной и суровой работе вдали от родных берегов. Переживая радость тесного и длительного общения с латышским народом, Кулиев сказал об этом дорогом ему крае:

О Латвия, твой путь да будет светел,
Благословен и мирен каждый кров.
Пусть никогда не превратится в пепел
Никто отныне из твоих сынов.

Стихи, написанные в Латвии

В 1972 году представители писательской организации Латвии — участники рейда дружбы, посвященного 50-летию образования СССР, побывали на земле Кабардино-Балкарии. Они выступали среди жителей городов и селений, встречались с рабочими заводов и фабрик, познакомили их с лучшими своими произведениями, рассказывали много о культуре Прибалтийских республик. Писатель Айвар Калве говорил: «Для меня встреча с древней землей Кабардино-Балкарии была настоящим праздником. Я занимаюсь проблемами искусства. И, естественно, первозданные красоты природы вашего края, ваши энергичные люди выше всех похвал. Каждый день встречаю здесь мужчин, которые освобождали в годы войны от фашистов Латвию. Такие встречи очень важны для меня, они — яркое свидетельство общего пути наших народов и в мирное время, и в годы борьбы с гитлеровцами».

Кулиев не раз был в Латвии: его приглашали на различные мероприятия общественно-политической и культурной жизни республики. Так, 2 октября 1972 года секретарь правления Союза писателей Латвии А. Янсонс писал:

«Дорогой Кайсын Шуваевич! С 23 ноября по 3 декабря сего года в нашей республике состоятся Дни братских литератур — творческие, с товарищами по перу, выступления перед рабочими завода «ВЭФ» и рыбаками, ознакомление с их работой.

Нам очень хочется, чтобы Вы в этом празднике приняли участие, чьи произведения переведены на латышский язык и пользуются у нас большой популярностью.

Просим заблаговременно сообщить о Вашем согласии приехать или прислать материалы для опубликования в нашей периодике. Если Вы не располагаете свободным временем, просим назначить другого представителя Вашей литературы и поставить нас в известность.

В надежде, что Вы примете наше приглашение, сердечно Ваш А. Янсонс»[443].

С ответом Кулиев задержался, поэтому Янсонс повторно дал телеграмму: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Мы не теряем надежды увидеть Вас участником Недели братских литератур в Риге с 27 ноября по 3 декабря. С нетерпением ждем ответа и уточнением даты приезда. С уважением А. Янсонс»[444].

В 1974 году Кулиев перешел определенный рубеж творческой биографии: он стал лауреатом Государственной премии СССР. Его приветствовали из всех союзных республик. Получил Кайсын телеграмму и из Вильнюса. «Литовские писатели горячо поздравляют Вас, большого советского поэта, с присвоением Государственной премии СССР, — говорилось в ней. — Желаем много творческих удач, крепкого здоровья. От имени литовских писателей Альфонс Беллускас»[445].

Известность Кулиева в Прибалтике росла год от года, произведения его публиковались там на русском, эстонском, литовском и латышском языках. Об этом красноречиво говорит следующий факт. 1 ноября 1976 года библиотека «Лооминг» обратилась к поэту со следующей просьбой:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Редакция приложения к журналу писателей Эстонской ССР «Лооминг» — библиотека «Лооминг» — просит Вашего разрешения дать один номер приложения Ваших стихотворений из сборников «Книга земли» и «Раненый камень» в переводе с балкарского языка на эстонский язык. Подборка сделана переводчиком Андресом Лаксоо примерно в объеме 700 строк.

Надеюсь на Ваше согласие и осмеливаюсь обратиться к Вам еще с одной просьбой: не могли бы Вы выслать в наш адрес вышеназванные сборники на балкарском языке.

---

[443] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 186, л. 3.
[444] Там же, л. 5.
[445] Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 26.

Они необходимы нам для воспроизведения титулов в нашем издании. А сборники будут Вам в целостности возвращены через неделю.

Если мы получим Ваше согласие в самое ближайшее время, эстонский перевод будет опубликован еще в конце настоящего года.

С уважением Юри Оямаа, зам. главного редактора «Лооминг».

Наш адрес: Эстонская ССР. 200002. г. Таллинн, ул. Харью, д. 1. Библиотека «Лооминг»[446].

Идеи мирного сотрудничества, взаимовлияния литератур различных народов приобретали в творчестве Кайсына Кулиева свою форму воплощения, в соответствии с особенностями его жизни, духовного опыта и образа мышления. Эти идеи нашли свое художественное воплощение в цикле стихов «Море», которые поэт написал тоже в Доме творчества имени Яна Райниса в Дубултах. Датированы они 1974 годом. Следовательно, сразу после «Стихов, написанных в Латвии» он приступил к работе над другими стихами, непосредственно связанными с этим для него дорогим и милым краем. Здесь поэт любил отдыхать и работать. Балтика, приморские сосны, дюны, мерный рокот моря — весь этот уют янтарного края с его тишиной и неторопливостью навеял светлую грусть.

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое.
Мерный рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем.

Перевел *Н. Гребнев*

Чудесная природа и покой породили строки этого цикла стихов. Разговор с морем — своеобразная форма общения с людьми, средство исповеди, раздумий о роли природы и ее красот в духовной жизни человека. Лирический герой испытывает благотворное воздействие умиротворявших картин: синевы неба, заходящего солнца, тишины и спокойствия. Многие поэтические строки рождены ощущением счастья бытия, к которому поэт не мог никогда привыкнуть и остаться равнодушным. Его радовало здесь все: летящая над водой птица, женщина с мирно спавшим

[446] Там же, оп. 5, ед. хр. 97, л. 41.

на руках ребенком, лунный свет на морской глади, теплый песок. Жажда видеть людей счастливыми «под этим небом синим», а мир в лучах тепла и света явилась продолжением кулиевской концепции радостного восприятия жизни:

На песке сижу я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства
И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

Первозданность восприятия мира, свойственная истинным поэтам, характерна и для Кулиева. Так, красноречивое признание: «Я гляжу и вижу синеву, будто я открыл ее впервые» — свидетельство о новизне мировосприятия, незамутненной радости очарования увиденным.

Всеобъемлющая радость бытия не заглушала ноты грусти, особенно в четвертой части цикла стихов о море. Воспоминания о прошлом («Будто раны все давным-давно зажили и не болят поныне»; или: «тяжесть лет и тяжесть бед») усиливали элегический тон цикла. В «Море» природа близка человеку, и пейзаж ее очеловечен. Кулиев говорил о своем единстве с морем: «Нам порой бывает суждено чувствовать себя его волнами: солнце в небе светит нам одно и одни дожди идут над нами». Море для него живое. Оно дышит, о нем можно говорить, как о человеке или земле. Оно может понять поэта, как понимает его молчаливая гора в родном Чегеме. Порой ему слышался зов моря («Я глухой твой голос, зов твой вечный слышу в час дневной и в час ночной»). Обращаясь к морю, Кулиев чувствовал себя неразделенным с ним:

И мне кажется: мои предтечи
На невнятном, но родном наречье
В час печали говорят со мной.

Тема взаимодействия человека и природы — давняя тема пейзажной лирики. Некоторые большие художники и истинные гуманисты, как например Хемингуэй, идеал человеческой жизни искал не в переустройстве общества, а в совпадении с природным бытием, и человек свободен и прекрасен в той степени, в какой он совпадает с миром природы («Старик и море»). Кулиев по-своему подошел к этому вопросу, являя активность лирического пережива-

ния, причастность к страданиям мира. С гуманистических позиций он утверждал необходимость борьбы со злом, с социальной несправедливостью и этим определял ценность человеческой личности. Его лирический герой говорил, обращаясь к морю: «На земле людской так много горя, ну, а ты невозмутимо, море, будто в мире вовсе горя нет».

В цикле стихов «Море» Кулиев, выделяя основные черты эстетического идеала, отметил в нем четко выраженную устремленность к социальной ответственности. Проследим эту мысль, как она связана с лирической композицией и строем поэтической системы этих стихов. Главное в них — не пейзажный фон. Пейзажный фон в 1-й части стихов лишь окружает лирического героя. Психологически окрашенный, эмоциональный, он почти не играет роли в размышлениях героя, т. е. поэта. Здесь солнце, голубое море, долговечные сосны — лишь экзотический интерьер, музыкальный лейтмотив, не более. Однако во 2-й и 3-й частях море, морская стихия, становится активным действующим лицом, участвующим в размышлениях поэта, раскрывает его сложный духовный мир. Поэтическая семантика этих образов более глубокая, чем в 1-й части, менее условная.

Море для Кулиева — символ романтической, безграничной свободы. «Ты свободно, словно человек», — заявлял он, восхищаясь могущественной, никому не подвластной, вечно свободной стихией. Образ моря явился в композиции связующим центром в такой же степени, как и сам лирический герой. Эта композиционная особенность повлекла за собой своеобразное развитие мысли поэта, тематику частей стихотворного цикла, на первый взгляд не имеющих прямой связи. Так, 1-я и 2-я части связаны между собой чисто лирической связью — о себе и о своем отношении к морю говорил поэт:

Нам порой бывает суждено
Чувствовать себя его волнами:
Солнце в небе светит нам одно
И одни дожди идут над нами.

Это можно отнести и к каждому человеку. Стихия свободы и вечности — вот что особенно дорого поэту, потому что, по мнению Кулиева (в этом он повторил Пушкина), сам поэт — это свободная стихия. У Кулиева к морю уважительное отношение, как к горам, о которых поэт од-

нажды сказал: «Выше вас только солнце и бог». Горы и море не подвластны никому, они прочны, постоянны. И это сознание определяет в герое душевную гармонию, покой, мудрость. «Вечны на земле добро и зло, люди, смертные, мы тоже вечны», — итожил лирический герой, выражая диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность процессов жизни.

В 3-й части другой поворот мысли — желание подвести итог прошедшему, вспоминая друзей: «Здесь, у моря, я друзей своих, всех до одного, припомнить силюсь». Далее, в 4-й части, тема заключена в биографические рамки: сожаления о несбывшихся грезах, боль утраты, тяжесть бед («Будто бы мечты мои былые не терялись никогда на дне тех пучин, что глубже, чем морские»). Здесь через раздумья об определенном периоде жизни героя, быть может и самого поэта, просматривается история его поколения.

В 5-ю часть цикла стихов включился новый мотив — об одинокой сосне, устоявшей в бурю, как о символе стойкости и непобедимости жизненного доброго начала. Размышления о сосне закончены уверенным обобщением, исполненным веры в справедливость («добро порой сильнее зла»), в разумное начало. Здесь выявляется духовно-нравственная концепция поэта.

Эмоциональное напряжение несколько спадает в 6-й части, в которой главенствует мотив прощания с заходящим солнцем («Почему-то мне особо мил час прощанья с солнцем заходящим»). Здесь значительно усложняет и углубляет поэтическую мысль образ женщины на фоне морского прибоя:

Пламень солнца в волосах ее,
Рокот моря, берегов молчанье
И ребенок на руках ее
Подтверждают вечность мирозданья.

Женщина с мирно спавшим ребенком на руках — олицетворение непреоборимой силы жизни, мира и покоя на земле.

В 7-й части дан задушевный образ родного края и раздумья о нем. Отчая земля для героя священна, в ней истинные истоки любви к Родине. Кулиев всегда говорил о ней просто и проникновенно:

...где весной кизил цветет,
Где всегда хранят молчанье скалы,
Где у дома тесный огород
В дни былые мать моя копала.

Любовь к морю сродни чувству привязанности к малой родине, и выражается она в сосредоточенном раздумье, где чувствуется некий укор самому себе:

Может быть, я тяжко согрешил
И виновен перед краем отчим
В том, что я и море полюбил,
Ширь его увидевши воочью.

Последняя часть, 8-я, возвращает нас к 1-й части цикла. Итак, спонтанность развития тем в цикле стихов «Море» только кажущаяся. Каждая часть, состоявшая из пяти четверостиший, лирически завершена и подводит итоги жизнеутверждающей философии поэта, его эстетическим взглядам. В целом весь цикл стихов «Море» построен так, что темы каждой части сменяются так естественно, как сменяются мысли человека. Однако внешней непоследовательности частей противостоит внутренняя согласованность. Внутренняя композиция, взаимосвязь всех частей определена строем поэтической системы. Так, цвет заходящего солнца на море напомнил поэту красоту кизила у родной реки Ак-Су:

Там, на море, солнце, заходя,
Красную дорожку прочертило,
Мне напомнив красноту кизила
У реки Ак-Су после дождя.

Торжество предвечерья, благость, очарование минут, когда приходят синие сумерки и «ложится на морскую гладь лунный свет, как в первый день творенья», переданы конкретными деталями, вызывавшими определенные ассоциации, и они соответствовали лирической тональности всего цикла стихов. В эти часы в таинственной тишине у моря герою думалось о вечном, и, вслушиваясь в себя, он начинает понимать по-иному жизнь, а сердца его касались щемящая грусть и боль:

Под сосной сижу я на песке,
Постигая благодать покоя,
И проходит тихо предо мною
И мелькает где-то вдалеке
Жизнь моя — все доброе и злое.

Цикл стихов «Море» позволяет увидеть, что патриотическое чувство, которое явственно звучало в стихотворениях, написанных в это время, таких, как «Благодарю тебя, земля моя родная...», «Трава и снег», «Гор этих в мире роднее нет...», здесь гораздо более определенно: истинная любовь к родине начинается с любви к отчему дому, и даже краткая разлука с ним вызывает светлую печаль, грусть по родным, привычным с детства картинам. Отсюда и неожиданные метафоры и уподобления — красная дорожка заходящего солнца сравнивается с краснотой кизила, а вечер — буйвол серый. Последняя метафора основана на зрительном образе, что не свойственно Кулиеву. «Метафоры Кулиева основаны не на зрительности, а на внутреннем ощущении», — убежден Станислав Рассадин. Замечание верно, когда Кулиев пишет о горах, о родных, знакомых с детства местах. Тогда, по словам Рассадина, зрительные ассоциации для него вообще не играют большой роли: взгляд привык к горам, нет никакой внутренней потребности искать хотя бы невольно их похожести на что-то иное. Другое дело море, безбрежное пространство, с его постоянно меняющейся картиной, вдали от которого вырос поэт.

Море у Кулиева изображается в движении, в процессе смены явлений, при переходе одного состояния в другое. Важную художественную роль здесь играют подвижное, динамическое построение стиха, предметно точные детали. Поэт много раз видел море, но в этот раз, в 1973 году, когда у него окончательно созрел замысел, он вновь открыл его для себя, «постигая благодать покоя», и оно поразило его необычайностью, открывшейся острому взгляду художника. Реальные факты (темная волна, мельканье молнии, ночная буря) и их романтическая интерпретация сказались прежде всего в очеловечении увиденного мира. Отсюда разговор с морем, обращение к нему, просьба:

Ты неуспокоенных людей
В час покоя озари покоем,
Море, награди добро людское
Широтой и вечностью своей.

Ярко окрашенные романтические образы с помощью неожиданных метафор и сравнений помогали создать красочный, неповторимый мир природы, тот мир, к которому

поэт привык у себя на родине — в ауле Верхний Чегем, на Безингийском перевале, Хаймашинских пастбищах.

Таким образом, в цикле стихов «Море» налицо романтический принцип изображения жизни. «Поэзия мысли и сердечного воображения», субъективно-романтическое начало в этих стихах объяснялись духовными устремлениями Кулиева, особенностями его художественного творчества 70-х годов. По меткому замечанию М. Горького, в «крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены».

В цикле стихов «Море» прозвучал пафос утверждения жизни, мотив раздумья о нашем современнике: окажется ли он способным отстаивать нравственную чистоту и быть готовым на крутых поворотах истории на подвиг и борьбу за правду века, за общечеловеческие вечные ценности. Стремление к идеалу невозможно без романтической окрыленности и реалистического выражения эстетических потребностей людей разных вер и культур, без их единства и дружбы.

Здесь, у моря, я друзей своих,
Всех до одного, припомнить силюсь,
Всех сегодняшних и всех былых
Где б сейчас они ни находились.

Цикл «Море» — произведение сложное по композиции и глубокое по мысли, с его национально-патриотическим и гуманистическим пафосом, философскими мотивами, лиризмом, языковым богатством — приближается по сути своей к лирической поэме.

Это не единственные стихи, посвященные Балтийскому морю и Латвии. Такие, как «Говорю морю», «Петух на взморье», «Дубулты», «Иду по песку», тоже о его любви к тем местам, где поэт любил ходить и дышать сосновым воздухом, видеть белых чаек, отдыхающих на песке, «незнойный солнца жар и трав зеленопламенный пожар, и то, как, приплывя издалека, спокойны, величавы облака, над морем и над домом проходя»[447] (перевел Д. Долинский).

Приезжая сюда, поэт наслаждался покоем. Все тревоги и заботы уходили прочь, наступали часы плодотворного труда, минуты вдохновения.

---

[447] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 223.

И этим летом вдалеке от гор
Мне Балтика опять ласкает взор.
Хожу, сосновым воздухом дышу
И дело свое делаю — пишу, —

писал Кулиев в стихотворении «Дубулты». И чуть дальше снова: «Мне здесь спокойно. В тишине ночной мои раздумья-спутники со мной. Ни беготни. Ни суеты. Как лист бумаги белой — я душевно чист здесь, у волны балтийской! Мне при ней писалось хорошо немало дней». Здесь у Кулиева был свой, особый мир, озаренный светом утренней и вечерней зари — часов, наиболее любимых поэтом («Выходим к морю, жизнь благодаря за то, что снова радует заря»). С детским простодушием и несколько лукавым юмором он воскрешал в памяти подробности быта, милые для него мелочи, которым тоже нашлось место в этих стихах:

И, слыша, как вдали гремит вода,
Пьем кофе или рюмку иногда
Поднимем вечерком. И — сладко нам.
Порою комары, по вечерам,
Бог весть за что озлясь, на свет слетясь,
Когда нет ветра, донимают нас.
Но это не беда. Все мило мне.
Шумела б только Балтика в окне[448].

Перевел *Д. Долинский*

Сущность своих взаимоотношений с Латвией, ее природой, людьми, которых лично знал Кулиев, и со всеми теми, кто встречался на его жизненном пути, поэт выразил в своем художественном слове. Никого не забыл, если даже это была единственная встреча в далекие для него годы, первые годы жизни в Киргизии. Так, об этом очень интересно рассказал Иокубас Склютаускас в статье «Незабвенный», в которой он вспоминал, как в 1945 году первый раз встретил Кулиева на вечере дружбы литовской и киргизской литератур в республиканской библиотеке г. Фрунзе[449].

И через 30 лет Кулиев вспомнил Иокубаса Склютаускаса, узнал его и стал тактично расспрашивать о быстро промелькнувшем времени, о судьбе литовских друзей. Оба

---

[448] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 222.

[449] Остаться в памяти людской. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 105.

они летели самолетом во Фрунзе и были участниками Дней советской литературы (1975). «...Мои мысли неожиданно нарушил гомон, смех, — писал об этой поездке Иокубас. — Кто же это так веселит всех? Да ведь впереди сидит Кайсын Кулиев. Он всегда славился как человек с «веселыми легкими». Любил сердечно пошутить, других повеселить своими витиеватыми афоризмами горца, остротами. Простой, искренний, дружелюбный... Таким знают его все. Встретиться с ним — всегда большой праздник». Пожалуй, в связи с этим высказыванием Иокубаса можно привести в качестве примера письмо начинающего поэта Зиновия Вальшонок, который встретился с Кулиевым на отдыхе в Прибалтике и после этого стал его другом. «Добрый день, дорогой Кайсын! — писал он 24 октября 1976 года из Москвы. — С теплым чувством вспоминаю дни нашего совместного отдыха в Прибалтике, где Вы, кажется, отдыхали и в нынешнем году.

Как Вы живете, как здоровье, что нового в поэтических делах?

Недавно в издательстве «Современник» вышла моя книга стихов «Яблоко согласия». Посылаю ее Вам. Познакомьтесь, почитайте стихи, может быть, они Вам приглянутся.

Робею обращаться к Вам с просьбой, дорогой Кайсын... Но я был бы бесконечно благодарен, если бы Вы смогли откликнуться хотя бы маленькой рецензией на ее выход в свет. Ведь это моя первая книжка в Москве, и Ваше мнение и доброе слово, которое для меня ценны и дороги, меня бы очень поддержали.

Лена, которая с удовольствием вспоминает наше знакомство на Рижском взморье, шлет Вам душевный привет.

Напишите. Крепко жму руку. Ваш З и н о в и й В а л ь ш о н о к»[450].

Писатели и поэты Литвы знали Кайсына Кулиева и оставили о нем хорошие отзывы. Так, получив в подарок «Книгу земли», Эдуардас Межелайтис писал ему в 1972 году из Вильнюса: «Дорогой Кайсын—высокая ты моя Кавказская Гора! Спасибо тебе за то, что не забыл меня — как другие счастливые. Я глубоко взволнован. Твою книгу стихов я прочитал с большим вниманием, с радостным чувством, с чувством счастья в груди. Умная и поэтичная кни-

[450] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 30, л. 1.

га. Высокая песнь — Песнь Песней. Не спускайся вниз — по узкой тропе. Будь орлом в горах! Будь носителем прометеева огня... Приятно прочитать книгу стихов — мужественную книгу, в основу которой заложена философия жизни. Смотри на белые вершины гор. Желаю тебе доброго, крепкого здоровья и новых прекрасных стихов. Будь счастлив в горах».

Через два года он поздравлял Кайсына с получением Государственной премии СССР. 16 ноября 1974 года он писал:

«Дорогой Кайсын! — любимый мой брат, разреши крепко тебя обнять и поздравить с присуждением тебе Государственной премии. Я очень и очень рад за тебя. Хотя считаю, что это только временная награда. Должно, обязательно должно быть больше! Ты такой сильный, такой крепкий и такой настоящий — что все еще впереди. Я верю в твой огромный талант, в твои духовные силы — ты напишешь **еще такую книгу,** которая удивит всех — весь мир. Сделай это, дорогой друг, я очень тебя прошу. Не разбрасывайся по сторонам и по мелочам — смотри в главное. Желаю тебе творческого счастья и успеха.

Прости за то, что не поздравил тебя раньше. И теперь я пишу еще из больницы. Ты — Прометей и ведешь борьбу со скалами. Я — Сизиф и веду борьбу с камнями, но не отдам этих камней хирургу. Это мои собственные камни. За всю жизнь их не так мало в меня набросали. Теперь вместе с желчью буду их бросать обратно. Какой писатель без желчи. Решил — пусть мои собственные камни останутся при мне. Они мне еще пригодятся.

Обнимаю. Твой Э. Межелайтис»[451].

Такая высокая оценка поэзии Кайсына Кулиева, и в частности этой книги стихов, свидетельствовала о том, с какой чуткостью и вниманием относился Межелайтис к успехам своего собрата по перу. Прочитав его письмо, Кулиев написал следующее: «Меня всегда приятно удивляет, волнует, что Эдуардас Межелайтис, большой поэт, государственный муж, без сомнения заваленный работой, всегда находит время не только прочесть мою поэтическую книжицу, но и написать письмо, посоветовать, поддержать. Спасибо поэту — я понял добросердечное пожелание мне. Он знает и то, что высокие горные вершины, их белизна

[451] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 113, л. 96.

всегда связаны у меня со стремлением поэта к правде, свету, добру».

Прочные дружеские связи были у Кайсына с другим известным поэтом — Альгимантасом Балтакисом. Познакомились они давно, когда оба были в Праге в 1966 году и встретились на творческой дискуссии, где Кулиев выступал с докладом «Традиции и поиски нового». Там же выступал и поэт Ярослав Смеляков. Все они трое представляли советскую делегацию и старались, как говорят, «не ударить в грязь лицом». Кулиев тогда много говорил о поэзии Сергея Есенина и Александра Твардовского, об их новаторстве, о единстве содержания и формы. Этот симпозиум помог многим понять друг друга, так как всех участников этого ученого форума волновали актуальные проблемы современной поэзии. Балтакис внимательно слушал горячее и взволнованное выступление Кулиева. Позже он писал об этой встрече с балкарским поэтом: «Всех участников разговора К. Кулиев удивил органичным сочетанием крестьянской мудрости и широкой европейской эрудиции». Что же могло так удивить европейских представителей поэтического мира? В какой части доклада прозвучала **крестьянская мудрость** Кулиева? Может быть, в этих доводах:

«Я, как и выступавшие здесь до меня, считаю, что новизна для поэзии необходима. Это касается и содержания и формы. Ведь в жизни всегда все обновляется. Даже землю пахали не во все времена одинаково, изобретались новые способы и орудия. Так же строились и жилища. Может быть, не меняется только сияние звезд над полем и лунный свет, ложащийся на крыши наших домов. Для того чтобы понять это, не надо быть большим философом. Традиции и новаторство тоже, разумеется, бывают разные. И отношение к ним должно быть умным. Разве новейшая русская поэзия, к примеру, могла обойтись без пушкинских традиций и опыта, не опираться на них?»[452]

Хорошо знали Кулиева молодые ученые. Они искали в лице поэта поддержки и не раз обращались к нему за советом и помощью. Так, Б. Ж. Калнача направил ему свой автореферат кандидатской диссертации «Фольклор как источник детской поэзии Я. Райниса» и письмо, в котором

---

[452] *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: Современник. 1975. С. 395.

просил Кайсына написать отзыв на его автореферат. Оно было отправлено из Риги 20 марта 1980 года.

«Многоуважаемый народный поэт! Кажется, это было уже очень давно, когда Вы были в Риге и своими стихами покорили наши сердца навеки. С тех пор у меня хранится сборник Ваших стихов с Вашим автографом.

Эти годы прошли в работе. Теперь у меня предстоит защита, после некоторых осложнений, о которых не будем сейчас...

Знаю Вас как писателя, который, подобно Райнису, пишет стихи для детей и любит фольклор своего народа. В связи с этим я осмеливаюсь послать Вам автореферат своей кандидатской диссертации для ознакомления и, если Вы найдете это возможным, попросить от Вас краткий отзыв.

Привет также от моего родственника Андриаса Веяна. Он сейчас серьезно работает в Дубултах.

Разрешите заранее поблагодарить Вас за отзывчивость. И до новой встречи в Риге.

Искренне Ваш Б. Калнача»[453].

На автореферате было написано: «Уважаемому Кайсыну Кулиеву, большому другу латвийской литературы!»

Кулиева как поэта хорошо знали в Прибалтике. Союз писателей Латвии поздравлял его со многими знаменательными датами. Так, в связи с 60-летием со дня рождения поэта коллеги писали: «Сердечно приветствуем и поздравляем Вас, прекрасного человека, талантливого поэта, испытанного и преданного друга Советской Латвии с Вашим славным рубежом творческой и человеческой зрелости — 60-летием поздравляем! Желаем плодотворных и многих лет жизни. Пишите много книг, хороших и разных. Бодрости, силы, здоровья!»[454]

Дружба с поэтами Латвии продолжалась до последних дней творческой жизни Кулиева. Даже находясь в больнице в Москве, он много читал газет, журналов, отмечал появившиеся в печати хорошие стихи. Кайсын рассказывал Иокубасу Склютаускасу: «Решил я в своей палате сделать поэтическую «Доску почета». Ведь я получаю массу всяких журналов, газет; прочитываю все и лишь только наталкиваюсь на талантливое стихотворение, вырезаю и вешаю на стене. Пусть и другие прочтут, вместе со мной по-

[453] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 13, л. 1.
[454] Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 58.

радуются. Первым поэтом, украсившим мою «Доску почета», стал Альгимантас Балтакис. Как раз в это время «Литературная газета» опубликовала ряд стихотворений А. Балтакиса. Очень хорошие стихи».

Кайсына Кулиева теперь нет в живых. Он уже ничего не скажет и не напишет о поэтах Балтики, своей дорогой Латвии, где ему было всегда так хорошо и спокойно; именно здесь он создал много прекрасных произведений, созвучных времени и нравственным принципам эпохи, сказал задушевные слова о латышах, воспел море, дюны, песок. Пережил сладчайшие воспоминания о детстве, когда утром, «летом, в умытом росою Чегеме, или — зимою, когда в снегопад дворик становится сахарно-белым», пел петух и его будила мама. Так и здесь, «в Дубултах, около дюн, около моря, я вздрогнул, услышав крик петушиный. Мне стало легко,

Будто вот-вот меня мама поднимет
Прикосновением легким, как тень,
Сладким, как воспоминанье о маме...
Так он поет, одинокий петух,
Нынешним летом около моря
Каждое утро. И горестно мне:
Мама меня никогда не коснется»[455].

Перевел *Д. Долинский*

«Петух на взморье» — так называется стихотворение, одно из последних, которые Кулиев писал в 1985 году. Для Иокубаса Склютаускаса поэзия Кулиева бессмертна. «...О нем мы говорим и сегодня так, — писал он, — словно он живет среди нас. Потому что умирают ведь только те, кого забывают. А для нас он незабвенен».

---

[455] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 212.

Часть III

Зарубежные Восток и Запад в творчестве Кулиева

КОГДА Я ГОВОРЮ С ГОРАМИ,
Я С ЦЕЛЫМ МИРОМ ГОВОРЮ.

К. Кулиев

В своей книге «Так растет и дерево» Кулиев писал: «Мне приходилось побывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы. Я люблю свой дом и мир». У балкарского поэта было много друзей за рубежом. Заграничные поездки способствовали установлению дружеских связей и знакомств со многими писателями и поэтами, с которыми Кулиева связывало светлое чувство — любовь к художественной литературе. Его литературные взаимосвязи с писателями Востока и Запада были довольно обширные и прочные. Это и венгерский поэт Антал Гидаш, и польский поэт и переводчик стихов Кайсына Витольд Домбровский, и арабский поэт Муин Бсису, о котором Кулиев написал статью «С родиной в сердце», и прогрессивный французский писатель Робер Мерль, и болгарский поэт и переводчик Н. Христозов, и многие другие. С ними он не раз встречался, беседовал о поэзии, говорил о мире, о будущем их родины и своего родного края. Общение с ними продолжалось и потом — в переписке, в обмене художественными произведениями в их приезды в Советский Союз.

Современный литературный процесс был связан со всеми социально-политическими событиями XX века. Люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят подлинно художественное слово, если даже оно доходит до них в переводе. Зарубежный читатель и зарубежная критика высоко оценивали поэтическое слово Кайсына Кулиева, получившее тогда не только всесоюзное, но и всемирное признание. Так, говоря о Кулиеве как о художнике, поэт А. Тарковский тонко и точно подметил главное в нем: «Кайсын Кулиев — поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии... Он поэт всего мира... Интересы всего человечества, очень широкие слои всего человечества нашли уста в этом поэте». Действительно, Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее. Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились доказательные слова о необходимости мира

на Земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери».

Поэзия Кулиева нашла путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал, например, преподаватель русского языка в женской гимназии Альберт Расмуссен, американец, проживавший в ФРГ: «Ваши стихи просто поразили меня великолепной красотою. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «Женщина, которая купается в реке», не зная зла, и смерти, и вьюги, зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран!.. Я читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи тронули меня больше, чем все другие. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени. Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич!»

На французский язык произведения балкарского поэта были переведены еще в годы Второй мировой войны. Когда Кулиев сражался на фронте вдали от родного края, он написал стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!». Его впервые опубликовала 15 сентября 1942 года «Правда». Стихотворение передавалось многими радиостанциями стран Европы и Азии. На французском языке оно было напечатано в 1943 году в журнале «Ля литератур интернациональ» (1943. № 1. С. 57—58). В 1963 году на французском языке было опубликовано стихотворение Кулиева «Когда ты глядишь на меня...» в журнале «Эвр э опиньон» (№ 6. С. 137), а в 1976 году — «Берегите детей!» в журнале «Лотус» (№ 2. С. 65) и в др.

С прогрессивными деятелями культуры Франции Кулиева связывали общие интересы по работе, особенно в области художественной литературы. Так, писатель Робер Мерль переписывался с Кайсыном и высоко оценил его творчество. С ним Кулиев встретился в декабре 1972 года, когда в составе делегации Союза писателей СССР он побывал во Франции вместе со своими друзьями — Михаилом Дудиным, Расулом Гамзатовым и Робертом Рождественским. Робер Мерль сердечно приветствовал представителей многонациональной поэзии Советской страны на своей вилле «Маль-Мэзон». В дружеской беседе были затронуты актуальные вопросы литературы и искусства, воспитания молодежи. Эта беседа нашла свое продолже-

ние в завязавшейся затем переписке между Кайсыном Кулиевым и Робером Мерлем. Письма были опубликованы в «Литературной газете» (1974. 20 марта). Это — известное письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания».

Касаясь проблемы молодежи и задач писателя по отношению к ней, Кулиев писал в своем письме к Роберу Мерлю: «...нам ведь хочется, чтобы наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно ли это или нет? То, о чем я говорю, касается молодежи не только одной моей Родины. Речь идет о детях всех народов».

Теоретические положения обоих художников о соотношении положительных и отрицательных сторон в интеллектуальной жизни современной молодежи, о позиции художника в осмыслении жизненных явлений сочетались в этой переписке с конкретным анализом их творчества, сущности и особенностей его. Р. Мерль отметил национальную самобытность и силу художественного воздействия поэзии Кулиева. Он писал: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение». Этой высокой оценкой Кулиев гордился и, вспоминая свое посещение городов Парижа, Ниццы, Экс-ан-Прованса, рассказывал: «Наша поездка во Францию была полезной. На мой взгляд, она оказалась очень полезной потому, что живое общение литераторов разных стран не может заменить даже самая лучшая книга. Мы встречались с читателями в различных городах Франции, и всюду аудитории были полны...»[1] На одной из встреч со студентами вуза и преподавателями г. Марселя Кайсына спросили:

— На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг Гамзатов?

— Я — на балкарском, Расул — на аварском.

— И Вас так широко читают в Советском Союзе? — удивился француз.

То, что за рубежом вызвало тогда большое удивление и недоверие, в Союзе было привычным явлением: дости-

[1] Пять рассказов о Франции // Литературная газета. 1973. 17 янв.

жения любой из национальных литератур страны сразу становились достоянием всех народов СССР. Стихи Кулиева звучали на русском и даргинском, грузинском и азербайджанском, чеченском и якутском, туркменском и таджикском, киргизском и белорусском языках в переводе лучших национальных поэтов.

Духовное общение между писателями разных стран играет важную роль, способствуя развитию чувства взаимопонимания и взаимоуважения. Кулиев побывал во многих странах мира: в Монголии, Франции, Югославии, Японии, Польше, Англии, Венгрии, Индии, Италии, в которых стихи его издавались и пользовались большим успехом. Так, в предисловии к вышедшему в Болгарии в 1969 году сборнику избранных стихотворений К. Кулиева составитель и переводчик Николай Христозов писал: «Кайсын Кулиев — сын своего времени. Век долго не думал — оставил ему великое право говорить от имени Человека. Быть может, этим объясняется чувство планетарности в поэзии Кулиева»[2].

В Чехословакии были опубликованы такие стихи Кулиева, как «Строки любви к Праге», «Прощание с Прагой», «Дождь в Братиславе», «Стихи, написанные в городе Скопле», «Стихи, написанные по пути из дальних стран» и другие, в которых Кулиева волновали те же вопросы, что и многих писателей и поэтов мира — о гуманизме и взаимопонимании, мире и согласии. Народы должны жить в дружбе и помогать друг другу в борьбе со стихийными силами природы и общественными катаклизмами за свободу. Эти поэтические раздумья поэт воплотил в «Стихах, написанных в городе Скопле»:

Земля одна, и всякая напасть
Во всех концах бедою отзовется,
В каком краю земля б ни сотряслась,
Она и под тобою сотрясется[3].

Перевел *Н. Гребнев*

В архиве Кулиева сохранились издательские договоры.

---

[2] *Эфендиева Т. Е., Джиоева Л. Х.* Зарубежный читатель о Кайсыне Кулиеве // Читатель и современный литературный процесс. Грозный: ЧИГУ, 1989. С. 249.

[3] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 113.

Есть такой и из Праги от 30 августа 1976 года за подписью директора издательства «ДИЛИА» Карела Боунье[4].

О высокой оценке произведений Кулиева свидетельствовали многие письма рядовых иностранных читателей, поэтов, адресованных Кайсыну. Вот что писал Мечислав Кргоун из ЧССР: «Читая Ваши стихи, я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею»[5].

Поэт и переводчик стихов Кулиева из «Книги земли» Вацлав Йелинек писал ему 21 января 1975 года:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич, я желаю Вам и Вашей семье всего доброго в юбилейном 1975 году. Я рад, что могу написать Вам добрую весть: окончил переводы Ваших стихов для чехословацкого народного издательства. Книга, которая появится в Чехословакии, будет выпущена в начале 1977-го. Она будет состоять из стихотворений, которые я выбрал из Вашей «Книги земли». Это избранное я дополнил 8-ю стихотворениями из цикла стихов «Радость — золотая птица», которые Вы печатали в прошлом году в газете «Литературная Россия».

Я уверен, что Вас, как поэта, ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи глубоко гуманистические, богатые, как богат Ваш язык. Меня глубоко потрясла сила Ваших стихов.

Надеюсь когда-нибудь, если позволит судьба, до конца жизни увидеть Ваш родной Чегем.

О себе: я — чехословацкий писатель, переводчик и журналист. Я перевел на чешский язык А. Твардовского, которого Вы тоже любите, Винокурова и Вершинина. Это все книги переводов.

Перевожу я также для радио и газет. Перевел целую плеяду советских поэтов на чешский язык. Это Дудин, Слуцкий, Смеляков, Светлов, Бровка, Евтушенко, Межиров, Берггольц, Чиковани, Абашидзе, Берзлова, Кугультинов и др. ...Я буду рад, если от Вас получу новые книги стихов и прозы. Читал я и Ваш разговор в «Литгазете», когда Вы получили Госпремию.

Желаю Вам и Вашей семье счастья и здоровья. Если

---

[4] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 105, л. 7—8.

[5] *Эфендиева Т. Е., Джиоева Л. Х.* Зарубежный читатель о Кайсыне Кулиеве // Читатель и современный литературный процесс. Грозный: ЧИГУ, 1989. С. 250.

найдете время, напишите мне несколько слов о своей сегодняшней работе. Буду ждать.

Очень много говорил мне о Вас чешский поэт Иосиф Ганзлик. Вы были вместе в Монголии несколько лет назад (по «литературной командировке»). Я писал Вам в прошлом году в Нальчик, но не знаю, был ли там правильный адрес.

Ваш Вацлав Йелинек.

Мой адрес: Прага, 5, ул. Наскова, 61, 42. РСЧ. 15000. Чехословакия»[6].

Критики и литературоведы, поэты и писатели, постигая художественный мир Кайсына Кулиева, благодарили его за умение быть близким по духу человеком, раскрывать красоту мира, показывать любовь к живой и неживой природе. Так, Марта Вебер, поэтесса из ГДР, писала ему. «...Ваши строки взволновали и обрадовали мое сердце, потому что я разделяю Вашу любовь к деревьям... С того момента как я прочитала Ваше письмо, Вы стали каким-то образом мне внутренне близки, стали ближе **как друг, которому можно довериться** во многих вещах... Литература — то же самое, что и музыка: у нее нет границ»[7]. Из ее писем к Кулиеву видно, что ее привлекало в поэзии Кулиева: сходные мотивы, любовь к природе, умение общаться с неживой природой и тем самым выражать свои чувства, мысли. Так, в одном из таких писем Кулиеву мы читаем: «Я написала так много стихов про деревья, что они могут целиком заполнить много книг. Одна называется «Рябина», а другая «Береза».

Хотелось бы выпустить еще несколько книг, но на это нет ни малейшей надежды.

Я позволила себе послать Вам несколько стихов под впечатлением Вашего письма к Р. Мерлю. Я очень надеюсь, что Вы мне ответите. Лев Гинзбург в 1955 г. в новом журнале «Молодая гвардия», который тогда только что начал выходить, напечатал несколько моих стихотворений в переводе Беллы Ахмадулиной. Одно из них на свой язык перевел поэт Коми, о чем поставил меня в известность.

---

[6] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 56, л. 1.

[7] *Эфендиева Т. Е., Джиоева Л. Х.* Зарубежный читатель о Кайсыне Кулиеве // Читатель и современный литературный процесс. Грозный: ЧИГУ, 1989. С. 250.

Л. Рудная послала мой сборник стихов «Береза» писателю Г. Раитгаузу, но, к сожалению, он до сих пор мне не ответил, также и Лев Гинзбург, которому я послала свои стихи. Это очень больно для меня, потому что я хочу поддерживать отношения с дружественными мне сердцами.

Я очень живо вижу Ваш Кавказ перед собой. Я написала много стихов о тоске по чудесным горам. Эти стихи, наверное, все еще у Гинзбурга, если он не уничтожил их или не выбросил из-за недостатка времени или отсутствия интереса к ним. То и другое больно для меня.

Я послала госпоже Рудной письмо и просила ее переслать его Вам.

На дворе у нас сентябрь, видны приметы близкой осени, как желтеют на деревьях листья, и мне видно, как они падают...

Осень вдохновляет поэта, и он воспевает времена года, а вместе с ними и изменяющийся мир. И после нас придут поэты, которые в чудесных стихах опишут красоты родной природы.

Желаю Вам хорошей весны и новых стихов о деревьях»[8].

У Кулиева действительно много стихов о деревьях, и все они нравятся немецкой поэтессе, особенно такие, как «С той чинарой — другой...», «Опять иду я меж деревьев старых...», «Высокие деревья», «В саду не осталось деревьев», «Сосны под моим окном», «Песня деревьям», «Говорю дереву во дворе». Метафористическая тема дерева у Кайсына Кулиева взята, на наш взгляд, у испанского поэта Гарсиа Лорки, которого горский поэт переводил на балкарский язык, хорошо знал его творчество, восхищался каждый раз его художественной образностью.

Марта Вебер заметила эту особенность в поэзии Кулиева, так как сама много писала о деревьях, и эта тема привлекала ее не меньше, чем горы.

Кулиев ответил поэтессе, как отвечал многим, нуждавшимся в общении именно с ним, сказал ласковые, ободряющие слова. Это видно из письма, которое получил он от нее.

«Глубокоуважаемый Кайсын Шуваевич! — писала она.— К этому письму я хочу добавить следующее: в

---

[8] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 42, л. 3—4.

№ 6 журнала «Советская литература» напечатана повесть Алима Кешокова «Вид с белой горы», где он несколько раз упоминает Вас, и теперь Вы уже не чужой мне человек. Вы стали ближе. Мне кажется, что я вижу, как Вы идете плечом к плечу освобождать свою Родину. Можно позавидовать тем писателям, которые познали всю тяжесть борьбы, чтобы освободить родину и познать сладость Победы.

Так много погибло людей в то время и с тех пор выросло так много новых!

Я позволила себе послать Вам несколько своих стихотворений и поблагодарить Вас за то, что Вы вдохновили меня!

Передайте от меня, если это возможно, привет Алиму Кешокову.

С сердечным приветом сквозь границы

Марта Вебер[9].

Некоторые письма, которые хранятся в архиве Кулиева, написаны на немецком языке, которого поэт не знал. К ним приложены стихи на родном языке Марты, подстрочников на русском языке не было[10]. Если бы М. Вебер хотела, чтобы их перевели на русский или на балкарский языки, то она бы должна была снабдить их подстрочниками, поэтому непонятно, с какой целью она прилагала к письмам свои стихи, зная, что Кулиев не сможет их прочитать. При этом М. Вебер посылала свои письма в Москву, в Союз писателей СССР, адресуя их Нине Куприяновой. А та их из Москвы отправляла в Нальчик Кулиеву.

«Дорогой Кайсын Шуваевич!—писала она.— Пользуясь случаем, еще раз поздравляю Вас с высокой наградой. Мы все очень порадовались за Вас, большого, настоящего поэта, чьи стихи так близки людям, любимы ими, чье сердце открыто людям, а взгляд так чуток.

Теперь, когда Ивана Пелуговича нет уже в живых, я часто вспоминаю Ваше «Ванечка! Что ты такой грустный? Такая печаль в глазах?» Видимо, тогда, в Дубултах, Вы были более чутки к людям, чего даже самые близкие не замечали...

Посылаю Вам письмо и стихи читательницы Марты

---

[9] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 42, л. 3—4.

[10] Там же.

Вебер из ГДР, которая интересуется Вашим творчеством и разделяет Вашу любовь к природе.

Будьте здоровы, счастливы. Всего Вам самого доброго.

С уважением Нина Куприянова»[11].

Кулиев получал письма из Германии обычно через Союз писателей СССР. Так было и в феврале 1972 года, когда он получил телеграмму от правления Союза писателей СССР. В ней сообщалось:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Секретариат правления Союза писателей СССР посылает Вам письмо, присланное нам правлением СП ГДР.

Секретариат правления СП СССР придает большое значение выпуску специального номера журнала «Новая немецкая литература», посвященного современной литературе, и просит Вас, уважаемый Кайсын Шуваевич, дать согласие на эту встречу и беседу.

О Вашем решении просим информировать нас в редакцию «ННЛ».

С уважением Н. Федоренко, секретарь правления СП СССР»[12].

Через несколько дней Кулиев получил письмо от главного редактора этого журнала, доктора наук Вернера Нойберга.

«Многоуважаемый тов. Кулиев,— говорилось в нем.— Мы обращаемся к Вам со следующей сердечной просьбой.

В ознаменование предстоящего в ноябре 1973 года съезда писателей ГДР мы хотели бы в одном из выпусков журнала «ННЛ» осветить актуальные вопросы и опыт нашей социалистической литературы СССР и ГДР. Этот выпуск должен поднять подлинные вопросы развития и опыт литературного творчества и попытаться ответить на них. При этом будут затронуты вопросы романа, драматургии, лирики, репортажа, литературной критики и творческого роста молодых талантов. В ходе обсуждения с комиссией по зарубежным связям Вашего Союза писателей мы разработали предложения, чтобы Вы и Хельмут Прайслер из нашей республики провели подобную беседу о возможностях современной лирики, чтобы оживить са-

[11] Там же, л. 1.

[12] Там же, оп. 3, ед. хр. 60, л. 1—4.

мые разнообразные новые волны мыслей и эмоций личности.

Мы рады, что Хельмут Прайслер с нашей стороны уже дал согласие о проведении такой беседы. В соответствии с предложением Ваших товарищей из СП СССР о том, чтобы вопрос о сроках был решен, по возможности, в ближайшем будущем, мы предлагаем провести эту беседу в течение марта 1973 г.

Позвольте обратиться к Вам с сердечной просьбой: в случае Вашего согласия сообщить нам вскоре об этом.

Осуществление этой цели стало бы подлинно новым шагом в развитии творческого сотрудничества в области литературы между нашими социалистическими Союзами писателей.

С дружеским приветом

доктор В. Нойберг, гл. редактор. 12.02.72»[13].

Кулиев был в Германии, посетил многие города. В столице была о нем интересная радиопередача. В архиве Кулиева хранится эта «Премьера по радио» в исполнении драматурга Рената Апитца, режиссера Фритца Эрнеста Фехнера при участии Манфреда Вагнера, Юргена Фроринома и Хорста Пройскера. В своем письме Прайслер Хельмут, филолог из ГДР, писал Кулиеву 26 октября 1973 г.:

«Дорогой Кайсын Кулиев, прошло полгода с нашей встречи в Москве. Запланированный результат — текст интервью, твои мысли о поэзии и сообщения об общественной работе, которую ты выполняешь в настоящее время, — выйдет в декабре в ННЛ (Новая немецкая литература) вместе с 4 стихами.

Встреча с тобой, твое гостеприимство и наши беседы были для меня так увлекательны, что, кроме запланированного в ННЛ, я еще написал и радиопередачу, в которой будут звучать твои стихи, твои мысли о насущном. Будут и рассказы о нашей общей любви к поэзии, людям: будут рассуждения о гуманизме, человечестве, Кавказе, о наших поездках, дружеских встречах и других приятных воспоминаниях.

Передача получилась хорошая, и о ней много говорят. Я прилагаю рукопись и газетные статьи. Ты прочтешь свое имя, может, кто-нибудь переведет тебе несколько

[13] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 60, л. 1—4.

строк, основные мысли и образы передаст тебе в общих чертах. Я очень надеюсь! Ты будешь рад, что твои стихи звучали у нас и твои мысли действенны.

Шлю тебе сердечный привет. Кавказу тоже! Обнимаю тебя по-дружески. С наилучшими пожеланиями

твой Х. Прайслер»[14].

В конце письма был приписан адрес: Франкфурт-12 на Одере, ул. К. Либкнехта, д. № 64.

Хельмут Прайслер и сам не раз печатал статьи о Кулиеве. В одной из них — «Как я нашел друга»[15] — он писал о своем впечатлении от знакомства с Кулиевым в Москве и о встречах на Седьмом конгрессе писателей в октябре 1973 года в Берлине.

Как поэт-лирик Хельмут Прайслер тонко чувствовал удачно подобранное слово. Поэтому он, рассматривая многие стихи Кулиева, отмечал то особенное, что отличало горского поэта от других. Ему нравилось, как Кулиев передавал свою любовь к людям и родине. «Эта любовь сильная и одновременно нежная,— писал он.— Искренность во всем — это тоже черта поэзии Кулиева».

Литературные связи с Германией у Кулиева были довольно обширные и прочные. Еще в 1972 году редактор журнала «Зиннунд форм» (Берлин) просил прислать стихи, которые надо подготовить к X Международным играм молодежи. Вот что он писал:

«Глубокоуважаемый друг, разрешите обратиться к Вам с просьбой. Летом 1973 года в Берлине состоятся Десятые Международные игры молодежи и студентов. В этой связи наш журнал намерен посвятить борющейся революционной молодежи специальный номер.

Мы просим Вас направить в Берлин любое свое произведение, которое было бы в том или ином номере журнала и связано с темой борьбы молодежи за братство между народами, за мир, социальную справедливость и культуру. Жанр произведения целиком зависит от Вас. Мы будем рады стихотворению, песне, рассказу, эссе, интервью, репортажу и т. д.

Заранее благодарим Вас.

С дружеским приветом профессор, доктор наук Вильь-

---

[14] Там же, оп. 5, ед. хр. 70, л. 1—6.

[15] Газ. «Новая Германия». 1973. 18 окт.

гельм Гиршус, редактор журнала «Зиннунд форм». Берлин. ГДР»[16].

Кулиев понимал: это его работа, там будет публикация его стихов на немецком языке, и он отсылал свои стихи. А когда представлялась возможность, то уезжал в ГДР в составе делегаций, встречался с переводчиками своих стихов и издателями газет, таких, как «Новая жизнь», «Новая немецкая литература», «Новая Германия», «Согласие» и др.

В Берлине стихотворения Кулиева издавались несколько раз[17]. Такие известные немецкие критики и переводчики, как Х. Прайслер, Ф. Хитцер, Ф. Лешницер, Н. Зиннер, С. Ёстеррайхер, Ф. Больгер, смогли замечательно перевести Кулиева на немецкий язык и передать его национальное своеобразие. Они познакомили своих соотечественников с такими произведениями Кулиева, как «Был пахарем, солдатом и поэтом...», «Хлеб и книга», «Терпение», «Да, раны нанесенные любовью...», «Путь мой был труднее с каждым днем...», «Зловещие слова Майданек, Бухенвальд...», «Где-то стонет женщина вдали...», «Живем с тобой каждый день и час...», «Любой навет заранее приемлю...», «Лишь мертвые не ведают тревог...», «И я причинил вам, о женщины, горя немало...», «Мотылек», «Всегда, мой друг, наглядна высота...», «Следы ранений на камнях видны...», «Женщина купается в реке...», «Покоя нет», «Ты не ел такого хлеба...».

Не всем советским писателям выпала такая честь — побывать в Германии на Седьмом конгрессе. Он выехал в Москву, а потом вылетел в Берлин.

Выступая в октябре 1973 года в Берлине на Седьмом конгрессе писателей, Кулиев говорил о том, что художник, не поняв языка родной земли, не сможет понять другого; он приходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа[18].

Проблемами перевода стихов Кайсына Кулиева на

---

[16] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 172, л. 2.

[17] Стихи К. Кулиева в сб. «Вечный огонь» / Пер. Х. Прайслер. Берлин, ГДР, 1976; *Кулиев К.* Играют Шопена // Нойес Лебен. ГДР. 1968. № 10. С. 8; *Кулиев К.* «К коре чинара я прижмусь...» // Нойес дойче литератур. 1978. № 12. С. 48—58.

[18] См.: ст. *С. Хенкеля* об участии Кайсына Кулиева в Седьмом конгрессе писателей // Газ. «Нойес Дойчланд». 1973. 18 окт. С. 4.

немецкий языка занималась одно время преподаватель госуниверситета города Пермь И. С. Головина. Она выступила с интересным сообщением на Всесоюзной конференции, которую проводил Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР во Фрунзе в 1980 году[19].

На этой же конференции выступила старший преподаватель госуниверситета им. И. Франко из города Львова Э. М. Лущак с докладом — «Переводы как один из факторов взаимообогащения художественных культур». Она говорила о новописьменной литературе СССР на испанском языке, начав со слов известного бразильского прозаика Жоржа Амаду, который, выступая на Втором съезде советских писателей СССР (1954), сказал: «...никогда еще в истории писатели не несли такой ответственности перед миром, какую несут советские писатели. И ответственность эта не только перед своим народом, но и перед миллионами и миллионами читателей, разбросанных по всем странам мира»[20]. Убедительно она рассказывала о том, что испаноговорящий мир, насчитывающий более 200 миллионов человек в Испании, Латинской Америке, на Филиппинах и в Африке, знает советскую литературу по переводам и благодаря таким изданиям на испанском языке, как журнал «Советская литература», газета «Московские новости», сборники и книги издательства «Прогресс», а также контактным связям Института мировой литературы им. А. М. Горького с зарубежными писателями и учеными. Имеются и зарубежные публикации в кубинских журналах «Унион», «Мухерис», «Ла гасета де Куба», выходили они и отдельными книгами в Испании, Аргентине и в других странах Американского континента.

Среди авторов младописьменной советской литературы, отличавшихся по количеству напечатанных произведений на испанском языке, Э. М. Лущак выделила киргиза Ч. Айтматова, аварца Р. Гамзатова, казаха М. Ауэзова и балкарца К. Кулиева[21].

---

[19] *Головина И. С.* Современная балкарская поэзия на немецком языке // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма. Фрунзе, 1980. С. 57.

[20] Писатели мира: Октябрь и литература. М.: Прогресс, 1978. С. 252.

[21] См. произведения советских авторов в переводах на иностранные языки. М.: Книга. Указатели за 1954, 1966, 1972, 1976 годы.

Творчество К. Ш. Кулиева за рубежом — неисследованная область в литературоведении. Можно только надеяться, что молодые ученые заинтересуются этой проблемой и займутся сбором материала. Ведь в истории нашей культуры огромную роль играли двусторонние связи культурных обществ, такие, как «СССР — Мексика» и «Мексика — СССР». Подобные связи имелись со многими странами, говорящими на испанском языке. Были и личные контакты у Кайсына Кулиева с известными испанскими и испано-американскими писателями, приезжавшими в Советский Союз и выступавшими на съездах советских писателей. Это Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон из Испании, Николас Гилльен из Кубы, Пабло Неруда и Володя Тейтельбойм из Чили, а также многие другие из Аргентины, Парагвая, Гондураса, Боливии и т. д. С ними Кулиев встречался, много было бесед по вопросам национального своеобразия и художественной ценности культур различных народов, по проблемам перевода, говорили о том, что настоящий писатель должен быть и художником, и гражданином. «Художник не должен бояться трудностей борьбы, — говорил Кайсын Кулиев, выступая на Пятом съезде писателей СССР в 1972 году.— Так велит жизнь. Поэту завещано бесстрашие»[22].

Кайсын Кулиев издавался во многих столицах и городах Европы и Азии: Париже, Гаване, Софии, Мадрасе, Дели, Улан-Баторе, Праге, Скопле и др. Так, в Варшаве в 1973 году была подготовлена и издана книга стихов Кулиева «Раненый камень», в которую вошло 36 стихотворений на польском языке. Ее переводчиком и редактором был польский поэт и критик Витольд Домбровский. 9 марта 1974 года он выслал эту книгу из Варшавы в Нальчик автору этих строк с надписью: «Тамаре Емельяновне Эфендиевой. Витольд Домбровски». На другой странице Кулиев приписал: «Тамаре Эфендиевой с благодарностью. К. Кулиев. 29 января 1979 г.». Может быть, эта благодарность за некоторые биографические материалы о поэте, высылаемые Тамарой Емельяновной по просьбе В. Домбровского.

Вступительная статья, в которой рассказывается о Кайсыне Кулиеве и его народе, написана самим перевод-

[22] Пятый съезд писателей СССР. М.: Сов. писатель, 1972. С. 229.

чиком, то есть В. Домбровским. Он отмечал высокое искусство стиха, особенно ему нравились «Скалы в лунном свете» и «Тихие стихи», посвященные жене поэта Маке Дахкильговой. В мае 1986 года, уже после смерти Кулиева, другой польский поэт и критик, Юрий Виелюнский, прислал в Чегем 1, в музей, сборник стихотворений, в котором были и стихи Кулиева на польском языке.

В Польше Кулиев был несколько раз, его хорошо знали издатели газет, журналов. Об этом свидетельствуют письма, которые получал Кулиев. Вот одно из немногих:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Сообщаем Вам, что «Лодзинское издательство» Польской Народной Республики готовит к изданию «Стихи советских авторов о Польше», в котором планируется публикация и Ваших стихов: «Играют Шопена», «Стихи, написанные по пути из Польши».

Если у Вас будут возражения против публикации вышеназванных стихотворений, просим известить письменно или по телефону 203-37-30.

С уважением — начальник отдела социалистических стран Управления по экспорту и импорту прав на произведения

А. Рунков»[23].

Были и неожиданные предложения, от которых Кулиев не мог отказаться по долгу своей служебной и литературной деятельности. Вот письмо, оно было послано ему 25 июля 1977 года:

«Дорогой Кайсын! С 12-го по 22 сентября с. г. к нам приезжает делегация из Праги во главе с М. Токаром, в составе Мирослава Заградки, видного чешского литературоведа и критика, Яна Вилны, зам. главного редактора нашего издания, тов. Михаила Худу, члена Союза словацких писателей, словацкого поэта. Они хотели бы дня на четыре поехать в Нальчик и надеются на то, что ты их там встретишь и познакомишь с писателями, покажешь свое «ущелье» и окажешь нужное внимание.

Если ты в состоянии это сделать, то назначь им срок пребывания в Нальчике. Так как меня не будет (я уезжаю в отпуск в Болгарию), то прошу сообщить свои соображения в чешскую редакцию, Наталье Николаевне Замош-

[23] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2.

киной по адресу: Москва, 121248, Кутузовский проспект, д. № 1/7. Редакция журнала «Советская литература». Понятно, что все расходы на поездку в Нальчик журн. берет на себя.

Крепко целую, обнимаю — твой Б. Афанасьев»[24].

К счастью, просьбу было легко выполнить, потому что с 12 сентября начинались Дни литературы Москвы в Кабардино-Балкарии. Эту делегацию Кулиев встретил в аэропорту вместе со своими коллегами А. Шогенцуковым, Т. Зумакуловой, С. Макитовым и проводил их до гостиницы «Россия» г. Нальчика, оказывая особое внимание делегации из Праги.

Из Болгарии Кулиеву писал Святослав Колев, журналист. В одно из его писем (от 22 ноября 1974 года) была вложена вырезка из газеты «Отечественный фронт» с небольшой статьей о К. Ш. Кулиеве. «Уважаемый тов. Кулиев, хотя мы незнакомы,— писал он,— я позволил себе написать о Вас в газету небольшую информацию от 20 ноября 1974 года. Я хочу поздравить Вас с высокой наградой.

Желаю Вам крепкого здоровья и еще больше творческих успехов. С дружественным приветом Колев С. Мой адрес: София. Булвар Дндукова, 53»[25].

Обращались к поэту и работники Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП). Так, в одном из писем говорилось: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! В связи с 60-летием Великого Октября болгарское издательство «Народная культура» собирается опубликовать сборник стихов советских поэтов под названием «100 шедевров советской лирики».

Каждый поэт будет представлен одним стихотворением по его выбору — наилучшее его стихотворение.

Очень просим Вас назвать одно стихотворение, с которым Вы хотели бы у нас участвовать в этом представительном сборнике. И пожалуйста, объясните, как можно короче, почему Вы считаете его Вашим лучшим стихотворением. Просим, напишите эти строчки черными чернилами на приложенном листке и отправьте по адресу: София, ул. Гаврилы Генева, 4. Главному редактору

---

[24] ЦГА КБР, ф 852, оп 6, ед. хр. 37, л. 1.
[25] Там же, оп. 5, ед. хр. 59, л. 1.

Николаю Антонову. Строки эти будут факсимилированные, а стихотворение, конечно, будет опубликовано в переводе при участии лучших переводчиков. Таким образом, книга будет уникальным изданием, и мы заранее благодарим Вас за участие и труд»[26].

С каждым годом известность Кайсына Кулиева за рубежом все больше и больше росла. К нему обращались по разным вопросам, имеющим культурно-политическое значение. Обратимся к фактам и документам эпохи социализма.

«Дорогой Кайсын! Комиздат СССР и венгерское издательство «Европа» поручили мне составление на венгерском языке «Антологии поэзии народов СССР». Сборник сравнительно небольшой по объему. В нем будут представлены лучшие из лучших, причем авторы дают свои наиболее любимые произведения.

Прошу прислать домой по адресу: 150 строк переводов, которые ты считаешь лучшими. Антологию сдаю в декабре, так что с нетерпением жду от тебя весточки.

С дружеским приветом Гарольд Регистан.

Мой адрес: 103009. Москва, ул. Горького, 15, кв. 28»[27].

Безусловно, реализованные и полностью проявившиеся в культурной жизни нашей страны и за рубежом творческие способности Кулиева все больше и больше привлекали издателей Западной Европы. Об этом свидетельствует письмо правления СП СССР с просьбой заполнить анкету для журнала «Книги из Венгрии» от 10 февраля 1978 года.

«Уважаемый Кайсын Шуваевич,— сообщалось в нем.— В секретариат правления СП СССР обратилось руководство Союза венгерских писателей с просьбой оказать содействие в получении ответов выдающихся советских писателей на анкету журнала «Книги из Венгрии», распространяющегося во многих странах мира.

Секретариат правления СП СССР просит Вас принять участие в анкете венгерского журнала и прислать ответы за Вашей подписью в 3-х экз. не позднее 15 марта с. г.

С уважением Н. Федоренко, секретарь правления СП СССР»[28].

---

[26] Там же, ед. хр. 105, л. 1.
[27] Там же, ед. хр. 103, л. 4.
[28] Там же, ед. хр. 39, л. 1.

Кулиев был законопослушным человеком. Он выполнил эту просьбу. Так, на вопрос: «Считаете ли Вы важной для поэта работу в области художественного перевода и в своей творческой деятельности? Берете ли Вы иногда на себя эту задачу?»— он ответил, что художественный перевод — дело трудное и очень важное, что было время, когда он занимался художественным переводом, когда жил в Киргизии и переводил стихи киргизских поэтов на русский язык, переводил Пушкина, Г. Лорку на балкарский язык...

Был в анкете и такой вопрос: «По Вашему мнению, сегодня, в нашем разделенном мире, как можно способствовать лучшей популяризации литератур, создаваемых на менее известных языках?» Ответ был коротким: «Через перевод на более известные языки — английский, русский, французский, испанский, немецкий»[29]. Конечно, поэт имел в виду языки народов, которые развивались в условиях великих цивилизаций и имели историю с их богатой и разнообразной культурной средой.

В зарубежных в чисто интеллектуальных сферах Кайсын Кулиев был известной личностью. Он был членом совета по Международным писательским связям (при СП СССР) и нередко получал такие приглашения:

«Приглашаем Вас на заседание Совета по международным писательским связям, которое состоится 1-го и 2 февраля 1972 г. в конференц-зале. Заседание СП СССР в 11 ч.

Повестка дня:

1. Значение литературы в современном мире.
2. О формах и тематике международных творческих встреч писателей. (Докл. **Н. Федоренко.**)
3. О встречах главных редакторов журналов социалистических стран. (Докл. **В. Озеров.**)
4. Международная встреча переводчиков советской литературы и ее значение для популяризации советской литературы за рубежом. (Докл. **Е. Калашников.**)
5. О предстоящей конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате»[30].

Или другой документ той эпохи:

«Дорогой тов. Кайсын Кулиев! 1 июля 1971 года в

---

[29] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 39, л. 2.
[30] Там же, оп. 2, ед. хр. 100, л. 13.

Центральном Доме литераторов будет проведен литературный вечер «Голоса друзей».

В программе вечера предполагаются выступления советских и зарубежных писателей — делегатов и гостей 4-го съезда писателей.

Секретариат правления СП СССР просит Вас принять участие в проведении вечера и выступить с чтением одного-двух стихотворений.

С уважением В. Озеров, секретарь правления СП СССР»[31].

О том же говорит и телеграмма, которую получил Кулиев из Узбекистана: «Уважаемый Кайсын Шуваевич! Ассоциация писателей Азии и Африки, СП СССР имеют честь пригласить Вас почетным гостем на первую встречу молодых писателей Азии и Африки, которая состоится с 27 сентября по 4 октября в Ташкенте. Будем очень рады, если Вы сумеете приехать и принять участие в работе встречи. Просим телеграммой подтвердить согласие»[32].

Были опубликованы стихи Кулиева за рубежом и на еврейском языке. Об этом свидетельствовало письмо, отправленное из Риги 22 октября 1972 года редактором газеты «Советская Латвия». «Посылаю Вам экземпляр варшавской газеты «Фолькс Штым» с опубликованным в переводе на еврейский язык Вашего потрясающего стихотворения «В пражском гетто». Этим переводом занимался я. Пусть это будет, так сказать, фундаментом нашей творческой дружбы. Я буду счастлив, если Вы выразите желание продолжить ее. Надеюсь, Вы мне пришлете обещанное стихотворение «Сон», с которым мне также очень хочется ознакомить еврейского читателя»[33].

Вторая мировая война была для всех трагедией, но больше всех мучений выпало на долю еврейского народа. «Об этом горе жгучем» Кулиев поведал в стихотворении «В пражском гетто» (1966):

Их было много сотен, много тысяч —
Мужчин и женщин, юных и седых.
О, если только мог бы в сердце высечь
Я имена неведомые их...

---

[31] Там же, ед. хр. 100, л. 1.
[32] Там же, оп. 5, ед. хр. 102, л. 15.
[33] Там же, оп. 2, ед. хр. 172, л. 5.

Давно все эти люди стали дымом.
И хоть с тех пор летел за годом год,
И нынче мука их неугасимым
Горит огнем и нашу совесть жжет,
Она горит открыто или скрытно.

Земля впитала кровь, следов не видно,
На старом камне новая трава.
Но сердце у меня болит, мне стыдно
Ходить, дышать и рифмовать слова[34].

Перевел *Н. Гребнев*

Правильно подметил Чингиз Айтматов, когда писал, что через сердце Кайсына «...прошли жгучие токи великих и трагических событий истории»[35]. Это стихотворение Кулиева было опубликовано на еврейском языке во всех странах, где проживают люди этой нации. Среди них много не просто читателей, а поклонников таланта поэта.

Один из таких людей — Джозеф Клейн, по происхождению американский еврей, отец которого жил в США, был гражданином Соединенных Штатов. Судьба Джозефа сложилась так, что он вместе с женой Викторией, преподавательницей английского языка института иностранных языков, стал жить в Москве. Инженер-строитель Джозеф Клейн работал в одном из проектных институтов столицы, воспитывал двоих детей — Анну (8 лет) и Леонида (6 лет), а свободное время отдавал своему любимому занятию — чтению стихов. В письме от 23 ноября 1974 года он писал:

«Уважаемый Кайсын Шуваевич! Уже очень давно я собирался написать Вам, но все никак не решался. Теперь, наконец-то, повод есть: Вам присвоили Государственную премию. Сердечно поздравляю Вас.

Мы с женой очень любим Ваше творчество, часто читаем Ваши стихи, потому что нам близко Ваше мировоззрение, Ваши взгляды, Ваши пристрастия. Некоторые Ваши стихи мы воспринимаем как руководство **в жизни,** как философию, которую следует проповедовать («Стихи, которые я не хотел бы писать...», «Кто может выгоде в угоду...»).

---

[34] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 2. С. 328.

[35] *Ч. Айтматов.* Пространство поэта: (Перечитывая Кайсына Кулиева) // Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 9.

У нас дома шесть Ваших книг: «Избранная лирика», «Книга земли», «Книга лирики», «Звездам — гореть!», «Вечер». Последнюю книгу мы только что начинаем читать, так как недавно купили. Читая ее, я понял, что Вы недавно болели. Хочу надеяться, что теперь Вы уже здоровы.

Снова и снова читаю Ваши стихи и снова переживаю вместе с Вами, радуюсь вместе с Вами. Читаю Ваши стихи и вспоминаю Кавказ, прекраснее которого трудно что-либо представить...

В заключение разрешите пожелать Вам и всей Вашей семье всего наилучшего. Когда будете в Москве, то, пожалуйста, приходите к нам в гости, если выберете время. Мы будем Вам очень рады.

С уважением Д. Клейн.

Москва, 117415, Лобачевского, 16, кв. 29»[36].

Пожалуй, больше всего стихотворений Кулиева издано на английском языке. Этому способствовало наше издательство в Москве — «Прогресс». Обратимся к документам. Вот один из них:

«Издательство «Прогресс» в 1977—1978 гг. намерено издать в переводе на чешский, испанский, английский язык сборник «Россия в стихах и прозе» (в 2 т.).

В этот сборник мы хотели бы включить Ваши произведения: «Женщина купается в реке», «Колосья и звезды» объемом 51 авторский лист (стихотворных строк), в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 22 апреля 1975 г. № 243 из расчета 60 коп. (30 % от 2 руб. за стихотворную строку). За авторский лист (стихотворную строку) гонорар Вам будет выплачен после подписания сборника к печати (на выпуск в свет).

Просим подтвердить Ваше согласие на издание указанного произведения на предлагаемых условиях. Ваше согласие (или получение ответа на это письмо в течение трех недель) мы будем считать заключением договора.

Директор издательства «Прогресс» В. Н. Седых»[37].

Кулиев больше всех радовался сборнику стихов на английском языке с параллельными русскими текстами, который вышел в этом издательстве. Гордился красочным изданием в хорошем переплете, а главное, что переводчиком с русского на английский оказалась великолепный мастер

---

[36] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 34—35.
[37] Там же, ед. хр. 105, л. 10.

своего дела известная Ольга Штарце. Интересно в связи с этим привести документ Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП).

«Уважаемый Кайсын Шуваевич!— говорилось в нем.— Сборник Ваших стихов на английском языке с параллельными русскими текстами издательством подготовлен и сдан в набор. Название сборника «Трава и снег», которое Вы предложили, редакция художественной литературы считает интересным и правильным.

20 января 1977 г. в нашу редакцию поступила докладная записка от переводчика и контрольного редактора английской редакции следующего содержания: «Английская редакция просит заменить название сборника стихов Кайсына Кулиева на «Трава и камень», поскольку прежнее название «Трава и снег» в переводе на английский язык может быть истолковано превратно (оба слова на американском жаргоне имеют отношение к наркомании: grass означает марихуану и snow — кокаин).

Кайсын Шуваевич, мы просим Вашего разрешения изменить название книги на предложенное английской редакцией. В любом случае дайте нам знать.

Переводчик английской редакции О. Н. Штарце. Контрольный редактор — Р. С. Боброва. Договор на книгу от Вас мы так и не получили. Оформляем новый. Всего Вам доброго. Зав. редакцией художественной литературы — О. П у ч к о в»[38].

В Индии Кулиев стал известен в 1969 году, когда в составе делегации прибыл в эту страну, о которой давно мечтал. Прибыл он в Дели 10 февраля 1969 года. В газете «Националь Хералъд» за 11 февраля сообщалось: «Делегация из двух советских писателей — Кайсына Кулиева и Франца Таурина — прибыла в Дели в субботу с визитом, в рамках программы «Культурный обмен между Индией и СССР». Кроме Дели советские писатели посетят Бомбей, Мадрас, Калькутту и другие города. Во время их пребывания в Индии они встретятся с индийскими писателями, поэтами и литературоведами, критиками. Это их первый визит в Индию». Были опубликованы статьи с биографиями советских делегатов. В одной из них рассказывалось, что Кулиев родился в трудовой семье, и будущий поэт с ранних лет узнал, что такое голод, холод и

[38] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 105, л. 14.

нужда. «Но было в его детстве,— сообщалось далее,— нечто такое, что он бы не променял ни за что на свете: родина предков с летним небом и множеством звезд на небе, обилие горных цветов и народных песен, которые он слушал, когда был пастухом. Кайсын и сам любил петь. Сначала он пел песни, которые сочиняли другие. Потом стал сочинять и сам». Далее говорилось о том, что Пушкин и Лермонтов — его любимые поэты. Это были первые поэты, с которыми он познакомился. Читал их на родном языке и русском. Вообще русская поэзия оказала огромное влияние на талант Кулиева. Позже Кулиев писал, что в русских переводах он читал Гарсиа Лорку, Шевченко, Байрона и других поэтов.

В газете «Социалистическая Индия» за 14 февраля 1969 года были опубликованы на английском языке стихи Кулиева из сборника «Раненый камень».

Пребывание поэтов в Индии широко освещалось в прессе. Этому способствовало проведение конференции ЮНЕСКО по Центральной Азии. Кулиев принимал в ней участие. Здесь же были академик, директор Института народов Азии Б. Гафуров, старший научный сотрудник Института народов Азии М. А. Дробышев, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений В. Костко и др. Главой делегации был Б. Гафуров, которого Кулиев хорошо знал.

Конференция была посвящена проблемам переселения людей и культурному развитию Азии. На ней выступили Кайсын Кулиев, Гафуров и другие представители советской делегации. В частности, руководитель делегации говорил об индийском культурном наследии и развитии культуры Центральной Азии. Кулиев выступал о проблемах взаимодействия и взаимообогащения национальных культур.

В архиве Кулиева хранится много газет на английском языке, которые выходили в то время в Индии. Так, в газете «Patriot» («Патриот») за 15 февраля 1969 года есть фотография трех советских писателей, принимавших участие в конференции. Это — Кайсын Кулиев (лауреат Государственной премии им. Горького), Виктор В. Рамзес (советник Союза писателей СССР), Франц Таурин (секретарь Союза писателей РСФСР). Под фото подпись: «В Дели с обменным визитом как гости Союза министерства образования».

В другой газете — «The statesman» («Государственный деятель») 21 февраля 1969 года тоже помещалось фото советского поэта К. Кулиева с мистером Сати Канта Гуха, который представлял гостям на конференции в Калькутте поэтов Индии. В этой газете помещалась статья о Кулиеве, о его выступлении. Статья называлась «Прием русского поэта в Калькутте». В ней подробно освещалась встреча Кулиева с поэтами Индии и общественностью города. Цитировалось выступление Кайсына, который говорил: «...поэзия не знает никаких границ и преград во всем мире, потому что у нее одна общая цель — служить человечеству». В заключение речи он сказал, что в юности был поклонником творчества Рабиндраната Тагора, мечтал посетить Калькутту, и прочитал стихотворение «Глаза матерей».

Кроме того, в этой статье сообщалось об обаятельных чертах личности Кулиева, о его успехе среди слушателей.

Поездка в Индию надолго запомнилась Кулиеву, и он много рассказывал о ней своим друзьям.

Многое сделал для известности Кулиева в Турции Каншаубий Мизиев, координатор по странам СНГ, по национальности балкарец, гражданин Турции, известный переводчик и общественный деятель. Он работал в Стамбуле во внешнеторговом А/О «Идиль». Встречался с Кулиевым. Как и все люди, Каншаубий попал под влияние творчества поэта и стал его пропагандистом среди своих сограждан — балкарцев и карачаевцев, проживающих в Турции.

Каншаубий перевел стихотворения Кулиева на турецкий язык, и первым изданием была книга «Современная литература тюркского мира» (составители: Метин Акар, Себахат Дениз, Фахрюннюса Биледжик. Стамбул: Изд-во Ясеви Йайынджылык, 1994), в которой на с. 221—222 помещены стихотворения Кайсына Кулиева. Эта своеобразная антология рекомендовалась в качестве учебного пособия для турецких школ. Здесь же, после стихотворений поэта, шла небольшая биография К. Ш. Кулиева.

Узнав, что в 1997 году общественность Кабардино-Балкарии и многие страны СНГ отмечают 80-летие со дня рождения К. Кулиева, Мизиев обратился в фонд Ахмеда Ясеви и к правительству Турции с просьбой издать сборник стихов Кулиева в Стамбуле на турецком языке и провести юбилейные торжества в Стамбуле и Анкаре в связи с этой датой. В ноябре 1997 года делегация из Турции, в составе Намык Кемаль Зейбек, зам. министра культуры

Турции, Хюрриет Эрсой (по-карачаевски ее зовут Айжаяк), президента Фонда культуры, Йылмаз Угурлу (карачаевец), судья, Ведат Балкан (балкарец из рода Балаевых, выходец из Гунделена), преподавателя университета из г. Афьона, приняла участие в юбилейных торжествах, которые проходили в КБР.

В декабре этого же года в Турции на правительственном уровне торжественно отметили юбилей К. Ш. Кулиева. В честь поэта в Анкаре был заложен парк им. Кайсына Кулиева, в балкарском селе Доглат и карачаевском селе Башхёйюк главной улице и школе присвоили имя поэта. В здании Государственного музея живописи и скульптуры, где состоялось торжественное заседание, была организована выставка работ (живопись) сына Кулиева — художника Азамата Кулиева. На торжественном заседании присутствовал министр культуры Турции господин Истемихан Талай, были получены телеграммы от Главного советника Президента Турции г-на Экрема Джейхуна, премьер-министра Мееуда Йылмаза, депутатов парламента, министров Турции и других организаций и частных лиц.

Интеллигенция Турции знает лирику Кулиева. Так, в журнале «Инсанджил» (1997, сентябрь, № 85) была опубликована статья Дженгиза Гюндогду «Йылдыз гюнджеси» («Звездный дневник»), которая начиналась стихотворением Кайсына Кулиева «Солдат от боли умер до заката...», в этом же журнале (1997, декабрь, № 86), который выходит в Стамбуле регулярно, на с. 7 опубликовано стихотворение Мустая Карима, посвященное Кайсыну Кулиеву. Перевод на турецкий сделали Аныл Меричелли и Анатолий Мизиев.

Каншаубий Мизиев в журнале «Йесеви» (Стамбул, 1998, январь, с. 34—36) опубликовал статью «Путешествие из Москвы в Нальчик», в которой описал торжества, проведенные в Нальчике, Баксане, Прохладном, Верхнем и Нижнем Чегеме, в Чегеме I, в связи с юбилеем Кулиева.

Хотелось бы отметить и статью Аныла Меричелли «Кайсын Кулиев», опубликованную в Стамбуле в журнале «Инсанджил» (1998, март, № 89, с. 43—44), в которой даются отрывки из биографии поэта, отклики турецкой печати, турецкого радио на стихи Кулиева, а также строки из некоторых стихотворений поэта.

Начиная с 1993 года по инициативе Каншаубия Мизиева многие журналы Турции стали публиковать произведе-

ния Кулиева, в переводах Аныла Мечирелли и Анатолия Мизиева[39], и критические статьи о поэте.

Так, известный писатель и поэт Турции Рушен Хаккы опубликовал дневниковые записи в разделе журнала «Инсанджил» — «Дни. Книги. Журналы» — под заголовком «Раненый камень». В них говорится о том, что много дней он читает и перечитывает книгу стихов Кайсына Кулиева «Раненый камень», подаренную ему Каншаубием Мизиевым, что это очень хороший перевод и книга ему нравится. Отмечая достоинства лирических произведений Кулиева, Рушен Хаккы особенно отмечает «Мое слово», «Говорю философу» и «Возражение философу»[40].

Критика зарубежного Востока и Запада (статьи, этюды, эссе, краткие высказывания, заметки) почти едина в своей прогрессивной и гуманной направленности, когда речь идет о Кайсыне Кулиеве как о личности или как о поэте. Она создает цельное представление о ярком таланте балкарского поэта, о богатстве и разнообразии тематики его произведений и национальном своеобразии, о его глубоком уме мыслителя.

ТЕМАТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТИХОВ К. КУЛИЕВА

Кайсын Кулиев за рубежом — это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей. Балкарская поэзия в лице Кулиева продолжала завоевывать географические пространства, накапливая художественный потенциал и силу эстетического воздействия на людей различных стран мира. Проблема взаимопонимания между народами и людей друг с другом существовала всегда, и писатели как могли способствовали художест-

---

[39] См.: Журн. «Яшасын эдебият». 1998. Март. № 50. С. 50; Журн. «Инсанджил». 1998. Апрель. № 90. С. 14.; Журн. «Хабер бюлтени», издание университета им. Ахмеда Ясени. Анкара. 1997. Ноябрь—декабрь. С. 22—23; бюллетень «Идиль' ден хаберлер», спецвыпуск, посвященный Башкортостану. Стамбул, 1998. Январь. № 14. С. 15; Журн. «Инсаншинр дефтери». Анталья, 1998. Июль, № 4. С. 16, Журн. «Инсанджил». 1998. Сентябрь. № 95. С. 45.

[40] Журн. «Инсанджил». Стамбул, 1998. Сентябрь. № 95. С. 45.

венными средствами миротворческому разрешению ее. Мудро и благожелательно Кулиев писал о своих заграничных знакомых и друзьях, возвышенно и торжественно, с чувством преклонения и глубокого восхищения говорил о тех, кто уже ушел из жизни: «Памяти Индиры Ганди», «Памяти Пабло Неруды», «Реквием Федерико Гарсиа Лорке». Он часто обращался к именам великих музыкантов мира: к Баху («Учись у Баха...»), Бетховену («Бетховен»), Шопену («Играют Шопена...»), Равелю; к легендам и мифам Древней Греции («Орфей»), к общеизвестным литературным героям — Гамлету («Гамлет»), Дон Кихоту («Дон Кихот», «Дон Кихоты»), Прометею и т. д.

Так, чтобы сказать нежные слова своей любимой и выразить их со всей глубиной, поэт писал в 1985 году:

А пианист играл Шопена,
Переходя от темы к теме.
Клубился снег, белей, чем пена,
Студеным вечером в Чегеме.

— Как, по земле родной тоскуя,
Жил горько, тяжко польский гений!
Но людям музыку такую
Он подарил! — Шел снег в Чегеме.

— Любовь и боль в его напеве
Слились, как мысль и звук в поэме!
Белели крыши и деревья,
Струился снегопад в Чегеме.

Сидела ты, как в ореоле,
В мерцанье свеч над зимней темью, —
И что любовь сильнее боли,
Я вновь уверовал в Чегеме[41].

Перевел *Л. Шерешевский*

Небольшое стихотворение «Гамлет» (1985) — о социальной справедливости, о высших духовных ценностях и важнейших человеческих побуждениях. И обо всем трагическом, что случается в жизни людей:

Все было в мире: мор, война, изгнанье.
Людские раны все еще болят.

[41] *Кулиев К.* Говорю людям. М.: Современник, 1985. С. 88.

Я, может, сам бывал так часто ранен,
Чтоб не забыть тебя, мой кровный брат[42].

Перевел *Н. Гребнев*

Обращение к Гамлету, датскому принцу,— не что иное, как поэтический прием, позволяющий поэту сказать, что во все века и на всех континентах было концентрированным выражением надежд и чаяний многих поколений простых и знатных людей. Это идея справедливости, которая занимает в духовном мире человечества не последнее место, и проходит она через всю историю мысли. От античного мира до конца рубежа XX века представления людей о свободе и равенстве, о счастье и мирном согласии, праве на труд почти не изменились и входят в те понятия идеалов, которые в их личной судьбе имеют особую значимость.

Но не всегда человек защищен от унижения, произвола и глумления, ущемления его прав. Суть гуманистической природы любого общественного строя еще далека от совершенства принципа социальной справедливости, тем более в подходе к судьбе конкретного человека. Это хорошо понимал К. Кулиев, когда писал:

До сей поры унижен тот, кто прав.
Не все спокойно в датском королевстве,
И свежий снег ложится почерневший,
Свой белый цвет в дороге потеряв.

Использование черного и белого цветов связано у Кулиева с его отношением к изображаемому, к тому, что приводит человека к мучительному страданию, если с ним обошлись несправедливо, унизив его человеческое достоинство («...снег ложится почерневший»). И почему поэт так уверенно утверждал, что «...до сей поры унижен тот, кто прав»? Вероятно, он был убежден, что добродетель почти всегда приводит к страданиям, к жертвенности, а порок торжествует, хотя он сам по себе является нецелесообразностью к истинной человечности.

Гении предвидят будущее. Возможно, и Кулиев как-то предвидел обострение социальных коллизий и национальных отношений в посттоталитарных переходных условиях,

---

[42] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 236.

зная драматическое прошлое России. Оно действительно перешло в ходе ее реформирования в трагический межнациональный конфликт. Сложная и суровая ситуация, о которой писали в конце 80-х годов, продолжала оставаться и в конце 90-х годов двадцатого века.

Тревога и теперь не покидает
Ни датский край, *ни прочие края,*
И вот клинок отравленный сверкает
И жаждет крови, чистой, как твоя,—

писал Кулиев в начале 80-х годов.

Трагическая судьба Гамлета стала сутью драматического конфликта, реализованного в период реформирования российского общества, казалось бы, так далекого от датского королевства временными и географическими рамками! Поэт-гуманист XX века все никак не мог забыть судьбу несчастного принца, душевные раны которого нашли сопереживание и отклик в лире горского поэта:

О юный Гамлет, о мой кровный брат,
Вот и сейчас, как в дни твои бывало,
В крови еще дымящейся блестят
Полотнища отравленных кинжалов.

Гамлет не был человеком выдающихся способностей и необыкновенной личностью. Кулиев совсем не оплакивает его как героя, павшего в начале великого поприща. Гамлет был просто законным наследником престола. Чувственный и чистый юноша был любим, и он отвечал такой же искренностью чувств. Но его окружала зависть, злоба и ненависть, с которыми он вступил в неравную борьбу. Так было и будет в истории и в жизни людей: «Все было в мире: мор, война, изгнанье. Людские раны все еще болят». Большая человечность поэта против насилия родственна мужеству, без которого немыслима любовь к людям, попавшим в беду, к миру справедливости. Объяснение простое, почему так тревожила поэта судьба несчастного принца: «Я, может, сам бывал так часто ранен, чтоб не забыть тебя, мой кровный брат».

Примерно те же мысли и чувства, которые были в «Гамлете», прямо высказаны в стихотворении «Дон Кихот», датируемом 1966 годом и переведенном Н. Гребневым. В свете гуманистического идеала, утверждения

торжества и справедливости звучали строки, обращенные к образу мировой поэзии:

О Дон Кихот, ты никуда не канул.
Мы все страдаем болью ран твоих, —
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!

Но Кулиев верил, что добро сильнее зла, и эта вера в человеческий разум, в справедливость породила следующие строки этого стихотворения:

И все-таки не вечны неудачи,
Верь, Дон-Кихот, поправятся дела.
Пусть скачет зло на скакунах горячих,
И ты еще не выбит из седла![43]

Отмечая подлинный гуманизм поэзии Кулиева, его друг Давид Кугультинов писал: «Говорят, поэзия — мужество эпохи. Это верно и подтверждается творчеством Кулиева. Говорят, поэзия — совесть времени, — и это верно, подтверждается стихами Кулиева. Говорят, поэзия — боль современности. И это верно и тоже подтверждается произведениями Кулиева».

Главные поэтические раздумья Кулиева тех лет были о том, что волновало передовое человечество и каждого нормального человека. Ему были близки и понятны страдания жителей Варшавы и Ленинграда, Хиросимы и Хатыни, прошедших пламя ада, тех, «кто в печах Треблинки задохнулся», и тех, «кто погребен в чужой земле» (Кулиев). И этот главный вопрос века прогрессивные поэты подняли на самый высокий уровень идейно-философского обобщения. Не отрываясь от конкретного материала прошлой войны, они отстаивали меру подлинной человечности, поскольку многие народы Западной Европы и Востока пережили ужасы Второй мировой войны. Возьмем хотя бы известные поэмы Гамзатова «Колокол Хиросимы», Кугультинова «Бунт разума», стихотворения Кулиева «Реквием» и «Вместо реквиема». В них драматизм перечисленных событий, фактов вырастал из ощущения неразделимости судеб трудящихся людей с личной судьбой поэта. Возможно, поэтому мысль Кулиева поднималась до обобщения:

[43] *Кулиев К.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1170. Т. 2. С. 273.

Мой реквием — камням и людям Сталинграда,
варшавским жителям, прошедшим пламя ада...
и ранам всей земли, и павшим за Вьетнам,
его защитникам и преданным сынам,
бомбейской нищете на улицах старинных,
борцам, замученным в Мадриде и в Афинах...[44]

Перевел *С. Липкин*

«У нас, у живых, есть много человеческих прав,— писал Константин Симонов: — У нас есть право трудиться во имя Родины, соединенное с обязанностью стоять за нее в бою, у нас есть право на любовь и есть право на дружбу, есть право на счастье. Но одного права у нас, живых, нет и никогда не будет — у нас нет права забывать о том, что сделали наши мертвые товарищи во имя победы, во имя Родины, земли! И именно потому мы, больше чем кто-нибудь другой, думая о будущем, не имеем права забывать о прошлом»[45]. Тема памяти в мировой поэзии не нова, ее активный разум, вобрав в себя суровую правду жизни военных лет и всю трагедию, которую породила война, восстает против уничтожения и разрушения материального и духовного. Разрушить можно все и быстро, но лишить людей памяти гораздо труднее, особенно поэтов, чьи чуткие сердца всегда бьются в унисон со временем и их историческая память — не царство тайны, недоступное людям, а колокол, который все время напоминает человеку, что он звонит и по нему. В «Стихах, написанных по пути из Польши» (1973) Кулиев не просто рассуждал о балкарцах и «других земных племенах», он вспоминал годы войны.

О польский край, враги к тебе войною
Пришли, убили многих, все сожгли.
Тот, кто хотел сровнять тебя с землею,
Хотел и нас стереть с лица земли[46].

Перевел *Н. Гребнев*

К философскому, мировоззренческому освоению трагизма прошлой войны Кулиев подходил с позиций гума-

[44] *Кулиев К.* Книга земли. М.: Сов. писатель, 1977. С. 237—239.
[45] Цит. по: *Одеев В.* Воспитание на боевых и трудовых традициях. М., 1967. С. 5.
[46] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 237.

низма, утверждая социально-нравственные основы человеческого общежития.

В любом краю с одним и тем же гневом
Встречают люди строй чужих солдат.
У всех нас кровь багрова, и посевы
Повсюду одинаково горят[47].

Тема памяти плавно переходит в мотив сострадания, и масштаб художественного обобщения нарастает постепенно: жизнь в ее коренных основах для бедняков везде одинакова, добро и зло идут вперемежку в многообразии жизни и оптимизм не всегда побеждает в самосознании людей.

Похожим пламенем горят селенья
На всей земле. И слезы матерей
В краю поляков солоны не менее,
Чем слезы матерей земли моей.

. . . . . .

И если голод чью-то землю гложет,
То в темных и нетопленых домах
Повсюду в мире дети плачут схоже,
Хоть говорят на разных языках[48].

В стихах зарубежной тематики — таких, как «Вижу в зимней Варшаве...», «Над зеленью холмов Монголии», «Письмо зарубежному другу», «Дон Кихоты», «Стихи, написанные по пути из дальних стран», «В городе Констанце дождь идет» (1974), «Марта улицей Праги идет» (1977), «Бетховен» (1977), «Реквием Федерико Гарсиа Лорке» (1950), «Гамлет», «В горах Монголии» (1979), «Учись у Баха...» (1972), «Памяти Пабло Неруды» («Когда свобода была под запретом»), «Памяти Индиры Ганди» («Жизнь на земле не убить!», 1985), «Дождь в Братиславе» (1966), «Орфей», «Болеро»,— художественно-философское освоение действительности шло через призму реального опыта человека, испытанного не раз тяжелыми ударами судьбы и достойно прошедшего свой путь. Те трудности и страдания, которые испытал народ, выпали и на долю поэта.

---

[47] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 238.

[48] Там же.

Дом мой тоже горел. Был я тоже скитальцем.
Потому так неправда и зло ненавистны мне.
Все, что сам я познал, все, что я испытал сам,
В моей памяти стало святыней и истиной[49],—

писал Кулиев, обращаясь к зарубежному «другу с чистым сердцем, поэту, ученому», город которого, «что над морем из камня был белого, нынче в черных руинах под тучею черной...». Эти строки взяты из стихотворения «Письмо зарубежному другу». Оно адресовано не одному, конкретному, человеку, иначе бы Кулиев указал имя, а многим друзьям, удивительно близким по духу, интересам и стремлениям, что не могло не порождать общности судеб поэтов разных народов, для которых нравственная и национальная идея становилась столь же значимой и необходимой, как национальная свобода. О ней-то и писал Кулиев в стихотворении «Когда свобода была под запретом», посвященном памяти Пабло Неруды. Для него, как и для каждого поэта, национальная идея, будучи продуктом развития национального самосознания, является неотъемлемой частью духовной жизни нации. Ее нельзя уничтожить и запретить, как и идею национальной свободы. Она неподвластна никаким законам. Она — как ветер и птица, как звезда или туча.

Свобода, став рекой, текла на воле,
Став птицей, пела то, что на уме,
И, ветром став, носилась в чистом поле,
И, став звездой, струила свет во тьме,

Став колосом, росла и тяжелела,
Став тучей, проливалась на хлеба,
И, став конем, бросалась в схватку смело,
И, снегом став, хранила, как судьба[50].

Перевел *О. Чухонцев*

Здесь нет лозунговых призывов, идейных установок конца 70-х годов. Стихотворение лирично. И перед Кайсыном и его зарубежными друзьями раскрывается безграничная перспектива национальной свободы. Образ свободы — образ большого эстетического содержания — воз-

---

[49] Там же. Т. 3. С. 241.

[50] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 114.

вышается до символа. Эмоциональное напряжение стиха подкрепляется чувством уверенности в том, что поэзия — это сама стихия безграничной свободы: «Свобода... Она самой поэзии сияла из тьмы времен — как спутница ее». Это финал шестого четверостишия «Когда свобода была под запретом». Стихотворение было переведено и опубликовано в 1985 году — время отсчета начавшихся перемен в общественно-политической, экономической и культурной жизни России, когда тотальность как суть двадцатого века была обычным явлением. Поэтическое сознание подводило людей к нелегкому самооткрытию: тоталитаризм и агрессия, где бы они ни уживались,— едины, а ядерное безумие человечество уже пережило.

И мы, Орфей, не в розах райский сад,
Освенцим видели и Хиросиму,
Живыми мы, как ты, входили в ад
И не могли найти своих любимых[51], —

писал Кулиев в стихотворении «Орфей». Трагедия людей, переживших Хиросиму, стала трагической сутью поэзии века. В начале апреля 1979 года Кулиев вместе со своим другом Д. Кугультиновым вылетел в Японию. Кайсын был первый раз в этой Стране восходящего солнца, мечтал побывать в ней, увидеть все своими глазами. Они были в Хиросиме и Нагасаки, испытавших атомные бомбардировки, встречались с людьми, которые на себе ощутили эти страшные взрывы, потеряли близких людей. Кулиев воспринимал рассказы японцев по-своему. Поэтому не случайно во многих произведениях Кайсына Кулиева многострадальный образ Хиросимы нашел отражение и даже там, где, казалось бы, его не должно быть. «Потибла Хиросима, но сквозь мглу свет звездный серебрил ее золу»[52],— писал Кулиев в стихотворении «Светите, звезды» в 1979 году. Проблема Хиросимы стала проблемой уходящего века, ядерного века, по выражению многих, который повернул человечество не к мирному добрососедству и взаимопониманию, «а к яростному соперничеству средних, малых и мельчайших сообществ: племен, мафий, страт, сект, банд...» (Лев Аннинский).

---

[51] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 190.

[52] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 147.

Вновь и вновь превращают селенья в пустыни,
Вновь пылают дома, люди падают замертво.
И безумство с жестокостью,— что им Толстые!—
На планете бесчинствуют в век этот ядерный[53].

Перевел *Л. Шерешевский*

Непоправимая беда Хиросимы стала для всего мира горьким воспоминанием о напрасно загубленных детях, чей рассвет стал черным пеплом. «Мой реквием,— писал Кулиев,— росе, чернеющей от горя и от страха, И хиросимскому ребенку — горстке праха» («Реквием», 1969). Эта тема стала просто навязчивой для поэта, она переходила из стихотворения в стихотворение на протяжении почти всего творчества Кулиева, начиная с 60-х годов и вплоть до середины 80-х. Его живая душа, мысли и чувства воплощались в слова, обращенные не просто к своим землякам, а ко всему прогрессивному человечеству, звучали набатом по погребенным:

Сожженной Хиросимы горький дым
Проник в мой дом, и я опять страдаю.
И дым Освенцима ползет за ним.
Чернеет он, мне душу угнетая.

Земля — нам дом родной, единый дом[54].

Перевел *Н. Коржавин*

Многократное повторение трагических слов «Хиросима» и «Нагасаки» — это попытка заклясть саму природу разрушения всего сущего. В стихотворении «Где покой?» он обратился с этим вопросом к миру. Его поэт не нашел, и в смятении он не знает, что мог бы сделать для людей.

Где покой? Он моим не сопутствует снам.
В мою дверь по ночам черный ветер стучится.
Хиросима, Освенцим, Хатынь и Хулам[55],—
Я их видел, и больше покой мне не снится[56].

Перевел *Л. Шерешевский*

---

[53] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 240.

[54] *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 103.

[55] Хулам — аул в Балкарии, разрушенный во время войны.

[56] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 227.

В другом стихотворении — «Не думать об этом не могу» (1979) — та же мысль и тот же страх перед тем, что может случиться с миром, если ядерное безумие будет по-прежнему соперничать с не всегда всепобеждающим Разумом.

И жить нельзя, не думая про это,
Ни пить, ни есть. И, человечий сын,
Боюсь я, в тыщи рек заплещает Лета,
А Землю выжгут тыщи Хиросим[57].

Перевел *О. Чухонцев*

Когда речь шла о человеческих чувствах и страстях, для Кулиева времена сливались воедино, не было забытого прошлого и благополучного настоящего. Пронзительным колокольным звоном людям надо напоминать, что заставляло людей страдать и плакать и что теперь стараются предать забвению и всепрощению, правят тризну по усопшим на бывших руинах. Но его многомерное и неисчерпаемое, бессмертное слово, слово воина и поэта, звучит и поныне, призывая людей планеты не забывать, что

Зловещие слова — Майданек, Бухенвальд,
Освенцим — пахнут кровью и сегодня,
В них о погибших тяжкая печаль.
Она ничуть с годами не проходит.

Я в шуме ветра слышу песнь о ней,
Когда он вдоль ущелья пролетает.
Ждут матери поныне сыновей —
То по ночам для них ветра рыдают[58].

Перевел *Н. Коржавин*

Не забывать того, что ядерная тупиковая проблема для человечества не одна, мир обеспокоен организованной преступностью, этим еще не познанным злом, ищущим так или иначе выхода в криминальных, политических или национально-расовых проявлениях. Кулиев был буквально потрясен, когда услышал весть о злодейском убийстве главы правительства Индии — Индиры Ганди, которую он лично знал, беседовал с ней во время пребывания советской делегации в Индии.

[57] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 114.
[58] *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 104.

И вот теперь ее не стало. В форме плача, народного причитания балкарский поэт решил обратиться к природе, так как она самая надежная опора в беде, постигшей людей:

Горы мои Кавказские, чей чистый свет прославляем,
Горы, дарящие радость всем людям, всем детям земли!
Горы, оденьтесь в траур, оборотясь к Гималаям, —
Оттуда горькие вести для мира всего пришли[59].

Перевел *Л. Шерешевский*

Произошло для чуткой души поэта немыслимое зло, когда тупость насилия одержала верх над разумом, поправ все общечеловеческие законы. Это кровавое преступление века люди не забудут и не простят банде убийц, поэтому Кулиев убежденно заявлял:

Это вовек не простится убийц обезумевшей банде,
Чьих преступлений список и без того не мал:
В Дели подлыми пулями убита Индира Ганди,
В Дели, где знамя свободы ее отец поднимал.
Страницей страшной пополнились двадцатого века были:
На женщину руку подняли, — как с этим смириться мне?
Злодеи осатанелые мать собственную убили —
Индиру Ганди матерью называли в ее стране.

Глубоко искренние патетические ноты звучали в почти эпическом повествовании о совершившейся трагедии, когда силы зла не остановились ни перед чем: перед ними была беззащитная женщина и Женщина-мать («В Дели, где был не раз я, свершилось черное дело: сердце женщины-матери пронзило ливнем свинца!»). Кулиев резко выступал против наемных убийц, отсюда бранно-просторечная лексика: «банда убийц», «злодеи осатанелые», «обезумевшая банда», «волки и гиены», «зловещие всадники», «души омертвелые», «подкупленные громилы» и др. В простонародном живом языке звучали ноты возмездия: «Убийцы, что пролили кровь достойнейшей женщины мира, пусть прокляты будут!», или: «О скорбные мои строки, голосом гнева гряньте! Свершилось при нас злое дело — и нет нам упрека горчей».

Стихотворение «Жизнь на земле не убить!», посвя-

[59] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 275.

щенное памяти Индиры Ганди, опубликовано в 1985 году, еще при жизни поэта, в последний год его прощания с людьми, со всем тем, что он любил и чем дорожил. Любил он жизнь и землю. К ним он обращается с горьким упреком: «Земля! Как ты допустила, чтоб росли на тебе убийцы? Зачем своей красотою питала их тусклый взор? Зачем своим честным хлебом бесчестные рты кормила, зачем их нечистую шайку поила чистой водой?» и т. д. Риторические вопросы не требовали ответа. С гневом и возмущением поэт выступил против тех, кто в лице Индиры хотел расстрелять свободу и Индию («Эти пули в свободу целили, и, если до сути дознаться,— не только Индиру, а Индию хотели они расстрелять!»). В финале стихотворения поэт сказал о том, что пережитое и преодоленное горе еще больше сплотило людей Индии и России.

Индия — давний страны моей друг!
К солнцу и звездам образ Индиры
Ты вознесла миллионами рук!

К индийской тематике можно отнести и другое стихотворение Кулиева — «Говорю женщине» (1975), которое он написал вскоре же после возвращения из Индии. Он вернулся к отчему порогу — к горам своей любви, его судьбе. Но думы его остались с той, которую он случайно встретил в Бомбее, где шел ее концерт и звучала музыка Шопена. Она пользовалась необыкновенным успехом, «и вся была в цветах, как в звездах, сцена», а разноцветный наряд из гирлянд довершал прекрасное одеяние актрисы. Она-то и явилась предметом его страсти, вдохновения, призванным волновать, восхищать и приносить радость («Я зал, где выступала ты, нашел: мой труд был мал, а радость — велика»). Это волнение подарила поэту земная красивая женщина-горянка, чувства к которой поэт сравнил со своей любовью к любимым горам:

Ах, звезды неба Индии, светлы
Вы, как надежды! Светите, маня,
Как будто вдруг из расстояний мглы
Созвездья гор взглянули на меня[60].

Перевел *Д. Долинский*

[60] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 509.

В те часы встречи с актрисой все существо поэта было наполнено чувством благодарности за то счастье, которое испытал поэт, за тот нравственный подъем, когда душа вбирала в себя всю полноту жизни:

И думал: как прекрасно, что пути
Свели нас вновь. Я счастлив был, поверь!
Воистину — судьбы не обойти:
В иные дни ты мне открыла дверь!

Сколько восклицаний: «Счастливого пути!..» — я произнес»; «Пусть отовсюду будет твой прилет всегда счастливым!» — я шептал вослед». Или: «Бомбей и ночь! И ты — вдали от гор! И счастлива тобой была душа, и лицезреть тебя был счастлив взор!»; «О, свет твоей души. О, рук талант!» и т. д. Она была в тот вечер для поэта краше всех женщин земли:

В индийском небе, горская звезда,
Затмить собой все звезды ты смогла.
И снова затмеваешь, как тогда,
В ту ночь, когда в Бомбее ты была!

В этом небольшом цикле стихов (они состоят из четырех частей) лирические переживания в основном касаются двух моментов жизни героев — неожиданной встречи и расставанию. В них поэт сумел раскрыть переживания и душевные порывы героев. Вернее, одного из них, плененного яркой красотой молодой, талантливой актрисы. Всего одна ночь была им дана судьбой, но понимание ее значимости равносильно всей жизни.

И я на том ловлю себя опять,
Что не могу преодолеть тоску
По ночи той, о коей вновь сказать
Так сладостно сегодня языку.

Деликатно, с необычайной тактичностью и психологической тонкостью Кулиев сказал о красоте человеческих чувств:

Весной веселой и зимой угрюмой
Я думаю о вас всегда, любя,
Я обнимаю вас одною думой:
Тебя и горы, горы и тебя!

В стихах о зарубежном Востоке и Западе очень мало женских образов, редкая красота которых покоряла бы поэта и вдохновляла его на создание запоминавшихся прекрасных Эвридик. Безусловно, в основу стихотворения «Орфей» положена грустная легенда об Орфее и Эвридике по поэме Овидия «Метаморфозы», в которой рассказывается о том, как влюбленный в свою жену великий певец Орфей разыскивал в подземном царстве умершую от укуса змеи нимфу Эвридику. «Дистанция времени» позволила Кайсыну Кулиеву с иных нравственно-психологических высот взглянуть на необычайную любовь, такую преданную и всесильную, мужа и жены, древних греков. Ибо его век, век экологического кризиса, чернобыльской катастрофы, ядерных испытаний, криминальных структур и преступности, намного отличается от жизни Древней Греции. Те звери, очарованные музыкой Орфея, и сам могучий владыка Аид старались помочь влюбленным выбраться из подземного царства. Теперь другие «звери»... Многие из них материализовались из биоэлектромагнитных туч злобы, жестокости, безверия... Поэтому Кулиев, обращаясь к Орфею, писал:

Опять тебя я вспомнил почему-то,
Хочу, чтоб вновь ты песню распростер
Над миром, где зверей так много лютых
Царит еще и алчет до сих пор.

Запой, Орфей, смири людскую злость,
Земля в крови и в пламени, и надо,
Чтоб зверь затих, чтоб горе унялось,
Чтоб Эвридику вывести из ада[61].

Перевел *Н. Гребнев*

Мысли, связанные у Кулиева с понятием «женщина», всегда были чисты и возвышенны, касалось ли это зарубежных или отечественных стихов о горянке или о женщине иной национальности. Всеобъемлющий образ, олицетворявший мир и доброту, исключавший несчастье и зло, символ любви и красоты, Кулиев создал в стихотворении «Женщина купается в реке...». Оно покорило поэта Михаила Дудина. Он писал: «Здесь и Ренуар, и

---

[61] *Кулиев К.* Человек. Птица. Дерево. М.: Сов. писатель, 1985. С. 192.

Кустодиев, и Боттичелли, и Рубенс сплавились в каком-то новом свете, запели всеми красками торжества жизни, засверкали благородством страсти и тревоги». Давид Кугультинов, выступая на юбилее Кулиева в 1977 году, рассказал: «Я недавно был в Японии. Меня просили передать привет международной солидарности поэту Кайсыну Кулиеву, автору стихотворения «Женщина купается в реке...», от японских женщин. Они выразили надежду, что он по-прежнему пишет так же с необычайной целомудренностью и психологической тонкостью о красоте человеческих чувств, о материнстве и мире». К какой национальности отнести эту женщину, воспетую поэтом?!

Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде,

В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,

Войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

Перевел *Н. Гребнев*

К дружеским посланиям можно отнести такое стихотворение Кулиева зарубежной тематики, как «Марта улицей Праги идет» (1977). Это о поэтессе из Германии Марте Вебер. С ней Кулиев беседовал по вопросам поэзии и перевода стихов во время поездок за границу. Была там и Марта, неплохо знавшая русский язык. Она обладала замечательной внешностью, высокой культурой, была широко образована во многих областях искусства и литературы. С ней легко было общаться, интересно спорить о поэзии и ее назначении. Воспоминания о ней сложились в поэтические строки:

Слышишь, Марта, идущая Прагой,
Прощай! Как звезда, далека ты.
Пусть каштаны прошепчут тебе
Моим голосом эти стихи[62].

Перевел *Д. Долинский*

---

[62] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 45.

Они некоторое время переписывались. В одном из писем Марта писала: «В номере 7 «Советской литературы» за 1974 год я с большим интересом прочитала Ваше письмо французскому писателю Роберу Мерлю, в котором Вы, в частности, говорили о вашей любви к красивым деревьям. Ваши строки взволновали и обрадовали мое сердце, потому что я разделяю Вашу любовь к деревьям. Правда, у нас нет платанов, но есть береза, клен, дуб, липа, ива и сосновый лес, который растет вблизи моего дома: сосны заглядывают ко мне в окно, и, сидя за пишущей машинкой, я вдыхаю их пряный аромат.

Вы — человек, тесно связанный с природой, и черпаете из общения с ней новую жизненную силу Вашей поэзии. С того момента, как я прочитала Ваше письмо, Вы стали каким-то образом мне внутренне близки, стали ближе как друг, которому можно довериться во многих вещах. И я тоже черпаю из общения с нашими зелеными друзьями новое вдохновение, новую радость. Литература — то же самое, что и музыка. Она чувствует себя как дома там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем.

...У меня нет друзей, и потому я общаюсь с деревьями, с живой природой, с которой можно говорить открыто, раскрываясь в метафорах, которыми поэт располагает в большом количестве»[63].

В стихах зарубежной тематики события современности и далекого прошлого у Кулиева тесно между собой переплетаются. Даже те явления и вопросы, которые носят на первый взгляд, историко-литературный характер и не связаны, казалось бы, с нашей действительностью, он наполнял событиями и фактами, связанными с сегодняшней жизнью. Примечательны в этом отношении стихотворения «Бетховен», «Играют Шопена». То, о чем рассказал Кулиев в стихотворении «Играют Шопена», могло произойти и с каждым человеком в отдельности, и с любым народом: с жителями Нагасаки, Хиросимы, сотен деревень Индокитая, Вьетнама или Чечни, разоренных локальной войной, с узниками концлагерей Освенцима и Штутгофа или заложниками спецбанд, со всеми неисчислимыми жертвами человеческой несправедливости и жестокости. Эту драматическую суть содержания стихо

[63] ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 42, л. 2—3.

творения увидел поэт А. Твардовский, когда сказал, что эти стихи не об искусстве — о трагедии народа, о его борьбе за свободу. Поэтому каждый, кто читал это лирическое произведение, понимал, что перед ним реквием человеческому страданию, мужественный гимн свету и бессмертию тех, кто погиб за правое дело, жертвуя собой во имя жизни других.

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом.
Изранены сумерки, вечер смешался с дождем:
Играют Шопена.

Луна над землею. И девушка смотрит, бледна.
И руку на сердце свое положила она.
След крови на свежем снегу. И вокруг — тишина:
Играют Шопена[64].

Перевел *Н. Коржавин*

В жизни людей всегда трагическое рядом, как бы оптимистически ни подходили к ней с верой и надеждой на будущее. И в последующих строках нет никакой символики, а была и есть жесткая правда:

Готовые пасть за свободу в чистейшей из битв,
Бойцы атакуют. Кровь льется. Сраженье кипит.
Но сил не хватает. Неправый опять победит:
Играют Шопена.

. . . . . .

Хоронят бойцов — тех, что пал за свой гордый народ,
И ветер о скорби притихшим деревьям поет.
Над бездной времен — безучастных снежинок полет:
Играют Шопена.

Однако перспектива неизбежной победы добра над злом органично вошла в лирическое повествование, придавая ему мажорный тон. В финальных словах поэта слышалась радость людей, жаждущих мира и справедливости:

Трава прорастает. И вновь оживает любовь.
И женские руки на плечи любимого вновь
Ложатся. Но — нет! — не забыты ни горечь, ни кровь:
Играют Шопена.

---

[64] *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 143.

Драматический аспект всего стихотворения снимался последними строфами, овеянными весенней свежестью и обновленностью, они словно бы несли и излучали чистый свет музыки Шопена. Этому способствовали многократно повторяющиеся слова: «Играют Шопена».

Растаяли льды и снега моей горной страны.
И речка звенит, и деревья опять зелены.
Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны:
Играют Шопена...

Предложение «Растаяли льды и снега моей горной страны...» имеет непосредственное отношение к родине Кулиева, когда ему и его насильственно высланному народу в бескрайние среднеазиатские степи было разрешено вернуться на исторически исконные земли — родину предков. Кончилась тринадцатилетняя ссылка, бесправие. «Рассвет. Перевалы уже отовсюду видны». Они озарены светом восходящего солнца. И встреча с ними проникнута радостной символикой: «и речка звенит, и деревья опять зелены», и звучит музыка Шопена.

Известный литературовед Станислав Рассадин, выделяя гуманистическую идею этого стихотворения, выступавшую в форме глубокого личного переживания поэта, писал: «Зелень и звон весны воплощают в себе радость любви к природе, к Родине, к музыке, к Шопену, к его Польше, ко всему миру... Это очень характерно для Кайсына Кулиева».

Такой же поэтической формой выражения оптимизма явились «Стихи, написанные по пути из Польши», «Монолог Прометея», «Бетховен», «Дон Кихоты», «Стихи, написанные по пути из дальних стран», «Прометей», «Дождь в Братиславе», «Вижу в зимней Варшаве...». В них выражены не только оптимистические мотивы, но и подняты вопросы гуманизма и социальной справедливости по отношению ко всем народам. Обратимся к финальным строкам «Стихов, написанных по пути из Польши» (1973):

Пусть расцветает краше год от года
Наш отчий край, пусть польский край цветет!
Велик он или мал, любой народ —
Частица человеческого рода[65].

Перевел *Н. Гребнев*

[65] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 337.

Поездки за границу и возвращение на родину никогда не обходились без сравнений. Там поэт знал много «городов на свете, где купола блестят издалека», «видел храмы, где молились ламы, кумирни, что стояли сотни лет», восхищался узором строений вечных и с грустью думал, что его «предтечи своих построить храмов не могли». Все воспринималось поэтом через стойкий этно психологический стереотип: «И все же храмов в мире не бывало торжественней и выше наших скал». Любовь к ним, национальная гордость многовековой историей балкарцев, широта взглядов, выходивших за пределы узко понимаемого образа красоты,— все это позволило Кулиеву опоэтизировать свое родное, близкое:

И хоть я, завершив свои скитанья,
Святыням мира не жалел похвал,
Меня к себе тянули очертанья
Нерукотворных храмов — наших скал[66].

Нерукотворные храмы — это, вероятно, для Кулиева прежде всего скалы Чегемского и Черекского ущелий, двуглавый великан Эльбрус — Гора счастья, перед которыми меркнет швейцарская красота. Поэтому вполне объяснимые глубокие и нежные чувства к этим местам: «...мой народ молился этим скалам, как будто бы он сам их воздвигал». «Стихи, написанные по пути из дальних стран», опубликованные в 1970 году, стали характерными для периода, когда национальное и инонациональное проявлялось не в частностях, а в цельности нравственно-эстетических воззрений поэта. Те же мысли и чувства мы находим в «Стихах, написанных по пути из Польши» (1973). Вот начало их:

Мой отчий край — земли огромной долька,
Горами стиснутый со всех сторон,
Мой бедный край, богатый камнем только,
Ты мне дороже всех, я здесь рожден.

...Как поэт-гуманист, Кулиев не мог пройти мимо событий, которые произошли в Испании 1936 года. В стихотворении «Смерть поэта» нашли отклик эти далекие события, когда фашизм бросился в кровавую атаку против демократических завоеваний европейских народов. Под-

[66] Там же. С. 32.

держиваемая германскими и итальянскими покровителями, испанская фашистская военщина подняла мятеж против правительства республиканской Испании.

Передовая интеллигенция мира помогала испанским трудящимся защищать свободу. Почетное место в этой борьбе принадлежало писателям. Одним из первых фашистских выстрелов был убит в Гренаде поэт Федерико Гарсиа Лорка. Смерть талантливейшего испанского поэта через много лет отозвалась болью в душе Кайсына Кулиева. «Так он близок мне, так мне дорог, словно жили в одной мы сакле,— говорил Кайсын.— Был убит певец доброты, друг детей великой планеты». Поэта, враждебного реакции, можно расстрелять, но идею, за которую он боролся, убить нельзя, как невозможно уничтожить поэзию. Лорка выполнил свой высокий поэтический долг перед своей Родиной и народом: своим искусством он утверждал народные демократические начала жизни. Песни его, «словно ракеты, распороли тучу ночную. Был их путь лучезарный волен. Мир для них безбрежно просторен». Каждая строка этого стихотворения вырастала из совершенно определенных кулиевских переживаний, связанных с гибелью испанского поэта. Затаенная мечта о мщении тем, кто безжалостно расправился с Лоркой, проявилась в таких строфах:

С палачами надо сражаться —
Иль задушат они поэзию.
Вот зачем,
Воспевая розу,
Прославлял я кинжала лезвие![67]

Перевел *Д. Голубков*

В этом стихотворении за каждым словом чувствовалась подлинная действительность беспощадной борьбы двух полюсов — мира добра, милосердия и красоты («Мир, который непобедим!»), от имени которого Кулиев заявлял: «Лорка, друг мой! Твоим убийцам не позволим мы убивать!», и мира бессмысленной жестокости и насилия над человеческой личностью, поддерживавшего и по сей день террористические акты различных мафий, племен, сект. Этим миром убит великий поэт, «был убит он врага-

[67] *Кулиев К.* Благодарю солнце. М.: Мол. гвардия, 1969. С 35.

ми поэзии, ненавидящими рассвет. Был загублен врагами песен, был расстрелян врагами вёсен». Стихотворение с огромной силой утверждало правоту и необходимость той смелой и беззаветной борьбы с темными силами реакции, которую самоотверженно вели и ведут и сейчас во многих странах мира. Жестокая расправа представителей реакционного режима с талантливым художником Испании явилась стимулом к обобщению пережитого Кулиевым в трагические дни Второй мировой войны. Поэт не переставал думать о судьбе Лорки, поэтому он уверенно сказал:

Я за тебя,
За тебя сражался с фашистами,
И за всех поэтов, загубленных
На войне, я дрался и выстоял!

Стихотворение «Я мог бы сражаться в Мадриде» тоже относится к «испанской» тематике, к тем событиям, которые происходили в 1936 году. Оно является поэтическим выражением пламенных, душевных чувств Кайсына Шуваевича Кулиева. Так оно и было тогда: талантливый венгерский писатель и отважный революционер Мате Залка сложил свою голову на испанской земле, воевал там и Эрнест Хемингуэй, погибли за свободу Испании и молодые английские поэты Джулиан Белли и Джон Корнфорд, писатель и критик Ральф Фокс. Чувство романтической солидарности звало, вело в бой. Советские добровольцы в Интернациональных бригадах до последнего дня вместе с испанцами защищали баррикады и небо Мадрида. Эта незабываемая эпопея боевого братства с борцами за свободу Испании прошла через сердце поэта Кайсына Кулиева и его романтические устремления:

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть[68].

Перевел *М. Дудин*

Лирический герой этого стихотворения — человек романтического склада, выступающий носителем гуманной идеи братства людей труда, борющихся за свободу и не-

[68] *Кулиев К.* Раненый камень. М., 1968. С. 128.

зависимость родины. Он готов в любую минуту прийти на помощь боевым братьям, которых не оставит в беде во имя человеколюбия и долга.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:
Лик мужества ясен и светел.
Чужбины для подвига нет.

Во имя высшей гуманной цели, ради жизни на земле воины различных национальностей сражались с фашизмом у стен Мадрида, умирали вместе с монгольскими воинами на Халхин-Голе, проливали кровь на земле Парижа, Вены и остались навечно лежать в берлинском Трептовпарке, на Ольшанском кладбище в Праге и во многих других городах Европы. «Чтобы преградить путь войнам, отстоять вековую мечту о счастье, Кайсын Кулиев готов быть солдатом свободы в любом уголке планеты,— писал народный поэт Белоруссии Аркадий Кулешов,— а если придется, то и погибнуть за правое дело, ибо — «лик мужества ясен и светел. Чужбины для подвига нет». Эти слова для Кулиева — не громкие фразы, а оружие, выхваченное из сердца».

Я мог бы в Мадриде сражаться:
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

Обращаясь к урокам истории в стихах зарубежной тематики, к тому, что выстрадано народами, Кулиев не случайно прибегал к светлому образу мировой литературы — Прометею, рожденному вдохновением устного народного творчества («Монолог Прометея»). В этом стихотворении поэт напоминал, что люди ответственны перед Вселенной и не должны быть равнодушными к тревогам времени:

Когда я слышу ржи горящей шорох,
Когда я вижу зарево во мгле,
Терплю я боль, в сравнении с которой
Ничто мое распятье на скале.

. . . . . .

Я заклинаю, мы за все в ответе.
Огонь уже родил довольно слез.
Он в силах уничтожить все на свете,
Я это знаю — я его принес[69].

Перевел *Н. Гребнев*

Тематика стихов о зарубежье Кайсына Кулиева очень разнообразна. Его волновало все: проблемы гуманизма и социальная справедливость, вопросы человеческого бытия — счастье людей, их мужество и терпимость, стремление к борьбе за свободу и равноправие, взаимоотношения личности и общества, поэта и власти, людей друг с другом («легко любить все человечество, соседа полюбить трудней...»), сущность человека, его место и роль в историческом процессе.

Поэзия Кайсына Кулиева — это барометр, фиксирующий изменения в общественно-политической жизни второй половины XX века. В ней отражены радость, боль и надежда человечества и призывы к более высоконравственному устройству общества, к этнопланетарному и вселенскому единству людей.

---

[69] *Кулиев К.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 3. С. 256.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Часть I. Друзья Кайсына Кулиева 11

Борис Пастернак и Кайсын Кулиев 13
Дмитрий Кедрин и Кайсын Кулиев 31
Алим Кешоков и Кайсын Кулиев 44
Михаил Дудин и Кайсын Кулиев 59
Керим Отаров и Кайсын Кулиев 80
Александр Твардовский и Кайсын Кулиев 100
Николай Тихонов и Кайсын Кулиев 120
Мустай Карим и Кайсын Кулиев 129
Давид Кугультинов и Кайсын Кулиев 144
Расул Гамзатов и Кайсын Кулиев 160
Назир Хубиев и Кайсын Кулиев 184
Валентина Брайловская и Кайсын Кулиев 199

Часть II. Друзья К. Кулиева из бывших союзных республик СССР 217
Кайсын Кулиев и Киргизия 219
Кайсын Кулиев и Армения 252
Кайсын Кулиев и Грузия 301
Кайсын Кулиев и Узбекистан 333
Кайсын Кулиев и Азербайджан 357
Кайсын Кулиев и Казахстан 375
Кайсын Кулиев и Украина 392
Кайсын Кулиев и Туркмения 428
Кайсын Кулиев и Белоруссия 443
Кайсын Кулиев и Таджикистан 461
Кайсын Кулиев и Прибалтика 473

Часть III. Зарубежные Восток и Запад в творчестве Кулиева . . 497

Кайсын Кулиев в зарубежной критике 499
Тематика зарубежных стихов Кайсына Кулиева . . . 524

Художественно-публицистическое издание

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Архив». Выпуск 6

Тамара Емельяновна Эфендиева
Салих Ибрагимович Эфендиев
Фуад Салихович Эфендиев

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ

Друзья поэта

Том 3

Художник *М. М. Горлов*
Технический редактор *Л. И. Прокопенко*
Корректор *Е. Е. Терушкина*

ЛР № 010238 от 22.07.97

Сдано в набор 07.09.99. Подписано в печать 10.10.2000. Формат $84\times108^{1}/_{32}$ Печать высокая. Гарнитура литературная. Бумага писчая. № 1. Усл. п. л. 28,98+вкл. 1,68. Уч.-изд. л. 30,04+вкл. 1,66. Тираж 750 экз. Заказ № 2502.

Издательский центр «Эль-Фа»
Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.
Министерства печати и информации КБР
360000, КБР, Нальчик, пр. Ленина, 33